UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00863790 2

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1964

This "O-P Book" Is an Authorized Reprint of the Original Edition, Produced by Microfilm-Xerography by University Microfilms, Inc., Ann Arbor, Michigan, 1964

ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЦЕРКВИ.

Макарій
Митрополитъ Московскій.

ИСТОРІЯ РУССКОЙ ЦЕРКВИ

МАКАРІЯ,

митрополита московскаго и коломенскаго.

ТОМЪ XII.

ПАТРІАРШЕСТВО ВЪ РОССІИ.

Книга III.

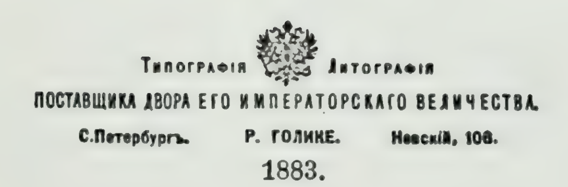
ИСТОРІЯ
РУССКОЙ ЦЕРКВИ

МАКАРІЯ,
МИТРОПОЛИТА МОСКОВСКАГО И КОЛОМЕНСКАГО.

ТОМЪ XII.

ПАТРІАРШЕСТВО ВЪ РОССІИ.

КНИГА III.



Типографія Литографія
ПОСТАВЩИКА ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА.
С.Петербургъ. Р. ГОЛИКЕ. Невскій, 106.
1883.

LIBRARY
APR 6 1965
UNIVERSITY OF TORONTO
972696

От С.-Петербургскаго Комитета Духовной Цензуры печатать позволяется. С.-Петербургъ, Сентября 24 дня 1882 года.

Цензоръ Архимандритъ *Іеронимъ*.

Мнѣ извѣстно было, что братомъ моимъ, въ Бозѣ почившимъ Высокопреосвященнымъ Макаріемъ, митрополитомъ московскимъ, вначалѣ 1882 года законченъ былъ XII-й томъ Исторіи Русской Церкви, но печатаніе его отложено было до осени того же года.

Послѣ неожиданной кончины брата моего, послѣдовавшей 9-го іюня 1882 года, между бумагами его я нашелъ собственноручныя его рукописи всего XII-го и начала XIII-го томовъ Исторіи Русской Церкви. Двѣнадцатый томъ не имѣлъ лишь оглавленія, которое и составлено мною. При этомъ на отдѣльномъ листѣ, моимъ покойнымъ братомъ собственноручно, карандашемъ. былъ начертанъ слѣдующій планъ тринадцатаго тома:

ГЛАВА III. Большой соборъ въ Москвѣ, низложеніе патріарха Никона и новый патріархъ Іоасафъ II: I) Судъ надъ патріархомъ Никономъ и его низложеніе; II) Патріархъ Іоасафъ II-й и дѣянія большаго собора при участіи патріарха Іоасафа, изложенныя въ «книгѣ соборныхъ дѣяній»; III) Другія дѣянія собора и самого патріарха Іоасафа II-го: а) дѣла Іоасафа и патріарховъ касательно соловецкаго монастыря, —б) дѣла всѣхъ ихъ по кіевской митрополіи, — в) дѣла ихъ касательно Никона; IV) Состояніе Русской Церкви при патріархахъ Никонѣ и Іоасафѣ II. **ГЛАВА IV. Три послѣдніе патріарха московскіе и всея Россіи.**

По этому плану написаны покойнымъ Высокопреосвященнымъ только двѣ первыя статьи изъ III-й

главы, которою начатъ былъ XIII-й томъ Исторіи Русской Церкви: эти двѣ статьи и напечатаны въ концѣ XII-го тома.

При этомъ XII томѣ Исторіи Русской Церкви прилагается и портретъ покойнаго Высокопреосвященнаго автора.

Издатель, Протоіерей Александръ Булгаковъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ОТДѢЛЪ II.

ПАТРІАРШЕСТВО МОСКОВСКОЕ И ВСЕЯ ВЕЛИКІЯ И МАЛЫЯ И БѢЛЫЯ РОССІИ,—ВОЗСОЕДИНЕНІЕ ЗАПАДНО-РУССКОЙ ЦЕРКВИ СЪ ВОСТОЧНО-РУССКОЮ.

ГЛАВА I.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ—ДО ОСТАВЛЕНІЯ ИМЪ КАѲЕДРЫ: ВРЕМЯ УПРАВЛЕНІЯ ЕГО ЦЕРКОВІЮ.

стр.

II. Патріархъ Никонъ въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ, и начало русскаго раскола, именующаго себя старообрядствомъ.

III. Патріархъ Никонъ въ его стремленіяхъ къ утвержденію независимости русской церкви и патріаршей въ ней власти, и три основанные имъ монастыря.

ГЛАВА II.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ ДО ЕГО НИЗЛОЖЕНІЯ И ВРЕМЯ МЕЖДУПАТРІАРШЕСТВА.

I. Положеніе патр. Никона, по оставленіи имъ каѳедры, и смуты отъ него и изъ-за него въ Москвѣ.

СТР.

СТР.

стр.

II. **Нестроенія и смуты въ западно-русской митрополіи.**

I. Судъ надъ Никономъ и его низложеніе.

ОТДѢЛЪ II.

ПАТРІАРШЕСТВО МОСКОВСКОЕ И ВСЕЯ ВЕЛИКІЯ И МАЛЫЯ И БѢЛЫЯ РОССІИ,—ВОЗСОЕДИНЕНІЕ ЗАПАДНО-РУССКОЙ ЦЕРКВИ СЪ ВОСТОЧНО-РУССКОЮ.

ГЛАВА I.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ—ДО ОСТАВЛЕНІЯ ИМЪ КАѲЕДРЫ: ВРЕМЯ УПРАВЛЕНІЯ ЕГО ЦЕРКОВІЮ.

Когда скончался патріархъ Іосифъ (15 апр. 1652 г.), всѣ въ Москвѣ могли догадываться, что преемникомъ его на патріаршей каѳедрѣ будетъ не кто другой, какъ новгородскій митрополитъ Никонъ, который и при жизни Іосифа былъ главнымъ совѣтникомъ царя Алексѣя Михайловича въ дѣлахъ церковныхъ и возвышался надъ всѣми сколько своими личными достоинствами, столько же или даже болѣе неограниченною довѣренностію и любовію къ нему государя. Никону пророчили патріаршество еще въ то время, лишь только онъ сдѣлался митрополитомъ. Сохранилось сказаніе, что когда онъ, прибывъ въ Новгородъ, поѣхалъ въ хутынскій монастырь къ проживавшему тамъ на покоѣ своему предмѣстнику, митрополиту Аѳонію, мужу святой жизни, но, по

старости и безпамятству, добровольно оставившему свою каѳедру, и началъ просить у него себѣ благословенія, то Аѳоній отвѣчалъ: «ты меня благослови», и, послѣ долгаго препирательства между ними объ этомъ, сказалъ наконецъ: «благослови меня, патріарше». Никонъ замѣтилъ: «нѣтъ, отче святый, я грѣшный митрополитъ, а не патріархъ»... «Будешь патріархомъ и благослови меня», пояснилъ свою мысль Аѳоній, и дѣйствительно первый принялъ благословеніе отъ Никона, а затѣмъ благословилъ его. Для подобнаго предсказанія о патріаршествѣ Никона было уже тогда достаточно основаній. Но случилось такъ, что, послѣ кончины патріарха Іосифа, довольно долго Никона не было въ Москвѣ: онъ путешествовалъ въ соловецкій монастырь, чтобы перенести оттуда въ столицу мощи святителя Филиппа. И нашлись люди, которые хотѣли воспользоваться отсутствіемъ Никона и не допустить его до патріаршаго престола. Извѣстный протопопъ Юрьевца-Повольскаго Аввакумъ разсказываетъ въ своей автобіографіи, что духовникъ государевъ,—тоже лице, имѣвшее великую силу у Алексѣя Михайловича,—протопопъ благовѣщенскаго собора Стефанъ Вонифатьевъ цѣлую седмицу постился «съ братіею» и молился Богу о дарованіи Россіи новаго патріарха. И, по окончаніи седмицы, братія, вмѣстѣ съ казанскимъ митрополитомъ Корниліемъ, подали, за собственноручными подписями, царю и царицѣ челобитную «о духовникѣ Стефанѣ, чтобъ ему быть въ патріархахъ». Кто же были эти люди, которыхъ Аввакумъ называетъ «братіею»? Это были, какъ видно изъ автобіографіи и изъ другихъ сочиненій Аввакума, протопопъ казанскаго собора въ Москвѣ Иванъ Нероновъ, человѣкъ весьма сильный въ московскомъ

духовенствѣ и близкій къ царю, самъ онъ — протопопъ Аввакумъ, протопопы — костромскій Даніилъ и муромскій Логгинъ, и вообще тѣ самыя лица, которыя явились впослѣдствіи первыми противниками Никона въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ и первыми виновниками раскола. Такимъ образомъ еще прежде, нежели Никонъ сдѣлался патріархомъ, люди эти уже питали къ нему чувства непріязни, хотя онъ въ то время, по свидѣтельству самого Аввакума, былъ и считался ихъ другомъ. Эти люди, особенно Вонифатьевъ и Нероновъ, привыкшіе, при слабомъ патріархѣ Іосифѣ, заправлять дѣлами въ церковномъ управленіи и судѣ, желали и теперь удержать за собою всю власть надъ церковію, и не безъ основанія опасались Никона, достаточно ознакомившись съ его характеромъ. Зналъ ли, или не зналъ Вонифатьевъ о челобитной, поданной о немъ «братіею» царю и царицѣ, но онъ имѣлъ настолько благоразумія, что отказался отъ чести, ему испрашиваемой, и даже самъ будтобы указалъ царю на митрополита Никона, какъ достойнѣйшаго кандидата для занятія патріаршей каѳедры. Тогда царь отправилъ къ Никону посланіе (это было уже къ концу мая), въ которомъ, извѣщая его о смерти патріарха Іосифа и величая самого Никона своимъ «возлюбленнымъ любимцемъ и собеннымъ другомъ, душевнымъ и тѣлеснымъ», писалъ къ нему: «возвращайся, Господа ради, поскорѣе къ намъ обирать на патріаршество именемъ Ѳеогноста (т. е. Богу извѣстнаго), а безъ тебя отнюдь ни за что не примемся», и еще далѣе: «и ты, владыко святый, помолись, чтобъ Господь Богъ нашъ далъ намъ пастыря и отца, кто Ему — Свѣту годенъ, имя вышеписанное; а ожидаемъ тебя, великаго святителя, къ

выбору; а сего мужа три человѣка вѣдаютъ: я, да казанскій митрополитъ, да отецъ мой духовный (т. е. Вонифатьевъ), тай не въ примѣръ, а сказываютъ: святъ мужъ». Никонъ, безъ сомнѣнія, понималъ, что рѣчь была о немъ. И, возвратившись въ Москву 9-го іюля, когда принесены были въ нее мощи святителя Филиппа, спѣшилъ съ поклонами и ласками къ своимъ друзьямъ, Вонифатьеву и прочей братіи, чтобы не случилось ему отъ нихъ какой помѣхи достигнуть патріаршества. Такъ, по крайней мѣрѣ, разсказываетъ Аввакумъ ([1]).

Для избранія новаго патріарха составленъ былъ «Чинъ», по которому оно должно было совершиться. Въ Чинѣ говорилось, что благочестивый царь, не желая видѣть церковь какбы вдовствующею, разослалъ граматы во всѣ концы своего государства, ко всѣмъ святителямъ и, извѣщая ихъ о смерти патріарха Іосифа, приглашалъ ихъ собраться въ Москву для избранія новаго верховнаго пастыря, и что, вслѣдствіе этого, въ Москву прибыли четыре митрополита: новгородскій Никонъ, казанскій Корнилій, ростовскій Варлаамъ, сарскій Серапіонъ и три архіепископа: вологодскій Маркеллъ, суздальскій Серапіонъ и рязанскій Мисаилъ, со множествомъ архимандритовъ, игуменовъ, протоіереевъ и священниковъ, а прочіе архіереи, которые почему либо не могли придти, при-

---

([1]) *Шушерин*. Житіе Никона, стр. 11, Москв. 1871; *Аввакум*. Автобіогр. его—въ Матеріал. для исторіи раскола, издав. братствомъ св. Петра митрополита, т. V, стр. 17—19; А. Э. IV, № 57, стр. 77. 81. Протопопъ Иванъ Нероновъ также говорилъ впослѣдствіи самому Никону отъ лица своей братіи, что до патріаршества онъ былъ ихъ другомъ, и не прекословилъ, когда, по совѣту государева духовника Стефана, назначались лица въ митрополиты, архіепископы, епископы, въ архимандриты, игумены и протопопы (Матер. для исторіи раскола, I, 47).

слали священному собору повольныя грамоты о своемъ согласіи. Собравшимся святителямъ царь приказалъ «ко избранію на патріаршескій престолъ написати двѣнадцать мужей духовныхъ». Святители исполнили волю царя, и, написавши, «прислаша къ нему имена 12-ти духовныхъ мужей». Іюля въ 22-й день послалъ царь своего боярина Василія Васильевича Бутурлина да думнаго дьяка Волошенинова сказать святителямъ и всему собору, чтобы они изъ тѣхъ 12-ти мужей избрали одного достойнѣйшаго быть патріархомъ, «мужа благоговѣйнаго и преподобнаго», и потомъ пришли въ золотую палату извѣстить о томъ государю. Святители, со всѣмъ соборомъ, исполнили и эту царскую волю, и когда пришли въ золотую палату, то казанскій митрополитъ Корнилій возвѣстилъ государю отъ лица всѣхъ, что они изъ 12-ти духовныхъ мужей избрали на патріаршій престолъ Никона, митрополита новгородскаго, а затѣмъ предложилъ государю идти, «для такова великаго дѣла», въ соборную церковь и помолиться, чтобы Господь Богъ, по предстательству пресв. Богородицы и св. чудотворцевъ московскихъ, «то великое дѣло совершилъ». Государь велѣлъ впередъ идти въ соборную церковь святителямъ съ прочимъ духовенствомъ и, переговоривъ съ своими боярами объ избраніи патріарха, пошелъ туда и самъ. Въ церкви совершены были всѣмъ соборомъ молебствія: Пресв. Троицѣ, духамъ безплотнымъ, пресв. Богородицѣ съ акаѳистомъ, св. апостоламъ и св. чудотворцамъ московскимъ — Петру, Алексію, Іонѣ и Филиппу. По окончаніи молебствій, царь, посовѣтовавшись съ Корниліемъ казанскимъ и со всѣмъ соборомъ, послалъ «по новоизбраннаго патріарха» на новгородское подворье митрополита сарскаго да архіепископа ря-

занскаго, и съ ними боярина Бутурлина, окольничаго князя Ромодановскаго и думнаго дьяка Волошенинова. Такъ все это должно было происходить по напередъ-составленному Чину избранія, и нѣтъ основанія сомнѣваться, что такъ дѣйствительно и происходило. Но за симъ послѣдовало неожиданное отступленіе отъ «Чина». По Чину предполагалось, что, какъ только Никонъ услышитъ отъ посланной къ нему депутаціи повелѣніе государя явиться въ соборную церковь по случаю избранія его на патріаршество, онъ тотчасъ явится, скажетъ рѣчь государю, приметъ отъ него и отъ всѣхъ поздравленіе и проч. Вышло однакожъ не такъ: Никонъ не захотѣлъ идти въ соборную церковь, — о чемъ депутація и возвѣстила царю и всему собору. Посылали за Никономъ еще не однажды, не дважды, а много разъ: Никонъ не покорялся. Послалъ, наконецъ, государь главнѣйшихъ своихъ бояръ и архіереевъ, чтобы они взяли Никона противъ его воли и привели на соборъ: Никонъ былъ приведенъ. И началъ царь со всѣмъ своимъ синклитомъ, духовенствомъ и народомъ умолять Никона, да будетъ патріархомъ въ Москвѣ и Россіи; но Никонъ не соглашался, называя себя смиреннымъ, неразумнымъ и не могущимъ пасти словесныхъ овецъ стада Христова. Прошло много времени въ напрасныхъ мольбахъ. Наконецъ, царь и всѣ присутствовавшіе въ церкви пали на землю и со слезами молили Никона принять патріаршество. И не вытерпѣлъ Никонъ, при видѣ царя въ такомъ положеніи, заплакалъ самъ вмѣстѣ со всѣми и, вспомнивъ, что сердце царя, по писанію, въ руцѣ Божіи, обратился къ нему и ко всѣмъ, находившимся въ церкви, съ такими словами: «вы знаете, что мы отъ начала приняли св. евангеліе,

вѣщанія св. апостоловъ, правила св. отцевъ и царскіе законы изъ православной Греціи, и потому называемся христіанами, но на дѣлѣ не исполняемъ ни заповѣдей евангельскихъ, ни правилъ св. апостоловъ и св. отцевъ, ни законовъ благочестивыхъ царей греческихъ... Если вамъ угодно, чтобы я былъ у васъ патріархомъ, дайте мнѣ ваше слово и произнесите обѣтъ въ этой соборной церкви предъ Господомъ и Спасителемъ нашимъ и Его пречистою Матерію, ангелами и всѣми святыми, что вы будете содержать евангельскіе догматы и соблюдать правила св. апостоловъ и св. отцевъ и законы благочестивыхъ царей. Если обѣщаетесь слушаться и меня, какъ вашего главнаго архипастыря и отца, во всемъ, что буду возвѣщать вамъ о догматахъ Божіихъ и о правилахъ, въ такомъ случаѣ я, по вашему желанію и прошенію, не стану болѣе отрекаться отъ великаго архіерейства». Тогда царь, и всѣ бояре, и весь освященный соборъ произнесли предъ св. Евангеліемъ и предъ св. чудотворными иконами обѣтъ исполнять все, что предлагалъ Никонъ. И Никонъ, призвавъ во свидѣтели Господа, пресв. Богородицу, ангеловъ и святыхъ, изрекъ свое согласіе быть патріархомъ. Правда, все это объ избраніи Никона мы знаемъ только изъ его собственнаго разсказа. Но, излагая этотъ разсказъ, Никонъ говорилъ: «Господь Богъ свидѣтель есть, яко тако бысть», и смѣло повторялъ этотъ разсказъ предъ самимъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ и предъ своими врагами, которые могли бы обличить его въ неправдѣ, а еще прежде смѣло указывалъ на это событіе даже въ печатныхъ богослужебныхъ книгахъ (²).

(²) Выходы Государей, стр. 261; Письмо Никона къ цареград. патріарху

Іюля 23-го происходило нареченіе новоизбраннаго патріарха по прежде-составленному Чину, а 25-го Никонъ посвященъ былъ въ санъ патріарха казанскимъ митрополитомъ Корниліемъ и другими архіереями въ успенскомъ соборѣ, въ присутствіи самого государя. Въ тотъ же день царь давалъ обѣдъ въ грановитой палатѣ для новаго патріарха и всѣхъ духовныхъ властей, при чемъ находились и нѣкоторые знатнѣйшіе бояре. Въ обычное время Никонъ вставалъ изъ-за стола и ѣздилъ кругомъ кремля на осляти,—а осля подъ патріархомъ водили бывшіе съ нимъ за столомъ бояре: князь Алексѣй Трубецкій, князь Ѳедоръ Куракинъ, князь Юрій Долгорукій, и окольничіе: князь Димитрій Долгорукій, да Прокопій Соковнинъ. Святители, участвовавшіе въ поставленіи патріарха Никона, дали ему настольную грамату, за своими подписями и печатями, и въ ней, между прочимъ, сказали: «съ великою нуждею умолиша его на превысочайшій святительскій престолъ»,—чѣмъ подтвердили его собственное

Діонисію, въ Записк. Отдѣленія русской и славян. Археологіи, II, 511—513; Возраженія Никона Стрѣшневу и Паисію 1 и 26, тамъ же, стр. 480—481; Предисл. къ Служебнику 1655 г.—въ Прибавл. къ Опис. старопечат. книгъ графа Толстова и Царск., № 89. Чинъ избранія, нареченія и посвященія патр. Никона сохранился, въ подлинникѣ, доселѣ (Москов. главн. архив. мин. иностр. дѣлъ, дѣла духовныя, годъ 7160 (1652), іюль). Послѣ этого все, что сказано въ Житіи суздальскаго митрополита Иларіона, составленномъ не раньше начала XVIII вѣка, будто вмѣстѣ съ Никономъ избраны были на патріаршество еще два кандидата, іеромонахъ спасо-преображенскаго монастыря на Юнгѣ Антоній и третій, неизвѣстный по имени, будто брошенъ былъ жребій, кому изъ нихъ быть патріархомъ, будто жребій палъ на Антонія, и Антоній только по старости и болѣзни отказался отъ такой чести и уступилъ ее Никону, все это не заслуживаетъ никакого вниманія (Житіе Иларіона, митроп. суздальскаго, стр. 5, Казань, 1868).

о томъ сказанье ([3]). Никону едва исполнилось тогда 47 лѣтъ отъ рожденія, и онъ вступилъ на патріаршій престолъ еще во всей крѣпости своихъ силъ.

Патріаршествованіе Никона составляетъ эпоху въ исторіи нашей церкви. При немъ началось соединеніе двухъ частей ея, двухъ бывшихъ митрополій, западно-русской, кіевской и восточно-русской, московской, которыя раздѣлены были около двухъ столѣтій,—соединеніе, совершавшееся потомъ медленно и постепенно впродолженіе значительнаго времени. И Никонъ первый началъ называться патріархомъ «московскимъ и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи». При немъ и при его главномъ участіи дѣйствительно началось вполнѣ вѣрное и надежное, по своимъ основамъ, исправленіе нашихъ церковныхъ книгъ и обрядовъ, какого прежде у насъ почти не бывало, продолжавшееся и при его преемникахъ, и вслѣдъ за тѣмъ начался и русскій расколъ глаголемаго старообрядства, продолжающійся доселѣ. При Никонѣ или, вѣрнѣе, самимъ Никономъ сдѣлана была самая смѣлая изъ всѣхъ, когда либо у насъ бывшихъ, и рѣшительная попытка отстоять

([3]) Дворцов. Разряды, III, 322—323; Выходы государей, стр. 261. О нареченіи и посвященіи патр. Никона изложено, со всею подробностію, въ вышеупомянутомъ Чинѣ (см. примѣч. 2). Копія настольной граматы, данной патр. Никону—въ Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла духовн., годъ 7160 (1652), іюль. Въ этой граматѣ перечислены всѣ двѣнадцать мужей, первоначально избранные въ кандидаты на патріаршество, именно: два митрополита — новгородскій Никонъ и казанскій Корнилій; три архіепископа: вологодскій Маркеллъ, рязанскій Мисаилъ и псковскій Макарій; шесть архимандритовъ монастырей: чудова Ѳерапонтъ, андроніева Сильвестръ, Саввы-сторожевскаго Гермогенъ, нижегородскаго печерскаго Стефанъ, ростовскаго богоявленскаго Іона, суздальскаго спасскаго Іосифъ, и одинъ игуменъ — боровскаго пафнутіева монастыря Павелъ.

самостоятельность и независимость русской церкви отъ свѣтской власти, хотя и кончившаяся для него неудачно. При Никонѣ чаще, чѣмъ когда либо, происходили сношенія русской церкви съ греческою по дѣламъ церковнымъ, чаще, чѣмъ когда либо, пріѣзжали къ намъ высшіе греческіе іерархи и, при ихъ участіи, совершались у насъ такіе соборы, какихъ ни прежде, ни послѣ у насъ не бывало. Да и самъ Никонъ, съ его необыкновеннымъ умомъ и характеромъ и съ его необыкновенною судьбою, представляетъ собою такое лице, которое рѣзко выдается въ ряду другихъ нашихъ патріарховъ и всѣхъ, когда либо бывшихъ въ нашей церкви первосвятителей.

Патріаршествованіе Никона продолжалось всего четырнадцать лѣтъ и четыре съ половиною мѣсяца. Но изъ нихъ онъ только шесть лѣтъ былъ дѣйствительнымъ патріархомъ московскимъ и всея Россіи и управлялъ церковію, пока самовольно не оставилъ своей каѳедры. Остальныя же восемь лѣтъ онъ уже не былъ и не назывался патріархомъ московскимъ и всея Россіи, а считалъ себя только патріархомъ, и не управлялъ церковію, но не переставалъ вмѣшиваться въ ея управленіе и дѣлать попытки къ возвращенію себѣ прежней власти, пока не былъ совсѣмъ низложенъ и лишенъ сана (4).

(4) Ни объ одномъ изъ нашихъ патріарховъ не сохранилось столько извѣстій, какъ о патріархѣ Никонѣ, и никто столько не потрудился надъ собираніемъ матеріаловъ для его исторіи, сколько потрудился извѣстный англійскій ученый Пальмеръ. Онъ посвятилъ этому дѣлу десятки лѣтъ, и все собранное имъ о Никонѣ на русскомъ и другихъ языкахъ перевелъ на англійскій, и напечаталъ, вмѣстѣ съ своими оригинальными соображеніями о значеніи дѣятельности Никона и о послѣдствіяхъ его низложенія, въ шести большихъ томахъ, подъ заглавіемъ: The Patriarch and the Tsar. By *William*

I.

На религіозную унію смотрѣло польское правительство, по крайней мѣрѣ, въ началѣ, какъ на лучшее средство, чтобы скрѣпить политическую унію двухъ главныхъ народовъ, входившихъ въ составъ Польши, русскихъ и поляковъ, разрозненныхъ по вѣрѣ, и чтобы совершенно и навсегда отторгнуть этихъ русскихъ отъ Москвы, куда невольно влекло ихъ православіе, содержимое ими и процвѣтавшее въ Москвѣ. А между тѣмъ послѣдствія скоро показали, что эта самая унія религіозная, которую съ такимъ рвеніемъ старались навязать русскимъ въ Польшѣ, всего болѣе отталкивала ихъ отъ Поль-

---

Palmer. London, 1871 — 1876. Здѣсь помѣщены цѣлыя сочиненія: а) самого *Никона* «Возраженія на вопросы боярина Стрѣшнева и отвѣты Паисія Лигарида»; б) *Павла алеппскаго* «Путешествіе антіохійскаго патріарха Макарія» (за исключеніемъ главъ, вовсе не касающихся Россіи); в) *Паисія Лигарида* «Исторія бывшаго въ Москвѣ собора на патр. Никона». Помѣщены обширныя выписки или даже цѣлые отдѣлы изъ сочиненій: а) *Шушерина* «Извѣстіе о рожденіи и житіи патр. Никона»; б) священника *Михайловскаго* «Жизнь святѣйшаго Никона, патріарха всероссійскаго»; в) *Соловьева* «Исторія Россіи (т. XI)»; г) *Субботина* «Дѣло патр. Никона», и другихъ русскихъ писателей. Наконецъ, помѣщены, особенно въ приложеніяхъ, не только всѣ печатные акты, касающіеся Никона, изданные въ Собраніи государственныхъ грамотъ, въ Актахъ археографич. Экспедиціи и Коммисіи, въ Запискахъ отдѣленія русск. и слав. археологіи, т. II, и въ другихъ подобныхъ сборникахъ, но и многіе доселѣ неизданные документы, находящіеся въ московской синодальной библіотекѣ. Мы имѣли возможность пользоваться всѣми этими матеріалами для исторіи Никона не въ англійскомъ переводѣ Пальмера, а на русскомъ языкѣ, въ ихъ подлинномъ текстѣ, или въ русскихъ переводахъ (соч. Павла алепп. и Паисія Лигарида); а кромѣ того пользовались и многими другими, непомѣщенными у Пальмера, рукописными матеріалами изъ московской синодальной библіотеки, изъ московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ и изъ государственнаго архива въ С.-Петербургѣ, какъ увидятъ читатели изъ нашихъ примѣчаній.

ши, всего болѣе заставляла ихъ устремлять свои взоры на единоплеменную и единовѣрную Москву и желать, искать возсоединенія съ нею. Первый православный митрополитъ въ западно-русскомъ краѣ, послѣ введенія тамъ уніи, Іовъ Борецкій, какъ мы видѣли, уже присылалъ въ Москву своего посла съ просьбою къ государю, чтобы онъ принялъ Малороссію подъ свою высокую руку. Посолъ этотъ свидѣтельствовалъ: «у насъ та мысль крѣпка, мы всѣ подъ государевою рукою быть хотимъ». Второй митрополитъ Исаія Купинскій также обращался къ московскому царю и патріарху съ просьбою—выслать ему св. мощей, пожаловать ему архіерейскую ризницу и не отвергнуть его въ случаѣ, если свирѣпствующія гоненія за вѣру заставятъ его искать себѣ убѣжища въ православной московской державѣ. При третьемъ митрополитѣ Петрѣ Могилѣ дѣйствительно бѣжали изъ Малороссіи отъ гоненія ляховъ на православную вѣру цѣлыхъ два монастыря, густынскій и лядинскій, и нашли себѣ пріютъ въ московскихъ предѣлахъ, по волѣ государя; а самъ Могила нѣсколько разъ сносился съ московскимъ царемъ, и просилъ матеріальныхъ пособій себѣ и кіевскимъ церквамъ и монастырямъ, равно богослужебныхъ книгъ и разной церковной утвари. Наконецъ то, чего такъ ясно желалъ Іовъ Борецкій и въ чемъ сознавали нужду два его преемника, исполнилось при четвертомъ православномъ митрополитѣ западно-русскаго края.

Когда Петра Могилы не стало (въ ночь на 1-е генваря 1647 г.), кіевская, митрополитская, софійская капитула разослала по всей митрополіи листы къ православному духовенству и дворянамъ, приглашая ихъ къ 25 февраля въ Кіевъ

на выборы новаго первосвятителя. Въ назначенный день всѣ прибывшіе собрались въ софійскій каѳедральный соборъ, и здѣсь единодушно и единогласно, безъ всякаго противорѣчія, избрали на митрополію епископа мстиславскаго, оршанскаго и могилевскаго Сильвестра Коссова, какъ «извѣстнаго древностію своего рода, высокими достоинствами, благочестіемъ и расторопностію, а вмѣстѣ горячностію и твердостію въ православной вѣрѣ», и обязались повиноваться ему, какъ своему архипастырю, и просить короля, чтобы утвердилъ избраннаго ими митрополита своею привиллегіею. Актъ избранія подписали болѣе двадцати духовныхъ особъ и до пятидесяти свѣтскихъ. Въ числѣ духовныхъ находились: Аѳанасій Пузына— епископъ луцкій, Иннокентій Гизель, ректоръ кіево-братскаго коллегіума, бывшіе сослуживцы Коссова по тому же коллегіуму; Исаія Трофимовичъ Козловскій — игуменъ никольскій, Игнатій Оксеновичъ Старушичъ—игуменъ выдубицкій, и Іосифъ Кононовичъ Горбацкій — игуменъ михайловскій, многіе другіе настоятели и намѣстники монастырей, протоіереи и священники. Во главѣ свѣтскихъ подписался Адамъ Кисель— кастелянъ кіевскій; за нимъ слѣдовали три князя Четвертинскіе, валашскій господарь Моисей Могила, родной братъ скончавшагося митрополита Петра Могилы, и другіе. Будучи избранъ на митрополитскую каѳедру, Сильвестръ Коссовъ не могъ быть избранъ вмѣстѣ и на другую важную должность, которую занималъ его предмѣстникъ, на должность архимандрита кіевопечерской лавры: такъ какъ должность эта была предоставлена королемъ Владиславомъ только лично Петру Могилѣ до его живота. И братія лавры, на основаніи давняго своего права, пригласивъ къ себѣ ближайшихъ къ Кіеву

дворянъ, еще 25 генваря избрали себѣ настоятелемъ человѣка, котораго рекомендовалъ имъ предъ своею кончиною самъ Петръ Могила, именно старшаго (игумена) виленскаго святодухова братскаго монастыря — Іосифа Тризну, который происходилъ изъ знатнаго стариннаго рода, съ раннихъ лѣтъ былъ постриженъ и воспитывался въ кіевской лаврѣ и хорошо зналъ иноческій законъ и богословскія науки. Іосифъ Тризна уже участвовалъ въ избраніи митрополита Сильвестра Коссова, и подписался подъ актомъ избранія, какъ «архимандритъ печерскій кіевскій, старшій монастыря братскаго виленскаго». Но, не получивъ въ свое управленіе богатой кіевопечерской лавры, митрополитъ Сильвестръ удерживалъ за собою, до 1650 г., свою прежнюю епископскую каѳедру съ ея имѣніями, почему и писался: «Сильвестръ Коссовъ, милостію Божіею, архіепископъ митрополитъ кіевскій, галицкій и всея Россіи, епископъ мстиславскій, оршанскій и могилевскій». Нѣтъ сомнѣнія, что король утвердилъ новаго митрополита своею граматою, и патріархъ цареградскій не только далъ свое благословеніе на посвященіе его, но и облекъ его званіемъ своего экзарха: Коссовъ, подобно Могилѣ, писался экзархомъ константинопольскаго патріаршаго престола ([5]).

Къ концу года, въ который вступилъ на свою каѳедру митрополитъ Коссовъ, началось въ югозападномъ краѣ то великое движеніе противъ Польши, которое повело къ присоединенію Малороссіи къ великой Россіи, а затѣмъ и къ присоединенію кіевской митрополіи къ московскому патріархату.

([5]) Архивъ юго-западн. Россіи, ч. II, т. I, №№ 27. 28; ч. I, т. IV, № 2; А. Ю. и З. Россіи, III, № 261, стр. 327.

Прошло уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ на западѣ Россіи, находившемся подъ властію Польши, появилась унія, а вслѣдъ за нею обрушились на русскихъ всякаго рода бѣдствія. Ихъ, православныхъ, заставляли отрекаться отъ своей родной вѣры; у нихъ отнимали церкви и монастыри, отнимали пастырей и архипастырей, отнимали имущество; ихъ за вѣру волочили по судамъ, заключали въ темницы, лишали гражданскихъ правъ, доводили до совершеннаго разоренія. На защиту православія возстали казаки, но скоро и сами подверглись тяжкимъ стѣсненіямъ отъ польскаго правительства. Число казаковъ уменьшено до шести тысячъ; вмѣсто гетмановъ и полковниковъ, которыхъ прежде они сами избирали себѣ изъ среды своей, имъ стали давать гетмановъ и полковниковъ отъ короны. И эти нелюбимые начальники не выдавали казакамъ жалованья, употребляли ихъ на черныя работы, посягали на ихъ собственность и вообще обходились съ ними, какъ бы съ своими хлопами. Всего же несноснѣе была участь дѣйствительныхъ хлоповъ, русскихъ крестьянъ, жившихъ въ имѣніяхъ польскихъ пановъ. Эти паны, католики или окатоличившіеся русскіе, имѣли право жизни и смерти надъ своими крестьянами, обременяли ихъ повинностями и работами, распоряжались по произволу ихъ имуществомъ, вторгались въ ихъ семейный бытъ. Многіе паны, лѣнясь управлять имѣніями сами, отдавали ихъ въ аренду жидамъ, а вмѣстѣ съ имѣніями отдавали въ аренду самихъ крестьянъ и самыя ихъ церкви, и жиды издѣвались надъ несчастными хлопами и ихъ вѣрою, какъ хотѣли; ключи отъ церквей держали у себя и брали съ православныхъ пошлины за всякое богослуженіе и требоисправленіе, за крещеніе, за вѣнчаніе, за погребеніе и проч.

Жалобы на обиды раздавались непрестанно на всемъ пространствѣ западно-русскаго края, но напрасно. На каждый сеймъ отправляли казаки и вообще православные своихъ депутатовъ съ просьбами и требованіями о защитѣ и справедливости; но эти просьбы или оставлялись безъ вниманія, или отлагались до будущихъ сеймовъ, или если и исполнялись въ нѣкоторой степени, то только на бумагѣ, а отнюдь не на дѣлѣ. Выведенные изъ терпѣнія невыносимыми гоненіями, многіе южноруссы цѣлыми семействами бѣжали изъ польскихъ предѣловъ въ московскіе, и селились здѣсь, съ разрѣшенія правительства, по рѣкамъ Донцу,Ворсклѣ и другимъ на окраинахъ государства, а казаки нѣсколько разъ возставали съ оружіемъ въ рукахъ на своихъ притѣснителей въ защиту своихъ правъ и своей вѣры. Замѣчательнѣйшія изъ такихъ возстаній были въ двадцатыхъ годахъ XVII столѣтія подъ предводительствомъ гетмана Тараса, а въ тридцатыхъ — подъ предводительствомъ гетмана Павла и потомъ гетмана Остраницы. Но возстанія эти имѣли мало успѣха и оканчивались страшными казнями предводителей и новыми, тягчайшими притѣсненіями всѣмъ казакамъ. Такое же возстаніе противъ пановъ поляковъ, утѣснителей русской вѣры и казачества, задумалъ теперь и сотникъ чигиринскаго полка Зиновій Богденъ Хмѣльницкій, «козакъ, по свидѣтельству самовидца, расторопный въ дѣлахъ козацкихъ военныхъ, въ письмѣ свѣдущій и часто бывавшій въ посольствѣ у королевскаго двора» (6). Поводомъ къ возстанію послужили для

---

(6) Лѣтопись Самовидца о войнахъ Хмѣльницкаго, изд. Кіев. временн. Коммис., стр. 5—6, Кіев. 1878. «Початокъ и причина войны Хмѣльницкого

Хмѣльницкаго тяжкія личныя обиды, какимъ подвергся онъ отъ пановъ державцовъ польскихъ. Панъ Чаплицкій, подстароста чигиринскій, выпросилъ себѣ у чигиринскаго старосты, краковскаго кастеляна и великаго гетмана короннаго, Станислава Конецпольскаго (сконч. весною 1646 года) принадлежавшій Хмѣльницкому родовой хуторъ Субботово, неподалеку отъ Чигирина, и съ шайкою голодныхъ людей сдѣлалъ наѣздъ на этотъ хуторъ, и завладѣлъ гумномъ, въ которомъ находилось 400 копенъ хлѣба, а всѣхъ домашнихъ Хмѣльницкаго заковалъ въ цѣпи. Хмѣльницкій поспѣшилъ въ Варшаву, и выпросилъ себѣ у короля Владислава подтвердительную грамату, отъ 22 іюля 1646 г., на владѣніе хуторомъ Субботовымъ; но грамата ничего не помогла. Хмѣльницкій принесъ жалобу въ судъ на Чаплицкаго; но жалоба не была уважена и только еще болѣе раздражила Чаплицкаго, который приказалъ своей дворнѣ схватить сына Хмѣльницкаго, десятилѣтняго мальчика, и высѣчь его среди базара плетьми такъ жестоко, что онъ чуть живымъ принесенъ былъ домой и вскорѣ потомъ умеръ. А зять Чаплицкаго, панъ Комаровскій, нѣсколько разъ клялся въ присутствіи разныхъ казаковъ, что если имъ, т. е. Чаплицкому и Комаровскому, не удастся сладить съ Хмѣльницкимъ, то они непремѣнно убьютъ или

есть едино отъ ляховъ на православіе гоненіе и казакомъ отягощеніе»,—такъ начинается эта лѣтопись, и вслѣдъ за тѣмъ изображаются самыя притѣсненія, какія терпѣли казаки и вообще православные отъ поляковъ (стр. 3—5. 11). О воспитаніи Хмѣльницкаго читаемъ въ Краткомъ Описаніи Малороссіи, что его «отецъ изъ молоду въ наученіе руское, потомъ и въ латинское отдалъ» (изд. Кіев. Комм. въ 1878 г., вмѣстѣ съ Лѣтоп. Самовидца), а въ Лѣтописи *Грабянки:* «и его отъ малихъ лѣтъ даде (отецъ) въ наученіе писаній первіе въ Кіевъ, таже въ Ярославъ до ксендзовъ езуитовъ» (изд. Кіев. Комм. 1854 г.).

прикажутъ убить его. Въ томъ же 1646 г., когда Хмѣльницкій возилъ къ краковскому кастеляну двухъ плѣнныхъ татаръ, въ отсутствіе его взяли у него изъ конюшни коня, на которомъ онъ ѣзжалъ въ степи. А въ слѣдующемъ 1647 году, когда Хмѣльницкій ѣхалъ подлѣ своего полковника на встрѣчу татарамъ, сдѣлавшимъ набѣгъ на Чигиринъ, ляхъ Дашевскій, подговоренный кѣмъ-то, такъ сильно ударилъ сзади Хмѣльницкаго по головѣ, что размозжилъ бы ему черепъ, еслибъ не защитилъ его желѣзный шлемъ. Наконецъ, и новый староста чигиринскій, сынъ прежняго, Александръ Конецпольскій, хорунжій коронный, повѣривъ клеветамъ на Хмѣльницкаго, будто онъ замышляетъ отправить въ море вооруженныя суда, и подстрекаемый Чаплицкимъ, разгнѣвался на Хмѣльницкаго, и велѣлъ искать случая взять его подъ стражу и отрубить ему голову (7).

Находясь въ такомъ безвыходномъ положеніи около двухъ лѣтъ, Хмѣльницкій старался обдумать, какъ бы успѣшнѣе повести свое возстаніе. Онъ открылъ свое намѣреніе кіевскому архіепископу-митрополиту, просилъ его совѣта и благословенія, указывая, безъ сомнѣнія, прежде всего на тѣ стѣсненія, какія терпѣла отъ поляковъ православная вѣра. И митрополитъ не только далъ свое благословеніе, но и сказалъ, что пусть будетъ проклятъ всякъ, кто не приметъ

(7) Пользуемся жалобою самого Хмѣльницкаго на причиненныя ему обиды, какую послалъ онъ изъ Запорожья къ гетману коронному, кастеляну краковскому Николаю Потоцкому. Эта жалоба писана не въ 1647, а уже въ 1648 году: потому что въ ней упоминаетъ Хмѣльницкій, что казаки избрали его своимъ вождемъ; а это, какъ увидимъ, случилось отнюдь не раньше апрѣля 1648 года (Памятн. Кіев. Комм. I, отд. III, № 1). Королевская грамата, данная Хмѣльницкому, отъ 22 іюля 1646 г., на владѣніе хуторомъ Субботовымъ напечатана въ А. Ю. и З. Россіи, X, стр. 466—467.

участія въ такомъ дѣлѣ, имѣя возможность помогать ему умомъ или оружіемъ ([8]). Съ другой стороны, Хмѣльницкій позаботился достать себѣ такой документъ, которымъ могъ бы убѣдить казаковъ, что онъ подымаетъ оружіе вовсе не противъ короля Владислава, расположеннаго къ казакамъ, а противъ своевольныхъ пановъ польскихъ, и притомъ «не безъ вѣдома и позволенія короля». Впослѣдствіи самъ Хмѣльницкій разсказывалъ объ этомъ слѣдующее: когда мы, съ полковникомъ Барабашемъ и другими знатными товарищами, находились въ 1633 г. при коронаціи короля Владислава, который особою граматою подтвердилъ всѣ наши давнія права и вольности, войсковыя и малороссійскія, и свободу нашей православной вѣры, то онъ, прощаясь съ нами наединѣ, говорилъ намъ, чтобы мы твердо стояли при своихъ правахъ и привиллегіяхъ, не давая ихъ въ поруганіе полякамъ, и присовокупилъ: «а еслибы польскіе паны или дозорцы не стали уважать вашихъ привиллегій, то вы имѣете при боку мушкетъ и саблю; ими и можете оборонять отъ поляковъ свои права и вольности». Чрезъ нѣсколько лѣтъ, вслѣдствіе непрекращавшихся притѣсненій отъ поляковъ, мы всѣ, съ Барабашемъ, вновь послали къ королю свою жалобу чрезъ нарочитыхъ пословъ, и король не только устно, но и «приватнымъ листомъ своимъ

([8]) Извѣстіе объ этомъ передаетъ современный писатель Самуилъ Грондскій, удостовѣряя, что слышалъ его отъ войсковаго писаря Виговскаго, который пользовался особымъ довѣріемъ Хмѣльницкаго (Historia belli Cosacopolonici, conscripta anno 1676, pag. 51, изд. въ Пештѣ 1789 г.). Хмѣльницкій могъ испросить себѣ благословеніе у митрополита еще въ 1646 г., слѣд. у митрополита Петра Могилы, могъ — и въ 1647 году, слѣд. у митрополита Сильвестра Коссова. Грондскій не говоритъ, въ какомъ именно году случилось событіе это, хотя и помѣстилъ сказаніе о немъ подъ 1647—1648 годами.

королевскимъ до Барабаша и до всѣхъ насъ казаковъ», повторилъ и подтвердилъ тоже королевское свое слово, т. е. что мы «для обороны правъ нашихъ имѣемъ мушкетъ и саблю». Но Барабашъ, недругъ и нежелатель добра нашей отчизнѣ, скрывалъ у себя это королевское слово и позволеніе и не объявлялъ казакамъ. И потому я, призвавъ Бога на помощь, отобралъ хитростію у Барабаша эту королевскую привиллегію, чтобы начать войну съ поляками «за позволеніемъ королевскимъ» (9). Доставъ этотъ важный документъ, Хмѣльницкій тотчасъ же объявилъ его нѣсколькимъ казакамъ, своимъ друзьямъ, и вмѣстѣ съ ними, 7-го декабря 1647 года, бѣжалъ въ Запорожье (10).

Въ Запорожьѣ нашелъ Хмѣльницкій не больше 300 казаковъ, которымъ, безъ сомнѣнія, и разсказалъ, какъ о своей рѣшимости воевать съ поляками, такъ и о томъ, что имѣетъ на это благословеніе митрополита и даже позволеніе или грамату отъ самого короля. На кличъ Хмѣльницкаго быстро начали стекаться къ нему казаки съ всѣхъ сторонъ. Въ февралѣ или въ первыхъ числахъ марта 1648 г., когда у Хмѣльницкаго было уже до пяти тысячъ казаковъ, онъ отправилъ четырехъ пословъ къ крымскому хану Исламъ-Гирею просить союза и помощи противъ Польши. Ханъ охотно согласился, прислалъ къ Хмѣльницкому знатныхъ мурзъ для заключенія договора, а къ концу апрѣля прислалъ и татарскую орду.

---

(9) А. З. Р. V, № 23, стр. 82—83. Тоже самое, только короче, говорилъ самъ Хмѣльницкій и стародубцу Климову (А. Ю. и З. Р. III, № 205, стр. 216).

(10) Лѣтописецъ въ малой Россіи прежде Хмѣльницкаго бывшихъ гетмановъ, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1846, № 1, отд. II, стр. 6; *Самуилъ Величко*, Лѣтопись событій въ юго-зап. Россіи въ XVII в., I, стр. 28—29, Кіев. 1848.

Когда орда вступила въ Запорожье, все собравшееся тамъ казацкое войско пристало къ ней и признало своимъ «старшимъ» или вождемъ Хмѣльницкаго. Знали о всемъ этомъ польскіе военачальники, коронный гетманъ Николай Потоцкій и полевой—Калиновскій, и вступили съ войсками въ Украйну. Отпраздновавъ Пасху въ Черкасахъ, они двинулись противъ Хмѣльницкаго, а впереди отправили два шеститысячные отряда: одинъ на лодкахъ по Днѣпру, состоявшій преимущественно изъ реестровыхъ казаковъ подъ предводительствомъ Барабаша; другой — сухимъ путемъ, состоявшій преимущественно изъ короннаго войска подъ предводительствомъ Стефана Потоцкаго, сына гетманова. Но плывшіе на лодкахъ казаки, не доходя еще до днѣпровскихъ пороговъ, умертвили своего вождя Барабаша, перекололи бывшую съ ними нѣмецкую пѣхоту и передались Хмѣльницкому, стоявшему у урочища «Жолтыя Воды». Тогда Хмѣльницкій напалъ на сухопутный отрядъ польскаго войска, изъ котораго также всѣ казаки передались ему, и впродолженіе трехъ дней (5—8 мая) истребилъ этотъ отрядъ совершенно, при чемъ раненъ былъ и молодой Потоцкій, вскорѣ скончавшійся въ плѣну. Ободренный такимъ успѣхомъ, Хмѣльницкій двинулся на встрѣчу самимъ гетманамъ Потоцкому и Калиновскому, которые, между тѣмъ, начали отступать, настигъ ихъ (16 мая) у Корсуня, на рѣкѣ Росѣ, разгромилъ все ихъ войско, а обоихъ гетмановъ взялъ въ плѣнъ и отдалъ союзникамъ своимъ—татарамъ ([11]).

([11]) А. Ю. и З. Россіи, III, №№ 172. 181. 182; Лѣтоп. прежде Хмѣльницкаго бывшихъ гетмановъ, стр. 6; Лѣтоп. Самовидца, стр. 6—10.

После этой побѣды, остановившись съ войскомъ у Бѣлой Церкви, Хмѣльницкій началъ разсылать свои граматы. Разослалъ свои универсалы по всей Малороссіи (отъ 28 мая), въ которыхъ, упомянувъ кратко о своихъ побѣдахъ и изобразивъ яркими красками тѣ жестокія утѣсненія, какія терпѣли православные жители края отъ поляковъ и отъ ихъ арендаторовъ—жидовъ въ вѣрѣ, чести, имуществѣ и самой жизни, призывалъ всѣхъ, «кому мила вѣра благочестивая, отъ поляковъ на унію претворенная», и дорога цѣлость отчизны, взяться за оружіе и спѣшить къ нему подъ Бѣлую Церковь, и удостовѣрялъ, что онъ воюетъ съ поляками не безъ вѣдома и позволенія самого короля и имѣетъ у себя о томъ его листъ. Послалъ грамату московскому царю Алексѣю Михайловичу (отъ 8 іюня) и, извѣщая его такъ же кратко о своихъ побѣдахъ и о смерти короля Владислава († 20 мая), говорилъ: «мы желали бы себѣ такого самодержца-государя въ своей земли, какъ ваша царская вельможность, православный христіанскій царь, . . . мы со всѣмъ войскомъ запорожскимъ готовы услужить вашей царской вельможности»; просилъ только, чтобы царь, если поляки снова захотятъ наступить на Малороссію, поспѣшилъ съ своей стороны наступить на нихъ и тѣмъ оказалъ помощь казакамъ. Послалъ двѣ граматы и къ королю Владиславу, писанныя, вѣроятно, прежде, нежели получена была вѣсть о его кончинѣ: одну отъ себя, другую отъ всего казачества. Въ первой, сказавъ въ общихъ чертахъ о нестерпимыхъ обидахъ, вынудившихъ казаковъ поднять оружіе противъ Польши, Хмѣльницкій увѣрялъ короля въ ихъ неизмѣнной вѣрности и преданности его королевской милости, и просилъ простить казакамъ ихъ невольный грѣхъ

и оставить ихъ при древнихъ ихъ правахъ и привиллегіяхъ. Во второй грамат тѣже обиды излагались подробно, въ четырнадцати статьяхъ, и повторялась таже просьба. Но казацкіе послы уже не застали въ живыхъ Владислава, и представили принесенныя граматы бывшему тогда конвокаціонному сейму. Сеймъ отъ 22 іюля отвѣчалъ казакамъ, что, въ виду ихъ раскаянія, готовъ простить ихъ вину, если только они возвратятъ плѣнныхъ, выдадутъ виновниковъ возмущенія и прервутъ всякую связь съ крымцами, и что посылаетъ къ нимъ своихъ комиссаровъ для подробныхъ переговоровъ. Напрасно! Универсалы Хмѣльницкаго, разосланные по Украйнѣ, произвели страшное дѣйствіе. Вся страна была въ возстаніи. Жители бросали свои домы и шли въ казаки; одни присоединялись къ войску Хмѣльницкаго, другіе составляли особыя шайки, избирали себѣ вождей и производили величайшія неистовства по селамъ и городамъ: вездѣ избивали ляховъ и жидовъ, кромѣ тѣхъ, которые рѣшались принять православіе, разрушали костелы, умерщвляли латинское духовенство. Всѣ крестьяне поднялись на своихъ пановъ, грабили и разоряли ихъ домы и имѣнія, истребляли ихъ самихъ съ ихъ семействами. Комиссары, во главѣ которыхъ находился Адамъ Кисель, встрѣчали на пути своемъ крайнія затрудненія среди такихъ волненій въ странѣ, и едва къ концу августа могли войти въ сношенія съ Хмѣльницкимъ; но не имѣли никакого успѣха. Не помогло имъ и участіе кіевскаго митрополита Сильвестра Коссова, къ которому обратились они съ письмомъ, и который находился тогда, по своему ли желанію, или по порученію польскаго правительства, въ казацкомъ войскѣ, убѣждая казаковъ къ заключенію мира. Въ 20 день сентября

Хмѣльницкій, у котораго было уже болѣе ста тысячъ войска, разбилъ поляковъ подъ Пилявцами и обратилъ ихъ въ постыдное бѣгство; потомъ двинулся съ войскомъ и татарскою ордою къ городу Львову и взялъ съ него окупъ, изъ Львова — къ Замостью, гдѣ и остановился. Отсюда шайки казаковъ и татаръ разсѣялись по всей Волыни, и опустошили города: Острогъ, Заславль, Луцкъ, Владиміръ, Кобринъ, Брестъ-Литовскій, вездѣ избивая жидовъ и ляховъ. Такъ продолжалось до избранія (17 ноября) новаго короля Яна-Казиміра, который еще прежде, чѣмъ былъ избранъ, писалъ къ Хмѣльницкому, что не будетъ мстить казакамъ и подтвердитъ всѣ ихъ права. Теперь, какъ только этотъ король, извѣщая Хмѣльницкаго о своемъ избраніи, приказалъ ему прекратить смуту, Хмѣльницкій повиновался и поворотилъ свое войско отъ Замостья въ Украйну къ Чигирину и Кіеву ([12]).

Прошелъ годъ, какъ Хмѣльницкій, униженный и безза-

([12]) А. З. Р. V, №№ 23. 24; Памятн. Кіев. Комм. I, отд. III, №№ 24. 25. 46, стр. 133—136. 261; А. Ю. и З. Р. III, №№ 197. 243, стр. 285; Лѣтоп. Самовидца, стр. 12—17. Можно думать, что митрополитъ Сильвестръ Коссовъ дѣйствовалъ своими увѣщаніями на казаковъ по порученію или приказанію отъ польскаго правительства: 1) еще въ двадцатыхъ числахъ іюня онъ зачѣмъ-то ѣздилъ въ Варшаву (Архивъ юго-запад. Россіи, ч. I, т. IV, № 1); 2) комиссары, очевидно, считали его своимъ сторонникомъ, когда, при неудачѣ собственныхъ усилій, просили письмомъ его содѣйствія (Памятн. Кіев. Комм. I, отд. III, стр. 261); 3) посланцу царя Алексѣя Михайловича, Кунакову, разсказывали тогда въ Смоленскѣ, что кіевскій митрополитъ былъ даже главнымъ изъ комиссаровъ, назначенныхъ панами радами къ Хмѣльницкому для переговоровъ, и что, когда прочіе комиссары, послѣ неудачи, отправились назадъ, то и митрополитъ, побывавъ немного въ Кіевѣ, поѣхалъ-было къ панамъ-радамъ; но казаки воротили его съ дороги, приставили къ нему до ста человѣкъ стражи, и говорили: «какое ему до того дѣло? Знай онъ келью свою, а въ такія дѣла не вступайся» (А. Ю. и З. Р. III, № 238, стр. 248—249.

щитный, принужденъ былъ спасать свою жизнь бѣгствомъ изъ Украйны. Теперь, въ 17 день декабря 1648 г., онъ въѣзжалъ въ столицу Украйны—Кіевъ съ величайшимъ торжествомъ. Случилось такъ, что въ Кіевѣ находился тогда іерусалимскій патріархъ Паисій, путешествовавшій въ Москву за милостынею. Онъ самъ выѣхалъ на встрѣчу къ Хмѣльницкому изъ города, окруженный тысячью всадниковъ; а митрополитъ кіевскій, бывшій тутъ же, посадилъ Хмѣльницкаго въ свои сани и далъ ему мѣсто подлѣ себя, съ правой стороны. Весь народъ, вышедши изъ города, вся чернь привѣтствовали героя, а академія (т. е. кіево-братскій коллегіумъ) чествовала его рѣчами и восклицаніями, какъ Моvсея, защитника, спасителя и освободителя народа отъ польскаго рабства, и, по имени его — Богданъ, называла его отъ Бога даннымъ. Патріархъ далъ ему титулъ свѣтлѣйшаго князя. Изъ всѣхъ пушекъ и другихъ орудій, въ замкѣ и въ городѣ, раздавалась пальба. На обѣдѣ у печерскаго архимандрита Хмѣльницкій сидѣлъ на первомъ мѣстѣ. Въ день имянинъ Богдана, т. е. Θеодора, Хмѣльницкаго, вѣроятно, 27 декабря, когда бываетъ память св. Θеодора начертаннаго, самъ патріархъ совершалъ литургію. Хмѣльницкій стоялъ въ церкви на первомъ мѣстѣ, и всѣ выражали къ нему благоговѣніе, а нѣкоторые цѣловали его ноги. Подъ конецъ обѣдни патріархъ пригласилъ Хмѣльницкаго къ св. причастію. Хмѣльницкій сначала не рѣшался, потому что не былъ на исповѣди. Но патріархъ будтобы далъ ему публично разрѣшеніе отъ всѣхъ грѣховъ, настоящихъ и будущихъ, и сказалъ ему: иди и причащайся. Тутъ же въ церкви патріархъ будтобы совершилъ бракосочетаніе Хмѣльницкаго съ бывшею наложни-

цею врага его — Чаплицкаго, хотя она не присутствовала въ церкви, а находилась въ Чигиринѣ, и далъ Хмѣльницкому благословеніе на ляховъ. Вслѣдъ за тѣмъ происходила пальба изъ пушекъ по случаю торжества. Хмѣльницкій подарилъ патріарху шесть лошадей и тысячу злотыхъ. Въ слѣдующіе дни патріархъ велъ съ Хмѣльницкимъ тайные переговоры, и потомъ отправился въ Москву ([13]). На слѣдующій день послѣ своихъ имянинъ Хмѣльницкій далъ гетманскую грамату кіево-печерскому женскому монастырю, въ которой приказывалъ крестьянамъ села Подгорцевъ быть, по старому, въ послушаніи этому монастырю, отбывать на него работы и другія повинности, и объявлялъ вообще: «мы со всѣмъ войскомъ не хочемъ отнимать крестьянъ у монастырей: на войсковую услугу дастъ Богъ охотниковъ и безъ церковныхъ людей» ([14]). Такимъ объявленіемъ онъ успокоивалъ духовенство относительно его владѣльческихъ правъ и привлекалъ его къ себѣ.

([13]) Все это заимствовали мы изъ дневника современнаго писателя — Мясковскаго, который, однакожъ, какъ полякъ, непріязненно относился къ Хмѣльницкому и особенно къ патріарху Паисію, и иное намѣренно могъ исказить въ своихъ сказаніяхъ объ нихъ. Про патріарха онъ говоритъ еще, будто онъ былъ бѣглецъ изъ Іерусалима и отлученъ отъ церкви за тяжкія преступленія; будто онъ послалъ и новой женѣ Хмѣльницкаго, Чаплицкой, разрѣшеніе отъ всѣхъ грѣховъ и актъ о бракосочетаніи ея, чего не захотѣлъ сдѣлать митрополитъ кіевскій, какъ болѣе добросовѣстный, и будто жена Хмѣльницкаго прислала патріарху только 50 талеровъ, и проч. (Памятн. Кіев. Комм. I, отд. III, № 57, стр. 336—339). Между тѣмъ, по нашимъ лѣтописямъ, Хмѣльницкій женился на Чаплицкой вовсе не въ Кіевѣ, а въ Переяславѣ, куда переѣхалъ изъ Кіева (Краткое Опис. Малороссіи, стр. 223). День въѣзда Хмѣльницкаго въ Кіевъ съ точностію обозначилъ Іерличъ, говоря, что это случилось, по новому стилю, 27 декабря, слѣд., по старому, 17 (Latopisiec, I, 72). Въ Москву прибылъ патр. Паисій, какъ мы видѣли, къ концу генваря 1649 года.

([14]) А. З. Р. V, № 25.

Изъ Кіева Хмѣльницкій переѣхалъ на короткое время въ Чигиринъ, потомъ въ Переяславъ. Сюда стеклись къ нему послы изъ сосѣднихъ государствъ: изъ Турціи, Валахіи, Молдавіи, Венгріи, Трансильваніи и изъ самой Москвы отъ царя Алексѣя Михайловича. Всѣ они привѣтствовали могущественнаго гетмана съ одержанными побѣдами, и искали возможности заключить съ нимъ союзъ отъ имени своихъ государей. Московскій посолъ Унковскій, какъ были слухи, будтобы спрашивалъ Хмѣльницкаго: дѣйствительно ли онъ воюетъ только за вѣру? Если за вѣру, то царь готовъ прислать ему 40 тысячъ вспомогательнаго войска, съ тѣмъ однакожъ условіемъ, чтобъ царю уступлена была пограничная часть Украйны. Сюда же прибыли къ Хмѣльницкому и комиссары отъ новаго польскаго короля — Адамъ Кисель, сдѣлавшійся уже, по волѣ короля, воеводою кіевскимъ, и его товарищи. Во время пути ихъ, когда они останавливались (23 генв. 1649 г.) въ Бѣлогороднѣ, неподалеку отъ Кіева, къ нимъ пріѣзжали кіевскій митрополитъ и печерскій архимандритъ для тайныхъ переговоровъ съ паномъ воеводою, а чрезъ пять дней панъ воевода ѣздилъ подъ Кіевъ для переговоровъ съ митрополитомъ и архимандритомъ. Хмѣльницкій встрѣтилъ (9 февр.) комиссаровъ съ большою честію, принялъ отъ нихъ, при торжественной обстановкѣ, гетманскую булаву и знамя, присланныя ему королемъ, выслушалъ королевскую грамату, объявлявшую: прощеніе всѣхъ прежнихъ его проступковъ, свободу православной вѣры, умноженіе реестровыхъ казаковъ, возстановленіе ихъ прежнихъ правъ и преимуществъ, и благодарилъ короля за великія милости, которыхъ отъ него удостоился. Но вступать въ переговоры съ комиссарами рѣши-

тельно отказывался, несмотря на всѣ ихъ убѣжденія, и, между прочимъ, говорилъ: «много было времени вести переговоры со мною...; теперь уже не время. Я исторгну весь русскій народъ изъ польской неволи. Прежде я воевалъ за причиненный мнѣ вредъ и за свою обиду; теперь пойду сражаться за нашу православную вѣру. Вся чернь по Люблинъ и Краковъ будетъ помогать мнѣ въ этомъ дѣлѣ... Самъ патріархъ благословилъ меня въ Кіевѣ на эту войну, вѣнчалъ меня съ моею женою, разрѣшилъ меня отъ грѣховъ, хотя бы я и не исповѣдывался, и приказалъ мнѣ совершенно истребить ляховъ: какъ же мнѣ не слушаться великаго и святаго владыки, главы нашей, и любезнѣйшаго гостя?» Наконецъ, Хмѣльницкій согласился только заключить перемиріе до Троицына дня и, отпуская комиссаровъ (16 февр.), вручилъ имъ на бумагѣ свои условія, на которыхъ онъ можетъ согласиться и на заключеніе мира и въ которыхъ требовалъ, чтобы въ кіевскомъ воеводствѣ и во всей Руси не было уніи и не поминалось даже самаго ея имени, чтобы кіевскій митрополитъ имѣлъ мѣсто въ сенатѣ первое послѣ архіепископа гнѣзненскаго; чтобы запорожское войско само избирало себѣ гетмана, и онъ правилъ Кіевомъ и всѣми городами и областями за Днѣпромъ; чтобы паны и шляхта уступили свои имѣнія, села и деревни за Днѣпромъ запорожскому войску навсегда; чтобы жидамъ и жидовскимъ арендамъ за Днѣпромъ никогда не быть и проч. ([15]).

([14]) Памятн. Кіев. Комм. I, отд. III, № 57, стр. 312 — 360; № 61, стр. 377; Лѣтоп. Самовидца, стр. 17 — 18. 223—224; А. Ю. и З. Р. III, № 238, стр. 249; № 243, стр. 288—289. Сами поляки считали патріарха Паисія главнымъ виновникомъ того, что ихъ Коммиссія въ переговорахъ съ Хмѣльницкимъ не достигла успѣха (А. Ю. и З. Р. III, № 243. 324).

Хмѣльницкій понималъ, что условій его поляки не примутъ, и началъ готовиться къ новой войнѣ съ ними, сносился съ Крымомъ и съ Москвою. Въ апрѣлѣ 1649 г. онъ поручалъ одному игумену, Павлу, отправлявшемуся въ Москву, сказать тамъ іерусалимскому патріарху: «чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ его, гетмана и запорожскихъ черкасъ приняти подъ свою государскую высокую руку и помочь имъ учинилъ; а нынѣ де они, сложась съ крымскими татары, хотятъ вести войну съ поляки». А въ маѣ мѣсяцѣ присылалъ въ Москву чигиринскаго полковника Вешняка съ граматою, въ которой писалъ, отъ лица всѣхъ запорожскихъ казаковъ, къ царю Алексѣю Михайловичу: «насъ, слугъ своихъ, до милости царскаго своего величества прінми, и благослови, яко православный государь, рати своей на наступцовъ нашихъ и за вѣру православную наступити... Вашему царскому величеству низко бьемъ челомъ: отъ милости своей не отдаляй насъ; а мы Бога о томъ молимъ, чтобъ ваше царское величество, яко правдивый и православный государь, надъ нами царемъ и самодержцею былъ». Царь Алексѣй Михайловичъ отвѣчалъ (отъ 13 іюня): «доброе хотѣніе ваше служить намъ со всѣмъ запорожскимъ войскомъ жалуемъ и похваляемъ; но послать вамъ рать нашу на помощь противъ вашихъ непріятелей не можемъ, потому что, какъ мы извѣщали васъ и въ прежней нашей граматѣ (посланной, вѣроятно, съ посломъ Чиковскимъ), у насъ съ Польшею уже давно «учинено вѣчное докончанье», котораго нарушить невозможно. Если же король польскій «тебя, гетмана, и все войско запорожское учинитъ свободныхъ, безъ нарушенья вѣчнаго докончанья, и мы, великій государь, тебя, гетмана, и все войско запо-

рожское пожалуемъ, подъ нашу царскаго величества высокую руку приняти велимъ» ([16]). Между тѣмъ еще прежде, нежели былъ полученъ этотъ отвѣтъ царя, Хмѣльницкій выступилъ съ своимъ войскомъ изъ Чигирина и, подвигаясь весьма медленно, напалъ (29 іюня), вмѣстѣ съ ханомъ, на польское войско, окопавшееся подъ Збаражемъ, и цѣлый мѣсяцъ держалъ его въ осадѣ, а когда на помощь осажденнымъ приближалось новое войско подъ предводительствомъ самого короля Яна-Казиміра, напалъ и на это войско и нанесъ ему (5 авг.) сильное пораженіе подъ Зборовомъ. Король принужденъ былъ заключить (9 авг.) и съ крымцами и съ казаками выгодный для нихъ договоръ. Въ договорѣ съ казаками было постановлено: а) войско запорожское остается при всѣхъ давнихъ своихъ вольностяхъ и будетъ простираться до 40,000 человѣкъ; б) Чигиринъ съ округомъ отдается гетману Хмѣльницкому и навсегда имѣетъ оставаться за гетманомъ запорожскаго войска; в) жидамъ не быть на Украйнѣ, гдѣ казаки имѣютъ свои полки; г) объ уніи, какъ въ Польшѣ, такъ и въ великомъ княжествѣ литовскомъ, о церковныхъ имѣніяхъ и о всѣхъ правахъ церкви будетъ разсуждено и постановлено, вмѣстѣ съ кіевскимъ митрополитомъ и духовенствомъ, на ближайшемъ сеймѣ, чтобы желаніе митрополита исполнилось и каждый пользовался своими правами; а мѣсто въ сенатѣ кіевскому митрополиту король позволяетъ имѣть; д) всѣ должности и чины въ воеводствахъ кіевскомъ, черниговскомъ и брацлавскомъ король обѣщаетъ раздавать

---

(16) А. Ю. и З. Р. III, №№ 244. 245. 256, стр. 308. 309. 320.

только дворянамъ православной вѣры; е) въ Кіевѣ, гдѣ находятся русскія школы, равно и въ другихъ украинскихъ городахъ, не могутъ оставаться іезуиты, и всѣ русскія школы въ тѣхъ городахъ должны оставаться въ цѣлости и проч. ([17]).

Къ 22-му ноября король созвалъ въ Варшавѣ чрезвычайный сеймъ, который долженъ былъ разсмотрѣть статьи зборовскаго договора. Прибылъ на сеймъ и кіевскій митрополитъ Коссовъ съ львовскимъ епископомъ, кіево-печерскимъ архимандритомъ и многими другими духовными лицами; прибыли и послы гетмана Хмѣльницкаго. Сеймъ продолжался шесть недѣль, и засѣданія его были очень бурны. Представители православнаго духовенства и казачества настоятельно требовали, чтобы договоръ былъ утвержденъ и чтобы унія была уничтожена. Паны рады, свѣтскіе и духовные, и вообще латинскіе члены сейма упорно противились нѣкоторымъ статьямъ, долго спорили; но, наконецъ, принуждены были покориться необходимости: договоръ былъ утвержденъ. Только архіепископы и епископы латинскіе тутъ же объявили, что они выдутъ изъ сената, если въ немъ будетъ засѣдать схизматическій митрополитъ. Въ послѣдній день сейма (12 генв. 1650 г.) король издалъ, на основаніи зборовскаго договора, утвержденнаго сеймомъ, дипломъ слѣдующаго содержанія, касавшійся собственно православной вѣры и церкви: 1) дозво-

---

([17]) Лѣтоп. Самовидца, стр. 19 — 23: Львов. Лѣтопись, въ Русск. Истор. Сборн., кн. III. стр. 265 — 267: А. Ю. и З. Р. III, № 303, стр. 415. Папа Иннокентій X, граматою отъ 15 окт. 1649 г., поздравляя Яна Казиміра съ заключеніемъ мира съ казаками, убѣждалъ его не утверждать тѣхъ уступокъ, какія онъ вынужденъ былъ сдѣлать имъ по дѣламъ вѣры (*Theiner*, Monum. Polon. et Lith., III, № 435, p. 460).

ляется всему народу русскому, находящемуся не въ уніи, какъ было и прежде, свободное исповѣданіе вѣры, а кіевскому митрополиту — ношеніе креста въ подвѣдомыхъ ему епархіяхъ (а о мѣстѣ въ сенатѣ совсѣмъ не упомянуто); 2) церковные суды у православныхъ, на основаніи данной имъ королемъ Сигизмундомъ граматы 1511 года, должны совершаться ненарушимо; 3) дозволяются всѣ православныя братства даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде они были запрещены, какъ-то: въ Смоленскѣ, Бѣльскѣ, равно и школы, находящіяся въ Кіевѣ и другихъ мѣстахъ, и типографіи; а цензура книгъ оставляется за митрополитомъ и епископами въ ихъ епархіяхъ; 4) утверждается, чтобы русскіе священники, не находящіеся въ уніи, пребывали при своихъ вольностяхъ и нигдѣ не были обременяемы никакими налогами, подводами, податьми, денежными сборами, постоями воинскими и работою, и не подлежали никому изъ свѣтскихъ, кромѣ своихъ духовныхъ властей; 5) отдаются православнымъ епископства: луцкое, холмское и витебское-мстиславское, со всѣми, издавна принадлежащими къ нимъ, церквами и съ монастырями жидичинскимъ и лещинскимъ (хотя и луцкое и витебско-мстиславское епископства уже принадлежали православнымъ); 6) въ перемышльской епархіи теперь же, еще при жизни уніатскаго епископа Крупецкаго, отдаются православному епископу монастыри: спасскій, онуфріевскій и смольницкій съ ихъ имѣніями, доселѣ принадлежавшіе Крупецкому, а по смерти его вся перемышльская епархія, со всѣми своими маетностями, имѣетъ навсегда оставаться за епископомъ, неунитомъ; 7) на содержаніе витебскаго и мстиславльскаго епископа, не имѣющаго у себя помѣстій, на-

значается половина изъ имѣній полоцкаго уніатскаго архіепископа. Затѣмъ — 8) перечисляются въ разныхъ городахъ Литвы и Польши передаваемыя православнымъ церкви, которыя назначены были имъ еще въ извѣстныхъ статьяхъ короля Владислава IV, а кромѣ того назначаются для передачи православнымъ нѣкоторыя церкви и въ такихъ городахъ: Витебскѣ, Полоцкѣ, Новогрудкѣ, гдѣ при Владиславѣ не дозволялось имъ имѣть ниодной церкви, и дозволяется православнымъ строить новыя церкви, деревянныя и каменныя, на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ прежде стояли ихъ церкви ([18]). Такимъ образомъ оказывается, что зборовскій договоръ утвержденъ былъ на сеймѣ не во всей силѣ: кіевскому митрополиту не дали мѣста въ сенатѣ, и унія не была уничтожена, а только сдѣлала православію незначительныя уступки. Православные не были удовлетворены, но спѣшили воспользоваться и тѣмъ, что было дано.

Коссовъ тотчасъ старался принять въ свое вѣдѣніе тѣ епархіи, которыя назначены были православнымъ. На возвратномъ пути своемъ изъ Варшавы, онъ прибылъ въ Люблинъ, занялъ здѣсь церковь и монастырь, бывшіе во власти уніатскихъ монаховъ, заставивъ ихъ удалиться, и 3-го февраля издалъ универсалъ, которымъ приглашалъ православную шляхту собраться на 17-е февраля въ троицкой пригородной церкви для избранія перемышльскаго епископа. Изъ Любли-

([18]) Собран. Минск. Грам., № 122; Архив. юго-западн. Россіи, ч. II, т. I, № 32; *Бантышъ-Каменск.* Истор. Изв. объ Уніи, подъ 1649 годомъ; Лѣтоп. Самовидца, стр. 225. Папскій нунцій въ Польшѣ протестовалъ (31 генв. 1650 г.) противъ всѣхъ декретовъ, данныхъ въ пользу православныхъ на послѣднемъ сеймѣ и утвержденныхъ королемъ (*Тейнер.* Ibid. III, № 450, p. 467).

на отправился въ Красноставъ, гдѣ также удалилъ отъ церкви мѣстнаго уніатскаго священника и передалъ ее православному. Изъ Красностава прибылъ въ Холмъ. Тутъ, какъ въ каѳедральномъ городѣ епархіи, находилось немало уніатскаго духовенства и имѣлъ пребываніе самъ администраторъ епархіи, извѣстный Яковъ Суша. Они не хотѣли добровольно передать своихъ церквей православному митрополиту и впродолженіе трехъ дней оказывали сопротивленіе, пока не принуждены были удалиться. Противъ администратора, который ни за что не соглашался выйдти изъ своего дома, ухватившись за столъ, пришлось (12 февр.) употребить насиліе ([19]). Въ тоже время,—надобно допустить,—Коссовъ издалъ свои универсалы объ избраніи кандидатовъ и на каѳедры холмскую и луцкую: потому что въ Луцкѣ упоминается номинатъ — владыка еще 23 февраля, а чрезъ какіе нибудь три-четыре мѣсяца, когда въ Кіевѣ былъ соборъ православныхъ архіереевъ, въ числѣ ихъ уже находились и епископы: луцкій, холмскій и перемышльскій. Перемышльскій, именно Антоній Виницкій, былъ теперь только рукоположенъ (27 іюня), и въ рукоположеніи его участвовали: Сильвестръ Коссовъ—митрополитъ кіевскій и галицкій, экзархъ константинопольскаго престола; Іосифъ Чаплицъ—епископъ луцкій и острожскій, архимандритъ милецкій; Арсеній Желнборскій—епископъ львовскій, галицкій и Каменца-подольскаго; Іосифъ Горбацкій — епископъ витебскій, мстиславскій и оршанскій,

---

([19]) О всемъ этомъ разсказываетъ самъ Яковъ Суша въ своемъ донесеніи римской конгрегаціи о распространеніи вѣры (*Harasiewicz*, Annal. eccl. Ruth. p. 329—330). А объ универсалѣ Коссова отъ 3-го февраля—у *Петрушев.* Сводн. галицко-русск. Лѣтоп., подъ 1650 годомъ, стр. 109—110.

игуменъ михайловскій; Зосима Прокоповичъ—епископъ черниговскій ([20]). Около половины іюля четверо изъ находившихся въ Кіевѣ православныхъ епископовъ дали собственноручныя записи, которыми обязывались вносить ежегодно на содержаніе кіево-братскаго могилянскаго коллегіума опредѣленную сумму денегъ. Это были епископы: перемышльскій—Антоній Виницкій, витебскій—Іосифъ Горбацкій, луцкій—Іосифъ Чаплицъ и холмскій—Діонисій Балабанъ, который не участвовалъ въ рукоположеніи перемышльскаго епископа, вѣроятно, потому что самъ рукоположенъ уже послѣ него, хотя и вскорѣ за нимъ. Такимъ образомъ къ пяти епархіямъ православной западно-русской митрополіи, бывшимъ при Петрѣ Могилѣ, присоединилось еще двѣ: черниговская и холмская. Съ своей стороны Хмѣльницкій писалъ къ королю (отъ 20 марта): «что касается до религіознаго успокоенія народа, которое мы поручили отцу митрополиту и духовенству, то хотя на нынѣшнемъ сеймѣ оно окончательно не рѣшено, но мы благодаримъ и за ту милость, какая намъ дана. Только просимъ ваше королевское величество, чтобы все, заключающееся въ дипломѣ, съ этого времени было приведено въ исполненіе, какъ въ королевствѣ польскомъ, такъ и въ великомъ княжествѣ литовскомъ: ибо паны уніаты привыкли не исполнять королевскихъ повелѣній, въ чемъ мы удостовѣрились при жизни блаженной памяти короля, брата вашего» ([21]).

([20]) Архивъ юго-запад. Россіи, ч. II, т. I, № 32, стр. 370; *Петрушев.* Сводн. галицко-русск. Лѣтоп. подъ 1650 г., стр. 110.

([21]) Памятн. Кіев. Комм. II, отд. I, №№ 15. 16 и примѣчаніе къ послѣднему №; отд. III, № 2.

Къ сожалѣнію, обстоятельства скоро измѣнились не въ пользу православныхъ.

Зборовскій договоръ не только непріязненно былъ принятъ поляками, но не удовлетворилъ и православныхъ. Всѣ они скорбѣли, что унія не была уничтожена; казаки досадовали, что число ихъ уменьшено до сорока тысячъ; крестьяне роптали, что снова должны подчиниться своимъ ненавистнымъ панамъ и работать на нихъ. Недовольство было общее; снова замутилась вся Малороссія. Условій зборовскихъ не хотѣли выполнять не одни поляки, но и русскіе. Начались столкновенія, кровопролитія. Взаимное раздраженіе росло съ каждымъ днемъ. И когда къ концу 1650 года король созвалъ сеймъ въ Варшавѣ, то явившіеся туда послы Хмѣльницкаго потребовали: а) чтобы унія, виновница несчастій, была совершенно уничтожена не только въ Украйнѣ, но и во всѣхъ земляхъ короны польской и великаго княжества литовскаго, и православное духовенство было сравнено съ римскимъ во всѣхъ правахъ и почестяхъ; б) чтобы эти статьи, вмѣстѣ съ другими статьями зборовскаго договора, были утверждены присягою знатнѣйшихъ сенаторовъ, и в) чтобы въ воеводствахъ кіевскомъ, брацлавскомъ и черниговскомъ ниодинъ панъ — землевладѣлецъ не имѣлъ власти надъ крестьянами. Такое требованіе произвело крайнее волненіе на сеймѣ, и 24-го декабря рѣшена была война противъ казаковъ. Папа, у котораго король просилъ денегъ для войны, прислалъ ему, чрезъ своего легата, какъ защитнику вѣры, только благословеніе на войну, мантію и освященный мечъ. Точно также и Хмѣльницкаго благословилъ находившійся при немъ коринѳскій митрополитъ Іоасафъ, и опоясалъ

его мечемъ, который будтобы еще прежде былъ освященъ на самомъ гробѣ Господнемъ. Этотъ митрополитъ, возвращаясь изъ Москвы, куда ходилъ за царскою милостынею, остановился у Хмѣльницкаго и проживалъ у него, сдѣлался его духовникомъ, служилъ у него ежедневно обѣдни, слѣдовалъ за нимъ и въ войско для отправленія церковныхъ службъ. Вмѣстѣ съ Хмѣльницкимъ шелъ на поляковъ и прежній его союзникъ—ханъ крымскій. Враги встрѣтились 20 іюня 1651 г. при Берестечкѣ на рѣкѣ Стыри, и едва началась борьба, какъ ханъ измѣнилъ Хмѣльницкому и внезапно отступилъ со всею своею ордою за три версты. Хмѣльницкій самъ лично отправился къ нему, въ сопровожденіи только двухъ всадниковъ, чтобы его уговорить; но ханъ задержалъ у себя Хмѣльницкаго и не выпускалъ цѣлую недѣлю, и оставшееся безъ вождя казацкое войско потерпѣло страшное пораженіе,—при чемъ убитъ былъ какимъ-то шляхтичемъ и коринѳскій митрополитъ, старавшійся воодушевить казаковъ. Послѣ этого поляки начали опустошать Украйну, и литовскій гетманъ Радзивилъ направился съ сильнымъ отрядомъ на Черниговъ и Кіевъ. Въ Кіевѣ всѣхъ объялъ страхъ, такъ какъ городъ охранялъ одинъ только кіевскій полковникъ Антонъ съ своимъ полкомъ. И потому кіевскій митрополитъ и печерскій архимандритъ написали къ полковнику и просили его лучше удалиться отъ Кіева и напраснымъ сопротивленіемъ не раздражать Радзивила, чтобы его войска, овладѣвъ городомъ, не перебили всѣхъ жителей и не истребили храмовъ Божіихъ. Полковникъ послушался, а митрополитъ съ архимандритомъ отправили просительное письмо къ Радзивилу, умоляя его пощадить Кіевъ, не разорять въ немъ церквей Божіихъ, не

умерщвлять православныхъ христіанъ, потому что они, мирные жители, находятся и хотятъ находиться въ подданствѣ королю, а воюютъ противъ него одни казаки. Хмѣльницкій, какъ только услышалъ объ этомъ, тотчасъ приказалъ кіевскому полковнику воротиться къ Кіеву съ своимъ полкомъ, присоединивъ къ нему еще два полка. А митрополиту написалъ, чтобы онъ оставался въ Кіевѣ безъ всякаго страха, и къ полковникамъ и казакамъ объ удаленіи отъ Кіева впредь не писалъ, и что ему, митрополиту, бояться смерти не годится: если за православную вѣру и пострадаетъ, то пріиметъ вѣнецъ отъ Господа. Радзивилъ однакожъ, несмотря на принятыя Хмѣльницкимъ мѣры, занялъ (25 іюля) Кіевъ, и самъ остановился въ софійскомъ монастырѣ, въ покояхъ митрополита. Многіе жители бѣжали тогда изъ города; но митрополитъ оставался при церкви св. Софіи и печерскій архимандритъ Тризна съ братіею пребывали въ своемъ монастырѣ, хотя и терпѣли великую шкоду отъ поляковъ. Какіе-то своевольцы зажгли Кіевъ ради грабежа, и во время пожара сгорѣло до двухъ тысячъ домовъ и нѣсколько церквей и монастырей, а другіе ограблены. Хмѣльницкій принужденъ былъ заключить 17 сентября подъ Бѣлою Церковію новый договоръ съ поляками, по которому число казаковъ уменьшалось до 20 тысячъ, паны—владѣльцы въ воеводствахъ кіевскомъ, брацлавскомъ и черниговскомъ вступали въ управленіе своими имѣніями и крестьянами, а относительно вѣры православной постановлено было только слѣдующее: «религія греческая, которую исповѣдуетъ войско запорожское, также соборы, церкви, монастыри и коллегіумъ кіевскій, имѣютъ оставаться при прежнихъ правахъ, согласно съ давними при-

виллегіями», т. е. оставаться въ томъ самомъ положеніи, въ какомъ находились до зборовскаго договора. И дѣйствительно, спустя пять мѣсяцевъ, король Янъ-Казиміръ издалъ на варшавскомъ сеймѣ грамату (20 февр. 1652), которою подтверждалъ во всѣхъ частяхъ извѣстную грамату Владислава IV (отъ 14 марта 1635 г.), предоставлявшую уніатамъ такъ много, и возвратилъ имъ все, что было у нихъ отнято по зборовскому договору. Вслѣдствіе этого бывшій уніатскій администраторъ холмской епархіи, Яковъ Суша, какъ самъ говоритъ, вновь занялъ теперь холмскую каѳедру со всѣми ея имѣніями, и принялъ почти всѣ церкви и приходы епархіи, которыя и передалъ уніатскимъ священникамъ. Тоже должно было повториться и въ другихъ мѣстахъ ([22]).

Соглашаясь, по необходимости, на бѣлоцерковскій договоръ, Хмѣльницкій не могъ не чувствовать, что всѣ его усилія, всѣ труды и самыя побѣды оказались безплодными для его несчастной родины—Малороссіи, что онъ не освободилъ ея отъ бѣдствій, отъ которыхъ желалъ освободить, и что однѣми собственными силами, при помощи даже такихъ союзниковъ, какъ крымцы, ему не сломить Польши и не разорвать оковъ, въ какихъ держала она своихъ русскихъ, православныхъ подданныхъ. Для этой цѣли оставалось у Хмѣльницкаго одно надежное средство—отдаться со всѣмъ своимъ народомъ подъ

([22]) Памятн. Кіев. Комм. II, отд. III, № № 3. 14, стр. 127; Собр. Госуд. Грам. III, № 462; Лѣтоп. Самовидца, стр. 24—28; А. Ю. и З. Р. III, № 318, стр. 450; № 320, стр. 454. 456; № 327, стр. 464; № 328, стр. 465—466. 468—470. 472—473; X, № 13, стр. 650; *Петрушев.* Сводн. галицко-русск. Лѣтоп., подъ 1651 г., стр. 307; *Іерлич.* Latopisiec, I, str. 125—126; *Harasiev.* Annal. eccles. Ruthen. p. 331. 345. Грамата Яна Казиміра 22 февр. 1652 г., данная уніатамъ, напечатана у *Жоховскаго* Colloquium Lubelskie, str. 83—84.

покровительство единовѣрной и единоплеменной, могущественной державы московской и навсегда соединиться съ нею. Правда, онъ глубоко былъ огорченъ въ 1649 г. отказомъ царя Алексѣя Михайловича пособить ему противъ поляковъ, основывавшимся на томъ только, что у Москвы съ Польшею было «вѣчное докончанье», и, послѣ зборовской побѣды, открыто говорилъ московскимъ посланцамъ, приходившимъ къ нему, что непремѣнно пойдетъ войною на Москву и разоритъ ее и всѣ московскіе города. Но вскорѣ онъ одумался, и чрезъ тѣхъ же посланцевъ наказывалъ передать въ Москвѣ, что всегда готовъ служить благочестивому государю со всѣмъ запорожскимъ войскомъ, что войною на Москву не пойдетъ, и уговорилъ даже крымскаго хана не воевать съ нею и не вторгаться въ ея украины ([23]). Справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ отношеніи весьма благотворно дѣйствовали на Хмѣльницкаго восточные іерархи. Когда въ 1650 году прибылъ въ Царьградъ посолъ отъ Хмѣльницкаго, чтобы заключить съ султаномъ оборонительный и наступательный союзъ противъ враговъ, и пожелалъ представиться вселенскому патріарху Парѳенію II, то патріархъ, угощая его, по приказанію визиря, обѣдомъ, спрашивалъ: «за что Хмѣльницкій хочетъ воевать московскую землю?» Посолъ отвѣчалъ: «за то Хмѣльницкій имѣетъ недружбу, что посылалъ къ благочестивому царю бить челомъ, съ своими граматами, о помощи на недруга своего, на польскаго короля, и государь не только помощи ему не изволилъ подать, но и граматы его

([23]) А. Ю. и З. Россіи, III, № 278, стр. 348; № 280, стр. 357; № 294; № 305 и др.

къ королю отослалъ». Патріархъ говорилъ послу: «мы молимъ и просимъ у Господа Бога о многолѣтнемъ здравіи благочестиваго царя, чтобы онъ, великій государь, избавилъ насъ отъ нечестивыхъ рукъ; а вамъ достойно быть подданными благочестиваго царя и помощь всякую государю чинить, чтобы всѣ православные христіане были въ соединеніи». Затѣмъ приказалъ послу передать Хмѣльницкому: «если только такое дѣло учинитъ и пойдетъ на государеву землю войною, то онъ не будетъ христіанинъ, и милость Божія не будетъ на немъ въ семъ вѣкѣ и въ будущемъ». Отпуская посла, патріархъ послалъ съ нимъ къ Хмѣльницкому свою грамату и подарки. Равнымъ образомъ и патріархъ іерусалимскій Паисій, проживавшій, по возвращеніи изъ Москвы, въ Молдавіи, въ городѣ Терговищѣ, какъ только услышалъ въ томъ же 1650 г., что Хмѣльницкій будтобы собирается, вмѣстѣ съ крымцами, войною на Москву, тотчасъ же послалъ къ нему своего назаретскаго митрополита Гавріила и Арсенія Суханова съ граматою, въ которой писалъ: «что буде онъ, Хмѣльницкій, на московское государство начнетъ давать помощь крымскому хану, то всѣ они, вселенскіе патріархи, собравшись, учинятъ соборъ, и предадутъ его проклятію, и христіаниномъ его называть не будутъ, и чтобы онъ, гетманъ, съ своимъ войскомъ, царскому величеству всеконечно покорность учинилъ и поклонился, потому что христіанскій государь подъ солнцемъ единый». Выслушавъ эту грамату, въ присутствіи назаретскаго митрополита и Суханова, Хмѣльницкій говорилъ подъ клятвою, что онъ приказу отца своего духовнаго, блаженнѣйшаго патріарха Паисія, ни въ чемъ не преслушаетъ; только бы благочестивый вели-

кій государь Алексѣй Михайловичъ, самодержецъ всея Руси, ихъ челобитье и прошенье не презрѣлъ, и изволилъ ихъ держать подъ своею государскою высокою рукою...; они ему кланяются и хотятъ быть его слугами. Затѣмъ гетманъ отпустилъ митрополита и Суханова въ Москву съ своимъ гетманскимъ листомъ къ царю Алексѣю Михайловичу ([24]). Коринѳскій митрополитъ Іоасафъ, проживавшій у Хмѣльницкаго, также постоянно убѣждалъ его поддаться московскому государю, извѣщалъ послѣдняго о военныхъ дѣйствіяхъ и намѣреніяхъ гетмана и, между прочимъ, писалъ (отъ 11-го марта 1651): «мы говорили съ Хмѣльницкимъ, чтобы онъ отсталъ отъ еретиковъ—ляховъ и, съ своими ратными людьми, учинился работникомъ вашему царскому величію...; и, благодатію Божіею, соберется и поцѣлуетъ крестъ Христовъ на томъ, чтобы имъ (казакамъ) работниками быть вашему царствію, и будутъ готовы головами своими, куда изволишь» ([25]). Съ своей стороны и царь Алексѣй Михайловичъ, хотя и отказалъ, въ 1649 г., Хмѣльницкому въ помощи противъ поляковъ, не переставалъ поддерживать съ нимъ постоянныя сношенія, то чрезъ духовныхъ особъ и другихъ грековъ, приходившихъ въ Москву чрезъ Малороссію, то чрезъ своихъ посланцевъ, и неразъ посылалъ богатые подарки соболями, какъ самому гетману, такъ и сильному у него и во всемъ

([24]) Моск. главный архивъ министерства иностр. дѣлъ, дѣла греческія, связка 29-я, №№ 8. 11. 17; А. Ю. и З. Россіи, III, № 327, стр. 461—463. Сухановъ пишетъ, что онъ былъ въ Чигиринѣ у Хмѣльницкаго и говорилъ съ нимъ, по поводу граматы патріарха Паисія, 2 ноября 1650 года, проѣзжая въ Москву (Проскинитарій, стр. 12).

([25]) Моск. главн. арх. министер. иностр. дѣлъ, дѣла греч., связка 29, №№ 19. 28; А. Ю. и З. Россіи, III, № 318.

запорожскомъ войскѣ войсковому писарю Ивану Виговскому. Въ тоже время царь старался отыскивать предлоги къ разрыву съ Польшею: въ генварѣ 1650 г. онъ отправилъ въ Варшаву пословъ съ требованіемъ, чтобы казнены были смертію авторы изданныхъ тогда въ Польшѣ книгъ, въ которыхъ нанесено было безчестіе московскимъ государямъ, и чтобы за такое безчестіе поляки возвратили Москвѣ тѣ города, которые уступлены были имъ царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ; а въ 1651 г., въ іюнѣ и декабрѣ, посылалъ туда же съ жалобою на приходившихъ въ Москву уполномоченныхъ отъ короля, что они въ своихъ бумагахъ царскаго титула не дописывали, къ безчестію государя, и съ требованіемъ казнить виновныхъ смертію. Наконецъ, царь позволилъ, послѣ бѣлоцерковскаго договора, жителямъ Малороссіи переселяться, въ огромныхъ размѣрахъ, въ южныя степи московскаго государства. Польскіе паны, вмѣстѣ съ жидами-арендаторами, нагрянули тогда въ свои прежнія имѣнія, чтобы вновь давить своихъ крестьянъ, — и вотъ цѣлыя селенія поднимались съ мѣста, складывали на возы свои пожитки, жгли свои хаты и бѣжали отъ ляховъ и жидовъ въ привольныя степи Московіи, и основали тамъ многія слободы и города: Острогожскъ, Харьковъ, Лебединъ, Ахтырку, Сумы, Корочу и другіе. Царь позволялъ (22 марта 1652) даже самому гетману и всему запорожскому войску, соглашаясь на ихъ просьбу, переселиться въ туже привольную сторону, если имъ будетъ великое утѣсненіе отъ поляковъ ([26]).

([26]) А. Ю. и З. Россіи, III, №№ 253. 313. 315. 317. 318. 327. 328; Собр. Госуд. Грам. III, № 148.

Съ конца 1652 года начались болѣе рѣшительныя сношенія между царемъ и гетманомъ. Гетманъ прислалъ въ Москву своихъ пословъ съ граматою (отъ 12 ноября) къ царю Алексѣю Михайловичу, въ которой благодарилъ за великія царскія милости и многократное жалованье, и просилъ выслушать пословъ. Послы вели (17 дек.—29 генв. 1653) переговоры съ боярами «и били челомъ отъ лица гетмана и всего запорожскаго войска, чтобъ государь, для православной вѣры, надъ ними умилосердился и велѣлъ принять ихъ подъ свою высокую руку, и непріятелямъ ихъ — полякамъ помочи на нихъ не давалъ». Царь послалъ, чрезъ своего стольника Якова Лихарева, отвѣтъ гетману и всему войску, что хочетъ, ради православной вѣры, успокоить ихъ междоусобіе съ поляками миромъ чрезъ своихъ великихъ пословъ; а между тѣмъ 22 февраля и 14 марта, на первой и третьей недѣлѣ великаго поста, держалъ съ своими боярами думу, на которой было рѣшено: принять въ подданство Малороссію и объявить Польшѣ войну. Гетманъ и казаки, не зная объ этомъ, прислали въ апрѣлѣ (22 числа) новое посольство въ Москву, и просили, чтобы царь или принялъ ихъ подъ свою руку и далъ имъ помощь противъ ляховъ, или, если желаетъ примирить ихъ съ ляхами чрезъ своихъ великихъ пословъ, то поскорѣе слалъ бы этихъ пословъ, чтобъ король войною на запорожское войско не наступалъ. Царь дѣйствительно чрезъ два дня (24-го апр.) отправилъ въ Польшу своихъ полномочныхъ пословъ, боярина князя Репнина и другихъ, съ требованіями, чтобы виновные въ умаленіи государева титула поляки были немедленно наказаны, и чтобы Польша примирилась съ казаками на условіяхъ зборовскаго договора,

которыя сама же обязалась исполнять, прекратила гоненія на православную вѣру и уничтожила унію. Но еще прежде, чѣмъ послы успѣли доѣхать до короля и заявить ему (20 іюля) свои требованія, къ царю Алексѣю Михайловичу пришла вѣсть отъ путивльскаго воеводы (20 іюня), что у Хмѣльницкаго находится посолъ отъ турецкаго султана, и Хмѣльницкій грозитъ отдаться въ подданство туркамъ, если московскій государь не поспѣшитъ принять его и Малороссію подъ свою руку. И 22 іюня царь уже отправилъ къ Хмѣльницкому грамату, въ которой писалъ: «мы, великій государь, возревновавъ о Бозѣ благою ревностію и возжелѣвъ по васъ, чтобы христіанская вѣра въ васъ не пресѣклась, но паче преисполнялась...,—изволили васъ принять подъ нашу царскаго величества высокую руку, яко да не будете врагомъ креста Христова, въ притчу и поношеніе; а ратные наши люди собираются и къ ополченію строются». Хмѣльницкій отвѣчалъ царю граматою, отъ 9 августа, въ которой благодарилъ царя за премногую милость, изъявленную имъ Малороссіи, и просилъ скорѣе прислать сильную рать на помощь казакамъ противъ ляховъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ гетманъ и все запорожское войско прислали двѣ граматы и къ патріарху Никону (отъ 9 и 12 авг.), и просили, чтобы онъ былъ неусыпнымъ о нихъ ходатаемъ предъ государемъ, да подастъ имъ на враговъ скорѣйшую и прескорѣйшую помощь ратію своею, такъ какъ король идетъ со всею ляшскою силою, желая потребить отъ земли православную вѣру, церкви Божіи и народъ православно-христіанскій. Царь въ сентябрѣ послалъ-было объявить казакамъ, что онъ дожидается возвращенія своихъ великихъ пословъ, отправленныхъ къ королю, и, какъ только

дождется ихъ и узнаетъ объ отвѣтѣ короля, тотчасъ пришлетъ къ гетману свой указъ. Но 25 сентября князь Репнинъ и его товарищи прибыли въ Москву и извѣстили государя, что король правды ни въ чемъ не показалъ и помириться съ черкасами, по зборовскому договору, не согласился [27].

Тогда царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ быть земскому собору и на немъ присутствовать патріарху съ архіереями и другими духовными лицами, боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ, а также выборнымъ изъ стольниковъ, стряпчихъ, дворянъ, жильцовъ и посадскихъ. Соборъ состоялся 1 октября въ грановитой палатѣ. Здѣсь сначала были объявлены и подробно перечислены неправды польскаго короля, а потомъ объявлено и о бывшихъ посольствахъ отъ Богдана Хмѣльницкаго и всего запорожскаго войска съ жалобами на притѣсненія ихъ православной вѣры польскимъ правительствомъ и съ просьбами о принятіи ихъ въ подданство Россіи. Соборъ единогласно рѣшилъ, чтобъ Польшѣ была объявлена война, а Богдана Хмѣльницкаго и все войско запорожское, съ городами ихъ и съ землями, чтобъ государь изволилъ принять подъ свою государскую высокую руку, ради православной вѣры и св. Божіихъ церквей, на которыя паны

---

(27) А. Ю. и З. Россіи, III, №№ 334. 335. 337, стр. 489. 490; *Соловьев.* Истор. Россіи, X, 308. 314, примѣч. 66; А. Ю. и З. Россіи, X, №№ 1. 3, ст. III; Дворцов. Разряды, III, стр. 368; Малороссійская переписка, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1848, VIII, отд. IV, стр. 53—54. Здѣсь же напечатано и письмо войсковаго писаря Ивана Виговскаго къ патріарху Никону отъ 12 авг. 1653 г., выражающее благодарность перваго послѣднему за то, что, по его ходатайству, царь пожаловалъ для троицкой церкви, сооруженной Виговскимъ въ Чигиринѣ, ризы, стихари, сосуды, богослужебныя книги и всю церковную утварь (—стр. 54—55): знакъ, что Виговскій имѣлъ сношеніе съ Никономъ еще прежде.

рады и вся Рѣчь-посполитая возстали съ намѣреніемъ ихъ искоренить. Немедленно отправлены были къ Хмѣльницкому, одно за другимъ, два посольства. Первому посольству наказано было (2 окт.) объявить гетману, что государь принимаетъ войско запорожское, со всѣми городами и землями, въ свое подданство и пришлетъ для того своихъ уполномоченныхъ. Гетманъ выслушалъ это посольство въ Чигиринѣ 24 декабря, и черезъ четыре дня отвѣчалъ государю благодарственною граматою, въ которой говорилъ: «ради твоему пресвѣтлому царскому величеству вѣрне во всемъ служить и крестъ цѣловать, и по повелѣнью твоего царскаго величества повиноватися готови будемъ, понеже мы ни на кого, токмо на Бога и на твое пресвѣтлое царское величество надѣемся». Другое посольство, въ составъ котораго вошли бояринъ и намѣстникъ тверской Бутурлинъ, окольничій и намѣстникъ муромскій Олферьевъ и думный дьякъ Лопухинъ съ большими свитами, отправлено было изъ Москвы 9 октября съ цѣлію дѣйствительно принять Малороссію въ подданство московскаго государя и привести на вѣрность ему къ присягѣ какъ гетмана, такъ и все войско запорожское. Этихъ пословъ на всемъ пути ихъ по Малороссіи вездѣ встрѣчали съ торжествомъ, и духовенство выходило къ нимъ въ церковномъ облаченіи съ св. крестомъ. А при въѣздѣ ихъ въ городъ Переяславъ, 31-го декабря, ихъ привѣтствовали и рѣчами: сперва переяславскій полковникъ Тетеря за пять верстъ отъ города, а потомъ переяславскій протопопъ Григорій предъ самымъ городомъ, вышедшій для встрѣчи пословъ со всѣмъ духовенствомъ, съ крестами, образами и хоругвями. Къ вечеру 6 генваря 1654 г. прибылъ въ Переяславъ гетманъ

Богданъ Хмѣльницкій, на другой день съѣхались туда же полковники и сотники, а 8-го генваря 1654 года происходило самое принятіе ихъ и всего запорожскаго войска въ подданство московскаго государя. Рано утромъ у гетмана была тайная рада съ полковниками, судьями и войсковыми есаулами, и всѣ подклонились подъ государеву высокую руку. Затѣмъ, когда, по звуку барабана, собралось великое множество людей всякаго званія, гетманъ вышелъ къ нимъ подъ бунчукомъ, сопровождаемый полковниками, судьями и есаулами, и, ставъ посреди круга, началъ говорить ко всему народу: «вѣдомо вамъ всѣмъ, какъ Богъ освободилъ насъ изъ рукъ враговъ, гонящихъ церковь Божію и озлобляющихъ все христіанство нашего православія восточнаго. Вотъ уже шесть лѣтъ живемъ мы безъ государя, въ безпрестанныхъ браняхъ и кровопролитіяхъ съ гонителями и врагами нашими..., что̀ уже намъ всѣмъ наскучило, и видимъ, что нельзя намъ жить больше безъ царя. Для того нынѣ мы и собрали раду, явную всему народу, чтобъ вы съ нами избрали себѣ изъ четырехъ, кого хотите. Первый — царь турецкій, который много разъ, чрезъ пословъ своихъ, призывалъ насъ подъ свою власть; вторый—ханъ крымскій; третій—король польскій, который, если сами пожелаемъ, и теперь еще можетъ принять насъ въ прежнюю ласку; четвертый есть православный великой Россіи государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея Руси восточной самодержецъ, котораго мы уже шесть лѣтъ безпрестанными моленіями себѣ просимъ: тутъ котораго хотите, избирайте. Царь турецкій — бусурманинъ: всѣмъ вамъ извѣстно, какъ братья наши, православные христіане, греки бѣду терпятъ и въ какомъ живутъ

утѣсненіи отъ безбожныхъ. Крымскій ханъ тоже бусурманинъ: по нуждѣ, мы приняли его въ дружбу, но какія нестерпимыя бѣды отъ него испытали! Объ утѣсненіяхъ отъ польскихъ пановъ нѣтъ нужды и говорить: сами знаете, что лучше жида и пса они почитали, нежели христіанина, брата нашего. А православный христіанскій, великій государь — царь восточный, единаго съ нами благочестія греческаго закона, единаго исповѣданія; едино мы тѣло съ православіемъ великой Россіи, имѣющее главу Іисуса Христа. Тотъ великій христіанскій государь, сжалившись надъ нестерпимымъ озлобленіемъ православной церкви въ нашей малой Россіи, не презрѣлъ шестилѣтнихъ нашихъ безпрестанныхъ моленій, и теперь, склонивши къ намъ свое милостивое царское сердце, изволилъ прислать къ намъ своихъ великихъ ближнихъ людей съ царскою своею милостію. Если его мы съ усердіемъ возлюбимъ, то, кромѣ его высокой царской руки, болѣе благаго и тихаго пристанища не обрящемъ. А будетъ кто съ нами несогласенъ, теперь куда хочетъ — вольная дорога». Выслушавъ эту рѣчь гетмана, весь народъ закричалъ: «волимъ подъ царя восточнаго, православнаго; лучше, подъ его крѣпкою рукою, въ нашей благочестивой вѣрѣ умирать, нежели достаться ненавистнику Христову, поганину». Тогда гетманъ, съ писаремъ Виговскимъ и со всѣми войсковыми властями, отправился къ московскимъ посламъ на съѣзжій дворъ. Главный посолъ Бутурлинъ вручилъ гетману царскую грамату, которая тотчасъ же, по приказанію гетмана, была прочитана писаремъ Виговскимъ въ слухъ всѣхъ, и всѣ сказали, что служить великому государю рады и принять присягу на вѣрность ему готовы. Изъ съѣзжей поѣхалъ гетманъ

съ бояриномъ Бутурлинымъ и его товарищами и съ войсковыми старшинами въ соборную церковь успенія пресв. Богородицы, гдѣ уже находились, кромѣ мѣстнаго городскаго духовенства, и духовныя лица, прибывшія съ посольствомъ изъ Москвы, и во главѣ ихъ архимандритъ казанскаго преображенскаго монастыря Прохоръ. Онъ-то и приводилъ къ присягѣ по чиновной книгѣ. На этотъ разъ присягнули только гетманъ, писарь, полковники и иные приказные люди. Изъ церкви отправились всѣ опять на съѣзжій дворъ. Здѣсь посолъ Бутурлинъ отъ имени государя вручилъ гетману знамя, булаву, ферязь, шапку и соболи. Потомъ раздалъ государево жалованье соболями писарю Виговскому, полковникамъ, обозничему, судьямъ, есауламъ, и всѣ принимали подарки съ радостію и великою благодарностію. На слѣдующій день, 9 генваря, присягнули сотники, есаулы, писари, казаки, мѣщане и вообще всѣ, находившіеся тогда въ Переяславѣ. Потомъ гетманъ доставилъ государевымъ посламъ роспись всѣмъ городамъ и мѣстамъ, которыми владѣли онъ и запорожское войско, и въ большіе изъ этихъ городовъ, каковы Кіевъ, Нѣжинъ, Черниговъ, послы отправились сами, а въ иные послали стольниковъ, стряпчихъ и дворянъ, и вездѣ жители присягнули московскому государю съ полною радостію. Такъ совершилось одно изъ самыхъ важныхъ событій нашей исторіи — присоединеніе Малороссіи къ великой Россіи ([28]).

За соединеніемъ Малороссіи съ великою Россіею, есте-

([28]) Первое Полн. Собр. законовъ, т. I, № 104; Собр. Госуд. Грам. III, №№ 157. 159 — 163; А. Ю. и З. Россіи, X, №№ 2. 3, ст. VI. XXII; № 4, ст. II, стр. 205—252.

ственно, должно было послѣдовать и соединеніе малорусской церкви съ великорусскою. Но и это дѣло имѣло немало затрудненій и не могло совершиться вдругъ, а совершалось постепенно. Церковныя сношенія между Кіевомъ и Москвою, происходившія при прежнихъ митрополитахъ, Іовѣ, Исаіи и Петрѣ Могилѣ, возобновились и при митрополитѣ Сильвестрѣ Коссовѣ и даже усилились. Прежде одна только сторона сознавала нужду въ другой, и только изъ Кіева обращались съ просьбами въ Москву за матеріальною помощію. Теперь обѣ стороны почувствовали нужду во взаимной помощи: въ Кіевѣ, какъ и прежде, чувствовали нужду въ матеріальной помощи изъ Москвы; въ Москвѣ почувствовали нужду въ духовной помощи изъ Кіева. Въ 1649 году,—какъ мы уже говорили въ своемъ мѣстѣ,—царь Алексѣй Михайловичъ два раза писалъ въ Кіевъ, сперва къ черниговскому епископу Зосимѣ, а потомъ (14 мая) и къ самому митрополиту Коссову, и просилъ, чтобъ выслали въ Москву двухъ знатоковъ греческаго языка для исправленія славянской библіи съ греческой; а царскій постельничій Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ перезвалъ изъ кіевскихъ и другихъ малороссійскихъ монастырей до тридцати ученыхъ монаховъ въ свой московскій андреевскій монастырь, чтобы они учили здѣсь желающихъ грамматикѣ славянской и греческой, риторикѣ и философіи и переводили книги,—и въ томъ же году, по повелѣнію царя и благословенію патріарха, перепечатана въ Москвѣ принесенная изъ Кіева и составленная тамъ книга «малый катихизисъ», перепечатана для поученія всѣмъ православнымъ и особенно учащимся дѣтямъ (29). Царь Алексѣй въ своей граматѣ къ Кос-

(29) Нашей Исторіи т. XI, стр. 596.

сову прямо выражался: «и вамъ бы, митрополиту, намъ—великому государю послужить и нашего царскаго жалованья къ себѣ поискать, и тѣхъ учителей приговорити и прислати къ намъ». Сильвестръ Коссовъ охотно воспользовался этимъ приглашеніемъ государя. Спустя около мѣсяца, посылая къ нему двухъ ученыхъ іеромонаховъ кіевобратскаго монастыря, учителей тамошняго коллегіума, Арсенія Сатановскаго и Епифанія Славеницкаго, Коссовъ послалъ съ ними и третьяго учителя, ихъ товарища, іеромонаха Ѳеодосія Сафоновича, съ своею просительною граматою. Онъ писалъ, что, какъ пастырь Кіева и всей Малороссіи, промышляя, по долгу своему, о всѣхъ своихъ обителяхъ, дошедшихъ въ послѣднее смутное время до крайняго оскудѣнія, онъ наиболѣе имѣетъ въ своемъ попеченіи общежительную обитель св. Богоявленій въ Кіевѣ. Здѣсь блаженной памяти митрополитъ Петръ Могила, съ благословенія патріаршаго, основалъ училище и собралъ благочестивыхъ иноковъ, во всякомъ художествѣ ученія обученныхъ и церкви восточной православной весьма потребныхъ, которыхъ и содержалъ на своемъ иждивеніи во всякомъ обиліи, и которые уже воспитали многихъ благородныхъ юношей, явившихся со временемъ непоколебимыми столпами церкви. Но, «по преставленіи, — продолжалъ Коссовъ, — бывшаго прежде меня митрополита, когда каѳедра митрополіи дана была мнѣ, сравнительно съ нимъ совершенному бѣдняку, и дана «съ зѣло малѣйшимъ стяжаніемъ», и тѣ благочестивые иноки въ довольствѣ своемъ оскудѣли. И я, сжалившись надъ ними и не имѣя, откуда подать имъ руку помощи, указалъ имъ путь къ вашему пресвѣтлому царскому величеству, какъ общему всѣхъ,

во всемъ мірѣ сущихъ, православныхъ пастырей, обителей и иноковъ великому благодѣтелю, въ надеждѣ, что ваше царское величество не захочетъ отринуть отъ своей благодатной десницы и этихъ благочестивыхъ иноковъ, которыхъ самъ іерусалимскій патріархъ Паисій, бывшій у насъ, призналъ весьма потребными для церкви Божіей». Затѣмъ митрополитъ умолялъ царя, чтобы онъ посылаемыхъ къ нему трехъ старцевъ ущедрилъ обильною милостынею и, оставивъ у себя на службу Арсенія и Епифанія, поскорѣе отпустилъ Ѳеодосія и чрезъ него прислалъ кіевобратскому монастырю жалованную грамату, по которой онъ могъ бы и въ послѣдующее время отправлять своихъ иноковъ въ Москву за милостынею. Вмѣстѣ съ граматою митрополита представлены были Алексѣю Михайловичу названными старцами еще двѣ просительныя граматы о томъ же предметѣ: одна отъ игумена кіевобратскаго монастыря и ректора училища Иннокентія Гизеля съ братіею, а другая отъ іерусалимскаго патріарха Паисія, который встрѣтился съ старцами въ Путивлѣ на возвратномъ своемъ пути изъ Москвы, и не упустилъ случая походатайствовать за нихъ предъ государемъ. Государь приказалъ послать митрополиту кіевскому Сильвестру соболями на сто рублей, а братскому монастырю двѣсти рублей деньгами и жалованную грамату на пріѣздъ его иноковъ въ Москву за милостынею чрезъ каждыя пять лѣтъ. Но въ слѣдующемъ, 1650 г., по ходатайству Арсенія Сатановскаго и Епифанія Славеницкаго, царь далъ братскому монастырю, въ замѣнъ этой, другую грамату (отъ 30 авг.), которою разрѣшалось пріѣзжать въ Москву за милостынею тремъ или четыремъ старцамъ чрезъ

каждые два года въ третій ([30]). Были и другіе случаи, когда государь относился въ Кіевъ по церковнымъ нуждамъ. Въ ноябрѣ 1650 г. прибылъ на государево имя изъ кіевопечерской лавры ученый іеромонахъ Дамаскинъ Птицынъ, о которомъ государь писалъ кіевскому митрополиту Коссову еще въ своей граматѣ 1649 года; а въ 1652 г., въ февралѣ, пріѣхали въ Москву, по приглашенію отъ государя, изъ кіевобратскаго монастыря архидіаконъ Михаилъ и съ нимъ одиннадцать пѣвчихъ, а въ апрѣлѣ прибыли изъ Кіева въ Москву еще восемь пѣвчихъ. Равнымъ образомъ и Коссовъ не прекращалъ своихъ сношеній съ государемъ: къ концу 1650 г. онъ ходатайствовалъ своимъ письмомъ предъ Алексѣемъ Михайловичемъ о епископѣ турецкаго города Касторіи Кипріанѣ, проѣзжавшемъ чрезъ Кіевъ въ Москву за милостынею, и, конечно, надѣялся, что это ходатайство будетъ имѣть силу; а лѣтомъ 1651 г. билъ челомъ государю и о самомъ себѣ лично, и писалъ: «избранъ я на митрополію кіевскую во время нужное, когда въ нашей литовской землѣ учинилась нынѣшняя междоусобная брань. Крестьяне, приписанные къ церкви св. Софіи, пошли теперь въ казаки; церкви отъ нихъ доходовъ, послушанія и строенія нѣтъ. Только надѣемся помощи отъ Бога и отъ твоего царскаго величества. Въ церкви св. Софіи нѣтъ книгъ: двѣнадцати миней мѣсячныхъ, да прологовъ на весь годъ, да Ѳеофилакта, да устава большаго; а я отъ мно-

---

([30]) А. Ю. и З. Россіи, III, №№ 259. 261—264. 267; Памятн. кіев. комм. II, отд. I, № 17. Сохранилась грамата митрополита Сильвестра Коссова отъ 22 ноября 1649 г., которою онъ благодарилъ царя Алексѣя Михайловича за присланную имъ милостыню (Москов. главн. архив. мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч., связк. 27, № 22).

гихъ наѣздовъ властелинскихъ, которые властели пріѣзжаютъ въ Кіевъ изъ Польши отъ пановъ и отъ казацкихъ старшинъ, изнищенъ до конца, не могу ничего купить. Вели, государь, дать свое жалованье: двѣнадцать миней мѣсячныхъ, да прологи сентябрскіе и мартовскіе, да Ѳеофилакта, да уставъ большой, и на меня умилосердись, на одежду теплую пожалуй, чѣмъ бы мнѣ зимою согрѣться» ([31]). Въ виду всѣхъ такихъ сношеній между московскимъ государемъ и кіевскимъ митрополитомъ Коссовымъ и, особенно, въ виду послѣдней граматы Коссова, въ которой онъ такъ ясно выражаетъ мысль, что послѣ Бога надѣется помощи только отъ московскаго царя,— хотя грамата эта, какъ неимѣвшая почему-то собственноручной подписи митрополита, заподозрѣна въ Москвѣ и оставлена безъ вниманія,—невольно возникаетъ вопросъ: отчего же Коссовъ, впродолженіе всѣхъ переговоровъ, какіе велъ Хмѣльницкій съ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ о подданствѣ ему Малороссіи, не принималъ въ нихъ никакого участія и ниразу не подалъ своего голоса, хотя дѣло велось преимущественно во имя православія, для спасенія его отъ угнетеній въ Польшѣ? Этотъ вопросъ возникалъ тогда и въ Москвѣ и возбуждалъ недоумѣнія.

По окончаніи присяги въ Переяславѣ московскіе послы Бутурлинъ и прочіе отправились въ Кіевъ. Здѣсь, 16 генваря, на встрѣчу имъ выѣхали изъ города за полторы версты отъ золотыхъ воротъ митрополитъ Сильвестръ, черниговъ-

---

(31) А. Ю. и З. Россіи, III, № № 312. 330; Замѣчанія для истор. русск. церк. пѣнія, въ Чтен. М. Истор. Общ. 1846, III, отд. I, 16. 23—27; Моск. главн. архив. мин. иностр. дѣлъ, дѣла греческ., связка 29, № 11; дѣла польск., связка 55.

скій епископъ Зосима, печерскій архимандритъ Іосифъ и изъ другихъ монастырей игумены и намѣстники. И митрополитъ сказалъ посламъ рѣчь: «когда вы приходите отъ благочестиваго и христолюбиваго свѣтлѣйшаго государя, царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея Россіи самодержца, отъ царя православнаго, православные царскіе мужи, имѣя желаніе посѣтить благочестивое наслѣдіе древнихъ великихъ князей русскихъ; когда приходите къ сѣдалищу перваго благочестиваго россійскаго князя: мы исходимъ во срѣтеніе вамъ, и привѣтствуетъ васъ, въ лицѣ моемъ, онъ—благочестивый Владиміръ, великій князь русскій; привѣтствуетъ васъ св. апостолъ Андрей первозванный, провозвѣстившій, что на семъ мѣстѣ возсіяетъ слава Божія, которая нынѣ пришествіемъ вашимъ опять обновляется; привѣтствуютъ васъ начальники общаго житія, преп. Антоній и Ѳеодосій печерскіе и всѣ преподобные, изнурившіе о Христѣ животъ свой въ сихъ пещерахъ; привѣтствуемъ о Христѣ ваше благородіе и мы, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, и привѣтствуя съ любовію взываемъ: внидите въ домъ Бога нашего и на первѣйшее сѣдалище благочестія русскаго, да обновится вашимъ пришествіемъ, яко орля, юность наслѣдія благочестивыхъ князей русскихъ». У св. воротъ встрѣтило пословъ все кіевское духовенство въ церковныхъ облаченіяхъ, съ крестами, образами и хоругвями, и потомъ пошло крестнымъ ходомъ въ софійскій соборъ. Въ соборѣ самъ митрополитъ съ прочимъ духовенствомъ совершилъ краткое молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія царю Алексѣю Михайловичу и его семейству. И тотчасъ, по окончаніи многолѣтія, въ присутствіи всѣхъ, посолъ Бутурлинъ обратился къ митрополиту съ слѣ-

дующими словами: «въ прошлые годы много разъ присылали къ великому государю нашему гетманъ Богданъ Хмѣльницкій и все запорожское войско бить челомъ, чтобъ великій государь нашъ пожаловалъ, велѣлъ принять ихъ подъ свою государеву высокую руку; а ты, митрополитъ, великому государю нашему о томъ никогда не билъ челомъ, и не писывалъ, и не поискалъ къ себѣ его царской милости: объявижъ теперь намъ, почему ты не билъ челомъ и не писывалъ великому государю». Митрополитъ отвѣчалъ, что «про то, какъ гетманъ Хмѣльницкій и все войско запорожское били челомъ подъ государеву высокую руку, онъ не вѣдалъ; а нынѣ онъ за государево многолѣтное здоровье и за государыню царицу и за благовѣрныхъ царевенъ долженъ молить Бога». Посолъ удовольствовался отвѣтомъ и сказалъ, что великій государь жалуетъ митрополита и черниговскаго епископа, и печерскаго архимандрита, и весь освященный соборъ, и велѣлъ спросить ихъ о ихъ «спасенномъ пребываніи». И весь освященный соборъ за такую царскую милость билъ челомъ ([32]). Но митрополитъ не открылъ посламъ истинной причины, почему онъ не принималъ участія въ челобитьяхъ о подданствѣ московскому государю. Ее, безъ сомнѣнія, знали гетманъ Хмѣльницкій и войсковый писарь Виговскій, и послѣдній еще въ іюлѣ 1651 г. случайно открылъ ее царскому гонцу Богданову, приходившему къ гетману съ соболями. Хмѣльницкій собирался тогда отправить въ Москву знатныхъ пословъ съ челобитьемъ о подданствѣ, и Виговскій, высказывая Богданову, что, вѣроятно, будетъ посланъ именно

([32]) А. Ю. и З. Россіи, X. № 4, стат. II, стр. 251—254.

онъ — Виговскій съ полковниками, присовокупилъ: «думаю, что и митрополитъ кіевскій Сильвестръ начнетъ писать о томъ къ государю...; а еслибъ возможно было, то митрополитъ кіевскій и самъ поѣхалъ бы къ государю бить челомъ отъ всей малой Руси и отъ запорожскихъ черкасовъ, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ принять ихъ подъ свою руку. Да только де ему поѣхать, а государь того учинить не изволитъ, и ему де лише съ поляки ссориться». То есть, митрополитъ боялся, что если онъ начнетъ сноситься съ государемъ и просить его о принятіи Малороссіи въ подданство, а государь на это не согласится, то ему, митрополиту, со всѣмъ его духовенствомъ, съ церквами и монастырями придется плохо отъ поляковъ въ случаѣ ихъ побѣды надъ казаками. Почему онъ и старался не принимать никакого осязательнаго участія въ дѣйствіяхъ Хмѣльницкаго противъ Польши и казаться вѣрноподданнымъ короля. И мы видѣли, что когда польскіе комиссары вели переговоры съ Хмѣльницкимъ, они совѣщались съ кіевскимъ митрополитомъ и употребляли его въ качествѣ посредника, и когда Радзивилъ, послѣ неудачи казаковъ подъ Берестечкомъ, приближался къ Кіеву, то Коссовъ просилъ этого военачальника пощадить городъ, не разорять въ немъ церквей и монастырей, говоря, что противъ Польши воюютъ только казаки, а онъ — митрополитъ и жители Кіева остаются и желаютъ оставаться вѣрными королю. Можно догадываться, что митрополитъ такъ дѣйствовалъ даже не безъ согласія Хмѣльницкаго: потому что Хмѣльницкій, который такъ часто и открыто совѣщался съ греческими іерархами о своихъ намѣреніяхъ поддаться Москвѣ, ниразу не приглашалъ для со-

вѣщаній своего кіевскаго митрополита или кого либо изъ подвѣдомыхъ ему высшихъ духовныхъ особъ; велъ все дѣло о подданствѣ Малороссіи безъ всякаго участія малороссійскаго духовенства, и самую присягу на подданство принялъ, съ другими представителями запорожскаго войска, не въ Кіевѣ, мѣстопребываніи митрополита, а въ Переяславѣ. Даже и теперь, когда царь московскій согласился взять Малороссію подъ свою руку, и когда гетманъ и старшины казацкіе уже присягнули ему, даже и теперь Коссовъ съ своимъ духовенствомъ считалъ за лучшее показывать полякамъ, что онъ покоряется Москвѣ противъ воли: большая часть православныхъ кіевской митрополіи жила внѣ Малороссіи, подъ властію Польши, и ихъ участь, и безъ того тяжелая, сдѣлалась бы еще невыносимѣе въ случаѣ открытой измѣны митрополита; а съ другой стороны нельзя еще было ручаться, что поляки не овладѣютъ вновь Кіевомъ и Малороссіею, и не расправятся тогда съ измѣнниками. Потому-то еще 13 генваря, какъ только въ Кіевѣ получена была вѣсть, что московскіе послы идутъ изъ Переяслава въ Кіевъ для принятія присяги, митрополитъ и печерскій архимандритъ послали чернеца печерскаго монастыря, Макарія Крыницкаго, въ Луцкъ съ цѣлію заявить въ гродскомъ луцкомъ судѣ слѣдующее: «Москва, завладѣвъ Кіевомъ, принуждаетъ отца митрополита, архимандрита и все духовенство къ противозаконнымъ поступкамъ, чтобъ, оставивъ короля, его милость, не считали его государемъ, а поддались бы и присягнули московскому государю. Но все духовенство не желаетъ этого сдѣлать, а желаетъ имѣть государемъ короля, и какъ прежде духовные никогда не были бунтовщиками, такъ и теперь не будутъ,—о чемъ по всѣмъ гродскимъ судамъ

они дѣлаютъ заявленія». На эти заявленія духовенство могло въ свое время ссылаться предъ поляками въ защиту себя отъ ихъ мести. Вообще положеніе кіевскаго митрополита и духовенства было тогда очень затруднительное: имъ нужно было и покоряться новымъ властямъ, московскимъ, и не раздражать на всякій случай прежнихъ властей, польскихъ, фарисействовать предъ ними, хотя нельзя отвергать, что и въ духовенствѣ, какъ между казаками, могли быть лица, начиная съ самого митрополита, которыя не сочувствовали присоединенію Малороссіи къ Москвѣ по своимъ личнымъ побужденіямъ. Митрополитъ Сильвестръ Коссовъ и печерскій архимандритъ Іосифъ Тризна, двѣ самыя сильныя особы въ малороссійскомъ духовенствѣ, оба были шляхтичи и пользовались, при польскомъ правительствѣ, весьма важными преимуществами, которыхъ могли лишиться съ подчиненіемъ Москвѣ: печерскій архимандритъ владѣлъ богатыми имѣніями лавры и, какъ настоятель патріаршаго ставропигіальнаго монастыря, не признавалъ надъ собою никакой мѣстной духовной власти; а митрополитъ, хотя и не владѣлъ такими имѣніями, но, признавая надъ собою только номинальную власть патріарха, являлся совершенно независимымъ іерархомъ въ управленіи своею митрополіею. Изъ среды бѣлаго духовенства можно указать, какъ на лицо, дѣйствительно несочувствовавшее Москвѣ, на чернобыльскаго протопопа, который самъ былъ свидѣтелемъ въѣзда пословъ московскихъ въ Кіевъ и потомъ, 22 генваря, писалъ къ одному подстаростѣ польскому: «Хмѣльницкій выдалъ всѣхъ насъ въ неволю московскому царю по Владиміръ, Туровъ и еще далѣе. Самъ присягнулъ съ войскомъ своимъ, и городъ Кіевъ насильно

принудилъ присягнуть, угрожая смертною казнію. Я самъ несчастными своими очами видѣлъ, какъ москвитяне въѣзжали въ Кіевъ.... Въ золотыхъ воротахъ встрѣтилъ пословъ отецъ митрополитъ и все духовенство; отъ слезъ они не видѣли свѣта Божья, а его милость, о. митрополитъ, обмиралъ отъ печали». Тутъ чернобыльскій протопопъ говоритъ явную неправду: онъ не могъ видѣть, какъ встрѣчалъ пословъ митрополитъ, который, вмѣстѣ съ черниговскимъ епископомъ и настоятелями монастырей, выѣзжалъ для того за полторы версты отъ золотыхъ воротъ, тогда какъ у золотыхъ воротъ ожидало пословъ прочее духовенство. Въ заключеніе своего письма, наполненнаго и другими неточностями въ описаніи встрѣчи пословъ и ложными слухами, о. протопопъ допустилъ еще важную неправду, сказавъ: «царь обѣщаетъ всѣмъ оставить права и имущество, кто поддается добровольно и *окрестится*, и дать даже большія права». Въ Москвѣ, несомнѣнно, былъ еще въ силѣ извѣстный указъ патріарха Филарета Никитича о способѣ принятія въ православную церковь бѣлорусцевъ, и тамъ дѣйствительно перекрещивали при этомъ всѣхъ, заявившихъ о себѣ, что они крещены только чрезъ обливаніе, а не чрезъ троекратное погруженіе, откуда бы они ни приходили, изъ Бѣлоруссіи, или изъ Кіева и другихъ мѣстъ западно-русскаго края. Потому кіевское духовенство могло опасаться, что и теперь, при принятіи жителей Малороссіи въ единство съ Москвою, политическое и церковное, отъ нихъ будутъ требовать перекрещиванія, какъ необходимаго условія, и люди злонамѣренные могли съ умысломъ распространять объ этомъ слухи въ народѣ, чтобы возбуждать его противъ присяги московскому царю. Но въ Москвѣ были

благоразумны, и вовсе не предлагали такого требованія малороссамъ, понявъ, конечно, что оно послужило бы неодолимымъ препятствіемъ къ соединенію ихъ съ великороссами: о перекрещеніи не было и помину ни въ началѣ, ни, какъ увидимъ, при всѣхъ дальнѣйшихъ переговорахъ московскихъ властей съ малорусскими, свѣтскими и духовными (33).

На другой день послѣ пріѣзда своего въ Кіевъ, 17 генваря, московскіе послы, бояринъ Бутурлинъ и его товарищи приняли подъ государеву руку городъ Кіевъ, выслушавъ присягу всѣхъ его жителей, и, что̀ весьма замѣчательно, ни отъ митрополита, ни отъ другихъ духовныхъ лицъ не требовали и не принимали такой присяги: по крайней мѣрѣ, о присягѣ ихъ вовсе не упоминается въ статейномъ спискѣ самихъ пословъ, а говорится только, что они въ тотъ же день посылали сказать митрополиту и печерскому архимандриту, чтобы тотъ и другой отпустили для присяги свою шляхту и слугъ и всѣхъ своихъ дворовыхъ людей и мѣщанъ, которые у нихъ живутъ. Митрополитъ и архимандритъ отвѣчали, что они переговорятъ о томъ между собою и извѣстятъ; но извѣстія не дали. На другой день послы снова отправили къ митрополиту за тѣмъ же сперва подъячаго, а потомъ думнаго дьяка. И митрополитъ говорилъ, что живущіе у него шляхта и слуги и всѣ дворовые люди не имѣютъ никакихъ маетностей при софійскомъ (митрополичьемъ) домѣ, всѣ люди вольные, служатъ ему по найму, и присягать имъ царскому величеству

---

(33) А. Ю. и З. Россіи, III, № 327, стр. 462; Чтен. Моск. Истор. Общ. 1861, кн. III, отд. V, 1—8; нашей Истор. Русск. Церкви, XI, стр. 23—25; А. Э. IV, № 332.

не годится. Когда же посланные настаивали на своемъ требованіи и убѣждали митрополита, чтобы онъ не упорствовалъ, чтобы вспомнилъ прежнюю къ нему государскую милость и не наводилъ на себя царскаго гнѣва, митрополитъ сознался, что шляхты и слугъ и всѣхъ дворовыхъ людей своихъ ему прислать къ присягѣ нельзя: «подъ моею паствою, говорилъ, находятся многіе епископы и всякое духовенство во многихъ литовскихъ городахъ, и какъ только увѣдаетъ про то литовскій король, что я шляхту и дворовыхъ людей своихъ къ присягѣ посылалъ, то велитъ тѣхъ епископовъ и все духовенство порубить, а на мнѣ Богъ взыщетъ за всѣ тѣ души». Тутъ, очевидно, высказалась таже самая боязнь мщенія отъ поляковъ, которая и прежде удерживала Коссова отъ участія въ переговорахъ съ царемъ о подданствѣ ему Малороссіи. Впрочемъ, на слѣдующій день (19 ген.) митрополитъ и архимандритъ покорились и выслали всѣхъ своихъ людей къ принятію присяги. Послѣ чего Бутурлинъ съ товарищами разослалъ митрополиту, и черниговскому епископу Зосимѣ, и печерскому архимандриту, и въ иные монастыри назначенное имъ государево жалованье ([34]).

Въ Москвѣ были недовольны дѣйствіями митрополита Сильвестра, и не упускали случая дать ему это почувствовать. Въ началѣ февраля (5 числа) Богъ даровалъ царю Алексѣю Михайловичу сына—Алексѣя. Съ радостною вѣстію царь отпра-

([34]) А. Ю. и З. Р. X, № 4, ст. II, стр. 254—260. Жалованья назначено было: кіевскому митрополиту два сорока соболей, по сту рублей каждый сорокъ; черниговскому епископу сорокъ соболей въ 80 рублей и сорокъ соболей въ 70 р.; печерскому архимандриту сорокъ соболей въ 100 руб. (тамъ же, стр. 140—141).

вилъ въ Малороссію стольника Полтева и велѣлъ ему ѣхать сперва въ Чигиринъ къ гетману и передать ему царскую о томъ грамату, а изъ Чигирина въ Кіевъ къ митрополиту и, пригласивъ его съ другими высшими духовными лицами въ соборную церковь, объявить ему здѣсь радостную вѣсть словесно. При этомъ Полтеву было наказано: «если спроситъ митрополитъ, почему къ нему нѣтъ государевой грамaты о такой всемірной радости нашей, то ты отвѣчай: онъ—митрополитъ нашей царской милости не искалъ и къ намъ, великому государю, не писывалъ; потому и къ нему нашей царской грамaты не прислано». Полтевъ въ точности исполнилъ волю государеву. Но митрополитъ Сильвестръ, выслушавъ отъ него (2 марта) радостную вѣсть въ своей каѳедральной церкви, вовсе не спросилъ, почему къ нему нѣтъ царской грамaты, а тотчасъ совершилъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, торжественное молебствіе, сопровождавшееся колокольнымъ звономъ, пригласилъ Полтева къ себѣ въ келью, показывая сочувствіе къ царской радости, и послалъ съ нимъ двѣ грамaты (отъ 3 марта): одну къ царю Алексѣю Михайловичу, въ которой, поздравляя его съ рожденіемъ наслѣдника престола, выражалъ отъ себя и отъ всего духовенства, какъ вѣрноподданный, чувства неизглаголанной радости по этому случаю; другую—къ самому новорожденному царевичу съ пожеланіями ему всѣхъ благъ отъ Господа ([35]). Такая смиренная покорность московскому государю со стороны кіевскаго митрополита тѣмъ была замѣчательна, что онъ высказывалъ ее

([35]) А. Ю. и З. Россіи, X, № 6, ст. V. VIII. IX. XIV.

спустя не болѣе недѣли послѣ рѣзкаго столкновенія его съ другими представителями государевой власти,—о чемъ слѣдуетъ разсказъ нашъ.

Въ февралѣ (23 числа) прибыли въ Кіевъ первые московскіе воеводы съ ратными людьми, чтобы защищать его отъ поляковъ и построить въ немъ крѣпость. Митрополитъ оказалъ воеводамъ великую почесть: самъ встрѣтилъ ихъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ въ воротахъ софійской соборной церкви; пѣлъ молебенъ въ церкви и молилъ Бога о государевомъ здоровьѣ, а потомъ за объявленное ими милостивое царское слово билъ челомъ государю со всѣмъ духовенствомъ и мірянами. Но спустя два дня, когда бояре-воеводы явились къ митрополиту и сказали, что они хотятъ строить крѣпость на мѣстѣ близъ софійскаго собора, митрополитъ смѣло отвѣчалъ, что «на томъ мѣстѣ города (крѣпости) онъ ставить не дастъ, потому что та земля—его, софійская, и архангельскаго и никольскаго монастырей и десятинной церкви, подъ его митрополичьею паствою, и онъ тѣхъ земель подъ городъ не поступается». Бояре коснулись самаго чувствительнаго мѣста для западно-русскаго духовенства — церковныхъ имѣній, изъ-за которыхъ оно вело непрестанную борьбу втеченіе столѣтій и перенесло столько скорбей, трудовъ и лишеній. Бояре замѣтили митрополиту, что если онъ пачнетъ бить челомъ государю, то государь пожалуетъ ему, въ замѣнъ той земли, иную. Митрополитъ отвѣчалъ, что «всѣ земли у нихъ подѣлены и, по ихъ правамъ, отдать ему той земли подъ городъ нельзя». Когда же воеводы сказали, что, хотя онъ и не хочетъ отдать той земли подъ городъ, они, по государеву указу, начнутъ ставить тамъ городъ,—митрополитъ разсердился

и произнесъ: «если начнете на томъ мѣстѣ ставить городъ, я начну съ вами биться». Московскимъ воеводамъ эти слова могли показаться страшнымъ преступленіемъ, но въ Литвѣ и во всей Малороссіи они вовсе не имѣли такого смысла: тамъ обыкновенно подобнымъ образомъ отстаивались имѣнія даже противъ королевскихъ указовъ не только свѣтскими, но и духовными владѣльцами. Такія сопротивленія королевскимъ граматамъ и посланцамъ неразъ оказывали сами кіевопечерскіе иноки, а еще прежде и православные владыки,—что̀ мы видѣли въ своемъ мѣстѣ. Удивленные воеводы стали укорять митрополита, что онъ не имѣетъ страха Божія, что прежде онъ былъ одной мысли съ гетманомъ Хмѣльницкимъ, а теперь подъ государевою рукою быть не хочетъ и желаетъ добра королю,—и митрополитъ еще болѣе разсердился и будтобы произнесъ: «гетманъ Хмѣльницкій посылалъ бить челомъ государю и поддался со всѣмъ запорожскимъ войскомъ подъ государеву руку, а онъ де, митрополитъ, со всѣмъ соборомъ бить челомъ государю не посылалъ, и живетъ онъ съ духовными людьми о себѣ, ни подъ чьею властію... Прежде былъ подъ королевскою властью, а впередъ подъ чьею властью велитъ Богъ ему быть, подъ тою и будетъ». И прибавилъ съ угрозою боярамъ: «не ждите начала, ждите конца; увидите сами, что надъ вами вскорѣ будетъ». Тогда воеводы призвали къ себѣ кіевскихъ полковниковъ, бурмистровъ и вообще городскія власти и объявили имъ, что митрополитъ не хочетъ дать избраннаго мѣста подъ городъ или крѣпость. Власти пошли говорить о томъ же городовомъ дѣлѣ митрополиту и, возвратившись, сказали воеводамъ, «что митрополитъ Сильвестръ проситъ у нихъ прощенія во всемъ томъ, что говорилъ про-

тивъ нихъ; а то де онъ говорилъ съ сердца, потому что де прежъ сего поляки и литва многія у нихъ земли себѣ посвоили и завладѣли, и нынѣ онъ чаялъ тогожъ, что ихъ монастырскую землю воеводы завладѣютъ» ([36]).

Чтобы понять смыслъ рѣзкихъ словъ и угрозъ, если только они дѣйствительно были произнесены митрополитомъ, надобно взять во вниманіе, что въ это самое время король польскій разсылалъ свои универсалы (отъ 21 февраля) къ казакамъ и всѣмъ жителямъ Малороссіи, убѣждалъ ихъ не слѣдовать за измѣнникомъ Хмѣльницкимъ, оставаться вѣрными Рѣчи-посполитой, ждать отъ нея скорой военской помощи, и что въ разныхъ мѣстахъ Польши дѣйствительно готовились тогда три рати съ цѣлію нагрянуть на Малороссію и снова завладѣть ею. Коссовъ могъ думать, вмѣстѣ съ другими, что судьба Малороссіи еще неокончательно рѣшена, и она можетъ опять очутиться подъ владычествомъ Польши и, выведенный изъ себя требованіями московскихъ воеводъ, могъ высказаться предъ ними такъ, какъ высказался. Онъ могъ сдѣлать тогда, на всякій случай, и болѣе смѣлый шагъ, надѣясь, что шагъ этотъ останется въ Москвѣ неизвѣстнымъ. Сохранилось извѣстіе, будто «въ 1654 г., въ великій постъ предъ свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ, присылали къ королю на сеймъ митрополитъ и иные духовнаго чина люди двухъ чернецовъ говорить, что имъ съ московскими людьми въ соединеніи быть невозможно, и они того никогда не хотѣли, а Москва хочетъ де еще ихъ перекрещивать,—и король собралъ бы войско и ихъ высвобождалъ, какъ возможно, а они московскихъ

([36]) А. Ю. и З. Россіи, Х. № 7, ст. VI, стр. 387—391.

людей изъ Кіева выбьютъ и будутъ подъ королевскою рукою по прежнему», — хотя извѣстіе это передаетъ только одинъ грекъ Иванъ Петровъ Тафлара, который будтобы находился тогда узникомъ въ Варшавѣ, и которому, по освобожденіи изъ тюрьмы, король будтобы поручилъ разносить его универсалы между казаками и сказалъ, что «малорусскіе духовные подъ его королевскою рукою быть хотятъ попрежнему, и присылалъ къ нему митрополитъ съ духовенствомъ старцевъ, прося себѣ его королевской милости» (37).

(37) А. Ю. и З. Россіи, X, № 10, ст. III; № 11, ст. II. III; № 17, ст. III. Этотъ грекъ, Иванъ Петровъ Тафлара, неразъ приходилъ въ Москву и прежде, по своимъ торговымъ дѣламъ, съ вѣстями изъ Царьграда и другихъ мѣстъ, и, по временамъ проживая у Хмѣльницкаго, служилъ посланцемъ его къ государю; взятъ былъ поляками въ плѣнъ подъ Берестечкомъ. И теперь прислалъ его гетманъ къ государю съ своею граматою (отъ 19 авг. 1654) и просилъ, чтобъ государь повѣрилъ ему во всемъ, что онъ скажетъ, и явилъ ему свое царское жалованье (тамъ же, стр. 771—773). Но, можетъ быть, Тафлара говорилъ государю уже не то, что прежде передавалъ гетману: такъ какъ разсказъ этого грека государю представляется мало вѣроятнымъ. Государю Тафлара говорилъ, будто вслѣдъ за тѣмъ, какъ митрополитъ кіевскій и другія духовныя лица присылали къ королю съ просьбою освободить ихъ изъ-подъ власти московской, король велѣлъ написать свои королевскіе универсалы къ запорожскому войску и всѣмъ жителямъ Малороссіи, будто сначала онъ хотѣлъ послать тѣ универсалы, для распространенія ихъ въ войскѣ, полковнику Богуну, тогда еще не цѣловавшему креста государю, но почему-то раздумалъ, а велѣлъ взять изъ тюрьмы его — Тафлару, чтобы онъ, за такую милость короля, послужилъ ему и отдалъ его универсалы въ запорожскомъ войскѣ, и будто съ этою цѣлію дали ему — Тафларѣ пять королевскихъ универсаловъ, которые онъ и представилъ гетману Хмѣльницкому (тамъ же, стр. 773—774). А между тѣмъ московскіе воеводы писали государю изъ Кіева (31 марта), что король велѣлъ съ сейма разослать листы или универсалы во всѣ черкасскіе порубежные города съ призываніемъ ихъ на подданство попрежнему, и что, по приказу короля, *гетманъ Радзивилъ разослалъ* тѣ листы и въ Кіевъ къ гетману Хмѣльницкому и въ другіе города къ черкасамъ и мѣщанамъ, а одинъ изъ такихъ листовъ воеводы прислали къ самому государю (тамъ же, стр. 543). Равнымъ образомъ и гетманъ Хмѣльницкій универсалъ, полученный имъ именно отъ

Какъ бы то ни было, знали или не знали о всемъ этомъ московскіе воеводы, находившіеся въ Кіевѣ, но они поспѣшили написать о своемъ столкновеніи съ митрополитомъ Сильвестромъ сперва къ гетману Хмѣльницкому (27 февр.), а потомъ и къ государю (14 марта). Хмѣльницкій, какъ мѣстный уроженецъ, лучше понявшій поступокъ митрополита, чѣмъ могли понять московскіе бояре, отвѣчалъ имъ, что «на томъ мѣстѣ острога не дѣлать, потому что та земля митрополичья софійская и св. церквей, и имъ—воеводамъ правъ церковныхъ и даянья православныхъ князей ломать не можно, что онъ вскорѣ пошлетъ о томъ гонца къ государю». Въ Москвѣ сначала очень прогнѣвались на Коссова, и государь въ граматѣ своей къ Хмѣльницкому отъ 27 марта наказывалъ—прислать кіевскаго митрополита Сильвестра въ Москву, чтобы онъ «въ томъ дѣлѣ далъ о себѣ исправленье». Но черезъ три дня государь писалъ уже воеводамъ въ Кіевъ: «митрополиту Сильвестру и иныхъ монастырей архимандритамъ и игуменамъ и всякихъ чиновъ людямъ, у которыхъ земля ихъ отойдетъ подъ городъ,

---

Радзивила, тогда же прислалъ къ государю (тамъ же, стр. 548). Да и трудно повѣрить, будто король не нашелъ возможности распространить свои листы по Малороссіи, а счелъ за лучшее поручить это человѣку, который сидѣлъ у него въ темницѣ и изъ одной мести могъ не исполнить его порученія, будто освобожденному узнику дали для этого только пять универсаловъ, и будто самъ король разсказалъ ему о кіевскомъ митрополитѣ, присылавшемъ пословъ въ Варшаву. Надобно прибавить, что еслибы Коссовъ съ своимъ духовенствомъ дѣйствительно присылалъ въ Варшаву двухъ чернецовъ съ такою цѣлію, то этимъ онъ могъ бы только угодить полякамъ и расположить ихъ къ себѣ. А между тѣмъ онъ подвергался тогда въ Польшѣ самымъ тяжкимъ поношеніямъ и поруганіямъ; про него и его духовныхъ распространяли всякія клеветы и издавали даже пасквили,—на что и указывалъ государю самъ Хмѣльницкій и прислалъ къ нему одинъ изъ такихъ пасквилей (тамъ же, стр. 713. 747—752).

скажите, чтобъ митрополитъ о землѣ, которая у него взята подъ городъ, не оскорблялся; по нашему указу, вмѣсто тѣхъ земель, велѣно имъ дать изъ иныхъ земель». А въ первыхъ числахъ апрѣля государь извѣщалъ Хмѣльницкаго въ отвѣтъ на его ходатайство по дѣлу митрополита: «мы, великій государь, не только не велимъ ломать стародавнихъ правъ церковныхъ, но и сверхъ прежняго нашею государскою милостію награждать будемъ... И митрополита кіевскаго Сильвестра мы пожаловали, велѣли дать ему, въ замѣнъ взятой у него земли подъ городъ, въ другомъ мѣстѣ столько же и даже больше, гдѣ ему будетъ угодно, и онъ бы въ томъ оскорбленья никакого не имѣлъ». Мало этого. Еще въ мартѣ, когда въ Москвѣ находилось посольство отъ гетмана Хмѣльницкаго и запорожскаго войска съ челобитьемъ объ утвержденіи правъ всего малороссійскаго народа, 14 числа «государь указалъ и бояре приговорили: митрополиту (кіевскому) на маетности его, которыми нынѣ владѣетъ, дать жалованную грамату», и тогда же пожаловалъ, чтобы «права, наданныя изъ вѣковъ отъ княжатъ и королей, какъ духовнымъ, такъ и мірскимъ людямъ, ни въ чемъ не нарушены были». А 21-го марта, по ходатайству тѣхъ же пословъ, «пожаловалъ: митрополиту и всѣмъ духовнаго чина людемъ на маетности ихъ, которыми они нынѣ владѣютъ, свою государскую грамату дать велѣлъ» ([38]). Та-

---

([38]) А. Ю. и З. Россіи, X, № 7, ст. IX; № 8, ст. XI, стр. 449. 450; ст. XVII, стр. 480—481; ст. XXIII, стр. 506; № 10, ст. IV, стр. 545—546. Достойно замѣчанія, какъ московскіе воеводы въ Кіевѣ смотрѣли на кіевскаго митрополита и духовенство, даже послѣ того, когда митрополитъ уступилъ имъ землю подъ крѣпость и самая крѣпость была уже построена. Они писали въ Москву: «о кіевскомъ митрополитѣ и о властяхъ какъ государь ука-

кимъ образомъ рѣшенъ былъ общій вопросъ о церковныхъ имѣніяхъ малороссійскаго духовенства, одинъ изъ самыхъ жизненныхъ для него вопросовъ, и оно въ этомъ отношеніи могло успокоиться.

Но, утверждая за кіевскимъ митрополитомъ и всѣмъ его духовенствомъ, равно и мірянами, ихъ древнія маетности, государь въ тойже самой статьѣ, какъ читается она въ окончательной редакціи всѣхъ статей, данныхъ тогда, по указу государеву, гетману Хмѣльницкому, присовокупилъ: «а митрополиту кіевскому, такъ же и инымъ духовнымъ малыя Россіи, быть подъ благословеніемъ святѣйшаго патріарха московскаго и всея великія и малыя и бѣлыя Росіи; а въ права духовныя святѣйшій патріархъ вступати не будетъ» ([39]). Этимъ затрогивался другой, еще болѣе важный вопросъ для всего малороссійскаго духовенства, вопросъ, который безпокоилъ не одно духовенство, но и мірянъ. «Немалую печаль, — писалъ (отъ 16-го марта 1654) православный шляхтичъ Олекшичъ къ брацлавскому полковнику Богуну,— наводитъ на насъ и всѣхъ братій нашихъ, отъ одной крови идущихъ и едину церковь восточную за матерь почитающихъ, когда слышимъ, что патріархъ московскій духовнымъ нашимъ и всему міру христіанскому на повиновеніе себѣ присягать велитъ и отступить отъ пречестнѣйшаго отца, святѣйшаго патріарха константинопольскаго, которому въ область отъ св.

жетъ: въ Кіевѣ къ митрополиту къ благословенію ходить ли, и будетъ учнетъ на обѣдъ къ себѣ звать, и у него быть ли, и къ себѣ противъ того звать ли? Такъ же и о иныхъ властяхъ что государь укажетъ?» (тамъ же, стр. 414).

([39]) А. Ю. и З. Россіи, IV, № 115, стр. 264. Спес. стр. 262.

отцевъ и отъ предковъ нашихъ церкви наши отданы; ради того мы не захотѣли принять уніи и съ костеломъ римскимъ, чтобы не противиться пастырю нашему старѣйшему, котораго далъ намъ Богъ». Указывая на это обстоятельство, Олекшичъ убѣждалъ Богуна, еще не принявшаго присяги московскому царю, не принимать ее и оставаться вѣрнымъ польскому королю (40). Малороссійское духовенство, желая, попрежнему, оставаться въ подчиненіи цареградскому патріарху и исходатайствовать на то соизволеніе московскаго государя, а вмѣстѣ изложить предъ нимъ и другія свои ходатайства и просьбы, рѣшилось отправить къ нему отъ себя особое посольство, по примѣру того, какъ прежде ходило въ Москву посольство отъ гетмана и запорожскаго войска. Приготовленія къ духовному посольству начались еще въ концѣ мая, когда ѣздили въ Чигиринъ къ гетману, для совѣщаній объ этомъ, самъ митрополитъ и печерскій архимандритъ, и продолжались втеченіе іюня и отчасти іюля, какъ свидѣтельствуютъ обозначенія времени на граматахъ, врученныхъ посольству. Во главѣ посольства поставленъ былъ игуменъ кіевскаго никольскаго монастыря Иннокентій Гизель; въ товарищи ему назначены по одному и по два старца отъ кіевскихъ монастырей: софійскаго, печерскаго, архангельскаго-златоверхаго, братскаго-училищнаго и выдубицкаго. Посольство отправилось не въ Москву, а подъ Смоленскъ въ станъ государя, находившагося тогда въ походѣ противъ поляковъ, и прибы-

---

(40) А. Ю. и З. Россіи, X, № 11, ст. VI. Богунъ, однакожъ, остался вѣренъ царю Алексію Михайловичу, и листъ Олекшича представилъ Хмѣльницкому, а тотъ переслалъ къ самому государю (—№ 11, ст. XII, стр. 570).

ло туда 26 іюля. А чрезъ два дня (28 іюля) оно уже было принято государемъ и поднесло ему граматы ([41]).

Главная грамата была отъ кіевскаго митрополита, въ подкрѣпленіе которой гетманъ Хмѣльницкій приложилъ и отъ себя граматы. Митрополитъ въ граматѣ своей, прежде всего, выражалъ общую радость всѣхъ сыновъ малой Россіи, которые, послѣ многихъ гоненій отъ иновѣрныхъ, обрѣли, наконецъ, милостію государя, тихое пристанище подъ его крѣпкою рукою, и особенно выражалъ радость свою, какъ пастырь этихъ духовныхъ овецъ, который, вмѣстѣ съ ними, смиренно и доброхотно преклоняется подъ крѣпкую руку государя, вмѣстѣ съ ними, присно благодаритъ Бога «о нынѣшнемъ соединеніи» и непрестанно молитъ Его, да пособитъ довести до конца начатое благое намѣреніе. Затѣмъ, митрополитъ старался оправдать себя предъ государемъ: «я извѣстился, что ваше царское величество, по оглаголанію нѣкоторыхъ, положилъ на меня гнѣвъ за то, что я сначала не позволилъ присланнымъ въ Кіевъ воеводамъ строить твердыню на землѣ, принадлежащей церкви св. Софіи, престолу моей митрополіи. Да будетъ же вѣдомо вашему величеству, что я поступилъ такъ не изъ какого либо сопротивленія вашему величеству, какъ нѣкоторые оклеветали меня предъ нимъ, а потому, что земля та удѣлена моей митрополіи отъ лѣтъ древнихъ; землю ту защищали, со многими страданіями, отъ хотѣвшихъ взять ее и прежде меня бывшіе митрополиты, и утвердили ее на судахъ крестнымъ цѣлованіемъ. Потому и я, наслѣдникъ престола митрополіи и земли ея, не захотѣлъ,

---

([41]) А. Ю. и З. Россіи. X, № 16, ст. I. Снес. № 12, стр. 598.

чтобы она взята была отъ церкви Божіей: ибо и прокормленіе идетъ нынѣ мнѣ только отъ той земли. Я спрашивалъ у воеводъ, имѣютъ ли они письменное повелѣніе вашего величества, а какъ они письменнаго повелѣнія не имѣли, то я и не соглашался уступить имъ церковнаго мѣста. Прости меня, всемилостивый царь, я сдѣлалъ это изъ ревности къ св. мѣсту церковному, а не изъ сопротивленія вашему величеству. Къ томужъ и отъ гетмана Богдана Хмѣльницкаго, нынѣ нашей земли начальника и повелителя, я имѣлъ повелѣніе, чтобы я не дозволялъ, безъ его повелѣнія, никому ничего отъ насъ брать. А какъ указа отъ гетмана у меня не было, чтобы отдать воеводамъ землю митрополіи, то я немедленно и послалъ къ нему съ извѣстіемъ о томъ. И когда гетманъ, посовѣтовавшись съ своими полковниками, прислалъ мнѣ указъ—уступить то мѣсто подъ твердыню, я не только не возбранялъ воеводамъ, но и благословилъ ихъ строить городъ, который вскорѣ, къ нашей общей радости, и устроился. Да и не одно то мѣсто, но и другія, какія угодно будетъ, я готовъ уступить, по повелѣнію вашего величества, нимало не сомнѣваясь, что ты благоволишь воздать намъ больше... Если были на меня и какія либо другія клеветы, молю, государь, не вѣрь имъ: ибо думаю, онѣ сдѣланы изъ одной ненависти. Посланниковъ же моихъ я доселѣ не посылалъ къ вашему величеству съ челобитьемъ моимъ и всѣхъ моихъ духовныхъ не по нерадѣнію моему или презрѣнію вашей пресвѣтлой державы: мы хотѣли послать, но гетманъ не велѣлъ, пока не возвратятся его посланники отъ вашего величества. Когда же возвратились, то далъ указъ, чтобы и мы посылали своихъ»... Въ заключеніе митрополитъ,

сказавъ нѣсколько словъ о своихъ послахъ, умолялъ государя, чтобы онъ, по своему царскому обѣщанію, объявленному чрезъ бояркна Бутурлина и чрезъ гетманскихъ посланниковъ, а наиболѣе по своей великой милости, благоволилъ утвердить прежнія права и привиллегіи малороссійскаго духовенства, о чемъ статьи письменно изложены на особомъ листѣ и вручены посламъ. Нельзя оставить безъ вниманія, что Сильвестръ Коссовъ, митрополитъ кіевскій и галицкій, подписался подъ этою граматою митрополитомъ не всея Россіи, а только малыя Россіи, и такъ началъ уже нерѣдко титуловаться и подписываться.

Гетманъ Хмѣльницкій въ своихъ граматахъ къ государю, изъ которыхъ одна была отъ 25 мая, а другая отъ 20 іюля, ходатайствовалъ за своего митрополита и защищалъ его. Ходатайствовалъ не только отъ себя, но и отъ всего войска запорожскаго, чтобы государь утвердилъ древнія права и привиллегіи митрополита и всего духовенства и пожаловалъ митрополита всѣмъ, о чемъ онъ проситъ: «ибо и онъ, преосвященный пастырь нашъ, много пострадалъ отъ ляховъ, и нынѣ терпитъ и поношенія, и уничиженія, и поруганія тяжкія; не только устно, но и ругательными писаніями безчестятъ его и другихъ епископовъ, и архимандритовъ, и все православное духовенство, и всю церковь православную, и все благочестіе». Въ защиту же митрополита писалъ: «а что́ прогнѣвался-было твое царское величество на преосвященнаго пастыря нашего, якобы онъ разорялъ дѣло Божіе, и не принималъ совокупленія православія святаго, — тому не вѣрь. Сколько зла потерпѣлъ онъ за вѣру и за православіе святое!» Объяснялъ далѣе гетманъ, почему митрополитъ не доз-

волялъ сначала ставить крѣпость на софійской землѣ, и почему не посылалъ доселѣ своихъ пословъ къ государю, какъ объяснено это и въ граматѣ самого митрополита ([42]). Вмѣстѣ съ граматами къ царю Хмѣльницкій написалъ, конечно, по просьбѣ или съ согласія митрополита Сильвестра, грамату и къ московскому патріарху Никону, въ которой повторялъ тоже самое, что сказалъ въ граматахъ къ государю. Сначала ходатайствовалъ за митрополита: «преосвященный пастырь нашъ, господинъ отецъ Сильвестръ Коссовъ, архіепископъ и митрополитъ..., со всѣмъ соборомъ освященнымъ, посылаетъ бить челомъ великому государю нашему, и тебѣ, великому святителю нашему, твоему верховнѣйшему святительству, чтобы его царское величество, за ходатайствомъ твоимъ», утвердилъ права, привиллегіи и вольности малороссійскаго духовенства, и «мы, гетманъ, со всѣмъ запорожскимъ войскомъ, просимъ и молимъ о всемъ о томъ тебя, великаго святителя». Потомъ защищалъ митрополита: «а что твое великое святительство опалился-было на преосвященнаго пастыря нашего, какъ будто онъ богодарованное соединеніе святаго православія россійскаго портилъ и великому государю нашему сопротивлялся, тому не вѣрь, равно и прочимъ на него клеветамъ. Сколько пострадалъ онъ за вѣру православную втеченіе многихъ лѣтъ!... Ускорилъ бы онъ и прежде прійдти къ его царскому величеству и къ твоему великому святительству и бить челомъ обо всемъ; но не могъ, потому что всего лишенъ и доведенъ до крайняго обнищанія отъ ляховъ, и ожидалъ возвращенія нашихъ войсковыхъ пословъ, желая

([42]) А. Ю. и З. Россіи, X, № 16, ст. II. III.

увидѣть неисчетную милость и великое жалованье его царскаго величества, намъ учиненныя, и о всемъ томъ возрадоваться и возблагодарить Бога,—что̀ и сотворилъ нынѣ, прибывъ къ намъ въ Чигиринъ»... и проч. Всего замѣчательнѣе въ этой граматѣ Хмѣльницкаго были его выраженія: «Божіею милостію великому господину, святѣйшему Никону, патріарху московскому и всея Русіи, зверхнѣйшему пастырю нашему милостивому, Богданъ Хмѣльницкій гетманъ и все войско запорожское до лица земли челомъ бьемъ», и далѣе: «тебѣ великому святителю нашому, твоему зверхнѣйшему святительству». Такими выраженіями гетманъ со всѣмъ войскомъ высказывалъ свое полное согласіе на подчиненіе Малороссіи, въ церковномъ отношеніи, московскому патріарху, по заявленной государемъ волѣ. Но грамата эта, по всей вѣроятности, не была доставлена послами патріарху Никону,—такъ какъ они не были въ Москвѣ, а ходили прямо подъ Смоленскъ къ государю,—и принесена назадъ, почему и сохранилась, въ подлинникѣ, въ ризницѣ кіево-софійскаго собора ([43]).

Въ статьяхъ, которыя изложилъ митрополитъ Сильвестръ Коссовъ на особомъ листѣ и передалъ своимъ посламъ, онъ поручалъ имъ просить: а) чтобы государь изволилъ утвердить

([43]) Эта грамата къ патріарху Никону, какъ очевидно изъ ея содержанія, написана Хмѣльницкимъ несомнѣнно въ одно время съ граматами его къ царю Алексѣю Михайловичу о томъ же предметѣ, слѣдовательно около 25-го мая или 20 іюля 1654 года. И потому необходимо допустить, что, при изданіи этой граматы, сперва въ Прибавл. къ Опис. кіево-соф. собора, № 18, а потомъ въ Акт. Западн. Россіи, V, № 48, въ концѣ ея ошибочно напечатано: «зъ Чигирина 27 марта року 1657». Вмѣсто 27 марта въ подлинникѣ вѣрно стоитъ—27 мая, а вмѣсто року 1657—року 1654.

всѣ церковныя вольности и привиллегіи малороссійскаго духовенства, какія имѣло оно отъ великихъ князей русскихъ и польскихъ королей, и каждаго оставилъ при своемъ правѣ; б) чтобы оно, духовенство, не было отдалено отъ послушанія святѣйшему патріарху константинопольскому, которому подлежитъ оно по правамъ Божіимъ и по правиламъ св. отцевъ; в) чтобы митрополитъ кіевскій, также епископы, архимандриты, игумены, пребывали до смерти, каждый при своей должности, а преемники на мѣста ихъ поступали по вольному избранію духовныхъ и міряпъ, и чтобы московскихъ духовныхъ на ревизію и на всякія начальства въ Малороссію государь не присылалъ; г) чтобы суды духовные исправляли сами духовные съ позываніемъ на судъ митрополита, и на митрополичьемъ судѣ всякое духовное дѣло получало послѣднее рѣшеніе и оканчивалось, и чтобы виноватое духовенство каралось митрополитомъ и митрополичьимъ судомъ тутъ же, а не гдѣ либо индѣ, и не отсылалось въ великую Россію; д) чтобы православные, живущіе за предѣлами Малороссіи, въ Литвѣ и на Волыни, какъ издавна подлежали кіевскому митрополиту, такъ и впредь подлежали ему во всемъ, и всегда имѣли съ нимъ, какъ своимъ пастыремъ, свободное сношеніе; е) чтобы въ замѣнъ имѣній, отошедшихъ отъ разныхъ монастырей и оставшихся въ Литвѣ и на Волыни, государь велѣлъ отвести другія имѣнія вблизи Кіева, а тѣ имѣнія, которыя безправно отняты у церквей и монастырей разными лицами, были возвращены прежнимъ владѣльцамъ; ж) чтобы никого изъ духовныхъ лицъ малой Россіи насильно не тягали въ великую Россію, а когда кому либо изъ нихъ приключится, по дѣламъ, побывать въ великой Россіи, они не

были тамъ задерживаемы. Представляя государю всѣ эти статьи, Иннокентій Гизель присовокупилъ къ нимъ еще свою челобитную отъ имени кіевскаго митрополита и всего освященнаго собора, въ которой писалъ: «кіевскій митрополитъ бьетъ съ нами челомъ вашему царскому величеству о всѣхъ вольностяхъ и правахъ, но наиболѣе о первой вольности, которая служитъ корнемъ всѣхъ нашихъ вольностей и правъ, о послушаніи нашему верховнѣйшему пастырю константинопольскому, до котораго насъ и право Божіе чрезъ св. апостола Андрея и каноны св. отецъ прилучили и совокупили. Не гнушается кіевскій митрополитъ и не возбраняетъ намъ творить послушаніе патріарху московскому и всея Россіи, зная, что и его престолъ установленъ Духомъ Святымъ. Но ужасается, да не вмѣнитъ Богъ этого дѣла въ грѣхъ: ибо что̀ вселенскимъ соборомъ узаконено и утверждено, то не можетъ быть измѣнено, развѣ только вселенскимъ же соборомъ; а вселенскій соборъ можетъ состояться лишь единодушнымъ согласіемъ всѣхъ патріарховъ и ихъ помѣстныхъ соборовъ. Потому митрополитъ кіевскій смиренно и прилежно молитъ съ нами ваше царское величество оставить насъ при нашемъ пастырѣ: ибо на этомъ основаніи всѣ наши вольности созданы. Если же мы не сподобимся въ этомъ вашей царской милости, тогда митрополитъ кіевскій со всѣмъ духовенствомъ начнетъ очень скорбѣть и унывать, также и иные духовные, которые еще не находятся подъ крѣпкою рукою вашего величества, но, какъ извѣстно, усердно желаютъ находиться, видя нашу скорбь, начнутъ малодушествовать. Усердно молитъ кіевскій митрополитъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ, покажи намъ свою милость и подай скорбящей

церкви россійской утѣшеніе» (⁴¹). Вотъ до какой степени не хотѣлось кіевскому митрополиту и духовенству переходить изъ подчиненія цареградскому патріарху подъ власть московскаго! Это подчиненіе они считали корнемъ и основаніемъ всѣхъ своихъ правъ и вольностей: потому что оно было только номинальное, и давало полный просторъ кіевскому митрополиту жить и править своею церковію по своей волѣ, независимо ни отъ кого и безъ всякаго контроля.

Вмѣстѣ съ граматою митрополита и относящимися къ ней граматами гетманскими, послы представили государю и другія граматы: отъ епископа черниговскаго Зосимы Прокоповича и отъ кіевскихъ монастырей. Зосима, проживавшій въ печерской лаврѣ, вѣроятно, въ качествѣ коадъютора или викарія кіевскаго митрополита, ни о чемъ не просилъ государя, а только восхвалялъ его крѣпкую любовь къ Богу и ревность о благочестіи, подвигшія его вооружиться противъ враговъ православія и оставить свои царскія палаты для трудовъ бранныхъ; кланялся государю до лица земли, лобызалъ его царскую руку, и высказывалъ желаніе, да поможетъ ему Богъ одолѣть всѣхъ супостатовъ, возстающихъ на скипетръ царскій и вѣру православную. Кіевскіе монастыри просили, каждый, о своихъ частныхъ нуждахъ и объ утвержденіи своихъ правъ. Съ этою цѣлію прислали печерская лавра двѣ граматы: одну отъ настоятеля, другую отъ гетмана; златоверхій-михайловскій монастырь — также двѣ: отъ настоятеля и отъ гетмана; братскій училищный монастырь — три: отъ намѣстника монастыря, отъ гетмана и отъ бывшаго уче-

---

(⁴¹) А. Ю. и З. Россіи, X, № 16, ст. X. XIII.

ника братскихъ училищъ, войсковаго писаря Ивана Виговскаго. За никольскій пустынный монастырь были двѣ граматы — отъ гетмана и отъ писаря Виговскаго и челобитная отъ самого настоятеля, Иннокентія Гизеля. О выдубицкомъ монастырѣ ходатайствовалъ своею граматою гетманъ. Ко всѣмъ этимъ граматамъ приложена была общая челобитная настоятелей кіевскихъ монастырей съ подробнымъ перечнемъ нуждъ и просьбъ каждаго изъ нихъ ([45]).

Какой же былъ отвѣтъ на всѣ эти граматы и просьбы кіевскаго митрополита и малороссійскаго духовенства, вмѣстѣ съ граматами самого гетмана и войсковаго писаря? Рѣшеніе свое государь объявилъ, чрезъ думнаго дьяка, самимъ посламъ при ихъ отпускѣ (11 авг.) и изложилъ въ своей граматѣ гетману Хмѣльницкому. Онъ, государь, пожаловалъ и митрополита и всѣхъ настоятелей названныхъ кіевскихъ монастырей: велѣлъ дать имъ жалованныя граматы на всѣ ихъ маетности, какими они тогда владѣли. Касательно же маетностей, отошедшихъ прежде, при польскихъ короляхъ, отъ митрополита и отъ монастырей, государь обѣщалъ о возвратѣ имъ тѣхъ маетностей дать указъ впослѣдствіи, когда его царскіе писцы опишутъ всѣ города, мѣста и земли и всякія угодья Малороссіи. «А о которыхъ о иныхъ дѣлѣхъ, — говорилъ государь, — митрополитъ и архимандритъ печерскій и игумены и все духовенство намъ били челомъ, мы великій государь тѣ дѣла велѣли отложити до нашего царскаго прихода къ Москвѣ; а какъ мы въ царствующій нашъ градъ Москву придемъ, то и велимъ о тѣхъ дѣлѣхъ нашъ указъ

([45]) Тамъ же, № 16, ст. IV—IX. XI. XIV.

учинить». Кромѣ того государь послалъ грамату кіевскимъ воеводамъ, чтобы они никакихъ домовыхъ людей и крестьянъ митрополичьихъ, равно какъ слугъ и крестьянъ монастырскихъ, сами не судили, а отсылали ихъ къ митрополиту и въ подлежащіе монастыри для суда, да и ни въ какія духовныя дѣла не вступались. Наконецъ, обдѣливъ, при отпускѣ, каждаго изъ приходившихъ духовныхъ пословъ то соболями, то деньгами, государь пожаловалъ, велѣлъ послать свое государево жалованье и въ Кіевъ: митрополиту Сильвестру сорокъ соболей въ сто рублей, епископу Зосимѣ и печерскому архимандриту Іосифу по сороку соболей, въ семьдесятъ рублей каждый сорокъ, да въ монастыри златоверхій-михайловскій и выдубицкій, на церковное строенье, по сороку соболей, въ пятьдесятъ рублей каждый ([46]). Вотъ и все! Значитъ, духовное посольство приходило изъ Кіева почти напрасно и не достигло почти ничего: такъ какъ жалованныя граматы на имѣнія митрополиту и другимъ духовнымъ лицамъ Малороссіи государь велѣлъ дать еще прежде, по ходатайству пословъ, приходившихъ отъ гетмана и всего запорожскаго войска. А главное — не достигло духовное посольство того, за чѣмъ преимущественно и было отправляемо, и что само называло корнемъ и основаніемъ всѣхъ правъ и вольностей малороссійскаго духовенства, — не достигло, чтобы оставаться кіевской митрополіи, попрежнему, въ подчиненіи константинопольскому патріарху, и чтобы государь отмѣнилъ свое роковое рѣшеніе, данное еще въ мартѣ этого года: «а митрополиту кіевскому, такъ же и инымъ духовнымъ малыя Россіи,

---

([46]) Тамъ же, № 16, ст. XV—XIX.

быть подъ благословеніемъ святѣйшаго патріарха московскаго и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, а въ права духовныя святѣйшій патріархъ вступати не будетъ». Съ этого времени кіевская митрополія, по волѣ государя, считалась уже, въ нѣкоторой степени, фактически соединенною съ московскимъ патріархатомъ, хотя de jure числилась еще въ округѣ константинопольскаго патріарха и подъ его властію. Въ Москвѣ хорошо знали, что, по канонамъ церкви, одинъ патріархъ не можетъ взять себѣ митрополіи, принадлежащей другому патріарху, безъ его на то согласія. И вотъ на первыхъ порахъ, до полученія этого согласія, придумали такую хитрую формулу для опредѣленія взаимныхъ отношеній кіевской митрополіи и московскаго патріарха: кіевскій митрополитъ и все духовенство должны быть подъ благословеніемъ московскаго патріарха, а патріархъ этотъ не будетъ вступаться въ ихъ духовныя права. Но кіевская митрополія не ограничивалась предѣлами одной Малороссіи, а простиралась на Бѣлоруссію и Литву. И здѣсь православные начали присоединяться тогда къ московскому патріархату въ разныхъ городахъ и селахъ, съ своими церквами и монастырями, вслѣдъ за тѣмъ, какъ эти города и села покорялись русскимъ оружіемъ и присоединялись къ великой Россіи. Въ тотъ самый день (1 окт. 1653), когда рѣшилъ государь на земскомъ соборѣ принять въ свое подданство Малороссію, рѣшено было и объявить Польшѣ войну. Спустя двѣ недѣли, какъ отправлено было изъ Москвы (9 окт.) посольство для дѣйствительнаго принятія Малороссіи въ подданство, государь (23 окт.) объявилъ въ соборной церкви, въ присутствіи патріарха Никона и всего освященнаго собора, свой указъ, чтобы въ предстоящей борьбѣ съ

польскимъ королемъ воеводамъ и всякихъ чиновъ ратнымъ людямъ быть безъ мѣстъ и никому ни съ кѣмъ въ отечествѣ не считаться; велѣлъ записать указъ въ разрядную книгу и закрѣпилъ своею государскою рукою. Въ февралѣ (14 и 27 числ.) слѣдующаго года, послѣ того, какъ Малороссія была уже принята въ подданство Россіи, сдѣланы были первыя распоряженія къ походу противъ Польши; а съ наступленіемъ весны, когда войскамъ открылась возможность удобно двигаться, начался и походъ. Въ апрѣлѣ, 23 числа, въ успенскомъ соборѣ, который наполненъ былъ ратными людьми всѣхъ чиновъ, патріархъ Никонъ, совершивъ литургію и молебствіе, приблизился вмѣстѣ съ государемъ къ чудотворной владимірской иконѣ Богоматери, прочиталъ здѣсь молитвы на рать идущимъ и принявъ изъ рукъ государя воеводскій наказъ, положилъ его въ кіотъ иконы на пелену; потомъ, взявъ этотъ наказъ и передавая воеводамъ, сказалъ: «примите сей наказъ отъ престола Господа Бога и упованіе держите неизмѣнное... Идите радостно и дерзостно за св. Божіи церкви, за благочестиваго государя и за всѣхъ православныхъ христіанъ, и исполняйте государево повелѣніе безо всякаго преткновенія. Если же не сотворите по сему государеву наказу, убоитесь и не станете радѣть о государевѣ дѣлѣ, то воспріимете Ананіинъ и Сапфиринъ судъ». А 26 апрѣля, когда выступавшее въ походъ войско проходило черезъ кремль, мимо государева дворца, Никонъ кропилъ войско св. водою и напутствовалъ его своимъ благословеніемъ и рѣчью. Въ маѣ, 15-го числа, выступили изъ Москвы въ походъ новые полки, которые также окроплены были патріархомъ, и государь «отпустилъ изъ соборной церкви въ

Вязьму чудотворную икону пресв. Богородицы иверскую, которая принесена (была) въ царствующій градъ Москву отъ Пареенія, патріарха цареградскаго». Икону провожали отъ успенскаго собора до донскаго монастыря самъ государь и патріархъ Никонъ со всѣмъ освященнымъ соборомъ. А за тою иконою отпустилъ государь казанскаго митрополита Корнилія, да съ нимъ: изъ Казани спасскаго архимандрита Прохора (того самаго, который принималъ въ Переяславѣ присягу гетмана Хмѣльницкаго и его войска на подданство государю), еще двухъ архимандритовъ, трехъ игуменовъ и другихъ духовныхъ, и наказалъ имъ находиться при томъ чудотворномъ образѣ впродолженіе всего похода государева. Наконецъ, 18 мая, отправился изъ Москвы на войну самъ государь (17).

---

(17) Дворц. Разряды. III, 378. 400. 401. 407. 408. 410—412. Что это за чудотворная икона преч. Богородицы иверская, которая принесена была въ Москву изъ Царяграда отъ цареградскаго патріарха Пареенія? Есть мнѣніе, будто такъ названа писавшимъ Дворцовые Разряды та самая икона, которая принесена была съ Аеона въ 1648 г. Никону, тогда еще новоспасскому архимандриту, иверскимъ архимандритомъ Пахоміемъ, въ правленіе цареградскаго патріарха Пареенія (*Архим. Серг.* Иверск. икона Богоматери, стр. 20, М. 1879). Но мнѣніе это не имѣетъ положительныхъ основаній, и ниоткуда неизвѣстно, чтобы копія иверской иконы Богоматери, присланная тогда Никону съ Аеона, считалась уже чудотворною. Почему не допустить, что еще прежде, чѣмъ прислана была съ Аеона Никону, по его желанію, точная копія съ подлинной иверской иконы, въ Москву принесена была именно изъ Царяграда и отъ цареградскаго патріарха Пареенія другая иверская икона, считавшаяся уже чудотворною, когда объ этомъ прямо сказано въ Дворцовыхъ Разрядахъ, писанныхъ въ то время, хотя до насъ и не сохранилось извѣстій, въ какомъ году принесена въ Москву эта чудотворная икона и отъ какого Пареенія, цареградскаго патріарха: отъ Пареенія ли I (1639 — 1644), или отъ Пареенія II (1644—1646 и потомъ 1647—1650)? Икона, присланная Никону съ Аеона въ 1648 г., находится нынѣ въ московскомъ новодѣвичьемъ монастырѣ, равно какъ и другая иверская икона, присланная Никону оттуда

Выступая съ войскомъ въ походъ противъ Польши, государь издалъ воззваніе ко всѣмъ сынамъ св. восточной православной церкви, духовнымъ и мірянамъ, жившимъ по городамъ, мѣстечкамъ, селамъ и весямъ царства польскаго и княжества литовскаго, и объявлялъ имъ, что онъ услышалъ, наконецъ, моленія православныхъ Малороссіи и принялъ ихъ подъ свою державу, а теперь идетъ со многими ратными людьми освободить отъ гоненій за вѣру и всѣхъ другихъ православныхъ въ Литвѣ и Польшѣ,—почему и приглашаетъ ихъ отдѣлиться отъ поляковъ и добровольно передаваться ему, государю, еще до прихода его войска, «да сохранены будутъ ихъ домы и достояніе отъ воинскаго разоренія». Но эти православные еще прежде были подготовлены и возбуждены къ тому, чтобы поддаться единовѣрному государю, извѣстіями изъ Малороссіи, какія получали отъ самого гетмана Хмѣльницкаго и писаря Виговскаго ([46]). И потому едва только московскія дружины вступили въ западно-русскій край,

---

же впослѣдствіи для валдайскаго иверскаго монастыря, находится въ валдайскомъ монастырѣ (*Серг.* Иверск. икона Богоматери, стр. 21—23. 41—46). А *чудотворная* иверская икона, которая принесена была въ Москву изъ Царяграда отъ патріарха Парѳенія, и которую въ 1654 г. отпустилъ царь Алексѣй Михайловичъ изъ успенскаго собора въ Вязьму къ своему войску, не есть ли та самая чудотворная икона иверская, которая находится нынѣ въ иверской часовнѣ въ Москвѣ и особенно чтится всею Москвою и Россіею? Въ иверскую часовню, всегда принадлежавшую перервинскому монастырю, икона эта могла быть передана изъ успенскаго собора патріархомъ Адріаномъ (1690 — 1700), который очень любилъ перервинскій монастырь и построилъ въ немъ своею келейною казною соборную каменную двухъэтажную церковь и для себя патріаршія каменныя же келліи (Истор. Росс. іерархіи, V, 486—490).

([46]) Моск. главн. архив. минист. иностр. дѣлъ, дѣла польскія, 1654 г.; А. Ю. и З. Россіи, III, № 343, стр. 502; X, № 4, стр. 245.

находившійся подъ владычествомъ Польши, какъ, одинъ за другимъ, начали переходить въ ихъ руки тамошніе города. Многіе города сдавались добровольно, безъ боя: Дорогобужъ, Невель, Бѣлая, Полоцкъ, Велижъ, Гомель, Могилевъ, Усвятъ, Шкловъ, Дубровка. Другіе были взяты московскими воеводами послѣ небольшаго сопротивленія: Рославль, Мстиславль, Дисно, Друя, Орша, Чечерскъ, Новый Быховъ, Пропойскъ, Витебскъ. Болѣе всѣхъ городовъ сопротивлялся Смоленскъ; но, наконецъ, сдался 23 сентября самому государю. И все это совершилось впродолженіе какихъ нибудь пяти мѣсяцевъ (съ іюня по ноябрь) 1654 года. Въ слѣдующемъ году Алексѣй Михайловичъ снова отправился въ Литву (11 марта),—причемъ его сопровождали туда тверскій архіепископъ Лаврентій и другія духовныя лица съ влахернскою чудотворною иконою Богоматери. И въ этотъ разъ войсками царя взяты: Вильна, Ковно, Гродно, Пинскъ и другіе города. Словомъ, подъ власть московскаго государя скоро перешли вся Бѣлоруссія и многія мѣстности въ Литвѣ. О сдачѣ или взятіи болѣе значительныхъ городовъ царь тотчасъ же посылалъ извѣстіе патріарху Никону и тогда по всѣмъ церквамъ великой Россіи совершались благодарственныя молебствія. И повсюду, по городамъ и селамъ новопокореннаго края, первымъ дѣломъ новой власти было принятіе присяги отъ жителей и затѣмъ возстановленіе или огражденіе и укрѣпленіе православія ([49]).

([49]) Дворц. Разряды, III, 425—455. 461. 470. 483—488; А. Э. IV, №№ 80. 87. 89; Доп. А. И. III. № 120; IV, № 16. Архидіаконъ Павелъ алеппскій, находившійся тогда въ Москвѣ, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, антіохійскимъ

Въ сентябрѣ 1654 г., 15 числа, царь Алексѣй Михайловичъ, во вниманіе къ тому, что жители Могилева покорились ему добровольно, пожаловалъ имъ свою грамату, въ которой, удовлетворяя всѣмъ ихъ просьбамъ, изложеннымъ и представленнымъ ими на бумагѣ, между прочимъ, говорилъ: «и мы великій государь царь города Могилева бурмистровъ, райцовъ и лавниковъ и мѣщанъ пожаловали, и указали нашимъ богомольцамъ — могилевскому епископу и впредь будущимъ епископомъ поставлятися въ богоспасаемомъ нашемъ царствующемъ градѣ въ Москвѣ (значитъ, объ этомъ просили сами жители Могилева) отъ отца нашего и богомольца, великаго господина святѣйшаго Никона, патріарха московскаго и всея Россіи, и быть могилевскимъ епископомъ и всему освященному собору могилевской епископіи подъ благословеніемъ святѣйшихъ патріарховъ московскихъ и всея Россіи».... И далѣе: «а духовныхъ дѣлъ не судити (мірскимъ властямъ), и въ духовныя дѣла не вступоватися, и духовныхъ людей, священническій и иноческій чинъ, на судъ къ себѣ

патріархомъ Макаріемъ, и бывшій очевидцемъ государева отъѣзда изъ Москвы на войну, говоритъ: «образъ влахернской Богоматери поставленъ былъ передъ царемъ въ его сани, и около царскихъ саней несли значительное число факеловъ, потому что сдѣлалось уже совершенно темно. Мы стояли, пока прошли всѣ войска. Съ царемъ вмѣстѣ уѣхалъ архіепископъ тверскій въ сопровожденіи всего своего штата, состоявшаго изъ большаго числа священниковъ, діаконовъ, монаховъ и иконописцевъ». (*Павла алеппск.* Путешествіе Макарія, патріарха антіохійскаго, кн. X, отд. 2, по англійскому переводу въ т. II, стр. 60). Это сочиненіе, написанное на арабскомъ языкѣ и раздѣленное на XVIII книгъ, съ подраздѣленіями, издано въ англійскомъ переводѣ, въ двухъ томахъ или волюмахъ, подъ заглавіемъ: The travels of Macarius, patriarch of Antioch, written by his attendant archdeacon, Paul of Aleppo, in arabic, translated by *F. C. Belfour*. London. 1836. Для удобности мы будемъ цитовать это сочиненіе порусски.

не призывать, потому что духовный чинъ судитъ епископъ могилевскій или его намѣстники» ([50]). Впрочемъ, хотя въ Могилевѣ тогда не было епископа, такъ какъ послѣдній могилевскій епископъ Іосифъ Кононовичъ Горбацкій скончался въ первой четверти 1653 года; но патріархъ Никонъ не спѣшилъ посылать туда отъ себя новаго епископа, а до времени завѣдывалъ самъ дѣлами могилевской епархіи, какъ и другихъ сосѣднихъ, перешедшихъ тогда подъ власть московскаго государства. Въ декабрѣ 1655 года онъ посылалъ намѣстника своей иверской свято-озерской обители Филоѳея съ братомъ Серапіономъ въ Вязьму, Дорогобужъ, Смоленскъ, Оршу, Копысъ, Шкловъ, Могилевъ и Мстиславль «для-ради всякаго церковнаго исправленія монастырей», находившихся въ этихъ мѣстахъ. Въ концѣ 1656 г. городскія власти и всѣ жители Могилева обратились къ Никону съ жалобою на старцевъ своего братскаго богоявленскаго монастыря, что они живутъ не по-монастырскому, безчинствуютъ и продаютъ вино. И Никонъ, называя себя патріархомъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, послалъ свою грамату (отъ 6 дек.) находившемуся въ Могилевѣ воеводѣ Бутурлину, чтобы онъ не велѣлъ тѣмъ старцамъ безчинствовать и по кабакамъ вина держать, а о непокорныхъ безчинникахъ писалъ къ нему, великому государю ([51]).

([50]) Бѣлорусскій архивъ. № 38; А. И. IV, № 88.

([51]) А. Ю. и З. Россіи. X, № 7, ст. VII; Вилен. археогр. Сборн. II, № 53; Акт. иверск. монастыря, изд. Археогр. коммис., № 88, ст. I. Всѣ мѣста, куда отправлялся тогда намѣстникъ Филоѳей, обозначены въ граматѣ царя Ал. Михайловича, данной по этому случаю отъ 15 окт. 1655 г. (Москов. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч., связка 34, № 5).

Печальное зрѣлище представлялъ собою Смоленскъ для православныхъ москвичей, когда, послѣ сороколѣтняго пребыванія подъ властію Польши, снова перешелъ въ ихъ руки. Въ этомъ издревле православномъ городѣ не оставалось теперь ниодной православной церкви и монастыря; всѣ были обращены въ уніатскіе и латинскіе, и здѣсь имѣлъ свою каѳедру уніатскій архіерей. Но въ тотъ же день, какъ Смоленскъ сдался, государь приказалъ всѣмъ литовскимъ людямъ, которые не хотятъ оставаться подъ его рукою, удалиться изъ города, куда угодно, въ Литву, и тогда удалились многіе уніаты и латиняне съ своимъ духовенствомъ, а нѣкоторые бѣжали изъ города еще прежде. На другой день (24 сент.) послѣ сдачи Смоленска, Алексѣй Михайловичъ велѣлъ поставить для себя тафтяную церковь во имя воскресенія Христова предъ своимъ государевымъ станомъ противъ молоховскихъ воротъ города, которая на слѣдующій день и освящена казанскимъ митрополитомъ Корниліемъ. Вслѣдъ за тѣмъ быстро начали возстановляться въ Смоленскѣ православные храмы и монастыри, и православіе сдѣлалось господствующею вѣрою, какъ было издревле. Устроеніе церковныхъ дѣлъ въ Смоленскѣ могло быть на время поручено патр. Никономъ находившемуся тамъ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ съ марта по декабрь 1655 г. тверскому архіепископу Лаврентію. А въ 1656 г., по опредѣленію московскаго собора, назначенъ былъ въ Смоленскъ и постоянный епископъ, бывшій суздальскій, Филаретъ, которому велѣно было царскимъ указомъ взять съ собою туда изъ Переславля половину архіерейской ризницы и нѣсколько человѣкъ пѣвчихъ и дѣтей боярскихъ, служившихъ при суздальскомъ архіерейскомъ домѣ. Филаретъ не-

медленно обратилъ въ Смоленскѣ уніатскій соборъ, построенный, по приказанію Сигизмунда III, на мѣстѣ древле-православнаго, въ соборъ православный, и возстановилъ монастыри— авраамієвъ и вознесенскій, которыми, при польскомъ владычествѣ, владѣли латиняне (52).

Еще плачевнѣе было положеніе православныхъ въ Полоцкѣ. Здѣсь они не только не имѣли, но и не могли имѣть, ниодного храма, въ силу извѣстной граматы Владислава IV, подтвержденной въ 1652 г. Яномъ Казиміромъ. Кромѣ того, здѣсь издавна господствовали іезуиты съ своимъ коллегіумомъ; здѣсь покоились останки особенно чтимаго уніатами, яраго фанатика и гонителя православныхъ, Іоасафа Кунцевича; здѣсь имѣлъ пребываніе самъ уніатскій митрополитъ Антоній Селява. Но еще прежде, чѣмъ московскія войска приблизились къ Полоцку, изъ него бѣжали іезуиты, какъ и прочіе латинскіе и уніатскіе монахи, вмѣстѣ со многими другими латинянами и уніатами; бѣжалъ и митрополитъ Селява, забравъ съ собою церковныя сокровища и останки Кунцевича, которыя сначала положены были въ жировицкомъ монастырѣ, а потомъ перенесены въ Замостье. Потому неудивительно, если Полоцкъ, за удаленіемъ изъ него этихъ враговъ православія, добровольно сдался московской рати. Государь тотчасъ, по сдачѣ Полоцка, пожаловалъ жителямъ его грамату (отъ 7 сент. 1654 г.) на разныя права и льготы, а за тѣмъ началъ жаловать своими граматами возстановлявшіеся въ Полоцкѣ мо-

---

(52) Дворц. Разр., III, 449—450. 470—471; *Мурзакевича* Исторія Смоленска, стр. 178. 180; Дѣяніе москов. собора напечатано *Субботин.* въ Матеріал. для исторіи раскола, I, 9—14.

настыри и церкви. Наиболѣе оказалъ онъ своихъ милостей полоцкому богоявленскому монастырю, и не только утвердилъ за нимъ его прежнія владѣнія, но и надѣлилъ его новыми, благодаря преимущественно тому обстоятельству, что игуменомъ въ этомъ монастырѣ съ 1656 г. сдѣлался умный и ловкій Игнатій Іевлевичъ, который неоднократно встрѣчалъ тогда въ Полоцкѣ государя, совершалъ въ присутствіи его молебствія и литургію, сказалъ ему нѣсколько рѣчей и умѣлъ заслужить его благоволеніе. Патріархъ Никонъ, для управленія полоцкою епархіею, на первыхъ порахъ назначилъ только намѣстника полоцкой епископской каѳедры, избравъ на эту должность одного изъ мѣстныхъ монастырскихъ настоятелей, именно игумена витебскаго марковскаго монастыря Каллиста. Этому намѣстнику Никонъ далъ грамату или инструкцію (13 марта 1656 г.), въ которой предоставлялъ ему власть править духовными дѣлами въ Полоцкѣ, Витебскѣ и во всѣхъ предѣлахъ, находившихся подъ вѣдѣніемъ прежнихъ полоцкихъ епископовъ, и завѣщавалъ: а) имѣть повиновеніе и послушаніе во всемъ только ему, патріарху московскому и всея великія и малыя и *бѣлыя* Россіи; б) во всѣхъ важныхъ дѣлахъ и недоумѣніяхъ обращаться къ нему же, патріарху; в) учить народъ во всей полоцкой епархіи правовѣрію и заповѣдямъ Христовымъ, а для обученія дѣтей чтенію и доброгласному пѣнію заводить училища и избирать для нихъ благонадежныхъ учителей; г) судить духовенство епархіи, бѣлое и монашествующее, и мірянъ по духовнымъ дѣламъ, какъ судили прежніе полоцкіе епископы; д) освящать церкви, новыя и прежнія, еще неосвященныя, или оскверненныя и запустѣлыя, равно и монастыри, и назначать въ нихъ, какъ

и во всѣ церкви и монастыри епархіи, священниковъ и настоятелей, и отставлять ихъ отъ мѣстъ, если окажутся безчинными; е) имѣть жительство и пребываніе въ Полоцкѣ при софійскомъ соборѣ, гдѣ жили прежніе епископы, въ братскомъ богоявленскомъ монастырѣ, и въ Витебскѣ при церкви успенія пресв. Богородицы, въ монастырѣ Алексія, человѣка Божія, и владѣть всѣми дворами и маетностями, какими владѣли прежніе полоцкіе епископы. Но, спустя годъ съ небольшимъ, патріархъ Никонъ вызвалъ Каллиста въ Москву и рукоположилъ его въ епископа. Въ іюнѣ 1657 г. его встрѣчалъ въ Полоцкѣ привѣтственною рѣчью богоявленскій игуменъ Игнатій Іевлевичъ, какъ пастыря правовѣрнаго, дарованнаго церквамъ бѣлорусскимъ ревностію Богомъ вѣнчаннаго царя, «благословеніемъ же высочайшаго архіерея, святѣйшаго Никона, отца отцемъ». Вскорѣ по прибытіи на свою каѳедру, Каллистъ далъ указъ (отъ 23 іюня) всѣмъ архимандритамъ, игуменамъ, священникамъ и діаконамъ епархіи представить ему свои настольныя и ставленныя граматы для подписи и утвержденія, равно и уніатскимъ попамъ — представить ставленныя граматы для исправленія. А въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, 18 числа, послалъ въ Могилевъ игумена Игнатія Іевлевича и поручилъ ему, чтобы онъ опредѣлилъ тамъ въ спасскій монастырь новаго намѣстника, кого признаетъ способнымъ, и самъ обревизовалъ въ городѣ соборную церковь и монастыри, а для обозрѣнія приходскихъ церквей въ городѣ и уѣздѣ назначилъ, по своему усмотрѣнію, какого либо священника и діакона, и чтобы велѣлъ всѣмъ священнослужителямъ Могилева и его уѣзда являться съ своими ставленными граматами въ Полоцкъ для засвидѣтельствованія

ихъ, а униатскихъ поповъ съ подвижными антиминсами немедленно выслалъ изъ Могилева. Все это показываетъ, что епископу Каллисту временно отданъ былъ въ управленіе и Могилевъ съ уѣздомъ. Въ 1648 г. патріархъ Никонъ, по просьбѣ богоявленскаго игумена Игнатія и всей братіи, изъялъ, своею граматою отъ 27 марта, этотъ монастырь изъ-подъ власти полоцкаго епископа Каллиста и взялъ въ свое непосредственное вѣдѣніе, въ качествѣ патріаршей ставропигіи; а царь Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ тому монастырю новую грамату (отъ 11 сент.) на вотчины ([53]).

Желая прочнѣе утвердить и оградить православіе въ новопокоренномъ западномъ краѣ, царь Алексѣй Михайловичъ приказывалъ совсѣмъ удалять изъ городовъ и изъ селъ послѣдователей уніи, чтобы они не соблазняли и не увлекали православныхъ. И когда, въ 1657 г., онъ услышалъ, что уніаты начали возвращаться въ Вильну и другіе города и уѣзды и отправлять службу по своему обычаю, то послалъ грамату своимъ воеводамъ, находившимся въ томъ краѣ, чтобы они тотчасъ же выслали изъ Вильны и иныхъ городовъ и мѣстъ всѣхъ уніатовъ и впредь высылали вонъ и нигдѣ не принимали. Виленскій воевода князь Шаховскій, получивъ эту царскую грамату, собралъ въ съѣзжую избу всѣхъ державшихся уніи бурмистровъ, райцевъ и мѣщанъ и объявилъ имъ, чтобы они или принимали православіе, или удалились вонъ изъ города, по указу государеву. И тѣ виленскіе бурмистры, райцы и мѣщане, пришедши чрезъ нѣ-

(53) *Stebelsk.* Chronolog. II, 286 — 290; Собраніе граматъ касательно города Полоцка, №№ 1—16. 20—25. 27. 28, въ древн. росс. Вивліоѳ. III, стр. 289—352; Бѣлорусск. архив., № 39; 1-е Полн. Собраніе закон. т. I, №№ 179. 225.

сколько времени къ воеводѣ въ съѣзжую избу, сказали, что они готовы принять православіе. Воевода, переписавъ имена ихъ, отдалъ эту рукопись въ свято-духовъ монастырь намѣстнику Даніилу Дороѳееву, чтобы онъ принялъ ихъ въ православную церковь. Подобное могло случиться и въ другихъ городахъ и мѣстахъ края. Это сильно встревожило уніатскихъ епископовъ. Епископы холмскій Яковъ Суша и полоцкій Гавріилъ Коленда обратились съ просьбою къ самому папѣ (отъ 12 марта, 1658 г.), а вслѣдъ за ними и все уніатское духовенство и монашество (отъ 14 іюля и 3 авг.), чтобы онъ заставилъ короля Яна Казиміра заступиться за нихъ предъ царемъ московскимъ и объяснить ему, что уніаты неразрывно связаны съ римскою церковію, и что если московское правительство терпитъ, не преслѣдуетъ въ Вильнѣ римскихъ католиковъ, то должно терпѣть и уніатовъ, — причемъ выражали желаніе, чтобы царь дозволилъ устроить соборъ уніатскаго духовенства съ московскимъ, и увѣренность, что они докажутъ на соборѣ истинность своей вѣры и, можетъ быть, обратятъ самую Москву къ уніи. Достойно замѣчанія, что царь приказывалъ тогда виленскому воеводѣ отыскать и прислать въ Москву чудотворную икону Богоматери, писанную, по преданію, евангелистомъ Лукою, вѣроятно, ту самую, которою нѣкогда благословилъ великій князь московскій Иванъ Васильевичъ III дочь свою Елену, отпуская ее въ землю литовскую. Но этой иконы, сколько ни искали не только въ Вильнѣ, но и по другимъ мѣстамъ, отыскать не могли: уніатскіе монахи ее куда-то скрыли (54).

(54) А. И. IV, №№ 115. 127. А посланіе уніатскихъ епископовъ и духовенства къ папѣ—*Theiner*, Documents historiques de Russie, pag. 33 и слѣд.

Перенесемся мыслію опять въ Кіевъ и Малороссію: что происходило тамъ въ церковномъ отношеніи? Кіевляне, несомнѣнно, признавали Никона своимъ патріархомъ. Въ маѣ 1654 г., отправляя отъ себя посольство въ Москву, чтобы получить утвержденіе своихъ городскихъ правъ отъ государя, они писали и къ Никону, просили его ходатайства и называли его святѣйшимъ патріархомъ, не только всея великія, но и *малыя* Россіи. И случилось такъ, что, за отсутствіемъ царя Алексѣя Михайловича, всѣ приговоры бояръ по просьбамъ кіевлянъ утвердилъ «великій государь, святѣйшій патріархъ» Никонъ. Гетманъ Хмѣльницкій со всѣмъ запорожскимъ войскомъ также признавалъ Никона своимъ патріархомъ, какъ мы видѣли изъ граматы гетмана, гдѣ онъ неоднократно называлъ Никона своимъ великимъ святителемъ, своимъ «зверхнѣйшимъ» пастыремъ. Чаще другихъ писалъ къ Никону войсковый писарь Виговскій, называя его также патріархомъ и малыя Россіи, сообщалъ ему разныя извѣстія, просилъ его ходатайствъ, получалъ отъ него отвѣтныя граматы и благословенія (55). Но духовенство кіевское ничѣмъ ясно не обнаруживало, что признаетъ Никона своимъ патріархомъ, хотя и обязано было находиться подъ его благословеніемъ волею государя. Оно не было удовлетворено въ своихъ желаніяхъ и просьбахъ московскимъ правительствомъ. Царь не оставилъ за кіевскою іерархіею древняго права — пользоваться почти совершенною независимостію подъ номинальною властію цареградскаго патріарха, и утвердилъ за духовными лицами

(55) Малороссійская переписка, №№ X. XVIII. XX; А. Ю. и З. Россіи, X, № 13, ст. VIII, 619—625.

только тѣ ихъ имѣнія, какія находились въ Малороссіи, но ничего не далъ въ замѣнъ тѣхъ имѣній, которыя остались въ предѣлахъ Польши, и которыхъ духовенство лишилось по присоединеніи Малороссіи къ Москвѣ. Между тѣмъ вознагражденія за эти-то потерянныя имѣнія духовенство всего болѣе и желало и ожидало отъ своего новаго государя; а имѣнія, находившіяся въ самой Малороссіи, достаточно ограждались для духовенства властію одного гетмана. Гетманъ Хмѣльницкій, какъ до присоединенія Малороссіи къ Россіи, такъ и послѣ присоединенія, самъ раздавалъ кіевскимъ и другимъ монастырямъ граматы, и этими граматами не только утверждалъ и охранялъ ихъ прежнія владѣнія, но иногда надѣлялъ ихъ и новыми. Такъ, кіево-михайловскому дѣвичьему монастырю пожаловалъ два села на пропитаніе; лубенскому мчарскому отдалъ сѣножати, принадлежавшія ксендзамъ бернардинамъ; кіево-братскому училищному—маетности, принадлежавшія ксендзамъ доминиканамъ, и пять селеній подъ Фастовымъ, бывшихъ во владѣніи іезуитовъ ([56]). Кіевское духовенство не могло не чувствовать, что положеніе его подъ властію Москвы на первыхъ порахъ не улучшилось, а сдѣлалось даже хуже, чѣмъ было прежде, при польскомъ правительствѣ, и естественно не могло быть довольнымъ своею новою участію. Оно покорялось московскимъ властямъ, исполняло ихъ волю; но не была ли эта покорность только наружною? Когда въ генварѣ 1655 года царь Алексѣй Михайловичъ прислалъ къ кіевскимъ воеводамъ грамату о своихъ побѣдахъ

(56) А. З. Р. V, №№ 27—29. 31—34. 36. 39. 40. 42. 45—47. 49. Памятн. кіев. комм., II, отд. I, № 18; А. Ю. и З. Россіи, III, № 314.

въ Бѣлоруссіи, и приказалъ, чтобы воеводы, созвавъ въ софійскій соборъ духовенство и мірянъ, объявили имъ эту грамату и велѣли совершить благодарственное молебствіе, то, по зову воеводъ, явились въ соборную церковь архимандриты печерскій Іосифъ Тризна и михайловскій Ѳеодосій Василевичъ, равно игумены и другихъ монастырей, и протопопы, и попы и весь освященный соборъ, и отправили торжественное молебствіе. А «кіевскій митрополитъ Селивестръ, какъ извѣщали воеводы царя, за болѣзнію, въ соборной церкви у молебна не былъ, и мы твою государеву грамату объявили ему въ кельѣ. И митрополитъ, слушавъ грамату, учалъ Богу хвалу воздавать, и велѣлъ на радости у себя въ монастырѣ изъ пушекъ стрѣлять» ([57]). Но скоро обстоятельства начали-было располагаться не въ пользу Москвы. Хмѣльницкій и московскій воевода Шереметьевъ въ томъ же мѣсяцѣ генварѣ встрѣтились съ татарскимъ и польскимъ войсками подъ Ахматовымъ, и принуждены были отступить къ Бѣлой Церкви; а изъ Бѣлоруссіи стали доноситься вѣсти, что нѣкоторые изъ покорившихся царю городовъ измѣняютъ ему и передаются полякамъ, и что литовскій гетманъ Радзивилъ уже осадилъ Могилевъ. И вотъ тотъ же самый архимандритъ Ѳеодосій Василевичъ, который недавно, вмѣстѣ съ прочимъ кіевскимъ духовенствомъ, совершалъ въ софійскомъ соборѣ молебствіе по случаю побѣдъ московскаго государя въ Бѣлоруссіи, тотъ самый Ѳеодосій, который въ іюлѣ прошлаго года посылалъ къ царю Алексѣю Михайловичу челобитную и увѣрялъ его въ своей непоколебимой преданности, и о которомъ тогда же

([57]) А. Ю. и З. Россіи, X, № 7, ст. XII.

Хмѣльницкій говорилъ царю: «той архимандритъ зѣло потребенъ есть церкви святой, искусенъ мужъ и премудръ, и на вся дѣла вѣрѣ нашей благочестивой благопотребенъ, и тебѣ великому государю нашему вѣренъ, и всякаго добра прямо желаетъ»,—тотъ самый архимандритъ Ѳеодосій внезапно очутился теперь (въ мартѣ и апрѣлѣ 1655 г.) въ станѣ литовскаго гетмана Радзивила подъ Могилевомъ, и старался убѣдить осажденныхъ могилевцевъ, чтобы они сдались польскому войску. Онъ разсчитывалъ болѣе всего подѣйствовать на нихъ ложными извѣстіями объ опасности, и переслалъ въ Могилевъ два свои письма, совершенно сходныя по содержанію, одно къ бурмистрамъ, радцамъ и лавникамъ, другое къ отцу Мукачевскому и вообще къ духовенству, и въ письмахъ говорилъ: «я едва убѣжалъ изъ Украйны, совсѣмъ уже завоеванной ордою и коронньмъ войскомъ, и не могъ найти себѣ болѣе безопаснаго пристанища, какъ тутъ въ литовскомъ краѣ. Да и все духовенство радо бы перейти сюда, еслибы не мѣшали татарскіе разъѣзды. Самъ его милость митрополитъ имѣлъ намѣреніе удалиться въ Могилевъ, не вѣдая о вашей несчастной и пагубной для нашей вѣры измѣнѣ, что вы своему прямому пану (королю) не покоряетесь и сдѣлались его врагами. Теперь я подлинно узналъ, что отецъ митрополитъ изволитъ направить свой путь куда либо въ другое мѣсто, а не сюда. Только далъ бы ему Богъ безопасно высвободиться изъ-за Днѣпра, гдѣ нынѣ находится. Кіевъ подлинно завоеванъ: ибо при мнѣ орда съ польскимъ войскомъ была въ осми миляхъ отъ него. Бѣлая Церковь, Бреславль, Корсунь, Умань и другіе города орда опустошила и разграбила. Самъ Хмѣльницкій съ нѣсколькими десятками всадниковъ

какъ въ воду канулъ, и не знаютъ, гдѣ нынѣ находится. Московскаго войска съ Бутурлинымъ и Шереметьевымъ было двѣнадцать тысячъ, и оно такъ побито, что едва нѣчто ушло. А орды 80000 и короннаго войска 50000, и они, завоевавъ Украйну, готовятся идти на столицу Москву. Москвитяне въ великихъ попыхахъ, и уже изъ Путивля уходятъ. Мы же, убогіе, съ его милостію, отцемъ митрополитомъ и со всѣми духовными, ничего другаго для себя и придумать не можемъ, какъ только пріютиться здѣсь въ Литвѣ, возлагая всю надежду на Бога и на милость князя (Радзивила). Только то намъ мѣшаетъ, что ваши милости не хотите покориться пану гетману (т. е. Радзивилу)»... Но могилевцы не только не послушали этихъ писемъ, а еще задержали у себя монаха Арсенія, посланнаго къ нимъ Ѳеодосіемъ Василевичемъ. Разгнѣванный Василевичъ написалъ къ нимъ новое письмо, на имя духовенства и мѣщанъ, въ слѣдующихъ словахъ: «окаменѣло сердце ваше; вы и Бога въ себѣ не имѣете, и, конечно, не въ состояніи ни мыслить, ни дѣлать ничего добраго. Я думалъ, что вы почитаете пастырскую власть отца митрополита, отъ котораго я пріѣхалъ сюда для убѣжденія васъ его именемъ, и, не желая вашей погибели, просилъ, именемъ тогоже митрополита, князя (Радзивила), чтобы онъ сохранилъ васъ въ цѣлости, когда покоритъ. А вы, когда я забочусь о вашей цѣлости, воздавая мнѣ зломъ за добро, не только не хотите опомниться, но еще о. Арсенія схватили, который для васъ, вмѣстѣ со мною, трудился. Это злое дѣло совершили вы въ вѣчную укоризну священному сану и въ безчестье уже не мнѣ только, но и отцу митрополиту, котораго я намѣстникъ... Я говорю вамъ, какъ духовный вашъ пастырь, и прошу, подъ

клятвою архіерейскою прошу: одумайтесь, возвратите о. Арсенія, склонитесь на истину и вышлите съ о. Арсеніемъ ваше окончательное рѣшеніе. Если же этого не сдѣлаете, пусть казнитъ васъ Богъ временно и вѣчно; пусть городъ вашъ погибнетъ, какъ Іерихонъ, Содомъ и Гоморра, и да будутъ имена ваши изглажены изъ книги живота: это я изрекаю вамъ именемъ отца митрополита съ вѣчнымъ проклятіемъ»... Но ни устрашенія, ни проклятія Василевича не подѣйствовали на жителей Могилева; они не покорились, отбили приступы Радзивила, остались вѣрными московскому государю, и переслали къ нему самыя письма Василевича, вмѣстѣ съ другими подобными. Въ подписяхъ подъ своими письмами Θеодосій Василевичъ называлъ себя не только игуменомъ (кіево-)михайловскимъ и архимандритомъ слуцкимъ, но и «икономомъ-намѣстникомъ митрополіи корунной», т. е. намѣстникомъ митрополита въ той части его митрополитской епархіи, которая находилась еще въ предѣлахъ Польши ([58]). Этимъ достаточно объясняется, повидимому, недостойный образъ дѣйствій Θеодосія Василевича. Когда онъ дѣйствовалъ въ Кіевѣ, какъ игуменъ михайловскій, онъ дѣйствовалъ, какъ подданный московскаго государя, исполнялъ его волю, покорялся москов-

---

([58]) А. Ю. и З. Россіи, X, № 16, ст. VI. Всѣ три письма Василевича въ Могилевъ, вмѣстѣ съ челобитною могилевцевъ къ государю, и съ листомъ Радзивила въ Могилевъ — въ Моск. главн. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, дѣла малоросс., годъ 1655, мая 9, № 10. Царь желалъ, чтобы патріархъ Никонъ предалъ проклятію Василевича, равно какъ и могилевскаго шляхтича Поклонскаго, который незадолго предъ тѣмъ принялъ православіе, а теперь измѣнилъ царю; но Никонъ счелъ невозможнымъ проклинать ихъ, вѣроятно, потому что оба они состояли не въ его духовной паствѣ, а въ паствѣ цареградскаго патріарха (Записки русск. отд. археолог. общ., II, 591).

скимъ властямъ. Но когда дѣйствовалъ въ предѣлахъ Польши, какъ архимандритъ слуцкій и намѣстникъ митрополіи коронной, онъ дѣйствовалъ, какъ подданный короля польскаго и долженъ былъ покоряться польскимъ властямъ изъ опасенія лишиться всего. И очень возможно, что гетманъ Радзивилъ, двигаясь съ своимъ войскомъ, случайно засталъ Θеодосія въ его слуцкой обители, взялъ его съ собою и приказалъ ему писать въ Могилевъ отъ имени самого митрополита тѣ самыя письма, какія, радъ-нерадъ, писалъ Θеодосій. Во всякомъ случаѣ утверждать, въ виду тогдашнихъ обстоятельствъ, будто Θеодосій писалъ эти письма по собственному желанію и убѣжденію, или будтобы писалъ по приказанію или съ согласія самого митрополита, было бы явною несправедливостію. Митрополитъ, сидя въ Кіевѣ, могъ вовсе не знать, что пришлось дѣлать его намѣстнику и его именемъ подъ Могилевомъ. Для Θеодосія это дѣло не прошло даромъ: онъ лишился михайловскаго игуменства въ Кіевѣ и остался только слуцкимъ архимандритомъ, т. е. подданнымъ польскаго короля. А къ митрополиту Сильвестру могилевцы сохраняли добрыя отношенія, несмотря на то, что отъ его лица Василевичъ предавалъ ихъ проклятію за непокорность Польшѣ. Въ сентябрѣ 1656 г. митрополитъ прислалъ имъ свою грамату, въ которой благодарилъ ихъ за то, что они, по своей сыновней любви, не забывали его, въ его великихъ нуждахъ, своими щедрыми приношеніями, и давалъ обѣщаніе молиться за нихъ Богу, да воздастъ имъ за такую любовь всякими благами. Кромѣ того митрополитъ писалъ: «хотѣлъ бы увѣдомить васъ о дѣлахъ церкви Божіей, но бумагѣ повѣрить того невозможно. Да будетъ, однакожъ, вѣдомо вамъ: скоро та комми-

сія кончится. Ибо теперь и царь, его милость, затрудненъ военными занятіями, которыя да окончитъ счастливо къ умноженію православія, — молю Господа Бога» ([59]). Что это за коммисія, о которой упоминаетъ митрополитъ? Она, очевидно, была по дѣламъ церкви и, можетъ быть, занималась тѣми самыми дѣлами, о которыхъ въ августѣ 1654 г. просили кіевскій митрополитъ и все духовенство царя Алексѣя Михайловича чрезъ своихъ пословъ подъ Смоленскомъ, и рѣшеніе которыхъ царь отложилъ тогда до возвращенія своего въ Москву. Что сдѣлала эта коммисія, въ какой мѣрѣ удовлетворила она просьбѣ кіевскаго духовенства, опредѣлила ли въ подробностяхъ отношенія его къ московскому патріарху, осталось неизвѣстнымъ.

Сохранилась одна небольшая грамата патріарха Никона къ митрополиту Сильвестру Коссову (черновая, съ поправками), довольно ясно показывающая, какъ относился первый къ послѣднему. Грамата эта слѣдующая: «Божіею милостію, великій государь, святѣйшій Никонъ, архіепископъ царствующаго града Москвы и всея великія и малыя и бѣлыя Росіи, и всея сѣверныя страны и Поморія и многихъ государствъ патріархъ, возлюбленному въ Дусѣ сыну Сильвестру Коссову, преосвященному архіепископу — митрополиту кіевскому, галицкому *(экзарсъ св. ѳрону константинопольскаго:* эти слова зачеркнуты) миръ Божій и наше благословеніе. Непрестанно мы, возлюбленне, на умѣ имуще Спасителя нашего Христа о любви заповѣданіе, восхотѣхомъ къ тебѣ здѣ назнаменати, да, присно во евангельскихъ заповѣдехъ пребывая, должную (*сыновнюю:* за-

([59]) А. З. Россіи, V, № 41; Вилен. археогр. Сборн., II, № 52.

черкнуто) любовь къ намъ *(пастырю твоему:* зачеркнуто) показуеши, *(вѣдый насъ тебѣ, яко сына нашего въ дусѣ пріискренняго любящихъ:* зачеркнуто) и часто о *(добромъ твоемъ жительствѣ слышати волящихъ, еже наше изволеніе писаніемъ твоимъ намъ сказуй:* зачеркнуто) здравіи твоемъ возвѣщая. Вѣждь же насъ, милосердіемъ Божіимъ, здравыхъ быти и въ будущее въ тойже доброй надежди упованіе полагати. Хощемъ же убо, да присно о многолѣтномъ великаго нашего государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича здравіи и благополученіи Бога вседержителя молиши *(и во всѣхъ его царскаго величества дѣлѣхъ, яже суть у васъ, добрая и полезная строити:* зачеркнуто), и съ кіевскими его царскаго величества воеводами миръ и должную любовь *(во исполненіе его царскаго величества повелѣній, да:* зачеркнуто) имѣеши; даже отвсюду его царскаго величества повелѣніе добре исполняемо имать быти всѣмъ христіаномъ на благополучное и многолюбное веселіе, еже и ты со усердіемъ исполняя добре и немятежне *(возлюбленный, въ Дусѣ сыне:* зачеркнуто). Здравствуй, и благодать Господа нашего Іисуса Христа и любы Бога и Отца и причастіе Св. Духа да будетъ со всѣми, нами же и вами, непрестанно. (На оборотѣ). Дана въ царствующемъ и богохранимомъ градѣ Москвѣ, въ дому пресвятыя Богородицы, въ лѣто отъ воплощенія единосущнаго безначальному Отцу Слова 1656, маія 10». Такимъ образомъ Никонъ, хотя признавалъ кіевскаго митрополита своимъ духовнымъ сыномъ, преподавалъ ему свое благословеніе, требовалъ отъ него должной любви къ себѣ, но въ тоже время какбы стѣснялся прямо назвать себя его пастыремъ. И есть данныя, которыя сви-

дѣтельствуютъ, что Никонъ дѣйствительно не управлялъ кіевскою митрополіею, какъ ея верховный пастырь, не вступался въ ея церковныя дѣла. Въ 1655 г. нужно было избрать и поставить игумена въ кіево-михайловскій монастырь на мѣсто Θеодосія Василевича, архимандрита слуцкаго. Это избраніе и поставленіе совершилось безъ всякаго участія со стороны Никона. Новаго игумена, именно Θеодосія Сафоновича, бывшаго намѣстника кіево-братскаго монастыря, избрала себѣ сама братія кіево-михайловскаго монастыря, на основаніи своихъ стародавнихъ правъ; утвердилъ своею граматою (отъ 2 іюня) гетманъ Хмѣльницкій, и благословилъ кіевскій митрополитъ Сильвестръ. Нужно было избрать и поставить новаго епископа на черниговскую каѳедру, и это совершилось безъ видимаго участія патріарха Никона. Новый епископъ черниговскій Лазарь Барановичъ, бывшій ректоръ кіево-братскаго коллегіума, избранъ былъ «мирнымъ и благоизволеннымъ духовнаго и мірскаго чину совѣтомъ», и поставленъ 8 марта 1657 г. въ Яссахъ сочавскимъ митрополитомъ Гедеономъ, который въ настольной граматѣ Лазарю говорилъ, что посвятилъ его, имѣя «истинное свидѣтельство» и отъ митрополита кіевскаго Сильвестра Коссова, и отъ гетмана Хмѣльницкаго, и отъ генеральнаго писаря Ивана Виговскаго. Значитъ, это сдѣлалось съ ихъ общаго согласія. Самъ митрополитъ Сильвестръ не рукоположилъ новаго епископа для черниговской епархіи, всего вѣроятнѣе, по своей тяжкой предсмертной болѣзни. Но успѣлъ дать ему отъ себя благословенную грамату, отъ 12 апрѣля, за день до своей кончины. Въ граматѣ этой первосвятитель говорилъ: «Смиреніе наше, зря вдовѣющую, безъ предстателя и архіерея, святѣйшую

епископію черниговскую, преставлену сущу отъ земныхъ къ небеснымъ ея предводителю, блаженной памяти господину отцу Зосимѣ, тщаніе вседушное творити не вознерадѣ, да не намного времени Христовы разумныя овцы пастыря не имуще растлятся...; обрѣте мужа благочестива и всякими отъ Бога добродѣтельными нравы и цѣломудріемъ украшена, во иноческомъ житіи отъ юности совершеннѣ воспитанна, господина отца Лазаря Барановича, ректора кіевскаго, св. православной церкви многа блага содѣлавша. Сего, глаголю, мужа, святымъ и благоподобнымъ обычаемъ церковнымъ, по преданію апостоловъ и богоносныхъ отецъ, на престолѣ святѣйшія помененныя черниговскія церкви благословили»... Почему же митрополитъ Сильвестръ отправилъ Лазаря Барановича для рукоположенія не въ Москву, а въ Яссы? И какъ могли согласиться на это гетманъ и Виговскій, особенно послѣдній, столько, казалось, преданный патріарху Никону? Можно думать, что дѣло устроилось не безъ вѣдома самого Никона. Онъ могъ дать только свое согласіе и благословеніе, чтобы въ Черниговъ былъ избранъ и посвященъ новый епископъ; самое же избраніе и посвященіе его предоставилъ совершить по древнимъ правамъ кіевской митрополіи, въ которыя не долженъ былъ вступаться. И такъ какъ кіевскій митрополитъ, считавшійся еще въ церковномъ округѣ цареградскаго патріарха, не въ силахъ былъ рукоположить избраннаго на черниговскую каѳедру самъ, то и просилъ объ этомъ другаго митрополита, сочавскаго, находившагося въ томъ же патріаршемъ округѣ. А что Никонъ не считалъ себя въ правѣ вступаться въ дѣла кіевской митрополіи, какъ принадлежав-

шей цареградскому патріарху, объ этомъ онъ самъ впослѣдствіи писалъ цареградскому патріарху Діонисію ([60]).

Митрополитъ Сильвестръ Коссовъ скончался 13-го апрѣля 1657 года. Въ кіево-могилянскомъ училищномъ коллегіумѣ составили въ честь его обширный панегирикъ, написанный на употреблявшемся тогда въ Кіевѣ польско-русскомъ нарѣчіи, нынѣ почти невразумительномъ, — панегирикъ, весьма богатый фразами и разными схоластическими хитросплетеніями и риторическими украшеніями, но крайне скудный историческимъ содержаніемъ. Въ первой половинѣ этого панегирика, изложенной прозою, восхваляли преимущественно три достоинства скончавшагося святителя: его заботливость о благѣ церкви, его терпѣливость среди трудныхъ обстоятельствъ его пастырскаго служенія и его мудрость; но восхваляли болѣе общими чертами, почти безъ указаній на какіе либо частные случаи въ его жизни. Вотъ, напримѣръ, какъ изображали его заботливость о благѣ церкви: «Не Сильвестръ, не лѣсный (silvester на латинскомъ языкѣ значитъ лѣсный, дикій) былъ онъ для васъ, сыны Россіи, а вѣрнѣе Сольвестръ (sol vester)—солнце ваше. Избранная церковь Христова имѣла въ немъ пастыря своего, избраннаго, какъ солнце. Положилъ

([60]) А. З. Россіи, V, № 41. Настольная грамата Барановичу напечатана въ приложеніи къ статьѣ *прот. Страдомскаго*: «Лазарь Барановичъ», № 11, въ Журн. мин. народн. просв. 1852, августъ, стр. 95—97. Грамата м. Сильвестра еп. Барановичу напеч. въ черниговск. губерн. вѣдом. 1854 г., № 3. Письмо Никона къ Діонисію—въ Записк. русск. отдѣл. археолог. общ. II, 528. А грамата Никона къ Сильвестру Коссову находится въ рукописи москов. синод. библ., содержащей въ себѣ «Подлинное дѣло патріарха Никона», столбецъ или свитокъ. 1. Копія со всего этого дѣла есть въ библіот. моск. дух. академіи.

Богъ солнце то въ область дня для васъ, сыновъ россійскихъ, ходящихъ во днѣ каѳолической апостольской вѣры, и солнце то непрестанно сіяло предъ лицемъ Господнимъ. Шло оно по своему зодіаку, и вступало въ знакъ льва: тогда, какъ левъ, устремлялось на еретиковъ и безстыдныхъ отступниковъ отъ церкви Божіей, и устрашало ихъ голосомъ своимъ, голосомъ силы. Вступало въ знакъ овна: тогда съ любовію принимало къ себѣ послушныхъ своихъ овецъ и питало на лонѣ своемъ... Но хотя церковь россійская говорила о немъ: «благъ есть»,— многіе вопили: «нѣтъ, но льститъ народы». Держащіеся пышнаго римскаго двора говорили о немъ: «льститъ народы». Проклятая секта уніатская, отлученная отъ добрыхъ и соединенная съ лукавыми, говорила о немъ: «льститъ народы». Еретики, эта фальшивая серебряная монета, имѣющая только снаружи царское изображеніе, безъ внутренняго достоинства, имѣющіе образъ благочестія, силы же его отвергшіеся, говорили о немъ: «льститъ народы»... О терпѣливости митрополита Сильвестра въ панегирикѣ ему читаемъ: «Разъ дали знать языческому мудрецу Зенону, что корабль на морѣ разбитъ волнами и потонулъ. Что же Зенонъ? Онъ не только не смутился и не измѣнился въ лицѣ, но весело сказалъ: «фортуна учитъ меня равнодушнѣе философствовать». Неразъ давали знать почившему въ Бозѣ преосвященному пастырю нашему, еще и тогда, какъ онъ былъ епископомъ бѣлорусскимъ, что своевольныя скопища, какъ морскія волны, разбиваютъ корабль церкви Божіей, расхищаютъ ея сокровища, то на сеймахъ, то на трибуналахъ, то на сеймикахъ, ведутъ несправедливые суды, чтобы погубить корабль восточной церкви, отобрать всѣ ея имѣнія. А онъ, почившій, возвы-

шаясь надъ всѣмъ этимъ, говаривалъ, не какъ тотъ языческій философъ о фортунѣ, но какъ христіанскій пастырь: «всѣмъ въ мірѣ управляетъ Богъ своимъ провидѣніемъ». И, полагаясь на промыслъ Божій, терпѣливо переносилъ пастырь нашъ россійскій все, не оставляя своего епископскаго служенія... И развѣ мало ранъ переносилъ на тѣлѣ своемъ пастырь нашъ, отошедшій къ Богу? Развѣ мало перетерпѣлъ невзгодъ, когда ѣздилъ отъ трибунала до трибунала, отъ сейма до сейма, то въ княжествѣ литовскомъ, то въ Коронѣ-польской, не щадя своего здоровья? Развѣ мало вытерпѣлъ несносныхъ болѣзней, нося на раменахъ своихъ немалое бремя? Кому санъ епископскій былъ honos (честь), а ему onus (бремя)»... Наконецъ, относительно мудрости Коссова въ панегирикѣ сказано: «Неразъ отступники, враги церкви восточной, видя его мудрость, слыша его разумныя слова, завидовали восточной церкви, что она имѣетъ такого пастыря, и усиливались привлечь его къ церкви западной, обѣщая ему высокія достоинства и почести, и указывая на примѣры Потѣевъ, Рагозъ, Смотрицкихъ и подобныхъ отступниковъ. Но онъ говаривалъ въ отвѣтъ: «мудрый все, что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ только для благочестія»... Самъ лжеархіепископъ полоцкій уступалъ ему, когда еще онъ былъ епископомъ бѣлорусскимъ, даже свою архіепископскую каѳедру; но онъ, какъ столпъ, остался непоколебимымъ... Кто возбранитъ намъ начертать на этомъ столпѣ церкви россійской слово: мудрость? Не коллегіумъ ли кіевскій? Но онъ вдоволь наслушался его мудрыхъ рѣчей, науки философіи, когда почившій былъ въ немъ знаменитымъ профессоромъ философіи. Не консисторія ли кіевской митрополіи, что̀ при храмѣ Софіи — Мудрости Божіей? Но консисторія вдоволь пользова-

лась его мудрыми совѣтами, и церковь Софіи — Мудрости имѣла въ немъ мудраго стража, отъ премудраго Бога ей дарованнаго. Не вся ли Россія? Но она знаетъ его мудрость, читая его Патерикъ или житія св. отцевъ печерскихъ и другія книги. Не изъ противныхъ ли кто либо, и особенно не изъ кола ли сенаторовъ польскихъ? Но они сами были свидѣтелями, какъ онъ въ 1650 году, явившись посреди нихъ, сенаторовъ свѣтскихъ и духовныхъ, съ отважнымъ сердцемъ, съ сердцемъ пастырскимъ, говорилъ, къ удивленію всѣхъ, о вѣрѣ православной каѳолической, заступаясь за церковь Божію. Всѣ тогда признали, что онъ мудръ, что Духъ Божій вѣщалъ его устами, что онъ былъ исполненъ духа премудрости и разума, духа совѣта и крѣпости»... Во второй или послѣдней половинѣ панегирика, написанной силлабическими стихами, воспѣвались, одна за другою, крайне изысканно и многословно, составныя части герба Коссова: литера N, левъ въ клѣткѣ, стрѣла, и проч., или точнѣе, воспѣвались разныя достоинства Коссова примѣнительно къ этимъ частямъ его герба, и, наконецъ, излагались сѣтованія и плачъ при гробѣ Коссова въ формѣ акростиха на его имя и званія, какъ архіепископа, митрополита кіевскаго, галицкаго и всея Россіи, экзарха святѣйшаго апостольскаго константинопольскаго ѳрону ([61]).

([61]) Заглавіе панегирика: «Столпъ цнотъ знаменитыхъ къ Богу вешлаго ясне превелебнаго, его милости, отца Сильвестра Коссова, архіепископа-митрополита кіевскаго, галицкаго и всея Россіи, въ коллегіумѣ братскомъ кіевомогилеанскомъ выставленный, ясне превелебному въ Богу его милости, отцу Діонисію Балабану, архіепископу-митрополиту кіевскому, галицкому и всея Россіи отъ тогожъ коллегіумъ дедикованный 1658 г., януарія 30». Панегирикъ этотъ есть, даже въ двухъ экземплярахъ, въ библіотекѣ моск. духовной академіи.

Въ трудныхъ обстоятельствахъ пришлось дѣйствовать митрополиту Сильвестру Коссову, когда совершалось и совершилось присоединеніе Малороссіи къ московской державѣ. Одна часть его митрополіи, находившейся въ Малороссіи, переходила и перешла подъ властъ Москвы; другая, бо̀льшая часть оставалась въ предѣлахъ Польши. Нужно было ему покоряться и угождать московскому правительству, но такъ, чтобы не раздражить противъ себя и противъ своихъ единовѣрцевъ въ Литвѣ и Польшѣ польскаго правительства. Притомъ хотя Малороссія и поддалась русскому царю, а вскорѣ и Бѣлоруссія покорилась его оружію, но никто не могъ поручиться, что такъ останется навсегда, что поляки не возвратятъ себѣ этихъ потерянныхъ провинцій и не овладѣютъ снова самимъ Кіевомъ. Не говоримъ уже о личныхъ интересахъ митрополита Сильвестра, которымъ болѣе благопріятствовало прежнее положеніе его подъ владычествомъ польскимъ. Неудивительно, если онъ принужденъ былъ какбы двоиться и разомъ служить двумъ господамъ, если поведеніе его казалось какимъ-то скрытнымъ, нерѣшительнымъ, двусмысленнымъ и невполнѣ отвѣчало желаніямъ и видамъ правительственной власти въ Москвѣ. При всемъ томъ роковое событіе совершилось въ его управленіе западно-русскою церковію: при немъ соединилась она съ восточно-русскою церковію, хотя это соединеніе было пока неполное или только начало соединенія, соединеніе лишь фактическое, а не правовое, соединеніе, которое неразъ еще, болѣе или менѣе, нарушалось, пока не утвердилось окончательно, съ согласія самого константинопольскаго патріарха. Еще при жизни кіевскаго

митрополита Сильвестра Коссова московскій патріархъ началъ называться патріархомъ всея не только великія, но и малыя и бѣлыя Россіи.

II.

Первымъ и важнѣйшимъ изъ дѣлъ патріаршествованія Никона было исправленіе богослужебныхъ книгъ и церковной обрядности. Начало такому исправленію, какъ мы видѣли, положено было еще во дни патріарха Іосифа, и тогда же обозначились тѣ два начала или правила, которыми потомъ Никонъ постоянно руководствовался, занимаясь этимъ дѣломъ.

Богослужебныя книги правились у насъ при всѣхъ доселѣ бывшихъ патріархахъ, когда приготовляемы были къ печати. Но правились только по славянскимъ «добрымъ переводамъ» или спискамъ (не упоминаемъ о несчастной попыткѣ преп. Діонисія и его сотрудниковъ). А какъ и добрые славянскіе списки, даже самые древніе, нечужды были погрѣшностей и немало разнились между собою въ частностяхъ, то очень естественно, что и въ печатныхъ книгахъ, появившихся при первыхъ нашихъ патріархахъ, повторились всѣ эти погрѣшности и разности, доходящія иногда до противорѣчій. Подъ конецъ жизни патріарха Іосифа у насъ, наконецъ, ясно сознана была мысль, что исправлять церковныя книги по однимъ славянскимъ спискамъ недостаточно, а нужно вмѣстѣ исправлять и по греческому тексту. И вотъ самъ царь Алексѣй Михайловичъ обратился въ Кіевъ съ просьбою — прислать въ Москву ученыхъ мужей, знавшихъ греческій языкъ, чтобы они исправили, по тексту семидесяти толковниковъ, славян-

скую библію, которую тогда намѣревались вновь напечатать. Ученые люди скоро прибыли въ Москву, и хотя нѣкоторые встрѣтили ихъ здѣсь непріязненно за самую ихъ ученость, хотя имъ не было поручено тотчасъ же приступить къ исправленію библіи, но они успѣли, еще при жизни патріарха Іосифа, исправить по греческому тексту одну, уже оканчивавшуюся печатаніемъ, книгу «Шестодневъ», и напечатали свои исправленія въ концѣ книги, чтобы всю ее не перепечатывать. Это была первая напечатанная въ Москвѣ церковная книга, исправленная не по славянскимъ только спискамъ, но и по греческому тексту, и въ этомъ выразился первый принципъ, котораго потомъ держался Никонъ: править богослужебныя книги по «добрымъ» славянскимъ спискамъ и вмѣстѣ по греческому тексту ([62]).

Въ отправленіи богослуженія у насъ съ давняго времени допускалось крайнее безчиніе, происходившее отъ «многогласія» и отъ «хомоваго» пѣнія. Службы совершались разомъ многими голосами: одинъ читалъ, другой въ тоже время пѣлъ, третій говорилъ эктеніи или возгласы, а иногда читали разомъ двое или трое и совершенно различное. А при господствовавшемъ хомовомъ пѣніи слова растягивались до безсмыслія, съ перемѣною въ нихъ удареній, съ перемѣною полугласныхъ буквъ на гласныя, съ прибавленіемъ новыхъ гласныхъ. Противъ такого безчинія возставали еще Стоглавый соборъ и патріархъ Гермогенъ, а теперь, при патріархѣ Іосифѣ, возстали нѣкоторые даже изъ свѣтскихъ людей, каковъ былъ Ѳедоръ Ртищевъ, и два самые авторитетные москов-

---

([62]) Подробнѣе—см. нашей Истор. Р. Церкви, въ т. XI.

скихъ протоіерея: казанскій—Нероновъ и благовѣщенскій—Вонифатьевъ, царскій духовникъ. Къ нимъ присоединились новгородскій митрополитъ Никонъ и самъ царь. А патріархъ Іосифъ сначала колебался; но потомъ обратился съ просьбою къ цареградскому патріарху Парѳенію, чтобы онъ, вмѣстѣ съ другими греческими іерархами, рѣшилъ: «подобаетъ ли въ службахъ по мірскимъ церквамъ и по монастырямъ соблюдать единогласіе?» И когда изъ Царьграда полученъ былъ отвѣтъ, что чтеніе въ церквахъ должно совершаться единогласно и пѣвцамъ подобаетъ пѣть согласно, а не рыканіемъ неподобнымъ, тогда патріархъ Іосифъ, съ соборомъ своихъ русскихъ архіереевъ, въ присутствіи самого государя и его синклита, постановилъ, чтобы по всѣмъ церквамъ пѣли чинно, безмятежно и единогласно и читали въ одинъ голосъ, тихо и неспѣшно. Въ этомъ выразился второй принципъ, котораго также постоянно держался Никонъ: во всѣхъ важныхъ и недоумѣнныхъ случаяхъ при исправленіи церковной обрядности просить совѣта и рѣшенія восточныхъ первосвятителей (63).

Явились новыя обстоятельства, которыя нудили не только не прекращать, напротивъ, съ большею энергіею продолжать начатое дѣло исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ. При благочестивомъ царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ еще чаще, чѣмъ прежде, приходили въ Москву греческіе іерархи и другія духовныя лица для милостыни и иногда оставались у насъ довольно долго. Присматриваясь съ любопытствомъ къ нашей церковности, они не могли не замѣчать и дѣйствительно замѣчали въ нашей церкви нѣкоторыя разности отъ

(63) Подробнѣе—тамъ же, въ т. XI.

чиновъ и обрядовъ греческой церкви и нѣкоторыя новины или «новшества», какимъ особенно казалось имъ употребленіе двуперстія для крестнаго знаменія: такъ какъ это новшество, несмотря на рѣшеніе Стоглаваго собора, доселѣ слабо проникавшее въ народъ, который издревле отъ предковъ привыкъ креститься тремя перстами, теперь именно, при патріархѣ Іосифѣ, будучи внесено въ нѣкоторыя учительныя и богослужебныя наши книги, наиболѣе стало распространяться и утверждаться и наиболѣе бросаться въ глаза приходившимъ къ намъ съ востока единовѣрцамъ. Въ числѣ другихъ пришельцевъ къ намъ находился и іерусалимскій патріархъ Паисій, принятый въ Москвѣ съ величайшимъ уваженіемъ. Замѣтилъ и онъ наши новшества, и съ укоромъ указывалъ на нихъ царскому любимцу — Никону и другимъ. Встревоженные царь и патріархъ Іосифъ, прощаясь съ Паисіемъ, отпустили съ нимъ на востокъ своего старца Арсенія Суханова, чтобы онъ изучилъ тамъ церковные чины и обряды и доставилъ о нихъ свѣдѣнія. Но Арсеній двукратно возвращавшійся съ пути, по порученію Паисія, остановившагося въ Молдавіи, въ послѣдній разъ (8-го дек. 1650 г.) привезъ съ собою въ Москву статейный списокъ, въ которомъ подробно изложилъ свой жаркій споръ съ греками о двуперстіи для крестнаго знаменія и о нѣкоторыхъ другихъ церковныхъ предметахъ, которыми русскіе разнились тогда отъ грековъ, и вмѣстѣ привезъ достовѣрное, имъ самимъ обслѣдованное извѣстіе, что на Аѳонѣ монахи всѣхъ греческихъ монастырей собравшись во едино, соборнѣ признали двуперстіе ересью сожгли московскія книги, въ которыхъ напечатано о немъ, как книги еретическія, и хотѣли сжечь самого старца, у котораг

нашли тѣ книги. Все это еще болѣе должно было встревожить царя и церковныя власти въ Москвѣ и показать имъ, до чего могутъ довести тѣ обрядовыя разности, которыя находили у насъ греки и прямо называли новшествами. Вмѣстѣ съ Арсеніемъ прибылъ въ Москву, съ письмами отъ іерусалимскаго патріарха Паисія къ царю и къ патріарху Іосифу, назаретскій митрополитъ Гавріилъ, котораго очень полюбилъ Алексѣй Михайловичъ и всячески старался оставить на житье у себя въ Россіи: и этотъ митрополитъ также высказалъ свои укоризны на наши церковныя новшества ([64]). Что же оставалось дѣлать нашему церковному правительству? Патріархъ Іосифъ былъ уже дряхлъ и слабъ, и скоро скончался. Но Никонъ, столько могущественный и при патріархѣ Іосифѣ, а теперь сдѣлавшійся его преемникомъ, могъ ли Никонъ быть спокоенъ и не отозваться со всею ревностію на всѣ эти укоризны грековъ? И онъ дѣйствительно отозвался. Тотчасъ по вступленіи на патріаршую каѳедру, Никонъ, какъ разсказывается въ предисловіи изданнаго имъ служебника, «упразднися отъ всѣхъ и вложися въ трудъ, ежебы святое писаніе разсмотрити, и входя въ книгохранильницу, со многимъ трудомъ, многи дни въ разсмотрѣніи положи». Въ книгохранильницѣ онъ нашелъ подлинную уложенную грамату объ

([64]) О патріархѣ Паисіѣ и Арсеніѣ Сухановѣ подробнѣе—тамъ же, въ т. XI. О назаретскомъ митрополитѣ Гавріилѣ, прибывшемъ къ намъ вмѣстѣ съ Арсеніемъ (8 дек. 1650 г.), но уѣхавшемъ изъ Москвы прежде его отъѣзда (24 февр. 1651 г.)—Москов. главн. архив. мин. иностр. дѣлъ, дѣла греческ., связк. 29, № 11; *Суханов.* Проскинитарій, стр. 12—13, изд. въ Казани. Объ укоризнахъ этого митрополита Никону—см. «Слово отвѣщательно» въ Скрижали, изд. Никономъ, л. 1.

учрежденіи патріаршества въ Россіи, подписанную патріархами—Іеремією цареградскимъ и Іовомъ московскимъ и многими другими святителями, русскими и греческими; нашелъ также подлинную грамату или книгу объ утвержденіи патріаршества въ Россіи, подписанную и присланную въ 1593 г. всѣми восточными патріархами, со множествомъ греческихъ епископовъ. Въ послѣдней граматѣ онъ прочелъ, что московскій патріархъ есть братъ всѣхъ прочихъ православныхъ патріарховъ, единочиненъ имъ и сопрестоленъ, а потому долженъ быть согласенъ съ ними во всемъ. Наиболѣе же остановили на себѣ въ этой граматѣ вниманіе Никона слѣдующія слова: «такъ какъ православная церковь получила совершенство не только въ догматахъ боговѣдѣнія и благочестія, но и въ священно-церковномъ уставѣ, то справедливость требуетъ, чтобы и мы потребляли всякую новину въ оградѣ церкви, зная, что новины всегда бываютъ причиною церковнаго смятенія и раздѣленія, и чтобы слѣдовали мы уставамъ св. отцевъ, и чему научились отъ нихъ, то хранили неповрежденнымъ, безъ всякаго приложенія или отъятія». Прочитавъ всю эту грамату, Никонъ впалъ въ великій страхъ, не допущено ли въ Россіи какого либо отступленія отъ православнаго греческаго закона, и началъ, прежде всего, разсматривать символъ вѣры. Онъ прочелъ символъ вѣры, начертанный греческими буквами на саккосѣ, который, за 250 лѣтъ предъ тѣмъ, принесенъ былъ въ Москву митрополитомъ Фотіемъ, и сравнилъ съ этимъ символомъ славянскій, какъ онъ изложенъ былъ въ новыхъ московскихъ печатныхъ книгахъ, и убѣдился, что въ славянскомъ символѣ есть несогласія съ древнимъ греческимъ. Разсмотрѣлъ за тѣмъ, точно

также, св. литургію, т. е. Служебникъ, и нашелъ, что иное въ немъ прибавлено, другое отнято или превращено, а послѣ Служебника узрѣлъ и въ другихъ книгахъ многія несходства ([65]). Послѣ этого, проникнутый сознаніемъ своего долга быть во всемъ согласнымъ съ восточными патріархами и потреблять всякія новины, которыя могутъ вести къ несогласіямъ въ церкви, смутамъ и раздѣленію, и убѣдившись лично, что такія новины у насъ дѣйствительно есть въ печатныхъ церковныхъ книгахъ и въ самомъ даже символѣ вѣры, Никонъ рѣшился приступить къ исправленію нашихъ богослужебныхъ книгъ и церковныхъ обрядовъ.

Первая попытка въ этомъ родѣ сдѣлана была Никономъ, спустя около семи мѣсяцевъ послѣ вступленія его на патріаршую каѳедру, и касалась только двухъ новшествъ. Но при первой же этой попыткѣ обнаружились и ярые противники Никона и начатаго имъ дѣла. Предъ наступленіемъ великаго поста въ 1653 году Никонъ разослалъ по всѣмъ церквамъ московскимъ слѣдующую Память: «по преданію св. апостолъ и св. отецъ, не подобаетъ въ церкви метанія творити на колѣну, но въ поясъ бы вамъ творити поклоны; еще и тремя персты бы есте крестились». Въ такомъ сжатомъ видѣ передаетъ Память протопопъ Аввакумъ, но относительно поклоновъ передаетъ неясно и неточно, конечно, не безъ намѣренія. Никонъ, — въ чемъ мы убѣдимся впослѣдствіи, — указывалъ вовсе не то, чтобы православные не клали вообще зем-

---

([65]) Это предисловіе къ Служебнику, изд. Никономъ въ 1655 г., перепечатано вполнѣ Строевымъ въ дополн. къ опис. старопеч. книгъ гр. Толстова и Царскаго, № 89.

ныхъ поклоновъ въ церкви, а то лишь, чтобы въ св. четыредесятницу, при чтеніи извѣстной молитвы св. Ефрема Сирина, не клали православные однихъ земныхъ многочисленныхъ (числомъ до 17-ти) поклоновъ, какъ дѣлалось у насъ тогда, но клали поклоны поясные, кромѣ только четырехъ земныхъ. Память эта прислана была и въ казанскій соборъ протопопу Ивану Неронову. Нероновъ тотчасъ пригласилъ къ себѣ протопопа Аввакума, который проживалъ у него, и другихъ своихъ близкихъ. «Мы же,—разсказываетъ Аввакумъ,—задумалися, сошедшеся между собою; видимъ, яко зима хощетъ быти: сердце озябло и ноги задрожали. Нероновъ мнѣ приказалъ идти въ церковь (т. е. казанскій соборъ), а самъ единъ скрылся въ чудовъ, седмицу въ палаткѣ молился. И тамъ ему отъ образа гласъ бысть во время молитвы: «время приспѣ страданія, подобаетъ вамъ неослабно страдати». Онъ же мнѣ, плачучи, сказалъ; таже коломенскому епископу Павлу.., потомъ Даніилу костромскому протопопу; таже сказалъ и всей братіи. Мы же съ Даніиломъ, написавъ изъ книгъ выписки о сложеніи перстъ и о поклонѣхъ, и подали государю: много писано было. «Онъ же, не вѣмъ, гдѣ скрылъ ихъ,—мнится, Никону отдалъ» ([66]). Вотъ кто явились противниками Ни-

---

([66]) Житіе Аввакума -- въ Матер. для исторіи раскола, V, 18—19. Самъ Нероновъ въ письмѣ къ государеву духовнику Вонифатьеву свидѣтельствуетъ, что голосъ отъ образа Спасова былъ къ нему именно въ 1653 г. на первой недѣлѣ великаго поста. Но, замѣчательно, содержаніе этого голоса передаетъ уже не то, какое прежде передавалъ Аввакуму и прочей братіи. Голосъ будтобы былъ такой: «Іоанне, дерзай и не убойся до смерти; подобаетъ ти укрѣпити царя о имени Моемъ, да не постраждетъ днесь Русія, якоже и униты (т. е. уніаты)». (Матеріал. для истор. раскола, I, 99—100). Невольно подумаешь, да точно ли былъ этотъ голосъ, когда самъ Нероновъ передаетъ

кона и какъ они начали борьбу съ нимъ! Чтожъ подвигло ихъ на эту роковую борьбу? Ужели одна привязанность къ тѣмъ двумъ обрядамъ или обычаямъ, которые хотѣлъ измѣнить Никонъ? Мы уже упоминали, что протопопы, казанскій Нероновъ и благовѣщенскій Вонифатьевъ, были при патріархѣ Іосифѣ самые авторитетные люди въ московскомъ духовенствѣ, сильные предъ патріархомъ и царемъ, и что къ нимъ и подъ ихъ покровительство стекались и другіе, преимущественно иногородные протопопы, каковы были: Аввакумъ юрьевскій, Даніилъ костромскій, Логгинъ муромскій, составлявшіе вокругъ нихъ «братію». Въ числѣ своихъ близкихъ и друзей временщики-протопопы считали и Никона, новаго царскаго любимца, пока онъ былъ архимандритомъ и даже новгородскимъ митрополитомъ. Но когда патріархъ Іосифъ скончался, эти мнимые друзья Никона, воспользовавшись его отсутствіемъ изъ Москвы, повели козни, чтобы не допустить его до патріаршества. Никонъ, по возвращеніи въ Москву, узналъ о козняхъ, и какъ только сдѣлался патріархомъ, то не сталъ, по выраженію протопопа Аввакума въ его автобіографіи, пускать къ себѣ бывшихъ друзей своихъ и въ крестовую. Такого униженія и оскорбленія не въ силахъ былъ перенести Нероновъ съ своими приближенными, и они ждали только случая отомстить Никону. Случай, какъ имъ казалось, представился. Никонъ разослалъ «Память» духовенству: они написали на нее опроверженіе изъ книгъ, выставляя ее, ко-

---

его различно, не выдумка ли это? На подобныя будтобы откровенія свыше у насъ тогда любили ссылаться для той или другой цѣли, и, какъ увидимъ, неразъ ссылался даже самъ Никонъ, и простодушные люди вѣрили.

нечно, еретическою, и подали свою рукопись государю, разсчитывая уязвить Никона и повредить ему. Но ошиблись въ разсчетѣ: Никонъ остался въ полной силѣ, а только еще болѣе раздражился противъ бывшихъ своихъ друзей. И началась борьба преимущественно изъ личныхъ побужденій, которая потому, какъ скоро увидимъ, въ самомъ уже началѣ своемъ приняла съ обѣихъ сторонъ самый рѣзкій характеръ. Но достойно замѣчанія, что Никонъ въ этотъ разъ какбы не обратилъ вниманія на поступокъ своихъ враговъ, не потребовалъ ихъ на судъ за оказанное сопротивленіе архипастырскому распоряженію и вовсе ихъ не преслѣдовалъ.

Между тѣмъ 16 апрѣля (1653 г.) прибылъ въ Москву еще одинъ изъ высшихъ святителей востока, бывшій константинопольскій патріархъ Аѳанасій, съ довольно многочисленною свитою. Онъ три раза восходилъ на патріаршій престолъ; но оставался на немъ: въ первый разъ (1633 г.) только сорокъ дней, во второй (1634—1635) около года и въ третій разъ (1651) только пятнадцать дней. Въ послѣднее время Аѳанасій проживалъ въ волошской землѣ, въ городѣ Галацѣ, гдѣ имѣлъ въ своемъ управленіи монастырь святителя Николая, откуда и прибылъ къ намъ. Государь принялъ, 22-го апрѣля, патріарха Аѳанасія со всею его свитою уже не съ такою торжественностію, какъ прежде принималъ іерусалимскаго патріарха Паисія: то былъ дѣйствительный патріархъ, а этотъ—патріархъ безъ каѳедры. Принялъ—не въ царскомъ одѣяніи, не въ золотой палатѣ, не на престолѣ, а въ обыкновенномъ платьѣ и въ столовой избѣ. Аѳанасій билъ челомъ царю, поднесъ ему свои подарки: образъ Спасовъ въ кіотѣ, рѣзной деревянный крестъ, мощи евангелиста Матѳея, св.

муро, и сказалъ рѣчь. Царь позвалъ Аѳанасія къ своей рукѣ, спросилъ его о спасеніи и пригласилъ сѣсть, а дьякъ тутъ же объявилъ Аѳанасію царское жалованье, которое составляли: серебряный кубокъ съ золоченою крышкою, камка, два атласа гладкихъ, два сорока соболей и деньгами сто рублей. Отпустивъ Аѳанасія, царь послалъ ему на кирилловское подворье, черезъ своего стольника, яства и питіе. Въ іюнѣ, съ дозволенія государя, Аѳанасій, со всею своею свитою, ходилъ въ троице-сергіеву лавру, гдѣ встрѣтили его съ такими же почестями и дарами, съ какими прежде встрѣчали патріарха Паисія. По возвращеніи изъ лавры, во время крестнаго хода въ срѣтенскій монастырь (23 іюня), Аѳанасій просилъ лично государя, указывая на свои обветшавшія святительскія одежды, пожаловать ему новыя, и государь приказалъ выдать ему, по прежнимъ примѣрамъ, на омофоръ, саккосъ и митру, двѣсти рублей. Въ августѣ Аѳанасій служилъ, по желанію государя, въ новоспасскомъ монастырѣ, и за то получилъ отъ государя сребропозлащенный кубокъ въ сорокъ двѣ гривенки, сорокъ соболей въ пятьдесятъ рублей и восемнадцать рублей деньгами. Въ октябрѣ Аѳанасій подалъ челобитную, чтобы государь пожаловалъ ему грамату, по которой иноки его галацкаго николаевскаго монастыря могли бы приходить въ Москву за милостынею ежегодно, пока онъ, Аѳанасій, будетъ живъ, а по смерти его—черезъ два года на третій. И въ тойже челобитной писалъ еще: «да вели, государь, мнѣ же, богомольцу твоему, напечатать на своемъ дворѣ 500 разрѣшительныхъ граматъ, потому что, какъ я ѣхалъ къ тебѣ въ Москву чрезъ войско запорожскихъ казаковъ, въ то, государь, время, приходили ко мнѣ на исповѣдь многіе чер-

касы и, по обычаю своему, просили у меня разрѣшительныхъ граматъ, и мнѣ некого было послать въ Кіевъ для напечатанія ихъ. А какъ я, богомолецъ твой, поѣду изъ Москвы назадъ, тѣ запорожскіе казаки опять начнутъ у меня разрѣшительныхъ граматъ просить, а иные вновь на исповѣдь приходить будутъ. Царь государь, смилуйся, пожалуй» ([67]). Челобитная эта была уважена. Въ октябрѣ, 29 числа, патріархъ Аѳанасій совершалъ литургію на государевомъ дворѣ у Спаса — нерукотвореннаго образа, въ присутствіи самого царя и всего царскаго семейства, — причемъ на обоихъ клиросахъ пѣли греки. И удостоился получить отъ царя, царицы и царевенъ жалованье — 1200 рублей соболями. Въ ноябрѣ, 19 числа, выпросилъ у государя себѣ на панагію и для своего

([67]) Надобно замѣтить, что и другіе патріархи, приходившіе къ намъ съ востока прежде и послѣ Аѳанасія, а по примѣру ихъ иногда и митрополиты греческіе, точно также раздавали отъ себя разрѣшительныя граматы, въ Малороссіи и Россіи, людямъ всѣхъ званій, даже лицамъ царскаго семейства, и православные русскіе съ вѣрою и благодарностію принимали или пріобрѣтали себѣ такія граматы. Но нѣкоторые изъ стороннихъ этимъ соблазнялись. Напримѣръ, извѣстный сербскій попъ Юрій Крыжаничъ писалъ: «я видѣлъ напечатанныя въ Кіевѣ на русскомъ языкѣ разрѣшительныя граматы, которыя продавалъ на Руси византійскій патріархъ Аѳанасій. Какимъ образомъ и по какой цѣнѣ онъ продавалъ ихъ, я не знаю. То лишь знаю, что такія отпустительныя граматы нѣкоторые продавали знатнымъ людямъ за деньги: здѣсь разрѣшаютъ отъ всѣхъ грѣховъ, не упоминая ни слова объ исповѣди или покаяніи. А бѣдные люди берегутъ эти граматы, какъ великое сокровище, и завѣщаваютъ класть съ собою во гробъ... Я видѣлъ одного митрополита, который, бывало, повсюду, куда ни придетъ къ знатному человѣку, прежде всего спроситъ его, не хочетъ ли онъ имѣть разрѣшеніе отъ грѣховъ. Тотъ выражаетъ желаніе, и митрополитъ, освятивъ воду въ домѣ этого человѣка, кропитъ его самого и все его семейство: потомъ кладетъ руки и книгу на голову хозяина и читаетъ надъ нимъ длинное и подробнѣйшее отпущеніе грѣховъ, безъ всякой предъ тѣмъ исповѣди»... (Сочин. Крыжанича, изд. *Безсоновымъ* при «Русской Бесѣдѣ», стр. 192, М. 1859).

монастыря на иконы 50 рублей, также церковныя облаченія и сосуды. Наконецъ, 13-го декабря, былъ патріархъ Аѳанасій со всею своею свитою на прощальномъ отпускѣ у государя, и государь пожаловалъ ему тогда 2000 рублей соболями. Собираясь въ путь, Аѳанасій подалъ ему одну грамату—челобитную, въ которой и благодарилъ царя за его милости, и выражалъ предъ нимъ новыя свои нужды, и, между прочимъ, писалъ: «твоя царская премногая милость, какъ солнце, сіяетъ во всю вселенную; ты, государь, нынѣ на землѣ царь учинился всѣмъ православнымъ христіанамъ, а великій господинъ, святѣйшій Никонъ, патріархъ московскій и всея Руси, по благодати Божіей, глава церкви и исправленіе сущія православныя христіанскія вѣры, и приводитъ словесныхъ овецъ Христовыхъ во едино стадо... Только тебя, великаго государя, мы имѣемъ столпъ и утвержденіе вѣры, и помощника въ бѣдахъ, и прибѣжище намъ, и освобожденіе. А брату моему, государь, и сослужителю, великому господину, святѣйшему Никону — освящать соборную апостольскую церковь Софіи — Премудрости Божіей (разумѣется, въ Константинополѣ)»... Въ послѣднихъ числахъ декабря Аѳанасій выѣхалъ изъ Москвы ([68]). А въ февралѣ слѣдующаго 1654 г. извѣщалъ царя Алексѣя Михайловича изъ Чигирина, что гетманъ Богданъ Хмѣльницкій устроилъ его, Аѳанасія, на время въ одномъ изъ монастырей, именно лубенскомъ: здѣсь, спустя мѣсяцъ съ небольшимъ, 5 апрѣля, Аѳанасій и скончал-

---

([68]) О пріѣздѣ въ Москву бывшаго цареградскаго патр. Аѳанасія — въ москов. главн. архивѣ министер. иностр. дѣлъ, греч. дѣла, связк. 29, № 8, послѣдняя половина, и связк. 31, № 27. Снес. Выходы Госуд., стр. 302.

ся ([69]). Но для насъ важно посѣщеніе патріархомъ Аѳанасіемъ Москвы въ томъ преимущественно отношеніи, что и онъ, подобно другимъ восточнымъ первосвятителямъ, приходившимъ къ намъ прежде, «зазиралъ» патріарху Никону «въ неисправленіи божественнаго писанія и прочихъ церковныхъ винахъ», и тѣмъ вновь возбуждалъ его ревность къ исправленію нашихъ церковныхъ книгъ и обрядовъ. Кромѣ того, Аѳанасій, во время своего пребыванія въ Москвѣ, написалъ для Никона сочиненіе, подъ названіемъ: «Чинъ архіерейскаго совершенія литургіи на востокѣ», чтобы Никонъ ясно могъ видѣть, какія отступленія отъ того Чина допущены въ Россіи ([70]).

Еще въ то время, когда патріархъ Аѳанасій находился въ Москвѣ, произошло первое открытое столкновеніе у Никона съ его противниками и, прежде всего, съ протопопомъ Нероновымъ. Столкновеніе это описалъ самъ Нероновъ довольно подробно въ своей «Росписи», которую и послалъ царю Алексѣю Михайловичу, и нѣсколько короче—въ своей челобитной, которую подалъ впослѣдствіи патріархамъ. Въ іюлѣ 1653 года Никонъ созвалъ въ своей крестовой соборъ, на ко-

---

([69]) А. Ю. и З. Россіи, X. № 6, ст. XIII, стр. 331; *Архид. Павла алеппскаго*, Путешествіе антіох. патр. Макарія въ Россію, въ Чтен. М. Истор. общ. 1876, I, отд. IV, 61—63.

([70]) «Слово отвѣщательно» патр. Никона въ его Скрижали, л. 1. Подлинная рукопись патр. Аѳанасія, на греческомъ языкѣ, хранится въ москов. синод. библіотекѣ, № 245. Тогда же сочиненіе это, по приказанію Никона, переведено было на славянскій языкъ, подъ заглавіемъ: «Толкованіе божественныя литургіи, егда священнодѣйствуетъ архіерей, по чину и обычаю восточныя церкви. Аѳанасій, прежній вселенскій патріархъ, на Москвѣ сице сподобивыйся (священнодѣйствовать?) въ 1653 лѣто, мѣсяца іюля, индикта 6». Рукопись этого перевода хранится въ тойже синод. библіотекѣ, № 698.

торый приглашенъ былъ и протопопъ Нероновъ, и слушалъ на соборѣ отписку муромскаго воеводы на протопопа муромскаго Логгина, будто онъ похулилъ образъ Спасителя и образа пресв. Богородицы и всѣхъ святыхъ. Логгинъ, находившійся тутъ же, противъ отписки далъ объясненіе: «я не только словомъ, но и мыслію не хулилъ св. образовъ, которымъ покланяюсь со страхомъ, а сказалъ только женѣ воеводы муромскаго, у него въ дому, когда она подошла ко мнѣ на благословеніе: не бѣлена ли ты? Слово мое подхватили гости и самъ воевода, и заговорили: ты, протопопъ, хулишь бѣлила, а безъ бѣлилъ не пишутся и образа. Я отвѣчалъ: какими составами пишутся образа, такіе и составляютъ писцы: а если на ваши рожи такіе составы положить, то вы не захотите. Самъ Спасъ и пресв. Богородица и всѣ святые честнѣе своихъ образовъ». Никонъ, выслушавъ Логгина и «не испытавъ истины, по отпискѣ того воеводы, осудилъ Логгина въ мученіе злому приставу, мстя себѣ прежде бывшее обличеніе отъ того Логгина протопопа въ его Никоновѣ небрежнѣмъ и высокоумномъ и гордомъ житіи» (значитъ, не Никонъ первый началъ вражду, а его перваго оскорбилъ муромскій протопопъ, позволивши себѣ рѣзко укорять своего патріарха въ небрежности и гордости). Нероновъ не вытерпѣлъ и сказалъ Никону: «за что отдавать Логгина жестокому приставу? Нужно прежде произвести розыскъ... Тутъ дѣло великое, Божіе и царево, и самому царю, по истинѣ, слѣдуетъ быть на семъ соборѣ». На это Никонъ будтобы отвѣчалъ: «мнѣ-де и царская помощь не годна и не надобна, да таки-де на нее и плюю и сморкаю». А Нероновъ завопилъ: «патріархъ Никонъ! взбѣсился ты, что такія хульныя

слова говоришь на государское величество...: всѣ св. соборы и благочестивыя власти требовали благочестивыхъ царей и князей въ помощь себѣ и православной вѣрѣ». И въ тотъ же день Нероновъ съ ярославскимъ протопопомъ Ермиломъ, ссылаясь и на ростовскаго митрополита Іону, будтобы слышавшаго тѣ недостойныя слова Никона о царѣ, донесли о нихъ государеву духовнику Стефану и самому государю. Никонъ черезъ нѣсколько дней вновь созвалъ духовныя власти на соборъ и жаловался имъ на Неронова, какъ на своего клеветника предъ государемъ, и утверждалъ, что такихъ словъ про государя не говорилъ. Ростовскій митрополитъ Іона сперва молвилъ: «было де такъ, какъ Іоаннъ протопопъ говоритъ», да тотчасъ же заперся и произнесъ: «патріархъ Никонъ такихъ словъ не говаривалъ». Тогда разсерженный Нероновъ началъ изрыгать на Никона, въ присутствіи всего собора, цѣлый потокъ укоризнъ, едва давая Никону сказать нѣсколько словъ. *Никонъ:* «я сужу только по Евангелію». *Нероновъ:* «въ Евангеліи сказано: *любите враги ваша, добро творите ненавидящимъ васъ*; а ты и тѣхъ, кто добра тебѣ хочетъ, ненавидишь, а которые клеветники и шепотники, тѣхъ ты любишь, и жалуешь, и слушаешь. Кто тебѣ огласитъ кого, хоть за пятьсотъ или за тысячу верстъ, ты вѣришь; а про богомольцевъ говоришь, послушавъ клеветы: вотъ что̀ они дѣлаютъ, нечестивцы, а протопопы Стефанъ (Вонифатьевъ) и Іоаннъ (Нероновъ) имъ, ворамъ, потакаютъ»... *Никонъ:* «я сужу по правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ». *Нероновъ:* «въ правилахъ написано не вѣрить клеветникамъ, провѣрять ихъ истинными свидѣтелями, уличенныхъ же клеветниковъ на-

казывать безъ пощады; а тебѣ клеветники явно клевещутъ на добрыхъ людей, и ты имъ вѣришь». Тутъ прервалъ было Неронова протодіаконъ патріарха Григорій своими укоризнами противъ жены его и сына; но Нероновъ съ новою дерзостію продолжалъ къ Никону: «доселѣ ты называлъ протодіакона Григорія и прочихъ, которые нынѣ у тебя въ крестовой совѣтники, врагами Божіими и разорителями закона Господня; а нынѣ у тебя на соборѣ то и добрые люди. Прежде ты имѣлъ совѣтъ съ протопопомъ Стефаномъ и его любимыми совѣтниками, и на домъ ты къ протопопу Стефану часто пріѣзжалъ и любезно о всякомъ добромъ дѣлѣ бесѣдовалъ, когда былъ игуменомъ, архимандритомъ и митрополитомъ. Которые боголюбцы присылаемы были государемъ къ патріарху Іосифу, чтобы онъ, по его государеву совѣту, поставилъ однихъ въ митрополиты, архіепископы и епископы, другихъ въ архимандриты, игумены и протопопы, — и ты съ государевымъ духовникомъ Стефаномъ бывалъ тогда въ совѣтѣ и никогда не прекословилъ, и при поставленіи ихъ не говорилъ: недостоинъ. Тогда всѣ у тебя были непорочны, а нынѣ у тебя тѣже люди стали недостойны. И протопопъ Стефанъ за что тебѣ врагъ сталъ? Вездѣ ты его поносишь и укоряешь, а друзей его разоряешь, протопоповъ и поповъ съ женами и дѣтьми разлучаешь. Доселѣ ты другъ нашъ былъ,—на насъ возсталъ. Нѣкоторыхъ ты разорилъ и на ихъ мѣста поставилъ иныхъ, и отъ нихъ ничего добраго не слыхать. Другихъ ты обвинилъ за то, что они людей мучатъ, а самъ безпрестанно мучишь: старца соловецкаго и въ воскресный день велѣлъ бить немилостиво. Властямъ зазираешь, а

самъ безпрестанно мучишь ([71]). Вотъ ты укоряешь новоуложенную книгу (т. е. Уложеніе), посохомъ ее попираешь и называешь недоброю; а ты и руку къ ней приложилъ, когда ее составляли: въ тѣ поры называлъ ее доброю. Приложилъ руку изъ земнаго страха, нынѣ же на соборѣ дерзаешь противъ той книги, потому что государь далъ тебѣ волю. А любящіе Бога не боялись нищеты, скорби и смерти, за истину страдали и стояли крѣпко, какъ нынѣ отъ тебя боголюбцы терпятъ скорби, и бѣды, и разоренія». *Никонъ:* «на тебя мнѣ подали челобитную за руками священники и діаконы и всѣ причетники твоего собора». *Нероновъ:* «вели прочитать на соборѣ, въ чемъ меня обвиняютъ. Воистину, патріархъ, лжешь; развѣ тебѣ извѣщалъ на меня вдовый попъ Лаврентій, котораго прежде ты послалъ подъ начало въ іосифовъ монастырь, а нынѣ освободилъ, чтобъ на меня ложь составилъ». Тутъ опять не выдержалъ протодіаконъ и началъ кричать въ крестовой съ своими совѣтниками: «ты де великаго святителя кощунникомъ, и празднословцемъ, и мучителемъ, и лжесоставникомъ называешь». *Нероновъ:* «попустилъ самъ патріархъ всякія нелѣпыя слова говорить предъ собою на истинныхъ рабовъ Божіихъ, и я не знаю, чѣмъ назвать сей соборъ вашъ... Что вы, Григорій, кричите и вопите? Я не во Св. Троицу погрѣшилъ, и не похулилъ Отца и Сына и Св. Духа, но похуляю вашъ соборъ»... ([72]).

([71]) Такимъ образомъ Нероновъ самъ свидѣтельствуетъ, что жестокія наказанія, за которыя онъ столько укорялъ, теперь и послѣ, патріарха Никона, были тогда въ обычаѣ и вообще у властей духовныхъ (какъ и свѣтскихъ), а не у одного Никона: таковъ былъ духъ времени. Впослѣдствіи Нероновъ жаловался, что Павелъ, митрополитъ сарскій и подонскій, гналъ и мучилъ его, Неронова, еще «паче Никона» (Матеріал. для истор. раскола, I, 239).

([72]) Матеріал. для истор. раскола, I, 41—51. 234—237.

Что же показываетъ это первое публичное столкновеніе протопопа Неронова съ патріархомъ Никономъ, которое мы изложили со словъ самого же Неронова? Нероновъ сначала заступился за одного изъ своихъ сторонниковъ, муромскаго протопопа Логгина, еще прежде дерзко укорявшаго Никона въ гордости, и упрекнулъ Никона въ жестокости. Потомъ донесъ царю на Никона, будтобы сказавшаго о царѣ неприличныя слова. А потомъ рѣзко укорялъ Никона, что онъ вѣритъ однимъ только клеветникамъ безъ всякаго разслѣдованія; что прежде былъ онъ другомъ Вонифатьева и его друзей, совѣтовался съ ними о всемъ, а теперь сдѣлался врагомъ Вонифатьева, вездѣ поноситъ его, а друзей его, протопоповъ и поповъ, разоряетъ, мучитъ, на ихъ мѣста ставитъ другихъ, избралъ себѣ новыхъ совѣтниковъ, которыхъ прежде называлъ врагами Божіими; что прежде изъ страха подписалъ Уложеніе, а теперь порицаетъ его; что, наконецъ, лжетъ на него — Неронова и самъ настроилъ на него клеветника. И среди всѣхъ этихъ укоризнъ Никону нѣтъ ни слова противъ исправленія имъ церковныхъ обрядовъ, которое уже начиналось тогда; невидно и тѣни какой либо привязанности къ старымъ обрядамъ, на которые будтобы посягнулъ Никонъ. Во всемъ видна одна лишь личная вражда, ненависть, озлобленіе Неронова и его друзей противъ Никона за то, что онъ измѣнилъ имъ, лишилъ ихъ прежней власти, сталъ ихъ врагомъ, преслѣдуетъ ихъ. Этою-то ненавистію болѣе всего руководились они и впослѣдствіи, когда начали ратовать будтобы за старые обряды.

Озлобленіе Неронова не имѣло границъ, и онъ совершенно забылся, когда позволилъ себѣ на соборѣ и такъ дерзко по-

рицать въ глаза и позорить своего патріарха, а наконецъ похулилъ и весь соборъ. Неудивительно, если св. соборъ, на основаніи 55 правила св. апостоловъ, которое гласитъ: «аще кто изъ клира досадитъ епископу, да будетъ изверженъ», опредѣлилъ послать протопопа Неронова на смиреніе въ монастырь. Или, какъ подробнѣе объ этомъ разсказываетъ онъ самъ: «и за тѣ мои слова сосланъ я былъ въ спасскій монастырь на Новое подъ начало, и того же дня переведенъ изъ спасскаго монастыря въ симоновъ и отданъ подъ крѣпкое начало: мнѣ не велѣно было ходить въ церковь, а ночью сторожа меня со свѣчами держали и семь дней никого изъ людей не пущали ко мнѣ, ни домашнихъ, ни стороннихъ. Въ осмой день привезли меня въ городъ на царе-борисовскій дворъ, и тутъ били немилостиво; а когда везли меня изъ монастыря, то быстро скакали на телѣгѣ, хотѣли тряскою меня уморить. И привезли меня въ соборную церковь, и патріархъ Никонъ велѣлъ крутицкому митрополиту Сильвестру снять съ меня скуфью. И какъ сняли скуфью, опять послалъ меня патріархъ въ симоновъ монастырь, и на шею наложили мнѣ большую цѣпь. Въ 4-й день августа послалъ меня въ вологодскій уѣздъ на кубенское озеро, въ каменской монастырь, подъ крѣпкое начало; а въ граматѣ о мнѣ ко властямъ было писано: за великое безчиніе велѣно въ черныхъ службахъ ходить» (73).

Лишь только Нероновъ подвергся опалѣ, друзья его, со-

---

(73) Матеріал. для истор. раскола. I, 50 — 51. А что Нероновъ осужденъ былъ не однимъ Никономъ, но всѣмъ соборомъ, на основаніи апостольскаго правила, — о чемъ намѣренно умолчалъ въ своемъ разсказѣ Нероновъ,—см. тамъ же, I, 128—129.

ставлявшіе вокругъ него «братію», не дремали. Они положили ходатайствовать за него предъ государемъ. Протопопы Аввакумъ и Даніилъ костромскій написали о томъ челобитную и отнесли къ государеву духовнику Стефану. Но осторожный Стефанъ началъ уже отдѣляться отъ своихъ задорныхъ друзей, затѣявшихъ неравную борьбу съ могущественнымъ патріархомъ, и, по выраженію Аввакума, «всяко ослабѣлъ», и челобитной «государю не снесъ». Братія, впрочемъ, нашли другой путь къ государю и свою челобитную ему подали, а государь передалъ ее патріарху. Между тѣмъ Аввакумъ отправился провожать Неронова на каменный островъ. И когда воротился, пошелъ 13-го августа ко всенощной въ казанскій соборъ, намѣреваясь, какъ бывало прежде, читать въ положенное время, вмѣсто протопопа Неронова, поученіе къ народу изъ Толковаго Евангелія. Но казанскіе священники не дали ему читать и сказали: ты протопопъ въ Юрьевцѣ, а не нашъ, и патріаршій архидіаконъ велѣлъ намъ самимъ читать поученія къ народу. Аввакумъ очень огорчился и не сталъ ходить въ казанскую церковь, а «завелъ свое всенощное» въ сушилѣ, находившемся на дворѣ протопопа Неронова; переманилъ къ себѣ нѣсколько прихожанъ казанской церкви, а чрезъ нихъ позывалъ и другихъ отъ церкви въ сушило, говоря: «въ нѣкоторое время и конюшня-де иные церкви лучше». Священники казанскіе этого не стерпѣли и донесли о всемъ патріарху Никону. Поступокъ Аввакума былъ очень важенъ и противенъ канонамъ церкви: онъ самовольно устроилъ особую молельню, самовольно отдѣлялся самъ и отдѣлялъ другихъ отъ церкви въ самочинное сборище. По приказу патріарха, немедленно посланъ былъ Борисъ Нелединскій со

стрѣльцами. Они окружили Аввакумову молельню, когда всенощная въ ней еще не кончилась, схватили самого Аввакума и богомольцевъ, числомъ тридцать три, да тутъ же взяли и челобитчиковъ, т. е. писавшихъ и подписавшихъ челобитную о Неронове, такъ что всѣхъ взятыхъ было до сорока человѣкъ и больше. Аввакумъ отведенъ былъ на патріаршій дворъ, и на другой день въ оковахъ отвезенъ на телѣгѣ въ андроньевъ монастырь. А «братью», т. е. взятыхъ богомольцевъ и челобитчиковъ, отослали въ тюрьму и держали въ ней цѣлую недѣлю. Въ слѣдующее воскресенье патріархъ велѣлъ привести всѣхъ ихъ въ церковь, и во время литургіи прочиталъ имъ изъ правилъ церковныхъ, которыя они нарушили своимъ самочиннымъ сборищемъ, и всѣхъ предалъ анаѳемѣ и отлучилъ отъ церкви. А тремъ протопопамъ, болѣе другихъ виновнымъ, какъ въ этомъ самочиніи, такъ и въ составленіи челобитной царю за Неронова противъ патріарха, да и по самому ихъ духовному сану, было особое наказаніе. Прежде всего, Никонъ «остригъ голову» въ соборной церкви, въ присутствіи самого царя, костромскому протопопу Даніилу и, снявъ съ него однорядку, отослалъ въ чудовъ монастырь на работу въ хлѣбной, а чрезъ нѣсколько времени сослалъ въ Астрахань. Потомъ точно также остригъ въ соборной церкви и при царѣ, во время большаго выхода за обѣднею, муромскаго протопопа Логгина, снялъ съ него однорядку и кафтанъ и, въ цѣпяхъ, отослалъ въ богоявленскій монастырь, а потомъ отправилъ въ Муромъ, велѣвъ ему жить въ деревнѣ у отца подъ началомъ. Дошла очередь и до Аввакума. Чрезъ десять дней, послѣ заключенія его въ андроніевой обители, онъ приведенъ былъ пѣшкомъ въ патріаршій приказъ и оставался

здѣсь цѣлый день предъ судьями на распросѣ про челобитную, а потомъ снова отпущенъ въ тотъ же монастырь. Тамъ просидѣлъ онъ всего четыре недѣли. Въ Никитинъ день (15-го сентября), когда происходилъ въ Москвѣ крестный ходъ, привезли Аввакума къ успенскому собору. Самъ патріархъ совершалъ литургію; Аввакума держали у порога храма; всѣ ждали времени, какъ начнетъ патріархъ «стричь» протопопа. Но когда оно настало, внезапно государь сошелъ съ своего мѣста, приблизился къ патріарху и упросилъ его не стричь Аввакума. Патріархъ уступилъ: Аввакуму, болѣе другихъ виновному, сдѣлано было снисхожденіе, онъ остался протопопомъ. Его передали только въ сибирскій приказъ и потомъ сослали, съ женою и дѣтьми, въ Тобольскъ, гдѣ мѣстный архіепископъ далъ ему и священническое мѣсто ([74]). Если протопопъ Нероновъ подвергся церковному наказанію вовсе не за ревность по вѣрѣ, а за величайшее оскорбленіе патріарха предъ лицемъ цѣлаго собора, то и три другіе протопопа, Даніилъ, Логгинъ и Аввакумъ, пострадали точно также вовсе не за ревность по вѣрѣ, а за то, что вздумали защищать предъ царемъ, въ укоръ патріарху, своего до крайности виновнаго патрона, а еще болѣе за то, что дерзнули устроять самочинное сборище. Неизвѣстно въ подробностяхъ, какъ происходилъ судъ надъ этими тремя протопопами и надъ тѣми богомольцами, которые взяты были въ молельнѣ Аввакума; но они судились несомнѣнно по правиламъ церкви

(74) Письмо протопопа Аввакума къ Неронову — въ Матер. для исторіи раскола, I, 20—26; письмо священника казанскаго собора къ Неронову—тамъ же, I, 26—34; Житіе Аввакума—тамъ же, V, 22.

(смотр. правила св. апостоловъ 31. 55 и св. Василія вел. 1 и друг.), и если виновнымъ предложено было троекратное увѣщаніе, а они не раскаялись, то осуждены совершенно справедливо, хотя, безъ сомнѣнія, при наказаніи ихъ, можно было бы обходиться съ ними не съ такою жестокостію и не предавать ихъ такому позору ([75]).

Протопопа Неронова извѣстили въ его заточеніи, какая судьба постигла его ближайшихъ друзей—протопоповъ. И онъ написалъ къ государю (отъ 6-го ноября 1653 г.) ходатайственное письмо объ этихъ «заточенныхъ, и поруганныхъ, и изгнанныхъ», утверждая, вопреки правдѣ, что они осуждены мірскимъ судомъ, а не по правиламъ церкви, что много лѣтъ служили эти страдальцы и прежде, и порока въ нихъ никакого не замѣчалось, да и самъ Никонъ не дѣлалъ тогда на нихъ никакого извѣта; а нынѣ они оболганы, и Никонъ повѣрилъ клеветѣ на нихъ. Затѣмъ Нероновъ увѣрялъ, что не собственныя скорби и страданія понудили его вопить къ государю, но страхъ, какъ бы благочестіе не было въ поруганіи, и гнѣвъ Божій не излился на Россію, и умолялъ царя утишить бурю, смущающую церковь, прекратить брань, по-

---

([75]) Надобно однакожъ сознаться, что сами эти протопопы своими крайне дерзкими выходками противъ Никона невольно вызывали его на крутыя мѣры. Мы уже видѣли, какъ грубо поносилъ своего патріарха протопопъ Нероновъ предъ цѣлымъ соборомъ, и упоминали, что протопопъ Логгинъ въ лицо укорялъ патріарха за его будтобы «небрежное и высокоумное и гордое житіе». Теперь прибавимъ, что тотъ же Логгинъ, когда его разстригли въ соборной церкви и сняли съ него однорядку и кафтанъ, во время большаго выхода, «Никона порицая, чрезъ порогъ въ алтарь въ глаза Никону плевалъ и, схватя съ себя рубашку, въ алтарь въ глаза Никону бросилъ»... (*Аввакум.* Автобіогр.—въ Матер. для исторіи раскола, V, 21).

губляющую сыновъ церкви. Царь самъ не отвѣчалъ Неронову; но духовникъ его Стефанъ, конечно, по его порученію, два раза писалъ къ бывшему своему другу, казанскому протопопу, и убѣждалъ его смириться, быть въ послушаніи патріарху, примириться съ нимъ, и извѣщалъ, что Никонъ патріархъ оправдываетъ себя въ своихъ дѣйствіяхъ противъ него, ожидаетъ отъ него и друзей его истиннаго покаянія и готовъ простить ихъ. Но неукротимый Нероновъ съ укорами отвѣчалъ (отъ 27 февраля 1654 г.) Вонифатьеву: зачѣмъ ты оскорбилъ меня?.. Я не могу принять твоего совѣта; мы ни въ чемъ не согрѣшили предъ отцемъ твоимъ Никономъ патріархомъ..., твой же отецъ Никонъ патріархъ напрасно оправдывается: онъ смиряетъ насъ неправильно, не по писанію, но страсть свою исполняетъ, и мучитъ насъ за правду... Онъ ждетъ, чтобы мы попросили у него прощенія: пусть и самъ онъ попроситъ у насъ прощенія и покается предъ Богомъ, что оскорбилъ меня туне... и проч. Отъ того же 27-го февраля Нероновъ отправилъ обширное посланіе и къ царю Алексѣю Михайловичу. Здѣсь, прежде всего, умолялъ о тѣхъ же «заточенныхъ, поруганныхъ, изгнанныхъ безъ всякія правды» друзьяхъ своихъ, осужденныхъ будтобы мірскимъ судомъ, а не по правиламъ церкви, и напоминалъ царю о временахъ антихриста, когда Христовы рабы гонимы будутъ, носящіе на себѣ знаменіе небеснаго царя. Потомъ указывалъ на извѣстную «Память» или указъ Никона, содержавшій два его распоряженія: относительно поклоновъ во св. четыредесятницу и относительно троеперстія для крестнаго знаменія. Первое распоряженіе называлъ прямо «ересью непоклонническою», и совершенно несправедливо: потому что

такъ-называемая ересь неколѣнопоклонниковъ состояла въ томъ, чтобы на молитвѣ никогда не класть земныхъ поклоновъ и молиться всегда стоя; а Никонъ вовсе не запрещалъ употребленія земныхъ поклоновъ ни въ церковныхъ, ни въ домашнихъ молитвахъ; онъ предписывалъ только, чтобы во св. четыредесятницу, при чтеніи молитвы св. Ефрема Сирина, не клались одни земные поклоны (числомъ 17), а клались лишь четыре земныхъ, прочіе же всѣ поясные ([76]). Противъ втораго распоряженія Никона защищалъ двуперстіе для крестнаго знаменія, и ссылался на Мелетія антіохійскаго, Θеодорита, Максима грека: каковы эти доказательства, мы уже видѣли прежде ([77]). Далѣе увѣрялъ, что ничѣмъ не согрѣшилъ «предъ мнимымъ владыкою» (т. е. Никономъ), и что говорилъ къ нему одну истину, вступившись за честь царскаго величества, имъ поругаемую и ни во что поставляемую, да и за своихъ страждущихъ братьевъ, и молилъ царя созвать соборъ, на которомъ бы присутствовали не одни архіереи, но и другія духовныя лица и добродѣтельные міряне всякаго чина. Подъ конецъ посланія выражался: «отъ патріарха, государь, разрѣшенія не ищу, потому что онъ осудилъ меня не по правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ (совершенная неправда!), но своея ради страсти; я сказалъ ему правду, а онъ за то возненавидѣлъ меня,

([76]) У Никона черногорца приведено изъ «Дамаскинова изложенія, еже о ересѣхъ» слѣдующее опредѣленіе (91-й) ереси неколѣнопоклонниковъ: «сіи *на всяко время* молитвъ своихъ колѣну не хотятъ поклонити, но стояще *присно* молитвы своя творятъ». Самое имя ереси по отношенію къ неколѣнопоклонникамъ употреблено, очевидно, не въ точномъ смыслѣ: потому что собственно ереси тутъ вовсе нѣтъ.

([77]) См. нашей Исторіи Русск. Церкв. VIII, 116—129.

и не меня только, но всю братію—рабовъ Христовыхъ». Прочитавъ это посланіе, царь далъ приказъ, чтобы Нероновъ впредь къ нему не писалъ. И Вонифатьевъ, передавая этотъ приказъ Неронову, извѣщалъ его вмѣстѣ, что царь удивляется его упрямству, и ни царь, ни царица не одобряютъ его; что «царь-государь положилъ свою душу и всю Русію на патріархову душу», и за патріархомъ ничего худаго не видалъ; что относительно поклоновъ царь согласуется съ государемъ патріархомъ и со властьми, а крестное знаменіе будетъ, какъ было издревле. Но Нероновъ и теперь остался непреклоненъ, и отъ 2 мая отвѣчалъ Вонифатьеву: пусть вы не блазнитесь о патріархѣ, — все онъ доброе творитъ; но я соблазнился и братія, потому что онъ принялъ на себя мучительскій санъ, и братію мучительски мучитъ, однихъ остригъ, другихъ проклялъ... Не вмѣняй въ упрямство, что я не прошу у патріарха прощенія: я не признаю себя согрѣшившимъ предъ нимъ... Если патріархъ ищетъ отъ насъ послушанія, то послушай и онъ Христа Спаса, повелѣвающаго не воздавать зломъ за зло и ударившему въ ланиту подставлять и другую... и проч. (78).

Но намъ пора разстаться, на время, съ Нероновымъ и его друзьями и обратиться къ дѣлу, на которое обращено было тогда все вниманіе патріарха Никона. Распоряженіе, сдѣланное имъ лично отъ себя предъ наступленіемъ великаго поста въ 1653 г. и направленное только противъ двухъ обрядовыхъ новшествъ, послужило для него какбы пробнымъ

---

(78) Всѣ означенныя письма—въ Матеріал. для исторіи раскола, I, 34—41. 51—94.

камнемъ, чтобы узнать, какъ отзовутся на задуманное имъ исправленіе церковныхъ обрядовъ и богослужебныхъ книгъ. И онъ понялъ и убѣдился изъ сопротивленія, оказаннаго Нероновымъ и его братіею, что дѣйствовать тутъ одною своею патіаршескою властію недостаточно, а необходимо ему, патріарху, имѣть для себя опору въ болѣе сильной церковной власти — соборной. Проникнутый этимъ убѣжденіемъ, Никонъ просилъ царя Алексѣя Михайловича созвать соборъ, — о чемъ въ тоже время была просьба къ царю и отъ Неронова. Соборъ былъ созванъ въ мартѣ или въ апрѣлѣ 1654 года, и происходилъ въ царскихъ палатахъ ([79]). На соборѣ «предсѣдательствовали благовѣрный и христолюбивый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ, всея великія и малыя Россіи самодержецъ, и премудрый великій государь святѣйшій Никонъ, патріархъ московскій и всея великія и малыя Россіи», и присутствовали пять митрополитовъ: новгородскій Макарій, казанскій Корнилій, ростовскій Іона, крутицкій Сильвестръ, сербскій Михаилъ; четыре архіепископа: вологодскій Маркеллъ, суздальскій Софроній, рязанскій Мисаилъ, псковскій Макарій; одинъ епископъ—коломенскій Павелъ; одиннадцать архимандритовъ и игуменовъ, и тринад-

---

([79]) Соборъ былъ послѣ 27 февраля и прежде 2 мая: потому что Нероновъ въ письмѣ къ царю отъ 27 февраля только еще просилъ о созваніи собора, а въ письмахъ къ царицѣ и царскому духовнику отъ 2 мая уже упоминаетъ о немилости, постигшей епископа Павла коломенскаго, и дѣлаетъ возраженіе противъ сказаннаго Никономъ на соборѣ относительно поклоновъ (Матеріал. для истор. раскола, I. 66.79.87—88). Кромѣ того извѣстно, что на этомъ соборѣ присутствовалъ самъ царь; а онъ 18 мая уѣхалъ изъ Москвы въ Литву къ своему войску, откуда возвратился только въ началѣ слѣдующаго года (Дворц. Разр. III, 412).

цать протопоповъ, всего, кромѣ предсѣдательствовавшихъ, 34 человѣка, «туже и царскому сvгклиту предстоящу». Никонъ открылъ соборъ рѣчью. Высказавъ сначала общія мысли, что нѣтъ ничего богоугоднѣе, какъ поучаться въ заповѣдяхъ Божіихъ и крѣпко на нихъ утверждаться, и что, по словамъ благочестиваго царя Юстиніана, два величайшіе дара даровалъ Богъ людямъ по своей благости: священничество и царство, изъ которыхъ одно служитъ божественнымъ, а другое правитъ человѣческими (дѣлами), но оба, происходя отъ одного и того же начала, украшаютъ человѣческую жизнь, и что они тогда только могутъ выполнять свое призваніе, если будутъ заботиться о сохраненіи между людьми божественныхъ заповѣдей и церковныхъ правилъ, Никонъ продолжалъ: «посему должно и намъ блюсти заповѣди, преданныя отъ Господа и Спасителя нашего, отъ св. апостоловъ и отъ св. отцевъ, собиравшихся на седми вселенскихъ и православныхъ помѣстныхъ соборахъ. И такъ какъ (отселѣ говорилъ Никонъ словами, наиболѣе поразившими его въ граматѣ восточныхъ патріарховъ объ утвержденіи русскаго патріаршества), такъ какъ православная церковь получила совершенство не только въ догматахъ боговѣдѣнія и благочестія, но и въ священноцерковномъ уставѣ, то справедливость требуетъ, чтобы и мы потребляли всякую новину въ оградѣ церкви, зная, что новины всегда бываютъ причиною церковнаго смятенія и раздѣленія, и чтобы слѣдовали мы уставамъ св. отцевъ, и чему научились отъ нихъ, то хранили неповрежденнымъ, безъ всякаго приложенія или отъятія. И мы, по первому правилу седмаго вселенскаго собора, со услажденіемъ пріемлемъ божественныя правила св. апостоловъ, св. соборовъ все-

ленскихъ и помѣстныхъ и св. отцевъ, какъ просвѣщенныхъ отъ одного и тогоже Св. Духа, и кого они прокляли, и мы проклинаемъ, кого они низвергли, и мы низвергаемъ, кого они отлучили, и мы отлучаемъ, кого они запретили, и мы запрещаемъ. Послѣдуя этимъ апостольскимъ и соборнымъ правиламъ, и св. великій соборъ, бывшій во дни благочестиваго царя и великаго князя Ѳедора Ивановича всея Руси, возгласилъ и утвердилъ слѣдующее». Вслѣдъ затѣмъ Никонъ приказалъ прочитать, если не самъ прочиталъ, все сполна соборное Дѣяніе или грамату восточныхъ іерарховъ, собиравшихся въ Константинополѣ въ 1593 году и утвердившихъ патріаршество въ Россіи. При чтеніи этой граматы всѣ присутствовавшіе вновь слышали слова, приведенныя уже Никономъ, что должно потреблять всякія новины въ церкви и все, преданное св. отцами, сохранять безъ всякаго поврежденія, приложенія и отъятія, а вмѣстѣ услышали и символъ вѣры, изложенный въ граматѣ восточными святителями, и не могли не замѣтить тѣхъ, хотя и немногихъ, прибавленій и измѣненій, какія находились въ употреблявшемся тогда у насъ символѣ. Когда чтеніе граматы кончилось, Никонъ продолжалъ: «посему я долженъ объявить вамъ нововводные чины церковные. Въ служебникахъ московской печати положено, чтобы архіерейскія молитвы, которыми архіереи разрѣшаютъ многіе грѣхи людскіе, священникъ предъ совершеніемъ литургіи читалъ отъ своего лица за самого себя; а въ греческихъ служебникахъ и въ нашихъ старыхъ, писанныхъ за сто, за двѣсти, за триста лѣтъ и болѣе, тѣхъ молитвъ не обрѣтается; положено еще предъ началомъ литургіи говорить отпустъ (послѣ часовъ) на всю церковь, чего ни въ греческихъ, ни въ нашихъ старыхъ—не

положено; да есть разности и въ дѣйствіяхъ за литургіею и въ эктеніяхъ. Посему прошу рѣшенія: новымъ ли нашимъ печатнымъ служебникамъ послѣдовать, или греческимъ и нашимъ старымъ, которые купно обои единъ чинъ и уставъ показуютъ?» Тогда царь и преосвященные митрополиты, архіепископы и епископъ, и весь освященный соборъ, всѣ единогласно отвѣчали: «достойно и праведно исправити противо старыхъ — харатейныхъ и греческихъ». Затѣмъ послѣдовалъ цѣлый рядъ предложеній и вопросовъ со стороны Никона и рѣшеній или отвѣтовъ со стороны собора. *Никонъ:* «въ уставахъ нашихъ написано — отверзать царскія двери, во время литургіи, только на малый выходъ и на великій, а у насъ теперь онѣ бываютъ постоянно отверзты отъ начала литургіи до великаго выхода. Скажите: по уставу ли дѣйствовать или по нашему чину? А греки дѣйствуютъ согласно съ нашимъ уставомъ». *Соборъ:* «и мы утверждаемъ быть также, какъ греческія и наши старыя книги и уставы повелѣваютъ». *Никонъ:* «въ нашихъ уставахъ написано — въ воскресный день начинать литургію въ началѣ третьяго (по нынѣшнему, девятаго) часа; а у насъ нынѣ, когда случается соборный молебенъ, литургія начинается въ началѣ седмаго и осмаго (т. е. перваго и втораго) часа. Что скажете: по уставу ли св. отцевъ начинать литургію, или по нашему обычаю въ началѣ седмаго и осмаго часа, о чемъ нигдѣ не написано?» *Соборъ:* «быть по уставу св. отцевъ». *Никонъ:* «по 7-му правилу седмаго вселенскаго собора, при освященіи церквей должно полагать въ нихъ мощи св. мучениковъ, а у насъ въ Россіи всѣ церкви освящаются безъ мощей; только въ антиминсѣ вшиваютъ частицы мощей, подъ престоломъ же мощей

не кладутъ; а въ старыхъ нашихъ потребникахъ есть указъ о томъ, чтобы подъ престоломъ класть три части св. мощей. Что объ этомъ скажете?» *Соборъ:* «быть по правиламъ св. отцевъ и по уставу, какъ написано въ древнихъ потребникахъ». *Никонъ:* «по 15-му правилу лаодикійскаго собора, безъ малыхъ ризицъ (стихаря) никто не долженъ восходить въ церкви на амвонъ, чтобы читать и пѣть; а у насъ простецы, безъ благословенія, и двоеженцы, и троеженцы, читаютъ и поютъ въ церквахъ. Что скажете?» *Соборъ:* «также быть по правиламъ св. отцевъ». *Никонъ:* «въ уставахъ греческихъ и въ нашихъ старыхъ написано о поклонахъ въ великую четыредесятницу, а въ новыхъ нашихъ уставахъ положено несогласно съ греческими и нашими старыми,—и о семъ должно истинно испытать». *Соборъ:* «быть согласно съ древними уставами». *Никонъ:* «въ нашихъ старыхъ потребникахъ и служебникахъ и въ греческихъ указано — служить на антиминсахъ; а нынѣ то не дѣлается, — антиминсъ полагаютъ подъ покровомъ. И о семъ разсудите». *Соборъ:* «добро есть исправить согласно съ старыми и греческими книгами». Затѣмъ благочестивый государь царь и великій князь Алексѣй Михайловичъ и великій государь святѣйшій патріархъ Никонъ повелѣли написать это соборное уложеніе, ради совершеннаго его укрѣпленія, чтобы впредь быть исправленію церковныхъ книгъ, при печатаніи ихъ, по древнимъ харатейнымъ и греческимъ книгамъ, уставамъ, потребникамъ, служебникамъ и часословамъ. И Никонъ, вмѣстѣ съ митрополитами, архіепископами и епископомъ, съ архимандритами, игуменами, протопопами, и весь освященный соборъ утвердили соборное уложеніе под-

писями своихъ рукъ, «яко да имать въ предыдущія лѣта непремѣнно сему быти» ([80]).

Таковъ былъ первый у насъ соборъ по дѣлу исправленія нашихъ церковныхъ книгъ и обрядовъ. Онъ не только призналъ необходимость исправленія ихъ, но утвердилъ самое начало или правило, какъ вести это исправленіе. Патріархъ Никонъ отнюдь не навязывалъ собору своихъ мыслей; онъ только напомнилъ своимъ сопастырямъ, отцамъ собора, ихъ священный долгъ хранить неизмѣнно все, преданное св. апостолами, св. соборами и св. отцами, и потреблять всякія новины въ церкви, а потомъ указалъ нѣкоторыя новины въ нашихъ тогдашнихъ книгахъ и церковныхъ обычаяхъ и спрашивалъ, что дѣлать. И самъ соборъ единогласно рѣшилъ: достойно и праведно исправить новопечатныя наши книги по старымъ — харатейнымъ и греческимъ. Противъ такого рѣшенія нельзя было ничего сказать: потому что лучшаго способа для исправленія нашихъ церковныхъ книгъ не представлялось. Можно было только не соглашаться, что тѣ или другіе обряды, на которые указалъ Никонъ, суть новины,— и такого рода несогласіе дѣйствительно заявилъ одинъ изъ присутствовавшихъ на соборѣ, епископъ Павелъ коломенскій. Вмѣстѣ съ другими онъ подписался подъ соборнымъ уложеніемъ, но подписался такъ: «Смиренный епископъ Павелъ

([80]) Дѣяніе этого собора было первоначально напечатано въ приложеніяхъ къ Скрижали Никоновой, а недавно (1873 г.) издано вновь Братствомъ св. Петра митрополита съ подлиннаго списка, скрѣпленнаго собственноручными подписями присутствовавшихъ на соборѣ лицъ, хранящагося въ москов. синод. библіотекѣ за № 379. Свѣдѣнія объ этомъ соборѣ изложены еще въ предисловіи къ Служебнику 1655 года.

коломенскій и каширскій; а что̀ говорилъ на святѣмъ соборе о поклонехъ, и тотъ уставъ харатейной во оправданіе положилъ здѣ, а другой писмяной». Своею подписью подъ актомъ собора Павелъ неоспоримо засвидѣтельствовалъ свое согласіе съ уложеніемъ собора, а прибавкою къ своей подписи ясно выразилъ, въ чемъ одномъ онъ не соглашался съ прочими отцами собора, противъ чего говорилъ на соборѣ. Надобно замѣтить, что епископъ Павелъ не въ первый разъ выражалъ теперь свое противорѣчіе Никону по вопросу о поклонахъ. Еще въ прошломъ году, когда предъ наступленіемъ великаго поста издана была Никономъ «Память» относительно земныхъ поклоновъ, Павелъ находился въ числѣ лицъ, которые, вмѣстѣ съ протопопомъ Нероновымъ, возстали противъ этой «Памяти», написали на нее возраженія и подали государю. Потому-то особенно возраженія Павла на соборѣ относительно поклоновъ и могли раздражить Никона: въ нихъ онъ могъ увидѣть какбы повтореніе прежнихъ возраженій всей враждебной ему партіи ([81]). А можетъ быть, Павелъ позволилъ еще себѣ въ спорѣ съ патріархомъ какія либо рѣзкія выходки противъ него, въ родѣ тѣхъ, какія прежде, на иномъ соборѣ, позволилъ себѣ протопопъ Нероновъ, или, можетъ быть, осмѣлился вообще упорно отвергать нужду въ исправленіи церковныхъ книгъ. Какъ бы ни было, только Никонъ разра-

---

([81]) Подпись Павла, епископа коломен., см. въ подлинномъ спискѣ соборнаго Уложенія, изд. Братствомъ св. Петра. Въ числѣ рукописей, отобранныхъ у игумена Ѳеоктиста, проживавшаго при Нероновѣ въ спасокаменномъ монастырѣ, находилась «Отписка коломенскаго епископа Павла къ протопопу Ивану Неронову на осми столбцахъ» (Матеріалы для истор. русскаго раскола, I, 331): доказательство, что между этими лицами были близкія сношенія.

зился надъ несчастнымъ епископомъ страшною карою: низвергъ его съ каѳедры, снялъ съ него мантію, предалъ его тяжкому тѣлесному наказанію и сослалъ въ заточеніе,—вслѣдствіе чего Павелъ сошелъ съ ума, и никто не видѣлъ, какъ погибъ бѣдный, звѣрями ли похищенъ, или въ рѣку упалъ и утонулъ ([82]). Самъ ли Никонъ, единолично и безъ суда, низвергъ епископа Павла, какъ говорили обвинители Никона на соборѣ 1666 года, или низверженіе Павла совершено было соборнѣ, по правиламъ, какъ утверждалъ Никонъ на томъ же соборѣ, указывая на то, что дѣло о низверженіи Павла есть на патріаршемъ дворѣ: во всякомъ случаѣ такимъ жестокимъ

([82]) Такъ сказано въ опредѣленіи собора 1666 года о низверженіи Никона (Собр. Госуд. Грам. IV, № 53, стр. 184). Равно и одинъ изъ епископовъ, присутствовавшихъ на этомъ соборѣ, именно черниговскій Лазарь Барановичь, выражается, что «низверженіе» Павла «послужило причиною скоропостижной смерти его отъ умопомѣшательства» (Письма *Лазаря Барановича*, письмо 38, Черниг. 1861). Но иначе передается дѣло у раскольническихъ писателей. Протопопъ Аввакумъ говоритъ въ своей біографіи, что «Никонъ напослѣдокъ огнемъ сжегъ его (Павла) въ новгородскихъ предѣлѣхъ» (Матер. для исторіи русск. раск. V, 18). Ѳедоръ Ивановъ, бывшій діаконъ московскаго благовѣщенскаго собора, въ одномъ мѣстѣ пишетъ, что Никонъ «въ ссылку сослалъ его (Павла) на Хутыню въ монастырь Варлаама преподобнаго; а тамо бысть архимандритъ Баряшко нѣкто, и того Павла епископа мучилъ, угождая Никону, врагу Христову... Павелъ же той блаженный епископъ началъ уродствовать Христа ради; Никонъ же увѣдавъ и посла слугъ своихъ тамо въ новгородскіе предѣлы, идѣже онъ, ходя, странствовалъ. Они же обрѣтоша его и убиша его до смерти, и тѣло его сожгоша огнемъ, по Никонову велѣнію» (тамъ же, VI, 196). А въ другомъ мѣстѣ самъ же Ѳедоръ говоритъ, что Никонъ «преосвященнаго Павла коломенскаго, добраго пастыря, разбойнически ободра, и *кто же вѣсть*, како его оконча»? (тамъ же, VI, 284). Въ позднѣйшее время Семенъ Денисовъ въ своемъ витіеватомъ «Виноградѣ Россійскомъ» писалъ, будто Павелъ сосланъ былъ въ палеостровскій монастырь и находился тамъ «не малое время», и что потомъ «новочинцы (а не Никонъ именно) оттуду къ новгородскимъ странамъ отвезше, по томленіи многомъ, священнаго епископа въ срубѣ содѣланномъ огненнѣй смерти предаша» (статья о Павлѣ колом.).

наказаніемъ епископа Никонъ крайне повредилъ и себѣ и самому дѣлу, за которое ратовалъ: потому что еще болѣе ожесточилъ противъ себя своихъ противниковъ и возбудилъ къ нимъ сочувствіе въ народѣ ([83]). Казнь постигла Павла вскорѣ, если не тотчасъ, послѣ собора, на которомъ онъ осмѣлился возражать противъ Никона. Нероновъ, въ письмѣ изъ своего заточенія отъ 2 мая тогоже 1654 г. къ царицѣ Марьѣ Ильиничнѣ, уже умолялъ ее ходатайствовать предъ государемъ за «отца епископа Павла и братію: Даніила протопопа костромскаго, и Аввакума протопопа юрьевскаго, и Логгина протопопа муромскаго и прочихъ», какъ пострадавшихъ совершенно будтобы невинно, а въ письмѣ отъ 13-го іюля къ царскому духовнику Вонифатьеву выражался: «епископа Павла, якоже слышу отъ боголюбцовъ, и бездушная тварь, видѣвъ страждуща за истину, разсѣдеся, показуя симъ церковныя красоты раздраніе» ([84]). Кромѣ этихъ нашихъ домашнихъ свидѣтельствъ, есть о томъ достовѣрное свидѣтельство и одного иноземца. Въ августѣ 1654 г., 17 числа, прибылъ въ Коломну антіохійскій патріархъ Макарій со свитою, въ которой находился и сынъ его, архидіаконъ Павелъ алеппскій. «Здѣсь,—какъ пишетъ этотъ самый архидіаконъ,—по приказанію царя и его министровъ, намъ велѣли остановиться въ покояхъ епископа, потому что епископъ за какую-то

([83]) Въ числѣ рукописей, отобранныхъ у игумена Ѳеоктиста, одна обозначена была такъ: «На столбцѣ—о изверженіи коломенскаго епископа—писано на обоихъ сторонахъ» (Матер. для исторіи русск. раскола, I, 334). Не была ли это копія съ того подлиннаго дѣла о низверженіи Павла, на которое (дѣло) ссылался Никонъ на соборѣ?

([84]) Матер. для истор. русск. раскола, I, 79. 100—101.

вину былъ сосланъ государемъ и патріархомъ въ Сибирь». Въ этихъ покояхъ прожилъ патріархъ Макарій со свитою, по случаю свирѣпствовавшаго тогда въ Москвѣ повѣтрія, болѣе пяти мѣсяцевъ сряду, пока не открылась возможность отправиться въ Москву. И во все это время, свидѣтельствуетъ тотъ же архидіаконъ Павелъ, епископскою частію въ Коломнѣ завѣдывалъ соборный протоіерей: «ему всѣ крестьяне (епископа) приносили подати, а духовенство епархіи свои дѣла; онъ являлся вездѣ правителемъ и начальникомъ духовенства, получивъ надъ нимъ власть отъ царя и патріарха», и такъ продолжалось до самаго назначенія новаго епископа въ Коломну, Александра ([85]).

Противорѣчіе, какое услышалъ Никонъ отъ епископа Павла на самомъ соборѣ, разсуждавшемъ о необходимости исправленія нашихъ церковныхъ книгъ и обрядовъ, вразумило Никона, что въ такомъ важномъ дѣлѣ недостаточно опираться

([85]) *Павла алеппск.* Путешествіе Макарія, патріарха антіохійскаго, книг. VI, отд. 8. 9; кн. XI, отд. 6, по англійскому переводу — въ т. I, стр. 310. 318—319; т. II, стр. 130. За что и куда былъ сосланъ епископъ коломенскій, Павелъ алеппскій писалъ только по слухамъ, не совсѣмъ точнымъ, и именно слѣдующее: «одинъ коломенскій епископъ заупрямился и не хотѣлъ подписаться подъ соборнымъ актомъ (объ исправленіи церковныхъ книгъ), и говорилъ: «съ того времени, какъ мы стали христіанами, какъ наслѣдовали вѣру отъ нашихъ отцевъ и дѣдовъ, которые отличались строгою привязанностію къ своимъ обрядамъ и постоянствомъ въ своей вѣрѣ, мы также ревностно стояли за свою вѣру и не примемъ новой». Услышавъ это, царь и патріархъ сослали епископа, вмѣстѣ съ его монахами, слугами и всѣмъ имуществомъ, въ заточеніе, во глубину Сибири, за 1500 верстъ, на берега моря, называемаго океаномъ, омывающаго земной шаръ. Тутъ съ древнихъ временъ находятся монастыри, сооруженные для ссыльныхъ. Епископа привезли въ одинъ изъ этихъ монастырей влачить жизнь, которой предпочтительнѣе смерть: такъ мрачно положеніе монастыря и невыносима жизнь среди постояннаго мрака и голода» (въ т. II, ст. 318).

на одномъ только соборѣ своихъ русскихъ архіереевъ и духовенства, а нужно призвать на помощь и соборъ восточныхъ православныхъ іерарховъ. Сохранилась, въ двухъ спискахъ, грамата Никона къ цареградскому патріарху Паисію отъ 12 іюня 1654 года. Здѣсь Никонъ, сказавъ о священномъ долгѣ каждаго духовнаго пастыря и предстоятеля церковной области хранить «опасно, чисто и непорочно» всѣ преданные догматы и благочиніе православной церкви, писалъ: «нынѣ же мы, разсмотривше прилѣжно въ книгахъ нашихъ, разнство въ нихъ обрѣтохомъ, отъ преписующихъ ли, или отъ переводниковъ, невѣдущихъ языка греческаго, не вѣмы». Потомъ просилъ патріарха Паисія разсудить, вмѣстѣ съ прочими патріархами и архіереями, соборнѣ и со всякимъ вниманіемъ о замѣченныхъ въ нашихъ книгахъ разностяхъ и новинахъ, для чего и перечислялъ эти новины, тѣже самыя, и въ томъ же порядкѣ, какія прежде предлагалъ на обсужденіе московскаго собора. Въ заключеніе, упомянувъ, что нѣкоторые у насъ, неученые и незнающіе греческаго языка, считаютъ эти новины не за разности, а за истину, дышатъ непокорствомъ, заводятъ пренія съ благочестивыми и возжигаютъ огнь ненависти, Никонъ просилъ Паисія ускорить отвѣтомъ и совѣтомъ, какъ относительно исчисленныхъ новинъ, такъ и о томъ, «что сотворити соблазняющимся о сихъ и непокорне прящимся» (56). Грамата послана была

(56) Первый списокъ этой граматы, совершенно полный, сохранился въ москов. синод. библіотекѣ и недавно напечатанъ въ книгѣ: «Дѣяніе московскаго собора, бывшаго въ лѣто 1654», приложен., № 1, Москв. 1873. Второй списокъ, безъ нѣсколькихъ начальныхъ строкъ и всей послѣдней половины, гдѣ перечислены означенныя новины, сохранился въ москов. главн. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч., связка 32, № 23.

къ цареградскому патріарху съ Мануиломъ грекомъ, можетъ быть, эта самая; но только въ посланной Никонъ, вмѣсто перечня немногихъ новинъ, указанныхъ имъ на недавно бывшемъ московскомъ соборѣ, изложилъ до 27 вопросовъ, на которые и просилъ отвѣта, въ томъ числѣ и относительно этихъ новинъ, и прямо назвалъ епископа Павла коломенскаго и протопопа Ивана Неронова, какъ людей непокорныхъ, которые держатся иныхъ книгъ, литургіи и знаменія. Грекъ Мануилъ Константиновъ, съ дядею своимъ Юріемъ Володимеровымъ и другими товарищами, прибылъ въ Путивль 17-го, а въ Москву 28-го февраля 1654 года, и 8-го марта представлялся государю. Мануилъ привезъ изъ Царьграда, по порученію Алексѣя Михайловича, множество узорочныхъ товаровъ и драгоцѣнныхъ камней, за которые и получилъ изъ государевой казны нѣсколько тысячъ рублей. Въ маѣ онъ началъ уже собиратъся въ возвратный путь, и 11-го мая послѣдовалъ указъ дать Мануилу греку подводу и проводниковъ до Путивля и до границы, а 15-го мая приготовлена царская грамата гетману Хмѣльницкому, чтобы Мануила нигдѣ въ Малороссіи не задерживали и проводили до волошской границы ([87]). Отсюда можемъ заключить, что Мануилъ грекъ выѣхалъ изъ Москвы отнюдь не позже іюня или іюля, и что грамата Никона къ патріарху Паисію, подписанная 12 іюня, отправлена въ Царьградъ, вѣроятно, вскорѣ послѣ ея подписанія.

([87]) Москов. главн. архив. минист. иност. дѣлъ, дѣла греч., связк. 32, № 7. А вопросы, съ какими обратился Никонъ къ патр. Паисію, узнаемъ изъ отвѣтной граматы послѣдняго.

Одновременно съ тѣмъ, какъ отправлена была въ Царьградъ грамата патріарха Никона, и даже прежде, чѣмъ она была отправлена изъ Москвы, здѣсь уже начали подготовлять всѣ мѣры, необходимыя для того, чтобы исполнить уложеніе московскаго собора объ исправленіи нашихъ церковныхъ книгъ. Соборъ рѣшилъ: исправлять эти книги по старымъ — харатейнымъ славянскимъ спискамъ. Царь и патріархъ приказали собрать въ Москву изъ всѣхъ древнихъ русскихъ книгохранилищъ славянскія книги, писанныя на хартіи, и такія книги были высланы изъ монастырей: троице-сергіева, іосифо-волоколамскаго, новгородскихъ — юрьева и хутыня и изъ прочихъ. Соборъ рѣшилъ: исправлять наши церковныя книги не по однимъ славянскимъ харатейнымъ спискамъ, но вмѣстѣ и по древнимъ греческимъ. Царь и патріархъ, находя, что старыхъ греческихъ книгъ въ Россіи мало, отправили за ними, со многою своею милостынею, на Аѳонъ и въ другія старожитныя мѣста на востокѣ извѣстнаго уже намъ старца Арсенія Суханова. Мы видѣли, что изъ первой своей поѣздки на востокъ онъ возвратился въ іюнѣ 1653 года, и привезъ съ собой свой «Проскинитарій», изъ котораго русскіе дѣйствительно могли убѣдиться, что православные востока во многомъ разнятся отъ нихъ при отправленіи церковныхъ службъ и въ нѣкоторыхъ церковныхъ обычаяхъ. Теперь на Арсенія возлагалась совсѣмъ другая задача: ему поручалось не то, чтобы описать, какъ отправляли церковныя службы и соблюдали церковные обряды тогдашніе греки, около уже двухъ столѣтій страдавшіе подъ невыносимымъ игомъ мусульманъ, а то, чтобы собрать древнія греческія книги, изъ которыхъ можно было бы видѣть, какъ совершали церковныя

службы древніе православные греки и, по примѣру ихъ, должны совершать всѣ православные. Мы видѣли также, что, при первой своей поѣздкѣ на востокъ, Арсеній велъ жаркія пренія съ греками о вѣрѣ, рѣзко отстаивалъ употреблявшееся въ Россіи двуперстіе для крестнаго знаменія, укорялъ грековъ въ разныхъ отступленіяхъ, и тогда же замѣтили, что не одинъ Арсеній, а и другіе современные ему русскіе книжники точно такъ смотрѣли и на двуперстіе и на грековъ ([88]). Теперь Арсеній, проживши, по возвращеніи съ востока, довольно долго въ Москвѣ, въ то самое время, какъ Никонъ, прежде также смотрѣвшій на грековъ и крестившійся двумя перстами, созналъ появившіяся въ нашей церкви новины, началъ обличать ихъ и старался возстановить древнее наше троеперстное крестное знаменіе, теперь Арсеній измѣнился въ своихъ мысляхъ, сталъ, вмѣстѣ съ другими, на сторону патріарха Никона, а не его противниковъ, и сдѣлался ему совершенно единомысленнымъ. Потому-то Никонъ и возложилъ на Арсенія новое свое порученіе, а по исполненіи этого порученія Арсеніемъ, опредѣлилъ его однимъ изъ справщиковъ церковныхъ книгъ и вскорѣ сдѣлалъ келаремъ сергіевой лавры. Арсеній отправленъ былъ за греческими книгами со многою казною въ самомъ началѣ 1654 г., и слѣдовательно еще до московскаго собора, бывшаго въ этомъ году: потому что 4-го февраля онъ уже находился въ Яссахъ, откуда и прислалъ царю отписку, сохранившуюся доселѣ, а въ іюлѣ

([88]) Предислов. къ печатн. москов. Служебнику 1655 года. А о прежней поѣздкѣ Арсенія на востокъ и преніяхъ съ греками о вѣрѣ см. нашей Истор. Р. Ц. въ т. XI.

уже находился въ Константинополѣ, какъ извѣщалъ (отъ 29 іюля 1654 г.) нашего государя патріархъ Паисій чрезъ грека Юрія Константинова ([89]). Арсеній не ограничился одною аѳонскою горою, а посѣтилъ и въ этотъ разъ, кромѣ Царьграда, Іерусалимъ и другія мѣста востока. Болѣе всего книжныхъ сокровищъ нашелъ Арсеній на Аѳонѣ въ монастыряхъ ватопедскомъ, хиландарскомъ, иверскомъ, пантократоровомъ, русскомъ, павловскомъ и другихъ, и оттуда доставлено было въ Москву до 500 древнихъ греческихъ книгъ. Въ числѣ ихъ находились книги библейскія, творенія св. отцевъ и книги собственно богослужебныя: служебники, требники, уставы, часословы, тріоди, минеи и другія. Нѣкоторыя изъ этихъ книгъ писаны были за 400 лѣтъ, другія за 500, или 600, или 700 лѣтъ и болѣе, а одно евангеліе даже за 1050 лѣтъ. Кромѣ того не менѣе 200 древнихъ книгъ прислали іерархи александрійскій, антіохійскій, халкидонскій, никейскій, пекскій, охридскій, сербскій и другіе, которымъ посланы были просьбы изъ Москвы; а изъ Іерусалима прислалъ патріархъ евангеліе, писанное за 600 лѣтъ прежде ([90]). Въ ноябрѣ

([89]) Въ отпискѣ Арсеній писалъ: «по твоему государеву указу отпущенъ я во аѳонскую гору, и февраля, государь, въ 4 день пріѣхалъ я, богомолецъ твой, въ Яссы и былъ съ твоею государевою граматою у молдавскаго у Стефана воеводы». Отписка эта — въ москов. главн. архивѣ мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч., связк. 32, № 9. А означенное письмо патр. Паисія къ царю—тамъ же, связк. 33, № 3.

([90]) Письмо Никона къ цареград. патр. Діонисію — въ Записк. русск. и славян. археол. II, 519; Предислов. къ печатн. москов. Служебн. 1655 года. Архидіаконъ Павелъ алеппскій также пишетъ: «Патріархъ и царь, по совѣщаніи, отправили Арсенія на св. гору съ щедрою милостынею для монастырей и съ граматами къ настоятелямъ о присылкѣ древнихъ греческихъ церковно-богослужебныхъ книгъ, какія у нихъ найдутся. Нужно замѣтить,

1654 года Арсеній прислалъ къ государю отписку изъ волошской земли, и слѣдовательно находился уже на возвратномъ пути, а въ январѣ 1655 года, вѣроятно, возвратился уже въ Москву: по крайней мѣрѣ, въ это время прибылъ въ Москву архимандритъ эсфигменскаго монастыря Анѳимъ и привезъ съ Аѳона книги и грамату, въ которой игумены, священники и старцы всѣхъ монастырей св. горы писали, что «они отъ государя посланнаго старца Арсенія приняли и отпустили честно, и его государское повелѣніе исполнили, и книжныя сокровища показали, и дали 498 книгъ, и съ тѣми книгами послали къ государю эсфигменскаго архимандрита Анѳима» ([91]). Впрочемъ, не всѣ книги съ Аѳона привезены теперь: настоятели нѣкоторыхъ монастырей, напримѣръ, павловскаго, хиландарскаго, сами доставили изъ своихъ монастырей книги уже въ іюлѣ того года ([92]).

Для того, чтобы исправлять наши церковныя книги съ древнихъ греческихъ или вновь переводить книги съ грече-

---

что настоящій патріархъ и царь очень расположены къ греческимъ церковнымъ церемоніямъ и обрядности, замѣтивъ, что въ ихъ собственныя церковныя богослужебныя книги, съ теченіемъ времени, вкрались различныя измѣненія и ошибки... Арсеній отправился и вывезъ съ Аѳона около пятисотъ большихъ книгъ различнаго рода. Мы встрѣтились съ нимъ, когда онъ прибылъ въ Валахію (а въ Валахіи Арсеній находился въ первые мѣсяцы 1654 г.). Послѣ того онъ поѣхалъ въ Константинополь, и осмотрѣлъ тамъ всѣ достопримѣчательности. На возвратномъ пути онъ пріобрѣлъ, по приказу своего патріарха, множество кипарисныхъ досокъ для иконъ; кипарисное дерево здѣсь очень цѣнится... За эти услуги Арсенія, патріархъ далъ ему одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ въ церковномъ управленіи, сдѣлалъ его келаремъ или намѣстникомъ свято-троицкаго сергіева монастыря» (Путеш. Макарія, патр. антіох., кн. X, отд. 7, въ т. II, стр. 78—79).

([91]) Москов. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч., связк. 33, № 3.

([92]) Тамъ же, связк. 33, № 6.

скаго языка на славянскій, нужны были люди, хорошо знакомые съ тѣмъ и другимъ языкомъ. И такихъ людей нашелъ Никонъ. Это были: іеромонахъ Епифаній Славеницкій, вызванный еще въ 1649 году изъ кіево-братскаго училища; строитель и потомъ келарь сергіевой лавры Арсеній Сухановъ; архимандритъ иверскаго аѳонскаго монастыря Діонисій, пріѣхавшій, впрочемъ, къ намъ съ св. горы уже въ 1655 г. іюня 26-го, для управленія греческимъ никольскимъ монастыремъ въ Москвѣ, и извѣстный подъ именемъ святогорца, и старецъ Арсеній грекъ ([93]). Послѣдній, едва ли не болѣе всѣхъ ихъ пользовавшійся довѣріемъ патріарха Никона, прибылъ къ намъ въ 1649 г. въ свитѣ іерусалимскаго патріарха Паисія, подъ именемъ уставщика. Въ Москвѣ Арсеній обратилъ на себя вниманіе тѣмъ, что зналъ многіе языки, и государь пожелалъ оставить его у себя, на что Паисій и согласился. Но Паисій лично почти не зналъ Арсенія и не могъ за него поручиться, принявъ его въ свою свиту лишь въ Кіевѣ во время своего странствованія въ Москву. Потому, когда отправился въ обратный путь и, остановившись въ Путивлѣ, услышалъ здѣсь отъ приходившихъ малороссиихъ старцевъ и людей волошскаго воеводы разные неблагопріятные толки объ Арсеніѣ, то счелъ нужнымъ, при благодарственномъ письмѣ своемъ къ царю отъ 1-го іюля 1649 г., за всѣ

([93]) Въ расходн. книгахъ печатнаго приказа сохранились росписки, какъ Арсенія Суханова, такъ и Арсенія грека и Діонисія святогорца въ полученіи ими жалованья изъ типографіи по должности справщиковъ (*Румянцев.* Древн. изданія москов. печатн. двора, стр. 13. 32, примѣч. 67). О времени пріѣзда къ намъ архимандрита Діонисія святогорца — москов. глав. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч., связк. 33, № 22.

его милости, написать еще слѣдующія слова: «еще да будетъ вѣдомо тебѣ, благочестивый царь, про Арсенія, который остался въ твоемъ царствѣ: испытайте его добрѣ, утвержденъ ли онъ въ своей благочестивой христіанской вѣрѣ. Прежде былъ онъ инокомъ и священникомъ, и сдѣлался бусурманомъ; потомъ бѣжалъ къ ляхамъ, и у нихъ обратился въ уніата,—способенъ на всякое злое бездѣліе: испытайте его добрѣ, и все это найдете. Мнѣ все подробно разсказали старцы, пришедшіе отъ гетмана: велите разспросить, что̀ мнѣ разсказывали тѣ старцы и люди Матвея воеводы волошскаго, будетъ ли такъ, или нѣтъ, какъ я писалъ къ брату и сослужителю моему, патріарху Іосифу. Лучше прекратите эту молву, пока онъ самъ (Арсеній) здѣсь, чтобы не произошло соблазна церковнаго. А если я еще что провѣдую подлинно, то напишу къ вашему величеству: ибо я долженъ, что ни услышу, о томъ извѣщать. Не подобаетъ на нивѣ оставлять терніе, чтобы она вся не заросла имъ: нужно удалять и тѣхъ, которые держатся ереси и двуличны въ вѣрѣ. Я нашелъ его въ Кіевѣ и взялъ съ собою, а онъ не мой старецъ... Я того про него не вѣдалъ, а нынѣ, узнавъ о томъ, пишу къ вашему величеству, да блюдете себя отъ таковыхъ, чтобы не оскверняли церкви Христовой такіе поганые и злые люди» ([94]). Вскорѣ за тѣмъ, именно 23-го іюля такія же вѣсти объ Арсеніѣ грекѣ прислалъ Алексѣю Михайловичу и Арсеній Сухановъ ([95]). Вслѣдствіе этого царь приказалъ боярину князю

([94]) Москов. глав. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч., связк. 27, № 7.

([95]) Въ 1666 г., февраля 10, царь Алексѣй Михайловичъ велѣлъ послать изъ посольскаго Приказа «на патріаршій дворъ ко властемъ» выписку «о

Никитѣ Ивановичу Одоевскому, да думному дьяку Михаилу Волошенинову разспросить старца Арсенія, и 25-го іюля они разспрашивали его, гдѣ онъ родился и воспитывался, гдѣ и когда постригся и былъ ли священникомъ, бывалъ ли въ Римѣ и Польшѣ и проч. И Арсеній показалъ: «родомъ онъ грекъ турецкой области; отецъ его Антоній былъ попомъ и строителемъ въ великомъ новомъ селѣ города Трикала, и имѣлъ пять сыновъ, которые всѣ живы. Двое изъ нихъ Андрей и Иванъ живутъ въ мірѣ, третій — Димитрій протопопомъ, четвертый — Аѳанасій архимандритомъ, а пятый — онъ Арсеній. Знающіе его, Арсенія, есть здѣсь на Москвѣ пріѣзжіе греки одного съ нимъ города: одного зовутъ Памфиломъ, другаго Иваномъ; прозвищъ ихъ не помнитъ. Крещенъ въ младенчествѣ, и, сказываютъ, воспріемникомъ ему былъ тогоже города архіепископъ. Граматѣ и церковному кругу учился у отца своего; а потомъ бралъ его съ собою, четырнадцати лѣтъ, въ венеціанскую землю братъ его архимандритъ Аѳанасій для ученія, и въ Венеціи онъ выучился грамматикѣ.

старцѣ Арсеніѣ грекѣ, который былъ у книжной справки». Въ этой выпискѣ, между прочимъ, сказано, что 23 іюля 1649 г. писалъ царю государю троицкаго богоявленскаго монастыря строитель Арсеній Сухановъ: «іюля де во второй день сказывалъ ему, Арсенію, въ Путивлѣ іерусалимскаго патріарха Паисія казначей, старецъ Іоасафъ про того старца Арсенія, что онъ родомъ гречинъ и былъ черный попъ, и потомъ де, невѣдомо какимъ случаемъ, былъ онъ бусурманъ, а изъ бусурманской вѣры ушолъ въ польскую землю, и былъ въ уніатской вѣрѣ, и пришелъ де изъ Польши, жилъ въ Кіевѣ. А какъ іерусалимскій патріархъ пришелъ въ Кіевъ, а дидаскала его не стало, и патріархъ, вмѣсто своего дидаскала, взялъ того старца Арсенія съ собою къ Москвѣ. И нынѣ патріархъ Паисій скорбитъ о томъ гораздо, чтобъ де тотъ старецъ Арсеній съ Москвы не ушолъ опять въ бусурманскую вѣру» (Москов. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч., связк. 44, № 3.4)

А изъ Венеціи тотъ же братъ свезъ его для ученія въ Римъ, гдѣ и былъ онъ пять лѣтъ, и учился въ школѣ омирову и аристотелеву ученію и седми соборамъ. Когда же дошло до осмого и девятаго собора, то отъ него, Арсенія, потребовали присяги съ клятвою, что онъ приметъ римскую вѣру: ибо иначе того ученія никому не открываютъ и учить не велятъ. Видя то, онъ прикинулся больнымъ и уѣхалъ изъ Рима, чтобы не отпасть отъ греческой вѣры». Тутъ Арсенія спросили, у кого онъ жилъ въ Римѣ, и отъ кого пріобщался св. Христовыхъ Таинъ, или онъ принималъ сакраментъ. И Арсеній сказалъ: «жилъ онъ въ Римѣ у греческой церкви св. Аѳанасія великаго, гдѣ живетъ православный митрополитъ греческой вѣры съ пятью или шестью греческими старцами. Съ ними-то и жилъ онъ, Арсеній, и принималъ причастіе Христовыхъ Таинъ отъ того митрополита, а сакрамента въ Римѣ не принималъ. Да и митрополитъ тотъ держитъ только семь соборовъ, а осмаго и девятаго не держитъ, и къ папѣ не пріобщается. Только когда папа велитъ ему быть на соборѣ, онъ на соборы къ папѣ ходитъ и за папу Бога молитъ». Арсенію замѣтили, что онъ говоритъ ложь, будто жилъ въ Римѣ у греческой церкви и митрополитъ тотъ не уніатъ, когда всему свѣту извѣстно, что папа приводитъ всѣхъ иновѣрцевъ въ Римѣ къ своей вѣрѣ посредствомъ уніи и другими мѣрами, не только учащихся въ школахъ, но и приводимыхъ туда плѣнныхъ, и когда митрополитъ тотъ ходитъ къ папѣ на соборы и молится за него, и что ему, Арсенію, какъ бывшему сообщнику того митрополита и уніату, слѣдовало бы принести чистое покаяніе Богу и повиниться предъ государемъ и сказать правду. Арсеній

отвѣчалъ: «онъ говоритъ правду, что, находясь въ Римѣ, въ уніатствѣ не былъ и сакрамента не принималъ. Не хотя пріобщиться къ римской вѣрѣ, онъ изъ Рима переѣхалъ въ венеціанскій городъ Бадовъ, и тамъ три года учился философскимъ наукамъ и лекарскому ученію. А изъ Бадова онъ пришелъ въ Царьгородъ къ брату своему, архимандриту Аѳанасію, и желалъ постричься. Но постричь его не хотѣли, думая, что онъ въ римской вѣрѣ, и онъ сказалъ, что ни въ Римѣ, ни въ Венеціи, не бывалъ въ римской вѣрѣ, и предъ всѣми ту римскую вѣру проклялъ трижды. Братья хотѣли его женить, но онъ не согласился, и постригся 23-хъ лѣтъ. На другой годъ поставленъ въ діаконы, а вскорѣ затѣмъ въ попы, отъ ларійскаго епископа Каллиста. Послѣ того вскорѣ тотъ же епископъ поставилъ его на Кяѳѣ островѣ въ богородицкій монастырь игуменомъ, и былъ онъ тамъ игуменомъ шесть мѣсяцевъ. Изъ монастыря ѣздилъ онъ, Арсеній, въ городъ Хію купить книгъ о седми соборахъ, но книгъ не добылъ, и отправился въ Царьгородъ, и находясь у одного великаго человѣка, грека Антонія Вабы, училъ сына его грамматикѣ. Изъ Царьгорода пріѣхалъ въ мутьянскую землю къ воеводѣ Матвею и жилъ у него три мѣсяца. Отъ Матвея воеводы пріѣхалъ въ молдавскую землю къ воеводѣ Василію и жилъ у него два года. Изъ Молдавіи переѣхалъ въ Польшу, въ городъ Львовъ, и тутъ ему сказали, что есть школа въ Кіевѣ, только безъ королевской граматы его въ ту школу не примутъ. И онъ, Арсеній, ѣздилъ о томъ бить челомъ къ королю Владиславу въ Варшаву. Король былъ тогда боленъ каменною болѣзнію, и Арсеній, котораго рекомендовали королю, какъ искуснаго врача, вылечилъ его, и Владиславъ

далъ въ Кіевъ къ митрополиту Сильвестру Коссову отъ себя грамату, чтобы Арсенія въ школу приняли». Арсенію сказали: «государю сдѣлалось извѣстнымъ, что онъ, Арсеній, былъ уніатомъ, и, оставя чернечество и іерейство, былъ бусурманомъ, а изъ бусурманства былъ опять въ уніатствѣ, и онъ бы нынѣ про то сказалъ правду». Арсеній: «то про него кто-то говоритъ неправду; уніатомъ и бусурманомъ онъ не бывалъ. А если кто уличитъ его, что онъ былъ уніатомъ и бусурманомъ, тогда пусть царское величество велитъ снять съ него кожу: милости въ томъ онъ у государя не проситъ». Арсенію замѣтили, что бусурманство свое онъ, безъ сомнѣнія, таитъ; а когда оно обнаружится, ему нечѣмъ будетъ оправдаться. Арсеній повторялъ прежнія свои рѣчи и продолжалъ: «былъ тогда въ Царьградѣ патріархъ Парѳеній, который хотѣлъ поставить его, Арсенія, епископомъ надъ двумя епископіями, моѳонскою и коронскою. Но визирь, узнавъ, что онъ, Арсеній, долгое время жилъ въ Венеціи, и будто привезъ оттуда многую казну, чтобы купить себѣ у патріарха тѣ епископіи и съ ними приложиться къ венеціанамъ, съ которыми у султана начиналась тогда война, велѣлъ схватить его, Арсенія. И было ему многое истязаніе, и платье съ него сняли и камилавку; надѣли на него чалму и вкинули его въ тюрьму. Сидѣлъ онъ въ той тюрьмѣ недѣли съ двѣ, и ушелъ изъ нея въ мутьянскую землю, а бусурманомъ не бывалъ». Тогда Арсенію объявили, что о его уніатствѣ и бусурманствѣ писалъ государю и святѣйшему Іосифу самъ патріархъ Паисій, который слышалъ о томъ отъ кіевскихъ старцевъ, пришедшихъ отъ гетмана. Арсеній: «тѣ кіевскіе старцы сказывали про него патріарху Паисію ложь.

Онъ уніатомъ и бусурманомъ не бывалъ; а какъ онъ, по наносу на него визирю, сидѣлъ въ тюрьмѣ и тамъ было ему мученье, о томъ онъ разсказалъ патріарху Паисію и во всемъ ему исповѣдывался, и патріархъ его во всемъ простилъ». Арсенію возразили, что патріархъ Паисій вовсе о томъ доселѣ не зналъ, какъ самъ пишетъ; а еслибы зналъ, то онъ бы его, Арсенія, для риторскаго ученія въ московскомъ государствѣ не оставилъ... *Арсеній:* «въ томъ онъ предъ Богомъ грѣшенъ и предъ государемъ виноватъ, что такова дѣла царскому величеству не извѣстилъ, а обусурманенъ де онъ неволею. Когда же онъ послѣ того пришелъ въ волошскую землю, то митрополитъ янинской Іоасафъ его, Арсенія, въ вѣрѣ исправилъ и мvромъ помазалъ. Да и патріарху Паисію онъ про то объявилъ же и покаяніе принесъ. И патріархъ въ томъ его простилъ и благословилъ, и грамату прощальную и благословенную ему далъ, и та грамата патріархова и нынѣ у него, Арсенія. А государя онъ не извѣстилъ потому, что его Паисій патріархъ простилъ и служить ему велѣлъ. На Москвѣжъ остался онъ не своею волею: про то извѣстно великому государю». Тѣмъ и окончилось распросное дѣло Арсенія грека, которое мы намѣренно привели цѣликомъ, чтобы всякій могъ судить, насколько Арсеній виновенъ. Хотя и вѣроятно, что онъ принялъ унію въ Римѣ, какъ должны были принимать ее всѣ греки, обучавшіеся въ римской греческой коллегіи, но самъ онъ въ этомъ не сознался и, по возвращеніи на родину, трикратно предъ всѣми проклиналъ римскую вѣру. Если онъ и былъ обусурманенъ, то обусурманенъ неволею, и потомъ покаялся въ этомъ, былъ присоединенъ къ церкви чрезъ мvропомазаніе янинскимъ

митрополитомъ, и отъ самого патріарха Паисія получилъ прощальную и благословенную грамату. Въ Москвѣ, однакожъ, этимъ не удовольствовались. Іюля 27-го, по указу государя, описана была вся рухлядь Арсенія на ростовскомъ подворьѣ, гдѣ онъ остановился, въ томъ числѣ были многія греческія печатныя книги, богослужебныя, св. отцевъ — Кирилла іерусалимскаго, Златоуста, Іоанна Дамаскина, древнихъ писателей—Гомера, Аристотеля, и учебныя—грамматика, лексиконъ и другія. И тогоже числа данъ былъ указъ боярину и дворецкому князю Алексѣю Михайловичу Львову сослать греческаго старца Арсенія въ соловецкій монастырь «для исправленья православныя греческія вѣры»; а 30-го іюля посланъ былъ отъ царя указъ въ соловецкій монастырь, чтобы, когда будетъ привезенъ туда грекъ старецъ Арсеній «для исправленья православной христіанской вѣры», то отдали бы его подъ крѣпкое начало уставщику Никодиму, и береженье къ нему велѣли держать большое, изъ монастыря его никуда не выпускали, а пищу и одежду и обувь давали ему братскую. Отъ 3-го сентября игуменъ и братія соловецкаго монастыря извѣстили государя, что старецъ Арсеній грекъ къ нимъ прибылъ, и воля государева будетъ исполнена ([96]).

Въ соловецкомъ монастырѣ за Арсеніемъ внимательно слѣдили, подробно его распрашивали и составили о немъ краткое біографическое извѣстіе. Оказывается, что онъ въ моло-

([96]) Подлинное дѣло о допросѣ старца Арсенія грека и отправленіи его въ соловецкій монастырь находится въ моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч., связк. 27, № 33. Оно же цѣликомъ помѣщено и въ выпискѣ объ этомъ Арсеніѣ грекѣ, какая въ 1666 г. послана была изъ посольскаго приказа ко властямъ на патріаршій дворъ (тамъ же, связк. 44, № 34).

дые годы, когда обучался въ латинскихъ училищахъ, дѣйствительно перемѣнялъ вѣру и былъ въ уніи, какъ сознался на исповѣди духовнику своему священнику Мартирію,—потому что иначе не принимали въ тѣ училища. Но, возвратившись въ Грецію, снова принялъ православіе и даже посвященъ былъ во священника, постригшись въ монашество. Въ Соловкахъ прожилъ Арсеній около трехъ лѣтъ «въ добромъ послушаніи у инока Никодима» и успѣлъ научиться славянской граматѣ и русскому языку. Послѣ столь продолжительнаго испытанія иноки соловецкіе убѣдились, что Арсеній вовсе не еретикъ, и «что въ немъ обрѣли здраво, въ томъ его и похвалили: обрѣли въ немъ здравое исповѣданіе вѣры, безъ приложенія и безъ отъятія». Но замѣтили, что онъ плохо исполнялъ внѣшніе обряды: поклоны, посты и проч. Онъ даже будтобы молился не тремя, а двумя перстами, какъ молились тогда иноки соловецкіе, и вообще восхвалялъ русскіе церковные обряды, а о грекахъ говорилъ: «у насъ много потеряно въ неволѣ турецкой..., нѣтъ ни поста, ни поклоновъ, ни молитвы келейной»... (97). Такіе добрые отзывы о вѣрѣ Арсенія грека Никонъ могъ услышать въ самомъ соловецкомъ монастырѣ, когда приходилъ туда за мощами святителя Филиппа, и потомъ могъ передать и государю. Да и власти монастырскія обязаны были донести въ Москву, какимъ нашли Арсенія, который присланъ былъ оттуда въ ихъ обитель собственно на испытаніе. Наконецъ, и самъ Арсеній грекъ билъ челомъ государю: «сосланъ де онъ въ соловецкій монастырь, и, по правиламъ св. отецъ, урочные лѣта въ

(97) Правосл. Собесѣдникъ 1858 г., III, 328—353.

запрещенія ему прешли, по второму помѣстному собору, и государь бы пожаловалъ, велѣлъ его изъ-подъ начала свободить и быти въ монастырѣ, гдѣ государь укажетъ» ([98]). Неудивительно, если Никонъ, основываясь на свидѣтельствѣ соловецкихъ иноковъ о правовѣріи Арсенія послѣ трехлѣтняго его испытанія, лишь только сдѣлался патріархомъ, рѣшился, съ соизволенія государя, вызвать Арсенія къ себѣ, какъ человѣка ученаго, правовѣрнаго и способнаго послужить своими знаніями на пользу церкви; далъ ему келлію въ своемъ патріаршемъ домѣ, сдѣлалъ его библіотекаремъ своей патріаршей библіотеки и однимъ изъ справщиковъ и переводчиковъ книгъ съ греческаго языка. А Нероновъ, можетъ быть, не зная объ этомъ свидѣтельствѣ о правовѣріи Арсенія, или по одному лишь озлобленію противъ Никона, уже въ 1654 г. ставилъ ему въ укоръ, зачѣмъ онъ взялъ къ себѣ въ справщики книгъ грека Арсенія, котораго патріархъ Паисій называлъ будтобы еретикомъ ([99]). Надобно присовокупить, что, для удобнѣйшаго наблюденія за печатаніемъ новоисправленныхъ книгъ, царь приказалъ еще въ 1654 г. передать печатный дворъ, со всѣми его учрежденіями и справщиками книгъ, доселѣ находившійся въ вѣдѣніи приказа большаго

([98]) Эта челобитная Арсенія грека также помѣщена въ выпискѣ, или справкѣ о немъ, какая послана была въ 1666 г. изъ посольскаго приказа ко властямъ на патріаршій дворъ (моск. главн. арх. м. и. д., дѣла греч., связк. 44, № 34).

([99]) Никонъ отвѣчалъ Неронову: «лгутъ де на него (Арсенія грека); то де на него солгалъ, по ненависти, троицкій старецъ Арсеній Сухановъ, что въ сергіевѣ монастырѣ келарь, когда посыланъ былъ по государеву указу и по благословенію Іосифа патріарха въ Іерусалимъ и прочія государства» (Матеріал. для истор. русск. раскола, I, 64. 150).

дворца, патріарху Никону въ его непосредственное и полное распоряженіе ([100]).

Весьма важнымъ обстоятельствомъ для Никона, въ дѣлѣ исправленія книгъ, послужило послѣдовавшее тогда прибытіе въ Москву двухъ новыхъ патріарховъ: антіохійскаго Макарія и сербскаго Гавріила. Макарій еще въ 1653 г., отъ 15-го марта, писалъ царю Алексѣю Михайловичу, что прибылъ въ Молдавію и проживаетъ у молдаванскаго воеводы Іоанна-Василія, а послѣ пасхи, если дастъ Богъ здоровье, намѣренъ отправиться въ Россію, почему и просилъ, чтобы государь разрѣшилъ ему это и приказалъ путивльскимъ воеводамъ принять его и проводить къ Москвѣ. Въ февралѣ слѣдующаго года въ Москвѣ получена была вѣсть, что патріархъ Макарій находился уже въ мутьянской землѣ у воеводы Матѳея, что туда же прибылъ патріархъ сербскій и болгарскій, архіепископъ пекскій Гавріилъ, и оба патріарха живутъ въ одномъ монастырѣ. Здѣсь они познакомились и положили между собою, чтобы прежде ѣхалъ къ царю сербскій патріархъ ([101]). Къ 1-му мая 1654 г. онъ уже пріѣхалъ въ Путивль, и, называя себя ватопедскаго вознесенскаго монастыря архіепископомъ, патріархомъ сербскимъ и болгарскимъ, объявилъ, что ѣдетъ въ Москву за милостынею по жалованной граматѣ царя Михаила Ѳедоровича, данной означенному монастырю еще въ 1641 г., почему немедленно и былъ отпущенъ изъ Путивля въ Москву воеводою Степаномъ Пушкинымъ. Но когда извѣстіе объ этомъ получено было въ Москвѣ, то отсюда

([100]) *Румянцев.* Древн. зданія моск. печатн. двора, стр. 33, прим. 69.

([101]) Москов. главн. архив. м. и. д., дѣла греч., связк. № 34; связк. 32, № 8.

посланъ былъ путивльскому воеводѣ указъ, чтобы онъ впредь никого изъ греческихъ властей въ Москву не пропускалъ, потому что государя нѣтъ въ Москвѣ, онъ пошелъ на войну противъ своего недруга, польскаго короля,—а на встрѣчу сербскому патріарху Гавріилу отправленъ былъ толмачъ посольскаго приказа Аѳанасій Букаловъ, чтобы остановить его и воротить въ Путивль. Изъ Путивля Гавріилъ обратился съ просьбою къ патріарху Никону и только по его ходатайству получилъ позволеніе ѣхать въ Москву, куда и прибылъ къ 28-му мая. Затѣмъ, 5-го іюня въ посольскомъ приказѣ патріархъ Гавріилъ объявилъ, что въ области его было 8 митрополитовъ и 32 епископа; выѣхалъ онъ изъ своей земли отъ насилія невѣрныхъ на житье въ Россію, и теперь мѣсто его никѣмъ не занято; привезъ онъ съ собою граматы къ царю и патріарху Никону отъ антіохійскаго патріарха Макарія и отъ гетмана Хмѣльницкаго, да кромѣ того привезъ письменныя книги—Типикъ и Сборникъ патріарха цареградскаго Михаила Кавасилы на латинскую ересь, да житія и повѣсти св. сербскихъ царей и патріарховъ, съ цѣлію, не найдетъ ли патріархъ Никонъ полезнымъ напечатать эти книги; еще привезъ три книги, которыми кланяется патріарху Никону: свитокъ житій святыхъ сербскихъ, тетради Кирилла философа и учителя славянъ и книгу св. Василія великаго съ тремя напечатанными литургіями. Государя въ Москвѣ Гавріилъ дѣйствительно уже не засталъ; а черезъ полтора мѣсяца съ небольшимъ, по случаю открывшагося въ Москвѣ мороваго повѣтрія, удалился изъ нея и Никонъ съ царскимъ семействомъ. Гавріилу пришлось здѣсь быть свидѣтелемъ того страшнаго опустошенія, какое производила свирѣпствовавшая

эпидемія. Въ числѣ другихъ жертвъ, она похитила и многихъ изъ духовенства, такъ что нѣкоторыя церкви оставались безъ пѣнія. За отсутствіемъ Никона, стали обращаться съ просьбами къ сербскому первосвятителю, чтобы онъ ставилъ новыхъ поповъ и діаконовъ. Онъ отнесся къ Никону, и Никонъ прислалъ ему (въ декабрѣ 1654 г.) грамату, которою уполномочивалъ его рукополагать ставленниковъ въ попы и діаконы согласно съ дѣйствовавшими въ Москвѣ патріаршими указами ([102]). Къ 20 числу іюля тогоже 1654 года прибылъ въ Путивль и антіохійскій патріархъ Макарій и чрезъ нѣсколько дней отправился далѣе. Но когда онъ проѣхалъ уже Калугу, его встрѣтилъ присланный изъ Москвы переводчикъ посольскаго приказа Иванъ Боярчиковъ, объяснилъ ему, что въ столицѣ свирѣпствуетъ повѣтріе, и отъ имени государя просилъ остановиться на время въ Коломнѣ, а между тѣмъ отъ 4-го августа государь далъ указъ приготовить въ Коломнѣ для помѣщенія антіохійскаго патріарха и его свиты «коломенскаго епископа дворъ» и давать патріарху и его свитѣ «хлѣбные и рыбные запасы изъ запасовъ коломенскаго епископа». Прожить въ Коломнѣ патріарху пришлось болѣе пяти мѣсяцевъ. И такъ какъ въ городѣ этомъ не было тогда своего епископа (Павелъ былъ уже сосланъ въ заточеніе), то патріархъ Макарій часто совершалъ службы въ коломенскихъ церквахъ, а по прекращеніи эпидеміи, которая опустошила и Коломну съ ея округомъ, рукоположилъ многихъ священниковъ и діаконовъ для коломенской епархіи. Въ Москву прибылъ Макарій только 2 февр. 1655 г., за восемь дней до

([102]) Тамъ же, связк. 32, № 15.

возвращенія въ нее государя изъ литовскаго края. По назначенію царя Алексѣя Михайловича, оба патріарха представлялись ему въ одинъ и тотъ же день — 12 февраля. Сначала представился антіохійскій Макарій, и принятъ былъ въ золотой палатѣ съ величайшими почестями, какъ прежде принимались іерусалимскіе патріархи Паисій и Ѳеофанъ, и тутъ же получилъ отъ государя разрѣшеніе идти для представленія къ патріарху Никону. Послѣ Макарія представился государю и патріархъ сербскій Гавріилъ; но принятъ былъ такъ, какъ прежде принимались митрополиты и архіепископы, и такіе же получилъ отъ государя дары, а затѣмъ пошелъ также явиться Никону и еще засталъ у него Макарія. Здѣсь, всѣ трое вмѣстѣ, приглашены были они къ царскому столу, по случаю бывшихъ въ тотъ день имянинъ царевича Алексѣя Алексѣевича. Антіохійскому патріарху, естественно, оказывали у насъ полное предпочтеніе предъ сербскимъ, такъ какъ послѣдній не былъ признаваемъ въ патріаршемъ достоинствѣ всею восточною церковію. Оба патріарха, антіохійскій и сербскій, оставались у насъ долго; оба, съ позволенія государя, путешествовали въ троице-сергіевъ и другіе монастыри, а также въ Новгородъ; оба весьма часто приглашаемы были Никономъ совершать съ нимъ богослуженія. Но, — самое важное, — оба, особенно же антіохійскій, послужили Никону, какъ могли, въ дѣлѣ исправленія церковныхъ книгъ и обрядовъ ([103]).

([103]) О пріѣздѣ антіох. патр. Макарія въ Россію и о назначеніи ему временнаго пребыванія въ Коломнѣ, тамъ же, связк. 32, № 21. А о пребываніи его въ Коломнѣ и потомъ въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ Россіи — подробное сказаніе оставилъ сынъ его, архидіаконъ Павелъ алеппскій въ кни-

Случай къ тому скоро представился. Настала недѣля православія. Богослуженіе въ этотъ день совершалось въ успенскомъ соборѣ съ необыкновенною торжественностію. Въ немъ участвовали три патріарха, московскій, антіохійскій и сербскій, пять другихъ русскихъ архіереевъ и множество архимандритовъ, игуменовъ и прочаго духовенства. Храмъ былъ переполненъ молящимися, въ числѣ которыхъ находился и самъ царь. Когда литургія окончилась, вмѣстѣ съ обрядомъ православія, происходившимъ тотчасъ послѣ трисвятаго, патріархъ Никонъ, сопровождаемый духовенствомъ, вышелъ на амвонъ, гдѣ уже приготовленъ былъ аналой. «Одинъ изъ діаконовъ,—какъ описываетъ очевидецъ событія, Павелъ алеппскій, словами котораго мы и воспользуемся,—открылъ предъ патріархомъ книгу бесѣдъ, изъ которой онъ и началъ читать бесѣду, соотвѣтствующую дню, о поклоненіи св. иконамъ. А прочитавъ ее всю отъ начала до конца, присоединилъ къ ней еще собственныя объясненія и увѣща-

---

гѣ: «Путешествіе Макарія, антіох. патріарха», напечатанной въ англійскомъ переводѣ въ Лондонѣ 1836 г., въ двухъ томахъ. Павелъ алеппскій, который вообще, кажется, нѣсколько преувеличиваетъ то уваженіе, какое оказывали въ Москвѣ его отцу, патр. Макарію, говоритъ, что онъ принятъ былъ царемъ даже съ бо́льшими почестями, чѣмъ принимались прежніе патріархи, и это доказываетъ особенно тѣмъ, что прежде на встрѣчу іерусалим. патріарху Паисію царь сошелъ съ трона только на третью ступень, а теперь прошелъ значительное пространство для встрѣчи патр. Макарія, и когда отпускалъ Паисія, то не шелъ съ нимъ и не велъ его подъ руки до дверей, какъ поступилъ съ Макаріемъ, и проч. (кн. VIII, отд. 3 въ т. I, стр. 373—385). Въ слѣдующемъ отдѣленіи той же книги Павелъ говоритъ о пріемѣ царемъ сербскаго патр. Гавріила, о представленіи обоихъ патріарховъ, Макарія и Гавріила, патр. Никону, и подробно описываетъ царскій обѣдъ, въ которомъ всѣ они участвовали (т. I, стр. 386 — 394). См. также Дворц. Разряды, III, 457—458.

нія очень обширныя: онъ говорилъ противъ новыхъ иконъ. Нѣкоторые московскіе живописцы, мало по малу, при писаніи иконъ, переняли манеру польскихъ и франкскихъ живописцевъ, и иконы, написанныя такимъ образомъ, назывались новыми. Никонъ, будучи великимъ ревнителемъ и до крайности любя греческіе обряды, послалъ своихъ людей, которые и позабрали иконы новаго письма отовсюду, гдѣ ихъ ни находили, даже изъ домовъ самыхъ знатныхъ сановниковъ, и принесли къ патріарху. Это происходило въ прошлое лѣто (т. е. 1654 г.), въ отсутствіе царя, до появленія моровага повѣтрія. Никонъ приказалъ своимъ служителямъ выколоть глаза у собранныхъ новыхъ иконъ и въ такомъ видѣ носить ихъ по городу и объявлять царскій указъ, угрожавшій строгимъ наказаніемъ тѣмъ, кто впредь осмѣлится писать подобныя иконы. Москвитяне, весьма приверженные къ иконамъ, какъ бы онѣ ни были написаны..., увидя это, пришли въ сильное негодованіе и говорили, что патріархъ тяжко погрѣшилъ. Осыпая его бранью, они дѣлали сходбища, на которыхъ прямо называли его иконоборцемъ. Когда же, при такомъ настроеніи умовъ, обнаружилась моровая язва и случилось солнечное затмѣніе, то всѣ стали говорить, что это наказаніе Господне за нечестіе патріарха, ругающагося надъ св. иконами. Озлобленіе на Никона было такъ велико, что покушались даже убить его... Теперь, когда царь находился уже въ Москвѣ и присутствовалъ въ церкви, патріархъ смѣло повелъ рѣчь противъ новыхъ иконъ и пространно доказывалъ, что писать иконы по франкскимъ образцамъ беззаконно. При этомъ, указывая на нѣкоторыя новыя иконы, вынесенныя къ аналою, ссылался на нашего владыку патріарха во свидѣтельство того,

что иконы тѣ написаны не по греческимъ, а по франкскимъ образцамъ. Затѣмъ оба патріарха предали анаѳемѣ и церковному отлученію всѣхъ, кто впредь будетъ писать или держать у себя въ домѣ франкскія иконы. Причемъ Никонъ бралъ одну за другою подносимыя ему новыя иконы и, каждую показывая народу, бросалъ на желѣзный полъ съ такою силою, что иконы разбивались, и, наконецъ, велѣлъ ихъ сжечь. Тогда царь, человѣкъ въ высшей степени набожный и богобоязненный, слушавшій въ смиренномъ молчаніи проповѣдь патріарха, тихимъ голосомъ сказалъ ему: «нѣтъ, батюшка, не вели ихъ жечь, а лучше прикажи зарыть въ землю». Такъ и было поступлено. Каждый разъ, когда Никонъ бралъ въ руки какую либо изъ незаконныхъ иконъ, онъ приговаривалъ: эта икона взята изъ дому такого-то вельможи, сына такого-то (все людей знатныхъ). Онъ хотѣлъ пристыдить ихъ всенародно, чтобы и другіе не слѣдовали ихъ примѣру». Можно судить, до какой степени должна была поразить присутствовавшихъ въ церкви проповѣдь Никона, сопровождавшаяся такими дѣйствіями и свидѣтельствомъ антіохійскаго патріарха. Но Никонъ этимъ не ограничился: вслѣдъ за проповѣдію противъ новыхъ иконъ, онъ началъ проповѣдь еще противъ другаго новшества, противъ двуперстнаго крестнаго знаменія. «Онъ говорилъ, — продолжаетъ Павелъ алеппскій,— съ такимъ же жаромъ, какъ прежде, о томъ, что москвитяне неправильно полагаютъ на себѣ знаменіе креста: крестясь, они складываютъ персты руки не такъ, какъ складываемъ мы, а какъ святители благословляютъ. Въ подтвержденіе своихъ мыслей, Никонъ опять сослался на нашего владыку: онъ-то и сказалъ Никону еще прежде, что не такъ

слѣдуетъ креститься, какъ крестятся москвитяне. Владыка нашъ, призванный теперь Никономъ во свидѣтели, обратившись къ народу, сказалъ черезъ переводчика: «въ Антіохіи, а не въ другомъ мѣстѣ, послѣдователи Христа начали, въ первый разъ, называться христіанами, и оттуда пошли всѣ церковные обряды. Но ни тамъ, ни въ Александріи, ни въ Константинополѣ, ни въ Іерусалимѣ, ни на горѣ Синаѣ, ни на св. горѣ, ни въ Молдавіи, ни въ Валахіи, ни у казаковъ, никто не крестится такъ, какъ вы, а всѣ согласно употребляютъ иное перстосложеніе» ([104]).

Прошло уже болѣе восьми мѣсяцевъ, какъ отправлено было Никономъ, съ Мануиломъ грекомъ, посланіе къ цареградскому патріарху Паисію по вопросамъ церковнымъ; но отвѣта не было. Въ Москвѣ могли подумать, что или посланіе не доставлено по назначенію, при затруднительности тогдашнихъ сообщеній съ Константинополемъ, или самъ Паисій уже сверженъ съ каѳедры, при тогдашней постоянной смѣнѣ цареградскихъ патріарховъ. Какъ бы впрочемъ ни было, только Никонъ рѣшился, не дождавшись отвѣта изъ Царьграда, созвать въ Москвѣ новый соборъ. Объ этомъ соборѣ сохранилось два современныхъ, хотя и весьма краткихъ, сказанія. Первое принадлежитъ архидіакону Павлу алеппскому и драгоцѣнно потому особенно, что ясно обозначаетъ время, когда происходилъ соборъ. Соборъ происходилъ, по свидѣтельству Павла, впродолженіе пятой седмицы великаго поста (которая въ 1655 г. обнимала числа съ 25 по 31 марта). И

([104]) *Павл. алеппск.* Путеш. Макарія ант. патріарха, кн. IX, отд. 12, въ т. II, 48—51.

это свидѣтельство тѣмъ несомнѣннѣе, что Павелъ велъ какбы дневникъ событій, болѣе или менѣе касавшихся его отца, патріарха Макарія, со времени прибытія его въ Москву, и описалъ въ своемъ сочиненіи какъ то, что случилось замѣчательнаго прежде этой пятой седмицы великаго поста, такъ и то, что совершилось послѣ. О самомъ соборѣ Павелъ передаетъ слѣдующее: «соборъ созванъ былъ по тому случаю, что нашъ владыка (Макарій) обратилъ вниманіе Никона на разныя новины и недостатки въ ихъ церковныхъ обрядахъ. Ибо русскіе—а) совершаютъ литургію не на антиминсѣ, какъ мы, съ изображеніями и частицею св. мощей, а просто на кускѣ бѣлаго холста; б) изъ просфоры, назначенной для агнца, вынимаютъ не девять частицъ, а только четыре; в) въ символѣ вѣры дѣлаютъ ошибочныя измѣненія; г) прикладываются къ иконамъ только разъ или два въ году; д) не раздаютъ въ церкви антидора; е) ошибочно творятъ знаменіе креста, слагая для того персты не такъ, какъ должно; ж) ошибочно думаютъ о крещеніи поляковъ, полагая, что ихъ нужно во второй разъ крестить (при обращеніи въ православіе). На этомъ же соборѣ были разсматриваемы и другіе недостатки въ (русскихъ) обрядахъ и церемоніяхъ. Патріархъ московскій вообще много слушался совѣтовъ нашего владыки, и въ настоящемъ случаѣ перевелъ съ греческаго языка на русскій Служебникъ такъ хорошо и съ такими поясненіями, что, кажется, и дѣти могли понимать теперь смыслъ греческихъ обрядовъ. Этого перевода Никонъ напечаталъ нѣсколько тысячъ экземпляровъ и разослалъ ихъ по всѣмъ церквамъ страны. Велѣлъ также напечатать болѣе 15000 антиминсовъ съ свящ. изображеніями, и, вложивъ въ нихъ частицы св. мощей, ра-

зослалъ по всѣмъ церквамъ... Въ заключеніе отцы собора объявили, что вторичное крещеніе поляковъ незаконно, опираясь на мнѣніе нашего владыки патріарха и на постановленія, заключающіяся въ евхологіѣ и номоканонѣ: такъ какъ поляки вѣруютъ и крещаются во Св. Троицу, и не настолько разнятся отъ насъ, какъ прочіе еретики и лютеране, наприм. шведы, англичане, венгры и другія франкскія секты, которыя не соблюдаютъ постовъ, не покланяются иконамъ, не творятъ на себѣ крестнаго знаменія и проч. Никонъ, любя все греческое, съ жаромъ принялся за такія исправленія и говорилъ на соборѣ присутствовавшимъ архіереямъ, настоятелямъ монастырей и пресвитерамъ: «я самъ русскій, и сынъ русскаго, но моя вѣра и убѣжденія греческія». На это нѣкоторые изъ членовъ высшаго духовенства съ покорностію отвѣчали: «вѣра, дарованная намъ Христомъ, ея обряды и таинства, все это пришло къ намъ съ востока». Но другіе,— такъ какъ во всякомъ народѣ бываютъ люди упрямые и непокорные,—молчали, скрывая свое неудовольствіе, и говорили въ самихъ себѣ: «не хотимъ дѣлать измѣненій ни въ нашихъ книгахъ, ни въ нашихъ обрядахъ и церемоніяхъ, принятыхъ нами изстари». Только эти недовольные не имѣли смѣлости говорить открыто, зная, какъ трудно выдержать гнѣвъ патріарха, какъ поступилъ онъ съ епископомъ коломенскимъ, котораго сослалъ въ заточеніе. Согласившись съ мнѣніемъ собора о незаконности перекрещиванія поляковъ, Никонъ тутъ же передалъ нашему владыкѣ патріарху шесть священниковъ, приведенныхъ въ плѣнъ изъ Польши», какъ видно изъ описанія, уніатскихъ, которыхъ потомъ антіохійскій перво-

святитель и присоединилъ всѣхъ къ православной церкви не чрезъ крещеніе, а чрезъ мѵропомазаніе ([105]).

Другое современное сказаніе объ этомъ московскомъ соборѣ находится въ предисловіи къ Служебнику, напечатанному патріархомъ Никономъ. Здѣсь говорится, что на соборѣ присутствовали три патріарха, московскій Никонъ, антіохійскій Макарій и сербскій Гавріилъ «съ митрополиты и архіепископы, со архимандриты и игумены и со всѣмъ освященнымъ соборомъ». Ни о царѣ, ни о епископахъ не упомянуто: потому что царь незадолго до собора, 11-го марта, въ воскресенье второй седмицы великаго поста, уѣхалъ на войну; а епископъ единственной тогда у насъ епископіи — коломенскій Павелъ еще въ прошломъ году былъ низложенъ и сосланъ въ заточеніе, преемникъ же ему еще не былъ назначенъ ([106]). Далѣе говорится, что на соборѣ занимались разсмотрѣніемъ древнихъ греческихъ и славянскихъ рукописныхъ книгъ, къ которымъ антіохійскій патріархъ Макарій присовокупилъ и свой Служебникъ и другія книги, —и «обрѣтоша древнія греческія съ ветхими славенскими книгами во всемъ согласующася; въ новыхъ же московскихъ печатныхъ книгахъ, съ греческими же и славенскими древними, многая несогласія и погрѣшенія». Необходимо допустить, что хотя соборъ продолжался и цѣлую недѣлю, но такое сличеніе древнихъ книгъ съ новопечатными московскими сдѣлано было не на самомъ соборѣ, а предварительно было подго-

---

([105]) *Павл. алеппск.* Путеш. Макарія, кн. X, отд. 10, въ т. II, 85—86.

([106]) Объ отъѣздѣ государя на войну — Дворц. Разряд. III, 459—461. О низложеніи и заточеніи Павла коломенскаго см. выше примѣч. 82—85 и самый текстъ, къ которому они относятся.

товлено учеными справщиками Епифаніемъ Славеницкимъ, Арсеніемъ грекомъ и другими, на соборѣ же было только прочитано или показано отцамъ и провѣрено ими. Наконецъ говорится, что соборъ, избравши изъ всѣхъ книгъ одну—Служебникъ и «во всемъ справя и согласну сотворя древнимъ греческимъ и славенскимъ», повелѣлъ напечатать ее въ Москвѣ и вмѣстѣ узаконилъ: исправить, согласно съ древними греческими и славянскими книгами, и прочія богослужебныя книги, въ которыхъ обрѣтаются погрѣшности. Разумѣется, что и исправленіе Служебника было подготовлено прежде справщиками, а на соборѣ только разсмотрѣно, провѣрено и одобрено. Но справедливость требуетъ замѣтить, что въ изложенномъ нами сказаніи о соборѣ 1655 г. допущена хронологическая ошибка, именно говорится, будто соборъ происходилъ уже послѣ того, какъ царемъ и Никономъ получено было отвѣтное соборное посланіе отъ цареградскаго патріарха Паисія на посланные ему вопросы, и будто это посланіе было даже прочитано, при открытіи собора, вмѣстѣ съ уложеніемъ московскаго собора 1654 года. Этого не могло быть, потому что, какъ сейчасъ увидимъ, означенное посланіе было доставлено въ Москву спустя болѣе мѣсяца по окончаніи разсматриваемаго нами собора. Вообще, составитель предисловія къ никоновскому Служебнику, которое, вмѣстѣ съ Служебникомъ, было напечатано уже по полученіи соборнаго посланія отъ патріарха Паисія, стараясь съ возможною краткостію изложить все начавшееся дѣло исправленія церковныхъ книгъ, мало заботился о хронологической точности, и не вездѣ соблюлъ порядокъ событій: говоритъ, наприм., будто царь и Никонъ, только получивъ и прочитавъ соборное посланіе или дѣяніе

отъ патріарха Паисія, «изволиша» отправить старца Арсенія Суханова на аѳонскую гору за греческими книгами, между тѣмъ какъ Арсеній посланъ былъ туда еще въ началѣ 1654 г., а въ началѣ 1655 г. уже возвратился въ Москву ([107]).

([107]) Предисловіе къ Служебнику патр. Никона перепечатано сполна — въ Дополненіи къ Описанію старопеч. книгъ гр. Толстова и купца Царскаго, изд. Строевымъ, № 89. Есть и третье сказаніе о московскомъ соборѣ 1655 г., заимствованное будтобы изъ рукописной повѣсти 1668-го года, переходящей, въ копіяхъ, изъ рукъ въ руки между глаголемыми старообрядцами. Оно помѣщено въ книжицѣ, составленной Павломъ Бѣлокриницкимъ и напечатанной, безъ обозначенія мѣста и времени печатанія, подъ заглавіемъ: «III часть церковной исторіи». Здѣсь говорится, вопервыхъ, будто Никонъ обращался съ своими вопросами ко всѣмъ восточнымъ патріархамъ, подкупилъ ихъ, нищенствующихъ, богатыми дарами, чтобы склонить на свои новоизмышленныя преданія, и, получивъ отъ патріарховъ отвѣтныя граматы согласно своему желанію, открылъ соборъ 1655 г., и на немъ въ первомъ же засѣданіи объявилъ эти отвѣтныя граматы патріарховъ (стр. 28 — 37). Но Никонъ—а) вовсе не обращался съ своими вопросами ко всѣмъ восточнымъ патріархамъ, а обратился только къ одному патріарху цареградскому Паисію съ его соборомъ,—и б) открылъ въ Москвѣ соборъ 1655 года прежде, нежели получилъ отвѣтную грамату отъ Паисія. Говорится, вовторыхъ, будто на этомъ соборѣ епископъ Павелъ коломенскій цѣлыхъ два засѣданія состязался съ Никономъ и защищалъ противъ него непричастность пресв. Дѣвы Богородицы первородному грѣху, стоглавый соборъ, сугубую аллилуію, трисоставный крестъ, имя Іусъ, седмипросфоріе, двуперстіе для крестнаго знаменія и проч.,—при чемъ излагаются самыя рѣчи Павла (стран. 37 — 91). Но—а) Павелъ коломенскій вовсе не присутствовалъ и не могъ присутствовать на соборѣ 1655 года, потому что, какъ мы видѣли, еще въ 1654 году былъ лишенъ сана и сосланъ въ заточеніе; б) Никонъ вовсе не возбуждалъ вопросовъ ни о причастности пресв. Дѣвы Богородицы первородному грѣху, ни о стоглавомъ соборѣ: по крайней мѣрѣ, объ этомъ ниоткуда неизвѣстно; в) тѣ длинныя рѣчи противъ Никона, которыя будтобы говорилъ на соборѣ Павелъ, судя по складу ихъ и особенно по языку, не могли ему принадлежать, но свойственны только грамотѣю нынѣшняго времени, въ чемъ легко убѣдиться изъ чтенія этихъ рѣчей; а еслибы дѣйствительно Павломъ были произнесены такія длинныя и искуственныя рѣчи, ихъ бы никто изъ слышавшихъ не могъ запомнить въ точности, чтобы потомъ записать на бумагѣ. Говорится, въ третьихъ, будто Павла коломенскаго поддерживалъ на соборѣ, между прочимъ, Александръ епископъ вятскій (стр. 49. 67). Но—а) вятской

Къ 1-му мая 1655 года пріѣхалъ въ Путивль грекъ Мануилъ Константиновъ, тотъ самый, съ которымъ въ прошломъ году послана была изъ Москвы грамата къ цареградскому патріарху Паисію по церковнымъ вопросамъ. Изъ Путивля Мануилъ поспѣшилъ въ Смоленскъ, чтобы представиться находившемуся тамъ государю, а оттуда прибылъ въ Москву, и 15-го мая въ посольскомъ приказѣ показалъ: послалъ его, Мануила, къ государю царю Алексѣю Михайловичу и къ святѣйшему патріарху Никону цареградскій патріархъ Паисій «съ граматами и *соборною книгою* и о надобныхъ государевыхъ дѣлѣхъ съ изустнымъ приказомъ». Выѣхалъ онъ изъ Царьграда въ 27 день минувшаго декабря (т. е. 1654 г.), и хотя патріархъ велѣлъ ему ѣхать на спѣхъ, но «за воинскими людьми ему поспѣшить было не мочно», и проч. Грамата Паисія къ царю, которую привезъ Мануилъ, писана была 20 декабря 1654 года. Въ ней, послѣ обычныхъ привѣтствій, Паисій сначала извѣщалъ царя, что «получилъ грамату отъ святѣйшаго Никона и отъ священнаго собора каѳолическія церкви съ вопросами о томъ, что̀ потребно для православныхъ христіанъ». Затѣмъ просилъ у царя извиненія, что «о церковныхъ потребахъ, о которыхъ писалъ свя-

---

епархіи тогда еще не существовало: она открыта только въ октябрѣ 1656 года, какъ видно изъ подлиннаго документа (Матер. для истор. раскола, I, 8—14); б) Александръ не былъ еще тогда епископомъ: онъ рукоположенъ во епископа коломенскаго, спустя два мѣсяца послѣ этого собора, 3-го іюня 1655 года, по свидѣтельству очевидца (*Павла алеппск.* Путешеств. Макарія, кн. XI, отд. 6, въ т. II, 130). Вотъ такими-то исторіями-баснями обманываютъ неграмотный или малограмотный народъ, чтобы возбуждать въ немъ ненависть къ патріарху Никону и начатому имъ дѣлу исправленія церковныхъ книгъ!

тѣйшій Никонъ, позамѣшкалъ: вскорѣ учинить то было невозможно одному, безъ священнаго собора, а архіереи, по дальности разстояній, скоро прійдти не могли». Наконецъ говорилъ: «какъ только свящ. соборъ къ намъ сошелся, мы то святое дѣло о церковныхъ потребахъ разсудили и совершили, и теперь посылаемъ того же Мануила къ вамъ «съ вашими царскими и святительскими потребами» ([108]). Изъ этихъ подлинныхъ и несомнѣнныхъ документовъ очевидно, что отвѣтное посланіе патріарха Паисія, или точнѣе—соборное дѣяніе, соборная книга, было получено въ Москвѣ только 15 мая 1655 г., слѣд. спустя полтора мѣсяца послѣ московскаго собора, происходившаго въ концѣ марта. Впрочемъ, хотя посланіе Паисія получено въ Москвѣ и послѣ означеннаго собора, оно отъ того нисколько не потеряло своей силы и значенія. Оно послужило, съ одной стороны, новымъ подкрѣпленіемъ и оправданіемъ рѣшеній этого собора, а съ другой—новою опорою и побужденіемъ для Никона къ ревностному продолженію начатаго имъ дѣла. И потому заслуживаетъ полнаго нашего вниманія.

Посланіе свое цареградскій патріархъ Паисій, послѣ братскаго привѣтствія патріарху Никону, началъ слѣдующими словами: «Мы много благодарили и каждый день благодаримъ Бога послѣ того, какъ получили граматы твоего преблаженства чрезъ возлюбленнаго сына нашего Мануила. Изъ нихъ

([108]) Моск. главн. архив. мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч., связк. 33, № 14. Въ концѣ этого дѣла упоминается, что когда царь, отпуская въ концѣ августа Мануила грека, послалъ съ нимъ патріарху Паисію соболями на 300 руб. и царица — также на 300 руб., то и отъ Никона къ Паисію была какая-то посылка и грамата.

мы узнали твое величайшее благоговѣніе къ Богу и пламенную ревность, какую имѣешь ты относительно предметовъ нашей православной вѣры и чиновъ нашей церкви. И это соединяешь ты, — какъ свидѣтельствуетъ общая молва приходящихъ изъ вашей страны,—съ крайнею разсудительностію и благоразуміемъ, съ безупречнымъ смиренномудріемъ и всякими другими благими дѣйствіями, какія украшаютъ истиннаго пастыря овецъ Христовыхъ. Да будетъ препрославлено во вѣки имя Господа нашего Іисуса Христа, что Онъ изъ рода въ родъ воздвигаетъ людей достойныхъ служить назиданію Его церкви и благоустроенію Его стада. Да соблюдетъ тебя благодать Его на многія лѣта, да пасешь овецъ твоихъ богоугодно, какъ началъ, до конца, и да представишь стадо твое непорочнымъ пастыреначальнику Іисусу. Такимъ мы признаемъ тебя, и съ радостію отвѣчаемъ на твои вопросы, по благодати, какую благоволитъ подать намъ Духъ Святый, Котораго призываемъ всегда на всякое наше начинаніе. Но только молю твое преблаженство, что если какой либо отвѣтъ нашъ покажется вамъ въ началѣ несогласующимся съ вашими обычаями, то не смущайтесь, а напишите къ намъ снова, чтобы узнать нашу мысль, да будемъ всегда соединены, какъ во единой вѣрѣ и во единомъ крещеніи, такъ и во единомъ исповѣданіи, говоря всегда одно и тоже едиными устами и единымъ сердцемъ и не разнясь между собою ни въ чемъ... Вижу изъ граматъ твоего преблаженства, что ты сильно жалуешься на несогласіе въ нѣкоторыхъ обрядахъ, замѣчаемое въ помѣстныхъ церквахъ, и думаешь, не вредятъ ли разные обряды нашей вѣрѣ. Хвалимъ мысль: ибо кто боится преступленій малыхъ, тотъ предохраняетъ себя и отъ великихъ.

Но исправляемъ опасеніе: ибо мы имѣемъ повелѣніе апостола бѣгать только еретиковъ, по первомъ и второмъ наказаніи, какъ развращенныхъ (Тит. 3, 11), равно и раздорниковъ, которые, хотя кажутся согласующимися съ православными въ главныхъ догматахъ, имѣютъ однакожъ свои особенныя ученія, чуждыя общему вѣрованію церкви. Но если случится какой либо церкви разнствовать отъ другой въ нѣкоторыхъ уставахъ, не необходимыхъ и несущественныхъ въ вѣрѣ, т. е. касающихся не главныхъ членовъ вѣры, а вещей маловажныхъ, каковы: время служенія литургіи, или какими перстами долженъ благословлять священникъ, и под., то это не дѣлаетъ никакого раздѣленія между вѣрующими, лишьбы только непреложно сохранялась одна и таже вѣра. Церковь наша не отъ начала приняла весь тотъ уставъ чинопослѣдованій, какой содержитъ нынѣ, а мало по малу. Прежде, какъ говоритъ св. Епифаній кипрскій, читали въ церкви только одиннадцать псалмовъ, а потомъ больше, и имѣли разные степени постовъ и мясояденій... И прежде святыхъ Дамаскина, Космы (маюмскаго) и иныхъ пѣснотворцевъ мы не пѣли ни тропарей, ни каноновъ, ни кондаковъ. Но такъ какъ во всѣхъ церквахъ непреложно сохранялась одна и таже вѣра, то эта разность въ чинахъ не считалась тогда чѣмъ либо еретическимъ. Посему и нынѣ не должно думать, будто извращается наша вѣра православная, если кто либо творитъ послѣдованіе, немного отличное отъ другаго — въ вещахъ несущественныхъ, т. е. не касающихся догматовъ вѣры; только бы въ нужномъ и существенномъ оно было согласно съ соборною церковію». Высказавъ такимъ образомъ свои общія мысли, какъ смотрѣть на разности въ церковныхъ чинахъ,

и указавъ затѣмъ на книгу «Православное Исповѣданіе», изъ которой можно узнавать, какіе суть нужные и существенные члены нашей вѣры, патріархъ Паисій перешелъ къ изложенію самыхъ отвѣтовъ на присланные ему изъ Москвы вопросы. Не будемъ разбирать всѣхъ этихъ отвѣтовъ, а остановимся только на тѣхъ изъ нихъ, которые, по тому времени, были наиболѣе важными. Въ первомъ и самомъ обширномъ отвѣтѣ Паисій изъяснилъ кратко не только составъ, но и таинственное знаменованіе того чина божественной литургіи, какой содержался тогда на всемъ востокѣ, и, въ заключеніе, присовокупилъ: «вотъ чинъ, который содержимъ мы въ нашей литургіи, и который, надѣемся, держите и вы. Или, если въ чемъ либо разнствуете, то согласуйтесь съ нами и вы по этому законоположенію, которое мы неизмѣнно хранимъ, какъ преданное отъ начала, да едиными усты и единымъ сердцемъ прославимъ, обои, единаго Бога и Отца и Единороднаго Сына Его Господа нашего Іисуса Христа съ Пресвятымъ Духомъ». Этуже самую мысль, только нѣсколько подробнѣе, повторилъ цареградскій первосвятитель и въ седьмомъ отвѣтѣ нашему патріарху: «вы пишете о распряхъ, происходящихъ у васъ относительно чина божественнаго тайнодѣйствія. Молимъ именемъ Господа нашего І. Христа, да укротитъ ихъ преблаженство твое разумомъ твоимъ: ибо *рабу Господню не подобаетъ сваритися* (2 Тимоѳ. 2, 24), особенно въ вещахъ, которыя несущественны въ вѣрѣ и не суть догматы. Увѣщавай всѣхъ принять тотъ чинъ, о которомъ мы пишемъ къ вамъ, который содержится во всей восточной церкви и дошелъ до насъ, по преданію, изначала безъ малѣйшей перемѣны... Какъ древнія наши книги, содержащія

литургію Златоустову и Василіеву и обрѣтающіяся въ различныхъ книгохранилищахъ, такъ и новыя не разнствуютъ между собою ни въ чемъ. Но если ваши несогласны съ нашими въ вещахъ нужныхъ, а не въ тѣхъ, которыя уставъ оставляетъ на волѣ настоятеля: пишите къ намъ, и разсудимъ о томъ соборнѣ». Въ слѣдующихъ двухъ отвѣтахъ, осмомъ и девятомъ, Паисій писалъ: «о епископѣ коломенскомъ Павлѣ и о протопопѣ Іоаннѣ Нероновѣ вы говорите, что они не согласуются съ вами ни касательно книгъ и литургіи, ни касательно крестнаго знаменія, и отвергаютъ наши молитвы, какъ будто онѣ совершаются страха ради человѣческаго, а не ради страха Божія, и что будтобы на литургіи патріархъ молится иначе, чѣмъ другіе іереи..., отвѣчаемъ: все это суть признаки ереси и раскола, и кто такъ говоритъ и вѣруетъ, тотъ чуждъ православной нашей вѣры... Итакъ, или пусть пріимутъ нелицемѣрно все, что держитъ и догматствуетъ наша православная церковь, или если, по первомъ и второмъ наказаніи, не исправятся, то отвергните и отлучите ихъ отъ овецъ Христовыхъ, да не питаютъ ихъ смертоносным̀ъ кормомъ, и вы будете имѣть и насъ и весь нашъ соборъ согласными на то. Ибо на какомъ соборѣ и у какого древняго отца они обрѣли, будто молитвы нашей церкви совершаются по человѣкоугодію, будто онѣ недостаточны и неудовлетворительны, почему и требуютъ ихъ дополненія? Блюдитесь крѣпко отъ такихъ волковъ: подъ образомъ исправленія, желая, повидимому, исправить недостатки церковные, они ищутъ привнести въ нее свои ядовитые плевелы..., приносятъ къ намъ новины свои и апокрифическія свои молитвы, въ качествѣ исправленій. Потому

они должны быть отсѣчены отъ церкви, какъ гнилые и неисцѣлимые члены, оставаясь нераскаянными; таковыя молитвы ихъ мы считаемъ богохульствомъ, такъ какъ они бросаютъ подозрѣніе на молитвы нашихъ святыхъ и пытаются ввести новые порядки, которымъ мы никогда не учились отъ отцевъ, предавшихъ намъ вѣру». На вопросъ (24) о томъ, какими перстами должно христіанину изображать на себѣ крестъ, Паисій отвѣчалъ: «всѣ мы имѣемъ древній обычай, по преданію, креститься тремя первыми перстами, сложенными вмѣстѣ, во образъ Св. Троицы, просвѣщеніемъ которой открыта намъ тайна воплощенія, и мы научены славить единаго Бога въ трехъ Лицахъ, Отца и Сына и Святаго Духа и да распинаемся на крестѣ вмѣстѣ съ Господомъ нашимъ Іисусомъ, Сыномъ Божіимъ, сошедшимъ съ небесъ и вочеловѣчившимся, и пострадавшимъ плотію ради нашего спасенія. Представляется это благословнымъ, потому что совокупленіемъ трехъ перстовъ мы воспоминаемъ таинство Св. Троицы, и когда изображаемъ на себѣ крестъ Господа, то воспоминаемъ Его страданіе и воскресеніе, и ими и ради ихъ призываемъ отъ Бога помощь». На вопросъ (25), какими перстами архіерею и іерею преподавать благословеніе христіанамъ, отвѣчалъ: «такъ какъ Богъ съ клятвою обѣщалъ Аврааму, да *благословятся вси языцы земстіи о Сѣмени его,* которое есть Іисусъ Христосъ, то церковь благословляетъ всѣхъ, начертывая рукою священническою имя Мессіи: *Іс. Хс.* Какими бы перстами кто ни изображалъ эти четыре буквы, разности не будетъ: только бы и благословляющій и благословляемый имѣли въ мысли, что благословеніе нисходитъ отъ Іисуса Христа при посредствѣ руки священнической. Но при-

стойнѣе слагать персты въ томъ видѣ, въ какомъ живописуютъ самого Христа, т. е. слагать второй и третій персты такъ, чтобы они образовали собою *Іс.*, а первый, четвертый и пятый—такъ, чтобы они представляли *Хс.*». На вопросъ (26-й) о поклонахъ при чтеніи молитвы св. Ефрема Сирина былъ отвѣтъ: «уставъ о поклонахъ, который вы держите, тотъ же самый, который держимъ и мы; разнствуемъ только въ томъ, что мы творимъ сперва три великіе поклона, потомъ двѣнадцать малыхъ, а наконецъ одинъ великій, и бываетъ всѣхъ поклоновъ шестнадцать, а не семнадцать, какъ у васъ». Посланіе, присланное патріархомъ Паисіемъ въ Москву, заключало въ себѣ рѣшеніе не его одного, а цѣлаго собора, и потому подъ посланіемъ подписались, вслѣдъ за патріархомъ, 24 митрополита, 1 архіепископъ, 3 епископа и нѣсколько другихъ духовныхъ лицъ, занимавшихъ главныя церковныя должности при патріархѣ, въ томъ числѣ извѣстный своею ученостію учитель великія церкви Мелетій Сиригъ, который, по порученію патріарха и собора, и составилъ это сосланіе ([109]). Вмѣстѣ съ тѣмъ Паисій прислалъ нашему патріарху и свое частное письмо, въ которомъ, извѣщая о бывшемъ въ Константинополѣ соборѣ и посылаемыхъ въ Москву соборныхъ отвѣтахъ, просилъ передать эти отвѣты «всѣмъ священнымъ лицамъ, да совершаютъ послѣдованіе и всякое священнодѣй-

---

([109]) Доселѣ это посланіе патр. Паисія и цареградскаго собора было извѣстно только въ славянскомъ переводѣ, напечатанномъ въ приложеніи къ Скрижали патр. Никона. Но недавно оно открыто въ подлинникѣ и напечатано какъ въ греческомъ текстѣ, такъ и въ русскомъ переводѣ (Христіан. Чтен. 1881, I, 303—353, 539—595). Отсюда желающіе могутъ подробнѣе ознакомиться съ содержаніемъ этого важнаго памятника.

ствіе по чину великой (т. е. патріаршей) церкви, да не имѣемъ ни единой разности, какъ истинныя чада одной и тойже матери, восточной апостольской и соборной церкви». Далѣе Паисій писалъ Никону: «здѣсь слышно, что въ вашихъ церковныхъ чинахъ есть и еще нѣкоторыя вещи, несогласныя съ чиномъ великой церкви, и я удивляюсь, какъ ты не спрашиваешь и объ нихъ. И, прежде всего, въ самомъ сѵмволѣ св. отцевъ никейскихъ вы будтобы имѣете нѣкоторыя приложенія и слова, которыхъ мы не имѣемъ... Отъ многой любви къ Богу желаемъ, да исправятся всякія разности между нами». Съ этою цѣлію Паисій прислалъ въ Москву и греческій сѵмволъ вѣры, буквально списанный съ того, какой составленъ былъ отцами перваго и втораго вселенскихъ соборовъ (110).

Опредѣленіе московскаго собора, бывшаго въ мартѣ 1655 года, о напечатаніи Служебника скоро было исполнено. Въ 31 день августа тогоже года Служебникъ былъ уже выпущенъ изъ московской типографіи, а чрезъ одиннадцать мѣсяцевъ изданъ вторично. И такъ какъ это была первая новоисправленная книга, то справщики или издатели, конечно, съ соизволенія самого Никона, въ предисловіи къ ней изложили довольно подробную исторію, какъ началось и велось все дѣло о исправленіи нашихъ книгъ, изъ которыхъ первая теперь являлась въ свѣтъ. Но Никонъ желалъ дать православнымъ не только новоисправленный Служебникъ или чинъ божественной литургіи, а затѣмъ и другія новоисправленныя

---

(110) Это письмо Паисія къ Никону напечатано въ предисловіи къ Служебнику, изд. Никономъ.

книги, но желалъ вмѣстѣ дать и толкованіе на литургію и на прочія церковныя священнодѣйствія и обряды, чтобы православные могли лучше понимать таинственный смыслъ ихъ. Потому приказалъ перевесть съ греческаго книгу «Скрижаль», которая, по просьбѣ его, еще въ 1653 г. прислана была ему отъ вселенскаго патріарха Паисія. Книга эта, составленная греческимъ іеромонахомъ Іоанномъ Наѳанаиломъ, переведена на славянскій языкъ однимъ изъ справщиковъ, именно старцемъ Арсеніемъ грекомъ, и въ октябрѣ 1655 года была окончена печатаніемъ. При Скрижали Никонъ велѣлъ напечатать все посланіе къ нему вселенскаго патріарха Паисія съ отвѣтами константинопольскаго собора относительно нашихъ церковныхъ книгъ и обрядовъ: это посланіе служило для Никона главною опорою и оправданіемъ, въ глазахъ всѣхъ православныхъ, въ начатомъ имъ дѣлѣ исправленія книгъ. Велѣлъ также напечатать при тойже Скрижали нѣсколько статей по двумъ вопросамъ, считавшимся наиболѣе важными: по вопросу о крестномъ знаменіи и по вопросу о сvмволѣ вѣры. То были — а) слово монаха иподіакона Дамаскина Студита въ недѣлю крестопоклонную: здѣсь, между прочимъ, изложено ученіе о троеперстіи для крестнаго знаменія; б) слово неизвѣстнаго «о еже коими персты десныя руки изображати крестъ»: здѣсь въ первый разъ довольно подробно опровергается ученіе о двуперстіи, разбираются свидѣтельства Мелетія антіохійскаго, Ѳеодорита, Максима грека, и предлагаются убѣжденія православнымъ оставить двуперстіе и креститься тремя перстами; это, можетъ быть, есть то самое слово, которое, какъ мы упоминали, произнесъ Никонъ въ недѣлю православія въ успенскомъ соборѣ; в) Ни-

колая Малаксы, протоіерея навплійскаго, о сложеніи перстовъ для архіерейскаго и іерейскаго благословенія; г) Максима грека о неизмѣняемости символа вѣры; д) монаха Зиновія отенскаго — противъ прибавки въ символѣ: «истиннаго»..., и вообще о неизмѣняемости символа; е) Нила Кавасилы и другихъ учителей о томъ же, съ прибавленіемъ убѣжденій къ православнымъ не допускать никакихъ измѣненій въ символѣ вѣры. Впрочемъ, напечатавъ книгу «Скрижаль», съ перечисленными нами приложеніями, еще въ октябрѣ 1655 года, Никонъ не дозволилъ выпускать ее въ свѣтъ до тѣхъ поръ, пока она не будетъ разсмотрѣна и одобрена соборомъ ([111]).

Но созваніемъ собора патріархъ не спѣшилъ. На этомъ соборѣ онъ предполагалъ также произнести приговоръ противъ ученія о двуперстіи, которое упорнѣе всего отстаивали его противники, и потому хотѣлъ предварительно испытать, для вразумленія ихъ, еще нѣкоторыя, чрезвычайныя, мѣры. Въ 1656 году, 12 февраля, въ день памяти св. Мелетія антіохійскаго, а вмѣстѣ и святителя московскаго Алексія, въ чудовѣ монастырѣ совершалась праздничная заутреня, на которой присутствовали самъ царь со всѣмъ своимъ синклитомъ, патріархи съ другими архіереями и множество народа. Когда въ положенное по уставу время прочитано было изъ Пролога, въ поученіе православнымъ, извѣстное сказаніе о св. Мелетіѣ антіохійскомъ, какъ онъ сначала показалъ народу три перста, и не бысть знаменія, затѣмъ сложилъ два пер-

---

([111]) Время напечатанія Скрижали въ октябрѣ 1655 г. обозначено въ предисловіи къ этой книгѣ (стр. 18).

ста и къ нимъ пригнулъ одинъ, и отъ руки его произошелъ огонь, — сказаніе, на которое обыкновенно опираются защитники двуперстія, — тогда Никонъ во всеуслышаніе спросилъ патріарха Макарія, какъ понимать это сказаніе. И Макарій возгласилъ: «мужіе всего православія, слышите: азъ, преемникъ и наслѣдникъ сего св. Мелетія престолу; вамъ извѣстно, яко сей св. Мелетій *три первыя* персты *разлучены* показа другъ отъ друга, отъ нихъ же и знаменія не бысть; тыяже паки три *соедини*, имиже и знаменіе показа. И аще кто сими треми персты на лицѣ своемъ образъ креста не изобразуетъ, но имать творити, два послѣднія соединяя съ великимъ пальцемъ, да два великосредняя простерта имѣти, и тѣмъ образъ креста изображати, таковый арменоподражатель есть, арменове бо тако воображаютъ на себѣ крестъ» ([112]). Достойно замѣчанія, что греки первые начали называть у насъ двуперстіе армянскимъ обычаемъ, какъ мы видѣли и изъ преній старца Арсенія Суханова съ греками о вѣрѣ; а уже вслѣдъ за греками, которымъ армяне ближе были извѣстны, чѣмъ намъ, такъ начали называть двуперстіе и православные русскіе. Прошло еще двѣнадцать дней; настала недѣля православія (24 февр.). Собрались въ успенскій соборъ на торжество всѣ находившіеся въ Москвѣ архіереи съ знатнѣйшимъ духовенствомъ, царь со всѣмъ своимъ синклитомъ и безчисленное множество народа. Въ то время, когда начался обрядъ православія, и церковь, ублажая своихъ вѣрныхъ чадъ, изрекала проклятіе сопротивнымъ, два патріарха,

---

([112]) Объ этомъ случаѣ свидѣтельствуетъ самъ Никонъ въ «Словѣ отвѣщательномъ», напеч. въ началѣ его Скрижали (л. 10 об.—11 об.).

антіохійскій Макарій и сербскій Гавріилъ, и митрополитъ никейскій Григорій стали предъ царемъ и его синклитомъ, предъ всѣмъ освященнымъ соборомъ и народомъ, — и Макарій, сложивъ три первые великіе перста во образъ Св. Троицы и показывая ихъ, воскликнулъ: «сими треми первыми великими персты всякому православному христіанину подобаетъ изображати на лицѣ своемъ крестное изображеніе; а иже кто по ѳеодоритову писанію и ложному преданію творитъ, той проклятъ есть». Тоже проклятіе повторили, вслѣдъ за Макаріемъ, сербскій патріархъ Гавріилъ и никейскій митрополитъ Григорій ([113]). Вотъ кѣмъ и когда изречена первая анаѳема на упорныхъ послѣдователей двуперстія. Она изречена не Никономъ, не русскими архіереями, а тремя іерархами— представителями востока. И можно представить, какъ должна была подѣйствовать эта анаѳема на православныхъ, произнесенная въ самое торжество православія. Въ началѣ апрѣля прибылъ въ Москву молдавскій митрополитъ Гедеонъ отъ молдавскаго воеводы Стефана съ просьбою о принятіи молдавской земли подъ русскую державу, и въ Москвѣ, вмѣсто трехъ, было уже четыре восточныхъ святителя. Никонъ рѣшился обратиться ко всѣмъ имъ разомъ съ письменнымъ посланіемъ отъ лица своего и другихъ русскихъ архіереевъ, и, указывая на то, что въ Москвѣ «нѣціи воздвизаютъ прю» относительно сложенія перстовъ для крестнаго знаменія, и

([113]) И объ этомъ см. тамъ же (л. 11 об.—12 об.). Никейскій митрополитъ Григорій прибылъ въ Москву 27-го іюня 1655 г. (Моск. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч., связк. 33, № 24). Слѣд. могъ присутствовать въ москов. успенскомъ соборѣ при торжествѣ православія только въ 1656, а не въ 1655 году.

одни крестятся тремя перстами десницы, а другіе двумя, умолялъ этихъ святителей возвѣстить, гдѣ истина и какъ слѣдуетъ креститься. Въ отвѣтномъ посланіи Никону, антіохійскій патріархъ Макарій написалъ: «преданіе пріяхомъ съ начала вѣры отъ св. апостоловъ, и св. отецъ, и св. седми соборовъ, творити знаменіе честнаго креста съ тремя первыми перстами десныя руки, и кто отъ христіанъ православныхъ не творитъ крестъ тако, по преданію восточныя церкве, еже держа съ начала вѣры даже доднесь, есть еретикъ и подражатель арменомъ. И сего ради имамы его отлучена отъ Отца и Сына и Св. Духа и проклята: извѣщеніе истины подписахъ своею рукою». Вслѣдъ за антіохійскимъ патріархомъ тоже самое проклятіе повторилъ и подписалъ своею рукою сербскій патріархъ Гавріилъ, а за нимъ повторили, каждый особо, и подписали митрополиты, никейскій Григорій и молдавскій Гедеонъ. Это отвѣтное посланіе четырехъ святителей, вмѣстѣ съ своимъ посланіемъ къ нимъ, Никонъ немедленно велѣлъ напечатать и помѣстить въ качествѣ приложенія къ книгѣ «Скрижаль» ([114]).

Когда такимъ образомъ восточные іерархи, находившіеся въ Москвѣ, изрекли свой приговоръ на крестящихся двумя перстами, не только устно, въ недѣлю православія, но и письменно, Никонъ счелъ благовременнымъ созвать на соборъ своихъ русскихъ архіереевъ, чтобы и они постановили рѣшеніе по томуже вопросу. Соборъ состоялся 23 апрѣля 1656

([114]) Тамъ же, л. 9 об.—10. Посланіе напечатано въ прилож. къ Скрижали безъ означенія счета листовъ. О времени пріѣзда въ Москву молдавскаго митрополита Гедеона—въ Полн. Собр. законовъ, I, стр. 384.

года. Присутствовали на соборѣ, кромѣ патріарха, три митрополита: новгородскій Макарій, казанскій Корнилій, ростовскій Іона; четыре архіепископа: вологодскій Маркеллъ, тверской Лаврентій, астраханскій Іосифъ, псковскій Макарій; одинъ епископъ — коломенскій Александръ; двадцать два архимандрита, семь игуменовъ, одинъ строитель и одинъ намѣстникъ. Никонъ открылъ засѣданія собора довольно обширною рѣчью. Сказавъ сначала, какъ зазирали и поносили его приходившіе въ Москву восточные святители, Аѳанасій константинопольскій, Паисій іерусалимскій, Гавріилъ назаретскій и другіе за разныя неисправности въ церковныхъ книгахъ и обрядахъ, въ томъ числѣ и за употребленіе двуперстія въ крестномъ знаменіи; какъ приступилъ онъ къ исправленію книгъ, собралъ множество древнихъ харатейныхъ рукописей, славянскихъ и греческихъ, Никонъ объявилъ, что, на основаніи ихъ, онъ уже исправилъ нѣкоторыя церковныя книги, а вмѣстѣ съ ними велѣлъ перевести и напечатать, съ нужными приложеніями, и книгу «Скрижаль», представляемую имъ теперь на разсмотрѣніе собора. Въ особенности обратилъ Никонъ вниманіе отцевъ собора въ своей рѣчи на ученіе о двуперстіи, и говорилъ, что оно внесено въ наши книги «отъ ѳеодоритова писанія невѣдѣніемъ» и въ недавнее время: «прежде бо того вси треми первыми персты изображали во образъ Св. Троицы, якоже и нынѣ многихъ еще видѣти есть, елицы не вѣдаютъ ѳеодоритова писанія, якоже въ простыхъ мужехъ и во всѣхъ женахъ, отъ древняго обычая держащихъ»; объяснялъ, что соединеніемъ, по ѳеодоритову писанію, великаго перста съ двумя малыми неправо исповѣдуется таинство Пресв. Троицы, а совокупленіемъ

двухъ перстовъ, указательнаго и средняго, неправо исповѣдуется таинство воплощенія; напомнилъ, что отвѣчалъ цареградскій патріархъ Паисій съ своимъ соборомъ о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, какъ истолковалъ антіохійскій патріархъ Паисій въ церкви чудова монастыря сказаніе о св. Мелетіѣ антіохійскомъ, какъ изрекли въ недѣлю православія проклятіе на крестящихся двумя перстами три восточные святителя, и какъ тоже проклятіе повторили они, вмѣстѣ съ молдавскимъ митрополитомъ, въ своемъ письменномъ отвѣтѣ, и предложилъ собору русскихъ святителей и духовенства сказать свое слово о томъ же предметѣ. Присутствовавшіе на соборѣ занялись сначала свидѣтельствованіемъ книги Скрижали, «соборнѣ чтоша ее во многи дни, съ великимъ прилежаніемъ всяку вещь и всяко слово со опаствомъ разсуждающе», и обрѣли ее не только «безпорочну», но и достойною всякой похвалы и удивленія, и много благодарили Бога за такое безцѣнное сокровище. Затѣмъ, обсудивъ то, что сказано о крестномъ знаменіи въ трехъ статьяхъ, помѣщенныхъ въ приложеніи къ Скрижали, въ посланіи цареградскаго патріарха Паисія, въ словѣ иподіакона Дамаскина и въ отвѣтномъ посланіи четырехъ восточныхъ іерарховъ, находившихся въ Москвѣ, а съ другой стороны принимая во вниманіе, что до напечатанія псалтырей и другихъ книгъ, въ которыя внесено ученіе о двуперстіи, въ Россіи существовалъ древній обычай креститься тремя перстами, котораго многіе еще держались и тогда, во дни собора, соборъ постановилъ слѣдующее правило: «аще кто отселѣ, *вѣдый, непокорится* творити крестное изображеніе на лицѣ своемъ, якоже древле св. восточная церковь пріяла есть

и якоже нынѣ четыре вселенстіи патріарси, со всѣми сущими подъ ними христіаны, повсюду вселенныя обрѣтающимися, имѣютъ, и якоже здѣ прежде православніи содержаша, до напечатанія слова ѳеодоритова въ псалтыряхъ со возслѣдованіемъ московскія печати, еже треми первыми великими персты десныя руки изображати, во образъ святыя и единосущныя и нераздѣльныя и равнопоклоняемыя Троицы, но имать творити сіе непріятное церкви, еже соединя два малыя персты съ великимъ пальцемъ, въ нихъ же неравенство Св. Троицы извѣщается, и два великосредняя, простерта суща, въ нихъ же заключати два Сына и два состава, по несторіевѣ ереси, или инако изображати крестъ: сего имамы, послѣдующе св. отецъ седми вселенскихъ соборовъ и прочихъ помѣстныхъ правиломъ и св. восточныя церкве четыремъ вселенскимъ патріархомъ, всячески отлучена отъ церкве, вкупѣ и съ писаніемъ ѳеодоритовымъ, яко и на пятомъ (соборѣ) прокляша его ложная списанія на Кирилла архіепископа александрійскаго и на правую вѣру, сущая по несторіевѣ ереси, проклинаемъ и мы». Это правило свое, равно какъ и всю книгу «Скрижаль» съ приложеніями, всѣ, находившіеся на соборѣ, скрѣпили своими подписями, 2-го іюня 1656 года: такъ долго тянулся соборъ! А Никонъ напечаталъ и помѣстилъ сказаніе объ этомъ соборѣ, съ изложеніемъ своей рѣчи къ нему, въ самомъ началѣ тойже Скрижали, подъ заглавіемъ: «Слово отвѣщательно»... и велѣлъ выпустить книгу изъ типографіи въ свѣтъ ([115]). Такимъ образомъ еще въ 1656 году представители не только восточной православной, но и русской

([115]) Скрижаль, л. 1—21.

іерархіи изрекли уже проклятіе на *неповинующихся* церкви послѣдователей двуперстія въ крестномъ знаменіи и вообще на несоглашающихся креститься такъ, какъ издревле учила и учитъ св. церковь.

Въ томъ же году, 11 мая, въ воскресенье предъ вознесеніемъ, былъ у насъ еще соборъ, въ крестовой палатѣ патріарха, по вопросу о перекрещиваніи латинянъ-поляковъ, находившемуся въ тѣсной связи съ общимъ вопросомъ о совершавшемся тогда у насъ исправленіи и печатаніи церковныхъ книгъ. Извѣстно, что, по «соборному изложенію» и «указу» патріарха Филарета Никитича, у насъ перекрещивали всѣхъ латинянъ, въ случаѣ обращенія ихъ къ православію, и всѣхъ бѣлорусцевъ, даже православныхъ, но крещенныхъ чрезъ обливаніе, и что эти уложеніе и указъ внесены были, при патріархѣ Іоасафѣ, въ печатные требники: теперь, когда, въ числѣ другихъ книгъ, приступали къ пересмотру и требника, необходимо было рѣшить, оставить ли въ немъ эти статьи и при новомъ его изданіи, или опустить. Съ другой стороны, тогда только-что присоединилась къ московской державѣ Малороссія и присоединялась Бѣлоруссія, гдѣ всѣ жители, даже православные, крещены были чрезъ обливаніе; тогда приводили въ Москву множество плѣнныхъ поляковъ, изъ которыхъ иные изъявляли желаніе принять православіе, и постоянно возникалъ вопросъ, какъ же смотрѣть на всѣхъ этихъ обливанцевъ, справедливо ли крестить ихъ вновь. Потому-то еще на московскомъ соборѣ 1655 года занимались этимъ вопросомъ, и хотя отцы собора и самъ Никонъ согласились тогда съ мнѣніемъ патріарха Макарія, что поляковъ перекрещивать не должно, но на дѣлѣ не испол-

няли своего рѣшенія ([116]). Признано было нужнымъ заняться вновь обсужденіемъ этого предмета. На новый соборъ приглашены были всѣ русскіе архіереи; въ числѣ другихъ прибылъ и митрополитъ казанскій. Антіохійскій патріархъ Макарій и теперь настаивалъ, что латинянъ не слѣдуетъ крестить вторично, при обращеніи ихъ въ православіе, и имѣлъ жаркій споръ съ русскими іерархами. Онъ старался убѣдить ихъ ссылкою на ихъ собственныя книги закона и, кромѣ того, въ подтвержденіе своей мысли, представилъ выписку изъ какой-то древней греческой книги, принесенной съ Аѳона, представлявшую подробное изложеніе предмета, и тѣмъ заставилъ русскихъ архіереевъ невольно подчиниться истинѣ. Выписка эта, скрѣпленная подписью патріарха Макарія, была подана государю, переведена на русскій языкъ, напечатана и роздана по рукамъ, а государь издалъ указъ, которымъ запрещалось крещеніе поляковъ и другихъ послѣдователей тойже вѣры. Недовольствуясь всѣмъ этимъ, Макарій, вскорѣ уѣхавшій изъ Москвы, прислалъ еще письмо къ Никону о томъ же предметѣ изъ Терговищъ (отъ 25 дек. 1656 г.). Онъ писалъ, что какъ только достигъ Угровлахіи, то и тамъ всячески старался найдти что-либо для рѣшенія занимавшаго его вопроса и что угровлахійскій митрополитъ

([116]) А. Э. IV, № 332. Въ концѣ генваря 1656 года, изъ числа плѣнныхъ поляковъ вторично крещенъ былъ въ Москвѣ, съ соизволенія самого патр. Никона, великій гетманъ Павелъ Потоцкій; «воспріемникомъ его при крещеніи былъ тесть государя, и тогда его величество отдалъ Потоцкому въ управленіе всѣ его земли, оставивъ у себя въ залогъ его вѣрности только нѣсколько членовъ его семейства» *(Павла алепск.* Путеш. Макарія, кн. XIII, отд. 11. 14, въ т. II, 237. 255).

Стефанъ указалъ ему, Макарію, какой-то древній греческій и славянскій номоканонъ, совершенно разъяснившій ему истину. Калвинистовъ и лютеранъ должно перекрещивать: потому что они истинные еретики, священства не имѣютъ и не признаютъ за таинство, евангельское преданіе отвергаютъ, и крещеніе ихъ неправильно и несвященно. А латинянъ не должно перекрещивать: они имѣютъ священство и принимаютъ всѣ седмь таинствъ и всѣ седмь вселенскихъ соборовъ, поклоняются св. мощамъ и иконамъ и всѣ они крещены правильно во имя Отца и Сына и Св. Духа, съ призываніемъ Св. Троицы. Перекрещивать ихъ значило бы впадать въ ересь второкрещенцевъ и противорѣчить символу вѣры, гдѣ сказано: «исповѣдую едино крещеніе». Мы признаемъ ихъ священство, и никогда не хиротонисаемъ вновь латинскихъ священниковъ при обращеніи ихъ въ православіе: также должны признавать ихъ крещеніе. Они только схизматики; а схизма не творитъ человѣка невѣрнымъ и некрещеннымъ, а творитъ только отлученнымъ отъ церкви. Самъ Маркъ ефесскій, сопротивникъ латинянъ, никогда не требовалъ перекрещиванія ихъ и признавалъ крещеніе ихъ правильнымъ и проч. ([117]).

Между тѣмъ, послѣ изданія первой новоисправленной книги — Служебника, продолжалось исправленіе и печатаніе и

([117]) *Павла алепп.* Путешеств. Макарія, кн. XIV, отд. 8, въ т. II, 296—297. Подлинное письмо, на славянскомъ языкѣ, патр. Макарія къ Никону изъ Терговищъ находится въ моск. синод. библ., по каталогу рукописей 1823 г., за № 3. Тогда же и такое же письмо прислалъ Макарій и къ царю—моск. главн. арх. м. и. д., дѣла греч., связк. 35, № 24 (*у Мурав.* Сношен. съ Восток. III. 797 об.—801).

другихъ церковныхъ книгъ. Въ мартѣ 1656 года вышла изъ типографіи Тріодь постная, и въ послѣсловіи книги справщики свидѣтельствовали, что исправляли ее, по благословенію патріарха Никона и всего освященнаго собора, «съ греческихъ и харатейныхъ славенскихъ и сербскихъ древнихъ книгъ, отъ себе же ничтоже совнесоша». Въ маѣ тогоже года напечатанъ Ирмологій, вновь переведенный съ греческаго, и переводчики, прося себѣ прощенія въ недостаткахъ, какіе замѣчены будутъ въ этой книгѣ, говорили въ свое оправданіе: «многія и иныя книги, яже исправляхомъ, во время дѣланія ея, не мало препяша насъ добрѣ исправити ю»,— значитъ, работа по исправленію книгъ велась тогда въ больщихъ размѣрахъ. Въ томъ же году выпущенъ былъ изъ печати новоисправленный Часословъ, и приготовленъ былъ къ печатанію Требникъ, другая важнѣйшая богослужебная книга послѣ Служебника. По важности ея, она была пересмотрѣна на соборѣ, бывшемъ въ октябрѣ 1656 года, и въ соборномъ актѣ сказано: «переведше отъ греческихъ древле-писанныхъ книгъ на хартіяхъ св. книгу Требникъ, прочтохомъ ю на соборѣ со всякимъ прилѣжнымъ вниманіемъ и судивше ю издати во типографію, елицы чины и дѣянія разумѣхомъ правы быти. Егда же сія книга Потребникъ, Божіею благодатію и нынѣшнимъ нашимъ соборнымъ дѣяніемъ исправленная, изъ печати издана будетъ, да не ктому кто начнетъ, развѣ сея исправленныя книги, дѣйствовати церковныхъ таинствъ». Въ 1657 г. напечатаны: Псалтырь слѣдованная, послѣ «прилѣжнаго исправленія съ греческихъ книгъ»; Евангеліе напрестольное и Апостолъ, и вновь изданъ Ирмологій. Въ 1658 г. напечатанъ, наконецъ, исправленный и разсмо-

трѣнный на соборѣ Требникъ и вновь изданы исправленные: Служебникъ и слѣдованная Псалтырь ([118]).

Вмѣстѣ съ исправленіемъ церковныхъ книгъ Никонъ старался исправлять и церковные обряды и обычаи и согласовать ихъ съ обрядами и обычаями церкви греческой: съ этою цѣлію онъ весьма часто приглашалъ антіохійскаго патріарха Макарія служить съ собою, внимательно присматривался къ его службѣ, замѣчалъ ея особенности, разспрашивалъ о каждой особенности и просилъ его: «когда вы что либо замѣтите неправильное въ нашихъ обрядахъ, говорите намъ, чтобы мы могли сообразжаться съ вами въ правильномъ совершеніи ихъ». И, по указаніямъ Макарія, Никонъ дѣйствительно исправилъ нѣкоторые обряды: напримѣръ, ввелъ или возстановилъ въ русской церкви обычай раздаянія антидора за каждою литургіей; призналъ справедливымъ, при обрядѣ освященія елея въ великій четвергъ, вливать въ елей вино, примѣнительно къ евангельскому сказанію о милосердомъ самарянинѣ, возлившемъ на раны больнаго масло и вино, и проч. ([119]). Но еще болѣе, чѣмъ указаніямъ Макарія, Никонъ давалъ вѣру древнимъ греческимъ книгамъ. Въ одной изъ такихъ книгъ, привезенныхъ съ св. горы аѳонской, онъ на-

---

([118]) Дополн. къ Опис. старопеч. книгъ гр. Толстова и Царскаго, №№ 91. 92. 94; Хронологич. Указатель славяно-русск. книгъ церковной печати, №№ 712. 722. 723. 725. 737. 738 — 740; Опис. старопеч. книгъ гр. Толстова, № 121; Опис. рукоп. моск. синод. библ., III, I, № 379. Соборное постановленіе о печатаніи новоисправленнаго Требника—въ Матер. для истор. русск. раскола, I, 13—14.

([119]) *Павла алепп.* Путеш. Макарія, кн. X, отд. 12; кн. XIV, отд. 7, въ т. II, 94. 290.

шелъ свидѣтельство будтобы Еводія, патріарха константинопольскаго, что освященіе воды на праздникъ крещенія Господня должно совершать только однажды, и именно въ навечеріи праздника, и не въ церкви, а на рѣкѣ. И, несмотря на то, что дотолѣ и у насъ и на востокѣ было въ обычаѣ совершать водоосвященіе дважды: въ навечеріи крещенія въ церкви и въ самый день крещенія на рѣкѣ, а также, несмотря на всѣ убѣжденія Макарія, не отступать отъ этого обычая, Никонъ рѣшился отступить. Онъ созвалъ 16 декабря 1655 г., съ соизволенія государя, небольшой соборъ, на которомъ присутствовали два митрополита — ростовскій Іона и крутицкій Питиримъ, одинъ архіепископъ—тверскій Лаврентій и одинъ епископъ — коломенскій Александръ и девятнадцать архимандритовъ, игуменовъ и московскихъ протопоповъ. На соборѣ было постановлено: «по древнему преданію св. восточной церкви въ навечеріи Богоявленія Господня, по совершеніи божественной литургіи, исходить ко крестильницѣ (на рѣки или источники) и тамъ совершать водоосвященіе по чину, а въ самый день Богоявленія къ крестильницѣ не исходить и водоосвященія не совершать,— ибо едино крещеніе, по апостолу, а не два, да и древній чинъ восточной церкви такъ повелѣваетъ. Если же кто этого древняго преданія церкви не послушаетъ, да будетъ повиненъ церковной казни, т. е. проклятію и отлученію». Соборное постановленіе Никонъ разослалъ тотчасъ же по всѣмъ епархіямъ для надлежащаго руководства. Равно и самъ въ Москвѣ, вмѣстѣ съ патріархомъ Макаріемъ и въ присутствіи государя, совершилъ водоосвященіе только въ навечеріи крещенія въ насту-

пившемъ 1656 г. ([120]). Впослѣдствіи соборъ 1667 года отмѣнилъ это рѣшеніе патріарха Никона. Очень любопытенъ разсказъ Павла алеппскаго о томъ, какъ перемѣнилъ Никонъ русскій монашескій клобукъ (точнѣе — камилавку вмѣстѣ съ клобукомъ) на греческій. Послѣдній, по своей формѣ, очень нравился Никону, тогда какъ русскій очень не нравился. Но надѣть на себя греческій клобукъ Никонъ боялся, чтобы не подвергнуться нареканіямъ народа за отступленіе отъ древняго обычая. И что же придумалъ? Онъ велѣлъ приготовить себѣ греческіе камилавку и клобукъ, только бѣлый и съ изображеніемъ на немъ херувима, вышитаго золотомъ и жемчугами, и тайно перенесть въ ризницу успенскаго собора. Насталъ большой праздникъ въ честь святителя Петра (21 дек. 1655 г.), всегда совершавшійся въ Москвѣ съ особенною торжественностію. Въ успенскомъ соборѣ литургію совершали всѣ три патріарха со множествомъ духовенства, въ присутствіи многочисленнаго народа и самого государя. Когда литургія окончилась, и патріархи, разоблачившись, вышли изъ алтаря, чтобы привѣтствовать государя, Макарій антіохійскій, предварительно упрошенный Никономъ и держа въ рукахъ приготовленный для послѣдняго новый клобукъ и камилавку, сказалъ государю: «насъ четыре патріарха въ православномъ мірѣ, и всѣ мы имѣемъ одинаковую одежду; съ нашего согласія и соизволенія сей братъ нашъ провозглашенъ патріархомъ московскимъ на мѣсто папы римскаго; особенность же

([120]) *Павла алепп.* Путеш. Макарія, кн. XIII, отд. 11; кн. XIV, отд. 7, въ т. II, 237. 290; А. Э. IV, № 333. Постановленіе этого небольшаго собора, за подписями лицъ, на немъ присутствовавшихъ, въ позднѣйшемъ спискѣ, есть въ нашей библіотекѣ.

папы состояла въ томъ, что онъ отличался отъ насъ своею бѣлою одеждою. Если твоему величеству будетъ благоугодно, то я желалъ бы, чтобы и вашъ патріархъ, подобно намъ, надѣлъ на себя и носилъ эту камилавку и клобукъ, которые я изготовилъ для него». Царь отвѣчалъ: «добро, батюшка», и, принявъ отъ него камилавку и клобукъ, поцѣловалъ ихъ и велѣлъ Никону снять прежніе камилавку и клобукъ и надѣть новые. Никонъ былъ въ восхищеніи: потому что новый головной уборъ, какъ нельзя болѣе, пришелся къ лицу его и осанкѣ. Бывшіе при этомъ архіереи и прочее духовенство, равно и весь народъ, тотчасъ же начали роптать за такое отступленіе отъ стараго русскаго обычая; но роптали тихо, боясь гнѣва государева. А чрезъ нѣсколько времени и всѣ владыки, всѣ иноки пожелали также перемѣнить свои камилавки и клобуки на греческіе; многіе обращались съ просьбою къ самому патріарху Макарію снабдить ихъ такими клобуками. Скоро пришла вѣсть въ Москву, что въ троицесергіевомъ монастырѣ всѣ монахи, числомъ до пяти сотъ, пожелали также перемѣнить, съ благословенія патріарха, прежніе камилавки и клобуки на новые греческіе. А когда патріархъ Макарій посѣтилъ Новгородъ (въ концѣ августа и началѣ сентября 1655 г.), то его просили о томъ же два архимандрита важнѣйшихъ новгородскихъ монастырей, хутынскаго и юрьевскаго, и Макарій разрѣшилъ и благословилъ (121). Такимъ-то образомъ русскіе, по своей привычкѣ

(121) *Павла алепп.* Путеш. Макарія, кн. XIII, отд. 8, въ т. II, 227—229. Въ рукописи московской синодальной библіотеки, № 93, съ самаго начала помѣщена «книга записная облаченіемъ и дѣйству великаго государя, свя-

къ извѣстнымъ церковнымъ обрядамъ и обычаямъ, естественно съ недовѣріемъ и ропотомъ встрѣчавшіе всякія перемѣны въ нихъ, производимыя Никономъ, мало по малу мирились съ послѣдними и принимали ихъ.

Мирились, но не всѣ. Мы видѣли, что еще въ 1653 году, едва Никонъ издалъ первую свою «память» о поклонахъ, какъ на него возстали четыре протопопа, считавшіеся прежде его друзьями, а потомъ сдѣлавшіеся его врагами, когда онъ взошелъ на патріаршую каѳедру и будтобы возгордился предъ ними; видѣли, какъ рѣзко высказывали они Никону свои укоризны и сопротивленіе и какъ строго онъ наказалъ ихъ. Главнѣйшій изъ этихъ протопоповъ, Иванъ Нероновъ, сосланъ былъ (4 авг. 1653 г.) на кубенское озеро въ спасо-каменскій монастырь подъ строгое начало на черныя службы. А между тѣмъ принятъ былъ въ монастырѣ настоятелемъ, архимандритомъ Александромъ, съ знаками особеннаго почета. Настоятель далъ ему не только келью, но и слугу, велѣлъ носить ему въ келью изъ монастырской кухни лучшую пищу, а въ церкви ставилъ его выше даже келаря. Нероновъ скоро началъ вмѣшиваться въ монастырскія дѣла, указывать настоятелю, что

тѣйшаго Никона, архіепископа царствующаго града Москвы и всея великія и малыя и бѣлыя Россіи патріарха». Въ книгѣ кратко записаны выходы и служенія Никона съ 10 декабря 1655 года, съ перерывами, до недѣли православія 1658 года (л. 1—129). Здѣсь, при описаніи патріаршаго служенія литургіи, въ 21 день декабря 1655 года, въ успенскомъ соборѣ, сказано только, что, по отпустѣ, разоблачась, «антіохійскій патр. Макарей поднесъ государю святѣйшему патріарху (Никону) клобукъ бѣлый греческаго переводу, а сербскій патріархъ Гавріилъ поднесъ ему шапочку греческую (камилавку)», и что Никонъ, возвратившись изъ собора въ свою крестовую палату, въ сопровожденіи своей свиты, «пожаловалъ своего архидіакона и іеродіакона греческими клобуками и камилавками» (л. 4 об.—6).

читать за церковными службами, укорять его за безчиніе въ церкви, за поѣздки его изъ обители, за то, что онъ кормилъ рыбою монаховъ въ посты, а монаховъ укорять за ихъ пьянство и небрежность въ богослуженіи. Эти укоризны на страстной седмицѣ до того усилились, что архимандритъ въ великій пятокъ, по окончаніи службы, вышелъ изъ алтаря съ попами и дьяконами и сталъ кричать: «доколѣ намъ терпѣть отъ протопопа Іоанна? Онъ противится церкви». И запретили ему ходить въ церковь, прогнали отъ него всѣхъ слугъ и оставили его одного въ кельѣ. Но не столько эти, сколько другія дѣйствія Неронова въ каменскомъ монастырѣ должны были огорчать патріарха Никона, къ которому послалъ теперь настоятель монастыря донесеніе о Нероновѣ. Нероновъ, проживая на кубенскомъ озерѣ, въ вологодскомъ уѣздѣ, въ не очень далекомъ разстояніи отъ Москвы, удобно пересылалъ въ Москву свои письма къ царю, царицѣ, царскому духовнику Вонифатьеву, и другимъ близкимъ своимъ знакомымъ, и въ этихъ письмахъ постоянно хулилъ Никона, какъ врага Божія, и возставалъ противъ начатаго имъ исправленія церковныхъ обрядовъ. Къ Неронову, въ каменскомъ монастырѣ, удобно пріѣзжали «отъ всѣхъ четырехъ странъ боголюбцы, многихъ градовъ люди и дворяне, посѣщенія ради», и, безъ сомнѣнія, слышали отъ него такія же хульныя рѣчи противъ патріарха. Нашелъ возможность посѣтить здѣсь Неронова и одинъ изъ ближайшихъ его единомышленниковъ, протопопъ Логгинъ, хотя былъ сосланъ въ муромскіе предѣлы подъ строгій надзоръ своего отца ([122]). Пришелъ сюда къ Неро-

([122]) Матеріалы для истор. русск. раскола, I, 106. 112—118. Нѣкоторые

нову и остался при немъ, въ качествѣ ученика и писца, игуменъ московскаго златоустова монастыря Ѳеоктистъ, который первый изъ монашествующаго духовенства присталъ къ четыремъ протопопамъ, врагамъ Никона. Послѣ этого не удивительно, если Никонъ, получивъ отъ настоятеля каменскаго монастыря донесеніе о Нероновѣ, далъ указъ (1 іюля 1654 г.) сослать Неронова на отдаленный сѣверъ въ кандалакшскій монастырь и тамъ держать его на цѣпи, въ желѣзахъ, и чернилъ ему не давать. Отправившись въ путь, Нероновъ остановился на время въ Вологдѣ, и отправилъ отсюда (13 іюля) два посланія: одно къ царскому духовнику, котораго извѣщалъ, что «грядетъ на мученія, въ дальнія страны заточаемъ»; другое, окружное, ко всей «братіи, боголюбцамъ царствующаго града Москвы и прочихъ градовъ и всѣхъ

изъ жителей Мурома, послѣ того, какъ протопопъ Логгинъ былъ осужденъ и удаленъ отъ нихъ, подали о немъ просьбу архіепископу рязанскому и муромскому Мисаилу, въ которой, какъ обыкновенно бываетъ, всячески восхваляли того, о комъ просили, и порицали своихъ противниковъ, способствовавшихъ его осужденію. И именно говорили, что Логгинъ—мужъ учительный «по вся дни и нощи и часы» проповѣдывалъ слово Божіе, вразумлялъ невѣжественныхъ, а «враговъ Божіихъ, церковныхъ мятежниковъ, противящихся преданію св. апостолъ, обличалъ и отъ стада Христова отгонялъ»; что эти-то злые люди, не терпя его обличеній, возстали на пастыря своего и сдѣлали на него доносъ (извѣстный уже намъ), а соборный попъ Иванъ Сергѣевъ, желая быть протопопомъ на мѣстѣ Логгина, «выманивъ у стороннихъ людей писаніе, ему протопопу Логгину на укорязну», приложилъ писаніе это къ доносу, и что, по удаленіи Логгина изъ Мурома, въ городѣ открылись безпорядки: «въ православной вѣрѣ христіаномъ раздѣленіе», и церковные мятежники возстали на послѣдователей благочестія, такъ что многимъ приходится бѣжать. Вслѣдствіе всего этого и просили возвратить въ Муромъ протопопа Логгина (напечат. въ «Историч. Описаніи рязанской іерархіи», стр. 97—112, изд. 1820 г.). Но эта просьба, конечно, осталась безъ удовлетворенія: протопопъ Логгинъ былъ судимъ, и осужденъ на соборѣ самимъ патр. Никономъ, и мѣстный епархіальный архіерей не могъ измѣнить такого рѣшенія.

купно странъ», убѣждая своихъ духовныхъ друзей, чтобы они не скорбѣли о немъ, а радовались, чтобы *облеклись во вся оружія Божія противу козней діавольскимъ*, и блюли себя отъ злыхъ дѣлателей. Кромѣ того, находясь въ Вологдѣ и посѣтивъ софійскій соборъ, Нероновъ позволилъ себѣ, по окончаніи литургіи, произнесть здѣсь всенародно слѣдующую рѣчь: «священники и всѣ церковныя чада! Завелись у насъ новые еретики (такъ называлъ онъ Никона); мучатъ православныхъ христіанъ, творящихъ поклоны по отеческимъ преданіямъ, а также сложеніе перстовъ (для крестнаго знаменія) толкуютъ развращенно по своему умыслу». Затѣмъ, въ крестовой архіерейской церкви, предъ соборомъ всѣхъ властей, говорилъ: «далъ благочестивый царь-государь Алексѣй Михайловичъ волю тебѣ (т. е. Никону), и ты, зазнавшись, творишь всякія поруганія, а ему-государю сказываешь: я-де дѣлаю по евангелію и по отеческимъ преданіямъ. Но ты творишь такъ, какъ сказано въ евангеліи: поругалися жидове истинному Христу... Да будетъ время, и самъ изъ Москвы побѣжишь, никѣмъ же гонимъ, токмо Божіимъ изволеніемъ. Да и нынѣ всѣмъ вамъ говорю, что если онъ насъ посылаетъ вдаль, то вскорѣ и самому ему бѣгать. Да и вы если о томъ станете молчать, всѣмъ вамъ пострадать. Не однимъ вамъ говорю, но и всѣмъ на Москвѣ и на другихъ мѣстахъ: за молчаніе всѣмъ злѣ страдать». Когда о тѣхъ рѣчахъ донесено было дьяку съѣзжей избы въ Вологдѣ, то онъ устрашился, и поспѣшилъ выпроводить Неронова изъ Вологды въ дальнѣйшій путь ([123]).

([123]) Матеріалы для истор. раскола, I, 91—108. 119. 283.

Къ сожалѣнію, зло, посѣянное Нероновымъ въ Москвѣ, успѣло уже немало распространиться, и вражда противъ патріарха скоро обнаружилась. Царь въ то время находился на войнѣ; къ концу іюля, по случаю появившейся въ Москвѣ моровой болѣзни, уѣхалъ изъ Москвы, вмѣстѣ съ царскимъ семействомъ, и патріархъ Никонъ. Повѣтріе усиливалось; народъ молился въ храмахъ. Въ 25 день августа, вмѣстѣ съ народомъ, присутствовалъ въ успенскомъ соборѣ за литургіей и московскій воевода, князь Пронскій съ товарищами, которому царь поручилъ свою столицу. Когда Пронскій вышелъ изъ церкви, то увидѣлъ подлѣ нея множество народа изъ разныхъ слободъ. Земскіе люди, держа въ рукахъ икону «Спасъ нерукотворенный», на которой ликъ былъ соскребенъ, приблизились къ боярину и начали говорить: «взятъ былъ этотъ образъ на патріарховъ дворъ у тяглеца новгородской сотни Софрона Лапотникова, и отданъ ему образъ изъ тіунской избы для переписки; лице выскребено, а скребли образъ по патріархову указу». (Это, очевидно, былъ одинъ изъ тѣхъ образовъ латинскаго письма, которые, какъ мы уже упоминали, отобраны были, по приказанію Никона, у владѣльцевъ, выскоблены и потомъ возвращены имъ для написанія православныхъ иконъ). Лапотниковъ присовокупилъ: «мнѣ было отъ этого образа явленіе; приказано показать его мірскимъ людямъ, а мірскіе люди за такое поруганіе должны стать». И изъ толпы послышались голоса: «на всѣхъ теперь гнѣвъ Божій за такое поруганіе; такъ дѣлали иконоборцы. Во всемъ виноватъ патріархъ, держитъ онъ вѣдомаго еретика, старца Арсенія, далъ ему волю, велѣлъ ему быть у справки печатныхъ книгъ, и тотъ чернецъ много книгъ перепортилъ (а

между тѣмъ Арсеній и не могъ еще тогда перепортить книгъ, еслибы даже и хотѣлъ; ни исправленіе, ни печатаніе книгъ въ августѣ 1654 г. еще не начались; былъ только соборъ въ Москвѣ, рѣшившій исправлять книги; въ Царьградъ только еще посланы были о томъ вопросы: такъ-то преувеличивали дѣло и обманывали народъ враги Никона!); ведутъ насъ къ конечной гибели, а тотъ чернецъ за многія ереси, вмѣсто смерти, сосланъ былъ въ соловецкій монастырь. Патріарху пристойно было быть въ Москвѣ и молиться за православныхъ христіанъ; а онъ Москву покинулъ, и попы, смотря на него, многіе отъ приходскихъ церквей разбѣжались; православные христіане умираютъ безъ покаянія и безъ причастія. Напишите, бояре, къ государю царю, къ царицѣ и царевичу, чтобъ до государева указа патріархъ и старецъ Арсеній куда нибудь не ушли». Пронскій съ товарищами старался всячески успокоить народъ и говорилъ: «святѣйшій патріархъ пошелъ изъ Москвы по государеву указу, и когда сотскіе приходили къ нему бить челомъ, чтобы онъ въ нынѣшнее время изъ Москвы не уѣзжалъ, то патріархъ казалъ имъ грамату, что онъ идетъ по государеву указу, а не по своей волѣ». Толпы разошлись спокойно; но въ тотъ же день снова собрались у краснаго крыльца съ иконными досками, на которыхъ лики были соскребены, и кричали: «мы разнесемъ эти доски во всѣ сотни и слободы, и завтра придемъ къ боярамъ по этому дѣлу». Пронскій поспѣшилъ отписать къ царицѣ, царевичу и патріарху Никону, находившимся еще въ троице-сергіевомъ монастырѣ, и, по ихъ приказу, призвалъ къ себѣ сотскихъ и старостъ и лучшихъ людей черныхъ сотенъ и слободъ, и убѣждалъ ихъ, чтобы они не приставали къ совѣту худыхъ

людей, уговорили свою братью отстать отъ такого злаго начинанія, и заводчиковъ воровства выдали боярамъ. Заводчиками оказались три купца гостиной сотни Запка, Баевъ и Нагаевъ; а кто стоялъ за этими купцами, кто настроилъ ихъ и ихъ сообщниковъ противъ Никона, осталось неизвѣстнымъ ([124]). Чрезъ нѣсколько дней, въ началѣ сентября, явилась какая-то женка Стефанида калужанка съ братомъ Терешкою, и оба начали разглашать, что имъ было видѣніе и велѣно книгъ не печатать и печатный дворъ запечатать. Пронскій допросилъ ихъ и распросныя рѣчи отослалъ къ царицѣ съ царевичемъ и Никону, отъ которыхъ и получилъ отвѣтъ: «та женка съ братомъ своимъ Терешкою въ рѣчахъ своихъ рознились: женка указывала въ видѣніи на образъ великом. Параскевы, именуемой Пятницею; а братъ ея Терешка указывалъ на образъ пречистыя Богородицы; да женка-жъ сказывала, что тотъ братъ ея отъ роду былъ нѣмъ, а Терешка самъ про себя сказалъ, что онъ говорилъ нѣмо, а не нѣмъ былъ. И то знатно, что они солгали, и вы бъ впредь такимъ небыличнымъ врагамъ не вѣрили. А что они въ рѣчахъ своихъ говорили, чтобъ запечатать книги: то печатный дворъ запечатанъ давно и книгъ печатать не велѣно для мороваго повѣтрія, а не для ихъ бездѣльныхъ вракъ» ([125]).

Прошло болѣе года, какъ Нероновъ сосланъ былъ въ отдаленную кандалакшскую обитель. И хотя приказано было держать его тамъ на цѣпи и не давать ему чернилъ, но онъ

([124]) Столбцы приказа тайныхъ дѣлъ въ госуд. архивѣ, № 67. Снес. примѣч. 46 и текстъ, къ которому оно относится.

([125]) Дополн. къ А. И. III, № 119, ст. VI, стр. 446.

и оттуда, въ 1655 г., имѣлъ письменныя сношенія съ царскимъ духовникомъ Вонифатьевымъ и съ братьями Плещеевыми въ Москвѣ, и прислалъ, за своею рукою, какія-то тетради архимандриту переславльскаго данилова монастыря Тихону. Десятаго же числа августа тогоже года Нероновъ бѣжалъ изъ своего заточенія съ тремя своими работниками и духовными дѣтьми. На пути съ честію былъ принятъ архимандритомъ соловецкаго монастыря Иліею и, снабженный всѣмъ, потребнымъ въ дорогѣ, отпущенъ на богомольной ладьѣ. Не доѣзжая до Архангельска, вышелъ на берегъ и съ однимъ изъ работниковъ пѣшкомъ отправился въ Москву, куда и прибылъ благополучно, между тѣмъ какъ два остальные работника, пошедшіе другою дорогой, были задержаны въ Холмогорахъ и заключены въ темницу. Въ Москвѣ Нероновъ остановился прямо у царскаго духовника Вонифатьева, и много дней жилъ у него, тайно отъ патріарха; видѣлся здѣсь съ многими своими единомышленниками и самъ посѣщалъ ихъ домы. Вонифатьевъ доложилъ о приходѣ Неронова государю, и государь не только не сказалъ о томъ Никону, а еще послалъ грамату въ Холмогоры, чтобы освободили изъ темницы двухъ работниковъ Неронова. Такимъ образомъ, Вонифатьевъ и царь, хотя, повидимому, держали сторону Никона въ дѣлѣ исправленія книгъ, но тайно покровительствовали и Неронову въ его противодѣйствіяхъ Никону. Въ 25 день декабря 1655 г., т. е. на самый праздникъ рождества Христова, Нероновъ постриженъ былъ въ монашество архимандритомъ переславльскаго данилова монастыря Тихономъ въ соборной монастырской церкви, по совѣту и по собственноручной отпискѣ государева духовника, протопопа Стефана, и нареченъ

Григоріемъ. Послѣ постриженія прожилъ еще сорокъ дней у протопопа Стефана въ кельѣ, у благовѣщенія пресвятыя Богородицы, что у государя на сѣняхъ. А потомъ, въ началѣ февраля 1656 года, удалился на житье въ спасо-ломовскую игнатіеву пустынь, гдѣ погребены были его родители, и куда нерѣдко ѣздилъ онъ и въ прежнее время. Между тѣмъ Никонъ, какъ только получилъ извѣстіе о побѣгѣ Неронова изъ кандалакшскаго монастыря, повсюду разослалъ свои приказы и гонцовъ, чтобы схватить его; строго наказалъ игумена и иноковъ кандалакшскаго монастыря и даже архимандрита соловецкаго монастыря Илію; но всѣ наказанія и поиски не привели ни къ чему. Никонъ узналъ о мѣстопребываніи Неронова, когда уже онъ, сдѣлавшись инокомъ, поселился въ игнатіевой пустыни. Патріаршіе боярскіе дѣти немедленно явились туда, чтобы взять бѣглеца; но онъ удалился въ сосѣднюю весь Телепшино, гдѣ крестьяне скрыли его и не захотѣли выдать посланнымъ отъ патріарха, несмотря на всѣ ихъ усилія, и даже оскорбили ихъ ([126]). Тогда-то Никонъ рѣшился созвать соборъ въ Москвѣ, чтобы судить Неронова заочно. Соборъ состоялся 18 мая 1656 г., въ воскресный день послѣ вознесенья. На соборѣ, вмѣстѣ съ патріархомъ Никономъ, присутствовалъ и антіохійскій патріархъ Макарій,—и это было уже послѣднее личное участіе его въ тогдашнихъ соборахъ нашихъ, потому что чрезъ десять дней онъ уѣхалъ изъ Москвы на родину, щедро надѣленный царемъ и нашимъ патріархомъ ([127]). Присутствовали также

([126]) Матеріал. для истор. русск. раскола, I, 137—144. 283; Правосл. Собесѣдн. 1858, II, 586—589.

([127]) Антіохійскій патріархъ Макарій уѣхалъ-было изъ Москвы 25 марта

митрополиты: никейскій Григорій, молдавскій Гедеонъ, а изъ русскихъ — новгородскій Макарій, казанскій Корнилій, ростовскій Іона, архіепископы: суздальскій Іосифъ, тверскій Лаврентій, астраханскій Іосифъ, псковскій Макарій, и епископъ коломенскій Александръ, также множество архимандритовъ, игуменовъ, протопоповъ, поповъ и дьяконовъ. Неронову вмѣнили въ вину то, что онъ: а) будучи сосланъ въ монастырь, не испросилъ себѣ прощенія у святаго собора, но бѣжалъ изъ монастыря и, обходя тайно разныя мѣста, возмущаетъ неутвержденныя въ вѣрѣ души; б) написалъ многое ложное о государѣ царѣ Алексіѣ Михайловичѣ, о патріархѣ Никонѣ и о всѣхъ четырехъ вселенскихъ патріархахъ, отметаясь греческаго православія, и укорилъ старыя св. книги, писанныя на хартіяхъ за двѣсти, триста, пятьсотъ и болѣе лѣтъ; в) не испросивъ благословенія и не примирившись съ св. церковію, постригся отъ своего единомысленника, архимандрита переславльскаго данилова монастыря

1656 года, получивъ отъ государя, при прощаніи, соболями на три тысячи руб., кромѣ разныхъ другихъ подарковъ. Но едва достигъ Болхова, какъ долженъ былъ, по приглашенію государя, воротиться въ Москву, и окончательно выѣхалъ изъ нея 29-го мая тогоже года, послѣ троицына дня въ четвергъ (*Павла алепп.* Путеш. Макарія, кн. XIV, отд. 3. 6. 10, въ т. II, 275—277. 286—289. 303). Сербскій патріархъ—архіепископъ Гавріилъ, очень тяготившійся строгостями жизни, которымъ долженъ былъ подчиняться въ Москвѣ, отпросился на богомолье въ Іерусалимъ, и еще 5 февраля 1656 г. имѣлъ прощальную аудіенцію у государя, а къ концу марта совсѣмъ уѣхалъ изъ Москвы. При прощаніи, государь пожаловалъ ему соболями только на четыреста рублей, какъ обыкновенно жаловалъ архіепископамъ и митрополитамъ, и потомъ уже, по особымъ просьбамъ Гавріила, велѣлъ дать ему деньгами на саккосъ и подризникъ, подарилъ митру, посохъ и нѣсколько церковныхъ книгъ, а также изъ конюшни своей иноходца (москов. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла греч., связк. 32, № 15).

Тихона (это второе лице изъ монашествующаго духовенства, открыто присоединившееся къ четыремъ протопопамъ, враждебнымъ Никону). Вслѣдствіе всѣхъ означенныхъ винъ соборъ судилъ отсѣчь Неронова, съ его единомысленниками, отъ св. церкви и постановилъ: «Иванъ Нероновъ, иже нынѣ въ черицахъ Григорій, и съ своими единомысленники, иже непокоряющеся святому собору, отъ святыя единосущныя Троицы и отъ св. восточныя церкве да будутъ прокляти» ([128]). И если соборъ московскій 1656 года, начавшійся 23 апрѣля и закончившійся 2 іюня, изрекъ анаѳему, какъ мы видѣли собственно на неповинующихся церкви въ сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія, то настоящій соборъ изрекъ проклятіе вообще на единомысленниковъ Неронова, какъ не покоряющихся церкви во всемъ, въ чемъ не поко-

---

([128]) *Павла алепп.* Путеш. Макарія, кн. XIV, отд. 9, въ т. II, 300. Подлинный актъ этого собора напечатанъ въ Матеріал. для истор. русск. раскола, I, 124—133. Въ «записной книгѣ облач. и дѣйствъ патр. Никона» написано, что мая въ 18 день (1656 г.), въ седьмую недѣлю по пасхѣ, благовѣстъ къ литургіи въ соборной церкви былъ очень продолжительный: «понеже соборъ былъ со властьми въ крестовой (патріаршей) палатѣ въ благовѣстъ на бывшаго протопопа преч. Богородицы казанскія Ивана Неронова». По окончаніи собора Никонъ служилъ въ соборной церкви, вмѣстѣ съ патр. Макаріемъ, литургію, и во время малаго выхода, съ евангеліемъ, повелѣлъ своему архидіакону «взыти на амвонъ и чести вся вины написанныя бывшаго протопопа Ивана Неронова, что онъ протопопъ ему, великому государю, и всему освященному собору не покорнется, да и св. соборъ весь укоряетъ. А по прочтеніи его Нероновыхъ винъ велѣлъ архидіакону возгласить: да будетъ проклятъ. И повелѣлъ государь патріархъ и антіохійскій патріархъ всему освященному собору пѣти: да будетъ проклятъ. И по нихъ пѣли дьяки пѣвчіе по крилосамъ: да будетъ проклятъ. И потомъ пѣли подъяки среди церкве: да будетъ проклятъ. И паки пѣли власти всѣ соборомъ: да будетъ проклятъ. И паки—дьяки и подъяки трижды» (Рукоп. москов. синод. библ. № 93, л. 65 об.—68).

рялся церкви Нероновъ и въ чемъ доселѣ не покоряются его послѣдователи: съ этого собора началось дѣйствительное отдѣленіе русскихъ раскольниковъ отъ православной церкви, начался русскій расколъ.

Инокъ Григорій Нероновъ, проживая въ игнатьевой пустыни или скрываясь въ другомъ мѣстѣ, можетъ быть, и не слышалъ о соборномъ на него проклятіи. Но когда чрезъ нѣсколько времени онъ прибылъ въ Москву, то близкіе къ нему люди начали умолять его, чтобы онъ показался патріарху Никону, хотя другіе совѣтовали беречься. Григорій рѣшился идти къ Никону, взявъ съ собою недавно-изданную книжку «Скрижаль», которая произвела на него глубокое впечатлѣніе. Въ ней было напечатано, что креститься должно тремя перстами, что о томъ писали Никону всѣ четыре патріарха, а непокорныхъ предали клятвѣ, и Григорій сталъ размышлять: «кто я окаянный? Не хочу творить раздора со вселенскими патріархами, не буду имъ противенъ: ради чего мнѣ быть у нихъ подъ клятвою?» И 4-го генваря 1657 года пришелъ Григорій на патріаршій дворъ, сталъ у крестовой палаты и поклонился Никону, когда онъ шелъ къ божественной литургіи. Никонъ спросилъ: «что ты за старецъ?» «Я тотъ, отвѣчалъ Григорій, кого ты ищешь, — казанскій протопопъ Іоаннъ, въ иночествѣ Григорій». Никонъ пошелъ въ церковь, а Григорій, идя предъ нимъ, говорилъ: «что ты одинъ ни затѣваешь, то дѣло не крѣпко; по тебѣ будетъ иной патріархъ, все твое дѣло передѣлывать станетъ: иная тебѣ тогда честь будетъ, святый владыко». Никонъ вошелъ въ соборную церковь, а Григорій остановился на порогѣ церковномъ. По окончаніи литургіи, патріархъ велѣлъ Григорію

идти за собою въ крестовую. Здѣсь Григорій началъ говорить: «ты, святитель, приказалъ искать меня по всему государству и многихъ изъ-за меня обложилъ муками... Вотъ я предъ тобою: что хочешь со мною дѣлать? Вселенскимъ патріархамъ я не противлюсь, а не покорялся тебѣ одному... Ты писалъ на меня, какъ напечатано въ книгѣ «Скрижаль», ко вселенскимъ патріархамъ, что мы мятежъ творимъ и противимся тебѣ въ вещахъ церковныхъ; а патріархи тебѣ отвѣчали, что подобаетъ креститься тремя перстами, не покоряющихся же заповѣдали предать проклятію и отлученію. Если ты съ ними согласенъ, то я этому не противлюсь; только смотри, чтобъ была истина: я подъ клятвою вселенскихъ патріарховъ быть не хочу». Никонъ ничего не отвѣчалъ, но молчалъ. Григорій продолжалъ: «какая тебѣ честь, владыко святый, что всякому ты страшенъ, и про тебя, грозя другъ другу, говорятъ: знаете ли, кто онъ, звѣрь ли лютый, левъ, или медвѣдь, или волкъ? Дивлюся, — государевой-царевой власти уже не слыхать, а отъ тебя всѣмъ страхъ, и твои посланники страшны всѣмъ болѣе царевыхъ»... И Никонъ отвѣчалъ: «не могу, батюшка, терпѣть». И за тѣмъ, подавая Григорію челобитныя, (которыя поданы были царю протопопами Аввакумомъ и Даніиломъ съ братіею), сказалъ: «возьми, старецъ Григорій, и прочти». Григорій продолжалъ: «святитель, прежде мы отъ тебя много разъ слышали: греки-де и малоруссы потеряли вѣру, и крѣпости и добрыхъ нравовъ у нихъ нѣтъ. А нынѣ то у тебя и святые люди и учители закона. Арсеній чернецъ порочный; Паисій патріархъ іерусалимскій писалъ о немъ государю, что онъ, Арсеній, еретикъ, и велѣлъ его остерегаться, потому что

многія ереси содержитъ въ себѣ, былъ и въ римскомъ костелѣ и въ еллинскомъ злѣ. И благочестивый царь, посовѣтовавшись съ патріархомъ Іосифомъ, сослалъ Арсенія въ соловецкій монастырь. А ты взялъ его изъ соловецкаго монастыря на смуту и устроилъ его учителемъ и правителемъ къ печатному тисненію. Есть много свидѣтелей, что онъ человѣкъ порочный». Никонъ отвѣчалъ: «лгутъ-де на него, старецъ Григорій,—то-де на него солгалъ, по ненависти, троицкій старецъ Арсеній Сухановъ, что въ сергіевѣ монастырѣ келарь, когда посланъ былъ, по государеву указу и по благословенію Іосифа патріарха, въ Іерусалимъ и въ прочія государства. *Григорій:* «добро было бы тебѣ, святитель, подражать кроткому нашему учителю Спасу Христу, а не гордостію и мученіемъ санъ держать. Смиренъ сердцемъ Христосъ, учитель нашъ, а ты очень сердитъ». *Никонъ:* «прости, старецъ Григорій, не могу терпѣть». Побесѣдовавъ еще нѣсколько въ томъ же родѣ, Григорій просилъ указать ему мѣсто для жительства. И Никонъ послалъ своего боярскаго сына на троицкое подворье объвить, чтобъ очистили тамъ келью для Григорія и онъ не нуждался ни въ чемъ, и чтобъ за нимъ не наблюдали, куда онъ будетъ ходить и кто къ нему будетъ приходить. Скоро возвратился изъ похода противъ шведовъ государь, и когда, послѣ обычной встрѣчи его въ соборной церкви (эта встрѣча происходила 14 янв. 1657 г.), власти провожали его, то онъ, увидѣвъ тутъ же старца Григорія, весело сказалъ Никону: «благослови его рукою». Но Никонъ замѣтилъ: «изволь, государь, помолчать, — еще не было разрѣшительныхъ молитвъ». «Да чего же ты ждешь?» — спросилъ государь, и отошелъ въ свои палаты. Въ слѣ-

дующее воскресенье за литургіей Никонъ приказалъ ключарю ввести въ соборную церковь, по заамвонной молитвѣ, старца Григорія, и вопросилъ его: «старецъ Григорій, пріобщаешися ли святѣй соборнѣй и апостольской церкви?» *Григорій:* «не знаю, что ты говоришь; я никогда не былъ отлученъ отъ церкви, и собора на меня никакого не было... Ты положилъ на меня клятву своею дерзостію, по своей страсти, гнѣваясь на меня, какъ проклялъ и черниговскаго протопопа Михаила и скуфью съ него снялъ за то, что онъ въ книгѣ кирилловой не дѣломъ положилъ, что христіанамъ мученія не будетъ»... И Никонъ, ничего не отвѣчая, горько плакалъ и началъ читать разрѣшительныя молитвы. Плакалъ также и Григорій, пока читались надъ нимъ разрѣшительныя молитвы, и по разрѣшеніи причастился св. даровъ изъ рукъ Никона. Въ тотъ же день устроилъ у себя патріархъ, «за радость мира», трапезу, за которою посадилъ Григорія выше всѣхъ московскихъ протопоповъ, а послѣ трапезы, одаривъ Григорія, отпустилъ съ миромъ. Въ слѣдующіе дни Григорій, посѣщая Никона, просилъ разрѣшить узниковъ, страждущихъ ради его — Григорія, и патріархъ тотчасъ послалъ граматы, чтобы освободили всѣхъ ихъ, а Григорію отдалъ всѣ письма, какія писалъ онъ на него — Никона къ царю, къ протопопу Стефану и къ прочимъ духовнымъ братіямъ, и примолвилъ: «возьми, старецъ Григорій, твои письма» ([129]).

([129]) Матеріалы для истор. русск. раскола, I, 145—157. О томъ же кратко, говорилъ впослѣдствіи въ своей челобитной и самъ Нероновъ (тамъ же стр. 238). О встрѣчѣ царя въ успенскомъ соборѣ 14 генв. 1657 г. записано въ записной книгѣ облач. и дѣйствъ патр. Никона (л. 127—128).

Никонъ, очевидно, желалъ искренне примириться съ Григоріемъ и, послѣ того какъ онъ возсоединился съ церковію и покорился церковной власти, готовъ былъ дѣлать ему всякое снисхожденіе; но не такъ отвѣчалъ ему Григорій. Однажды послѣдній сказалъ Никону: «иностранныя (греческія) власти нашихъ служебниковъ не хулятъ (Нероновъ разумѣлъ служебники, которыхъ самъ держался, напечатанные до Служебника Никонова), но и похваляютъ». И Никонъ отвѣчалъ: *«обои-де добры* (т. е. и прежде напечатанные и новоисправленные), *— все-де равно, по коимъ хощешь, по тѣмъ и служишь»*. Григорій сказалъ: «я старыхъ-де добрыхъ и держуся», и, принявъ отъ патріарха благословеніе, вышелъ ([130]). Вотъ когда началось единовѣріе въ русской церкви! Самъ Никонъ благословилъ его и дозволилъ первому и главному вождю появившагося у насъ раскола, старцу Григорію Неронову, какъ только онъ покорился церкви, совершать богослуженіе по старопечатнымъ служебникамъ. А Григорій? Онъ не хотѣлъ въ душѣ примириться съ Никономъ и злобствовалъ на него. Въ день великомученицы Татіаны, 12 генваря, слѣд. уже 1658 года, царь и патріархъ были у всенощной въ соборной церкви; тутъ же былъ и старецъ Григорій. Когда Никонъ пошелъ въ алтарь, чтобы облачаться, государь, сошедши съ своего мѣста, приблизился къ Григорію и сказалъ: «не удаляйся отъ насъ, старецъ Григорій». А старецъ въ отвѣтъ: «доколѣ, государь, тебѣ терпѣть такого врага Божія?

---

(130) Матеріал.—тамъ же, I, 157. Равно и о самомъ себѣ Нероновъ говорилъ въ своей челобитной къ собору 1666 года: «доселѣ держахъ прежнія печатныя книги, служебники и потребники, а *новопечатныхъ не хулихъ*, токмо не пріимахъ» (тамъ же, стр. 242).

Смутилъ всю землю русскую и твою царскую честь попралъ, и уже твоей власти не слышать, — отъ него врага всѣмъ страхъ». И государь, какъ бы устыдившись, скоро отошелъ отъ старца, ничего ему не сказавъ. По окончаніи службы Григорій сказалъ патріарху: «время мнѣ, владыко, въ пустынь (игнатіеву) отъити». И патріархъ отпустилъ его, давъ довольную милостыню. Чрезъ нѣсколько времени, въ томъ же 1658 году, старецъ Григорій опять пріѣхалъ въ Москву изъ своей пустыни и, принявъ благословеніе у патріарха, каждый день приходилъ въ его крестовую и въ келью, и былъ принимаемъ съ честію: такъ продолжалось много дней. Но неожиданно кто-то донесъ Никону, будто Григорій сожегъ новопечатный Служебникъ, и тотчасъ велѣно было сыскать Григорія. Посланные отъ патріарха не нашли Григорія въ его домѣ, но захватили многихъ, находившихся тамъ, духовныхъ и мірянъ, повлекли на патріаршій дворъ, допытывали ихъ и заключили въ оковы. Услышавъ объ этомъ, Григорій, сидѣвшій въ то время у рязанскаго архіепископа Иларіона, поспѣшилъ къ окольничему Ѳедору Михайловичу Ртищеву и закричалъ на него: «Іуда предатель! Съ тобою у меня была рѣчь о томъ, что слѣдуетъ сжечь новый Служебникъ, а не дѣло». Ртищевъ съ клятвою увѣрялъ Григорія, что не былъ на него клеветникомъ, и оба отправились къ патріарху, бывшему за всенощной въ соборной церкви. Когда дѣло объяснилось, Никонъ, по просьбѣ Григорія, немедленно приказалъ освободить всѣхъ, взятыхъ въ его домѣ, и на другой день послалъ къ Григорію отъ себя столъ, довольно пищи и питія, чтобы угостить невинно пострадавшихъ. Въ 21 день генваря 1658 года, за всенощной въ

успенскомъ соборѣ, Никонъ приказалъ троить аллилуію и прибавлять: «слава тебѣ, Боже». Григорій, бывшій тутъ же, сталъ укорять Никона и говорить, что преп. Евфросинъ псковскій былъ у вселенскихъ патріарховъ, вопрошая о вещи сей, и заповѣдалъ двоить аллилуію. Никонъ назвалъ сказаніе о Евфросинѣ ложнымъ. Но Григорій не успокоился. Онъ «умолилъ успенскаго протопопа съ братіею, чтобъ аллилуіи въ соборной церкви на крилосахъ не троили. Тѣ послушали старца, говорили аллилуію на крилосахъ по дважды, а въ третье: «слава тебѣ, Боже». Патріархъ же ничего имъ за это не замѣчалъ; только при чтеніи псалтыря поддьякъ троилъ аллилуія, по заповѣди патріарха. Во всѣ дни старецъ приходилъ въ соборную церковь, и аллилуія на крилосахъ протопопъ съ братіею говорили по дважды до самаго отъѣзда старца изъ Москвы. Патріархъ же во всѣ дни посылалъ столы къ старцу и, отпуская его въ пустынь, далъ ему довольную милостыню». Такимъ дозволеніемъ двоить аллилуію даже въ успенскомъ соборѣ, по желанію старца Григорія, послѣ того какъ онъ присоединился къ церкви и покорился церковной власти, Никонъ еще разъ показалъ, что готовъ разрѣшить своимъ противникамъ употребленіе и такъ-называемыхъ ими старыхъ обрядовъ, если только эти противники будутъ въ единовѣріи съ церковію и въ покорности ея богоучрежденной іерархіи. Никонъ и Нероновъ видѣлись и простились теперь въ послѣдній разъ: въ началѣ мая старецъ Нероновъ былъ уже въ своей пустынѣ, а 10 іюля тогоже 1658 г. Никонъ оставилъ патріаршую каѳедру, удалившись въ воскресенскій монастырь, и дѣятельность Никона по

исправленію церковныхъ книгъ и обрядовъ навсегда окончилась ([131]).

Что же должно сказать о всей этой дѣятельности, отъ ея начала до конца, если смотрѣть на нее безъ предубѣжденія. Никонъ не затѣвалъ ничего новаго, когда рѣшился приступить къ исправленію нашихъ церковныхъ книгъ: исправленіе этихъ книгъ совершалось у нась и прежде, во время печатанія ихъ, при каждомъ изъ бывшихъ патріарховъ. Никонъ хотѣлъ только исправить книги лучше, чѣмъ исправлялись онѣ прежде. Прежде книги правились по однимъ славянскимъ спискамъ, которыя тѣми или другими справщиками признаваемы были «добрыми». Никонъ пожелалъ исправить наши церковныя книги не по однимъ славянскимъ, но и по греческимъ спискамъ, и притомъ по спискамъ, славянскимъ и греческимъ, древнимъ, чтобы очистить эти книги отъ всѣхъ погрѣшностей, прибавокъ и новшествъ, какія вкрались въ нихъ съ теченіемъ времени, особенно въ два послѣднія столѣтія, и для многихъ уже не казались новшествами,—чтобы возстановить у насъ богослуженіе въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ существовало оно въ древней церкви, русской и греческой, — чтобы привести нашу церковь въ полное согласіе съ греческою и вообще со всею восточною православною, даже по церковнымъ обрядамъ. И за такое исправленіе книгъ Никонъ принялся не по прихоти или злонамѣренности, а по настоятельной нуждѣ. Его укоряли іерархи, приходившіе къ намъ съ востока, въ разныхъ отступленіяхъ нашей церкви

([131]) Матеріал. для истор. русск. раскола, I, 157—163.

отъ греческой, какимъ особенно казалось имъ двуперстіе въ крестномъ знаменіи. Онъ самъ лично убѣдился, вскорѣ по восшествіи на патріаршую каѳедру, что такія отступленія дѣйствительно встрѣчаются въ нашихъ печатныхъ книгахъ и даже въ сvмволѣ вѣры. Онъ зналъ, какую важность приписывали нѣкоторымъ изъ этихъ отступленій греки, какъ признали они еретическими и сожгли на Аѳонѣ московскія книги, въ которыхъ было напечатано ученіе о двуперстіи для крестнаго знаменія. Необходимо было устранить всѣ этого рода несогласія нашей церкви съ греческою, чтобы они не повели къ серьезнымъ столкновеніямъ и даже къ разрыву между обѣими церквами. И Никонъ началъ свое великое дѣло — исправленія нашихъ церковныхъ книгъ, но не самъ собою, а по рѣшенію и указаніямъ двухъ соборовъ, московскаго и константинопольскаго. Никонъ исправилъ книгу Служебникъ, но не прежде напечаталъ, какъ подвергнувъ ее тщательному разсмотрѣнію цѣлаго собора. Напечаталъ книгу Скрижаль, но не выпускалъ ее въ свѣтъ, пока она не была вся пересмотрѣна и одобрена соборомъ. Приготовилъ къ печатанію книгу Требникъ и до напечатанія подвергъ ее также внимательному обсужденію на соборѣ. Никонъ изрекъ анаѳему на непокорныхъ, неповиновавшихся церкви въ сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія; но изрекъ не одинъ, а вмѣстѣ съ соборомъ русскихъ архіереевъ, и уже послѣ того, какъ на этихъ непокорныхъ изрекли анаѳему извѣстные восточные іерархи. Никонъ предалъ анаѳемѣ Неронова и его единомысленниковъ, сопротивлявшихся церковной власти; но предалъ съ согласія всего собора, на которомъ находились и восточные

святители, въ томъ числѣ антіохійскій патріархъ, и слѣдуя наставленію цареградскаго патріарха и собора относительно Неронова. Выходитъ, что вся дѣятельность Никона по исправленію церковныхъ книгъ и обрядовъ совершалась не имъ единолично, а съ согласія, съ одобренія и при живомъ участіи представителей не только русскаго, но и восточнаго духовенства и всей церкви. На Никона нападали, что онъ былъ крайне строгъ къ своимъ противникамъ. Но онъ могъ быть слишкомъ строгимъ и даже несправедливымъ, могъ имѣть и другіе недостатки, могъ вредить своею горячностію успѣхамъ своего дѣла; а самое дѣло исправленія церковныхъ книгъ, тѣмъ не менѣе, оставалось чистымъ, законнымъ и святымъ,— не говоримъ уже, что строгія и суровыя наказанія вообще были въ духѣ того времени, и что противники Никона, по своей дерзости противъ него, заслуживали такой строгости.

Кто же были эти противники Никона? Первымъ и главнымъ противникомъ былъ протопопъ московскаго казанскаго собора Нероновъ, съ небольшимъ кружкомъ своихъ единомысленниковъ и друзей, въ составъ котораго входили три иногородные протопопа: костромскій Даніилъ, муромскій Логгинъ, юрьевскій Аввакумъ и одинъ епископъ — коломенскій Павелъ. Но дѣятельность этихъ единомысленниковъ Неронова была необширна при Никонѣ и непродолжительна. Они возстали, вмѣстѣ съ Нероновымъ, собственно только противъ двухъ первыхъ распоряженій Никона о поклонахъ и о троеперстіи для крестнаго знаменія, когда Никонъ еще не начиналъ исправленія книгъ, и немедленно сосланы были всѣ въ разныя заточенія. Протопопы сосланы были еще въ 1653 году. Да-

ніилъ въ Астрахань, гдѣ и скончался въ темницѣ; Логгинъ въ Муромъ, гдѣ также, вѣроятно, скоро скончался, такъ какъ о дѣятельности его не сохранилось болѣе никакихъ извѣстій; Аввакумъ — сперва въ Тобольскъ, а потомъ еще далѣе въ глубь Сибири на Лену, гдѣ и оставался, пока Никонъ занималъ патріаршую каѳедру; а епископъ Павелъ заточенъ былъ около половины 1654 г. въ новгородскіе предѣлы, и болѣе никакихъ извѣстій о немъ, у самихъ раскольниковъ, не сохранилось: вѣрно, скоро скончался. Одинъ Нероновъ, хотя также сосланъ былъ еще въ 1653 г. въ спасокаменскій монастырь, а потомъ въ отдаленный монастырь кандалакшскій, не переставалъ ратовать противъ Никона постоянно, во все время исправленія имъ церковныхъ книгъ и обрядовъ, и своими письмами въ Москву и другія мѣста, своими устными бесѣдами пріобрѣталъ себѣ многихъ послѣдователей и единомысленниковъ, изъ которыхъ извѣстны по именамъ: златоустовскій игуменъ въ Москвѣ Ѳеоктистъ и даниловскій игуменъ въ Переславлѣ Тихонъ. Другіе дѣятели раскола тогда еще не выступали: они сдѣлались извѣстными уже по удаленіи Никона съ патріаршей каѳедры. Какъ значительно было число сочувствовавшихъ Неронову, особенно въ Москвѣ, это обнаружилось послѣ бѣгства его изъ кандалакшскаго монастыря, когда всѣ старанія Никона отыскать и схватить бѣглеца оставались тщетными, и онъ нѣсколько мѣсяцевъ безопасно скрывался въ самой столицѣ. Въ 18 день мая 1656 года Никонъ, съ соборомъ русскихъ и нѣкоторыхъ греческихъ архіереевъ, изрекъ, наконецъ, анаѳему на Неронова и его единомысленниковъ, и получилъ начало русскій расколъ, глаголемаго старообрядства. Но это начало было пе-

прочно: потому что через семь съ небольшимъ мѣсяцевъ самъ Нероновъ, глава раскола, присоединился къ православной церкви, принялъ троеперстное крестное знаменіе, покоряясь голосу восточныхъ патріарховъ, похвалялъ книгу Скрижаль, изданную Никономъ, и даже убѣждалъ къ томуже своихъ послѣдователей ([132]). Правда, Нероновъ, и по присоединеніи къ церкви, желалъ держаться старыхъ печатныхъ книгъ; но Никонъ, вмѣстѣ съ соборомъ, предавъ проклятію непокорявшихся церкви изъ-за старыхъ книгъ и обрядовъ, отнюдь не проклиналъ самихъ этихъ книгъ и обрядовъ, и потому позволилъ Неронову, когда онъ покорился церкви, держаться и старопечатныхъ книгъ, назвалъ ихъ даже добрыми и сказалъ, что все равно, по старымъ ли или по новоисправленнымъ книгамъ, служить Богу; позволилъ, въ частности, и двоить и троить аллилуію въ самомъ успенскомъ соборѣ за однѣми и тѣмиже службами. Отсюда можемъ заключать, что еслибы продолжилось служеніе патріарха Никона, и онъ скоро не оставилъ своей каѳедры, то онъ, можетъ быть, дозволилъ бы и всѣмъ единомысленникамъ Неронова, приверженцамъ старопечатныхъ книгъ, тоже самое, что дозво-

---

([132]) Въ числѣ рукописей, отобранныхъ у бывшаго златоустовскаго игумена Ѳеоктиста, находилась «отписка Григорія Неронова за его рукою, что онъ вѣруетъ Скрижали» (Матеріал. для исторіи русск. раскола I, 338). Ѳеоктистъ касательно этой рукописи далъ слѣдующее показаніе: «что̀ похвалялъ старецъ Григорей Скрижаль духовную и сложеніе тріехъ перстовъ за его Григорьевой рукою, тѣ отписки я взялъ у тѣхъ людей, къ кому онѣ писаны» (тамъ же, стр. 342). Да и самъ Нероновъ въ своей челобитной говорилъ: «увѣри мя (Никонъ) свидѣтельствомъ божественнаго писанія и посланіемъ святѣйшаго Паисія, вселенскаго православнаго патріарха, о сложеніи перстъ и о исповѣданіи православныя вѣры и о прочихъ церковныхъ догматѣхъ, о нихъже я, убогій, въ сомнѣніи былъ» (тамъ же, стр. 238).

жилъ Неронову: лишьбы только они покорялись церкви и церковной власти. И тогда, сохраняя единство православной вѣры и подчиняясь одной и тойже церковной іерархіи, русскіе, одни совершали бы службы по новоисправленнымъ книгамъ, а другіе по книгамъ, исправленнымъ и напечатаннымъ прежде, несмотря на всѣ разности между ними, подобно тому, какъ до Никона одни совершали у насъ службы по старымъ служебникамъ и требникамъ, правленнымъ и напечатаннымъ при патріархахъ Іовѣ, Гермогенѣ и Филаретѣ, а другіе по вновь исправленнымъ служебникамъ и требникамъ, напечатаннымъ при патріархахъ Іоасафѣ и Іосифѣ, хотя между тѣми и другими служебниками и требниками есть значительныя разности ([133]). Такимъ образомъ расколъ, начавшійся при Никонѣ, мало по малу прекратился бы, и на мѣсто его водворилось бы такъ-называемое нынѣ единовѣріе.

Къ крайнему сожалѣнію, по удаленіи Никона съ каѳедры, обстоятельства совершенно измѣнились. Проповѣдники раскола нашли себѣ, въ наступившій періодъ между-патріаршества, сильное покровительство; начали рѣзко нападать на церковь и ея іерархію, возбуждать противъ нея народъ, и своею возмутительною дѣятельностію вынудили церковную власть употребить противъ нихъ каноническія мѣры. И тогда-то вновь возникъ, образовался и утвердился тотъ русскій расколъ,

---

([133]) Были уже у насъ и тогда люди, которые хотя съ предубѣжденіемъ встрѣтили новоисправленныя книги, напечатанныя при Никонѣ, но вскорѣ начали смотрѣть и на новыя и на старопечатныя книги одинаково и совершать церковныя службы, какъ по тѣмъ, такъ и по другимъ (Житіе суздальскаго митрополита Иларіона, стр. 31—35. Казань, 1868).

который существуетъ доселѣ, и который, слѣдовательно, въ строгомъ смыслѣ, получилъ свое начало не при Никонѣ, а уже послѣ него.

III.

На второе главное дѣло своего патріаршествованія, какъ и на первое, которое мы доселѣ разсматривали, Никонъ былъ вызванъ также современными обстоятельствами. Это второе дѣло состояло въ томъ, чтобы отстоять независимость церковной и особенно патріаршей власти. Никогда зависимость русской церкви отъ мірскихъ властей не доходила до такой степени, до какой достигла въ первые годы царствованія благочестивѣйшаго царя-юноши Алексѣя Михайловича. По его приказанію, была составлена и издана въ свѣтъ книга: «Уложеніе», которою учрежденъ, въ качествѣ особаго, самостоятельнаго судебнаго мѣста, «монастырскій приказъ», существовавшій дотолѣ въ видѣ отдѣленія въ приказѣ большаго дворца, и суду этого монастырскаго приказа, состоявшаго только изъ свѣтскихъ судей, были подчинены, по всѣмъ гражданскимъ дѣламъ или во всѣхъ гражданскихъ искахъ, всѣ духовныя лица, отъ высшихъ до нисшихъ: всѣ митрополиты, архіепископы и епископы, наравнѣ съ своими приказными и дворовыми людьми, дѣтями боярскими и крестьянами; всѣ настоятели монастырей со всею братіею, наравнѣ съ монастырскими слугами и крестьянами, и все бѣлое духовенство, также наравнѣ съ своими крестьянами. Никонъ считалъ Уложеніе, какъ и выражался впослѣдствіи, «книгою,

св. евангелію и правиламъ св. апостолъ и св. отецъ и закономъ греческихъ царей во всемъ противною», и если подписался подъ нимъ вмѣстѣ съ другими, то подписался «по неволѣ», будучи тогда только архимандритомъ. А когда сдѣлался новгородскимъ митрополитомъ, онъ не захотѣлъ подчиняться монастырскому приказу, и царь пожаловалъ своему любимцу несудимую грамату, которою все духовенство новгородской епархіи освобождалось отъ подсудности названному приказу, и Никону предоставлено было право судить своимъ судомъ, даже по управнымъ дѣламъ, не только всѣ духовныя лица епархіи, но и церковныхъ крестьянъ ([134]). Тѣмъ болѣе не могъ подчиниться Никонъ монастырскому приказу, когда былъ призванъ на патріаршую каѳедру. И вотъ, при самомъ избраніи его на эту каѳедру, онъ рѣшительно объявилъ предъ всѣми, что въ такомъ только случаѣ согласится занять ее, если самъ царь и бояре и освященный соборъ и всѣ православные дадутъ торжественный обѣтъ предъ Богомъ, что они будутъ сохранять «евангельскіе Христовы догматы и правила св. апостолъ и св. отецъ и благочестивыхъ царей законы», и будутъ слушаться его, Никона, «во всемъ, яко начальника и пастыря и отца краснѣйшаго». Когда обѣтъ былъ данъ, и Никонъ сдѣлался патріархомъ, онъ позаботился, какъ можно болѣе, утвердить подъ собою почву. Еще при патріархѣ Іосифѣ, подъ конецъ его жизни, и по совѣту, можетъ быть, самого же Никона, имѣвшаго уже тогда предъ государемъ преобладающій голосъ въ дѣлахъ церковныхъ, начата была (7

([134]) Письмо Никона къ цaрегр. патріарху Діонисію въ Записк. русск. и славян. археолог., т. II, 517. Нашей Исторіи русск. церкви, XI, стр. 193—196.

ноября 1649 г.) печатаніемъ, какбы въ противовѣсъ «Уложенію», книга «Кормчая», книга правилъ св. апостоловъ, св. соборовъ и св. отцевъ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми узаконеніями благочестивыхъ царей греческихъ. Теперь, когда печатаніе Кормчей окончилось, Никонъ не дозволилъ тотчасъ выпустить ее въ свѣтъ, а захотѣлъ предварительно освидѣтельствовать ее самъ, вмѣстѣ съ митрополитами, архіепископами, епископами, архимандритами и игуменами. При этомъ свидѣтельствованіи напечатанной Кормчей онъ сдѣлалъ въ ней только немногія и неважныя исправленія и опущенія, но за то сдѣлалъ весьма важныя для своей цѣли прибавленія. Прибавилъ въ началѣ книги статью о происхожденіи патріаршества въ Россіи, ясно показывавшую полную церковную самостоятельность и независимость русскаго патріарха, наравнѣ съ прочими патіархами; а подъ конецъ книги помѣстилъ подложную (конечно, не подозрѣвая этой подложности) грамату св. царя Константина папѣ Сильвестру, изображавшую, какими высокими правами и преимуществами будтобы надѣлилъ равноапостолъ римскаго, а за нимъ и всѣхъ прочихъ патріарховъ, и какъ оградилъ неприкосновенность ихъ власти и ихъ имѣній по всей вселенной и укрѣпилъ навсегда до скончанія вѣка. Въ такомъ-то видѣ Никонъ, наконецъ, выпустилъ въ свѣтъ, 15-го іюня 1653 г., книгу Кормчую для руководства духовенству и мірянамъ ([135]).

Царь Алексѣй Михайловичъ, питавшій и прежде полное довѣріе къ своему «собинному другу», а теперь связанный

([135]) *Сахаров.* Обозр. слав.-русск. библіогр., № 555.

еще торжественнымъ обѣтомъ слушаться его во всемъ, какъ патріарха, охотно покорялся его совѣтамъ. И участіе Никона, даже въ гражданскихъ и государственныхъ дѣлахъ, было такъ велико и очевидно для всѣхъ, что спустя какихъ нибудь три-четыре мѣсяца послѣ его вступленія на патріаршую каѳедру, если не прежде, его уже величали въ оффиціальныхъ бумагахъ «великимъ государемъ», какъ именовался нѣкогда отецъ царя Михаила Ѳедоровича, патріархъ Филаретъ Никитичъ. Правда, насколько доселѣ извѣстно изъ документовъ, въ 1652 году Никона называли великимъ государемъ только настоятели монастырей; а владыки, въ своихъ граматахъ, равно какъ печатавшіяся тогда церковныя книги, въ своихъ послѣсловіяхъ, титуловали его еще великимъ господиномъ ([136]). Но въ 1653 г. его величали великимъ государемъ и печатавшіяся церковныя книги, и владыки, и бояре, или вообще свѣтскіе люди, и самъ онъ, и самъ царь Алексѣй Михайловичъ, хотя царь называлъ его еще иногда, какъ и самъ Никонъ—самого себя, только великимъ господиномъ ([137]).

([136]) См.—1) Отписку патр. Никону переяславскаго архимандрита и строителя Тихона отъ 19 ноября 1652 г. (А. Э. IV, № 330); 2) Окружное посланіе ростов. митрополита Іоны отъ 15 авг. 1652 г. (А. И. IV, № 62); 3) Грамату вологодскаго архіепископа Маркелла отъ 10-го сент. 1652 г. (А. Э. IV, № 60); 4) *Строев.* Дополн. къ опис. старопеч. книгъ №№ 80. 82. 84. 85.

([137]) *Церковныя книги*: *Строев.* Дополн. къ опис. старопеч. книгъ №№ 86. 88. *Владыки*: Акты иверск. монастыря, изд. археогр. коммис. № 20. *Бояре* и вообще свѣтскіе люди: Собр. госуд. грам. III, № 157; *Солов.* Истор. Россіи, X, 360. *Самъ Никонъ*: А. Э. III, № 65; акт. ивер. монаст., №№ 16—19. 22—28. 30. *Самъ царь*: Дворц. разряды, III, 378; Собр. госуд. грам. III, № 157. Но Никонъ называлъ еще себя въ 1653 г. только вел. господиномъ: А. И. IV, № 71; Доп. А. И. III, № 110; Акт. ивер. мон., № 21. А царь въ одномъ и томъ же своемъ указѣ (февр. 1653) называлъ Никона и вел. господиномъ и вел. государемъ (1-е Полн. собр. закон., т. I, № 93), а потомъ и въ ноябрѣ 1653 г. называлъ его только вел. господиномъ (тамъ же, № 111, стр. 308).

Въ послѣдующее время названіе великаго государя въ титулѣ патріарха Никона сдѣлалось уже общепринятымъ и обыкновеннымъ ([138]). Кто первый вздумалъ усвоять Никону такое высокое названіе, неизвѣстно, но только это произошло не по царскому указу: будь царскій указъ, — тогда Никона стали бы величать великимъ государемъ и владыки, одновременно съ настоятелями монастырей, и всѣ вообще православные русскіе, да и самъ царь не называлъ бы уже его иногда только великимъ господиномъ. Но царь освятилъ и утвердилъ за Никономъ имя великаго государя, когда самъ предъ всѣми началъ величать его этимъ именемъ. Всѣ, напримѣръ, слышали, какъ, 23 окт. 1653 г., въ успенскомъ соборѣ царь въ своей рѣчи къ боярамъ, въ присутствіи самого Никона, говорилъ: «мы, великій государь царь и великій князь..., совѣтовавъ съ отцемъ своимъ и богомольцемъ, *великимъ государемъ,* святѣйшимъ Никономъ, патріархомъ московскимъ и всея Русіи..., приговорить изволили итти противъ недруга своего польскаго короля»... ([139]). Особенная расположенность царя къ Никону и ихъ тѣсная дружба наглядно для всѣхъ выражалась и тѣмъ, что царь весьма часто, — несравненно чаще, чѣмъ бывало при прежнихъ патріархахъ, — приглашалъ Никона къ своей царской трапезѣ, а часто и самъ посѣщалъ Никона и участвовалъ въ его трапезѣ ([140]). Сохранилось свидѣтельство, что въ 1653 г. Ни-

([138]) См., наприм., А. Э. IV, №№ 69. 73. 78.·80; Доп. А. И. III, №№ 120. 121. 123; Акт. ивер. мон., №№ 31—50 и дал.

([139]) Дворц. разр. III, стр. 378.

([140]) Дворц. разр. III, стр. 324. 330. 334—350. 354—362. 367. 377. 383—386 и дал.

конъ слалъ свои указы самимъ воеводамъ, хотя по своимъ частнымъ дѣламъ ([141]).

Въ половинѣ мая 1654 года Алексѣй Михайловичъ уѣхалъ изъ Москвы на войну съ поляками: въ отсутствіе государя могущество Никона сдѣлалось еще замѣтнѣе. Къ концу тогоже мѣсяца прибыли въ Москву послы отъ Кіева ходатайствовать объ утвержденіи прежнихъ правъ этого города и о дарованіи ему новыхъ льготъ. Просьбы пословъ, изложенныя по статьямъ, равно и представленные послами документы — граматы польскихъ королей, разсматривали и обсуждали бояре и постановляли по нимъ рѣшенія, а утверждалъ эти рѣшенія, за отсутствіемъ государя, патріархъ Никонъ. Подъ нѣкоторыми изъ статей помѣчено: «великій государь, святѣйшій патріархъ указалъ быть по боярскому приговору»; подъ другими: «святѣйшій патріархъ указалъ и бояре приговорили быть по королевскому привилею»; подъ третьими: «великій государь, святѣйшій патріархъ указалъ о лготѣ на 10 лѣтъ» и под. ([142]). На войнѣ царю Алексѣю Михайловичу понадобились для войска подводы, — и Никонъ разсылалъ по всему государству къ воеводамъ городовъ свои граматы, въ которыхъ, какъ, напримѣръ, въ граматѣ къ вологодскому воеводѣ (отъ 9 іюля 1654 г.) писалъ: «Указалъ государь царь и великій князь

([141]) Занимаясь сооруженіемъ своего иверскаго монастыря, Никонъ сообщалъ архимандриту этого монастыря Іакову отъ 21 ноября 1653 г. слѣдующее: «въ нынѣшнемъ въ 162 году писалъ къ намъ изъ великаго Новгорода бояринъ и воевода князь Юрья Петровичъ Буйносовъ-Ростовской, что, по *нашему указу*, купилъ онъ въ вел. Новгородѣ, къ нашему монастырскому каменному строенію, кирпичю, и *по нашему указу* посланы наши граматы» и проч. Акт. ивер. мон., № 24.

([142]) А. Ю. и З. Россіи, X, № 13, ст. VIII, 619—624.

Алексѣй Михайловичъ всея Русіи и *мы, великій государь,* со всѣхъ монастырей быть, для его государевой службы подъ Смоленской, подводы съ телѣгами, съ проводниками..., и *по нашему указу* довелось съ вологодскихъ монастырей взять...; а одноличнo тебѣ *государева нашего указу* въ оплошку не поставить...» и проч. ([143]). Къ концу іюля, вслѣдствіе открывшагося мороваго повѣтрія, патріархъ Никонъ, по волѣ государя, выѣхалъ изъ Москвы, вмѣстѣ съ царскимъ семействомъ, которое было ввѣрено его попеченію, и которое, послѣ нѣсколькихъ передвижекъ, остановилось наконецъ въ калязиномъ монастырѣ. Туда присылали воеводы изъ Москвы и изъ другихъ городовъ извѣстія о ходѣ повѣтрія,—и Никонъ отъ имени младенца — царевича Алексѣя Алексѣевича, которому едва исполнилось нѣсколько мѣсяцевъ, а иногда отъ имени царевича и царицы давалъ указы гражданскимъ властямъ о мѣрахъ предосторожности противъ повѣтрія ([144]). Туда же приходили и отъ царя изъ Бѣлоруссіи первыя извѣстія о его побѣдахъ, — и Никонъ слалъ грамоты къ московскимъ воеводамъ, чтобы въ Москвѣ отправляемы были торжественныя молебствія. Случалось, что онъ давалъ этимъ воеводамъ указы именемъ самого царя-государя, напримѣръ, указъ о запрещеніи нѣмцамъ торговать въ своихъ домахъ, въ Новой слободѣ. И знатные московскіе воеводы, которымъ царь довѣрилъ свою столицу на время его отсутствія: князь Михаилъ Петровичъ Пронскій, три князя Хилковы, да князь Василій Ромодановскій, въ своемъ отвѣтѣ Никону (авг. 1654 г.)

([143]) А. Э. IV, № 71.
([144]) Доп. А. И. III, № 119.

выражались: «великому государю, святѣйшему Никону, патріарху московскому и всея великія и малыя Росіи, *Мишка* Пронскій съ товарищи челомъ бьютъ. Въ твоей государевѣ граматѣ писанъ къ намъ царевъ и вел. князя Алексѣя Михайловича указъ — велѣти намъ сказать московскимъ торговымъ нѣмцомъ»... и проч. Такъ раболѣпно выражались бояре о своемъ имени только предъ царемъ-государемъ ([145]).

Въ началѣ февраля 1655 г. Алексѣй Михайловичъ возвратился-было въ Москву, гдѣ уже не было мороваго повѣтрія; но, спустя мѣсяцъ, снова отправился на войну въ Литву и находился тамъ до 10 декабря. Въ 15 день мая 1656 года царь въ третій разъ выѣхалъ изъ Москвы въ походъ, и уже не противъ польскаго, а противъ шведскаго короля, и воротился въ нее только 17 генв. 1657 года. Во все это время Никонъ оставался въ столицѣ главнымъ дѣйствующимъ лицемъ. Онъ разсылалъ воеводамъ и другимъ властямъ граматы, въ которыхъ, именемъ царя и вмѣстѣ своимъ, указывалъ высылать изъ монастырскихъ вотчинъ то лошадей, то хлѣбные запасы для царскаго войска ([146]). Иногда (16 авг. 1656 г.) слалъ воеводамъ свои указы отъ имени царевича Алексѣя, а иногда (18 окт.) и отъ своего собственнаго имени ([147]).

Въ эти годы царскаго отсутствія изъ Москвы могущество Никона достигло своей высшей степени. Въ немъ привыкли видѣть дѣйствительно великаго государя, а не по одному имени, какбы равнаго самому царю, и высказывали это даже

([145]) Доп. А. И. III, №№ 120. 121. 123.
([146]) А. Э. IV, № 86; Доп. А. И. IV, №№ 1. 14.
([147]) 1-е Полн. собр. закон., т. I, № 163; А. И. IV, № 103.

въ печати. Въ предисловіи къ Служебнику, изданному въ августѣ 1655 г. по благословенію самого Никона, говорится, что Богъ даровалъ Россіи «два великая дара»,—благочестиваго и христолюбиваго великаго государя царя Алексѣя Михайловича, и великаго государя святѣйшаго Никона патріарха; что оба эти великіе государи «предстательствоваста» на московскомъ соборѣ 1654 года; что «богоизбранная сія и богомудрая двоица», по окончаніи собора, «повелѣша» собрать въ Москву древнія св. книги, «богоизбранная сія сугубица» послали свои граматы къ цареградскому патріарху Паисію; что, по полученіи отвѣта отъ Паисія, «благочестивая сія и богомудрая двоица» созвали новый соборъ въ Москвѣ и проч. Въ заключеніи предисловія читаемъ: «должно убо всѣмъ, повсюду обитающимъ, православнымъ народомъ восхвалити же и прославити Бога, яко избра въ начальство и снабдѣніе людемъ своимъ сію премудрую двоицу, великаго государя царя Алексѣя Михайловича и великаго государя святѣйшаго Никона патріарха, иже... праведно и подобно преданные имъ грады украшаютъ, къ симъ судъ праведенъ... хранящe, всѣмъ всюду сущимъ подъ ними тоеже творити повелѣша... Тѣмъ же благословенъ Богъ, въ Троицѣ святѣй славимый, таковыхъ великихъ государей въ начальство людей своихъ избравый! Да дастъ же имъ, государемъ, по пророку, желаніе сердецъ ихъ...; да возрадуются вси, живущіи *подъ державою ихъ*..., яко да *подъ единѣмъ ихъ государскимъ повелѣніемъ* вси, повсюду, православніи народи живуще, утѣшительными пѣсньми славити имутъ воздвигшаго ихъ истиннаго Бога нашего».

Драгоцѣнныя свѣдѣнія о тогдашнемъ значеніи и могуществѣ патріарха Никона оставилъ намъ архидіаконъ Павелъ

алеппскій, который именно въ это время прожилъ въ Москвѣ почти полтора года (съ начала февраля 1655 г. до конца мая 1656 г.), вмѣстѣ съ отцемъ своимъ, антіохійскимъ патріархомъ Макаріемъ, и имѣлъ возможность хорошо присмотрѣться къ Никону и къ теченію дѣлъ въ столицѣ московскаго государства.

«Любовь царя и царицы къ Никону, пишетъ архидіаконъ, превышаетъ всякое описаніе. При личномъ свиданіи съ патріархомъ царь всегда испрашиваетъ у него благословеніе и цѣлуетъ его руку, а Никонъ въ тоже время цѣлуетъ царя въ голову». Въ частности, Павелъ передаетъ нѣсколько случаевъ, въ которыхъ выражались особенное благоволеніе и уваженіе царя къ патріарху. Напримѣръ, «въ 22 день 1655 года... Никонъ праздновалъ новоселье въ своихъ великолѣпныхъ палатахъ, которыя соорудилъ самъ. Всѣ архіереи, начиная съ антіохійскаго патріарха Макарія, а за ними настоятели монастырей привѣтствовали Никона и подносили ему сребро-позлащенныя иконы съ хлѣбомъ-солью, а нѣкоторые, кромѣ того, большія вызолоченныя чаши, куски бархату, парчи и под. Затѣмъ поднесены были ему разнообразные дары отъ бѣлаго духовенства, отъ купечества, отъ государственныхъ сановниковъ и отъ другихъ лицъ. Наконецъ, явился съ своими привѣтствіями царь. Сначала онъ поклонился Никону и поднесъ ему отъ себя лично три хлѣба съ солью и три сорока дорогихъ соболей, потомъ столько же хлѣбовъ и соболей отъ своего сына и царицы, столько же отъ своихъ сестеръ, столько же отъ своихъ дочерей, всего двѣнадцать хлѣбовъ съ солью и двѣнадцать сороковъ соболей. И всѣ эти дары, одни за другими, царь подносилъ самъ

своими руками. Никонъ стоялъ въ переднемъ углу своей обширной залы, и царь спѣшно ходилъ чрезъ всю эту залу къ дверямъ ея, бралъ тамъ, по частямъ, свои подарки, которые держали стольники, и носилъ предъ лице Никона, а стольникамъ только повторялъ, чтобы подавали скорѣе. Поднося каждый даръ, онъ кланялся патріарху и говорилъ: «сынъ вашъ, царь Алексѣй, кланяется вашему святѣйшеству и подноситъ вамъ»... и проч. Подобное же говорилъ, когда представлялъ дары отъ своего сына и царицы, отъ своихъ сестеръ и дочерей, называя всѣхъ ихъ по именамъ. Отъ долгаго хожденія взадъ и впередъ и ношенія немалыхъ тяжестей царь очень усталъ. Всѣ присутствовавшіе, особенно пришельцы изъ Сиріи, были поражены такимъ изумительнымъ смиреніемъ и услужливостію царя предъ патріархомъ. Въ 1656 г., въ самый праздникъ крещенія Господня, когда въ успенскомъ соборѣ только-что окончилась божественная литургія, за которою присутствовалъ и царь, ему внезапно подано было донесеніе отъ виленскаго воеводы о блестящей побѣдѣ царскаго войска надъ поляками, покушавшимися взять Вильну обратно. Никонъ тотчасъ, во всемъ облаченіи, взошелъ на амвонъ, прочелъ это радостное извѣстіе предъ всею церковію и, привѣтствуя царя, плакавшаго отъ радости, велѣлъ возгласить ему многолѣтіе и при этомъ величать его царемъ всея великія и малыя и *бѣлыя* Россіи, такъ какъ Вильна считалась столицею Бѣлоруссіи. Тогда и царь, поздравляя Никона, приказалъ возгласить ему многолѣтіе и именовать его патріархомъ всея великія и малыя и *бѣлыя* Россіи. Въ тотъ же день, позднимъ вечеромъ, Никонъ отправился въ свой иверскій монастырь, который сооружалъ въ пре-

дѣлахъ новгородскихъ на валдайскомъ озерѣ; а спустя десять дней (17 генв.) царь съ нѣсколькими вельможами и другими спутниками отправился въ свой царскій любимый монастырь преп. Саввы сторожевскаго. Здѣсь, принимая дорогаго гостя, антіохійскаго патріарха Макарія, и угощая его, царь, когда окончился обѣдъ, самъ роздалъ всѣмъ, участвовавшимъ въ трапезѣ, кубки съ виномъ и первый тостъ возгласилъ за здравіе отсутствовавшаго московскаго патріарха Никона. И потомъ уже, когда пропѣли многолѣтіе Никону, вторый тостъ возглашенъ былъ за здоровье самого царя, и ему пропѣли многолѣтіе. Февраля 1-го возвратился въ Москву изъ иверскаго монастыря патріархъ Никонъ. Для встрѣчи его царь выѣзжалъ, еще наканунѣ вечеромъ, за двадцать верстъ отъ столицы»([148]).

Пользуясь такою любовію и благоволеніемъ государя, Никонъ высоко себя держалъ по отношенію ко всѣмъ мірскимъ людямъ, даже самымъ высшимъ и знатнымъ. «Прежде обыкновенно вельможи входили къ патріарху безъ доклада чрезъ привратника; если онъ знаетъ о посѣщеніи вельможи, то спѣшилъ къ нему на встрѣчу и послѣ при уходѣ его провожалъ его до наружныхъ дверей. Никонъ же заставляетъ вельможъ долго ждать, пока не дозволитъ войти, и они входятъ къ нему со страхомъ и трепетомъ, и, изложивъ предъ нимъ свои дѣла, стоя, удаляются, тогда какъ онъ все сидитъ на своемъ мѣстѣ»... «Предъ своимъ отправленіемъ въ походъ (въ 1655 г.) государь назначилъ въ Москвѣ намѣстника

([148]) *Павла алепп.* Путеш. Макарія, кн. VIII, отд. 7, въ т. I, 410; кн. IX, отд. 12; кн. XIII, отд. 7. 11.12. 14, въ т. II, 47. 230. 239. 244. 255—256.

и нѣсколько министровъ, подчинивъ ихъ намѣстнику и указавъ каждому опредѣленную должность, а главнымъ начальникомъ надъ всѣми ими поставилъ патріарха, такъ что ниодно дѣло, важное или маловажное, не могло рѣшаться безъ доклада ему, что̀ бываетъ обыкновенно каждое утро ([149]). Министры и намѣстникъ каждое утро обязаны были являться въ присутствіе или совѣтъ къ патріарху для обсужденія государственныхъ и общественныхъ дѣлъ со всѣмъ вниманіемъ; никто изъ нихъ не смѣлъ рѣшить какое либо дѣло у себя па дому... Если случалось, что не всѣ министры собирались въ совѣтъ къ тому времени, какъ раздавался звонъ колокольчика, приглашавшій ихъ войти въ палаты патріарха, то опоздавшимъ долго приходилось ждать, иногда на сильномъ холодѣ, пока патріархъ не давалъ имъ особаго приказа войти: это мы видѣли собственными глазами, потому что въ отсутствіе государя нашъ господинъ (т. е. патріархъ Макарій) ежедневно ходилъ къ патріарху (Никону) освѣдомляться о здоровьѣ государя и узнавать новости. Въ этихъ случаяхъ, пока нашъ господинъ оставался у патріарха, министры стояли и дожидались внѣ патріаршихъ палатъ. Когда же онъ дозволялъ имъ войти, то обращался къ иконамъ и тихо прочитывалъ: «Достойно есть»..., между тѣмъ какъ министры кланялись ему въ землю всѣ вмѣстѣ. Затѣмъ каждый изъ нихъ подходилъ и кланялся патріарху отдѣльно, и получалъ отъ него

([149]) Намѣстникомъ своимъ, какъ извѣстно, царь оставилъ тогда въ Москвѣ боярина князя Григорія Семеновича Куракина (1-е Полн. собр. закон., т. I, № 149). Въ Дворц. разрядахъ поименованы и назначенные ему помощники (III, стр. 461).

благословеніе. Разговаривалъ съ ними патріархъ стоя. Министры дѣлали ему докладъ о текущихъ дѣлахъ и патріархъ о всякомъ дѣлѣ давалъ каждому свой отвѣтъ, и приказывалъ, какъ поступить. Сколько мы могли замѣтить, бояре и сановники не столько боятся своего царя, сколько патріарха, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ послѣдняго боятся даже гораздо болѣе. Прежніе патріархи вовсе не вмѣшивались въ государственныя дѣла; но Никонъ, при своихъ талантахъ, проницательности и различныхъ знаніяхъ, достигъ того, что равно искусенъ какъ въ церковныхъ, такъ и въ государственныхъ и даже мірскихъ дѣлахъ: потому что прежде былъ женатъ и долго жилъ въ мірѣ. По окончаніи разсмотрѣнія дѣлъ патріархъ опять читалъ: «Достойно есть» и, благословивъ своихъ посѣтителей, отпускалъ ихъ, а самъ отправлялся въ церковь» ([150]). Можно судить, какъ тяжело было нашимъ вельможамъ такое отношеніе къ нимъ патріарха.

Еще сильнѣе и обширнѣе, а главное — самостоятельнѣе и независимѣе, но, къ сожалѣнію, и тяжелѣе была власть Никона въ области дѣлъ церковныхъ. Прежде участіе государя въ этихъ дѣлахъ простиралось до того, что, по его волѣ и указанію, или съ его согласія и утвержденія, назначались всѣ настоятели монастырей; по его желанію иногда избирались, а всегда имъ утверждались сами архипастыри; къ нему нерѣдко обращались лица духовныя съ жалобами на рѣшенія своихъ архіереевъ и самого патріарха. Никонъ, будучи единогласно избранъ на патріаршую каѳедру, до тѣхъ

([150]) *Павла алеппск.* Путеш. Макарія, кн. VIII, отд. 7, въ т. I, 410; кн. X, отд. 7, въ т. II, 74—75.

поръ отказывался отъ нея, — какъ передаетъ Павелъ алеппскій, конечно, на основаніи слышаннаго отъ другихъ, — пока царь Алексѣй Михайловичъ не далъ граматы, что «онъ не будетъ вмѣшиваться ни въ какія духовныя дѣла, и что распоряженія патріарха будутъ самодержавны, безъ противорѣчія и апелляцій» ([151]). И обѣщаніе царя соблюдалось въ точности. Никонъ самъ, по своему усмотрѣнію, опредѣлялъ не только на настоятельскія должности въ монастыряхъ, но и на архіерейскія каѳедры. «Прежде никто не возводился въ санъ архимандрита иначе, какъ только по повелѣнію царя, равно какъ никто и не лишался этого сана, какъ только по указу царя. Никонъ уничтожилъ такое правило. Онъ раздаетъ эти должности самъ, кому хочетъ, безъ всякихъ совѣщаній съ кѣмъ бы то ни было.... Обычай при поставленіи епископовъ теперь такой: патріархъ избираетъ двѣнадцать кандидатовъ и, написавъ имена ихъ на маленькихъ листкахъ бумаги, втыкаетъ эти листки въ восковую свѣчу, стоящую на престолѣ, и послѣ трехъ литургій, въ слѣдующіе три дня, призываетъ дитя и поручаетъ ему взять съ престола одинъ изъ тѣхъ листковъ: чей листокъ возмется, тотъ и признается избраннымъ». Никонъ никому не подчинялся въ своихъ распоряженіяхъ и рѣшеніяхъ, и только самъ могъ измѣнять ихъ по своему усмотрѣнію. «Если онъ когда милуетъ кого, или прощаетъ кого, то единственно по своему личному по-

([151]) Замѣчательно, что о такомъ письменномъ обязательствѣ со стороны царя упоминаетъ и бывшій тогда діакономъ придворнаго благовѣщенскаго собора Ѳедоръ Ивановъ, говоря: «Царь Никону запись даде своею рукою въ началѣ поставленія его, еже во всемъ его послушати, и отъ бояръ оборонить, и его волю исполнять» (Матеріал. для истор. русск. раскола, VI, 197).

бужденію; онъ не терпитъ никакого вмѣшательства въ свои дѣла, и, за исключеніемъ царя, никто не осмѣливается ходатайствовать предъ нимъ». Самъ царь Алексѣй Михайловичъ сказалъ однажды публично, при антіохійскомъ патріархѣ Макаріѣ и архидіаконѣ Павлѣ алеппскомъ, когда принималъ ихъ въ своемъ сторожевскомъ монастырѣ, одному греческому діакону, запрещенному Никономъ и просившему разрѣшенія: «я боюсь патріарха Никона; можетъ случиться, что онъ отдастъ мнѣ свой посохъ и скажетъ: возми его и правь самъ монахами и священниками; я не мѣшаю тебѣ въ управленіи воеводами и воинами, зачѣмъ же ты идешь мнѣ наперекоръ въ управленіи монахами и попами?»... «Такимъ образомъ,—пишетъ Павелъ алеппскій,—Никонъ тотчасъ же послѣ своего восшествія на патріаршую каѳедру получилъ неограниченную власть. Всѣ испугались его, и онъ до сего времени — страшный тиранъ для архіереевъ, архимандритовъ и для всего священнаго чина, и даже для людей сильныхъ, состоящихъ на царской службѣ. На него не имѣетъ вліянія никакое ходатайство, кѣмъ бы оно ни было ему принесено»... ([152]).

Ближайшимъ образомъ Никону была подчинена его обширнѣйшая, патріаршая епархія. И здѣсь являлся онъ самымъ полновластнымъ владыкою и рѣзко отличался отъ всѣхъ другихъ епархіальныхъ владыкъ. Другіе архіереи: митрополиты, архіепископы, епископы, со всѣмъ своимъ духовенствомъ, съ монастырями и крестьянами, по гражданскимъ или уряднымъ дѣламъ подлежали монастырскому приказу: одинъ патріархъ

([152]) *Павла алеппск.* Путеш. Макарія, кн. VIII, отд. 7, въ т. I, 409—410; кн. X, отд. 7; кн. XI, отд. 6; кн. XIII, отд. 13, въ т. II, 77—78, 130, 218.

со всѣми служащими при немъ людьми, со всѣми своими монастырями и крестьянами, былъ изъятъ, по самому Уложенію, во всякихъ дѣлахъ изъ вѣдомства монастырскаго приказа. И Никонъ въ своей епархіи вѣдалъ и судилъ все духовенство, бѣлое и монашествующее, и всѣхъ церковныхъ людей и крестьянъ не только въ дѣлахъ духовныхъ, но и во всякихъ дѣлахъ управныхъ, на основаніи извѣстной граматы, данной еще патріарху Филарету сыномъ его, царемъ Михаиломъ. Несмотря однакожъ на все это, Никонъ испросилъ еще себѣ въ 1657 г. у царя Алексѣя Михайловича подтвержденіе какъ этой граматы, данной Филарету, такъ и другой подобной, данной царемъ Борисомъ патріарху Іову ([153]). Для управленія такою обширною епархіею при Никонѣ, какъ при Филаретѣ Никитичѣ и его преемникахъ, существовали на патріаршемъ дворѣ разные приказы. «Подъ патріаршими покоями,—говоритъ Павелъ алеппскій,—находятся семь присутственныхъ комнатъ или залъ, въ которыхъ засѣдаютъ семь судей и при нихъ многіе чиновники. Въ каждой присутственной комнатѣ разсматриваются извѣстнаго разряда дѣла. Въ одной — разбираются дѣла, касающіяся монаховъ и монастырей и всѣ обвиненія противъ нихъ. Въ другой – дѣла бѣлаго духовенства: сюда являются всѣ желающіе получить свящ. санъ, и представляютъ свидѣтельства о себѣ отъ мѣстныхъ прихожанъ. Есть также присутственная комната и для разбора дѣлъ о наслѣдствахъ... О каждомъ дѣлѣ, которое происходитъ въ этихъ присутственныхъ мѣстахъ, судьи

([153]) 1-е Полное собр. закон. т. I, №№ 200. 201.

ежедневно докладываютъ патріарху, и спрашиваютъ, какое ему угодно положить рѣшеніе... При каждой присутственной залѣ имѣется темница со множествомъ желѣзныхъ цѣпей и большихъ деревянныхъ колодокъ. Если кто изъ монастырскихъ властей, или изъ старшаго клира, совершитъ какое преступленіе, то виновнаго приговариваютъ къ кандаламъ и осуждаютъ, на извѣстный срокъ, сѣять муку въ монастырской пекарнѣ: мы сами видѣли ихъ въ такомъ положеніи. Патріарха окружаетъ множество сановниковъ, состоящихъ на службѣ. Нѣкоторымъ изъ нихъ онъ ввѣряетъ управленіе цѣлыми областями (вѣроятно, гдѣ находились его крестьяне и вотчины); другіе суть депутаты, казначеи, секретари по разнымъ дѣламъ. Иные состоятъ надзирателями надъ его казначействомъ, другіе—надъ подвалами, третьи—надъ кладовыми, четвертые завѣдываютъ приходами, пятые—расходами» и проч. Въ другихъ мѣстахъ Павелъ алеппскій разсказываетъ о строгостяхъ Никона къ подвѣдомому духовенству: «Патріаршіе стрѣльцы постоянно обходятъ городъ, и какъ только встрѣтятъ священника или монаха нетрезваго, немедленно берутъ его въ тюрьму и подвергаютъ всякому поношенію: мы сами видѣли патріаршія тюрьмы, наполненныя этими несчастными, которые находились въ самомъ плачевномъ положеніи, обремененные тяжелыми цѣпями и колодами на шеѣ и ногахъ... Отъ того отступился Богъ, на того изливается гнѣвъ Его, кто въ чемъ либо провинился предъ патріархомъ, кто замѣченъ имъ или въ пьянствѣ, или въ нерадивомъ исполненіи пастырскихъ обязанностей: такой немедленно присуждается къ ссылкѣ. Въ прежнее время монастыри сибирскіе были почти пусты. Никонъ же успѣлъ наполнить ихъ монастырскими властями.

священнослужителями и преступными монахами. Если кто либо изъ священниковъ оказывается въ чемъ либо виновнымъ, Никонъ тотчасъ снимаетъ съ головы его скуфью,—что̀ почти равняется запрещенію въ священнослуженіи».... Посѣтили патріархъ Макарій и сынъ его, архидіаконъ, свято-троицкую сергіеву лавру, — и тамъ «мы сами видѣли, — свидѣтельствуетъ послѣдній, — только-что выстроенную деревянную келью безъ оконъ и безъ всякаго отверстія, кромѣ дверей, и въ ней троихъ заключенныхъ. На вопросъ объ нихъ намъ сказали, что это бывшіе дьяконы, которые, овдовѣвъ, оставили мѣста своего служенія и поженились въ другой разъ. Но едва только узналъ объ этомъ патріархъ, какъ приказалъ заковать ихъ, отослать въ сергіевъ монастырь и здѣсь посадить въ названную келью, и не давать имъ пищи, пока не умрутъ съ голода. Когда мы проходили мимо ихъ, они плакали и издавали такіе жалобные вопли, что у насъ сердца надрывались. Несчастные подали нашему господину просьбу походатайствовать за нихъ, чтобы имъ дозволено было поступить въ монахи, надѣясь хоть этимъ спастись отъ горькой смерти. Нашъ владыка принялъ въ нихъ участіе, и, по его ходатайству, они были освобождены» (154).

Никонъ, какъ патріархъ, наслѣдовалъ отъ своихъ предмѣстниковъ огромное количество вотчинъ и другихъ земельныхъ владѣній, такъ что и въ этомъ отношеніи занималъ

---

(154) *Павла алеппск.* Путеш. Макарія, кн. VIII, отд. 7, въ т. I, 410; кн. X, отд. 7; кн. XI, отд. 10, въ т. II, 75—77. 151. Темницы существовали тогда у насъ не при одной московской или патріаршей, но и при другихъ архіерейскихъ каѳедрахъ, для наказанія виновныхъ, какъ замѣтилъ и самъ Павелъ алеппскій (Путеш. Макарія, кн. VI, отд. 9, въ т. I, 314).

одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду русскихъ владѣльцевъ и государственныхъ сановниковъ и равнялся съ знатнѣйшими изъ нихъ обширностію своей власти. При всемъ томъ Никонъ, пользуясь расположенностію къ нему царя Алексѣя Михайловича, умѣлъ еще болѣе распространить свою владѣльческую область, въ которой являлся почти самостоятельнымъ государемъ. Царь не только жаловалъ, по просьбѣ Никона, новыя земли патріаршему дому или каѳедрѣ, какъ бывало и при прежнихъ патріархахъ, напримѣръ въ 1653 г. пожаловалъ два учюга—Комызякъ и Чеганчету въ Астрахани,—но пожаловалъ въ 1654 г. село Антоново и деревню Юрьевку въ курмышскомъ уѣздѣ Никону лично «въ особь, не въ домовыя патріаршія земли» ([155]). Этого мало. Несмотря на то, что по Уложенію, противъ котораго такъ возставалъ Никонъ, прямо запрещено было патріарху, какъ и другимъ архіереямъ и всѣмъ духовнымъ лицамъ, умножать свои недвижимыя имѣнія посредствомъ покупки, для Никона дѣлались и здѣсь исключенія. Царь дозволялъ Никону покупать новыя земли и вотчины, какъ на его собственное имя, такъ и для трехъ новыхъ, основанныхъ самимъ Никономъ и излюбленныхъ имъ, монастырей ([156]).

([155]) 1-е Полн. собр. закон., т. I, № 93; Переписная книга домовой казны патр. Никона, во Времен. м. истор. общ. XV, стр. 72; акт. ивер. монаст., № 44, стр. 98.

([156]) Въ разсказѣ Павла алеппскаго о вотчинахъ и доходахъ Никона, составленномъ только по слухамъ, естественно, кое-что преувеличено. Павелъ говоритъ, будто прежде у патріарха нашего было до 10-ти тысячъ крестьянскихъ дворовъ, а Никонъ увеличилъ число ихъ до 25-ти тысячъ, будто онъ получалъ доходовъ ежегодно отъ столичныхъ и сельскихъ церквей до 14 тысячъ, а доходовъ изъ другихъ источниковъ, между прочимъ, отъ лошадиной

Никону, когда онъ былъ еще митрополитомъ новгородскимъ, полюбилось, во время его ежегодныхъ переѣздовъ изъ Новгорода въ Москву, одно небольшое и малолюдное село Валдай и находившееся при немъ большое озеро валдайское со множествомъ островов, покрытыхъ лѣсомъ. И у новгородскаго владыки тогда еще родилось желаніе устроить на одномъ изъ островов этого озера общежительную обитель. Въ 1652 г., путешествуя на Соловки за мощами святителя Филиппа, Никонъ имѣлъ однажды на морѣ, какъ самъ разсказываетъ, сонное видѣніе: ему явился святитель Филиппъ, и укрѣплялъ его на то «благое дѣло». И Никонъ, пробудившись отъ сна, далъ обѣтъ воздвигнуть на валдайскомъ озерѣ монастырь и въ немъ двѣ церкви: одну во имя чудотворной иконы Богоматери иверской, копію съ которой онъ досталъ себѣ съ Аѳона, когда былъ еще новоспасскимъ архимандритомъ, а другую во имя святителя московскаго Филиппа. Возвратившись въ Москву съ мощами святителя и затѣмъ сдѣлавшись патріархомъ, Никонъ открылъ свое желаніе и свой обѣтъ царю Алексѣю Михайловичу и просилъ пожаловать мѣсто для построенія монастыря. И государь пожаловалъ изъ своихъ дворцовыхъ селъ, какъ на устроеніе монастыря, такъ и на пропитаніе будущей въ немъ братіи, село Валдай съ озеромъ Валдаемъ, а также окрестныя села и деревни съ пустошами, озерами и всякими угодіями. Никонъ отправилъ

пошлины, взимавшейся при продажѣ лошадей, до 20-ти тысячъ, и проч. (—кн. X, отд. 7, въ т. II, 76);—между тѣмъ какъ, въ 1655 году, за патріархомъ нашимъ числилось только 6432 крестьянскихъ двора (нашей Истор. р. церк. XI, стр. 201).

надежныхъ людей, и во главѣ ихъ архимандрита новгородскаго свято-духова монастыря Іакова, избрать одинъ изъ валдайскихъ острововъ, наиболѣе пригодный для построенія на немъ монастыря ([157]). Когда островъ былъ избранъ, Никонъ, одобривъ избраніе, прислалъ, въ сентябрѣ 1653 г., архимандриту Іакову благословеніе приступить къ постройкѣ монастыря и вмѣстѣ образъ пречистой Богородицы иверской, пядницу, обложенный чеканнымъ серебромъ, позолоченный и украшенный драгоцѣнными камнями. А новгородскій митрополитъ Макарій, въ епархіи котораго находился Валдай, прислалъ томуже архимандриту, по приказанію Никона, благословенную грамату на сооруженіе какъ монастыря, такъ и двухъ деревянныхъ церквей, соборной во имя иверской иконы Богоматери и трапезной во имя святителя Филиппа, и два антиминса съ тѣмъ, чтобы самъ архимандритъ и освятилъ обѣ церкви, по окончаніи ихъ. Валдайское озеро Никонъ велѣлъ, въ октябрѣ, съ соизволенія государя, называть «святымъ озеромъ», самый монастырь «иверскимъ», и вскорѣ за тѣмъ и село Валдай переименовано въ «Богородицкое». Надѣливъ новостроющійся монастырь нѣсколькими изъ своихъ дворцовыхъ селъ, царь дозволилъ еще Никону, вопреки своему Уложенію, пріобрѣтать для тогоже монастыря вотчины покупкою. И Никонъ, въ ноябрѣ, купилъ въ клинскомъ уѣздѣ село Щапово съ деревнями да 60 пустошей. А царь, въ слѣдующемъ мѣсяцѣ, пожаловалъ на иверскій монастырь нѣсколько новыхъ рядковъ въ новгородскомъ уѣздѣ съ ихъ

([157]) Акт. ивер. монастыря, № 40.

угодіями и цѣлый боровицкій яковлевскій монастырь съ его вотчинами; и все это пожаловалъ Никону, какъ сказано въ царской грамотѣ, «къ новому его монастырю въ монастырскія земли, а не въ домовые патріаршии вотчины» ([158]).

Въ началѣ 1654 г., когда иверскій монастырь былъ уже оконченъ строеніемъ и обезпеченъ средствами, Никонъ позаботился о его церковномъ возвышеніи и внутреннемъ устройствѣ. Отпустивъ архимандрита Іакова на его прежнюю должность въ Новгородъ. Никонъ избралъ для своего монастыря новаго настоятеля, по имени Діонисія, «мужа искусна и божественному писанію исполнена, добродѣтельна, незлобива и кротка», произвелъ его въ архимандрита и, «чести ради той св. обители», благословилъ его и его будущихъ преемниковъ служить божественныя службы въ митрѣ, съ палицею, съ ковромъ, съ сулкомъ на посохѣ, съ рипидами, съ осѣненіемъ, и занимать, при соборныхъ служеніяхъ и засѣданіяхъ, четырнадцатое мѣсто, послѣ сторожевскаго архимандрита. Въ тоже время патріархъ послалъ новаго иверскаго архимандрита Діонисія, съ двумя другими настоятелями монастырей, въ боровицкій монастырь, чтобы они перенесли оттуда съ подобающею честію мощи св. праведнаго Іакова боровицкаго въ иверскій монастырь, а самъ устроилъ въ Москвѣ, на собственныя деньги, сребропозлащенную раку для этихъ мощей и четыре сребропозлащенные ковчега, въ которые вло-

---

([158]) Акт. ивер. мон., №№ 18. 20. 21. 26. 29. Снес. № 38. Какой это образъ иверской Богоматери прислалъ Никонъ въ новосозидаемую свою обитель? Не тотъ ли, который получилъ въ 1648 г. съ Аѳона, или это была только копія съ того образа?

жилъ части мощей четырехъ московскихъ святителей: Петра, Алексѣя, Іоны и Филиппа. Съ этими ковчегами и ракою Никонъ отправился самъ въ иверскій монастырь, а новгородскаго митрополита Макарія послалъ для срѣтенія мощей св. Іакова боровицкаго. Макарій встрѣтилъ мощи за двадцать верстъ отъ иверской обители въ селѣ Едровѣ; туда же спустя три-четыре часа прибылъ и Никонъ съ святынею изъ Москвы. Оба крестные хода здѣсь соединились, и 24 февраля, съ великимъ торжествомъ, внесли всю принесенную святыню въ соборную церковь иверской обители. Чрезъ два дня, Никонъ, вмѣстѣ съ митрополитомъ Макаріемъ и многочисленнымъ духовенствомъ, переложилъ мощи св. Іакова боровицкаго въ новую раку, совершилъ литургію, щедро одѣлилъ всю братію, которой было тогда уже «пять пятерицъ со единемъ», царскою и своею милостынею, самъ избралъ и освятилъ мѣсто для созиданія каменной соборной церкви, и далъ обители уставную грамату, собственноручно имъ написанную, для постояннаго руководства. Скоро Никонъ купилъ для иверскаго монастыря новыя села и деревни; а царь, утверждая за монастыремъ своею граматою отъ 6 мая, «во вѣки неподвижно» всѣ его вотчины, жалованныя, купленныя, мѣновыя и закладныя, пожаловалъ ему еще: въ короцкомъ погостѣ покровскій монастырь съ крестьянами и со всѣми угодьями; въ деревяницкомъ погостѣ лисій или лисичь монастырь со всѣми вотчинами; въ Москвѣ, для пріѣзда монастырскихъ властей, дворъ, гдѣ прежде останавливались греки, между богоявленскимъ монастыремъ и подворьемъ новгородскаго владыки; въ Старой Русѣ шесть соляныхъ варницъ, съ заводами, амбарами и дворомъ, и проч. Это было еще до отпра-

вленія Алексѣя Михайловича на войну противъ поляковъ и до появленія мороваго повѣтрія въ Москвѣ. А къ концу года, когда Никонъ представилъ царю, возвращавшемуся уже съ войны, въ Вязьмѣ все его семейство, царь, въ благодарность Никону, сохранившему своими «молитвами» и своимъ «бодроопаснымъ тщаніемъ» это семейство отъ повѣтрія, пожаловалъ еще 5 декабря на иверскій монастырь свою вотчину — пригородъ Холмъ, съ крестьянами, деревнями и угодіями, въ замѣнъ которой, впрочемъ, спустя мѣсяцъ велѣлъ отвести монастырю цѣлыхъ пять погостовъ въ старорусскомъ уѣздѣ также съ деревнями, съ крестьянами и со всякими угодіями ([159]).

Начало 1655 года ознаменовалось для иверской свято-озерской обители переселеніемъ въ нее иноковъ кутеинскаго монастыря изъ-подъ Орши. Этотъ многолюдный монастырь, славившійся строгостію своего общежитія и особенно благочестіемъ своего основателя и игумена Іоиля Труцевича, много пострадалъ тогда, вмѣстѣ съ другими бѣлорусскими монастырями, по случаю военныхъ обстоятельствъ. Патріархъ Никонъ, наслышавшійся о достоинствахъ Іоиля и его обители, просилъ царя Алексѣя Михайловича, чтобы онъ повелѣлъ перевести кутеинскую братію въ иверскій свято-озерскій монастырь «ради устроенія въ немъ общаго житія». Царь охотно далъ повелѣніе, и Іоиль немедленно покорился желанію патріарха и покинулъ родной край. Но дряхлый старецъ, во время

([159]) Акт. ивер. мон., №№ 34. 36. 38. 39. 40. 44. 45. 49—51. 53. 54; Сказаніе самого патр. Никона о созданіи монастыря иверскаго свято-озерскаго и о перенесеніи въ него мощей св. Іакова боровицкаго напеч. въ книгѣ: «Рай мысленный», вышедшей изъ типогр. иверскаго монастыря въ окт. 1658 г. (см. л. 49—65).

переселенія, скончался на пути въ мѣстечкѣ Болдинѣ, и завѣщалъ братіи перенести его тѣло въ иверскую обитель, сказавъ: «азъ послушаніе мое къ пастырю (Никону) и по смерти сохраню». Сопутствовавшіе Іоилю кутеинскіе монахи тотчасъ же избрали себѣ (въ февр. 1655 г.), на мѣсто его, новаго игумена Діонисія, бывшаго у нихъ намѣстникомъ, и Никонъ утвердилъ его настоятелемъ своего иверскаго монастыря, а впослѣдствіи возвелъ и въ санъ архимандрита, давъ прежнему иверскому настоятелю, архимандриту Діонисію, настоятельское мѣсто въ другомъ монастырѣ. Впрочемъ теперь переселилась въ иверскій монастырь только часть иноковъ изъ кутеинскаго монастыря, многіе же еще остались въ этомъ же монастырѣ или разошлись по другимъ бѣлорусскимъ обителямъ. Потому Никонъ послалъ намѣстника иверскаго монастыря Филоѳея, съ граматою своею отъ 20 окт. 1655 г., пригласить и остальныхъ кутеинскихъ монаховъ изъ Бѣлоруссіи въ иверскую обитель и перевезти сюда изъ кутеинскаго монастыря «печать книжную со всякимъ нарядомъ и печатныя книги и печатныхъ мастеровъ». Въ этой перенесенной въ иверскій монастырь типографіи со временемъ было напечатано нѣсколько книгъ (160). Нѣкоторые изъ переселившихся сюда кутеинскихъ монаховъ были люди образованные: одни изъ нихъ занимались впослѣдствіи, по порученію церковныхъ властей, переводами на русскій языкъ ли-

---

(160) *Патр. Никона* Сказ. объ ивер. мон. въ книгѣ «Рай мысленный», л. 70—72. Подлинная грамата Никона, данная Филоѳею 20 окт. 1655 г., сохранилась доселѣ (Москов. главн. арх. мин. иностр. дѣлъ, дѣла духовн., годъ 1655, окт. 20).

товско-польскихъ хроникъ и другихъ сочиненій; другіе—переплетнымъ мастерствомъ, третьи — рѣзьбою на деревѣ, и, подъ ихъ вліяніемъ, при иверскомъ монастырѣ возникло и процвѣло изразцовое дѣло. Патріархъ Никонъ, очень довольный поселеніемъ въ его излюбленной обители такихъ иноковъ, началъ просить государя о новыхъ ей милостяхъ,—и государь велѣлъ (7 мая и 3 дек. 1655) приписать къ иверскому монастырю еще четыре монастыря со всѣми ихъ вотчинами и угодіями: въ Клину успенскій, въ Твери ѳедоровскій, въ Торжкѣ рождественскій и въ Старой Русѣ спасскій. Первые три монастыря пожалованы съ цѣлію, чтобы Никонъ могъ имѣть въ нихъ остановку и отдыхъ во время своихъ поѣздокъ въ иверскую обитель ([161]).

Въ августѣ 1655 г. иверскій монастырь посѣтили патріархи антіохійскій и сербскій на пути въ Новгородъ. Они встрѣчены были здѣсь съ великою честію, провели до пяти дней (14—19 авг.), оба совершали литургію на праздникъ успенія пресв. Богородицы. Монаховъ въ монастырѣ было множество и въ числѣ ихъ до 70-ти переселившихся сюда изъ кутеинскаго монастыря. Патріархамъ сказывали, что Никонъ купилъ для иверской обители около 60 деревень за 60 тысячъ рублей, подарилъ ей много фермъ, составлявшихъ собственность патріаршаго престола съ ихъ заведеніями, 80 соляныхъ и 180 рыбныхъ озеръ, что на постройку монастыря истрачено до милліона монетъ и что доходы монастыря простираются свыше 10000 рублей въ годъ. Новый каменный храмъ въ монастырѣ былъ уже вчернѣ совершенно оконченъ,

---

([161]) Акт. ивер. мон. №№ 57. 59. 60. 62. 73. 82. 121. 162. 164 и др.

и патріархамъ показалось, что онъ «и просторнѣе, и красивѣе, и выше соборнаго храма московскаго» (162).

Для этого храма въ иверской обители Никонъ заблаговременно приготовилъ новую икону иверской Божіей Матери. Еще будучи новгородскимъ митрополитомъ, онъ, наслышавшись отъ достовѣрныхъ мужей о чудесахъ, совершавшихся на Аѳонѣ отъ иверской иконы Богоматери, послалъ туда искусныхъ иноковъ — иконописцевъ для снятія съ нея точной копіи; но желаніе его только «многими лѣты и со многимъ трудомъ въ совершеніе пріиде», какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ въ одной своей граматѣ 1654 года. Сопровождавшіе икону съ Аѳона священноинокъ Корнилій и монахъ Никифоръ чрезъ Молдавію и Валахію встрѣтили затрудненіе при переправѣ черезъ Дунай. Съ нихъ потребовали такую пошлину, какой они не въ состояніи были заплатить, и они помышляли уже вернуться на Аѳонъ, еслибы не выручилъ ихъ своею помощію богатый грекъ Мануилъ Константиновъ, ѣхавшій въ Москву по торговымъ дѣламъ и несогласившійся въ Москвѣ принять вознагражденія отъ Никона (163). Какъ бы то ни было, но въ 1654 году икона находилась уже въ Москвѣ,—и Никонъ не пожалѣлъ своихъ келейныхъ сокровищъ, чтобы устроить для нея ризу, украшенную множествомъ драгоцѣнныхъ камней и стоившую, по словамъ его самого, до

(162) *Павла алепп.* Путеш. Макарія, кн. XI, отд. 16; кн. XII, отд. 1, въ т. II, 174. 181.

(163) Акт. ивер. мон. № 40; *Никона* Сказан. объ ивер. монастырѣ въ книгѣ: «Рай мысленный» (л. 76—77), гдѣ, впрочемъ, время перенесенія иконы не обозначено. Грекъ Мануилъ Константиновъ пріѣзжалъ въ Москву съ товарами въ февралѣ 1654 и въ маѣ 1655 г. (см. выше примѣч. 87. 108).

44000 рублей въ тогдашнее время. Устройство ризы кончено, судя по вычеканенной на ней надписи, къ 1 марта 1656 года. Приготовивъ для новой соборной церкви иверскаго монастыря такую богато-украшенную икону, Никонъ приказалъ вылить для тойже церкви новый большой колоколъ въ 780 пудовъ, и, когда все было готово къ освященію ея, самъ прибылъ въ иверскую обитель. Здѣсь уже ожидали его два митрополита — новгородскій Макарій и крутицкій Питиримъ и тверскій архіепископъ Лаврентій со многими архимандритами, игуменами и священниками. Съ ними-то, 16 декабря 1656 г., онъ и совершилъ торжественное освященіе соборной монастырской церкви, предварительно поставивъ въ иконостасѣ ея новую икону иверской Богоматери, принесенную съ Аѳона ([164]). Такимъ образомъ втеченіе трехъ лѣтъ могущественный патріархъ успѣлъ и воздвигнуть, и украсить, и возвысить въ іерархическомъ отношеніи свою иверскую обитель, и сдѣлать ее одною изъ богатѣйшихъ обителей въ Россіи.

Едва успѣлъ Никонъ довести до конца сооруженіе своей иверской свято-озерской обители, какъ приступилъ къ основанію другой. Что подвигло его къ этому, объясняетъ онъ самъ. Въ 1639 г., когда онъ былъ еще іеромонахомъ, однажды онъ плылъ моремъ изъ анзерскаго скита, и отъ великаго волненія морскаго едва не утонулъ; но, уповая на силу животворящаго креста, былъ спасенъ и прибитъ вол-

---

([164]) *Никон.* Сказ. объ ивер. монаст. въ книгѣ: «Рай мысленный», л. 72—73; Акты ивер. мон. № 80, ст. 2; № 87. Въ послѣднемъ актѣ — подробное описаніе присланной теперь Никономъ въ иверскую обитель новой иверской иконы Богоматери. А прежде присланную икону иверской же Богоматери не взялъ ли онъ теперь назадъ въ Москву?

нами къ острову Кію предъ онежскимъ устьемъ. Въ памятѣ своего спасенія онъ водрузилъ св. крестъ на томъ мѣстѣ острова, гдѣ ступилъ на берегъ. Прошло тринадцать лѣтъ, и Никонъ, уже новгородскій митрополитъ, возвращаясь изъ соловецкаго монастыря моремъ, съ мощами святителя Филиппа, присталъ къ тому же острову Кію, и увидѣлъ, что крестъ, имъ поставленный, стоитъ въ цѣлости, а при томъ услышалъ, что многіе застигнутые на морѣ бурею, видя этотъ крестъ, спасаются вѣрою отъ потопленія. Никонъ тогдаже далъ обѣтъ построить здѣсь монастырь—Ставросъ, т. е. крестный, во имя св. животворящаго креста и святителя московскаго Филиппа. О всемъ этомъ Никонъ разсказалъ царю Алексѣю Михайловичу,—и царь, по просьбѣ Никона, пожаловалъ ему грамату, которою дозволялъ «на томъ острову, идѣже честный крестъ водрузилъ (Никонъ), поставить церковь и *монастырекъ соградить*». Грамата царя дана была 13 іюня 1656 года. А черезъ десять дней Никонъ издалъ отъ себя весьма обширную окружную грамату ко всѣмъ православнымъ отечественной церкви, и, разсказавъ имъ въ началѣ тоже самое, что прежде разсказалъ царю, призывалъ ихъ дѣлать пожертвованія на вновь - сооружаемую крестную обитель ([165]). Не знаемъ, были ли и какъ велики были эти пожертвованія: но знаемъ, что самъ Никонъ еще до основанія крестной обители устроилъ для нея большой крестъ изъ кипариснаго дерева, представляв-

---

([165]) А. И. IV, № 102. Грамата Никона отъ 24 іюня 1656 г. напечатана въ Истор. росс. іерархіи IV, въ статьѣ: о крестномъ монастырѣ, и издана была, въ видѣ отдѣльной брошюры, архимандритомъ Лаврентіемъ въ Москвѣ, въ синодал. типографіи 1805 года.

шій собою, по высотѣ и широтѣ, какъ свидѣтельствовалъ Никонъ, точное подобіе того креста, на которомъ былъ распятъ Господь. Этотъ кипарисный крестъ украсилъ Никонъ серебромъ, золотомъ и драгоцѣнными камнями, и внутри его положилъ до 300 частицъ св. мощей съ кровію разныхъ св. мучениковъ и съ частицами чтимыхъ палестинскихъ камней. На сторонахъ креста изображены были св. равноапостольные Константинъ и Елена въ видѣ предстоящихъ, а у подножія— царь Алексѣй Михайловичъ, царица Марія Ильинишна и самъ патріархъ Никонъ въ молитвенномъ положеніи на колѣнахъ. Устроенный такимъ образомъ крестъ отправленъ былъ Никономъ на островъ Кій «въ первое незыблемое основаніе» крестной обители, спустя лишь нѣсколько дней по полученіи царскаго указа о сооруженіи ея, — такъ какъ объ этомъ отправленіи уже объявлялъ Никонъ въ упомянутой своей окружной граматѣ. Знаемъ, что Никонъ не монастырекъ только соградилъ на Кіѣ-островѣ съ небольшою деревянною церковію, а создалъ полный и богатый монастырь со всѣми необходимыми принадлежностями и, кромѣ деревянныхъ, воздвигъ въ немъ каменную церковь во имя воздвиженія честнаго и животворящаго креста Господня, которую и освятилъ впослѣдствіи самъ, именно въ 1660 г., сентября 2. Знаемъ, что, по ходатайству Никона, царь пожаловалъ крестному монастырю: село Богословское въ бѣлозерскомъ уѣздѣ (1657 г.), половину оброчныхъ погостовъ Поноя и Еконги въ кольскомъ уѣздѣ, равно какъ половину рѣкъ Поноя и Бахты съ рыбными на нихъ ловлями (1658 г.), и приказалъ приписать къ крестному монастырю печенгскій трифоновъ монастырь съ его вотчинами (апр. 1658 г.); а самъ Никонъ, съ соизволенія

государя, купилъ для крестнаго монастыря: село Турунтаево съ деревнею Дылево въ вологодскомъ уѣздѣ за три тысячи рублей изъ своихъ келейныхъ денегъ (апр. 1656 г.), да село Воздвиженское въ волоцкомъ уѣздѣ, которое въ 1658 г. промѣнялъ боярамъ Салтыковымъ на вотчину ихъ въ рузскомъ уѣздѣ—село Казаново съ пустошами ([166]). Кромѣ того царь пожаловалъ (10 іюля 1657) крестному монастырю въ каргопольскомъ и турчасовскомъ уѣздахъ семнадцать волостей съ цѣлыми десятками деревень и множествомъ земли и крестьянъ, взявъ себѣ, въ замѣнъ тѣхъ волостей, купленныя патріархомъ Никономъ въ московскомъ уѣздѣ—село Черкизово, да четыре сельца и девять деревень. Еще пожаловалъ царь тогдаже и томуже монастырю въ каргопольскомъ уѣздѣ — село Подпорожье и волость Биричевскую со многими деревнями и крестьянами, да въ коротецкой волости шесть оброчныхъ деревень, взявъ себѣ, взамѣнъ того, отъ монастыря село Турунтаево съ деревнею Дылево ([167]). Вслѣдствіе всего этого въ 1661 году, слѣдовательно спустя четыре года съ основанія крестнаго или ставросова монастыря, оказалось, что онъ имѣлъ уже въ своемъ владѣніи 819 крестьянскихъ

([166]) *Шушерин.* Изв. о патр. Никонѣ, стр. 29; Истор. росс. іерарх. IV, въ статьѣ о крестн. монастырѣ; *архим. Леонида* Истор. Описаніе воскресенскаго ставропиг. монастыря, Москв. 1873. Здѣсь, на основаніи монастырскихъ актовъ, напечатанъ перечень какъ царскихъ граматъ на вотчины, пожалованныя Никону и каждому изъ трехъ его монастырей, такъ и купчихъ граматъ на вотчины, пріобрѣтенныя самимъ Никономъ для тойже цѣли (стр. 505—519), и затѣмъ напечатаны нѣкоторыя изъ этихъ граматъ (606—626).

([167]) 1-е Полн. собр. закон., т. I, № 211. Тутъ подробно перечислены села и деревни, количество крестьянскихъ дворовъ, земли, угодія и проч., пожалованныя крестному монастырю.

дворовъ и въ этомъ отношеніи далеко превосходилъ всѣ, самые даже древніе новгородскіе и болѣе сѣверные наши монастыри, за исключеніемъ только двухъ, кирилло-бѣлозерскаго и хутынскаго ([168]).

Одновременно съ основаніемъ крестнаго монастыря на островѣ Кіѣ Никонъ положилъ начало и для третьяго своего монастыря въ селѣ Воскресенскомъ, въ 45 верстахъ отъ Москвы, по волоколамской дорогѣ. Это село, расположенное на нагорномъ берегу рѣки Истры, съ его красивыми окрестностями, съ его лѣсами и возвышенностями, очень полюбилось патріарху, когда онъ, путешествуя въ иверскій свой монастырь, имѣлъ здѣсь остановку, и у него родилась мысль воздвигнуть здѣсь обитель иноковъ. Воскресенское принадлежало тогда боярину Роману Ѳедоровичу Бобарыкину. Никонъ купилъ у боярина это село съ окрестными деревнями и пустошами на имя иверской своей обители, за двѣ тысячи рублей изъ своей келейной казны, 3 іюня 1656 года. И въ томъ же году, какъ необходимо допустить, благословилъ приступить къ очисткѣ мѣстности, избранной для монастыря и покрытой тогда лѣсомъ, и къ постройкѣ монастырскихъ зданій: потому что къ осени слѣдующаго года монастырь былъ уже готовъ, братія собраны, келліи и монастырскія службы по-

([168]) Въ 1661 г., 18 декабря, составлена была въ монастырскомъ приказѣ «Роспись, сколько за всѣми монастыри крестьянскихъ дворовъ». Изъ этой росписи видно, что состояло тогда: за ставросовымъ (крестнымъ) монастыремъ — 819 дворовъ, а за новгородскимъ юрьевымъ — 535, за новгор. антоніевымъ — 200, за александросвирскимъ — 181, за соловецкимъ — 202. Хутынскій-новгородскій имѣлъ 895 дворовъ, а кириллобѣлозерскій — 3855 дворовъ (Записки русск. отд. археолог. общества, II, 410—411. 419. 420).

ставлены и деревянная церковь съ трапезою сооружена. На торжество освященія церкви Никонъ пригласилъ самого государя, съ царскимъ семействомъ и синклитомъ, и освятилъ ее самъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, 18 окт. 1657 г., во имя живоноснаго воскресенія Христова. Послѣ освященія царь, обходя монастырь, поднялся на одну изъ возвышенностей къ востоку отъ монастыря, называемую нынѣ «Елеономъ», и, любуясь живописными окрестностями, воскликнулъ: «во истину самъ Богъ уготовалъ мѣсто сіе на созданіе монастыря,—оно прекрасно, подобно Іерусалиму». А чрезъ два дня прислалъ Никону изъ сторожевскаго монастыря, гдѣ на время остановился, письмо, въ которомъ благодарилъ патріарха за угощеніе, не отказывался посѣщать и впредь его новую обитель и назвалъ ее «новымъ Іерусалимомъ», — что̀ весьма обрадовало Никона, такъ какъ вполнѣ соотвѣтствовало его желаніямъ, которыя, безъ сомнѣнія, онъ открылъ государю еще прежде. Патріархъ Никонъ положилъ это письмо государя въ серебряный ковчежецъ и велѣлъ хранить на память потомкамъ, а монастырь приказалъ называть новымъ Іерусалимомъ. Въ тотъ самый день, когда совершилось освященіе деревянной церкви, Никонъ заложилъ основаніе и для новаго, каменнаго храма въ своей воскресенской обители. Этотъ каменный храмъ въ «новомъ Іерусалимѣ» Никонъ задумалъ создать по образцу той величественной церкви воскресенія Господня, которая находится въ древнемъ Іерусалимѣ и модель которой будтобы принесъ оттуда въ Москву старецъ Арсеній Сухановъ. Но постройка заложеннаго Никономъ каменнаго храма, продолжавшаяся много лѣтъ, будетъ предметомъ дальнѣйшей исторіи. А здѣсь намъ остается сказать

только, какими матеріальными средствами надѣлили новую обитель и царь и самъ Никонъ. Царь пожаловалъ «въ новый Іерусалимъ, въ монастырь живоноснаго Воскресенія», какъ самъ выражался въ жалованныхъ граматахъ: половину села Ивановскаго съ крестьянами и всѣми угодіями, въ московскомъ уѣздѣ (18 дек. 1657 г.), село Еднево съ пустошами въ рузскомъ уѣздѣ (16 марта 1658), половину оброчныхъ погостовъ Поноя и Еконги, равно какъ половину рѣкъ Поноя и Лахты съ рыбными ловлями въ кольскомъ уѣздѣ (27 марта 1658), и велѣлъ приписать къ этому монастырю пятницкую Берендѣеву пустынь въ дмитровскомъ уѣздѣ (1658 г.). А патріархъ Никонъ купилъ для этого монастыря село Юркино и деревню Козлобородово съ пустошами въ звенигородскомъ уѣздѣ (6 марта 1658), и отдалъ монастырю въ Москвѣ безприходную церковь Воскресенія въ Панѣхъ съ принадлежавшею ей землею и лавками, для устройства здѣсь монастырскаго подворья (окт. 1657). Но надобно присовокупить, что кромѣ девяти вотчинъ, купленныхъ Никономъ на имя то одного, то другаго, то третьяго изъ его монастырей, онъ накупилъ въ тотъ же промежутокъ времени еще до двадцати вотчинъ на свое собственное имя, и что купчія на всѣ эти вотчины записаны были въ актовую книгу воскресенскаго монастыря, вѣроятно, потому, что для него преимущественно вотчины и назначались,—вслѣдствіе чего за нимъ, какъ увидимъ, зачислены почти всѣ эти вотчины и на соборѣ 1667 года ([169]). А если такъ, то слѣдуетъ заключить, что мона-

---

([169]) *Архим. Леонид.* Истор. Опис. воскресен. ставр. монастыря, стр. 2—10. 94—95. 507—519. 612—614. 625. Время заложенія каменной церкви въ мо-

стырь воскресенскій или новый Іерусалимъ съ первыхъ лѣтъ своей жизни былъ обезпеченъ имѣніями едвали даже не болѣе, чѣмъ монастыри иверскій и крестный, и во всякомъ случаѣ, подобно имъ, принадлежалъ къ числу монастырей самыхъ богатыхъ.

Три монастыря патріарха Никона — три памятника его

настырѣ—18 окт. 1657 г. ясно обозначено въ древнемъ лѣтописцѣ обители (тамъ же, стр. 95). А надпись на колоколѣ: «1658 году, сентября въ 1 день, начало святыя *вещи сей*»..., очевидно, относится къ самому колоколу (тамъ же, стр. 10). Въ книгѣ дѣяній москов. собора 1667 г., гл. XI, перечислены всѣ вотчины какъ воскресенскаго, такъ и двухъ другихъ монастырей, основанныхъ Никономъ. Шушеринъ говоритъ, будто Никонъ, по освященіи уже деревянной церкви въ воскресенскомъ монастырѣ, т. е. послѣ 18 окт. 1657 г., послалъ Арсенія Суханова въ Іерусалимъ, за моделью іерусалимскаго храма, которую *вскорѣ* Арсеній и принесъ (стр. 31). Но это невѣроятно: 1) одновременно съ освященіемъ деревянной церкви въ воскресенской обители Никонъ заложилъ въ ней и каменный храмъ по образцу іерусалимскаго,—значитъ имѣлъ уже у себя тогда планъ или модель послѣдняго: странно было бы сперва заложить храмъ, а потомъ посылать за планомъ или моделью для него; 2) не сохранилось никакихъ другихъ извѣстій, чтобы Арсеній, послѣ двухъ своихъ путешествій на востокъ (въ 1649—1653 и въ 1654—1655 г.), ходилъ туда еще въ третій разъ собственно за моделью іерусалимскаго храма; 3) Арсеній въ своемъ Проскинитаріѣ 1653 года, гл. 38 и 39, описалъ іерусалимскій храмъ воскресенія Господня съ такими мельчайшими подробностями во всѣхъ его частяхъ и во всѣхъ измѣреніяхъ, что по одному этому описанію можно было составить точную модель его, если она не была принесена самимъ Арсеніемъ (—стр. 141—151, по изд. казан. 1870 г.); 4) архидіаконъ Павелъ алеппскій еще въ 1655 г. видѣлъ въ московскомъ успенскомъ соборѣ модель іерусалимскаго храма воскресенія Господня со всѣми куполами, какъ они существуютъ въ дѣйствительности, и съ крестами на верху, вылитую изъ серебра, которую несли діаконы впереди плащаницы во время ея выноса (Путеш. Макарія, кн. XI, отд. I, въ т. II, 109). Модель, по которой началъ Никонъ сооружать свой воскресенскій храмъ, сохранилась доселѣ въ воскресенскомъ монастырѣ. Самъ Никонъ, въ своихъ возраженіяхъ на вопросы Стрѣшнева и отвѣты Лигарида, говоритъ, что онъ строилъ въ своемъ воскресенскомъ монастырѣ церковь «по образу», который принесъ ему изъ Іерусалима іерусалимскій патріархъ Паисій (см. возраж. 14-е).

чрезвычайнаго могущества. Много было у него вотчинъ и всякаго рода имѣній, какъ у патріарха, даже слишкомъ много; немало было у него, какъ у патріарха, и домовыхъ монастырей, принадлежавшихъ патріаршей каѳедрѣ. Но царь Алексѣй Михайловичъ позволялъ ему еще созидать новые монастыри; жаловалъ ему на эти монастыри новыя села, деревни, цѣлыя волости; приписывалъ къ этимъ монастырямъ другіе, прежде основанные монастыри, съ ихъ владѣніями, и разрѣшалъ Никону, вопреки дѣйствовавшему Уложенію, покупать и на свое имя и на имя созданныхъ имъ обителей многочисленныя вотчины. И все это дѣлалось лично для Никона. Монастыри его «строенія» не принадлежали къ домовымъ монастырямъ патріаршей каѳедры, а принадлежали ему лично, были его собственностію. И всѣ вотчины ихъ составляли, отдѣльно отъ патріаршихъ вотчинъ, особую обширную область, въ которой являлся онъ лично полноправнымъ владѣльцемъ и хозяиномъ. Потому-то, какъ увидимъ впослѣдствіи, когда онъ оставилъ патріаршую каѳедру, и когда всѣ патріаршія вотчины и домовые монастыри были описаны и отданы подъ особый надзоръ, три монастыря Никона со всѣми ихъ вотчинами были оставлены за нимъ и находились въ его полномъ распоряженіи. Самъ онъ, на случай своей смерти, просилъ царя и соборъ архипастырей приписать эти три монастыря, съ ихъ имѣніями, «къ царствующему граду Москвѣ въ область, а не въ домъ патріаршь» ([170]). И соборъ 1667 г., дѣйствительно, не приписалъ ихъ къ домовымъ патріаршимъ

([170]) Записки русск. отд. археол. общ. II, стр. 504.

монастырямъ, а призналъ наряду съ самостоятельными монастырями.

Въ лицѣ Никона власть русскаго патріарха достигла такой степени, какой она не достигала ни прежде, ни послѣ. Если патріархъ Филаретъ Никитичъ пользовался нѣкоторыми чрезвычайными преимуществами въ государствѣ, то пользовался, какъ отецъ царствовавшаго тогда государя. А Никонъ, одинъ изъ подданныхъ, сынъ простаго поселянина, силою своего ума и личныхъ достоинствъ, умѣлъ покорить себѣ сердце царя, возвысился до патріаршаго престола, удостоился имени «великаго государя», и сдѣлался первымъ и самымъ могущественнымъ, послѣ царя, дѣятелемъ государственнымъ, которому покорялись всѣ и все. Въ своихъ же церковныхъ дѣлахъ достигъ совершенной самостоятельности и независимости отъ мірскихъ властей и казался всѣмъ дѣйствительно верховнымъ архипастыремъ и полновластнымъ владыкою и главою управляемой имъ церкви. Впрочемъ, какъ ни далеко простиралась власть патріаршая въ лицѣ Никона, она никогда рѣзко не выступала изъ предѣловъ по отношенію къ царской власти. Никонъ помнилъ, что онъ подданный государя, обращался къ нему, когда считалъ нужнымъ, съ челобитьемъ и не обнаруживалъ прямо никакихъ чрезмѣрныхъ притязаній, когда все благопріятствовало его могуществу. Но обстоятельства измѣнились, когда онъ почувствовалъ себя въ царской опалѣ; тогда, какъ увидимъ, онъ уже не стѣснялся ничѣмъ, чтобы высказывать свои притязанія во всей широтѣ, и не полагалъ никакихъ границъ этимъ заносчивымъ притязаніямъ. Но сдѣлавъ столько для себя, какъ патріарха,

для своей самостоятельности и независимости, что̀ сдѣлалъ Никонъ для независимости всей своей церкви, для независимости прочихъ архипастырей и всего духовенства? Что̀ сдѣлалъ онъ для освобожденія ихъ отъ унизительной для нихъ подсудности свѣтскимъ властямъ въ монастырскомъ приказѣ, которому подчинило ихъ Уложеніе? Впослѣдствіи Никонъ писалъ цареградскому патріарху Діонисію: «и о той проклятой книгѣ (Уложеніи) многажды глаголахомъ царскому величеству, чтобы искоренить ее, и да держитъ божественныя и св. евангелія заповѣди, и св. апостолъ и св. отецъ правила, и древнихъ благочестивыхъ царей законы, ради освященнаго чина митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, архимандритовъ и игуменовъ, и поповъ и діаконовъ, и всего церковнаго причта, — да не судятъ (ихъ) мірскіе люди и въ судъ да не влекутъ ихъ нуждею въ мірскія судилища». Но есть достовѣрное свидѣтельство, что Никонъ дѣйствительно ратовалъ противъ «Уложенной книги», публично укорялъ ее, называлъ недоброю, даже попиралъ посохомъ. При всемъ томъ царь Алексѣй Михайловичъ не согласился ни отложить ее, ни упразднить монастырскій приказъ. Можетъ быть, Никонъ ходатайствовалъ объ этомъ не съ такою смѣлостію, рѣшительностію и настойчивостію, съ какими умѣлъ онъ ходатайствовать предъ государемъ въ другихъ случаяхъ; можетъ быть, боялся слишкомъ раздражить противъ себя сильныхъ бояръ, которые всячески отстаивали Уложеніе, опасаясь подвергнуться гнѣву самого государя. По крайней мѣрѣ враги Никона укоряли его, что онъ не былъ подобенъ въ этомъ случаѣ тѣмъ боголюбцамъ, которые «скорби и смерти

не боялися, за истину страдали и стояли крѣпко» ([171]). Можетъ быть даже, Никонъ, довольный тѣмъ, что для него лично какбы не существовали ни монастырскій приказъ, ни Уложенная книга, что ему лично не было отказа ни въ чемъ, что служило къ независимости, возвышенію и проявленію его патріаршей власти, недовольно позаботился о независимости другихъ русскихъ архіереевъ и съ тою цѣлію, чтобы тѣмъ болѣе и яснѣе открывалось его верховенство и преобладаніе надъ ними и всею церковію. Но если и допустить все это, если согласиться, что старанія Никона, направленныя противъ Уложенія, были недовольно сильны, все же они не остались безплодными. Соборъ 1667 г., какъ увидимъ, призналъ ихъ справедливыми, и монастырскій приказъ, по рѣшенію этого собора, былъ упраздненъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ.

Съ другой стороны, несомнѣнно, что, по крайней мѣрѣ, въ дѣлахъ собственно церковныхъ, Никонъ дѣйствительно освободилъ и прочихъ архіереевъ отъ подчиненія свѣтской власти. Какъ сами они въ этихъ дѣлахъ подлежали власти только своего патріарха, такъ и въ своихъ епархіяхъ пользовались независимою властію по отношенію къ подвѣдомому духовенству. «Онъ, патріархъ Никонъ и власти, свидѣтельствуетъ одинъ изъ современниковъ, хотя и непріязненный Никону за его исправленія церковныхъ книгъ, пишутся и называются великими государями и свободными архіереями: мы де суду царскому не подлежимъ, судитъ де насъ отецъ

([171]) Записки русск. отд. археол. общ. II, стр. 519; Матеріалы для истор. русск. раскола, I, 48.

нашъ патріархъ. Они жъ въ своихъ паствахъ поставляютъ архимандритовъ, и игуменовъ, и протопоповъ, самовольствомъ, кто имъ годенъ, безъ указу великаго государя: потому они называются свободными. А что они царскому суду не подлежатъ, и то есть свобода жъ». Къ сожалѣнію, и по дѣламъ церковнымъ, предоставивъ епархіальнымъ архіереямъ нѣкоторую долю независимости отъ свѣтской власти, Никонъ пользовался тоюже свѣтскою властію, чтобы порабощать архіереевъ себѣ еще болѣе и нарушать ихъ права въ ихъ собственныхъ епархіяхъ. Мы видѣли, какъ дѣйствовалъ Никонъ при устроеніи трехъ своихъ монастырей: иверскаго, крестнаго и воскресенскаго, и какъ, по его ходатайству, государь не только жаловалъ этимъ монастырямъ или утверждалъ за ними разныя вотчины и угодья, но приписывалъ къ нимъ цѣлые монастыри съ ихъ вотчинами и угодьями. Такихъ монастырей приписано было четырнадцать, въ томъ числѣ семь приписано къ одному иверскому монастырю. Всѣ они находились не въ епархіи патріаршей, а въ епархіяхъ другихъ архіереевъ, тверскаго и новгородскаго, и всѣ, лишь только приписывались къ монастырямъ Никонова строенія, переходили изъ-подъ власти своихъ епархіальныхъ архіереевъ подъ власть самого Никона. Вмѣстѣ съ тѣмъ многія изъ вотчинъ Никоновыхъ и приписанныхъ къ нимъ монастырей находились также въ чужихъ епархіяхъ, и всѣ приходскія церкви въ этихъ вотчинахъ, числомъ до 50, поступали также подъ власть Никона. У архіереевъ не только отнималось принадлежавшее имъ право правленія и суда по отношенію къ тѣмъ монастырямъ съ ихъ настоятелями и братіею и къ тѣмъ приходскимъ церквамъ съ ихъ духовенствомъ и прихо-

жанами по дѣламъ духовнымъ, но отнимались, въ нѣкоторой степени, и матеріальныя средства къ жизни: потому что всѣ годичныя дани и разнообразныя пошлины, какія прежде означенные монастыри и ихъ настоятели, равно приходскія церкви и ихъ духовенство, вносили своимъ епархіальнымъ владыкамъ, теперь должны были поступать въ казну самого патріарха. Пока Никонъ находился на своей каѳедрѣ, архіереи и монастыри молчали и повиновались. Но когда палъ, они подали на него за такое злоупотребленіе власти много жалобъ. И соборъ, судившій Никона, нашелъ жалобы справедливыми, и возвратилъ всѣ тѣ приписные монастыри и всѣ приходскія церкви въ вотчинахъ никоновыхъ монастырей подъ власть мѣстныхъ епархіальныхъ архіереевъ, а Никона призналъ виновнымъ въ томъ, что онъ поступалъ въ этомъ случаѣ вопреки церковнымъ правиламъ и не объявлялъ тѣхъ правилъ царю-государю, чрезъ что̀ и вводилъ его въ заблужденіе ([172]).

([172]) Матеріалы для истор. русск. раскола, IV, 296. Книга дѣяній москов. собора 1667 года, гл. XI. Въ москов. главн. архивѣ м. и. д., въ числѣ «неразобранныхъ свитковъ», сохранилась «роспись въ обидахъ святѣйшаго Никона патріарха», на трехъ столбцахъ, составленная, какъ можно догадываться изъ содержанія, въ 1667 г. предъ судомъ надъ Никономъ. Въ ней-то и показано число приписныхъ монастырей и приходскихъ церквей, состоявшихъ за тремя монастырями Никона и перешедшихъ изъ чужихъ епархій подъ его власть. Въ тверской епархіи такихъ церквей находилось три и монастырей пять: въ самой Твери—ѳедоровскій монастырь на посадѣ, въ Клину—успенскій, Николы чудотворца, страганскій дудинъ и зосиминъ. А въ новгородской епархіи церквей такихъ было 47 и монастырей девять: въ самомъ Новгородѣ—лисій, въ бѣжецкой пятинѣ—боровицкій, въ деревской—боровенскій и короцкій, въ Торху—рождественскій, въ Старой Русѣ—спасскій, въ каргопольскомъ уѣздѣ — сырьинскій и волочекъ монастырь, въ холмогорскомъ уѣздѣ—пертоминскій монастырь. «И тѣхъ монастырей,—замѣчено въ роспи-

IV.

Кромѣ двухъ главныхъ дѣлъ, которымъ было посвящено недолговременное патріаршествованіе Никона, и о которыхъ мы досел говорили, оно ознаменовалось и другими дѣяніями его, какъ верховнаго пастыря русской церкви.

Никонъ имѣлъ отъ природы умъ свѣтлый, твердый и обширный, и этотъ умъ успѣлъ обогатить, чрезъ чтеніе книгъ, разнородными познаніями—въ словѣ Божіемъ, въ писаніяхъ св. отцевъ, въ церковной исторіи и особенно въ канонахъ церкви. При такомъ умѣ и познаніяхъ, онъ обладалъ еще рѣдкимъ даромъ слова и голосомъ чистымъ, сильнымъ, пріятнымъ, могъ говорить, даже безъ приготовленія, разумно, назидательно, сладко. Этимъ-то даромъ слова и достоинствами своей бесѣды Никонъ, прежде всего, и покорилъ себѣ сердце молодаго царя Алексѣя Михайловича, и потомъ обратилъ на себя особенное вниманіе іерусалимскаго патріарха Паисія, когда былъ еще архимандритомъ. Сдѣлавшись митрополитомъ новгородскимъ, Никонъ, кромѣ чтенія готовыхъ церковныхъ

си, — архимандритовъ и игуменовъ и строителей съ братіею, и приходскихъ церквей поповъ и дьяконовъ, и церковныхъ причетниковъ, и мірскихъ людей духовностію, вѣдаетъ онъ, бывшей Никонъ патріархъ. Да съ тѣхъ же монастырей, съ игуменовъ и строителей, и съ приходскихъ церквей, съ поповъ, и дьяконовъ, и причетниковъ по вся годы емлетъ церковную дань, и венечную пошлину, и съ новичныхъ, и съ перехожихъ, и съ похоронныхъ пошлиные деньги». А относительно тверской епархіи замѣчено еще: «да въ прошломъ 166 году святѣйшій Никонъ патріархъ въ городѣ Старицѣ соборную каменную церковь разрушалъ, и тотъ камень возили въ воскресенскій монастырь зимнимъ путемъ наши домовые крестьянишко, сто подводъ».

поученій, положенныхъ на воскресные дни и праздники, началъ и отъ себя проповѣдывать въ церкви, — что̀ было тогда совершенною новостію, — и своими проповѣдями привлекалъ къ себѣ толпы слушателей. Между современными архипастырями не было не только равнаго, но и подобнаго ему въ этомъ отношеніи. Надобно, однакожъ, замѣтить, что такой отзывъ о Никонѣ дѣлаетъ приверженный къ нему клирикъ его Шушеринъ, и что у насъ были уже въ то время и другія лица въ духовенствѣ, которыя не ограничивались только чтеніемъ готовыхъ проповѣдей въ церкви, но предлагали при этомъ и отъ себя поученія къ народу и даже славились своими поученіями, каковы были, какъ мы отчасти и видѣли, извѣстные протопопы — соперники Никона: Іоаннъ Нероновъ московскій, Аввакумъ юрьевскій и Логгинъ муромскій ([173]).

Сдѣлавшись патріархомъ, Никонъ еще усугубилъ свою ревность въ проповѣданіи слова Божія, и почти за каждою своею службою обращался съ назидательными бесѣдами къ народу. Иногда онъ только читалъ самъ поученія изъ св. отцевъ и другихъ книгъ, для того назначенныхъ, слѣдуя

([173]) «Бѣ преосвященный митрополитъ зѣло отъ божественнаго писанія сказатель, и богодохновенною бесѣдою украшенъ, и гласъ его пріятенъ и слушающимъ увеселителенъ, а не покаряющимся Богу и св. церкви страшенъ, и, кратко рещи, въ та времена не точію ему въ томъ равнаго архіерея не было, но и подобнаго не обрѣталось. Обычай же онъ, преосвящ. митрополитъ, имяше почасту св. литургію совершати, а наипачеже во дни недѣльныя и праздничныя, и народа слову Божію учити, егоже для сладостнаго поученія мнозѣ отъ дальнихъ приходовъ въ соборную церковь къ литургіи приходяще, поученія его преславнаго съ желаніемъ и сердечною любовію и сладостнаго пѣнія слышаху» (*Шушерин.* Извѣстіе о патр. Никонѣ, стр. 13, Москв. 1871). О Нероновѣ и Аввакумѣ — Матер. для истор. раскола, I, 29. 275 и др. О Логгинѣ—*Олеарій* въ Чтен. м. истор. общ. 1868, IV, отд. IV, 327.

общему правилу, соблюдавшемуся тогда въ нашей церкви. Въ этихъ случаяхъ онъ выходилъ изъ алтаря на амвонъ, діаконы выносили и развертывали предъ нимъ книгу и онъ прочитывалъ то, что слѣдовало, или что желалъ прочитать ([174]). Въ другое время Никонъ не ограничивался однимъ лишь прочтеніемъ готовыхъ поученій, а дѣлалъ къ нимъ собственныя поясненія и дополненія. Въ недѣлю мясопустную 1655 г., когда Никонъ въ первый разъ совершилъ литургію вмѣстѣ съ двумя патріархами, онъ, по окончаніи ея, «не только прочелъ поученіе на тотъ день, но и самъ проповѣдывалъ и пояснялъ прочитанное предстоящимъ». Въ недѣлю православія тогоже года онъ «не только прочелъ всю, соотвѣтствующую дню, бесѣду о поклоненіи св. иконамъ, отъ начала до конца, но присоединилъ къ ней свои объясненія и увѣщанія, очень обширныя» ([175]). Иногда же Никонъ не

([174]) Павелъ алеппскій упоминаетъ только о четырехъ такихъ случаяхъ: Никонъ прочелъ, по окончаніи имъ литургіи въ успенскомъ соборѣ, съ амвона дневныя поученія: въ недѣлю сыропустную 1655 г.; въ недѣлю праотцевъ и 25 дек. тогоже года, а также въ недѣлю православія 1656 года (Путеш. Макарія. кн. IX, отд. 9; кн. XIII, отд. 7. 9; кн. XIV. отд. 3, въ т. II, 38. 223. 234. 274). Но въ «Книгѣ записной облаченій и дѣйства» патр. Никона такихъ случаевъ записано гораздо больше и притомъ съ указаніемъ самихъ книгъ, изъ которыхъ происходили чтенія. Напримѣръ, въ 1656 г., въ сырную недѣлю Никонъ, по окончаніи литургіи въ успенскомъ соборѣ, «поученіе челъ въ Торжественникѣ», и въ тотъ же день «послѣ вечерни челъ поученіе въ Толковомъ евангеліи», въ 5-ю недѣлю великаго поста, послѣ литургіи въ соборѣ, «челъ поученіе въ Соборникѣ». Въ 1657 г., въ день рождества Христова, по отпустѣ литургіи въ соборѣ «челъ поученіе въ Минеи мѣсячной — слово на рождество Христово». Въ 1658 г., въ недѣлю сыропустную, по окончаніи вечерни въ соборѣ, «поученіе челъ на амвонѣ отъ книги Фотія митрополита, и потомъ челъ и въ Толковомъ евангеліи» (Рукоп. моск. синод. библ., № 93, л. 19 об. 20. 25 об. 31. 98. 120).

([175]) *Павла алепп.* Путеш. Макарія. кн. VIII, отд. 6, въ т. I, 406; кн. IX, отд. 12, въ т. II, 48—49. 51.

довольствовался и одними пояснительными дополненіями къ прочитаннымъ проповѣдямъ, а произносилъ свои самостоятельныя поученія. Напримѣръ, въ туже недѣлю православія, кромѣ прочитанной бесѣды о поклоненіи св. иконамъ и своихъ дополненій къ ней, Никонъ сказалъ еще слово о томъ, какъ должно слагать персты для крестнаго знаменія. Въ недѣлю мясопустную 1656 года, «послѣ обѣдни (въ успенскомъ соборѣ), какъ только патріархъ Никонъ прочелъ поученіе на тотъ день и сказалъ проповѣдь, одна изъ монахинь выступила впередъ и объявила царю и патріарху, что она съ давняго уже времени была больна, и что она въ прошлую ночь, оставшись въ соборѣ, уснула у раки святителя Филиппа. Ночью онъ явился ей во всемъ облаченіи, съ двумя діаконами, кадившими ему, и, назвавъ ее по имени, велѣлъ ей встать,—и она тотчасъ же выздоровѣла. Выслушавъ разсказъ, царь пролилъ обильныя слезы, а патріархъ началъ поучать народъ, и поучалъ долго, по поводу совершившагося чуда (176). Этотъ послѣдній случай показываетъ, что Никонъ способенъ былъ говорить поученія къ народу, даже длинныя, безъ всякаго приготовленія. А при такой способности, вѣроятно, онъ никогда предварительно не писалъ своихъ проповѣдей, и становится понятнымъ, почему ниодна изъ нихъ не дошла до насъ. Не дошли до насъ и рѣчи Никона, которыя говорилъ онъ царю Алексѣю Михайловичу

---

(176) Тамъ же, кн. IX, отд. 12; кн. XIV, отд. 1, въ т. II, 50. 266. Равнымъ образомъ и въ день пятидесятницы 1656 г. Никонъ, окончивъ продолжительное богослуженіе, «прочелъ поученіе на тотъ день и затѣмъ говорилъ проповѣдь» (тамъ же, кн. XIV, отд. 9, въ т. II, 301).

каждый разъ, когда провожалъ его на войну и потомъ встрѣчалъ его по возвращеніи съ войны въ столицѣ. Объ одной изъ этихъ рѣчей сохранилось сказаніе свидѣтеля-очевидца, тѣмъ болѣе любопытное, что оно даетъ основаніе заключать и вообще о характерѣ проповѣдей Никона. Въ 1655 году, 11-го марта, предъ отправленіемъ государя на войну, патріархи совершили ему въ успенскомъ соборѣ напутственное молебствіе, при безчисленномъ стеченіи народа. Когда молебствіе окончилось, «патріархъ Никонъ сталъ предъ царемъ, и, призывая ему отъ Бога благословеніе и помощь для побѣды надъ врагами, началъ громкимъ голосомъ краснорѣчивое слово, въ которомъ приводилъ многіе примѣры такой помощи изъ древней исторіи и новой, каковы побѣда Моусея надъ фараономъ, Константина великаго надъ Максиміаномъ и Максентіемъ и другія въ томъ же родѣ. Рѣчь его была обильна и плодовита и походила на потокъ богатый водою. Если онъ ошибался, или путался въ словахъ, и запинался, то немедленно оправлялся и продолжалъ съ новою силою. Никто, казалось, не замѣчалъ его ошибокъ и не уставалъ его слушать. Всѣ молчали и внимали ему, какбы рабы предъ господиномъ. Наиболѣе же возбуждало удивленіе то, что царь стоялъ съ непокрытою головою, а патріархъ былъ въ митрѣ; одинъ со смиреніемъ сложилъ свои руки на груди, а другой, въ жару ораторства, поднималъ свои руки, какбы отдавая приказанія; царь въ молчаніи склонилъ свою обнаженную главу къ землѣ, а патріархъ, говоря къ нему, гордо возносилъ главу свою, увѣнчанную митрою; первый какбы притаилъ свое дыханіе и сдерживалъ чувства, голосъ же послѣдняго раздавался громко по храму, подобно звону коло-

кола; первый имѣлъ видъ раба, послѣдній — видъ знатнаго господина. Какое зрѣлище для насъ! Одному Богу извѣстно, что̀ чувствовали мы къ государю. Какое необычайное смиреніе!.. Патріархъ окончилъ свое слово молитвою, и поклонился царю» ([177]).

Но если не дошли до насъ ни рѣчи патріарха Никона къ царю, ни поученія, которыя произносилъ Никонъ къ своей московской паствѣ, то дошли рѣчи его, сказанныя на двухъ московскихъ соборахъ и намъ уже извѣстныя, дошли поученія его, съ какими обращался онъ ко всей Россіи въ двухъ своихъ окружныхъ граматахъ. Обѣ эти граматы разосланы были имъ въ 1656 году, одна отъ 24 іюня — по случаю основанія крестнаго монастыря, другая отъ 6 августа—по случаю мороваго повѣтрія. Въ первой граматѣ Никонъ, послѣ обычнаго архипастырскаго привѣтствія, извѣщалъ всѣхъ, духовныхъ и мірянъ, что имъ основанъ на островѣ Кіѣ крестный монастырь и уже отправленъ туда честный крестъ, устроенный изъ кипариснаго дерева, со множествомъ св. мощей, старался, съ одной стороны, расположить своихъ чадъ къ пожертвованіямъ на этотъ монастырь, а съ другой—объяснить имъ силу и дѣйствія креста Христова. «Православные христіане всякаго чина и возраста, возлюбленныя наша чада,—писалъ патріархъ,—кто изъ васъ всею душою любитъ Господа нашего Іисуса Христа и Его честный и животворящій крестъ, тотъ да подаетъ въ монастырь *Ставросъ*, т. е.

([177]) Тамъ же, кн. X, отд. 2, въ т. II, 59. О рѣчи Никона царю, по возвращеніи его изъ похода, 10 декабр. 1655 г., тамъ же, кн. XIII, отд. 5, въ т. II, 216.

крестъ, на строеніе и возгражденіе его, отъ дарованныхъ каждому Богомъ стяжаній, сколько хочетъ по благому своему усердію, помня сказанное апостоломъ: *доброхотна дателя любитъ Богъ* (2 Кор. 9, 7) и имѣя въ умѣ сказанное Богомъ Израилю: *да не явишися предо мною тощь* (Второз. 16, 16)..... Вы слышали, что сказалъ Христосъ Спаситель своими пресвятыми устами: *блажени милостивіи, яко тіи помилованни будутъ* (Матѳ. 5, 7); *дадите, и дастся вамъ* (Лук. 6, 38)..... Поревнуйте той бѣдной вдовицѣ, которая положила въ церковную сокровищницу двѣ послѣднія свои лепты, и которую похвалилъ Христосъ, такъ что даяніе ея доселѣ возвѣщается во всемъ мірѣ и будетъ ублажаться до пришествія Христова. Какой же похвалы и благодати будутъ достойны тѣ, которые даютъ многое на потребности и созиданіе св. церквей?... Вы знаете, что въ томъ монастырѣ крестномъ, какъ іеромонахи, такъ и монахи, распявшіеся Христу и взявшіе крестъ свой, будутъ день и ночь молить распявшагося на крестѣ Христа о вашемъ многолѣтнемъ здравіи и душевномъ спасеніи и о вашихъ скончавшихся сродникахъ. Знаете, что милостыня бываетъ причиною безчисленныхъ благъ, особенно же даваемая на созиданіе и украшеніе св. церквей, какъ свидѣтельствуетъ Златоустъ»... Представивъ за тѣмъ нѣсколько выписокъ изъ бесѣдъ Златоуста, съ своими поясненіями, о благотворности милостыни на св. храмы, въ которыхъ возсылаются молитвы и приносится безкровная жертва за живыхъ и умершихъ, Никонъ заключилъ: «подавайте же, возлюбленныя чада, въ тотъ крестный монастырь на его потребности, каждый по своей силѣ, — и Богъ всемогущій воздастъ вамъ, по св. евангелію, здѣсь

сторицею и въ будущемъ вѣкѣ животъ вѣчный, и сила божественнаго животворящаго креста сохранитъ васъ и соблюдетъ на всякомъ мѣстѣ отъ всякаго вреда и порока»... Во второй части своей граматы Никонъ желалъ изложить ученіе о силѣ и спасительныхъ дѣйствіяхъ креста Христова, и съ этою цѣлію воспользовался двумя бесѣдами изъ толковаго евангелія: бесѣдою на 3-ю недѣлю великаго поста или крестопоклонную и бесѣдою на воздвиженіе честнаго креста. Но, приведши выдержки изъ той и другой бесѣды, святитель продолжалъ рѣчь и отъ себя: «если мы желаемъ почтить приличною честью св. крестъ, то должны изображать его на лицѣ своемъ тремя первыми перстами десницы, совокупляя ихъ во образъ Св. Троицы: ибо такой древній обычай имѣютъ, по преданію, всѣ православные сыны восточной церкви. Они совокупляютъ три первые перста во образъ Св. Троицы, просвѣщеніемъ которой открылось намъ таинство воплощенія, и мы научились славить единаго Бога въ трехъ упостасяхъ, Отца и Сына и Св. Духа... Совокупляя три перста, мы имѣемъ въ умѣ таинство Св. Троицы, а изображая ими на себѣ крестъ Господа, воспоминаемъ Его страданіе и воскресеніе, и ради ихъ испрашиваемъ себѣ помощь отъ Бога. Онъ явилъ первому христіанскому царю Константину образъ честнаго и животворящаго креста на небеси..., и повелѣлъ сотворить подобіе его и носить предъ полками... И Константинъ, силою распявшагося на крестѣ Христа Бога нашего, одержалъ три достопамятныя побѣды... И въ память тѣхъ побѣдъ устроилъ три креста изъ чистой мѣди..., и возградилъ на св. горѣ аѳонской монастырь Ставросъ во имя креста Господня, существующій доселѣ. Одинъ изъ тѣхъ трехъ

крестовъ принесенъ въ Россію при великомъ князѣ Владимірѣ, и донынѣ находится въ Москвѣ. Его всесильнымъ дѣйствіемъ православные великіе князья и цари русскіе одолѣвали враговъ и покоряли подъ свою державу окрестныя страны. Равно и нынѣ благочестивый государь нашъ, царь Алексѣй Михайловичъ, ревнуя первому христіанскому царю Константину, повелѣлъ носить одинъ изъ тѣхъ трехъ крестовъ предъ полками своего благочестиваго воинства, и силою распявшагося на крестѣ Іисуса Христа, истиннаго Бога нашего, побѣждаетъ враговъ, какъ всѣмъ видимо. И мы вѣруемъ, что Господь Іисусъ, силою тогоже животворящаго креста, подастъ его царскому величеству совершенную побѣду надъ всѣми врагами и супостатами»... ([178]).

Въ грамате своей, по случаю мороваго повѣтрія, Никонъ прежде всего призывалъ всѣхъ къ покаянію. «Отъ чего повѣтріе,—писалъ онъ,—одинъ Богъ вѣдаетъ; а мы можемъ только сказать, что не бываетъ скорби, глада, губительства, недуговъ и иныхъ бѣдствій, ни въ городѣ, ни въ селѣ, если Господь не попуститъ... Нашъ долгъ молиться и плакать предъ Господомъ Богомъ не только о себѣ, но и о людяхъ, дабы со всѣми нами сотворилъ милость свою; но и васъ молимъ, всѣхъ и каждаго, каяться въ вашихъ грѣхахъ бывшихъ и настоящихъ, очистить себя св. исповѣдію, и молитвою, и постомъ, со слезами укротить праведный гнѣвъ Божій (при чемъ приведено 69 правило св. апостоловъ)... Да

([178]) Эта грамата патр. Никона тогда же напечатана въ Москвѣ (Хронологич. Указ. славяно-русск. книгъ, № 719) и разослана, вѣроятно, уже печатною. Вновь напечатана въ 1805 г. (см. примѣч. 165).

постится же каждый изъ васъ по силѣ, какъ сынъ восточной церкви, и да причастятся всѣ, кого признаютъ достойными духовные отцы, животворящихъ таинъ Христовыхъ. Если же кто, и послѣ этого завѣщанія нашего, не отступитъ отъ злодѣяній своихъ, и св. исповѣдію, постомъ и молитвами не сдѣлается своимъ Господу, и не сподобится св. таинъ.., то да вѣдаетъ, что я чистъ отъ всякаго нареканія, сказавъ вамъ волю Господню, заботясь о вашемъ здравіи и спасеніи». За тѣмъ Никонъ убѣждалъ всѣхъ, чтобы сами берегли себя, съ Божіею помощію, отъ моровано повѣтрія, и удалялись отъ него, и что такое береженіе себя—дѣло доброе, и въ подтвержденіе своихъ словъ привелъ отрывокъ изъ св. Аѳанасія великаго; указывалъ на примѣръ самого Спасителя, который бѣжалъ отъ Ирода и неразъ уклонялся отъ іудеевъ, хотѣвшихъ умертвить Его,—на примѣръ св. апостола Павла, также неразъ спасавшагося отъ враговъ, и на недавній примѣръ жителей Москвы во время бывшаго въ ней (1654 г.) повѣтрія. «Тѣ, которые бѣжали тогда изъ Москвы, съ надеждою на Бога, въ здоровыя мѣста, — говорилъ Никонъ. — тѣ и нынѣ здравствуютъ и поучаются на богоугодныя дѣла. А тѣ, которые не захотѣли спасаться, тѣ не только самихъ себя повергли въ погибель, но увлекли туда и многихъ ненаученыхъ, обольстивши ихъ своими ложными видѣніями и снами, за что̀ и пріимутъ месть отъ руки Вседержителя не менѣе убійцъ... Да и объ насъ тогда многіе, собираясь вмѣстѣ, говорили неподобное, приписывали намъ грѣхи, которыхъ мы не только не дѣлали, но и въ мысляхъ не имѣли, обвиняли насъ за отхожденіе изъ Москвы, хотя оно было по указу великаго государя: буди имъ милость Божія и не по-

стави имъ, Господи, грѣха... Они отъ лукаваго своего сердца предлагали свои ложныя видѣнія простецамъ; а простецы, напитавшись лживыми баснословіями крамольниковъ, клеветали то на одного, то на другаго и называли ихъ виновниками мороваго повѣтрія»... Потому Никонъ умолялъ, чтобы и теперь, во время новаго мороваго повѣтрія, не вѣрили лживымъ пророкамъ, которые во множествѣ являются въ разныхъ мѣстахъ и кричатъ: «видѣлъ сонъ, видѣлъ сонъ и получилъ отъ Господа такое-то извѣщеніе», или говорятъ: «ради такого-то или другаго человѣка постигла насъ язва», и увлекаютъ многихъ простыхъ людей къ погибели. Никонъ совѣтывалъ: «приводите такихъ лжепророковъ и сновидцевъ къ намъ, вашему пастырю; а мы, данною намъ отъ Христа Бога властію вязать и рѣшить, наложимъ на такихъ лжесловесниковъ подобающее обличеніе, по преданію св. восточныя церкви». Въ заключеніе патріархъ приглашалъ всѣхъ: «пріидите, восплачемъ вcѣ предъ Господомъ...; посѣемъ слезами, да пожнемъ въ радости; будемъ ниневитянами, а не содомлянами; изыдемъ изъ Содома и убѣжимъ въ Сигоръ...»; излагалъ довольно длинную покаянную молитву къ Богу отъ лица своихъ духовныхъ чадъ и снова призывалъ всѣхъ покаяться, оставить грѣхи и своими добродѣтелями привлечь на себя милость Божію ([179]). Нельзя не сознаться, что обѣ окружныя граматы Никона, нами разсмотрѣнныя, и особенно послѣдняя, страждутъ многословіемъ, повтореніями, растянуто-

---

([179]) И эта окружная грамата патр. Никона напечатана тогда же (Хронолог. Указ. славяно-русск. книгъ, № 718). А впослѣдствіи издана вновь въ Древн. Росс. Вивліоѳ. V, 262 и въ первомъ Собр. законовъ, I, № 188.

стію, и что самый слогъ въ граматахъ недовольно чистъ и правиленъ, а по мѣстамъ и недовольно вразумителенъ: недостатки, которые замѣтили мы и въ двухъ рѣчахъ Никона, сказанныхъ имъ на московскихъ соборахъ 1654 и 1655 годовъ. Съ другими литературными трудами Никона, не относящимися къ его проповѣдничеству, познакомимся впослѣдствіи.

Никонъ самъ не зналъ въ дѣтствѣ другой школы, кромѣ первоначальной, не обучался другимъ языкамъ и наукамъ, кромѣ славянской граматы и письма. Но, при своемъ свѣтломъ умѣ, онъ понималъ значеніе наукъ и научнаго образованія и потребность для русскихъ знанія особенно греческаго языка. И потому, лишь только сдѣлался патріархомъ, онъ основалъ въ Москвѣ греко-латинское училище, на подобіе тѣхъ, какія существовали въ западной Россіи. Ученый иностранецъ Адамъ Олеарій, въ первый разъ посѣтившій Москву въ 1634 г., и потомъ посѣщавшій ее еще нѣсколько разъ, и неразъ дополнявшій описаніе своего путешествія къ намъ, въ изданіи этой своей книги 1656 года, гдѣ упоминаетъ уже и о патріархѣ Паисіѣ іерусалимскомъ, замѣчая, что онъ «лѣтъ шесть тому назадъ, именно въ 1649 г., пріѣзжалъ въ Москву», и о патріархѣ Никонѣ помѣстилъ слѣдующее извѣстіе: «въ настоящее время, къ немалому удивленію, русское юношество, по распоряженіямъ патріарха и великаго князя, начинаютъ обучать греческому и латинскому языкамъ; для этого близъ патріаршаго двора учреждена уже латинская и греческая школа, которою завѣдываетъ и управляетъ одинъ грекъ, по имени Арсеній... Чтобы учиться, у русскихъ въ добрыхъ головахъ недостатка нѣтъ: между ними встрѣ-

чаются такіе способные люди, одаренные яснымъ умомъ и хорошею памятью». Этотъ Арсеній грекъ былъ тотъ самый, котораго вызвалъ Никонъ изъ соловецкаго монастыря, сдѣлалъ своимъ библіотекаремъ и «устроилъ,—по выраженію Неронова,—яко *учителя*, паче же къ тисненію печатному правителя». Долго ли существовала греко-латинская школа послѣ паденія Никона и какіе принесла плоды, свѣдѣній не сохранилось ([160]). Самъ Никонъ, какъ свидѣтельствуетъ Павелъ алеппскій, «очень любилъ греческій языкъ и старался ему научиться», будучи уже патріархомъ ([161]). Свое сочувствіе и уваженіе къ наукамъ и просвѣщенію Никонъ выразилъ также составленіемъ своей библіотеки. Въ концѣ іюля 1658 г. послѣ того, какъ Никонъ удалился съ каѳедры въ воскресенскій монастырь, царь Алексѣй Михайловичъ приказалъ переписать патріаршую, домовую и келейную казну и книги въ патріаршемъ казенномъ приказѣ и кельяхъ патріарха, и при этомъ книгъ оказалось болѣе тысячи. Много было тутъ книгъ славянскихъ, письменныхъ и печатныхъ: нѣкоторыя изъ нихъ могли перейти отъ прежнихъ патріарховъ. Еще болѣе—книгъ

([160]) *Олеар.* Опис. путешествія въ Московію и Персію, кн. III, гл. 21. 22, въ Чтен. моск. истор. общ., 1868, IV, отд. IV, 508. 510. Записки о жизни Неронова въ Матеріал. для истор. русск. раскола, 1. 150. Объ этой школѣ латинскаго и греческаго языковъ, открытой патр. Никономъ, упоминаетъ и Мейерберъ (Путешествіе въ Московію, въ Чтен. моск. Истор. общ. 1874, I. отд. IV, 171). Въ 1657 г., марта 12, прибылъ въ Путивль, въ числѣ другихъ грековъ, милостыни ради, изъ македонской земли города Фенара архіепископъ Аѳанасій и показалъ, что онъ ѣдетъ въ Москву, съ своими старцами, «по письму роднаго брата своего, старца Арсенія, который учителемъ на печатномъ дворѣ у патріарха Никона» (Москов. глав. арх. мин. ин. дѣлъ, дѣла греч., связк. 35, № 15).

([161]) Путеш. Макарія, кн. IX, гл. 9, въ т. II. 36.

греческихъ, также письменныхъ и печатныхъ: это преимущественно были книги, принесенныя съ востока старцемъ Арсеніемъ Сухановымъ и купленныя тамъ на государевы деньги и соболи. Но немало находилось здѣсь книгъ греческихъ и греко-латинскихъ, купленныхъ на собственныя келейныя деньги патріарха Никона въ Новгородѣ и состоявшихъ подъ непосредственнымъ завѣдываніемъ Арсенія грека. Въ этой, лично Никону принадлежавшей, библіотекѣ встрѣчаемъ весьма цѣнныя книги, каковы: а) письменныя: номоканонъ греческій, харатейный, съ толкованіями; девять служебниковъ греческихъ, харатейныхъ; три церковныхъ устава греческихъ; три книги Григорія богослова греческихъ, харатейныхъ; б) творенія знаменитѣйшихъ отцевъ церкви, изданныя въ западныхъ типографіяхъ на греческомъ и латинскомъ языкахъ, или на одномъ латинскомъ, именно: Діонисія ареопагита, Іустина философа, Григорія чудотворца, Климента александрійскаго, Кипріана, Кирилла іерусалимскаго, Аѳанасія великаго, Василія великаго, Григорія богослова, Іоанна Златоустаго, Григорія нисскаго, Кирилла александрійскаго и другихъ; в) церковно-историческія книги, изданныя тамъ же на греческомъ и латинскомъ языкахъ: Акты соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ; исторія Евсевія кесарійскаго, Никифора Каллиста; исторія флорентійскаго собора и проч.; г) сочиненія древнихъ языческихъ писателей, изданныя на тѣхъ же языкахъ, какъ то: Плутарха, Демосѳена, Геродота, Страбона, Аристотеля. Всѣ эти книги, по окончаніи переписи ихъ, какъ принадлежавшія Никону, были немедленно пересланы къ нему въ воскресенскій монастырь, по приказанію государя; а изъ греческихъ книгъ, купленныхъ Суха-

новымъ, однѣ пересланы были туда же, къ Никону, другія же переданы справщику Арсенію греку ([182]).

Патріархъ Никонъ весьма любилъ церковное богослуженіе, для котораго столько потрудился при исправленіи церковныхъ книгъ и обрядовъ... Каждый день посѣщалъ всѣ службы въ своей домовой церкви, и очень часто служилъ самъ. Богослуженіе Никона отличалось необычайною торжественностію, особенно въ большіе праздники, когда онъ священнодѣйствовалъ въ соборной церкви. Съ нимъ обыкновенно служили нѣсколько митрополитовъ и архіепископовъ, которые становились не рядомъ съ нимъ, а по сторонамъ, вмѣстѣ съ архимандритами и прочими священниками. А пока въ Москвѣ находились патріархи, антіохійскій и сербскій, Никонъ приглашалъ и ихъ обоихъ къ совокупному священнослуженію, и между ними всегда первенствовалъ, несмотря на то, что антіохійскій въ порядкѣ патріарховъ занималъ высшее мѣсто. Главнымъ изъ діаконовъ при богослуженіи Никона постоянно былъ архидіаконъ, и за нимъ уже слѣдовалъ протодіаконъ. Число служащихъ съ Никономъ литургію, со включеніемъ и діаконовъ, начиная съ 30, доходило до сорока и пятидесяти слишкомъ, даже до 75. Напримѣръ, въ 1655 г. на праздникъ святителя Петра, 21 декабря, служащихъ съ Никономъ было 42 человѣка; въ слѣдующемъ году на праздникъ крещенія Господня—также 42 человѣка, въ мясопустную недѣлю — 44 человѣка, въ сырную — 30 человѣкъ; въ недѣлю 5-ю по пасхѣ (4 мая), когда происходило рукоположеніе астра-

([182]) Переписная книга домовой казны патр. Никона, во Временн. моск. истор. общ., XV, отд. II, 98. 104. 114. 117—134.

ханскаго архіепископа Іосифа,—54 человѣка; въ недѣлю 7-ю по пасхѣ, когда анаѳематствовали Неронова, — 56 человѣкъ; въ 1657 году на праздникъ Рождества Христова — 75 человѣкъ ([183]). Кромѣ своей торжественности, богослуженіе Никона поражало еще, особенно иноземцевъ, своею продолжительностію и благочиніемъ. Описывая первую литургію, которую совершалъ Никонъ въ успенскомъ соборѣ, вмѣстѣ съ двумя другими патріархами, антіохійскимъ и сербскимъ, въ недѣлю мясопустную, когда предъ литургіею совершенъ былъ и обрядъ воспоминанія страшнаго суда, Павелъ алеппскій свидѣтельствуетъ, что, начавшись въ три часа (по тогдашнему счету) съ ранняго утра, все богослуженіе продолжалось до сумерекъ, и прибавляетъ: «души наши изнемогли отъ этой продолжительности; спаси и сохрани насъ, Господи»... А описывая за тѣмъ другую литургію, въ недѣлю православія, когда, послѣ трисвятаго, происходилъ и обрядъ православія, тотъ же Павелъ говоритъ: «мы вошли въ церковь, когда колоколъ ударилъ три, а вышли изъ нея не ранѣе десяти, проведши такимъ образомъ около семи часовъ на ногахъ, на желѣзномъ помостѣ, подъ вліяніемъ сильной стужи и сырости, проникавшей до костей... И патріархъ не удовольствовался

([183]) *Павла алепп.* Путеш. Макарія, кн. X, отд. 7, въ т. II, 75. Въ недѣлю православія, говоритъ Павелъ алеппскій, съ Никономъ служили, кромѣ двухъ патріарховъ, три митрополита: новгородскій, казанскій и ростовскій, два архіепископа: вологодскій и тверскій, четыре архимандрита: чудовскій, спасскій, симоновскій и андроніевскій и проч., и замѣчаетъ: «вообще огромное стеченіе духовенства бываетъ всякій разъ, когда служитъ патріархъ, будетъ ли то день будничный или праздничный — все равно» (тамъ же, кн. IX, отд. 12, въ т. II, 47). О числѣ лицъ, служившихъ съ Никономъ въ разные дни — книга записн. облачен. и дѣйствъ патр. Никона, въ рукоп. моск. синод. библ., № 93, л. 4—6. 13—14. 17. 19 об. 56—58. 66—68. 75 об.

еще только службою и прочтеніемъ длиннаго синаксаря, но присоединилъ и длинное поученіе. Боже, даруй ему умѣренность. Какъ сердце его не чувствовало состраданія ни къ царю, ни къ малымъ дѣтямъ? Что сказали бы мы, еслибы въ нашихъ странахъ было это? О, еслибы Господу угодно было послать намъ такое терпѣніе и крѣпость!». Впрочемъ, жалуясь на продолжительность службы въ недѣлю православія, Павелъ вмѣстѣ съ тѣмъ сознается: «мы были поражены изумительною правильностію и порядкомъ всѣхъ этихъ церемоній и священнодѣйствій. Несмотря на то, что мы чувствовали сильный холодъ и великую усталость вслѣдствіе долгаго стоянія безъ движенія, мы забывали объ этомъ отъ душевнаго восхищенія, созерцая такое торжество православія и внимая прекрасному чтенію архидіакона, который произносилъ слова, хотя сдержанно, но голосомъ густымъ, пріятнымъ и увлекательнымъ» ([184]).

Будучи человѣкомъ атлетическаго сложенія, полный силъ, крѣпости и здоровья, казалось, Никонъ не зналъ усталости. Случалось, что царь приглашалъ его и патріарха Макарія къ себѣ на торжественный обѣдъ (въ день имянинъ царевича, на праздникъ Рождества Христова и др.); обѣдъ начинался въ полдень и продолжался почти до полуночи и далѣе. И послѣ такого обѣда Никонъ, прямо изъ царскихъ палатъ, отправлялся. вмѣстѣ съ царемъ, въ успенскій соборъ къ заутрени, къ изумленію сирійцевъ. и оставался тамъ за богослуженіемъ до разсвѣта. Однажды оба патріарха совер-

---

([184]) *Пав. алепп.* Путеш. Макарія, кн. VIII, отд. 6, въ т. I. 404. 406; кн. IX, отд. 12, въ т. II, 48. 51—52.

шили литургію въ женскомъ монастырѣ св. Саввы, недавно устроенномъ въ Москвѣ для монахинь, переселившихся изъ Смоленска и Могилева, и изъ монастыря поѣхали къ обѣду въ одинъ изъ загородныхъ домовъ Никона, въ семи верстахъ отъ Москвы. Обѣдъ былъ роскошный и многолюдный: тутъ находились вельможи, архіереи, архимандриты, священники и даже дьяконы. Но лишь только окончился этотъ званый обѣдъ, Никонъ поспѣшилъ въ Москву и, при звонѣ колоколовъ, отправился прямо въ соборную церковь къ вечернему богослуженію, такъ что Павелъ архидіаконъ невольно воскликнулъ въ своемъ дневникѣ: «какое удивительное терпѣніе и крѣпость!» ([185]). Поражалъ также Никонъ пышностію и великолѣпіемъ своихъ одеждъ, въ какихъ являлся совершать и совершалъ церковныя службы. Его мантія была зеленаго бархата съ источниками изъ бѣлой тесьмы съ красною полоскою по срединѣ; скрижали на мантіи — малиноваго бархата съ изображеніями на нихъ херувимовъ, вышитыми золотомъ и жемчугомъ. На бѣломъ клобукѣ патріарха вверху утвержденъ былъ крестъ на кругломъ золотомъ подножіи, украшенный драгоцѣнными камнями и жемчугомъ; съ передней стороны изображеніе херувима, низанное жемчугомъ; на воскриліяхъ такія же изображенія съ драгоцѣнными камнями ([186]).

([185]) Тамъ же, кн. VIII, отд. 4, въ т. I, 392 — 394; кн. XI, отд. 15, въ т. II, 168.

([186]) Тамъ же, кн. VIII, отд. 4, въ т. I, 387. Въ московской патріаршей, нынѣ синодальной, ризницѣ показываютъ клобукъ Никона съ такими богатыми украшеніями; но на передней сторонѣ этого клобука не серафимъ, а Деисусъ, а на воскриліяхъ—изображенія трехъ святителей вселенскихъ и четырехъ московскихъ (*Савв.* Указатель москов. патр. ризницы, клобук. № 2, стр. 32, изд. 4). Другіе клобуки Никона, и между ними два весьма богато-

О богатствѣ саккосовъ патріарха Никона даютъ понятіе тѣ изъ нихъ, которые сохранились донынѣ въ московской патріаршей ризницѣ. Одинъ изъ этихъ саккосовъ, аксамитный золотной, низанный жемчугомъ и украшенный сребропозлащенными дробницами и разноцвѣтными камнями, пожалованъ Никону въ 1653 г., апр. 3, царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ въ придворной церкви рождества пресв. Богородицы. Другой, атласный, золотной, низанный кафимскимъ жемчугомъ, поднесенъ Никону въ томъ же году, въ мѣсяцѣ маѣ, отъ имени царя и царицы въ государевомъ селѣ Коломенскомъ. Третій тканый пряденымъ золотомъ и съ обѣихъ сторонъ обнизанный, съ верху до низу, кафимскимъ жемчугомъ, сдѣланъ для Никона по повелѣнію царя и царицы въ 1-й день окт. 1655 года. Четвертый, аксамитный, золотной, петельчатый, низанный, по черному бархату, кафимскимъ жемчугомъ, подаренъ Никону государемъ по бояринѣ Никитѣ Ивановичѣ Романовѣ ([187]). Въ записной книгѣ священнослуженій патріарха Никона упоминается еще, что въ 1656 г., на самый праздникъ Богоявленія, когда у царя былъ столъ для всего духовенства, тотчасъ по окончаніи стола поднесенъ былъ Никону въ даръ отъ царя «сакъ греческой, аксамитной, красной, петельчатой», и что 2 іюля тогоже года на Никонѣ, служившемъ у Ризъ положенія, былъ «сакъ алтабасный государини царици» ([188]). Не ограничиваясь царскими

украшенные, изъ которыхъ одинъ новый, сдѣланный по греческому образцу, равно какъ и мантіи, описаны въ Переписной книгѣ домовой казны Никона (Времен. моск. истор. общ., XV, отд. II, 18. 19. 105).

([187]) *Савв.* Указат. моск. патр. ризницы, саккосы №№ 18—21, стр. 22—23.

([188]) Записн. книга облачен. и дѣйств. Никона, въ рукоп. моск. синод.

подарками, Никонъ устроялъ себѣ саккосы и самъ. На праздникъ пасхи (15 апр. 1655 г.), говоритъ Павелъ алеппскій, Никонъ надѣлъ на себя саккосъ, недавно устроенный, по заказу его, изъ желтой венеціанской парчи, вышитой чистымъ золотомъ, аршинъ которой стоилъ болѣе пятидесяти динаріевъ (рублей); саккосъ этотъ по всѣмъ краямъ, на четыре пальца ширины, усыпанъ былъ крупнымъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями высокой цѣны. Онъ стоилъ будтобы болѣе тридцати тысячъ динаріевъ и былъ невыносимо тяжелъ; одинъ епитрахиль при немъ, усаженный жемчугомъ, вѣсилъ цѣлый пудъ, такъ что Никонъ, при всей своей крѣпости, оставался въ этомъ саккосѣ только до окончанія канона, а потомъ вошелъ въ алтарь и надѣлъ на себя саккосъ полегче. На праздникъ Рождества Христова въ томъ же году Никонъ возложилъ на себя новый саккосъ, который стоилъ ему, какъ говорили, семь тысячъ золотомъ. «Подобныхъ вещей у него, замѣчаетъ Павелъ, болѣе ста, хранящихся съ самыхъ древнихъ временъ; да и самъ Никонъ къ этимъ прежнимъ безпрестанно присоединяетъ все новыя» ([189]). Точно также, какъ

библ. № 93, л. 14. 35. Упомянутый греческій саккосъ, кажется, есть тотъ самый, который въ Указателѣ патр. ризницы описанъ подъ № 15, хотя тамъ и сказано, будто саккосъ этотъ привезенъ въ Москву въ 1659 году (—стр. 22).

([189]) *Павла алепп.* Путеш. Макарія, кн. XI, отд. 1; кн. XIII, отд. 9, въ т. II, 105—106. 233. Въ записной книгѣ священнослуженій Никона, дѣйствительно, нерѣдко упоминаются новые его саккосы. Наприм., на праздникъ святителя Петра (въ 1655 г.), во всенощной на Никонѣ «сакъ былъ новый кружчатой, бархатный», а во время литургіи—«сакъ былъ новый, аксамитной, большой». Въ 3 день февр. 1656 г. — «сакъ объяринной, новый, травчетой»; въ 5 день тогоже февраля—«сакъ зеленый, новый» и проч. (Рукоп. моск. синод. библ., № 93, л. 4—6. 15—16). Саккосъ, столько тяжелый и цѣнный, бывшій на Никонѣ въ день Пасхи, 15 апр. 1655 г., есть, вѣроятно,

четыре саккоса, сохранились въ патріаршей ризницѣ и четыре митры патріарха Никона, которыя всѣ усыпаны жемчугомъ и драгоцѣнными камнями и всѣ подарены были Никону отъ государя. Первая, извѣстная подъ именемъ средней митры (въ 6 1/2 вершк.), подарена отъ царя и царицы 28 марта 1653 года. Вторая, называвшаяся большою митрою (въ 7 1/4 вершк.), — также отъ царя и царицы 20 окт. тогоже года. Третья, которую называли короною (въ 6 вершковъ), устроена была, по заказу царя Алексѣя Михайловича, въ Константинополѣ, подъ наблюденіемъ самого патріарха Іоанникія, привезена въ Москву Мануиломъ грекомъ въ февралѣ 1654 г., и подарена была Никону государемъ отъ имени царевича Алексѣя Алексѣевича въ день успенія пресв. Богородицы: за эту митру заплачено государемъ 1230 рублей. Четвертая, извѣстная подъ именемъ большой короны (въ 6 3/4 вершк.), подарена, въ вѣчную память боярина Никиты Ивановича Романова, 1 іюня 1655 года. Двѣ послѣднія митры назывались коронами, потому что вокругъ той и другой, надъ нижнимъ обручемъ, помѣщена корона (190). Изъ записной книги священнослуженій патріарха Никона видно, что онъ нерѣдко облачался и въ саккосы своихъ предмѣстниковъ-патріарховъ и митрополитовъ, особенно митрополита Фотія, и что вообще облаченіе Никона различалось троякое: большое,

---

тотъ самый, который передѣланъ Никономъ изъ саккоса митрополита Діонисія, и внесенъ въ патріаршую ризницу именно 15 апрѣля 1655 года: вѣсу въ этомъ саккосѣ до полутора пуда (Указат. патр. ризницы, сакк. № 10, стр. 20).

(190) Указат. патр. ризницы, митры №№ 3—6. А о митрѣ—коронѣ—Моск. главн. арх. м. и. д., дѣла греч., связк. 32. № 7.

среднее и меньшее. Вотъ, напримѣръ, какъ описывается каждое изъ нихъ: въ 10 день декабря 1655 г., когда встрѣчали государя, возвращавшагося изъ Литвы, на Никонѣ «облаченье было большое: стихарь красный камчатой, поясъ и патрахиль и поручи большія, и палица большая жемчужная, сакъ фотіевской большой, амофоръ новый большой, низанъ по золоту, митра большая, панагія келейная со алмазы». Въ 21 день декабря тогоже года, на праздникъ святителя Петра, Никонъ «облачался въ большое облаченіе: сакъ былъ новый, аксамитной, большой, амофоръ новый, большой, золотой, митра большая, панагія цареградская, крестъ яхонтовый». Въ навечеріи Рождества Христова, въ томъ же году, Никонъ облачался «въ среднее облаченіе: сакъ былъ спаской и митра средняя, и амофоръ средній». На вечерни подъ 2 февр., у Срѣтенія вверху (во дворцѣ), облачался «въ греческое облаченіе меньшее, а была на немъ корона, а не митра». На вечерни подъ 3 февр. тогоже года, у Екатерины мученицы вверху, на патріархѣ «облаченіе было меньшее и корона», а на всенощной «облаченіе среднее, сакъ персидской бархатной, что̀ сдѣланъ въ Вязмѣ» ([191]).

Стараясь исправлять наши богослужебныя книги по старымъ спискамъ и во всемъ согласовать наше богослуженіе съ греческимъ, Никонъ неразъ показывалъ любовь свою къ этимъ старымъ спискамъ и греческому богослуженію при самыхъ своихъ священнодѣйствіяхъ. Въ 1656 г., апрѣля 29, онъ совершалъ въ успенскомъ соборѣ молебствіе, отпуская воеводъ на государеву службу, князя Алексѣя Никитича Трубецкаго

([191]) Рукоп. моск. синод. библ., № 93, л. 1—7. 14—16.

съ товарищи, и при этомъ «молитвы отпускныя говорилъ по кипріановскому требнику». Въ 23 день іюня тогоже года, совершивъ крестный ходъ въ срѣтенскій монастырь и оттуда обратно въ успенскій соборъ, Никонъ прочиталъ здѣсь «молитву въ потребникѣ кипріановскомъ». Въ 1657 г., сентября 1-го, патріархъ совершилъ обрядъ новолѣтія на площади «по чиновнику печатному противъ прежняго (т. е. согласно съ прежнимъ) и противъ потребника кипріановскаго» ([192]). Еще чаще Никонъ допускалъ, чтобы или все богослуженіе или нѣкоторыя части его отправляемы были у насъ погречески. Устроивъ на подворьѣ своего иверскаго монастыря въ Москвѣ церковь, онъ просилъ освятить ее антіохійскаго патріарха, чтобы видѣть, насколько греческій чинъ освященія сходенъ съ русскимъ. Въ назначенный для освященія день, 27 мая 1656 г., Никонъ, со всѣми властями, облачился въ церкви трехъ святителей, что у него на сѣняхъ, и пошелъ крестнымъ ходомъ къ лобному мѣсту, приказавъ нести, въ числѣ другихъ иконъ, и иверскую икону Богоматери, приготовленную и богато украшенную имъ для иверской обители. Совершивъ на лобномъ мѣстѣ обычное осѣненіе, отправился въ посольскую улицу къ иверскому подворью. Здѣсь на встрѣчу изъ церкви пафнутіевскаго подворья вышелъ патріархъ Макарій съ своими греческими властями, неся на главѣ св. мощи. Оба крестные хода соединились, вошли въ иверское подворье, и три раза обошли вокругъ новой церкви. Затѣмъ Макарій совершилъ освяще-

---

([192]) Книга записн. облачен. и дѣйств. патр. Никона—въ рукоп. москов. синод. библ., № 93, л. 42 об. 54 об. 84.

ніе церкви, при чемъ пѣли все его греческіе старцы, а «архидіаконъ московскаго патріарха и нѣсколько писцовъ тутъ же записывали, какъ шла вся эта церемонія». По окончаніи освященія, отпустивъ крестный ходъ въ успенскій соборъ, Никонъ вмѣстѣ съ Макаріемъ совершилъ въ новоосвященной церкви литургію, впродолженіе которой все читалось и пѣлось только погречески ([193]). Въ декабрѣ тогоже года, когда антіохійскаго патріарха Макарія уже не было въ Москвѣ, патр. Никонъ ѣздилъ въ Вязьму для встрѣчи государя-царя, возвращавшагося съ войны, и, встрѣтивъ, провожалъ его съ крестнымъ ходомъ въ царскія хоромы,—при чемъ пѣвчіе дьяки, по приказу патріарха, и впродолженіе всего пути и въ царскихъ хоромахъ пѣли погречески. Въ 1657 г., сентября 5, Никонъ служилъ, послѣ вечерни, торжественный молебенъ въ чудовомъ монастырѣ наканунѣ его храмоваго праздника, и канонъ пѣли протопопы погречески, а на самый праздникъ за всенощной тропарь и сѣдальни воскресные пѣли погречески пѣвчіе, дьяки и подьяки. Сентября 14, на Воздвиженіе, когда Никонъ воздвизалъ крестъ въ успенскомъ соборѣ, пѣвчіе пѣли и пославянски и погречески. Октября 1-го, во время крестнаго хода изъ успенскаго собора въ покровскій монастырь, въ присутствіи патріарха и царя, нѣкоторыя пѣсни пѣвчіе пѣли погречески. Декабря 25, на праздникъ рождества Христова во всенощной канонъ пѣли дьяки пѣвчіе погречески. Въ 1658 г., во время служенія Никона даже въ придворныхъ церквахъ, 12 генваря и 2

([193]) Тамъ же, л. 72 об.—75; *Пав. ал пп.* Путеш. Макарія, кн. XIV, отд. 10, въ т. II, 301—303.

февраля, канонъ за всенощной пѣвчіе пѣли погречески, и проч. ([194]). Какъ ни строгъ былъ Никонъ въ исполненіи обрядовъ и церемоній, принятыхъ всею восточною церковію, но въ обрядахъ мѣстныхъ, существовавшихъ только у насъ, въ родѣ шествія на осляти въ недѣлю Ваій, онъ позволялъ себѣ дѣйствовать по своему усмотрѣнію. Въ 1655 г. Никонъ совершилъ этотъ обрядъ сходно съ тѣмъ, какъ совершался онъ прежде. Въ вербное воскресенье, облачившись въ полное облаченіе предъ литургіей въ соборной церкви, вмѣстѣ съ многочисленнымъ духовенствомъ, онъ вышелъ изъ нея западными дверями, и тутъ же сѣлъ на приготовленное осля (вѣрнѣе — лошадь, совершенно закрытую бѣлымъ саваномъ, кромѣ глазъ), держа въ лѣвой рукѣ евангеліе, а въ правой крестъ. И затѣмъ двинулся въ путь, со всѣмъ крестнымъ ходомъ, въ которомъ участвовалъ и антіохійскій патріархъ Макарій, при несмѣтныхъ толпахъ народа, — при чемъ вербное дерево везено было впереди. Когда шествіе приблизилось къ церкви Входа во Іерусалимъ (одинъ изъ придѣловъ покровскаго собора), Никонъ сошелъ съ осляти, вошелъ въ церковь, прочелъ въ ней праздничное евангеліе, приложился къ иконѣ праздника, и, вышедши изъ церкви, снова сѣлъ на осля, и отправился прежнимъ путемъ, со всѣмъ крестнымъ ходомъ, въ успенскій соборъ, гдѣ и совершилъ литургію. Но въ слѣдующемъ (1656) году Никонъ поступилъ иначе. Изъ соборной церкви въ вербное воскресенье онъ не поѣхалъ на осляти къ церкви Входа во Іерусалимъ, а пошелъ пѣшкомъ

([194]) Книга записн. облач. Никона—въ рукоп. моск. синод. библ., № 93, л. 84. 86. 88. 96—97. 106 об. 113—114. 127.

во главѣ крестнаго хода, и, совершивъ краткое молебствіе въ этой послѣдней церкви, пошелъ изъ нея также пѣшкомъ къ лобному мѣсту. На лобномъ мѣстѣ велѣлъ архидіакону читать евангеліе о входѣ Спасителя во Іерусалимъ, и когда архидіаконъ произнесъ: *обрѣтъ же Іисусъ осля, сѣде на не* (Іоан. 12, 14), протопопъ и протодіаконъ подвели къ Никону осля. Онъ сѣлъ на осля, и отъ лобнаго мѣста совершилъ обычное шествіе въ успенскій соборъ ([195]). Замѣчательно также, что Никонъ, несмотря на происходившіе у насъ жаркіе споры о прилогѣ: «и огнемъ» въ извѣстной молитвѣ на водоосвященіе, окончившіеся исключеніемъ этого прилога изъ молитвы, удерживалъ однакожъ самый обрядъ. Наканунѣ Богоявленія, въ 1655 году, освящая воду на рѣкѣ Москвѣ, онъ тотчасъ, послѣ троекратнаго погруженія св. креста, «взялъ три большихъ восковыхъ свѣчи и, обернувъ ихъ внизъ, погрузилъ въ воду съ огнемъ, и онѣ тамъ погасли» ([196]).

Любовь свою къ храмамъ и св. иконамъ Никонъ показалъ, когда созидалъ храмы въ трехъ своихъ монастыряхъ, иверскомъ, крестномъ и воскресенскомъ, и когда для перваго устроилъ икону иверской Божіей Матери въ 14000 рублей, а для втораго большой крестъ съ множествомъ св. мощей и драгоцѣнныхъ украшеній. Туже любовь онъ показалъ и при

([195]) *Пав. алепп.* Путеш. Макарія, кн. X, отд. II, въ т. II, 88—92. Книга записн. облач. и дѣйств. Никона—въ рукоп. москов. синод. библ., № 93, л. 31—32.

([196]) *Пав. алепп.* Путеш. Макарія, кн. X, отд. 15, въ т. II, 170. Книга записн. облач. и дѣйств. Никона — въ рукоп. моск. синод. библ., № 93, л. 11—12. Здѣсь замѣчено, что Никонъ совершалъ освященіе воды «по чиновнику по новому печатному, а свѣщи государевы погружалъ послѣ креста; а въ чиновникѣ о томъ не написано, въ кое время свѣщи погружать».

устроеніи церквей въ своихъ новыхъ каменныхъ палатахъ. Эти палаты, которыя заложилъ Никонъ, какъ только сдѣлался патріархомъ, подлѣ прежнихъ патріаршихъ покоевъ, и для сооруженія которыхъ вызвалъ лучшихъ нѣмецкихъ мастеровъ, строившіяся три года и стоившія, какъ говорили, до пятидесяти тысячъ рублей, были предметомъ удивленія для современниковъ. (Кромѣ каменныхъ великолѣпныхъ палатъ Никонъ тогда же построилъ для себя на патріаршемъ дворѣ и зимнія, весьма уютныя, деревянныя хоромы). Внизу каменныхъ палатъ наиболѣе замѣчательны были семь присутственныхъ залъ, о которыхъ мы уже упоминали; а во второмъ этажѣ особенно поражала огромная зала, не столько своею величиною и богатствомъ украшеній, сколько чрезвычайно пространнымъ сводомъ, не опиравшимся ни на какомъ столбѣ, называвшаяся крестовою палатою (гдѣ нынѣ мироваренная). Въ самой срединѣ втораго этажа Никонъ устроилъ церковь во имя святителей московскихъ: Петра, Алексія, Іоны и Филиппа, благолѣпно украсилъ ее, и въ ней большею частію и присутствовалъ при богослуженіи; надъ дверями въ эту церковь онъ помѣстилъ иконы названныхъ святителей, а внутри ея — портреты всѣхъ шести русскихъ патріарховъ, бывшихъ до него, слѣдовательно и Игнатія, и свой собственный. Другую благолѣпную и величественную церковь во имя Пресв. Троицы устроилъ въ той части втораго этажа, которая окнами обращена на площадь къ чудову монастырю (гдѣ нынѣ церковь св. дванадесяти апостоловъ). Еще двѣ церкви, неизвѣстныя по имени, устроилъ вверху въ третьемъ этажѣ зданія, гдѣ были комнаты для діаконовъ, возвышавшіяся надъ всѣмъ городомъ. Новыя палаты патріарха Никона, съ

ихъ церквами, совершенно окончены были къ концу 1655 г., и 22 декабря онъ свѣтло отпраздновалъ свое въ нихъ новоселье ([197]). При описаніи въ 1658 г. домовой казны и утвари патріарха Никона, въ палатахъ его оказалось изумительное множество св. иконъ и крестовъ, въ томъ числѣ, унизанныхъ жемчугомъ и драгоцѣнными камнями, хотя, конечно, нельзя утверждать, чтобы всѣ эти иконы были пріобрѣтены или устроены самимъ Никономъ: часть изъ нихъ могла перейти къ нему отъ прежнихъ патріарховъ, а другая часть могла образоваться изъ тѣхъ иконъ, какія были подносимы ему архіереями и настоятелями монастырей и церквей, равно и другими лицами при разныхъ случаяхъ ([198]). Мы уже упоминали, какъ ратовалъ Никонъ противъ иконъ латинскаго письма, которыя начали-было входить у насъ въ употребленіе, и требовалъ, чтобы наши иконописцы неизмѣнно держались древнихъ греческихъ подлинниковъ и образцовъ; не-

---

([197]) *Пав. алепп.* Путеш. Макарія, кн. XIII, отд. 8, въ т. II, 224—226. Павелъ говоритъ, что церковь въ срединѣ втораго этажа была во имя четырехъ московскихъ святителей; но въ переписной книгѣ домовой казны патр. Никона, 1658 года, церковь эта неразъ называется церковію только трехъ святителей: Петра, Алексія и Іоны (Времен. моск. истор. общ. XV, отд. II, 117. 131). А одна изъ двухъ церквей, устроенныхъ вверху, сохранившаяся доселѣ, есть церковь во имя св. апостола Филиппа и московскаго митрополита Филиппа. Павелъ перечисляетъ самыя имена всѣхъ шести нашихъ патріарховъ, портреты которыхъ были помѣщены Никономъ въ церкви; но только Игнатія ошибочно называетъ Герасимомъ. Въ другомъ мѣстѣ Павелъ свидѣтельствуетъ, что и въ недѣлю православія поминались при Никонѣ всѣ шесть бывшіе до него патріархи, слѣд. и Игнатій, и имъ пѣли вѣчную память (—кн. IX, отд. 12, въ т. II, 47). Палаты патр. Никона, во дни императрицы Екатерины II, были исправляемы архитекторомъ Казаковымъ и во многомъ измѣнены.

([198]) Переписн. книга домов. казны патр. Никона во Временн. XV, отд. II, 4. 96. 97. 112. 113.

менѣе ратовалъ онъ и противъ неблагочиннаго употребленія православныхъ иконъ. Существовалъ у насъ тогда обычай, по которому христіане, какбы не довольствуясь тѣми иконами, какія находились въ ихъ приходской церкви, приносили еще въ нее, каждый, свою икону. Этими иконами увѣшивались всѣ стѣны церкви, не только боковыя отъ алтаря, но и противоположная ему. Каждый ставилъ свѣчу предъ своею иконою и предъ нею молился, не позволяя того другимъ. Отъ этого происходило, что когда присутствующіе въ церкви начинали класть поклоны предъ своими иконами, то всѣ смотрѣли врозь, и обращались къ алтарю и другъ къ другу, одни бокомъ, другіе даже задомъ, и нарушалось единство въ церковной молитвѣ. Никонъ строго запретилъ такое чествованіе св. иконъ и велѣлъ вынести изъ церквей всѣ иконы, принадлежавшія частнымъ лицамъ и развѣшанныя по стѣнамъ, несмотря на ропотъ и неудовольствіе невѣжественныхъ людей ([199]).

Какъ правитель церкви, Никонъ отличался неустанною дѣятельностію. Начальники всѣхъ семи присутственныхъ залъ или приказовъ, находившихся подъ его палатами, ежедневно являлись къ нему съ своими докладами, на которые онъ тотчасъ же и давалъ свои рѣшенія. А тѣ просьбы, которыя принималъ онъ лично, когда шелъ въ церковь или изъ церкви, онъ читалъ самъ и писалъ на нихъ свои резолюціи. Самъ испытывалъ всѣхъ ставленниковъ для своей обширной епархіи. Они обыкновенно являлись въ ту изъ присутствен-

---

([199]) *Мейербергъ.* Путеш. въ Московію, въ Чтен. моск. истор. общ. 1873, III, отд. IV, 50. 94; 1874, I, отд. IV, 171.

ныхъ палатъ, которая назначена была для разбирательства дѣлъ бѣлаго духовенства, и находилась подъ управленіемъ патріаршаго казначея, и здѣсь подавали свои просьбы и документы. Когда просителей собиралось отъ двадцати до тридцати, казначей представлялъ всѣхъ ихъ, съ ихъ бумагами, патр. Никону. Никонъ обходилъ ихъ съ книгою, заставлялъ каждаго читать и пѣть, и тутъ же полагалъ свои резолюціи на ихъ просьбахъ, однихъ удостоивалъ просимаго сана, другимъ отказывалъ въ просьбѣ ([200]). Для дѣлъ болѣе важныхъ, или касавшихся всей церкви, Никонъ часто, какъ мы видѣли, созывалъ соборы. На одномъ изъ этихъ соборовъ, бывшемъ въ октябрѣ 1656 г., была учреждена новая епархія—вятская. Вятка со всѣмъ ея округомъ доселѣ состояла въ епархіи патріарха и, будучи очень удалена отъ Москвы, нуждалась въ особомъ архипастырѣ, между тѣмъ какъ въ Коломнѣ, довольно близкой къ Москвѣ, находился самостоятельный епархіальный епископъ. Потому рѣшено было открыть въ Вяткѣ епископскую каѳедру и перемѣстить на нее коломенскаго епископа Александра, самую же епархію коломенскую закрыть и присоединить ее къ области патріаршей. Въ составъ вятской епархіи, кромѣ страны вятской, отдѣлены были изъ вологодской епархіи великая Пермь, Чердынь и Соль-камская съ уѣздами, а въ замѣнъ того къ вологодской перечислены, частію изъ патріаршей, частію изъ ростовской епархіи, Бѣлоозеро, Чаропскій округъ и Пошехонье съ уѣздами. Учрежденіе вятской епархіи дѣйствительно вызвано

([200]) *Пав. алепп.* Путеш. Макарія, кн. X, отд. 7, въ т. II, 75. 76.

было нуждою; но не было никакой нужды закрывать епархію коломенскую и присоединять ее къ патріаршей. Коломенская епархія существовала уже болѣе трехъ столѣтій; епархій у насъ было очень мало и недостаточно, судя по количеству народонаселенія; а епархія патріаршая и безъ того была слишкомъ обширна. Не безъ основанія подозрѣвали Никона, что онъ хотѣлъ только воспользоваться имуществомъ и вотчинами коломенской каѳедры и увеличить доходы съ своей епархіи чрезъ присоединеніе къ ней коломенской, а съ другой стороны хотѣлъ показать свое неблаговоленіе къ епископу коломенскому Александру, тайно враждовавшему противъ новоисправленныхъ книгъ, перемѣстивъ его изъ благоустроенной и обезпеченной епархіи въ новую, гдѣ долго не было своего помѣщенія ни у епископа, ни у его свиты, и на прокормленіе его дана была только одна вотчина — бобинскій станъ, да предтеченскій монастырь въ городѣ Котельничѣ. Александръ неохотно покорился новому своему назначенію, и прибылъ на Вятку въ городъ Хлыновъ только 4 апр. 1658 года [201]. Для наблюденія за духовенствомъ въ Москвѣ Никонъ имѣлъ своего рода полицію. Его подъяки ходили по всѣмъ соборамъ и церквамъ, и если кого изъ причта не было въ церкви, или тамъ происходило какое безчиніе, то виновные немедленно подвергались наказаніямъ, а патріаршіе стрѣльцы постоянно ѣздили по улицамъ города и, лишь только встрѣчали пьянаго священника или монаха, тотчасъ

([201]) Матеріалы для истор. русск. раскола, I, стр. 9—14, гдѣ напечатано подлинное дѣяніе означеннаго собора, и еще стр. 311—314; А. Э. IV, 107; Сборникъ древн. казанской епархіи, стр. 163—164, Казань, 1868.

тащили его въ темницу, гдѣ на ноги и на шею накладывали ему кандалы и приковывали его къ тяжелой колодѣ. Никонъ не давалъ пощады никому, ни протопопамъ, ни настоятелямъ монастырей, ни самимъ архіереямъ, и, напримѣръ, сибирскому архіепископу Симеону на цѣлый годъ (съ 25 дек. 1656 г. по 25 дек. 1657 г.) запрещалъ священнослуженіе за то, какъ можно догадываться, что онъ несправедливо предалъ проклятію одного изъ дьяковъ своихъ, Ивана Струну, и жестоко поступилъ съ боярскимъ сыномъ Бекетовымъ, несчастно скончавшимся ([202]). Изъ частныхъ распоряженій Никона нельзя не упомянуть о распоряженіяхъ его относительно татей, разбойниковъ и всякихъ воровскихъ людей. Въ 1656 г. онъ приказалъ, въ отсутствіе государя изъ Москвы, разослать (отъ 16 авг.) граматы по всей Россіи и объявить по городамъ и селамъ, на площадяхъ, и торжищахъ, на улицахъ и перекресткахъ и въ другихъ мѣстахъ, чтобы тати, разбойники и всякіе воровскіе люди безъ боязни являлись къ мѣстнымъ воеводамъ, старостамъ и въ съѣзжія избы, и приносили покаяніе въ своихъ винахъ предъ Богомъ и государемъ, и что если они такимъ образомъ покаются, то государь пожалуетъ ихъ, не велитъ ихъ казнить, а вмѣсто смерти даруетъ имъ животъ. Когда же съ теченіемъ времени оказалось, что эта кроткая мѣра не принесла пользы, то Никонъ, расчитывая подѣйствовать на тѣхъ же самыхъ людей страхомъ, запретилъ священникамъ принимать отъ нихъ испо-

---

([202]) Матеріал. для истор. русск. раскола, I, 33; V, 24—25; *Пав. алепп.* Путеш. Макарія, кн. VIII, отд. 7, въ т. I, 410; Древн. росс. Вивліоѳ. III, 189.

вѣдь и удостоивать ихъ св. причастія даже предъ смертію, на которую они будутъ осуждены,—за что̀ и самъ впослѣдствіи на соборѣ 1667 года подвергся осужденію ([203]).

Но не одною строгостію и суровостію, по дѣламъ церковнаго управленія и суда, Никонъ возбуждалъ противъ себя недовольство, особенно въ духовенствѣ. Въ челобитной, поданной царю въ 1658 году непріязненными Никону лицами, на управленіе его высказывались еще слѣдующія жалобы: 1) отмѣнилъ онъ прежнія пошлины съ духовенства за поставленіе на церковныя степени, а установилъ новый порядокъ: велѣлъ ставленникамъ привозить отписки отъ своихъ мѣстныхъ десятильниковъ и поповскихъ старостъ; но для этого тратится каждымъ ставленникомъ отъ двухъ до четырехъ недѣль, да на харчъ рубль и два. Прибывъ съ отписками въ Москву, ходятъ ставленники на патріаршій дворъ, ждутъ тамъ до глубокой ночи, да насилу недѣли въ двѣ дождутся слушанья, т. е. испытанья, и за тѣмъ проживаютъ въ Москвѣ еще по 15 и по 30 недѣль, пока будутъ поставлены, такъ что поповство обходится по пяти и по шести рублей, кромѣ харчей и посуловъ архидіакону и дьякамъ. 2) При прежнихъ патріархахъ, кромѣ Іосифа, ставленники всѣ ночевали въ хлѣбной патріаршей безденежно, и невозбранно ходили, рано и поздо, до самыхъ крестовыхъ сѣней патріарха, къ казначею, ризничему, въ казенный приказъ, а зимнею порою всѣ дожидались въ крестовой. Теперь совсѣмъ не то: страшно приблизиться и къ воротамъ патріарха, которыя постоянно заперты; священники не смѣютъ входить къ нему

([203]) 1-е Собраніе закон. въ Росс. имперіи, I, № 163.

даже въ церковь, чтобы принять благословеніе, а ставленникамъ не велятъ стоять и въ сѣняхъ и зимою мучатся бѣдные на крыльцѣ. 3) По отдаленности нѣкоторыхъ мѣстъ патріаршей епархіи отъ Москвы прежде попы ставились тамъ отъ ближайшихъ сосѣднихъ архіереевъ, и получали перехожія въ мѣстныхъ десятильническихъ дворахъ. Патріархъ Іосифъ, желая собрать себѣ имѣніе, запретилъ это и велѣлъ всѣмъ ставиться и получать перехожія въ самой Москвѣ,—что соединено для духовенства съ крайними издержками и тратою времени. Тогоже самаго постоянно держится и Никонъ. 4) Велѣлъ Никонъ во всей своей области по городамъ и уѣздамъ переписать духовенство, и вновь обложилъ данью: назначилъ съ попова двора по восми денегъ, съ дьяконова по алтыну, съ дьячкова, пономарева и просвирнина по грошу, съ нищенскаго по двѣ деньги, съ четверти земли по шести денегъ, съ копны сѣна по двѣ деньги... и проч. ([204]). Насколько вѣрны всѣ эти жалобы противъ Никона, и нѣтъ ли тутъ преувеличеній, опредѣлить нѣтъ возможности.

Недолго управлялъ церковью патріархъ Никонъ: всего шесть лѣтъ. Но надобно удивляться, какъ и шесть лѣтъ могъ онъ устоять на высотѣ своей святительской каѳедры. Съ самаго вступленія на нее онъ принялся за исправленіе церковныхъ книгъ и обрядовъ на основаніи древнихъ греческихъ и славянскихъ рукописей, и велъ дѣло съ такою горячею ревностію и непреклонностію воли... Но истинное значеніе этого дѣла, его важность и настоятельную нужду для церкви понимали тогда у насъ вполнѣ, кромѣ самого Никона, только

([204]) *Соловьев*. Истор. Россіи, XI, 289—292.

весьма немногіе. Всѣ другіе или мало понимали, или вовсе не понимали, и покорялись Никону, кто лишь по чувству страха предъ нимъ, кто по чувству уваженія къ церковной власти, въ частности — къ власти восточныхъ патріарховъ и соборовъ, принимавшихъ участіе въ этомъ дѣлѣ. Нѣкоторые же тотчасъ открыто протестовали противъ предпріятія Никонова, и говорили, что наши церковныя книги, изданныя при прежнихъ патріархахъ, вовсе не требуютъ исправленій и содержатъ истинную православную вѣру, которою спасались наши предки, что Никонъ не правитъ, а портитъ книги, искажаетъ старую вѣру и вводитъ новую, что онъ еретикъ—врагъ Божій. И, при томъ грубомъ невѣжествѣ, какое господствовало у насъ, при всеобщей слѣпой привязанности къ церковнымъ обрядамъ, какбудто въ нихъ заключается самая вѣра, этотъ протестъ нашелъ себѣ тайное сочувствіе во всѣхъ слояхъ нашего общества, и всюду возбуждалъ непріязнь и ненависть къ Никону. А тѣ крутыя и суровыя мѣры, какія поспѣшилъ онъ употребить противъ своихъ противниковъ (увы, Никонъ въ этомъ отношеніи не былъ выше своего вѣка), только еще болѣе усилили общее сочувствіе къ мнимымъ страдальцамъ за вѣру, и ненависть къ ихъ гонителю. Неудивительно, если въ средѣ этихъ мнимыхъ страдальцевъ, ожесточенныхъ враговъ Никона, весьма рано возникла мысль, какъ бы свергнуть его съ патріаршаго престола, и если главнѣйшій изъ нихъ—Нероновъ, имѣвшій большія связи въ самой Москвѣ и даже при дворѣ государевомъ, еще въ 1654 г. съ увѣренностію публично произнесъ въ Вологдѣ извѣстныя уже намъ слова о Никонѣ: «да будетъ время, и самъ изъ Москвы побѣжишь никѣмъ же гонимъ, токмо Божіимъ изволеніемъ;

да и нынѣ всѣмъ вамъ говорю, что онъ насъ посылаетъ вдаль, а вскорѣ и самому ему бѣгать». Возревновалъ Никонъ противъ иконъ латинскаго письма, но и тутъ поступилъ слишкомъ круто и рѣзко. Велѣлъ насильно отобрать латинскія иконы изъ всѣхъ частныхъ домовъ, и на однѣхъ иконахъ совсѣмъ выскоблить лики святыхъ, на другихъ выколоть имъ глаза и въ такомъ видѣ носить иконы по улицамъ Москвы. Православные, глубоко чтившіе св. иконы и большею частію неумѣвшіе хорошо различать своихъ иконъ отъ латинскихъ, были поражены и увидѣли въ Никонѣ иконоборца. И когда вскорѣ затѣмъ въ Москвѣ открылся страшный моръ, то толпы народа явились на площадяхъ кремля, и, держа въ рукахъ иконы, выскобленныя по приказанію Никона, вопили: вотъ за что постигъ насъ гнѣвъ Божій; такъ поступали иконоборцы; во всемъ виноватъ Никонъ; мірскіе люди должны постоять за такое поруганіе святыни... Никона хотѣли убить и, можетъ быть, благодаря тому одному, что его не было тогда въ Москвѣ, онъ спасся отъ неминуемой смерти ([205]).

Кромѣ этихъ общихъ причинъ, возбуждавшихъ болѣе или менѣе всѣхъ противъ Никона, духовенство и бояре имѣли еще особыя побужденія питать къ нему чувства непріязни.

([205]) Самъ Никонъ писалъ Діонисію, патріарху цареградскому: «отъ всѣхъ уничиженъ быхъ, и кромѣ истины, и сего ради многажды хотѣша насъ убити. . . , зане ищемъ и держимъ вся и наипаче греческія законы и догматы» (Записк. отдѣленія русск. и славян. археологіи, II, 519); или, какъ въ другомъ спискѣ: «отъ всѣхъ возненавидѣнъ безъ правды, не единою и дважды хотѣли убить, занеже, помощію Божіею, ищемъ и держимъ во всемъ неразлучно греческаго закона преданія» (Рукоп. воскресен. новоіерусалим. монастыря, № 175, л. 366 об.).

Надъ духовенствомъ Никонъ властвовалъ съ неограниченною волею и деспотически. Онъ держалъ себя высоко и малодоступно по отношенію не только къ нисшему клиру, но и къ самимъ архіереямъ; не хотѣлъ называть ихъ братіями, особенно тѣхъ, которые отъ него получили рукоположеніе; не уважалъ ихъ сана, что особенно показалъ въ своемъ извѣстномъ поступкѣ съ епископомъ коломенскимъ Павломъ; нарушалъ ихъ права, отнимая у нихъ монастыри и приходскія церкви, которыя приписывалъ къ своимъ излюбленнымъ монастырямъ и бралъ подъ свою непосредственную власть. Съ безпощадною строгостію и суровостію преслѣдовалъ всѣхъ, въ средѣ бѣлаго и монашествующаго духовенства, кого считалъ виновными въ чемъ либо, постоянно наполнялъ ими свои темницы и наполнилъ даже отдаленные монастыри Сибири, которые до Никона были почти пусты. Всѣ страшились его, трепетали предъ нимъ, и, безъ сомнѣнія, были бы рады какъ нибудь освободиться изъ-подъ его тяжелаго ига. Для бояръ невыносимымъ казалось уже то, что Никонъ возвышался надъ всѣми ими своею близостію къ государю, своимъ преобладающимъ вліяніемъ въ совѣтахъ государя, своею необычайною властію, какою облекъ его государь. Но еще невыносимѣе было то, какъ проявлялъ Никонъ надъ ними эту свою власть, какъ гордо и повелительно обходился съ ними. Еще въ бытность его новгородскимъ митрополитомъ они говорили: «неколи-де такого безчестья не было, что нынѣ государь выдалъ насъ митрополитомъ» (306). Чтожъ должны были они чувствовать, когда

(306) А. Э. IV, № 57, стр. 86. Замѣчательно, что Никонъ даже иноземныхъ митрополитовъ называлъ только своими сынами, а не братьями, какъ

Никонъ сдѣлался патріархомъ и какбы вторымъ «великимъ государемъ», началъ давать свои приказы и указы, особенно въ отсутствіе государя, заставлялъ ихъ стоять предъ собою и съ покорностію выслушивать его волю, публично обличалъ ихъ за то или другое, не щадя ихъ имени и чести? Могли ли они не употреблять всѣхъ своихъ усилій, чтобы свергнуть Никона?

Все могущество Никона основывалось на благоволеніи къ нему государя. Царь-юноша съ перваго знакомства съ Никономъ подчинился его вліянію и предался ему всею душею. И эта преданность съ теченіемъ времени не только не уменьшалась, но еще увеличивалась. Царь болѣе и болѣе облекалъ его своимъ довѣріемъ, честію и властію, и удостоивалъ его называть даже своимъ «собиннымъ другомъ». Но Никонъ, при всемъ своемъ умѣ, не умѣлъ поставить себя на такой высотѣ, какъ слѣдовало бы, по отношенію къ своему царственному другу. Не умѣлъ сдерживать своей необузданной гордости и властолюбія, и съ упорствомъ оставался вѣренъ тому началу, которое высказалъ еще при избраніи его на патріаршую каѳедру, т. е. чтобы самъ царь слушался его во всемъ, какъ патріарха. Въ самой дружбѣ съ царемъ Никонъ желалъ быть лицемъ господствующимъ, и позволялъ себѣ такія дѣйствія, которыя не могли не оскорблять государя, и, повторяясь нерѣдко, неизбѣжно должны были вести къ столкновеніямъ, къ размолвкамъ и взаимному охлажденію

свидѣтельствуетъ, наприм., грамата его къ митрополиту сочавскому и молдавскому Гедину отъ 7 апр. 1658 года (Москов. синод. библ. свитокъ по реэстру внѣ каталога, № 402).

друзей, и наконецъ привести къ разрыву. Мы знаемъ два-три такихъ случая: но ихъ было, судя по непреклонному характеру Никона, навѣрно гораздо больше. Первый случай былъ торжественный, при избраніи Никона на патріаршество, когда онъ не внялъ никакимъ мольбамъ и убѣжденіямъ государя, вынудилъ его пасть предъ собою на землю и исторгнулъ у государя, какъ и у всѣхъ, бывшихъ въ соборной церкви, клятвенное обѣщаніе покоряться во всемъ новоизбранному патріарху.

Въ минуты возбужденія царь, конечно, не понималъ, до какого всенароднаго уничиженія довелъ его Никонъ, но потомъ въ минуты спокойствія не могъ не сознать этого и не испытать чувства горечи. Прошелъ годъ, и Никонъ до того уже зазнался, что въ присутствіи цѣлаго собора сказалъ протопопу Неронову, когда тотъ напомнилъ ему о царѣ: «мнѣ-де и царская помощь негодна и ненадобна, да тако-де на нее и плюю и сморкаю». Разумѣется, никто изъ присутствовавшихъ на соборѣ не осмѣлился подтвердить этого, боясь Никона, и Никонъ старался увѣрить государя, что это клевета Неронова; но Нероновъ не переставалъ и впослѣдствіи утверждать, какъ въ письмахъ къ самому государю, такъ и въ своей челобитной собору 1667 года, что Никонъ дѣйствительно учинилъ такое поруганіе царскаго величества. Прошло еще болѣе двухъ лѣтъ. Никонъ постановилъ съ соборомъ, чтобы на праздникъ Богоявленія по всей Россіи водосвятіе совершалось, вмѣсто двухъ разъ, только однажды, наканунѣ праздника. Антіохійскій патріархъ Макарій всячески убѣждалъ не дѣлать этого, не отступать отъ древняго обычая.

Никонъ настоялъ на своемъ, и выпросилъ у государя согласіе на изданіе указа въ томъ смыслѣ, въ какомъ желалъ, не сказавъ государю о несогласіи и протестѣ Макарія. Но лишь только Макарій уѣхалъ изъ Москвы (25 марта 1656 г., въ воскресенье шестой седмицы великаго поста), кто-то открылъ государю всю правду, и государь, полагавшій доселѣ, что Никонъ поступилъ такъ съ согласія и по совѣту Макарія, чрезвычайно огорчился, и на страстной седмицѣ въ великую пятницу послѣ вечерни завелъ въ церкви съ Никономъ горячій споръ, въ жару котораго воскликнулъ: «мужикъ, б.... сынъ, глупый человѣкъ!» Никонъ возразилъ: «я твой духовный отецъ; какъ же можешь ты такъ унижать меня?» Царь отвѣчалъ: «вовсе не ты мой отецъ, а святой патріархъ антіохійскій—вотъ кто подлинно мой отецъ, и я сейчасъ же пошлю воротить его съ дороги». И дѣйствительно послалъ. Это разсказали Макарію, при въѣздѣ его въ Москву на ѳоминой недѣлѣ, встрѣтившіеся ему греческіе купцы, присовокупивъ, что главною причиною того спора было высокомѣріе патр. Никона, его грубость и чрезвычайная надменность. И то обстоятельство, что царь именно въ великую пятницу и послѣ вечерни послалъ гонца догонять Макарія и воротить его, дѣлаетъ разсказъ этотъ весьма вѣроятнымъ, свидѣтельствуя, что съ царемъ случилось тогда что-то особенное, если онъ рѣшился въ такой великій и святой день и въ такое время дня (послѣ вечерни) послать за Макаріемъ, находившимся уже въ Болховѣ, хотя самъ царь ничего не сказалъ объ этомъ Макарію по возвращеніи его въ Москву, вѣроятно, еще прежде примирившись съ Никономъ по случаю наступив-

шаго праздника Пасхи ([207]). Не надобно также забывать, что царь-юноша, подпавши подъ сильное вліяніе Никона, съ каждымъ годомъ мужалъ и становился зрѣлѣе, что почти два года онъ провелъ на войнѣ, вдали отъ Никона, и успѣлъ довольно отвыкнуть отъ него и отъ его непосредственнаго водительства, успѣлъ пріобрѣсть болѣе опытности и знанія людей, и что эта война, сопровождавшаяся необычайными успѣхами, покрыла царя великою славою и возвысила его въ его собственныхъ понятіяхъ, такъ что онъ естественно сдѣлался чувствительнѣе къ прерогативамъ своей власти и ко всякому ея умаленію или оскорбленію, и не могъ уже по прежнему переносить горделивыхъ притязаній патріарха Никона. Самъ Никонъ писалъ впослѣдствіи къ цареградскому патріарху Діонисію: «тогда (т. е. по окончаніи литовской войны) нача (царь) по малу гордѣти и выситися и нами глаголемая отъ заповѣдей Божіихъ презирати и во архіерейскія дѣла вступатися» ([208]). И можно судить, какъ должны были подѣйствовать на царя слова, которыя сказалъ ему въ началѣ 1657 г. Нероновъ въ успенскомъ соборѣ, указывая

([207]) *Пав. алепп.* Путеш. Макарія, кн. XIV, отд. 7, въ т. II, 290. Сотникъ, посланный догнать патр. Макарія, сказалъ ему: «послѣ вечерни въ великую пятницу царь позвалъ меня къ себѣ и далъ мнѣ это письмо, приказавъ мнѣ со всевозможною скоростію догнать ваше святѣйшество» (тамъ же, отд. 6, стр. 286). Павелъ алеппскій замѣчаетъ: «по возвращеніи нашемъ въ Москву мы никакимъ образомъ не могли узнать, для чего воротилъ насъ царь, а спросить объ этомъ мы не осмѣливались» (тамъ же, отд. 8, стр. 297).

([208]) По рукописи воскресен. новоіерус. монастыря, № 175, л. 363 об.; а въ печатномъ спискѣ читаемъ: «тогда нача по-малу гордитися, и елико мы глаголахомъ: престани, — (онъ же) и во архіерейскія дѣла учалъ вступатца властію» (Записк. отд. русск. и славян. археолог., II, 513).

на Никона: «доколѣ, государь, тебѣ терпѣть такого врага Божія? Смутилъ всю землю русскую, и твою царскую честь попралъ, и уже твоей власти не слышать,—отъ него, врага, всѣмъ страхъ». А подобныя слова могли теперь говорить царю и другіе, особенно изъ окружающихъ его бояръ, когда замѣтили нѣкоторое охлажденіе его къ патріарху. Алексѣй Михайловичъ не вдругъ, впрочемъ, измѣнилъ свои отношенія къ прежнему любимцу. Въ 18 день октября 1657 года царь еще пріѣзжалъ, по приглашенію Никона, въ его новую обитель, воскресенскую, на освященіе церкви со всѣмъ своимъ семействомъ и синклитомъ, провелъ здѣсь два дня, былъ очень внимателенъ къ хозяину и, когда отъѣхалъ, благодарилъ его письмомъ, въ которомъ называлъ его, по прежнему, великимъ государемъ, самую обитель назвалъ новымъ Іерусалимомъ, не отказываясь и впредь посѣщать ее. А ровно черезъ мѣсяцъ, 18 ноября, Никонъ писалъ въ свою иверскую обитель, что царь хочетъ пожаловать въ нее послѣ праздника Рождества Христова, и приказывалъ приготовить для встрѣчи царя рѣчи, пѣвчихъ и все прочее. Но дней черезъ десять извѣщалъ уже, что въ наступившую зиму царь Алексѣй Михайловичъ въ монастырь пречистыя Богородицы иверскія «итти не изволилъ», почему и всякія приготовленія для пріема его должны быть прекращены ([209]). Даже въ мартѣ и апрѣлѣ слѣдующаго 1658 года, царь еще жаловалъ, по просьбѣ Никона, новыя села и угодья на его монастыри крестный и воскресенскій. А въ первыхъ числахъ іюля началась уже между царемъ и патріархомъ открытая распря.

([209]) *Леонид.* Историч. опис. воскресенск. новоіерус. монастыря, стр. 6—7, М. 1876; Акт. ивер. монаст. № 98, ст. 1. 3.

Въ 6-й день іюля Алексѣй Михайловичъ давалъ торжественный обѣдъ въ честь прибывшаго въ Москву грузинскаго царевича Теймураза и, противъ обыкновенія, не удостоилъ позвать на этотъ обѣдъ патріарха Никона съ духовными властями, — чѣмъ явно показалъ свое къ нему неблаговоленіе. Никонъ послалъ своего боярина, князя Димитрія Мещерскаго, наблюсти, при встрѣчѣ царевича, среди собравшейся толпы, «чинъ церковный», т. е. чтобы кто либо изъ духовенства не произвелъ какого либо безчинія. Царскій окольничій и родственникъ Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, расчищавшій путь для царевича, можетъ быть, ненамѣренно ударилъ въ толпѣ этого боярина палкою по головѣ безъ пощады. «Напрасно ты бьешь меня, Богданъ Матвѣевичъ, сказалъ патріаршій бояринъ, мы пришли сюда не просто, а съ дѣломъ». «Да кто ты такой?» спросилъ окольничій. «Я патріаршій человѣкъ и посланъ съ дѣломъ», отвѣчалъ князь Димитрій. Тогда Хитрово закричалъ: «не величайся», и ударилъ его по лбу такъ, что причинилъ ему большую язву. Бояринъ поспѣшилъ къ патріарху, показалъ ему свою язву и со слезами жаловался на Хитрово. Никонъ написалъ къ царю своею рукою и просилъ наказать виновнаго, а иначе грозилъ отмстить ему своею духовною властью. Царь также прислалъ Никону собственноручное письмо съ Аѳанасіемъ Матюшкинымъ, и, когда Никонъ не удовлетворился, прислалъ ему и другое письмо, и обѣщался лично увидѣться съ патріархомъ. Но свиданія не послѣдовало. Чрезъ два дня, 8 іюля, наступилъ праздникъ въ честь казанской иконы Богоматери. Въ прежніе годы на этотъ праздникъ царь всегда бывалъ, со всѣмъ своимъ синклитомъ, въ казанскомъ соборѣ за вечерней, утреней и литур-

гіей. Ожидали, что будетъ и теперь. И когда зазвонили къ вечернѣ, Никонъ, отправившись самъ въ соборъ, послалъ, по обычаю, одного изъ пресвитеровъ извѣстить государя о церковной службѣ; но царь къ вечернѣ не пришелъ. Не пришелъ потомъ ни къ заутренѣ, ни къ литургіи, несмотря на такія же приглашенія со стороны патріарха. Никонъ понялъ, что царь на него «озлобися». Спустя еще два дня, 10 іюля, насталъ другой праздникъ въ честь Ризы Господней, въ который прежде государь также всегда присутствовалъ, съ своимъ синклитомъ, на всѣхъ церковныхъ службахъ въ успенскомъ соборѣ. Послалъ и теперь Никонъ предъ началомъ вечерни доложить о ней государю; но государь не пожаловалъ къ вечернѣ. Послалъ Никонъ къ царю и предъ заутреней, но царь и къ заутренѣ не захотѣлъ притти. Только послѣ заутрени прислалъ къ Никону князя Юрія Ромодановскаго, который сначала сказалъ ему: «царское величество на тебя гнѣвенъ, потому и къ заутренѣ не пришелъ, и не велѣлъ ждать его и къ литургіи». А потомъ прибавилъ уже именемъ самого государя: «ты пренебрегъ царское величество, и пишешься великимъ государемъ, а у насъ одинъ великій государь — царь». Никонъ отвѣчалъ: «я называюсь великимъ государемъ не собою; такъ повелѣлъ называться и писаться мнѣ его царское величество; на это мы имѣемъ свидѣтельство — граматы, писанныя его царскою рукою». Князь Юрій продолжалъ: «царское величество почтилъ тебя, какъ отца и пастыря; но ты не уразумѣлъ. И нынѣ царское величество повелѣлъ сказать тебѣ, чтобы впредь ты не писался и не назывался великимъ государемъ, и по-

читать тебя впредь не будетъ» ([310]). Такимъ образомъ Никону прямо было объявлено, за что гнѣвается на него царь и чего отъ него требуетъ. И еслибы Никонъ смирился, покорился волѣ государя, принесъ повинную и далъ обѣщаніе измѣниться на будущее время, то дѣло, мало по малу, могло бы уладиться, и Никонъ спасъ бы какъ себя отъ горькой участи, какая его постигла, такъ и всю церковь отъ тѣхъ смутъ и волненій, какія въ ней послѣдовали. Къ несчастію, Никонъ, по своему характеру и привычкамъ, былъ не такой человѣкъ, чтобы уступить и покориться. Онъ захотѣлъ, чтобы ему уступили и покорились, рѣшился отказаться торжественно, предъ всею церковію, отъ своей каѳедры, расчитывая, что самъ царь станетъ просить и умолять его не отказываться.

Утромъ тогоже 10 іюля дьякъ патріарха Никона Иванъ

([310]) Дворцов. разряды, III, 497—502; Письмо патр. Никона къ цареград. патр. Діонисію — въ Записк. отд. русск. и славян. археолог., II, 513 — 515. Матюшкинъ въ своей сказкѣ, писанной 15 февр. 1660 года, разсказываетъ: «патріархъ Никонъ письмо отъ меня принялъ, и прочелъ, и началъ мнѣ говорить: я де государю билъ челомъ, чтобы пожаловалъ, велѣлъ дать оборонъ на Богдана Хитрово, что Богданъ убилъ мертво Мещерскаго князя, и государь де не пожаловалъ, обороны не далъ, и я де стану съ нимъ управливаться церковью... А хто де Богданъ таковъ? У Мещерскаго де и у самово есть въ его пору... И я пришелъ къ государю, и тѣ слова ему извѣстилъ, и государь меня изволилъ послать опять къ патріарху съ письмомъ же, и письмо у меня патріархъ принялъ, и прочелъ, и молвилъ: воленъ де Богъ и государь, коли мнѣ обороны не далъ, и я де стану управливаться церковью». Сказка эта — въ Спб. государств. архивѣ, между бумагами о патріархѣ Никонѣ, по прежней описи, составленной гг. Ламанскимъ и Пекарскимъ, за № 72. За сообщеніе копіи съ этого документа, равно какъ копій и со многихъ другихъ документовъ по дѣлу патр. Никона, хранящихся въ государственномъ архивѣ, которыми далѣе мы будемъ пользоваться, считаемъ долгомъ заявить здѣсь нашу искреннюю благодарность достопочтенному Г. Ѳ. Штендману.

Калитинъ какъ-то узналъ о намѣреніи его оставить патріаршую каѳедру и началъ-было говорить ему, чтобъ не оставлялъ, но Никонъ не захотѣлъ и слушать. Калитинъ поспѣшилъ извѣстить служившаго прежде въ боярахъ у патріарха Никона и глубоко преданнаго ему боярина Никиту Алексѣевича Зюзина, и послѣдній велѣлъ его именемъ сказать патріарху, «чтобы онъ отъ такого дерзновенія престалъ и великаго государя не прогнѣвилъ, а буде пойдетъ (съ каѳедры) неразсудно и неразмысля дерзко, то впредь, хотя бы и захотѣлъ возвратиться, будетъ невозможно: за такое дерзновеніе надобно опасаться великаго государева гнѣва». Никонъ было-поколебался отъ этихъ словъ и сталъ что-то писать, но, написавъ немного, разорвалъ бумагу и сказалъ: «иду-де»([211]). Начался благовѣстъ къ обѣднѣ. Духовныя власти, по обычаю, пришли въ крестовую патріарха, чтобы встрѣтить его и провожать въ соборную церковь. Никонъ велѣлъ придти и иподьяконамъ и подьякамъ въ новыхъ большихъ стихаряхъ и сказалъ: «пусть проводятъ меня въ послѣдній

([211]) Зюзинъ былъ назначенъ въ бояры къ патр. Никону въ 1652 г. (Дворц. разряды, III, 333). Сказка Зюзина—въ Подлинномъ дѣлѣ патріарха Никона, хранящемся въ москов. синод. библіотекѣ. Это Подлинное дѣло помѣщено на тринадцати отдѣльныхъ столбцахъ или свиткахъ, изъ которыхъ иные имѣютъ около 20, 40, 50, даже 70 аршинъ длины. Въ каждомъ свиткѣ документы приклеены одинъ къ другому, большею частію, не въ хронологическомъ порядкѣ, а какъ попало. Здѣсь, впрочемъ, есть документы, не относящіеся прямо къ дѣлу Никона, а многихъ, относящихся къ дѣлу, нѣтъ. Списокъ съ этихъ свитковъ есть въ библіотекѣ москов. дух. академіи, куда поступилъ отъ А. Н. Муравьева. Мы имѣли подъ руками и этотъ списокъ и самые свитки. Заглавіе: «Подлинное дѣло патріарха Никона» находится только въ спискѣ, а не въ свиткахъ. Упомянутая сказка Зюзина находится въ свитк. № X, по списку моск. дух. акад., на стр. 226.

разъ». Потомъ, взявъ посохъ Петра чудотворца, пошелъ въ церковь, и потребовалъ здѣсь, чтобы его облачили въ саккосъ святителя Петра и омофоръ шестаго собора, которые не были приготовлены, а находились на царево-борисовскомъ дворѣ въ палатахъ. Иподіаконы много разъ бѣгали туда, но приносили все не тотъ саккосъ и омофоръ. Никонъ, вмѣстѣ со властями, ждалъ, пока не принесено было требуемое имъ облаченіе. Облачившись, онъ совершилъ литургію, вмѣстѣ съ двумя митрополитами (крутицкимъ Питиримомъ и сербскимъ Михаиломъ), однимъ архіепископомъ (тверскимъ Іоасафомъ), архимандритами, игуменами и протопопами. Пока шла литургія, въ алтарѣ уже перешептывались, что патріархъ оставляетъ каѳедру: такъ какъ, по приказанію его, еще утромъ иподіаконъ Иванъ Тверицынъ купилъ для него простую поповскую ключку, и разсказалъ о томъ своему товарищу. Во время св. причащенія патріархъ цѣловалъ властей и всѣхъ служащихъ въ уста. Причастившись, сѣлъ на свое сѣдалище и писалъ что-то, вѣроятно, посланіе къ царю, отправленное послѣ, и приказалъ ключарю поставить сторожей у церковныхъ дверей, чтобы никого не выпускали изъ церкви: поученіе будетъ. По заамвонной молитвѣ Никонъ вышелъ изъ алтаря на амвонъ, и сначала, по обычаю, прочелъ положенное поученіе изъ бесѣдъ св. Златоуста, касавшееся значенія пастырей церкви, а затѣмъ повелъ рѣчь отъ себя. Что говорилъ онъ, и что потомъ происходило въ соборѣ, передать съ точностію невозможно: потому что хотя года черезъ полтора болѣе шестидесяти свидѣтелей дали объ этомъ письменныя сказки, но, большею частію, показали весьма немногое, отзываясь, что иного не слышали или не могли слы-

шать, а другое запамятовали. Всѣ согласны только въ одномъ, что Никонъ отказывался отъ патріаршества и говорилъ народу: патріархомъ вамъ не буду, не называйте меня патріархомъ. Лишь немногіе дали нѣсколько подробныя показанія, но неодинаковыя. Напримѣръ, по сказкѣ крутицкаго митрополита Питирима, Никонъ говорилъ: «лѣнивъ я былъ учить васъ; не стало меня на это; отъ лѣни я окоростовѣлъ, и вы, видя мое къ вамъ неученіе, окоростовѣли отъ меня. Отъ сего времени не буду вамъ патріархомъ; если же помыслю быть патріархомъ, то буду анаѳема». Тоже самое показали тверской архіепископъ Іоасафъ и соборный попъ Ѳедоръ Тереньевъ; но потомъ Іоасафъ сознался, что не помнитъ, произнесъ ли Никонъ слово «анаѳема», равно какъ и всѣ другіе свидѣтели сказали, что или не помнятъ, или не слышали этого слова. По сказкѣ патріаршаго ризничаго, діакона Іова, Никонъ говорилъ въ своей рѣчи къ народу: «какъ ходилъ я съ царевичемъ Алексѣемъ въ колязинъ монастырь, въ то время на Москвѣ многіе люди къ лобному мѣсту сбирались и называли меня иконоборцемъ за то, что я многія иконы отбиралъ и стиралъ, и за то меня хотѣли убить. Но я отбиралъ иконы латинскія, писанныя съ подлинника, чтò вывелъ нѣмецъ изъ нѣмецкой земли, которымъ покланяться нельзя». И, указывая при этомъ въ иконостасѣ соборной церкви на Спасовъ образъ греческаго письма, продолжалъ: «вотъ такому можно покланяться; а я не иконоборецъ. Послѣ того называли меня еретикомъ: новыя-де книги завелъ, — и то чинится ради моихъ грѣховъ. Я предлагалъ многое поученіе и свидѣтельство вселенскихъ патріарховъ, а вы, въ непослушаніи и окаменѣніи сердецъ вашихъ, хотѣли меня ка-

меніемъ побить. Но одинъ Христосъ искупилъ насъ своею кровію; а мнѣ, если побьете меня каменіемъ, никого своею кровію не избавить. И чѣмъ вамъ каменіемъ меня побить и называть еретикомъ, такъ лучше я отъ сего времени не буду вамъ патріархомъ. Предаю васъ въ руки Богу живому: Онъ васъ да упасетъ». Но потомъ ризничій Іовъ сознался, что онъ подлинно не упомнитъ, теперь ли въ поученіи говорилъ Никонъ всѣ эти слова, или говорилъ прежде въ другихъ мѣстахъ. Окончивъ свою рѣчь, Никонъ сталъ своими руками разоблачаться: снялъ съ себя митру, омофоръ, саккосъ. Многіе со слезами молили его: «кому ты оставляешь насъ, сирыхъ?» Онъ отвѣчалъ: «кого Богъ вамъ дастъ и пресв. Богородица изволитъ». Подьяки принесли мѣшокъ съ простымъ монашескимъ платьемъ, но власти мѣшокъ отняли, и не дали патріарху надѣть это платье. Онъ пошелъ въ ризницу, надѣлъ тамъ черную мантію съ источниками (слѣд. архіерейскую) и черный клобукъ, поставилъ посохъ Петра чудотворца на святительскомъ мѣстѣ, взялъ простую клюку и пошелъ изъ церкви. Но православные всѣхъ чиновъ люди соборную церковь заперли, и изъ церкви его не пустили, а послали крутицкаго митрополита Питирима, съ другими властями, извѣстить о всемъ государя. Никонъ, дошедши до своего облачальнаго мѣста среди церкви, сѣлъ на послѣдней его ступени лицемъ къ западнымъ дверямъ, и дожидался, что будетъ. Государь, выслушавъ докладъ Питирима, отправилъ въ соборъ своего знатнѣйшаго боярина, князя Алексѣя Никитича Трубецкаго. Бояринъ, какъ свидѣтельствуютъ въ своихъ сказкахъ митрополиты крутицкій и сербскій, прежде всего просилъ благословенія у патріарха, но патріархъ боя-

рина не благословилъ, сказавъ: «прошло де мое благословеніе, недостоинъ я быть въ патріархахъ». Бояринъ: «въ чемъ твое недостоинство, и что ты сдѣлалъ?» Патріархъ: «если тебѣ нужно, я стану тебѣ каяться». Бояринъ: «то не мое дѣло, не кайся». Подтверждая это въ своей сказкѣ, самъ бояринъ, князь Трубецкій, показалъ еще слѣдующее: «я спросилъ патріарха Никона, для чего онъ оставляетъ патріаршество, не посовѣтовавшись съ великимъ государемъ, и отъ чьего гоненія, и кто гонитъ». И патріархъ отвѣчалъ: «я оставилъ патріаршество собою, а ни отъ чьего и ни отъ какого гоненія, и государева гнѣва никакого на меня не бывало. А о томъ я прежде билъ челомъ великому государю и извѣщалъ, что мнѣ больше трехъ лѣтъ на патріаршествѣ не быть». За тѣмъ далъ мнѣ патріархъ письмо и велѣлъ поднесть великому государю, да приказывалъ бить челомъ, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ дать ему келію. Про все то я великаго государя извѣстилъ, и онъ послалъ меня къ патріарху въ другой разъ, велѣлъ отдать ему письмо назадъ и сказать, чтобы онъ патріаршества не оставлялъ и былъ по прежнему; а келій на патріаршемъ дворѣ много, въ которой онъ захочетъ, въ той и живи. Никонъ, принявъ письмо, отвѣчалъ: «я слова своего не перемѣню, да и давно де у меня о томъ обѣщаніе, что патріархомъ мнѣ не быть». И пошелъ изъ соборной церкви вонъ» (212).

---

(212) Подлинныя сказки, изъ которыхъ заимствовано все, изложенное нами, находятся въ томъ же Подлинн. дѣлѣ патр. Никона, по рукописи москов. дух. академіи, стр. 35—75. Сказки отобраны были, въ февралѣ 1660 г., отъ всѣхъ, служившихъ съ Никономъ въ день оставленія имъ каѳедры: архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ, протоіереевъ, священниковъ, діаконовъ, иподья-

Ошибся Никонъ въ своихъ расчетахъ, не пришелъ къ нему въ церковь самъ царь, не умолялъ его, вмѣстѣ съ духовенствомъ и всѣмъ народомъ, не покидать каѳедры, а прислалъ только своего боярина сказать ему, чтобы онъ патріаршества не оставлялъ. Не совсѣмъ понятными кажутся

коновъ, даже нѣкоторыхъ пѣвчихъ, и отъ князя Алексѣя Трубецкаго, и разсмотрѣны на московскомъ соборѣ 1660 года (тамъ же, 76—84). Шушеринъ, писавшій объ этомъ событіи только по разсказамъ и притомъ спустя болѣе двадцати лѣтъ (именно въ 1681—1686 г.), когда многое могъ уже забыть, говоритъ, будто Никонъ сначала послалъ изъ соборной церкви къ государю письмо и просилъ себѣ келіи, и государь прислалъ къ нему кн. Трубецкаго сказать: «за чѣмъ просишь себѣ келью; есть у тебя келіи на патріаршемъ дворѣ»; но Никонъ отвѣчалъ, что проситъ государя отпустить его въ какой либо монастырь. Тогда Трубецкій пошелъ къ государю, и, возвратившись, отъ его имени спросилъ Никона: «нѣтъ ли у тебя какой ссоры на великаго государя или пакосныхъ рѣчей». Никонъ отвѣчалъ: «ни ссоры, ни пакосныхъ рѣчей на вел. государя у меня нѣтъ, а оставляю престолъ свой, вѣдая свои многія предъ Богомъ согрѣшенія». Трубецкій опять пошелъ къ царю, и, возвратившись, сказалъ Никону: «вел. государь велѣлъ тебѣ сказать: гдѣ хочешь, тамъ и избери себѣ монастырь и келью». Никонъ, поклонившись боярину, отвѣчалъ: «бью челомъ вел. государю за его государеву милость», и пошелъ изъ церкви (Извѣст. о патр. Никонѣ, стр. 32—33). Самъ Никонъ излагаетъ нѣкоторыя обстоятельства событія несогласно не только съ сказками современниковъ-очевидцевъ, но и съ преданнымъ ему Шушеринымъ. Въ письмѣ своемъ къ патр. Діонисію (дек. 1665 года) Никонъ писалъ: а) будто онъ, по совершеніи литургіи въ соборной церкви 10 іюля, свидѣтельствовался предъ Богомъ и всѣми святыми и предъ множествомъ народа, что «царь гнѣвается на него безъ правды, почему и въ церковное собраніе нейдетъ»; б) будто за тѣмъ послалъ съ однимъ изъ діаконовъ письмо къ царю извѣстить его, что «ради его гнѣва отходитъ, по писанному: *дадите мѣсто гнѣву..., и егда изженутъ васъ отъ града, бѣжите во инъ градъ...., и отрясите прахъ отъ ногъ вашихъ*»; а царь, прочитавъ письмо, возвратилъ его съ тѣмъ же дьякономъ назадъ; в) будто тогда же царь прислалъ въ церковь не одного князя Трубецкаго, а и окольничаго Родіона Стрѣшнева и другихъ, и онъ — Никонъ, на вопросъ ихъ: «камо идеши?», отвѣчалъ: «даю мѣсто гнѣву царскаго величества, зане, кромѣ правды, его синклитъ, бояре и весь народъ—церковный чинъ небрегутъ, и безчинія многая творятъ, а царское величество управы не даетъ, и, въ чемъ мы печалимся, онъ гнѣвается на насъ», и проч. (Записк. отд. русск. и славян. археолог. II, 515—516). Въ

слова Никона Трубецкому: «о томъ я прежде билъ челомъ вел. государю и извѣщалъ, что мнѣ больше трехъ лѣтъ на патріаршествѣ не быть». Впослѣдствіи въ одномъ изъ писемъ своихъ къ царю (отъ 25 дек. 1671 г.) Никонъ писалъ: «въ прошломъ 160 (т. е. 1652) году, Божіею волею и твоимъ, великаго государя, изволеніемъ, и всего освященнаго собора избраніемъ, былъ я поставленъ на патріаршество не своимъ изволомъ; я, вѣдая свою худость и недостатокъ ума, много разъ тебѣ челомъ билъ, что меня на такое великое дѣло не станетъ, но твой глаголъ превозмогъ. По прошествіи трехъ лѣтъ билъ я тебѣ челомъ отпустить меня въ монастырь, но

письмѣ къ Паисію Лигариду, митрополиту газскому, какъ только онъ прибылъ въ Москву (1662 г.), Никонъ говорилъ: «отпѣся пресвятую литургію..., мы къ царскому величеству послали *ключаря* для извѣщанія о нашемъ отъѣздѣ, что мы никакого зла церкви Божіей не учинили, но не для прямыя ярости его, будучи послушны евангельскому слову: *егда изженутъ васъ*..., и нынѣ, отходя изъ вашего града, прахъ прилипшій отъ ногъ нашихъ отрясаемъ и отдаемъ вамъ» и проч. (Рукоп. воскресен. новоіерус. монастыря, № 175, л. 380). Въ своемъ возраженіи на 5-й вопросъ Стрѣшнева и отвѣтъ Паисія Лигарида Никонъ говорилъ, что, по совершеніи литургіи, засвидѣтельствовавъ предъ Богомъ и всѣми «о напрасномъ государевомъ гнѣвѣ», послалъ къ нему съ діакономъ своимъ Іовомъ слѣдующее письмо: «се вижу на мя гнѣвъ твой умноженъ безъ правды, и того ради и соборовъ святыхъ во св. церквахъ лишаеши. Азъ же пришлецъ есмь на земли, и се нынѣ, поминая заповѣдь Божію, дая мѣсто гнѣву, отхожу отъ мѣста и града сего. И ты имаши отвѣтъ предъ Господомъ Богомъ о всемъ дати». За тѣмъ прибавилъ: «и. разсмотрѣвъ государь писаное, паки возврати ко мнѣ, зане не бысть ему на пользу» (Рукопись воскресен. новоіерус. монастыр., XVII в., содержащая въ себѣ возраженія... Никона, № 118, л. 30—31). А въ возраженіи на 26-й вопросъ и отвѣтъ Никонъ, сказавъ, что послалъ письмо къ царю съ ризничимъ (это и былъ діаконъ Іовъ), присовокупилъ: «и онъ государь, невѣдомо, челъ или нѣтъ, только то письмо назадъ прислалъ» (тамъ же, л. 882—883). Естественно думать, что и Никонъ, писавшій все это спустя нѣсколько лѣтъ послѣ событія и старавшійся, конечно, оправдать себя и выставить себя въ лучшемъ видѣ, иное забылъ, а другое намѣренно измѣнилъ.

ты оставилъ меня еще на три года. По прошествіи другихъ трехъ лѣтъ опять я тебѣ билъ челомъ объ отпускѣ въ монастырь, но ты милостиваго своего указа не учинилъ. Я, видя, что мнѣ челобитьемъ отъ тебя не отбыть, началъ тебѣ досаждать, раздражать тебя, и съ патріаршаго стола сошелъ въ воскресенскій монастырь» ([213]). Но извѣстно, что происходило при избраніи Никона и какъ превозмогъ тогда царскій глаголъ: царь униженно умолялъ тогда Никона принять патріаршество. Подобное повторилось и спустя три года, когда Никонъ вздумалъ проситься въ монастырь, — царь не оставилъ его, а, навѣрно, умолилъ его остаться еще на три года; потому что въ это-то время онъ и сказалъ царю, что больше трехъ лѣтъ на патріаршествѣ не будетъ, — хотя мы и не знаемъ, когда именно это случилось (не послѣ ли ссоры ихъ въ великую пятницу 1656 г. изъ-за водосвятій на праздникъ Богоявленія?). Такого же милостиваго указа, иначе такого же моленія со стороны самого царя, безъ сомнѣнія, ожидалъ Никонъ и теперь, по прошествіи втораго трехлѣтія его патріаршества, но не дождался.

Обманутый въ своихъ надеждахъ, смиренно вышелъ онъ изъ соборной церкви, и, увидѣвъ вблизи приготовленнаго извощика съ колесницею, хотѣлъ на нее сѣсть, такъ какъ на ивановской площади была тогда грязь. Но народъ распрягъ лошадь и разломалъ телѣгу. Никонъ пошелъ по грязи пѣшкомъ. Ему привезли карету; онъ въ нее не сѣлъ, а пѣшій продолжалъ путь до спасскихъ воротъ. Народъ, слѣдовавшій

([213]) Письмо это напечатано у *Соловьева*, Истор. Россіи. XI, 384—385.

за нимъ, затворилъ ворота и не хотѣлъ его выпустить. Никонъ сѣлъ въ одной изъ печуръ (углубленій), и многіе тутъ плакали, что оставляетъ ихъ пастырь. Царскіе сановники велѣли отворить ворота, и Никонъ пошелъ красною площадью и ильинскимъ крестцемъ на воскресенское подворье. Вошедши здѣсь въ свои кельи, далъ благословеніе народу и отпустилъ всѣхъ. «И присла царское величество, — пишетъ Никонъ,—тѣхъ же бояръ (князя Алексѣя Трубецкаго съ другими), да не отъиду, дондеже не увидимся съ его царскимъ величествомъ. И азъ тамо ожидахъ три дни, и отъ его царскаго величества вѣсти ко мнѣ не было, и по трехъ днехъ отыдохъ». Никонъ, выпросивъ въ новодѣвичьемъ монастырѣ двѣ плетеныя кіевскія коляски, на одну сѣлъ самъ, а на другую положилъ свои вещи, и отправился въ свой воскресенскій монастырь (214). Но здѣсь показаніе Никона представляется невѣроятнымъ: онъ пробылъ на подворьѣ не три, а развѣ одинъ или полтора дня. Іюля 12-го царь уже послалъ въ воскресенскій монастырь къ Никону боярина Алексѣя Трубецкаго и дьяка Ларіона Лопухина, какъ сами они пишутъ въ своей сказкѣ, указалъ имъ говорить Никону: «для чего онъ, не доложа великому государю и не подавъ ему благословенія, поѣхалъ изъ Москвы скорымъ обычаемъ? А еслибъ только великому государю вѣдомо было, то онъ велѣлъ бы проводить его, патріарха, съ честію. Да чтобы онъ великому государю, царицѣ, царевичу и царевнамъ подалъ свое благословеніе. А кому изволитъ Богъ и пресв. Богородица быть на

(214) *Шушерин.* Изв. о патр. Никонѣ, стр. 33; *Никон.* Письмо къ патр. Діонисію—въ Записк. отд. русск. и славянск. археолог., II, 516—517.

его мѣстѣ патріархомъ, подалъ бы также благословеніе. Церковь же и домъ пресв. Богородицы, пока-мѣста патріархъ будетъ, благословилъ бы вѣдать крутицкому митрополиту». Значитъ, у царя было уже рѣшено, что Никонъ патріархомъ московскимъ болѣе не будетъ, что на мѣсто его изберется новый патріархъ, а до избранія новаго должно быть междупатріаршество. Никонъ отвѣчалъ царскимъ посламъ: «чтобъ великій государь, царица и прочіе пожаловали его, простили. А имъ благословеніе и прощеніе посылаетъ. А кого Богъ изволитъ и пресв. Богородица, и укажетъ великій государь быть на его мѣстѣ патріархомъ, и онъ—патріархъ благословляетъ, и бьетъ челомъ государю, чтобъ церковь Божія не вдовствовала и безъ пастыря не была. А церковь и домъ преч. Богородицы благословляетъ, пока-мѣста патріархъ будетъ, крутицкому митрополиту. Въ томъ же, что поѣхалъ изъ Москвы вскорѣ, не извѣстя великаго государя, предъ нимъ виноватъ: убоялся того, что его постигла болѣзнь, и ему бъ въ патріархахъ не умереть. Впредь патріархомъ онъ быть не хочетъ; а только-де похочу быть патріархомъ, проклятъ буду и анаѳема». Съ тѣмиже послами царскими послалъ Никонъ свое благословеніе и прощеніе боярамъ и думнымъ людямъ и всѣмъ православнымъ христіанамъ ([215]). Кромѣ того Никонъ

([215]) Сказка князя Ал. Трубецкаго и Илларіона Лопухина помѣщена въ Подлинн. дѣлѣ патр. Никона, по списку москов. дух. академія. стр. 45—46. Но Никонъ и объ этомъ предметѣ говоритъ иначе въ письмѣ къ патр. Діонисію, и именно слѣдующее: «и по тріехъ днехъ отъидохъ въ наше строеніе, въ воскресенскій монастырь, и за нами присла царское величество въ воскресенскій монастырь тѣхъ же бояръ. И они, пришедъ къ намъ, рекоша намъ: чесо ради ты, безъ царскаго повелѣнія, отшелъ съ Москвы. И азъ рекъ имъ, — яко не въ дальніе мѣста отшелъ; аще царское величество на

послалъ еще къ царю, царицѣ и всему царскому семейству собственноручное письмо, въ которомъ говорилъ: «Многогрѣшный богомолецъ вашъ, смиренный Никонъ, бывшій патріархъ, о вашемъ душевномъ спасеніи и тѣлесномъ здравіи Господа Бога, ей-ей, со слезами молю. И милости у васъ, государей, и прощенія прошу... Господа Бога ради простите ми, многое къ вамъ, великимъ, мое согрѣшеніе... Второе и третіе и многажды множицею прошу Господа Бога ради, простите мя, да и сами отъ Господа Бога прощенія сподобитесь, и не поминайте ми много моего согрѣшенія: вѣмъ, о вѣмъ, яко много и премного—много къ вамъ, государемъ, мое согрѣшеніе, и велико зѣло, емуже, ей-ей, воистину нѣсть числа. А если, умилосердившись, желаете знать о мнѣ грѣшномъ, то скажу, что по отшествіи (съ воскресенскаго подворья) вашего боярина, князя Алексѣя Никитича съ товарищами, ждалъ я отъ васъ, великихъ государей, по моему прошенію, милостиваго указа и не дождался, и многихъ ради болѣзней моихъ велѣлъ отвезти себя въ ваше государево богомолье — воскресенскій монастырь». Царь прислалъ Никону свое милостивое прощеніе чрезъ стольника Аѳанасія Ивановича Матюшкина ([216]).

милость положитъ и гнѣвъ свой утолитъ, паки пріидемъ. И по семъ о возвращеніи нашемъ на престолъ нашъ отъ царскаго величества ничево не было. И приказали мы правити на время крутицкому митрополиту Питириму» (Записк. отд русск. и славян. археолог., II, 517).

([216]). Письмо Никона въ томъ же Подлинн. дѣлѣ, по списку москов. дух. акад., стр. 16—18. А о присылкѣ отъ царя къ Никону Нащокина самъ Никонъ, въ другомъ своемъ письмѣ къ царю, писанномъ уже въ 1659 г., говоритъ слѣдующее: «аще и азъ, по долгу моему, прощенія отъ тебя, великаго государя, чрезъ писаніе просихъ, въ нихъ же, яко человѣкъ, согрѣшихъ, по

Такимъ образомъ все, казалось, устроилось мирно. Никонъ самовольно, безъ воли государя, оставилъ каѳедру и уѣхалъ въ воскресенскій монастырь; но просилъ прощенія, и государь его простилъ. Никонъ объявилъ, что не будетъ болѣе патріархомъ и въ письмѣ къ царю называлъ уже себя *бывшимъ* патріархомъ; далъ свое благословеніе тому, кто на его мѣсто будетъ избранъ въ патріарха, и билъ челомъ царю, чтобы церковь не вдовствовала безъ пастыря; благословилъ, наконецъ, впредь до избранія новаго патріарха, править церковію крутицкому митрополиту. Между царемъ и бывшимъ патріархомъ открылись добрыя сношенія... Но, увы, скоро все измѣнилось. Враги Никона, окружавшіе государя, начали еще сильнѣе, чѣмъ прежде, возбуждать его противъ Никона; въ самомъ Никонѣ пробудились прежнія неукротимыя влеченія къ власти и къ верховному распоряженію дѣлами церкви, и онъ своими письмами и дѣйствіями болѣе всѣхъ возбуждалъ противъ себя государя, и явился самымъ главнымъ и злѣйшимъ своимъ врагомъ. Вслѣдствіе чего въ нашей церкви слишкомъ восемь лѣтъ происходили замѣшательства и волненія, и продолжался періодъ междупатріаршества, пока Никонъ не былъ совсѣмъ низложенъ и лишенъ сана и, на мѣсто его, не былъ избранъ новый патріархъ московскій и всея Россіи.

заповѣди Господней, рекшей: *аще принесеши даръ твой ко олтарю и помянеши, яко братъ твой имать нѣчто на тя...* Азъ же, не яко братъ, но яко послѣдній богомолецъ есмь вашъ. И ты, великій государь, чрезъ стольника своего Аѳанасія Ивановича Матюшкина, прислалъ свое милостивое прощеніе. Нынѣ же слышу, многое твориши не яко прощенному, но яко послѣднему злодѣю», и проч. См. письмо это — въ томъ же Подлинн. дѣлѣ по томуже списку, стр. 18—26. А напечатано оно сполна г. *Субботинымъ* въ приложеніи къ сочиненію «Дѣло патріарха Никона», № I, Москв. 1862 г.

ГЛАВА II.

ПАТРІАРХЪ НИКОНЪ ДО ЕГО НИЗЛОЖЕНІЯ И ВРЕМЯ МЕЖДУПАТРІАРШЕСТВА.

Время междупатріаршества, по оставленіи Никономъ патріаршей каѳедры, принадлежало къ числу самыхъ смутныхъ временъ, какія только извѣстны въ нашей церковной исторіи. Смуты и нестроенія, происходившія тогда въ русской церкви, были троякаго рода: одни происходили преимущественно въ Москвѣ отъ бывшаго патріарха Никона и изъ-за Никона; другія—въ кіевской митрополіи, едва только начавшей присоединяться къ московскому патріархату, но еще отстаивавшей свои прежнія права; третьи, болѣе или менѣе, во всей великой Россіи — отъ вновь появившагося русскаго раскола. Смуты и волненія, особенно перваго и послѣдняго рода, достигли такой степени, что для прекращенія ихъ и умиренія русской церкви потребовался большой соборъ, какого ни прежде, ни послѣ у насъ не бывало.

I.

Повѣривъ Никону, что онъ оставилъ навсегда патріаршую каѳедру въ Москвѣ и, впредь до избранія новаго патріарха,

поручилъ править церковію крутицкому митрополиту Питириму, царь Алексѣй Михайловичъ въ концѣ тогоже мѣсяца (31 іюля 1658 г.) указалъ боярину князю Алексѣю Никитичу Трубецкому, да окольничему Родіону Матвѣевичу Стрѣшневу, да дьяку Александру Дурову переписать всю домовую и келейную патріаршую казну «послѣ великаго *господина, бывшаго* патріарха Никона», т. е. все имущество, принадлежавшее какъ патріаршему дому или каѳедрѣ, такъ и лично или келейно патріарху Никону: такая перепись дѣлалась и прежде послѣ патріарховъ — Филарета Никитича, Іоасафа и Іосифа. При этомъ подробно описаны были: а) церковныя вещи: образа, кресты, панагіи, сосуды церковные и облаченія, богослужебныя книги и разная церковная утварь; б) домашнія вещи: рясы, клобуки, камилавки, шубы, серебряные кубки, братины, ковши, тарелки и проч., бархаты, атласы, соболи, сукна, ковры и проч.; в) наличныя деньги, поступившія въ патріаршую казну съ духовенства, съ патріаршихъ монастырей и вотчинъ и изъ другихъ источниковъ (денегъ оказалось въ сложности 844 золотыхъ, 3402 ефимка и 17615 тогдашнихъ рублей); г) жалованныя граматы и другіе многочисленные документы на разныя патріаршія имѣнія; д) книги, рукописныя и печатныя, славянскія и греческія, и на иныхъ языкахъ, отчасти находившіяся въ палатахъ патріарха, каменныхъ и деревянныхъ, а преимущественно помѣщавшіяся подъ крестовою церковію трехъ святителей—Петра, Алексія и Іоны, московскихъ чудотворцевъ. По окончаніи переписи патріаршаго имущества, все, что оказалось въ немъ «келейнаго», т. е. всѣ вещи, принадлежавшія собственно патріарху Никону, какого бы рода онѣ ни были,

по приказанію государя, были отдѣлены, переданы патріаршему дьяку Ивану Кокошилову, да патріаршему стряпчему Симону Грязному, и чрезъ нихъ отправлены въ воскресенскій монастырь къ бывшему патріарху. Въ частности замѣчательно, что государь приказалъ отослать туда же къ Никону не только всѣ книги на иностранныхъ языкахъ, купленныя на его келейныя деньги въ Новгородѣ старцемъ Арсеніемъ грекомъ и находившіяся у этого Арсенія, но и всѣ многочисленныя греческія книги, письменныя и печатныя, пріобрѣтенныя на Аѳонѣ старцемъ Арсеніемъ Сухановымъ на денежную казну государеву, и находившіяся подъ церковію трехъ святителей московскихъ Петра, Алексія и Іоны: тѣ и другія книги, по царскому указу, были отданы для отсылки въ воскресенскій монастырь патріаршему боярину Борису Нелединскому, да дьякамъ Ивану Кокошилову и Ивану Калитину ([217]).

Вниманіе и милость Алексѣя Михайловича къ бывшему патріарху простерлись еще далѣе. Царь оставилъ за Нико-

---

([217]) Переписная книга домовой казны патр. Никона напечатана во Временникѣ моск. истор. общ., XV, отд. II. См. особенно стр. 1. 23. 112. 117. 131 — 133. Переписныя книги патріаршей казны послѣ патріарховъ: Филарета Никитича, Іоасафа и Іосифа въ то время были еще цѣлы (тамъ же, стр. 79. 101). Князь Трубецкій и его товарищи, производившіе перепись патріаршей казны, въ одной изъ своихъ отписокъ государю извѣщали его: «что̀ патріарховой казны объявилось, мы, по твоему великаго государя указу, тое келейную казну отдали дьяку Ивану Кокошилову всю съ роспискою, а что тое келейные казны ему Ивану отдано, и тому тебѣ, великому государю, мы послали роспись съ сею отпискою.... А что, государь, въ кельяхъ увидѣли мы твоихъ граматъ, которые присыланы къ нему, патріарху, и иныхъ писемъ и въ казенной палатѣ вашихъ государевыхъ жалованныхъ граматъ и всякихъ крѣпостей, и то все мы запечатали до твоего великаго государя указу». Эта отписка находится въ Спб. государств. архивѣ, между бумагами о патріархѣ Никонѣ, по прежней описи, за № 72.

номъ всѣ три монастыря его строенія: крестный, иверскій и воскресенскій, со всѣми приписными къ нимъ четырнадцатью монастырями и со всѣми ихъ вотчинами, въ которыхъ числилось крестьянъ земледѣльцевъ больше шести тысячъ, а число приходскихъ церквей простиралось до 50-ти, если имѣть въ виду лишь тѣ вотчины, которыя находились въ епархіяхъ тверской и новгородской (сколько было церквей въ вотчинахъ, находившихся въ предѣлахъ московской епархіи, неизвѣстно). Такимъ образомъ Никону оставлена была цѣлая довольно значительная область, церковная и владѣльческая, въ которой онъ могъ самостоятельно дѣйствовать, какъ іерархъ и какъ владѣлецъ. Онъ независимо правилъ всѣми этими монастырями, церквами и вотчинами, творилъ въ нихъ судъ и расправу, самъ посвящалъ для нихъ священниковъ, діаконовъ, причетниковъ, а для монастырей самъ ставилъ и настоятелей и другія власти, и, по своему усмотрѣнію, распоряжался всѣми доходами съ монастырскихъ вотчинъ и угодій. Къ этимъ доходамъ присовокуплялось еще ежегодно по двѣ тысячи рублей, которыя высылалъ царь за взятыя имъ у воскресенскаго монастыря камскія соляныя варницы. При такихъ условіяхъ, казалось, Никону можно было жить совершенно спокойно и быть довольнымъ, еслибы въ немъ дѣйствительно существовала рѣшимость оставить навсегда московскую патріаршую каѳедру и не скрывалось желаніе вновь занять ее. На первыхъ порахъ онъ, повидимому, и былъ спокоенъ и доволенъ, и съ великимъ усердіемъ занялся сооруженіемъ въ своемъ монастырѣ соборнаго храма, во имя воскресенія Христова, такъ что даже самъ, вмѣстѣ съ братіею, носилъ кирпичи на эту постройку. Царь, довольный

спокойствіемъ Никона, прислалъ ему на монастырь «премногую и великую милостыню». Обрадованный Никонъ писалъ государю: «нынѣ отъ премногія милости твоея пріимше дерзновеніе, трегубо Господа Бога молимъ, дабы паки и паки распространилъ и наполнилъ св. благодати своея сердце твое присно миловати насъ—смиренныхъ и убогую сію пустыню, въ нейже нынѣ обрѣтаемся». Затѣмъ открывалъ государю свою мысль, которую имѣлъ, когда еще былъ «на престолѣ великаго архіерейства» въ Москвѣ, лить для воскресенскаго монастыря большой колоколъ съ изображеніемъ на немъ воскресенія Господня и ликовъ царя Алексѣя Михайловича и его царицы, и умолялъ: «изволь оную святую и священную вещь, еже есть колоколъ, совершить премногимъ своимъ милосердіемъ; а мѣди есть моей на патріаршѣ дворѣ у казеннаго дьяка Пареенія близко трехъ сотъ пудъ, и, аще чего недостанетъ, милостію своею исполни». Еще далѣе извѣщалъ государя: «начатки, твоимъ государевымъ жалованьемъ, храму св. живоноснаго Воскресенія изобразишася и уже немало возвышены»; но въ нынѣшнее лѣто недостало камня и кирпича для постройки, а къ будущему лѣту уже есть дѣланнаго кирпича до семисотъ тысячъ и еще ожигается. Наконецъ, просилъ, чтобы государь приказалъ выжечь, въ Звенигородѣ или въ самомъ воскресенскомъ монастырѣ, до тысячи бочекъ известки. При такихъ ревностныхъ хлопотахъ о сооруженіи воскресенскаго собора, Никонъ находилъ возможность, — что весьма замѣчательно, — заняться и литературнымъ трудомъ, составилъ Сказаніе о созданіи иверскаго монастыря и о перенесеніи въ него мощей св. Іакова боровицкаго. Это Сказаніе, написанное Никономъ, когда онъ назывался только па-

тріархомъ, окончено не прежде августа 1658 года, — потому что упоминаетъ уже о поставленномъ въ томъ мѣсяцѣ новомъ архимандритѣ иверскаго монастыря Филоѳеѣ, — а къ концу октября и напечатано въ типографіи тогоже иверскаго монастыры ([216]). Но еще въ тоже лѣто, когда Никонъ оставилъ свою каѳедру, одинъ изъ близкихъ къ нему бояръ. Никита Алексѣевичъ Зюзинъ, много разъ, какъ самъ свидѣтельствуетъ, посылалъ къ нему дьяка Ѳедора Торопова съ словами: «что́, государь, оставилъ престолъ свой? Оставь свое упорство, и возвратись». И Никонъ каждый разъ чрезъ тогоже дьяка присылалъ отвѣтъ: «будетъ де тому время, возвращусь». Значитъ, предъ близкими своими онъ вовсе не скрывался, что имѣетъ желаніе и надежду возвратиться на свою каѳедру. Онъ только не хотѣлъ самъ проситься, а ожидалъ времени, когда его попросятъ, позовутъ, и онъ возвратится съ честію. Между тѣмъ ожиданія не сбывались: дни проходили за днями, недѣли за недѣлями: отъ царя не было ни просьбы, ни приглашенія; а духовенство какбы совсѣмъ

([216]) *Шушер.* Извѣст. о патр. Никонѣ, стр. 34. Подлинное письмо патр. Никона къ царю—въ Спб. государств. архивѣ между бумагами о патр. Никонѣ, № 72. Написаніе этого письма необходимо отнести къ 1658 году: потому что колоколъ, о которомъ просилъ здѣсь Никонъ, дѣйствительно отлитъ, въ 500 пудовъ, съ изображеніемъ Воскресенія Христова и ликовъ Алексѣя Михайловича, его царицы и самого Никона, и на колоколѣ сдѣлана надпись, что «начало святыя вещи сей бытія» въ 1 день сент. 1658 года (Опис. воскр. монаст., стр. 90). Сказаніе о созданіи ивер. монастыря напеч. въ книгѣ: «Рай мысленный», выпущенной изъ иверской типографіи 28 окт. 1658 г., и занимаетъ здѣсь л. 49—73, подъ заглавіемъ: «Слово благополезно о созданіи монастыря пресв. Богородицы иверскія и св. новаго исповѣдника и священномученика Филиппа, митрополита московскаго и всея Русіи чудотворца, иже на святѣ озерѣ, и о перенесеніи мощей св. праведнаго Іакова, иже прежде боровеческъименовася. *Списано Никономъ патріархомъ*».

забыло своего бывшаго патріарха и не обращалось къ нему ни по какимъ церковнымъ дѣламъ, которыми правилъ, съ соизволенія самогоже Никона, крутицкій митрополитъ Питиримъ ([219]). Никонъ, естественно, томился, досадовалъ и долго молчалъ; наконецъ, не вытерпѣлъ своего томленія и досады и обнаружилъ ихъ.

Прошло болѣе осми мѣсяцевъ со времени отреченія Никона отъ патріаршей каѳедры. Настала недѣля ваій (въ мартѣ 1659 г.), въ которую, бывало, онъ совершалъ въ Москвѣ торжественное шествіе на осляти. Теперь это шествіе совершалъ, какъ и слѣдовало, крутицкій митрополитъ, мѣстоблюститель патріаршаго престола. Никону объ этомъ донесли; и онъ въ томъ же мѣсяцѣ мартѣ написалъ къ государю: «какъ случилось нынѣ такое невѣроятное и непристойное дѣяніе, о которомъ я слышалъ отъ многихъ, и въ дѣйствительности котораго удостовѣрился? Уже нѣкто дерзнулъ олюбодѣйствовать сѣдалище великаго архіерея всея Руси и незаконно дѣйствовать дѣяніе св. недѣли ваій.... И я дивлюсь твоему благородію, какъ ты попустилъ, безъ священнаго собора, обезчестить сіе священное дѣло ... И отселѣ, не знаю, достоитъ ли ему (митрополиту крутицкому) святительская дѣяти... Если съ твоей воли то было, Богъ тебя да проститъ, а впредь, Господа ради, воздержись не въ свои дѣла вмѣшиваться». Выходка Никона была совершенно несправедливая и оскорбительная. И государь, для объясненій съ нимъ, послалъ

([219]) Сказка Зюзина — въ Подлин. дѣлѣ патр. Никона, по списку моск. дух. акад., стр. 226 — 227. Снес. слова Никона, приведенныя нами въ примѣч. 215.

1-го апрѣля думнаго дворянина Прокопія Елизарова, да думнаго дьяка Алмаза Иванова. Они, по данному имъ наказу, говорили Никону: «въ прошломъ году, какъ ты оставилъ святительскій престолъ своею волею, государь присылалъ къ тебѣ князя Алексѣя Трубецкаго, и ты объявилъ, что московскимъ патріархомъ никогда не будешь, и дѣла тебѣ до архіерейскаго чину никакого нѣтъ; а нынѣ пишешь къ государю о дѣйствѣ, совершенномъ въ недѣлю ваій, называя его прелюбодѣйствомъ: писать тебѣ къ государю о такихъ дѣлахъ, когда ты оставилъ свою паству, не слѣдовало бы. То дѣйство учинилъ митрополитъ съ повелѣнія государева по прежнимъ примѣрамъ. Въ прежніе годы до патріаршества то дѣйство совершали митрополиты, а въ междупатріаршество —крутицкіе митрополиты, потому что они всегда на Москвѣ какбы намѣстники патріарховы. Да ты же самъ, когда приходилъ къ тебѣ отъ государя князь Трубецкій, благословилъ митрополита крутицкаго вѣдать и править всѣ дѣла церковныя, какъ прежде бывало во дни междупатріаршества, и вмѣстѣ благословилъ избирать на святительскій престолъ новаго патріарха, а о себѣ сказалъ, что возвратиться на тотъ престолъ никогда и не помыслишь». Никонъ отвѣчалъ: «я писалъ государю, что дѣйство въ недѣлю ваій, безъ перваго архіерея, митрополитамъ недостоитъ, а крутицкій — въ митрополитахъ меньшій. Первый архіерей—во образъ самого Христа, а митрополиты, архіепископы и епископы—во образъ учениковъ и апостоловъ. Рабу на сѣдалище господина дерзать не должно; а что до патріаршества и въ междупатріаршество дѣйствовали въ недѣлю ваій митрополиты, то все дѣлали они невѣдѣніемъ». Никону замѣтили: «да ты и самъ, когда былъ нов-

городскимъ митрополитомъ, совершалъ тоже дѣйство въ недѣлю ваій, и при тебѣ, какъ былъ первымъ архіереемъ, тоже дѣйствовали митрополиты новгородскій и казанскій? За чѣмъ же тогда ты этого не исправилъ? А теперь, когда ты оставилъ паству, тебѣ не слѣдовало бы и поминать о такихъ дѣлахъ». Никонъ: «и я, будучи митрополитомъ въ Новгородѣ, дѣйствовалъ въ недѣлю ваій невѣдѣніемъ, а сдѣлавшись патріархомъ, за многими суетами, не улучилъ того исправить. Святительскій престолъ я оставилъ своею волею, никѣмъ не гонимъ, а чтобы называться патріархомъ — я не отрицался; не хочу только именоваться московскимъ, потому что оставилъ патріаршій престолъ въ Москвѣ своею волею, и слова, сказанныя мною князю Трубецкому, держу и теперь неизмѣнно, а чтобы возвратиться на прежній престолъ и въ мысляхъ у меня нѣтъ. Какъ тогда, оставляя престолъ, я благословилъ, такъ и теперь благословляю избрать новаго патріарха». Послѣ этого Никону сказали, чтобы впредь къ государю о такихъ дѣлахъ онъ не писалъ: такъ какъ паству свою онъ оставилъ и на свое мѣсто избрать патріарха благословилъ,—почему ему и не слѣдуетъ въ тѣ дѣла вступаться и смущать своими письмами. «Въ древнія времена, отвѣчалъ Никонъ, и пустынники возвѣщали благочестивымъ греческимъ царямъ объ исправленіи духовныхъ дѣлъ, а я ни за какія вины отъ церкви не отлученъ, и хотя волею своею оставилъ паству, но попеченія объ истинѣ не оставилъ, и впредь, когда услышу о какомъ духовномъ дѣлѣ, требующемъ исправленія, молчать не буду». Никону замѣтили, что въ древности пустынники писали государямъ о ересяхъ, которыя обличали; а нынѣ, благодареніе Богу, никакихъ ересей въ русской

церкви нѣтъ и обличать ему некого. Въ заключеніе Никонъ сказалъ, что онъ, какъ и прежде писалъ къ государю, прощаетъ его, если митрополитъ крутицкій въ недѣлю ваій дѣйствовалъ съ его повелѣнія, и посылаетъ государю благословленіе ([220]). Такая неосновательная и мелочная притязательность Никона, такое вмѣшательство его въ дѣла церкви, отъ которыхъ самъ же прежде отказался, не могли не возмутить, какъ царя съ окружающими его боярами, такъ и высшее духовенство, и нарушили тѣ мирныя отношенія, какія установились-было доселѣ между царемъ и бывшимъ патріархомъ.

Царь, однакоже, по добротѣ своей, желая успокоить Никона, скоро отправилъ къ нему еще другаго своего посла, дьяка Даміана Башмакова, который и прибылъ въ воскресенскій монастырь 17 мая. Представившись Никону, Башмаковъ спросилъ патріарха о его спасеніи отъ имени государева и поднесъ государево жалованье—церковнаго вина, муки пшеничной, меда сырца и рыбы. Никонъ благодарилъ за жалованье и спросилъ о государевомъ многолѣтнемъ здоровьѣ. Это было утромъ въ «Отходной Пустынѣ» или скиту, который построилъ для себя Никонъ изъ камня въ 150 саженяхъ отъ воскресенскаго монастыря, на берегу рѣки Истра, въ видѣ башни, о четырехъ ярусахъ, съ весьма малыми келіями и двумя такими же церквами, и успѣлъ освятить еще въ концѣ іюня 1658 г., незадолго до своего удаленія изъ Мо-

---

([220]) Письмо Никона къ царю, писанное въ мартѣ 1659 г., помѣщено въ Подлин. дѣлѣ Никона, по списку моск. дух. акад., стр. 27—30. Сказка Прокопія Елизарова и думнаго дьяка Алмаза Иванова—тамъ же, стр. 47—50.

сквы. Отстоявъ литургію въ одной изъ своихъ скитскихъ церквей, Никонъ отправился, въ предшествіи боярскихъ дѣтей, въ свой большой монастырь, гдѣ встрѣченъ былъ архимандритомъ съ братіею и стрѣльцами, стоявшими по сторонамъ. Эти стрѣльцы, въ числѣ десяти, по челобитью Никона, назначены были государемъ для охраны воскресенской обители еще въ 1657 г., когда онъ посѣтилъ ее, и съ того времени постоянно состояли при обители на государевомъ жалованьѣ, даже и послѣ оставленія Никономъ патріаршей каѳедры. Въ монастырѣ Никонъ пригласилъ Башмакова въ свою келію. Здѣсь Башмаковъ, прежде всего, объявилъ Никону, что по письму его къ стольнику, князю Юрію Ивановичу Ромодановскому, государь пожаловалъ воскресенскому монастырю новый огородъ, вмѣсто прежняго, и велѣлъ огородить этотъ новый огородъ и взорать для монастыря. Никонъ благодарилъ за государево жалованье, но замѣтилъ, что братіи въ монастырѣ 80 человѣкъ, да дѣтей боярскихъ и служебниковъ и всякихъ работниковъ больше 200, и одного огорода подъ овощи для нихъ мало, а у государя есть и иные огороды.... Затѣмъ Башмаковъ, по порученію отъ государя, говорилъ Никону: «несправедливо, будто людямъ духовнаго чина данъ заказъ пріѣзжать къ тебѣ въ монастырь. Такого заказа отъ государя никогда не было и по дорогамъ заставъ никакихъ нѣтъ. А только митрополитъ Питиримъ, замѣтивъ, что нѣкоторыя духовныя лица лѣнились приходить на праздники въ соборную церковь на молебствія и отговаривались тѣмъ, будто ѣздятъ въ тѣ праздники къ тебѣ въ монастырь, приказалъ, чтобы желающіе изъ духовенства ѣхать къ тебѣ напередъ заявляли ему о своей поѣздкѣ. Скажи, кто сообщилъ

тебѣ про тотъ будтобы заказъ духовнымъ людямъ ѣздить къ тебѣ». Никонъ отвѣчалъ: «какъ вспомню, отпишу государю». Еще говорилъ Башмаковъ: «несправедливо также, будто во вторникъ на свѣтлой недѣлѣ крутицкій митрополитъ и пестрыя и черныя власти просили у государя позволенія ѣхать къ тебѣ съ образами, а государь чрезъ окольничаго Ѳедора Михайловича Ртищева запретилъ имъ это. Во вторникъ государя и дома не было: онъ находился въ новодѣвичьемъ монастырѣ на праздникѣ; да и къ самому государю власти приходили съ образами только въ среду. Объяви, кто тебѣ про то сказывалъ?» Никонъ отвѣчалъ, какъ прежде, что отпишетъ государю, и спрашивалъ про князя Алексѣя Никитича Трубецкаго и про другихъ воеводъ. «Князь Трубецкій,—сказалъ Башмаковъ, — стоитъ подъ Конотопомъ и осажденнымъ людямъ чинитъ большую тѣсноту (это дѣйствительно было въ маѣ 1659 г.); а князю Ивану Ивановичу Лобанову-Ростовскому сдались города Мстиславль да Кричевъ»... Изъ келіи пошелъ Никонъ, съ Башмаковымъ, въ братскую трапезу; послѣ трапезы отпѣлъ съ братіею панихиду по царевнѣ Аннѣ Алексѣевнѣ (ум. въ маѣ 1659 г.) и повелъ своего гостя на постройку церкви и говорилъ: «достроить ее нечѣмъ, каменщиковъ нѣтъ, да и денегъ нѣтъ; что пожаловалъ государь на церковное строеніе, то все изошло; а съ монастырскихъ вотчинъ денегъ въ приходѣ бываетъ немногимъ болѣе ста рублей; хлѣбъ родится плохо». Возвратившись съ Башмаковымъ въ свою келію, Никонъ заговорилъ о властяхъ: «между властьми многіе—мои ставленники; они обязаны меня почитать, они давали мнѣ отъ себя письма за своими руками, что будутъ почитать меня и во всемъ слушаться», — при этомъ

читалъ Никонъ тетрадь за рукою епископа коломенскаго. «Я оставилъ святительскій престолъ на Москвѣ своею волею и московскимъ не зовусь и никогда зваться не буду; но патріаршества я не оставилъ и данная мнѣ благодать Св. Духа отъ меня не отнята. Въ воскресенскомъ монастырѣ были два человѣка, одержимые чернымъ недугомъ; я объ нихъ помолился, и они отъ своей болѣзни освободились. Также, когда я былъ на патріаршествѣ, и въ то время, по моимъ молитвамъ, многіе, благодатію Божіею, отъ различныхъ болѣзней освободились» ([221]). Вотъ какими помыслами занята была душа Никона! Самъ оставилъ московскую каѳедру, отказался отъ всякой власти надъ духовенствомъ и всею церковію; а требовалъ, чтобы его, по прежнему, чтили и его слушались, и въ подтвержденіе своихъ правъ на уваженіе ссылался еще на чудодѣйственную силу своихъ молитвъ.

Хотя не было царскаго заказу, какъ утверждалъ Башмаковъ, ѣздить къ Никону въ воскресенскій монастырь, но былъ приказъ, чтобы, безъ вѣдома и позволенія государева, а не одного только митрополита крутицкаго, никто туда не ѣздилъ. И вотъ, 9 іюля 1659 года, двое патріаршихъ пѣвчихъ дьяковъ Иванъ Тверитиновъ да Савва Семеновъ сами явились къ царю Алексѣю Михайловичу съ повинною, что они ѣздили къ Никону и пробыли у него со втораго по шестое число, и выражали готовность разсказать все слышанное отъ Никона. Царь велѣлъ боярину Петру Михайловичу Салты-

---

([221]) *Арх. Леонид.* Опис. воскр. мон., стр. 13. 673. Записка Башмакова о поѣздкѣ его къ Никону — въ Спб. государств. архивѣ, между бумагами о Никонѣ, за № 72.

кову допросить ихъ, и они въ поданной ему сказкѣ показали, что Никонъ, послѣ распросовъ о здоровьѣ государя и о Москвѣ, говорилъ имъ: «услышите, какія недобрыя къ вамъ вѣсти будутъ вскорѣ» (Какъ видно, Никонъ тогда уже получилъ извѣстіе о страшномъ пораженіи московскаго войска подъ Конотопомъ войсками измѣнника Выговскаго и татарами, случившемся въ концѣ іюня 1659 г.). «Когда я былъ на Москвѣ, на меня роптали, будто я Выговскаго принялъ; но вѣдь при мнѣ никакой отъ него неправды не было, а нынѣ онъ отошелъ отъ великаго государя, невѣдомо почему. Когда я былъ, то великому государю бивалъ о немъ челомъ и во всемъ заступался. И нынѣ если отпишу хотя двѣ строки къ Выговскому, онъ будетъ попрежнему служить великому государю,—надобно только держать ихъ умѣючи,—и меня послушаетъ; и прежде во всемъ добромъ онъ меня слушалъ». Легко понять, какое впечатлѣніе должны были произвести на царя и его совѣтниковъ эти горделивыя слова бывшаго патріарха.

Вмѣстѣ съ пѣвчими Тверитиновымъ и Семеновымъ, какъ они показали, былъ у Никона дьяконъ изъ Ярославля Косьма. Никонъ звалъ его къ себѣ особо и возложилъ на него какое-то порученіе. И этотъ дьяконъ, пріѣхавшій съ названными пѣвчими въ Москву, подалъ 10 іюля государю слѣдующую сказку: «патріархъ Никонъ велѣлъ мнѣ говорить отъ его имени великому государю: какъ де мы были на престолѣ въ царствующемъ градѣ Москвѣ, мы приказывали митрополитамъ и архіепископамъ и граматы разсылали, чтобы вездѣ молили Бога о побѣдѣ надъ врагами, и тогда Богомъ хранимо было наше государство, и враги наши на насъ не ополча-

лись. Если и нынѣ государь укажетъ пѣть въ Москвѣ молебствія съ литіею о побѣдѣ, и разошлетъ о томъ граматы во всѣ города, то и нынѣ подастъ Богъ побѣду и одолѣніе на супостаты. Но нынѣ, какъ намъ вѣдомо, власти о томъ нерадятъ, пьютъ, бражничаютъ, и въ монастыряхъ архимандриты и игумены пиры дѣлаютъ и всякихъ людей къ себѣ зовутъ ради своихъ товарокъ, а о молитвѣ къ Богу нерадятъ» (222). Совѣтъ Никона царю, очевидно, не заключалъ въ себѣ ничего особеннаго, чего бы не понималъ царь и безъ этого совѣта; но Никону, кажется, хотѣлось только сказать, что при немъ все было хорошо въ церкви, а безъ него пошло все худо и церковныя власти предались нерадѣнію и безнравственности: попросили бы его снова въ Москву на каѳедру.

Къ крайней досадѣ Никона просить его не просили, сколько ни ожидалъ онъ. А между тѣмъ изъ Москвы приходили къ нему новые и новые слухи, для него неблагопріятные, которымъ онъ охотно вѣрилъ и которые только болѣе и болѣе его раздражали. Раздраженіе достигло высшей степени, и въ концѣ тогоже іюля бывшій патріархъ послалъ къ государю слѣдующее письмо: «мы *слышали*, что ты повелѣлъ нынѣ возвратить то, что прежде далъ св. великой церкви.

---

(222) «Распросныя рѣчи» Тверитинова и Семенова—въ Москов. главн. арх. м. и. д., дѣла духовныя, годъ 1659, іюля 9. Выслушавъ сказку этихъ пѣвчихъ дьяковъ, царь велѣлъ сказать имъ «его государевъ указъ, что къ патріарху ѣздить имъ безъ указу не велѣно», и спросить ихъ, «для чего они не били челомъ вел. государю ѣхать къ патріарху»; а когда они признали себя виновными, то приказалъ Тверитинова, за его старость, простить, а Семенова отдать подъ караулъ. Сказка дьякона Косьмы — въ Спб. государств. арх., между бумагами о Никонѣ, № 72.

Умоляю тебя Господомъ Богомъ, не дѣлай этого. Писаніе говоритъ: *дайте, и дастся вамъ*... Поревнуй убогой вдовицѣ, давшей двѣ мѣдницы, и другой, возлившей мvро на ноги Христовы... Еще у тебя много благъ, и не свое собственное ты даешь, но Божіе Богови». Слухъ этотъ, по всей вѣроятности, былъ ложный: ниоткуда неизвѣстно, чтобы Алексѣй Михайловичъ отнималъ или намѣревался отнять что либо у великой церкви, т. е. у успенскаго собора, да и вообще у церкви.

«По долгу моему я просилъ у тебя, чрезъ писаніе, прощенія, и ты, чрезъ столника своего Аѳанасія Ивановича Матюшкина, прислалъ свое милостивое прощеніе. Нынѣ же, слышу, ты многое творишь мнѣ, не какъ прощенному, а какъ послѣднему злодѣю. Ты велѣлъ взять мои худыя вещи, оставшіяся въ келіи, и письма, въ которыхъ находятся многія тайны. Какъ первосвятитель, я имѣлъ у себя многія твои государевы тайны, много и отъ другихъ, которые, прося у меня разрѣшенія своихъ грѣховъ, писали ихъ своими руками,—чего никому не подобало вѣдать, даже и тебѣ, государю. Удивляюсь, какъ скоро дошелъ ты до такого дерзновенія. Прежде боялся судить и простыхъ церковныхъ причетниковъ; а нынѣ не только самъ захотѣлъ вѣдать грѣхи и тайны бывшаго архипастыря всего міра, но и попустилъ то другимъ мірскимъ людямъ. Почему нынѣ наши судятся отъ неправедныхъ, а не отъ святыхъ?.. *Слышимъ*, что это было для того, чтобы не остались у насъ писанія твоей десницы, которыя ты писалъ, жалуя насъ, либо почитая великимъ государемъ, также и иныя, не по нашей волѣ, но по своему изволенію». Очень возможно, что, при описаніи патріаршей казны, домо-

вой и келейной, по удаленіи Никона отъ каѳедры, царь велѣлъ взять и разсмотрѣть его келейныя бумаги, но не съ цѣлію узнать грѣхи и тайны, какія исповѣдывали предъ Никономъ вѣрующіе въ поданныхъ ему запискахъ, и не для того, чтобы отобрать всѣ царскія письма у Никона, въ которыхъ послѣдній былъ названъ великимъ государемъ, а скорѣе съ цѣлію убѣдиться, не найдется ли въ этихъ бумагахъ какихъ либо уликъ противъ Никона въ его измѣнѣ. Извѣстно, что Никонъ находился въ тѣсныхъ сношеніяхъ съ Выговскимъ, который тогда воевалъ противъ государя, и про Никона распущены были слухи, сохранившіеся у иностранныхъ писателей, будтобы онъ, когда былъ въ силѣ, бралъ тайно деньги отъ польскаго короля и отъ австрійскаго посла Аллегретти ([223]).

«Не знаю, откуда началось сіе (названіе Никона великимъ государемъ), а думаю, тобою, великимъ государемъ, такіе начатки явились: ты писалъ такъ во всѣхъ твоихъ граматахъ, и во всѣхъ отпискахъ къ тебѣ изъ всѣхъ полковъ такъ писано, и во всякихъ дѣлахъ, и невозможно этого измѣнить. Да потребится злое мое и горделивое проклятое прозваніе, хотя и не по моей волѣ оно было. Надѣюсь на Господа, что не найдется нигдѣ моего на то хотѣнія или велѣнія, кромѣ лживаго сочиненія, изъ-за котораго нынѣ много пострадалъ и страдаю, Господа ради, отъ лжебратіи. Что мною сказано было смиренно, то передано за гордое, что — благохвально, то передано за хульное, и ложными словами до того

([223]) Писатели эти—Страленбергъ, Кельхъ и Гадобушъ (*Берха*, Царствованіе царя Алексѣя Михайловича, I, 202, Спб. 1831).

увеличенъ гнѣвъ твой на меня, какъ, думаю, ни на кого другаго; чего я не хотѣлъ и не произволялъ, чтобы называться великимъ государемъ, за то туне укоренъ и поруганъ предъ всѣми людьми. Думаю, и тебѣ памятно, какъ, по нашему указу, кликали меня, по трисвятомъ во св. литургіи, великимъ господиномъ, а не великимъ государемъ, и о томъ было наше повелѣніе». Но несправедливо, будто отъ царя началось названіе Никона великимъ государемъ: такъ начали величать его въ оффиціальныхъ бумагахъ еще въ 1652 году, какъ мы видѣли, нѣкоторые настоятели монастырей, хотя владыки называли его еще только великимъ господиномъ. А въ слѣдующемъ году, когда Никона величали уже великимъ государемъ и владыки, и бояре, и самъ онъ, въ оффиціальныхъ бумагахъ, называлъ его этимъ именемъ и государь, хотя въ иныхъ бумагахъ титуловалъ его еще великимъ господиномъ. Равно несправедливо и то, будто со стороны Никона не было на такое названіе ни хотѣнія, ни произволенія, когда самъ онъ, во всѣхъ своихъ бумагахъ, постоянно величалъ себя великимъ государемъ, и никому не запрещалъ такъ величать его. Еслибы только онъ захотѣлъ и далъ указъ, чтобы его не называли такимъ гордымъ именемъ, воля его, несомнѣнно, была бы исполнена всѣми, находившимися подъ его властію.

«Нѣкогда я былъ единотрапезенъ съ тобою и питанъ, какъ телецъ на заколеніе, многими тучными брашнами, по обычаю вашему государеву. А нынѣ, іюля въ 25 день, когда торжествовалось рожденіе (вѣрнѣе: тезоименитство) благовѣрной царевны Анны Михайловны, всѣ возвеселились о добромъ томъ торжествѣ и насладились трапезы твоея: одинъ я, какъ песъ,

лишенъ богатыя вашея трапезы... Многіе и враги пріемлютъ вашу благодать: а я, когда не очень былъ богатъ нищетою, тогда наиболѣе и сподоблялся вашей милости; нынѣ же, когда, Господа ради, лишился всего и нищенствую, я лишенъ и вашей милости... Умоляю, перестань, Господа ради, гнѣваться на меня... Нынѣ я оболганъ предъ тобою болѣе всѣхъ... Не дай мнѣ, грѣшному, немилосердія, не попусти истязать мои худыя вещи... За немного предъ симъ дней ты приказывалъ съ княземъ Юрьемъ, что якобы ты одинъ ко мнѣ добръ и князь Юрій; нынѣ же ты не только самъ явился ко мнѣ немилостивымъ, но и хотящимъ миловать меня возбраняешь и всѣмъ заказъ крѣпкій положенъ приходить ко мнѣ... А въ чемъ моя неправда предъ тобою? Что я, церкви ради, просилъ суда на обидчика? Но не только не получилъ праведнаго суда, а получилъ отвѣты, полные немилосердія. Слышу нынѣ, что, вопреки законовъ церковныхъ, ты самъ изволишь судить священные чины, которыхъ судить не повѣрено тебѣ отъ Бога»... Сожалѣніе Никона о царской трапезѣ въ томъ положеніи, въ какое онъ самъ себя поставилъ, представляется, по меньшей мѣрѣ, страннымъ. Слова Никона, будто онъ Господа ради лишился всего, чѣмъ прежде владѣлъ на московской каѳедрѣ, и теперь нищенствуетъ, несправедливы: не Господа ради лишился онъ всего этого, а по своей прихоти, и не нищенствовалъ онъ теперь, а владѣлъ тремя богатыми монастырями своего строенія, съ шестью тысячами крестьянъ и многочисленными угодіями. Не по какой либо немилости къ Никону царь запретилъ ходить къ нему, безъ его государева позволенія, а потому, что многіе, посѣщая Никона, передавали ему разныя вѣсти изъ Москвы,

иногда ложныя или преувеличенныя, а Никонъ вѣрилъ всему этому и писалъ государю рѣзкія письма. Укоры Никона царю, будто онъ началъ самъ судить священные чины, основывались только на слухѣ; а еслибы слухъ и былъ справедливъ, то какое право имѣлъ теперь Никонъ укорять за это царя и вмѣшиваться въ дѣла церкви, когда самъ добровольно оставилъ ее и отказался отъ всякой власти надъ нею? Въ заключеніе своего письма Никонъ, опровергая тѣхъ, которые говорили, что онъ взялъ съ собою много патріаршей ризницы и патріаршей казны, писалъ: «я взялъ одинъ саккосъ, и то недорогой, простой, а омофоръ прислалъ мнѣ Гавріилъ халкидонскій... Изъ казны же я не взялъ, но только удержалъ, сколько нужно будетъ издержать на церковное строеніе, и, по времени, хотѣлъ отдать, да еще далъ, въ отшествіе мое, воскресенскому казначею, чтобы расплатиться съ рабочими. А гдѣ прочая патріаршая казна, это явно предъ всѣми: строенъ дворъ московскій, сталъ тысячъ десятокъ и болѣе; насадный заводъ тысячъ десятокъ сталъ, и тѣмъ я ударилъ челомъ тебѣ на подъемъ ратный; тысячъ съ десять въ казнѣ на лицо; девять тысячъ дано нынѣ на насадъ, на три тысячи лѣтось лошадей куплено; шапка архіерейская тысячъ пять, шесть, стала; а иного расходу св. Богъ вѣсть, сколько убогимъ, сирымъ, вдовамъ, нищимъ, и тому всему въ казнѣ есть книга» ([224]). Изъ этого письма патріарха Никона видно, что у него дѣйствительно много было враговъ вокругъ царя,— о чемъ незадолго предъ тѣмъ и извѣщалъ его самъ царь, ко-

---

([224]) Это посланіе Никона къ царю — въ Подлинн. дѣлѣ Никона, по списку москов. дух. акад., стр. 18—27.

торый, слѣдовательно, не прерывалъ съ нимъ своихъ сношеній. Но Никонъ, вмѣсто того, чтобы противъ враговъ искать себѣ защиты и благорасположенности у царя, который почти одинъ, какъ увѣряли, былъ къ нему добръ, какъ будто намѣренно старался еще самъ возбуждать противъ себя царя своими, вовсе неумѣстными теперь, притязаніями и крайне-оскорбительными для царя письмами.

Несмотря на это, государь показалъ тогда свою заботливость о безопасности Никона. Страшное пораженіе московскаго войска подъ Конотопомъ крымскими татарами и казаками Выговскаго, въ концѣ іюня 1659 года, произвело общую тревогу между русскими. Пронеслись слухи, будто татары двигаются на Москву. Въ августѣ, по государеву указу, люди всѣхъ чиновъ спѣшили на земляныя работы для укрѣпленія столицы. Царь, зная, что воскресенскій монастырь не укрѣпленъ, послалъ предложить Никону болѣе безопасное убѣжище въ колязинскомъ монастырѣ преп. Макарія. Никонъ будтобы сказалъ на это посланному: «возвѣсти благоч. царю, что я въ колязинъ монастырь не пойду; лучше мнѣ быть въ зачатейскомъ монастырѣ, въ китай-городѣ въ углу, нежели въ Колязинѣ. А есть у меня, по милости Божіей и государевой, свои крѣпкіе монастыри, иверскій и крестный, и я, доложась государю, пойду въ свой монастырь. Возвѣсти великому государю, что я иду къ Москвѣ доложиться ему о всякихъ своихъ нуждахъ». Посланный спросилъ, про какой зачатейскій монастырь изволитъ говорить патріархъ. «Про тотъ, отвѣчалъ Никонъ, что́ на варварскомъ кресцѣ подъ горою у Зачатія». «Да тамъ только большая тюрьма, а не монастырь», замѣтилъ посолъ. «То и есть зачатейскій монастырь», сказалъ Никонъ. Скоро

затѣмъ Никонъ дѣйствительно пріѣхалъ въ Москву и, остановившись на своемъ иверскомъ подворьѣ, въ тотъ же день послалъ возвѣстить царю, что прибылъ ради нѣкоторыхъ нужныхъ потребъ и желаетъ видѣть его царскія очи. На другой день царь, посовѣтовавшись съ боярами, послалъ думнаго дьяка Алмаза Иванова спросить Никона: ради какихъ нужныхъ потребъ пришелъ онъ? Никонъ отвѣчалъ Алмазу: «я тебѣ о нужныхъ моихъ потребахъ говорить не буду, и чрезъ тебя посылать мое благословеніе не хочу». На третій день царь извѣстилъ Никона, чтобы явился къ нему наверхъ вечеромъ и, когда Никонъ прибылъ, встрѣтилъ его на переднемъ крыльцѣ и, введши въ палату, посадилъ его, какъ бывало прежде, спрашивалъ его о здоровьѣ и душевномъ спасеніи и только: потому что тутъ же находились и бояре. Посидѣвъ «мало», царь и патріархъ пошли къ царицѣ и къ царскимъ дѣтямъ, и потомъ царь отпустилъ Никона въ его воскресенскую обитель, дозволилъ ему посѣтить двѣ другія его обители, иверскую и крестную, и просилъ его на слѣдующій день къ себѣ на обѣдъ; но Никонъ отказался, намѣреваясь рано утромъ въ тотъ день выѣхать изъ Москвы. Царь прислалъ Никону на дорогу двѣ тысячи рублей, и для охраны его, кромѣ прежнихъ десяти, назначилъ еще двадцать стрѣльцовъ, которые съ того времени и состояли при воскресенскомъ монастырѣ. Возвратившись въ эту обитель, Никонъ послалъ къ государю письмо, въ которомъ благодарилъ его за его великую милость и за присылку стрѣльцовъ изъ савина монастыря, только просилъ пожаловать имъ пороху, и продолжалъ: «есть на патріаршемъ дворѣ моя лошадка, что̀ прислалъ мнѣ

грузинскій царь Александръ, и у меня было замѣчено подарить ее государю, моему свѣту, царевичу Алексѣю Алексѣевичу; изволь, государь, ту лошадку взять. Да есть на патріаршемъ дворѣ двѣ мои худенькія каретки: одна куплена у Василья Волынскаго, другую подарилъ князь Иванъ Голицынъ старый: вели, государь, выдать мнѣ хотя одну изъ нихъ, чтобы сдѣлать возчишко для дороги, а тележка, въ которой я съ Москвы съѣхалъ, изломалась» ([225]).

Въ сентябрѣ Никонъ отправился въ свой иверскій монастырь и прожилъ тамъ до половины декабря, если не далѣе. А оттуда, взявъ съ собою нѣсколько серебряныхъ сосудовъ и другихъ вещей, переѣхалъ въ крестный монастырь, гдѣ и оставался до половины сентября слѣдующаго 1660 года. Въ обоихъ монастыряхъ занимался монастырскими дѣлами, и въ крестномъ окончилъ главную каменную церковь во имя воздвиженія честнаго креста, которую и освятилъ 2-го сентября (1660 г.); устроилъ большой колодезь, обложилъ его дикимъ камнемъ

([225]) *Шушер.* Изв. о патр. Никонѣ, стр. 34—37. Самъ Никонъ въ посланіи къ цареград. патріарху Діонисію излагалъ дѣло короче и нѣсколько иначе (Записк. отд. русск. и славян. археологіи, II, 521—522), а въ своихъ возраженіяхъ на вопросы Стрѣшнева написалъ: «по единомъ лѣтѣ (со времени оставленія каѳедры) пріѣзжалъ я къ Москвѣ, и государь царь свои очи далъ видѣти, и въ сѣдѣніи ничѣмъ передъ прежнимъ не отмѣнилъ, зная мою неповинность предъ нимъ государемъ. И послѣ велѣлъ-было въ колязинъ монастырь сослать (вотъ какъ понялъ Никонъ предложеніе царя о колязинѣ монастырѣ!), только я не поѣхалъ, и паки отыдохомъ во своя» (Возраж. на вопр. и отв. 17). О тридцати стрѣльцахъ, назначенныхъ для охраны Никона, см. челобитную его — въ Опис. воскрес. монастыря, *арх. Леонида*, стр. 673—674. Собственноручное письмо Никона къ царю, по возвращеніи изъ Москвы,—въ Спб. государ. архивѣ, между бумагами о Никонѣ, подъ № 72. На оборотѣ этого письма сдѣлана помѣтка: «168 году сентября во 2 день выдалъ изъ хоромъ Ѳедоръ Полтевъ».

и соорудилъ надъ нимъ каменную церковь во имя происхожденія честныхъ древъ, и 8 сентября освятилъ деревянную церковь во имя всѣхъ святыхъ, которую построилъ въ монастырской рощѣ. Извѣстно нѣсколько писемъ, какія писалъ Никонъ изъ иверскаго и крестнаго монастырей къ преданному ему бояриу Никитѣ Зюзину, находившемуся тогда въ Новгородѣ на государевой службѣ. Два письма изъ крестнаго монастыря особенно ясно отражаютъ въ себѣ тогдашнее состояніе духа ихъ автора. Отъ 3 февраля Никонъ писалъ Зюзину: «изъ писанія твоего, которое мы получили 30 генваря, мы узнали, что вы печалитесь о насъ; но мы, милостію Божіею, не скорбимъ, а радуемся о покоѣ своемъ. Добро архіерейство во всезаконіи и чести своей, и надобно поскорбѣть о послѣднемъ всенародномъ событіи. Когда вѣра евангельская начала сѣяться, и архіерейство чтилось въ христіанскихъ царствахъ, тогда и самыя эти царства были въ чести; а когда злоба гордости распространилась и архіерейская честь измѣнилась, тогда, увы, и царства начали падать и пришли въ безчестіе, какъ извѣстно о грекахъ. Тоже было и у насъ... Довольно указать одинъ случай: безвиннаго патріарха (Іова) отставили, и еще при жизни его, какбы благозаконно возвели Гермогена,—и сколько зла произошло отъ того!.. Твоему благородію небезъизвѣстно, что всѣ архіереи—нашего рукоположенія; но не многіе изъ нихъ, по благословенію нашему, служатъ государю; а кто не благословенъ, тотъ ничѣмъ не разнится отъ отлученнаго... Намъ первообразныхъ много, вотъ реестръ ихъ: Іоаннъ Златоустъ, Аѳанасій великій, Василій великій и здѣшній Филиппъ митрополитъ». Т. е. Никонъ, самовольно оставившій свою каѳедру и, по

оставленіи ея, имѣвшій всѣ средства къ безбѣдной жизни, не стыдился приравнивать себя, по страданіямъ, Златоусту и другимъ великимъ страдальцамъ за истину и правду. Въ письмѣ отъ 28 іюня Никонъ говорилъ: «вы снова пишете ко мнѣ и, попрежнему, скорбите о мнѣ и о моихъ скорбяхъ; но меня, плачущаго, утѣшитъ Господь въ будущемъ вѣкѣ, какъ обѣщалъ любящимъ Его. А нынѣ о себѣ писать нечего, кромѣ болѣзней и скорбей многихъ: едва живъ въ болѣзняхъ своихъ. Крутицкій митрополитъ да чудовскій архимандритъ прислали дьякона Θеодосія, жившаго у крутицкаго, съ многимъ чаровствомъ меня отравить. И онъ было-отравилъ, да едва Господь помиловалъ: безцемъ камнемъ и индроговымъ пескомъ отпился. Да и иныхъ со мною четырехъ старцевъ испортилъ... Лежалъ не мало безъ памяти, едва не умеръ; а старцы по три дня лежали, и тѣмъ же, чѣмъ я, отпилися. И нынѣ животомъ скорбенъ, и впредь не знаю, что̀ будетъ. О всемъ этомъ писано государю къ Москвѣ» (226). Этотъ черный дьяконъ Θеодосій прибылъ къ Никону еще въ воскресенскій монастырь въ то время, какъ Никонъ возвратился изъ Москвы, поразсказалъ ему много худаго про крутицкаго митрополита Питирима, у котораго прежде жилъ, и понравился Никону, такъ что послѣдній взялъ его съ собою въ монастыри иверскій и крестный, велѣлъ пребывать въ его крестовой службѣ и имѣть пищу съ его келейными старцами. Находясь уже въ крестовомъ монастырѣ, Θеодосій

---

(226) Акт. иверск. мон., №№ 132 — 134; *Шушер*. Изв. о патр. Никонѣ, стр. 37; Исторія росс. іерархіи, въ статьѣ о крестномъ монастырѣ; Записк. отд. русск. и славян. археолог., II, 586—588.

будтобы составилъ тайно въ монастырской банѣ, вмѣстѣ съ портнымъ мастеромъ Тимошкою Гавриловымъ, какую-то отраву, которою и отравилъ-было патріарха Никона. Ихъ, однакожъ, въ банѣ видѣли, когда они приготовляли составъ отравы, служилые люди, и донесли о томъ Никону. Никонъ велѣлъ приказному своему дворянину Василію Поскочину распросить обоихъ подозрѣваемыхъ, и Ѳеодосій во всемъ сознался, подписалъ вмѣстѣ съ Тимошкою распросныя рѣчи и подалъ патріарху собственноручную повинную челобитную, въ которой повѣдалъ, что его послали отравить Никона крутицкій митрополитъ Питиримъ и чудовскій архимандритъ Павелъ, и посулили ему за то новгородскую митрополію. Никонъ отправилъ, 7 іюня, отписку по этому дѣлу къ государю. Царь приказалъ, 5 сентября, боярину князю Алексѣю Трубецкому, думному дворянину Елизарову, да думному дьяку Алмазу Иванову вновь распросить дьякона Ѳеодосія и портнаго Тимошку противъ распросныхъ рѣчей ихъ обоихъ и повинной челобитной дьяконовой, чтó присланы были отъ Никона. Тимошка сначала сказалъ-было, что Ѳеодосій училъ его дѣлать какой-то составъ, показывалъ ему какой-то корень, самъ повинился при распросѣ и подалъ повинную челобитную. Но Ѳеодосій, на очной ставкѣ съ Тимошкою, совершенно заперся во всемъ, и говорилъ, что писалъ повинную челобитную по наученію и по неволѣ, за пристрастьемъ поляка Николая Ольшевскаго, который билъ его плетьми девять разъ, и также по неволѣ, по тому же пристрастью, подписалъ и распросныя рѣчи, которыя прочитали ему уже послѣ того, какъ онъ къ нимъ руку приложилъ. Затѣмъ государь приказалъ распросить Тимошку и Ѳеодосія подъ пыт-

кою. И Тимошка, когда его подымали на дыбы, жгли огнемъ, били плетьми, повторялъ одно, что прежде клеветалъ на Өеодосія, что послѣдній не училъ его дѣлать никакого состава, и не показывалъ ему никакого корня, что такъ говорить на Өеодосія принудили его, Тимошку, пытками полякъ Ольшевскій, по велѣнію патріарха, да находившійся при патріархѣ стрѣлецкій сотникъ Осипъ Михайловъ. А дьяконъ Өеодосій, во время такихъ же страшныхъ пытокъ, утверждалъ, попрежнему, что крутицкій митрополитъ и чудовскій архимандритъ вовсе не посылали его для отравленія Никона, что повинную челобитную подалъ и къ распроснымъ рѣчамъ приложилъ руку по неволѣ, не стерпя побоевъ отъ поляка Ольшевскаго и сотника Михайлова, и повинную ту принудилъ его писать Ольшевскій, по патріархову велѣнію, съ готоваго образца—челобитной, которую составилъ подъячій Васка Ларіоновъ ([227]). Такимъ образомъ показанія обвиняемыхъ, данныя ими въ Москвѣ подъ пыткою, нимало не под-

---

([227]) Подлинная отписка Никона по этому дѣлу къ царю Алексѣю Михайловичу съ распросными рѣчами—въ свиткѣ москов. синод. библ., по реестру внѣ каталога, № 907. Въ свиткѣ этомъ 18 аршинъ и 14 вершковъ. А подлинное дѣло о распросахъ въ Москвѣ напечатано въ Записк. отд. русск. и славян. археол., II, 607 — 610. Между тѣмъ, вопреки этому послѣднему документу, Шушеринъ говоритъ, будто и въ Москвѣ подъ пыткою діаконъ Өеодосій во всемъ сознался, что приготовлялъ отраву для Никона, и будто государь посылалъ къ Никону, когда онъ уже возвратился въ воскресенскій монастырь, ближняго своего человѣка Иродіона Матвѣевича Стрѣшнева спросить, какъ поступить съ виновнымъ діакономъ, казнить ли его смертію, или въ дальнюю ссылку сослать, или освободить, а Никонъ будтобы отвѣчалъ, что онъ хотѣлъ только сдѣлать явною государю злобу крутицкаго митрополита и чудовскаго архимандрита на него, Никона, и предоставляетъ самому государю поступить съ діакономъ Өеодосіемъ по своей волѣ (Изв. о патр. Никонѣ, стр. 37—40).

твердили показаній, данныхъ ими въ крестномъ монастырѣ. Могло быть, что Никонъ, съ своими келейными старцами, совершенно случайно принялъ въ пищѣ или питіи что либо ядовитое, и, предполагая тутъ отраву, заподозрилъ въ покушеніи на нее, изъ числа своихъ приближенныхъ, діакона Ѳеодосія лишь потому, что онъ пришелъ отъ крутицкаго митрополита, а побои, при допросѣ, заставили Ѳеодосія наговорить на себя то, въ чемъ онъ былъ невиненъ.

Между тѣмъ, какъ Никонъ проживалъ въ своемъ крестномъ монастырѣ, царь Алексѣй Михайловичъ рѣшился, наконецъ, разсмотрѣть и рѣшить дѣло объ оставленіи Никономъ патріаршей каѳедры и избраніи ему преемника, столько уже времени тяготившее всѣхъ ([228]). Съ этою цѣлію въ февралѣ 1660 года царь созвалъ въ Москвѣ соборъ, и въ тоже время отправилъ стольника своего Матвѣя Степановича Пушкина въ крестный монастырь къ Никону спросить его мнѣнія по этому предмету. Въ 16 день февраля всѣ, собравшіеся на соборъ, митрополиты, архіепископы, епископы и прочія духовныя лица, по приказанію государя, предстали предъ лице его въ золотой палатѣ, гдѣ находились уже бояре, окольничіе и думные люди. Въ своей рѣчи къ духовенству государь го-

---

([228]) Извѣстный Нероновъ (старецъ Григорій) еще въ сентябрѣ или октябрѣ 1659 года подалъ челобитную царю, въ которой умолялъ ущедрить св. церковь и скорѣе даровать ей новаго патріарха на мѣсто Никона: «уже бо втораго лѣта болѣ двою мѣсяцъ прейде, вдовствуетъ, не имущи жениха». Эта же самая челобитная встрѣчается въ нѣкоторыхъ спискахъ подъ названіемъ «всенароднаго прошенія къ царю». И нельзя сомнѣваться, что, кромѣ Неронова, просили тогда царя о томъ же и другія лица (Матеріал. для исторіи раскола, I, 167—179).

ворилъ: «мать наша, св. соборная церковь вотъ уже годъ и семь мѣсяцевъ не имѣетъ жениха и пастыря, съ тѣхъ поръ, какъ бывшій ея пастырь самовольно оставилъ свой престолъ и отрекся отъ него. Это видѣли митрополиты сарскій и подонскій Питиримъ и сербскій Михаилъ, тверскій архіепископъ Іоасафъ, архимандриты, игумены и другіе, которые были въ тотъ день съ Никономъ въ службѣ. Отъ нихъ взяты сказки за ихъ руками, и тѣ сказки мы пришлемъ къ вамъ на соборъ. И вамъ бы, о св. Духѣ, разсудить о семъ крѣпко, единодушно и праведно, безъ всякой ненависти и тщетной любви, по правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ, памятуя страшный судъ и воздаяніе». На другой день, 17 февраля, соборъ открылся въ патріаршей крестовой палатѣ. По указу государя, бояринъ Петръ Михайловичъ Салтыковъ принесъ на соборъ сказки множества лицъ, духовныхъ и свѣтскихъ, которые были свидѣтелями отреченія Никона отъ каѳедры или которыхъ посылалъ тогда царь для переговоровъ съ Никономъ, писанныя 14—15 февраля, слѣд. еще предъ открытіемъ собора. Въ послѣдующіе дни представлены были собору еще другія сказки, писанныя уже 20—22 февраля, слѣд. по открытіи собора. Всѣ эти сказки соборъ внимательно выслушивалъ; сличалъ, въ чемъ онѣ сходны и въ чемъ несходны, требовалъ словесныхъ объясненій отъ свидѣтелей, писавшихъ сказки и находившихся тутъ же, которые то подтверждали свои показанія, то исправляли или даже давали новыя сказки, и пришелъ къ заключенію, что «святѣйшій патріархъ Никонъ оставилъ свой патріаршескій престолъ своею волею». Объ этомъ послалъ соборъ боярина Петра Михайловича Салтыкова

доложить государю. Государь, чрезъ тогоже Салтыкова, указалъ собору сдѣлать выписку изъ правилъ св. апостоловъ и св. отцевъ и, на основаніи ея, разсудить «объ отшествіи бывшаго патріарха Никона», а у выписки этой быть архіепископамъ — Маркеллу вологодскому, Иларіону рязанскому, Макарію псковскому, архимандриту чудовскому Павлу и игумену александрова монастыря Симону. Выписка была сдѣлана, не только правилъ, но и толкованій на нихъ. И соборъ, 27 февраля, выслушавъ всѣ эти правила и толкованія, разсуждалъ: а) бывшій патріархъ Никонъ презрѣлъ прошеніе великаго государя, чрезъ князя Алексѣя Трубецкаго, не оставлять каѳедры; презрѣлъ такоеже моленіе архіереевъ и прочихъ людей, находившихся при отреченіи его; не повѣдалъ причины своего отреченія ни государю, ни архіереямъ; не оставилъ о томъ писанія даже всему священному собору; б) со времени отреченія его, Никона, отъ каѳедры прошло уже годъ и 7 мѣсяцевъ; в) всѣ свидѣтели, которые допрашиваны были на соборѣ, съ евангельскою клятвою подтвердили истинность своихъ сказокъ, и въ этихъ сказкахъ согласно показали, что Никонъ отрекся отъ своего патріаршества и обѣщался потомъ не быть на каѳедрѣ; г) да и самъ Никонъ въ своей отпискѣ государю, которую государь прислалъ на соборъ съ бояриномъ Петромъ Салтыковымъ, своею рукою написалъ: «бывшій патріархъ Никонъ». Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства и прилагая къ нимъ свящ. правила, прочитанныя на соборѣ, соборъ выразилъ свое рѣшеніе такъ: «правила св. отцевъ всѣ согласно и невозбранно повелѣваютъ на мѣсто епископа, отрекшагося своей епископіи или оставившаго ее, безъ

благословной причины, болѣе шести мѣсяцевъ, поставить иного епископа» ([229]).

Но этимъ рѣшеніемъ соборъ не могъ ограничиться. Недостаточно было сказать только, что, вмѣсто отрекшагося отъ каѳедры Никона, слѣдуетъ избрать иного патріарха; необходимо было сказать вмѣстѣ, какъ же поступить съ самимъ Никономъ, считать ли его и впредь патріархомъ и какія права за нимъ оставить. На рѣшеніе этихъ вопросовъ какбы вызывалъ соборъ и самъ Никонъ. Посланный къ нему въ Крестный монастырь стольникъ Пушкинъ возвратился, и 6 марта далъ письменную сказку, что онъ прибылъ къ Никону 24 февраля, и, по указу государя, говорилъ ему: «когда ты изволилъ оставить патріаршескій престолъ, и государь посылалъ къ тебѣ неразъ боярина князя Алексѣя Никитича Трубецкаго, чтобы ты возвратился на престолъ, ты отказалъ боярину, на престолъ не возвратился, и подалъ великому государю благословеніе выбрать другаго патріарха, кого пожелаетъ. Послѣ посланы были къ тебѣ думный дворянинъ Елизаровъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ, ты и имъ сказалъ тѣже рѣчи, что на патріаршескомъ престолѣ впредь быть не хочешь, и объ избраніи на свое мѣсто патріарха благословеніе

([229]) Все сказаніе объ этомъ соборѣ, съ выпискою самыхъ правилъ, на немъ обсуждавшихся,—въ Подлинн. дѣлѣ Никона, по списку моск. духовн. акад., стр. 112—131. Тамъ же находятся и всѣ сказки свидѣтелей, разсматривавшіяся на соборѣ (стр. 35—84). Въ Спб. государств. архивѣ есть такъ же два списка дѣяній этого собора, черновой и бѣловой: первый излагаетъ дѣло подробнѣе, и въ немъ помѣщены выписки изъ сказокъ свидѣтелей, разбиравшіяся на соборѣ, и правилъ выписано гораздо больше. Въ немъ же встрѣчается любопытная замѣтка: «а переводить бы (грамату съ греческаго) старцу Епифанію (Славенитскому), а Арсенію бы (греку) не переводить». Значитъ, послѣднему не довѣряли.

государю подалъ». Никонъ отвѣчалъ: «какъ пріѣзжалъ ко мнѣ отъ государя бояринъ князь Трубецкій, онъ на патріаршество меня не звалъ, а говорилъ мнѣ о томъ въ Москвѣ въ соборной церкви, чтобы я на престолъ возвратился. И думный дворянинъ Елизаровъ также меня не звалъ, только выговаривалъ. А великому государю отъ меня благословеніе всегда: невозможно рабу не благословить своего государя. Но на такое дѣло (тутъ Никонъ измѣнилъ прежнему своему слову, неразъ данному), чтобы поставить патріарха безъ меня, я не благословляю: кому безъ меня ставить патріарха и митру на него возложить? Мнѣ дали митру патріархи вселенскіе, и митрополиту возложить на патріарха митру невозможно (неправда: на самого Никона возложили митру не патріархи, а митрополитъ казанскій, который и поставилъ его въ патріарха, согласно съ церковными правилами). Я оставилъ престолъ, но архіерейства не оставлялъ, и всѣ власти моего рукоположенія и, при поставленіи своемъ, дали въ своемъ исповѣданіи клятвенное обѣщаніе предъ всею церковію не хотѣть имъ иного патріарха, кромѣ меня: какъ же имъ безъ меня ставить новоизбраннаго патріарха?» При этомъ Никонъ вручилъ Пушкину свое письмо къ государю, и примолвилъ: «если государь изволитъ мнѣ быть въ Москвѣ, то я, по указу его, новоизбраннаго патріарха поставлю, и, принявъ отъ государя милостивое прощеніе, простясь съ архіереями и подавъ всѣмъ благословеніе, пойду въ монастырь. Только бы государь не велѣлъ отнимать у меня монастырей моего строенія, да указалъ давать мнѣ часть отъ соборной церкви, чтобы мнѣ быть сыту». Въ письмѣ къ государю, которое привезъ Пушкинъ, Никонъ также говорилъ, что для благозаконнаго и праведнаго из-

бранія новаго патріарха долженъ быть призванъ онъ, Никонъ, и что онъ, когда избраніе соборнѣ и благочестиво совершится, преподастъ новоизбранному, чрезъ рукоположеніе, туже благодать, которую прежде самъ пріялъ, и разрѣшитъ всѣхъ архіереевъ отъ даннаго ими, при поставленіи на архіерейство, клятвеннаго обѣщанія не хотѣть иного патріарха, кромѣ его, Никона ([230]). Оба эти документа, письмо Никона и сказка Пушкина, прочитанныя 14 марта, по волѣ государя, въ его золотой палатѣ, въ присутствіи его самого, бояръ, окольничихъ и царскаго духовника, благовѣщенскаго протопопа, Лукіана, показали, что Никонъ не только продолжаетъ считать себя патріархомъ, но одному себѣ усвояетъ право рукоположить новаго патріарха для Москвы и, по рукоположеніи его, желаетъ еще пользоваться частію изъ его патріаршихъ доходовъ отъ соборной церкви: тѣмъ необходимѣе было собору заняться рѣшеніемъ вопроса о самомъ Никонѣ, какъ отрекшемся отъ своей каѳедры.

И соборъ дѣйствительно занялся. Снова обратились къ церковнымъ правиламъ, а вмѣстѣ и къ церковной исторіи. Собрано было множество примѣровъ, изъ которыхъ одни показывали, что патріархи и вообще архіереи, самовольно оставившіе свой престолъ, вновь на престолъ свой не возвращались; другіе показывали, напротивъ, что такіе архіереи снова возвращаемы были на свои каѳедры; третьи, что архіереи, самовольно отрекшіеся даже отъ своего архіерейства, снова сподоблялись архіерействовать; четвертые, что еще при

([230]) Письмо Никона къ царю, принесенное Пушкинымъ, и сказка самого Пушкина—тамъ же въ Подлинн. дѣлѣ Никона, стр. 30—34.

жизни патріарховъ и епископовъ, самовольно оставившихъ свой престолъ, на ихъ мѣста поставлялись иные патріархи и епископы. Въ 20 день марта, по приказанію государя, собрались въ его золотой палатѣ знатнѣйшіе бояре, окольничіе и думные люди; потомъ пришли туда же и предстали государю митрополиты, архіепископы и епископы и прочія власти и сказали, что принесли составленныя, по его государеву указу, выписки изъ свящ. правилъ. Когда, послѣ краткаго молебствія, всѣ духовные и свѣтскіе сѣли, царь приказалъ читать выписки рязанскому архимандриту Стефану, а по окончаніи чтенія пригласилъ всѣхъ духовныхъ высказывать свои мнѣнія, кто что́ вѣдаетъ. Первый высказалъ свою мысль ученый епископъ полоцкій Каллистъ, за нимъ говорили крутицкій, рязанскій и другіе архіереи и архимандриты. Мнѣнія оказались различны, и эта разность обнаружилась еще болѣе въ послѣдующихъ засѣданіяхъ собора. Одни и преимущественно греческіе архіереи: Парѳеній ѳивскій, Кириллъ андросскій, Нектарій поголіанскій, которые, по повелѣнію государя, также приглашены были для участія въ соборѣ, утверждали, что Никонъ, самовольно отрекшійся отъ своего престола, долженъ быть лишенъ архіерейства и даже священства; другіе, къ числу которыхъ принадлежалъ и пользовавшійся большимъ уваженіемъ за свою ученость іеромонахъ Епифаній Славеницкій, говорили, что Никонъ, хотя и самовольно отрекся отъ каѳедры, не долженъ быть лишаемъ архіерейства и священства. Третье мнѣніе выразилъ ученый архимандритъ полоцкаго богоявленскаго монастыря Игнатій Іевлевичъ, обратившій на себя вниманіе царя своими рѣчами къ нему въ Полоцкѣ. Въ рѣчи своей предъ царемъ и собо-

ромъ, 10 мая, этотъ архимандритъ высказалъ: дѣтямъ отца и словеснымъ овцамъ верховнаго пастыря судить не подобаетъ, и собору русскаго духовенства не иначе возможно разсудить и разрѣшить правильно дѣло своего патріарха Никона, какъ только по согласію съ бо́льшимъ соборомъ великой церкви константинопольской и со вселенскимъ патріархомъ. Славеницкій подалъ государю особую записку съ изложеніемъ своего мнѣнія, сущность котораго состояла въ слѣдующемъ: по правиламъ, Никона, хотя и отрекшагося отъ своей каѳедры, можно вновь возвести на нее, если онъ достоинъ; а если недостоинъ, то нужно прежде судить его и низложить, и только тогда на мѣсто его можно будетъ возвести другаго,—а судить Никона нельзя безъ цареградскаго патріарха. Впрочемъ, на основаніи прежнихъ примѣровъ, можно и теперь, безъ суда надъ Никономъ, возвести на оставленную имъ каѳедру другаго патріарха; только и Никона не слѣдуетъ отчуждать архіерейскаго служенія и чести. Если же онъ, находясь въ этой чести, начнетъ творить смятеніе, то тѣмъ самымъ повиненъ будетъ лишенію архіерейскаго сана. Равнымъ образомъ и въ присутствіи собора, когда Епифанія спросили его мнѣнія, онъ въ 26-й день мая отвѣчалъ: «о томъ, чтобы Никонъ былъ чуждъ архіерейства и священства, я не только писать, но и говорить не дерзаю; я не нашелъ такихъ правилъ, чтобы архіерея, самовольно оставившаго свой престолъ, но не отрекшагося отъ архіерейства, отчуждали отъ архіерейства и священства». А въ 15-й день іюня сказалъ, между прочимъ, что вновь поставленный на мѣсто Никона патріархъ, какъ престольный, будетъ имѣть полную власть запретить бывшему патріарху, т. е. Никону, если послѣдній

ему не покорится и безъ его благословленія дерзнетъ совершать архіерейскія дѣйствія. Съ своей стороны и греческіе архіереи подали свою записку на имя царя и собора, и говорили, что несправедливо нѣкоторые, по дружбѣ къ Никону и невѣрно толкуя правила, не соглашаются съ мнѣніемъ всего собора, который опредѣлилъ низложить Никона и лишить священства до тѣхъ поръ, пока онъ не смирится и не станетъ молить о возвращеніи ему священства предъ новымъ патріархомъ и соборомъ. Напрасно указываютъ на примѣръ цареградскихъ патріарховъ, которые, хотя и оставляютъ свою каѳедру, одинъ за другимъ, но не лишаются чрезъ то своего архіерейства и продолжаютъ священнодѣйствовать: эти патріархи оставляютъ свою каѳедру не самовольно, а по неволѣ, по насилію и пребеззаконно прогоняются отъ своего престола нечестивыми турками. Совсѣмъ другаго рода примѣръ извѣстенъ изъ дѣяній третьяго вселенскаго собора. Когда Евстаѳій, епископъ памфилійскій, отрекся отъ своей каѳедры, это отреченіе вмѣнено было ему въ вину, и онъ лишенъ былъ архіерейства и священства. Когда же онъ со смиреніемъ и слезами притекъ къ вселенскому собору и просилъ возвратить ему имя и честь епископа, соборъ разрѣшилъ ему именоваться епископомъ, равно священнодѣйствовать и рукополагать, но только по приглашенію и съ дозволенія мѣстнаго епархіальнаго епископа. Вотъ по этому образцу слѣдуетъ поступить и съ Никономъ. Вслѣдствіе этой записки греческихъ архіереевъ, Епифаній подалъ государю новую свою записку, въ которой говорилъ, что изъ двухъ рѣшеній собора первое—объ избраніи и поставленіи новаго патріарха на мѣсто Никона признаетъ правильнымъ и благополезнымъ, а второе—о низложе-

ніи Никона и лишенія его священства понять не можетъ. Изложивъ причины, почему не можетъ согласиться съ этимъ рѣшеніемъ, Епифаній присовокупилъ: «я не имѣю въ виду прекословить священному собору и не осуждаю писанія, написаннаго отъ греческихъ архіереевъ и богомудраго Діонисія архимандрита (святогорца); но заявляю мнѣніе моего худаго ума, чтобы оно, если покажется свящ. собору благословнымъ, было принято, а если не благословнымъ, было отвергнуто». Начались опять пренія на соборѣ. Греки отстаивали свое мнѣніе и ссылались особенно на 16-е правило двукратнаго собора, которое гласитъ: «аще кто изъ епископовъ, пребывая въ своемъ достоинствѣ, и не хощетъ отрещися, и не желаетъ пасти народъ свой, но, удаляяся изъ своей епископіи, болѣе шести мѣсяцевъ остается въ другомъ мѣстѣ, таковый да будетъ совершенно чуждъ епископскія чести и достоинства». Греки увѣряли, что вслѣдъ за симъ въ греческомъ текстѣ тогоже правила сказано еще: «безумно убо есть епископства отрицатися, держати же священство». Эти послѣднія слова подѣйствовали на самого Епифанія; онъ не дерзнулъ прекословить имъ и далъ свое согласіе на низверженіе Никона. Послѣ того государь далъ приказъ Епифанію составить соборное опредѣленіе. Но Епифаній, когда, возвратившись домой, вздумалъ провѣрить увѣренія грековъ, не нашелъ подѣйствовавшихъ на него словъ въ греческомъ текстѣ правилъ и поспѣшилъ представить государю новую записку, въ которой говорилъ: «я прочелъ истинное правило греческое (16-е двукратнаго собора), и не нашелъ въ немъ словъ: безумно бо есть епископства отрещися, держати же священство. Почему отрекаюсь отъ моего согласія на низверженіе Никона, каюсь

и смиренно прошу прощенія. Новопоставленный патріархъ въ правѣ будетъ или благословить бывшаго патріарха Никона, да архіерействуетъ въ томъ монастырѣ, гдѣ будетъ жить, или запретить ему архіерействовать, если не поклонится новопоставленному патріарху и безъ его благословенія дерзнетъ архіерействовать; а если запрещенія не послушаетъ, то да низвержется. Я готовъ исполнить повелѣніе вашего величества и составить соборное опредѣленіе объ избраніи и поставленіи новаго патріарха: это согласно съ правилами; но о низверженіи Никона писать не дерзаю, потому что не нашелъ такого правила». Государь поколебался и, вѣроятно, потребовалъ отзыва отъ нѣкоторыхъ другихъ членовъ собора, если не отъ всего собора: потому что сохранилось «Слово отвѣщательное» къ царю не одного, а нѣсколькихъ лицъ по этому предмету. Они писали, что хотя Никонъ, самовольно оставившій свою паству и не шесть только, но болѣе уже *восемнадцати* мѣсяцевъ живущій вдали отъ нея, по правиламъ и даже по царскимъ законамъ, заслуживаетъ низложенія, но, по древнимъ примѣрамъ, и ему, «аще повелитъ святое и превеликое твое царство и св. соборъ и синклитъ», можно оказать «снисхожденіе и человѣколюбіе», какое оказалъ третій вселенскій соборъ епископу памфилійскому Евстаѳію, и не лишать его архіерейства и священства: «зане аще и господинъ Никонъ въ прочихъ внѣшнихъ вещехъ и во отреченіи своемъ погрѣши, яко человѣкъ, но въ догматахъ благочестивыя и православныя вѣры бѣ благочестивѣйшій и правъ, и во апостольскихъ и отеческихъ преданіяхъ восточныя церкве бѣ зѣло ревнитель.... И да не явимся тяжки, молимъ о томъ великое твое царство, и съ дерзновеніемъ пишемъ къ тебѣ, яко къ царю

христіаннѣйшему, кротчайшему и благоутробнѣйшему». Царь охотно согласился на снисхожденіе Никону, и тогда Епифаній, обрадованный такимъ исходомъ дѣла, написалъ до крайности витіеватое и напыщенное «Дѣяніе соборное», въ которомъ изобразилъ общими чертами весь ходъ собора отъ начала до конца, но изложилъ только тѣ разсужденія собора, которыя касались вопроса объ избраніи новаго патріарха на мѣсто Никона, а совершенно умолчалъ о тѣхъ, которыя касались вопроса о низложеніи Никона, и окончательное рѣшеніе собора выразилъ такъ: «да вмѣсто благоговѣйнаго Никона, бывшаго патріарха московскаго, самовольно престолъ свой патріаршескій оставльшаго, инъ святѣйшій патріархъ московскій правильно изберется, благодатію Духа Святаго восхиротонисуется, и въ душевную всего благочестиваго рода россійскаго пользу на престолъ патріаршескій возведется». Это соборное Дѣяніе, въ 14 день августа 1660 года, подписали всѣ, присутствовавшіе на соборѣ, шестнадцать архіереевъ, многіе архимандриты, игумены и протопопы, въ томъ числѣ и греческіе три архіерея съ архимандритомъ Діонисіемъ святогорцемъ и полоцкій архимандритъ Игнатій Іевлевичъ ([231]).

([231]) Черновая записка о засѣданіяхъ въ золотой палатѣ 20 марта — въ Спб. государ. архивѣ, между бумагами о Никонѣ, № 72. Выписка правилъ, сдѣланная на соборѣ — въ Подлинн. дѣлѣ Никона, по списку москов. дух. акад., стр. 379—383. 391—403. Записки Епифанія царю и отвѣты собору—тамъ же, стр. 106—111. 131—140. Записка греческихъ архіереевъ—тамъ же, 86—95. Слово отвѣщательное царю—тамъ же, стр. 384—390. Дѣяніе соборное — тамъ же, стр. 142—167. Рѣчь Игнатія Іевлевича напеч. въ Древн. росс. вивліоѳ., т. III, стр. 374—382. Одинъ изъ греческихъ архіереевъ, Кириллъ андросскій, а по мѣсту своей обители — хіосскій, еще въ то время, когда всѣ они отстаивали свое мнѣніе о низложеніи Никона, подалъ государю особое письмо (отъ 14 мая), въ которомъ говорилъ, что Никонъ слиш-

Никонъ, когда узналъ объ этомъ соборѣ (самые акты соборные кѣмъ-то сообщены были Никону), отнесся къ нему съ крайнею непріязнію, и называлъ его не иначе, какъ синагогою іудейскою, а дѣйствія его антиканоническими, вопервыхъ, потому что онъ, Никонъ, не былъ приглашенъ на соборъ для оправданія и осужденъ заочно; вовторыхъ, потому что былъ судимъ тѣми, которые отъ него же получили рукоположеніе, словно отецъ дѣтьми; въ третьихъ, потому что соборъ созванъ былъ однимъ царемъ, безъ участія патріарха ([232]). Впослѣдствіи Никонъ выражался даже, что соборъ этотъ должно назвать не только сонмищемъ іудейскимъ, но и бѣсовскимъ, потому, будтобы, что онъ созванъ былъ не

комъ увлекся гордостію и, во дни своей силы, повыпросилъ у царя «пребеззаконныя граматы на возвышеніе нелѣпое свое», и что теперь, когда онъ палъ, всѣ эти граматы должны вмѣняться въ ничто (тамъ же, стр. 101—105). А по окончаніи собора, всѣ эти греческіе архіереи написали къ царю и умоляли, чтобы выборъ новаго патріарха на мѣсто Никона сдѣланъ былъ съ особеннымъ вниманіемъ, чтобы выбранъ былъ не только твердый и ревностный въ православіи, но и благочестивый, который бы пребывалъ въ полномъ согласіи со всѣми четырьмя восточными патріархами, и чтобы не по жребію выбирали,—при чемъ возможна ошибка,—а были выбраны три достойнѣйшія лица, и изъ нихъ одно утверждено государемъ, по его усмотрѣнію (тамъ же, стр. 95—101). Подлинники двухъ послѣднихъ граматъ, на греческомъ языкѣ, находятся въ москов. синод. библіот., по каталогу 1823 года, за №№ 11 и 12.

([232]) Всѣ эти три основанія, по которымъ Никонъ порицалъ соборъ, перечисляетъ и опровергаетъ Паисій Лигаридъ, митрополитъ газскій, въ ч. І-й, гл. IX-й своего сочиненія о соборѣ, бывшемъ въ Москвѣ на Никона въ 1666—1667 г., съ предшествовавшими обстоятельствами. Это сочиненіе Паисія, раздѣленное на три части и подраздѣленное на главы, извѣстно по греческому списку, переписанному въ Египтѣ въ 1710 году и находящемуся нынѣ въ москов. синод. библ., за № 469. Оно сочинено Паисіемъ въ Москвѣ и посвящено царю Алексѣю Михайловичу. Кѣмъ-то переведены двѣ первыя части этого сочиненія на русскій языкъ, и списки перевода есть въ Москов. главн. архивѣ м. и. д. и въ библ. моск. дух. академіи.

по правиламъ, и все соборованіе на немъ происходило по царскому указу: что хотѣлъ царь, то и дѣлали ([233]). Неудивительно, если такъ отнесся къ собору Никонъ; удивительно, что и царь не оказалъ къ соборному рѣшенію надлежащаго вниманія. Поколебался ли онъ въ довѣріи къ собору, въ виду происходившихъ на немъ разногласій, и побоялся, какъ бы не погрѣшить противъ церковныхъ правилъ, или опасался новыхъ смятеній со стороны Никона, только къ избранію новаго патріарха, какъ опредѣлено было соборомъ, царь вовсе не приступалъ и не дѣлалъ никакихъ распоряженій. Всѣ труды собора, продолжавшіеся около полугода, не привели теперь ни къ чему, хотя впослѣдствіи, какъ увидимъ, они послужили важнѣйшимъ пособіемъ для восточныхъ патріарховъ, вмѣстѣ съ новымъ соборомъ, судившихъ Никона.

Между царемъ и бывшимъ патріархомъ, вскорѣ послѣ собора, возобновились-было добрыя отношенія. Въ воскресенскій монастырь прибылъ окольничій Иванъ Михайловичъ Милославскій и отъ имени царя говорилъ Никону, что бояринъ Борисъ Ивановичъ Морозовъ (своякъ и бывшій воспитатель царя) изнемогаетъ, и что если была отъ него патріарху какая либо досада, то простилъ бы его. Никонъ письменно отвѣчалъ царю: «досады отъ него намъ мы не вѣдаемъ, кромѣ любви и милости, а хотя бы и было что́, мы, какъ подражатели Христовы, прощаемъ ему все, въ чемъ, яко человѣкъ,

---

([233]) Возражен. Никона на вопрос. Стрѣшнева 17-й, по списку воскресен. монастыря, XVII в., л. 137. Въ этомъ же возраженіи своемъ Никонъ дословно приводитъ довольно значительную часть изъ актовъ означеннаго собора, и именно начальную (л. 132—135).

согрѣшилъ предъ нами; а когда Господь пошлетъ по душу его, мы напишемъ ему, если угодно вашему благородію, и разрѣшительную грамату. Много работалъ онъ тебѣ, великому государю: поболѣзнуй же и ты о немъ нынѣ, а отходящимъ отъ міра сего ничто столько не пользуетъ, какъ милостыня и приношеніе жертвъ. Мы же, богомольцы твои, оскудѣли нынѣ всѣмъ въ созиданіи церкви воскресенія Христова и св. Голгоѳы и св. живоноснаго гроба Христова, и потому молимъ твою кротость о милостынѣ на созданіе храма и на пропитаніе намъ, бѣднымъ, и мы, пока живъ бояринъ Борисъ Ивановичъ, будемъ молиться о спасеніи его, а по кончинѣ его не перестанемъ поминать его... Не грѣхъ будетъ, если и вотчинку пожалуешь на вѣчное пропитаніе служащимъ въ церкви и пенязи... А всего полезнѣе было бы для души боярина, еслибы онъ, по смерти, и положенъ былъ въ дому живоноснаго воскресенія, при св. Голгоѳѣ, противъ великихъ вратъ: тогда память великаго боярина не престала бы во вѣкъ, и Богъ упокоилъ бы душу его, по нашимъ смиреннымъ молитвамъ, со святыми» ([234]). Не знаемъ, пожаловалъ ли что либо государь Никону по этой просьбѣ; но другую его просьбу уважилъ. Въ генварѣ 1661 года послѣдовалъ царскій указъ взять съ монастырей Никонова строенія (какъ и

([234]) На оборотѣ настоящаго письма Никонова помѣчено: 68. Не значитъ ли это 168-й годъ, т. е. 1660-й отъ Р. Христова? По крайней мѣрѣ, на оборотѣ нѣкоторыхъ другихъ писемъ Никона помѣчены такимъ образомъ годы. Во всякомъ случаѣ настоящее письмо едвали могло быть написано раньше 1660-го, или даже 1661-го года, если оно писано незадолго до смерти Б. И. Морозова во время его тяжкой болѣзни: онъ скончался 1 ноября 1661 года (Выходы госуд., стр. 366).

съ другихъ монастырей) даточныхъ людей не только за этотъ, но и за два предшествовавшіе года. Никонъ написалъ челобитную, въ которой, перечисляя, сколько прежде доставлялъ онъ съ своихъ монастырей даточныхъ людей на службу государя, умолялъ его не брать нынѣ даточныхъ людей съ тѣхъ монастырей, по крайней мѣрѣ, за два предшествовавшіе года. Къ Никону присланъ былъ Родіонъ Стрѣшневъ извѣстить, что царь его пожаловалъ и брать даточныхъ людей съ его монастырей за прошлые два года не указалъ. Изъ тойже челобитной Никона видно, что со всѣхъ вотчинъ воскресенскаго монастыря, по милости государя, не брались даточные люди и за всѣ прежніе годы «ради монастырскаго строенія». Въ ноябрѣ тогоже 1661 года, 1 числа, государь прислалъ Никону, съ Григоріемъ Никифоровичемъ Собакинымъ, три тысячи рублей и просилъ, чтобы Никонъ написалъ разрѣшительную молитву для скончавшагося боярина Ильи Ивановича. Никонъ благодарилъ письмомъ государя за присланную милостыню, выражаясь, что «вложитъ» ее въ церковь живоноснаго воскресенія Господня, тогда строившуюся, и послалъ разрѣшительную грамату съ тѣмъ, чтобы она прочитана была духовникомъ умершаго боярина надъ его тѣломъ и вложена въ его руки ([235]).

Но вскорѣ же, послѣ бывшаго собора на Никона и послѣ возвращенія его изъ крестной въ воскресенскую обитель, начались у него столкновенія съ сосѣдями по земельнымъ

([235]) Записки отдѣл. русской и славян. археол., II, 583. 622—624. Письмо Никона къ царю — въ Спб. государств. архивѣ, между бумагами о Никонѣ, подъ № 72.

владѣніямъ, снова нарушившія миръ между нимъ и государемъ. Какой-то Иванъ Сытинъ подалъ царю челобитную, что крестьяне воскресенскаго монастыря скосили сѣно на его землѣ болѣе трехъсотъ копенъ, стрѣляли въ него самого и покушались разорить его жилище. Царь прислалъ эту челобитную, 15 дек. 1660 г., самому Никону, чтобы онъ послалъ произвести по ней разслѣдованіе. Никонъ поручилъ своему боярскому сыну Ражѣйскому произвесть сыскъ, и сыскныя рѣчи отослалъ къ государю. Дѣло на этотъ разъ обошлось спокойно. Другой сосѣдъ по имѣніямъ, окольничій Романъ Бабарыкинъ, у котораго Никонъ и купилъ вотчину подъ свой воскресенскій монастырь, завладѣлъ кочеваровскою землею и ивановскими лугами, которыя монастырь считалъ своими. Архимандритъ и намѣстникъ монастыря били челомъ государю о праведномъ сыскѣ по писцовымъ книгамъ. Указъ государевъ почему-то позамедлилъ; а между тѣмъ пришло время снимать на спорной землѣ хлѣбъ и сѣно, и Никонъ, не дождавшись царскаго указа, велѣлъ своимъ крестьянамъ сжать хлѣбъ и скосить сѣно на той землѣ. Бабарыкинъ принесъ жалобу. Отъ царя присланы были сыщикъ и подъячій, которые и произвели сыскъ и хотѣли, какъ имъ было велѣно, дать судъ и воскресенскимъ властямъ, но получили отъ нихъ сказку, что «простому человѣку нельзя судить людей Божіихъ, особенно освященныхъ», которую и отвезли въ Москву. Не дождавшись рѣшенія по произведенному сыску и царскаго указа, Никонъ приказалъ свезти спорное сѣно своимъ людямъ. Бабарыкинъ снова принесъ жалобу, и 3 декабря 1661 г. присланы были, по царскому указу, тѣже сыщикъ и подъячій произвести новый сыскъ и взять

монастырскихъ крестьянъ въ Москву для распросовъ. Никонъ, который не могъ не сознавать по совѣсти, что поступилъ самовольно, вышелъ изъ себя и написалъ къ государю слѣдующее до крайности неприличное письмо: «Начинаю письмо къ твоему благоразумію словами, безъ которыхъ никто изъ насъ, богомольцевъ вашихъ, не смѣетъ писать къ вамъ, государямъ: Бога молю, челомъ бью. И словомъ и дѣломъ исполняемъ мы это, по долгу своему и по заповѣди апостола Павла; но щедротъ твоихъ умолить не можемъ. Не какъ святители или какъ рабы, но какъ рабичища, мы отвсюду изобижены, отвсюду гонимы, отвсюду утѣсняемы. Видя св. церковь гонимою, послушавъ слова Божія: *аще гонятъ вы во градѣ, бѣгите во инъ градъ*, удалился я и водворился въ пустынѣ, но и здѣсь не обрѣлъ покоя... За церковь Божію страждемъ нынѣ по заповѣди: *больши сея любве никтоже иматъ, да аще кто душу сваю положитъ за други своя*. И мы, видѣвъ братію нашу біенными, жаловались твоему благородію; но, не получивъ ничего, кромѣ укоризны и уничиженія, по слову Господа: *остави мнѣ месть, азъ мщу*, оставили ее и удалились въ мѣсто пусто. Но злоначальный змій нигдѣ насъ не оставляетъ, и навѣтуетъ на насъ сосудомъ своимъ избраннымъ, Романомъ Бабарыкинымъ, смущая твое благородіе». Сказавъ затѣмъ, какъ Бабарыкинъ завладѣлъ монастырскою землею и какъ производились сыски по его жалобамъ, будтобы ложнымъ, Никонъ продолжалъ: «Романъ, врагъ Божій, враждуетъ на домъ Божій и на насъ, вашихъ смиренныхъ богомольцевъ, и то все лжетъ. Посему молимъ вашу кротость перестать отъ гнѣва, оставить ярость и не слушать лукавнующихъ. Откуда ты принялъ такое

дерзновеніе—сыскивать о насъ и судить насъ? Какіе тебѣ законы Божіи велятъ обладать нами, рабами Божіими? Не довольно ли тебѣ судить въ правду людей царствія міра сего, о чемъ ты мало заботишься? Въ наказѣ написано твое повелѣніе—взять крестьянъ воскресенскаго монастыря: по какимъ это уставамъ? Надѣюсь, если и поищешь, то не найдешь здѣсь ничего, кромѣ беззаконія и насилія. Послушай Господа ради, что было древле за такую дерзость надъ фараономъ въ Египтѣ, надъ содомлянами, надъ царями Ахаавомъ, Навуходоносоромъ и другими... Если не умилишься и этими напоминаніями, то хотя бы предложить тебѣ и все писаніе, ты не повѣришь... Не довольно ли того, что я бѣжалъ и оставилъ все,—еще ли угодно твоему благородію, чтобы я бѣжалъ, отрясая прахъ ногъ своихъ ко свидѣтельству въ день судный? Уже не зовусь великимъ государемъ, и какое тебѣ прекословіе творю? Всѣмъ архіерейскимъ обладаетъ рука твоя, судомъ и достояніемъ. Страшно молвить, но терпѣть невозможно: мы слышимъ, что по твоему указу и владыкъ посвящаютъ, и архимандритовъ, и игуменовъ, и поповъ поставляютъ, и въ ставленыхъ граматахъ пишутъ тебя равночестнымъ Св. Духу такъ: «по благодати Св. Духа и по указу великаго государя». Недостаточно Св. Духа, чтобы посвятить, безъ твоего указа. Но кто на Духа Святаго хулитъ, не получитъ прощенія ни въ сей вѣкъ, ни въ будущій... Къ тому же повсюду, по св. митрополіямъ, и епископіямъ, и монастырямъ, безъ всякаго совѣта и благословенія, берешь насиліемъ нещадно вещи движимыя и недвижимыя, и всѣ законы св. отцевъ и благочестивыхъ царей и князей, греческихъ и русскихъ, ты обратилъ въ ничто, даже граматы твоего отца и твои собствен-

ныя. Уложенная книга хотя и по страсти написана, но и тамъ написано: въ монастырскомъ приказѣ сидѣть отъ всѣхъ чиновъ архимандритамъ, игуменамъ, протопопамъ, священникамъ и честнымъ старцамъ, и ты все то упразднилъ; судятъ и насилуютъ мірскіе судьи архіереевъ, архимандритовъ и все духовенство, и ты собралъ великій соборъ вопіющихъ о неправдахъ твоихъ въ день судный. Тогда возстанутъ на тебя и Св. Духъ, котораго ты обезчестилъ, будто благодать безсильна безъ твоего указу, и св. апостолы, и св. отцы всѣхъ соборовъ, и благочестивые цари и князья, которыхъ повелѣнія, правила, узаконенія на пользу церкви ты нарушилъ и всѣ граматы упразднилъ. Данное церкви Божіей и св. монастырямъ въ наслѣдіе вѣчное, недвижимыя вещи, слободы, села, озера, лѣса ты поотнялъ, и Бога себѣ причастникомъ не сотворилъ. За то и Богъ тебя оставилъ и оставитъ, если не покаешься и не возвратишь взятое отъ Божіихъ церквей и монастырей и не утвердишь граматъ, прежде имъ данныхъ. Послушай, какъ вопіетъ на тебя св. церковь за восхищенныя тобою вещи... Ты что̀ ни совершилъ съ Божіею помощію, не воздалъ за то хвалы Богу. Прежніе цари за всякую побѣду воздавали хвалу Богу, иные построили церкви, другіе—монастыри; а ты ничего такого не сотворилъ, но и прежнія церкви и монастыри обнищилъ и ограбилъ, и не Бога прежде прославилъ, но самъ себя выше мѣры превознесъ. Потому и отринулъ тебя Богъ и посрамилъ, и сдѣлались мы поношеніемъ для сосѣдей нашихъ... Ты всѣмъ проповѣдуешь поститься; а нынѣ, невѣдомо, кто не постится; во многихъ мѣстахъ и до смерти постятся, потому что ѣсть нечего и нѣтъ никого, кто бы былъ помилованъ. Нищіе и маломощные,

слѣпые, хромые, вдовицы, чернецы и черницы—всѣ обложены тяжкими данями. Вездѣ плачъ и сокрушеніе, вездѣ стенаніе и воздыханіе, и нѣтъ никого веселящагося въ наши дни. Хотимъ еще повѣдать тебѣ не хитрою рѣчью, отъ Бога ли то было или нѣтъ, слѣдующее: 12 генваря 1661 года былъ я у заутрени въ церкви св. воскресенія; по прочтеніи первой каѳизмы я сѣлъ на мѣсто и немного вздремнулъ. Вдругъ вижу себя въ Москвѣ, въ соборной церкви. Церковь полна пламеннаго огня, изъ людей я никого въ ней не видѣлъ, но увидѣлъ, что всѣ прежніе архіереи встали изъ своихъ гробовъ въ святительскихъ облаченіяхъ и какбы совершали великій входъ въ алтарь; предъ ними несенъ былъ твой большой царскій вѣнецъ и положенъ на краю престола; къ нимъ присоединился и я. Тогда всталъ изъ своего гроба Петръ митрополитъ, подошелъ къ престолу и, протянувъ руку свою чрезъ царскій вѣнецъ, положилъ ее на евангеліе.—тоже сдѣлали и всѣ прочіе архіереи и я,—и началъ говорить: братъ Никонъ! Скажи царю, зачѣмъ онъ преобидѣлъ св. великую церковь, собранныя нами св. недвижимыя вещи безстрашно восхитилъ; это ему не въ пользу. Скажи ему, чтобъ возвратилъ, ибо чрезъ то навелъ на себя великій гнѣвъ Божій: дважды былъ моръ, сколько тысячъ перемерло, все запустѣло, и не съ кѣмъ ему теперь стоять противъ враговъ. Я отвѣчалъ: не послушаетъ меня; хорошо бы, еслибы одинъ изъ васъ ему явился. Петръ продолжалъ: судьбы Божіи не повелѣли тому быть, но скажи ты; а если тебя не послушаетъ, то еслибы кто и изъ насъ явился, и того не послушаетъ. И вотъ ему знаменіе,—и, указывая рукою отъ престола на западъ, сказалъ: смотри. Вижу, западной стѣны

церковной нѣтъ; видѣнъ царскій дворецъ, и огонь, бывшій въ церкви, собрался, устремился на царскій дворъ, и тотъ запылалъ. Если этимъ не уцѣломудрится, прибавилъ Петръ, то приложатся казни Божіи, бо́льшія прежнихъ. А еще одинъ изъ тѣхъ сѣдыхъ мужей сказалъ: вотъ теперь дворъ, который ты купилъ для церковниковъ, царь хочетъ взять и сдѣлать въ немъ торжище мамоны ради своея, но не порадуется о своемъ прибыткѣ; псы будутъ рождать тамъ своихъ щенковъ. Все это было такъ, отъ Бога или мечтаніемъ, не знаю, но только такъ было. Если же кто подумаетъ человѣчески, что я это самъ собою замыслилъ, то сожжетъ меня тотъ огнь, который видѣлъ. Объ этомъ словесно сказано было окольничему Родіону Матвѣевичу Стрѣшневу; но сказалъ ли онъ твоему благородію или нѣтъ, не знаю.... Мы столько терпимъ поруганій отъ твоихъ синклитиковъ! Одинъ изъ нихъ, ругаясь надъ тѣмъ, какъ мы, по примѣру Христа, благословляемъ двумя руками, вздумалъ и самъ благословлять своими проклятыми руками, какъ архіерей, и, бѣснуясь, называетъ себя патріархомъ, по наученію отъ сатаны. И не только самъ благословляетъ, но и пса своего нѣкоего научилъ, дѣйствомъ отца своего сатаны, также благословлять передними ногами. Если ты, вѣдая это, потерпишь такому проклятому и не отмстишь, то гнѣвъ Божій не укоснитъ притти на тебя. А мы ради Христа не только принять поношенія и укоренія, но и умереть готовы». При чтеніи этого письма нельзя не подивиться озлобленію или ослѣпленію Никона. Сколько преувеличеній, неосновательности, неправды въ его словахъ! Какъ будто въ самомъ дѣлѣ онъ удалился съ своей каѳедры потому, что видѣлъ церковь гонимою, и желая положить душу

свою за братію свою! Какъ будто онъ отовсюду былъ гонимъ, отвсюду утѣсняемъ! Какъ будто царь не имѣлъ права судить духовныхъ лицъ даже по гражданскимъ дѣламъ, касавшимся ихъ вотчинъ и земельныхъ владѣній, не имѣлъ права требовать для допросовъ даже монастырскихъ крестьянъ! Какъ будто царь Алексѣй Михайловичъ нарушилъ всѣ правила св. отцевъ, уничтожилъ всѣ граматы, данныя церквамъ и монастырямъ, отнялъ всѣ ихъ имѣнія! Какъ будто онъ за одержанныя побѣды не воздавалъ хвалы Богу! Какъ будто и прежде Алексѣя Михайловича наши владыки ставились не по утвержденію и не по указу великаго государя! И выводить изъ этого, будто бы царь приравнивался св. Духу, поставляющему епископовъ, видѣть въ этомъ хулу на Св. Духа, заключать, что царь самъ ставитъ и архіереевъ, и архимандритовъ, и поповъ—это уже слишкомъ много и произвольно. Утверждать, будто въ Уложеніи написано, чтобы въ монастырскомъ приказѣ засѣдали архимандриты, игумены, протопопы и попы, тогда какъ тамъ этого вовсе не написано, и будто въ монастырскомъ приказѣ мірскіе судьи вообще судятъ и насилуютъ архіереевъ и другихъ духовныхъ особъ, тогда какъ они и ихъ крестьяне судились тамъ только по однимъ исковымъ на нихъ дѣламъ—это совершенно несправедливо. А страшныя угрозы царю казнями Божіими и особенно на всемірномъ судѣ? А это мечтательное сновидѣніе, которымъ также думалъ устрашить царя и которому, какъ самъ сознавался въ письмѣ къ Зюзину, въ Москвѣ только посмѣялись ([236])?

([236]) Относящіеся къ изложенному въ этомъ отдѣлѣ документы напечат. въ Записк. отд. русск. и славян. археолог., II, 532—553. 585.

Высказавъ свое озлобленіе противъ царя, Никонъ не замедлилъ высказать еще болѣе рѣзко озлобленіе свое противъ архіереевъ. Въ 1662 г., въ недѣлю православія, онъ совершалъ литургію въ своемъ воскресенскомъ монастырѣ, и во время обряда православія торжественно проклялъ, или анаѳематствовалъ, стоявшаго тогда во главѣ русской іерархіи крутицкаго митрополита Питирима, — проклялъ за три будтобы вины: «за дѣйство ваія (шествіе на осляти), за поставленіе Меѳодія, епископа мстиславскаго и за досадительное и поносительное къ себѣ слово». Эта анаѳема возмутила всѣхъ въ Москвѣ. Царь потребовалъ мнѣнія по этому дѣлу отъ архіереевъ. Извѣстны письменные отвѣты къ царю митрополитовъ—новгородскаго Макарія и ростовскаго Іоны, архіепископа рязанскаго Іоны, епископовъ—вятскаго Александра и полоцкаго Каллиста. Всѣ они единогласно признали поступокъ Никона несправедливымъ и противоканоническимъ. «Я думаю, писалъ наприм. Каллистъ, что клятва эта суетна и не можетъ вмѣниться въ клятву: потому что изъ трехъ винъ, ради которыхъ она произнесена, ни одна къ тому недостаточна. Дѣйствіе ваія никѣмъ не узаконено изъ св. отцевъ, равно и не запрещено не только митрополитамъ, но и никому изъ священныхъ лицъ: гдѣ правило, дозволяющее это дѣйствіе митрополиту новгородскому и запрещающее сарскому и подонскому? Вторая вина—поставленіе Меѳодія епископа мстиславскаго неблагословная вина: преосвящ. Питиримъ, будучи намѣстникомъ патріаршимъ, поставилъ его на каѳедру праздную, и по единогласному избранію и совѣту всѣхъ архіереевъ великія и малыя и бѣлыя Россіи; а если поставилъ безъ воли старѣй-

шаго архіерея, святѣйшаго Никона патріарха, то потому, что Никонъ оставилъ свой престолъ съ клятвою на него не возвращаться, и отставленъ отъ него соборомъ, такъ что нынѣ онъ не есть старѣйшина архіереямъ и не есть патріархъ московскій, а только архіерей безпрестольный и безобластный. Третья вина—досадительныя и поносительныя слова, если и подлежитъ суду, то суду судей правильно установленныхъ, и по тщательномъ изысканіи; а епископъ, по правиламъ, можетъ быть судимъ не однимъ или двумя епископами, но только всѣмъ соборомъ епископовъ, и Никонъ не въ правѣ былъ поставить, вопреки правилъ, одного себя судіею и мстителемъ въ этомъ дѣлѣ, желая воздать месть за свою досаду. Но еслибы даже вины, взведенныя на Питирима, были достойны клятвы, клятва, произнесенная на него Никономъ, суетна и не можетъ вмѣниться: потому что, по оставленіи имъ каѳедры и по соборномъ отставленіи его отъ каѳедры, онъ—Никонъ не пастырь и не кормчій русской церкви, не можетъ управлять и наказывать. Отчуждился онъ отъ паствы россійскія, отчуждилъ отъ себя престолъ съ премногою клятвою: чужды стали и они ему. Зачѣмъ же творитъ правленіе въ чужой ему области; зачѣмъ хочетъ наказывать тѣхъ, которыхъ пасти вознегодовалъ? Если нынѣ онъ у насъ уже не пастырь, то мы не должны слушать гласа его. И если онъ возопилъ гласомъ клятвеннымъ на преосвящ. Питирима, этотъ гласъ намъ незнаемъ, мы не принимаемъ его, и онъ для насъ нимало не вреденъ». Когда получены были отзывы архипастырей, равно осудившихъ анаѳему, произнесенную Никономъ на митропо-

лита Питирима, послѣдній подалъ царю, 13 окт. 1662 г., челобитную на Никона за эту незаконную клятву ([237]).

Въ этомъ-то году, когда раздраженіе Никона противъ царя и духовенства достигло, казалось, послѣдней степени, явился въ Москвѣ газскій митрополитъ Паисій Лигаридъ, которому суждено было принять важное участіе въ несчастномъ дѣлѣ Никона. Паисій, въ мірѣ Панталіонъ, Лигаридъ родился на островѣ Хіосѣ; воспитывался въ Римѣ подъ руководствомъ іезуитовъ, въ тамошней коллегіи, основанной для грековъ. По окончаніи ученія, возвратился-было на родину съ мыслію о распространеніи римской вѣры; но вскорѣ переселился въ Молдовлахію, и сдѣлался дидаскаломъ ясскаго училища. Здѣсь умѣлъ понравиться іерусалимскому патріарху Паисію, поступилъ въ его свиту и въ 1650 г. принималъ участіе въ извѣстномъ «преніи о вѣрѣ съ греки» старца Арсенія Суханова. По возвращеніи въ Іерусалимъ патріархъ Паисій постригъ Лигаридія или Гордія, 16 ноября 1651 г., въ храмѣ воскресенія Христова, въ монашество, назвавъ Паисіемъ, и отдалъ его подъ начало находившемуся тогда въ Іерусалимѣ старцу Арсенію Суханову. Тотъ же патріархъ не замедлилъ возвести своего соименника Лигарида въ санъ митрополита газскаго, который, однакоже, недолго оставался въ своей разоренной

([237]) Посланіе полоцкаго епископа Каллиста къ царю, писанное въ Полоцкѣ 20 апр. 1662 г., напечатано было кн. М. Оболенскимъ въ брошюрѣ, подъ заглавіемъ: «Новые матеріалы для исторіи слѣдственнаго дѣла надъ патр. Никономъ», стр. 4 — 9. Объ отвѣтѣ епископа вятскаго Александра, поданномъ царю 8 іюля тогоже года на лобномъ мѣстѣ, и о другихъ отвѣтахъ и челобитной Питирима — въ Опис. румянц. музеум., стр. 560—561. Содержаніе этихъ отвѣтовъ можно видѣть въ Матер. для исторіи раскола, I, 183—188.

епархіи, и въ 1656 г. опять очутился въ землѣ волошской, гдѣ и познакомился съ нимъ антіохійскій патріархъ Макарій, возвращавшійся изъ Москвы. Изъ Валахіи Паисій Лигаридъ написалъ письмо къ соотечественнику своему Арсенію греку, служившему при патр. Никонѣ, и выражалъ желаніе побывать въ Москвѣ и видѣть Никона. Никонъ, въ 1 день дек. 1656 г., отвѣчалъ Лигариду: «слышахомъ о любомудріи твоемъ отъ монаха Арсенія, и яко желаеши видѣти насъ, великаго государя: тѣмъ и мы тебе, яко чадо наше по духу возлюбленное, съ любовію пріяти хощемъ; точію, пріемъ сія наша письмена, къ царствующему граду Москвѣ путешествовати усердствуй». И въ тотъ же день написалъ еще четыре письма: къ воеводѣ молдавскому Стефану, къ воеводѣ мутьянскому Константину, и къ митрополитамъ—молдавскому Гедеону и угровлахійскому Стефану, чтобы они отпустили Паисія Лигарида въ Москву съ любовію, и снабдили всѣмъ потребнымъ на дорогу ([238]). Неизвѣстно, почему не состоялась тогда поѣздка къ намъ Лигарида: она состоялась только спустя болѣе шести лѣтъ, когда Никонъ не былъ уже великимъ государемъ. Въ 12 день февраля 1662 г. прибылъ въ Путивль, какъ извѣщали царя мѣстные воеводы, «изъ Іерусалима газскаго предтечева монастыря митрополитъ Паисій, а съ нимъ архимандритъ его Леонтій, успенскій игуменъ Пахомій, архидіаконъ Неофитъ, троицкаго монастыря келаря Арсенія (т. е. Суханова), что

([238]) *Горск.* Нѣсколько свѣдѣній о Паисіѣ Лигаридѣ до прибытія его въ Россію—въ Прибавл. къ Тв. св. отц. XXI, 133; нашей исторіи р. церкви. XI; *Суханов.* Проскинит., стр. 60. Письма Никона къ Лигариду и другимъ названнымъ лицамъ — въ Подлин. дѣлѣ Никона, свит. 1, по списку москов. дух. акад., стр. 5—11.

живетъ на Москвѣ, племянникъ его греченинъ Юрья, да толмачъ Христофоръ, да митрополичьихъ спѣвакъ четыре человѣка». Съ митрополитомъ пріѣхали также четверо русскихъ плѣнныхъ, изъ которыхъ двухъ выкупилъ онъ самъ въ Яссахъ у татаръ, заплативъ тысячу ефимковъ. Паисій объявилъ, что идетъ бить челомъ о милостынѣ по царскому указу. Паисій со всею своею свитой былъ пропущенъ въ Москву, и 9 апрѣля представлялся государю, поднесъ ему модель гроба Господня, іорданскую воду, іерусалимскія свѣчи, и получилъ отъ него жалованья: кубокъ серебряный, камку, 40 соболей и тридцать рублей деньгами. Вскорѣ Паисій подалъ челобитную, въ которой говорилъ, что его небольшая епархія газская терпитъ крайнія притѣсненія отъ турокъ, и что онъ, не желая болѣе переносить эти насилія договорился давать выкупу за своихъ христіанъ ежегодно по 500 ефимковъ съ условіемъ, чтобы турки не тѣснили тѣхъ христіанъ и не обращали ихъ въ свою вѣру, а его самого не выгоняли изъ епархіи. Государь приказалъ выдать Паисію еще сто рублей деньгами да на 50 руб. соболями изъ сибирскаго приказа. Услышалъ о пріѣздѣ Лигарида и патріархъ Никонъ, и прислалъ къ нему Арсенія грека съ слѣдующимъ привѣтствіемъ: «пріѣзду митрополита газскаго и брата своего по духу бывшій патріархъ Никонъ очень и очень радуется; онъ уповаетъ, что тобою все придетъ къ глубочайшему миру и рушится средостѣніе, возникшее между царемъ и патріархомъ». Паисій принялъ съ удовольствіемъ эти привѣтственныя слова и въ вѣжливыхъ выраженіяхъ отвѣчалъ патріаршему послу (239).

---

(239) Моск. главн. архив. м. и. д., дѣла греч., связк. 40, № 11; *Паисія Лигарида*—О соборѣ, бывшемъ въ Москвѣ на Никона, ч. I, гл. XII.

Спустя около двухъ мѣсяцевъ со времени прибытія Паисія Лигарида въ Москву, онъ, въ самый день пятидесятницы, подалъ, по дѣлу Никона, письмо на имя государя, и убѣждалъ его ревностнѣе заняться этимъ дѣломъ для блага церкви и государства. «Патріаршее достоинство, писалъ Паисій, превышаетъ всѣ прочія, и потому всѣ признаютъ крайне непристойнымъ, что такое высокое сѣдалище впродолженіе четырехъ лѣтъ остается обнаженнымъ и безъ своего украшенія. Дѣло неслыханное, чтобы патріаршая церковь столь долгое время пребывала въ затмѣніи, подобно лунѣ, и лишена была своего законнаго пастыря, какъ вдовица, не имѣющая мужа. Позволительно разсуждать такъ: если Никонъ дѣйствительно обремененъ преступленіями, то опредѣленіемъ собора, какъ недостойный, да извержется, ибо за преступленіемъ слѣдуетъ наказаніе; если же онъ окажется невиннымъ и не подлежащимъ никакому осужденію, тогда пусть свободно возвратится на свою каѳедру, совершенно оправданный, и такимъ образомъ положится конецъ замѣшательству. Россія сдѣлалась позорищемъ для всего міра, и всѣ народы ожидаютъ видѣть развязку этой трагикомедіи. Ктому же да обнаружится невинность и правда: ибо доселѣ еще носится ложный слухъ, будто патріархъ Никонъ бѣжалъ по причинѣ угрожавшей ему опасности тайнаго убійства и вслѣдствіе открывшагося тиранскаго заговора. Такая молва наноситъ великое безчестіе всему государству укоризною въ отцеубійствѣ, и обвиняетъ, прежде всего, ваше царское величество, потомъ сенатъ и весь народъ въ такомъ смертномъ грѣхѣ, о которомъ и подумать страшно... Такимъ-то сужденіямъ и клеветѣ иностранцевъ подвергаешься ты, Алексѣй, человѣкъ Божій, изъ-за

одного Никона, осыпаннаго твоими милостями и благодѣяніями. Но я вижу уже, что медъ превращенъ въ соль и прекрасное вино въ оцетъ безпримѣрною неблагодарностію. Остается, какъ можно скорѣе, снестись съ цареградскимъ патріархомъ и подробно увѣдомить его, какъ вселенскаго, обо всемъ, чтобы онъ могъ произнести правильное сужденіе въ такомъ важномъ дѣлѣ, отъ котораго чрезвычайно страдаетъ слава всего царства... Донесеніе же къ патріарху должно быть написано на греческомъ языкѣ, чтобы удобнѣе могло быть понято безъ помощи переводчика и тайны вашего величества не разгласились между многими разномыслящими». Въ концѣ письма Паисій сдѣлалъ приписку: «садъ, запертый для алчущихъ, и источникъ, запечатанный для жаждущихъ, какбы не существуютъ. Говорю къ тому, что давно уже извѣстно о собраніи вашимъ величествомъ изъ разныхъ библіотекъ многихъ превосходныхъ книгъ. Посему нижайше прошу дозволить мнѣ свободный входъ для разсмотрѣнія и чтенія тѣхъ греческихъ и латинскихъ кодексовъ» (240).

Патріарху Никону кѣмъ-то была сообщена копія съ этого письма Паисіева, и онъ отправилъ къ Паисію длинную грамату на славянскомъ языкѣ, которую перевелъ для него на латинскій языкъ учитель Епифаній Славеницкій и которую мы представимъ, по возможности, въ сокращеніи. «Нетайно для насъ, говорилъ патріархъ, что твое преосвященство

---

(240) Въ граматѣ ясно сказано, что патріаршее сѣдалище обнажено, въ продолженіе уже *четырехъ* лѣтъ, а не пяти; слѣд. грамата писана въ 1662, а не въ 1663 г., какъ показано въ изданіи ея (Собр. государств. граматъ, IV, № 28).

написалъ къ царскому величеству о нынѣшнемъ нужномъ дѣлѣ. Но я лучше сообщу тебѣ вѣдомость, что и какъ происходило отъ начала. Милостію Св. Духа наше смиреніе посажено на патріаршемъ престолѣ согласно съ постановленіемъ, бывшимъ во дни благочестиваго царя Ѳедора Ивановича и утвержденнымъ всѣми четырьмя вселенскими патріархами и иными преосвященными архіереями. Шесть лѣтъ сидѣли мы на патріаршемъ престолѣ московскомъ и были согласны во всемъ съ милостивымъ царемъ нашимъ, кромѣ церковнаго суда. Царское величество, вопреки правилъ св. соборовъ и св. отцевъ, пріялъ себѣ власть судить насъ самихъ и иныхъ преосвященныхъ, митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ, монастыри и весь чинъ церковный. Да на что лучшее свидѣтельство? Ты и самъ видишь на Москвѣ, какъ приближается тиранское разореніе церкви, какъ, по царскому указу, мірскіе люди судятъ насъ самихъ и всѣхъ архіереевъ. Въ іюлѣ 1658 г., когда царь устроилъ пиръ для грузинскаго царевича, одинъ изъ вельможъ ударилъ нашего стряпчаго, и царь не наказалъ виновнаго, несмотря на нашу просьбу; 8 іюля царь не пришелъ, противъ обычая, ни ко всенощной, ни къ обѣднѣ, въ казанскую церковь, разсердившись на меня; 10-го іюля также не пришелъ въ соборную церковь, а только прислалъ ко мнѣ въ келію одного князя съ неприличными словами и съ безчестіемъ. И мы, слыша похвалку, вздумали дать мѣсто гнѣву, и, окончивъ литургію, послали ключаря съ извѣщеніемъ государю, что мы отходимъ ради его несправедливой ярости, слѣдуя евангельскому слову: когда будутъ васъ *обижать* въ томъ градѣ, бѣгите въ другой, отрясая прахъ отъ ногъ вашихъ. Царь прислалъ въ церковь

вельможу съ тѣмиже позорными словами, какъ и прежде. И мы вышли, и пробыли здѣсь въ воскресенскомъ монастырѣ годъ и два мѣсяца, и терпѣли недостатокъ въ харчахъ, и отошли въ другой монастырь и въ третій, который находится на морѣ, и въ томъ пристанищѣ жили годъ. Тогда царь собралъ власти и, ничего не сказавъ имъ, какъ произошло мое отшествіе съ престола, велѣлъ написать на меня нѣкоторымъ изъ живущихъ въ его палатахъ лживыя свидѣтельства, а иныхъ мученіями заставилъ говорить о мнѣ, что я добровольно оставилъ престолъ свой; епископамъ, архимандритамъ, игуменамъ далъ дары, чтобы, не спросивъ моего отвѣта, почему я отъѣхалъ, всѣ подписали противъ меня свои руки, вопреки правиламъ. По 16 правилу двукратнаго собора, епископъ, удалившійся изъ своей епархіи и пребывающій вдали отъ нея болѣе шести мѣсяцевъ, безъ благословной причины, долженъ быть чуждъ епископскаго достоинства. А мой отъѣздъ не таковъ, но, кажется, учиненъ по евангелію, гдѣ говорится, что и самъ Христосъ отходилъ отъ ярости жидовской, и Павелъ изъ Дамаска и Петръ изъ темницы ушли. Но вотъ епископы, которые обвинили меня по тому правилу, сами достойны изверженія: потому что они больше шести мѣсяцевъ прожили въ Москвѣ на соборѣ противъ меня. Они не должны были слушать царя и приходить безъ нашего повелѣнія, какъ и обѣщались въ своей архіерейской присягѣ не слушаться въ такихъ случаяхъ царя, хотя бы и смертію претилъ; да мало не всѣ они отъ меня поставлены. Мы въ иные уѣзды и паствы не отходили по сіе время (а иверскій и крестный монастыри развѣ не въ иныхъ уѣздахъ?), но живемъ въ нашихъ московскихъ паствахъ, хотя недавно вели-

кое гоненіе и жестокую угрозу объявилъ намъ отъ царскаго величества окольничій Родіонъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ, сказавъ, что царь не хочетъ больше терпѣть. А мы предъ царемъ не знаемъ никакой вины, кромѣ того, что пишемъ къ нему на его неправды: онъ довелъ до убожества монастыри, разорилъ церкви и, безъ нашего благословенія, отнимаетъ у нихъ помѣстья. Самъ вижу, что на Москвѣ, безъ избранія архіерейскаго, поставляются епископы, архимандриты, игумены по царскому указу, и кого мы властію, намъ данною, вяжемъ, тѣхъ царь велитъ развязывать и ходитъ съ ними на молитву. Если я проклялъ крутицкаго митрополита и Симеона Стрѣшнева, думнаго мужа (значитъ. Никонъ тогда уже исполнилъ свою угрозу), то не безъ причины. Крутицкій въ недѣлю ваій незаконно ѣздилъ на осляти; поставилъ, только по царскому указу, епископа въ епархію кіевской митрополіи, подвластной цареградскому патріарху, и во время поставленія сидѣлъ на патріаршемъ мѣстѣ; правитъ тремя епархіями— патріаршескою, суздальскою и своею крутицкою, въ которой со времени своего поставленія ниразу не былъ; подсылалъ злаго человѣка, чтобы отравить насъ. Думный Стрѣшневъ проклятъ за то, что нѣкоторую собаку, подобную ему, научилъ благословлять обѣими ногами. Трехъ иноковъ проклялъ (это было уже по оставленіи Никономъ каѳедры) за то, что они наругаются надъ исповѣданіемъ православной вѣры, которое прислалъ намъ Паисій, патріархъ цареградскій, и въ св. литургіи поступаютъ противъ того, что мы правили думою и благословеніемъ святѣйшихъ патріарховъ. Ты пишешь о книгахъ, до царскаго величества, собранныхъ изъ многихъ странъ, что онѣ лежатъ запертыми безъ употребленія: эти книги собраны

не царскою волею, а нашимъ радѣніемъ, и отвезены теперь въ наши дальніе монастыри. Будь здоровъ и не забывай насъ въ своихъ молитвахъ»([241]). Никонъ, очевидно, старался изложить и даже извратить событія въ свою пользу.

Паисій, какъ самъ говоритъ, «не безъ царскаго приказанія», отвѣчалъ Никону (отъ 12 іюля): «растерзалъ ты сердце мое твоимъ апологическимъ посланіемъ, достоуважаемый патріарше! Оно содержитъ въ себѣ изящно изложенную драму твоихъ славныхъ подвиговъ и страданій, за которые воздастъ тебѣ Господь мзду достойную въ день воздаянія. Но, стоя промежъ двухъ сражающихся, не знаю, куда мнѣ обратиться: никто не можетъ служить двумъ господамъ. Скажу безъ лести: Алексѣй и Никонъ, самодержецъ и патріархъ, одинъ ежедневно милуетъ, другой и молится и благословляетъ... Богъ дозволилъ человѣку въ раю дать имена всѣмъ тварямъ, но не дозволилъ ему дать имя самому себѣ: потому что онъ наименовалъ бы себя не Адамомъ перстнымъ, а Всевышнимъ. По истинѣ корень всѣхъ золъ—самолюбіе. Съ тѣхъ поръ, какъ твое блаженство приняло титло великаго государя, возрасли изъ земли и плевелы... Нехорошо многовластіе: да будетъ одинъ властитель, одинъ царь. Справедливо жалуешься на побіеніе твоего слуги; но, блаженнѣйшій, какъ не всякій слуга царскій представляетъ царя, такъ и не всякій патріаршій слуга представляетъ собою патріарха... О еслибы не было твоего бѣгства, причинившаго столько несогласія. Ты ушелъ безъ привѣта,

([241]) Списокъ граматы патр. Никона къ Паисію—въ рукоп. сборн. воскресенск. новоіерусал. монастыря № 175, л. 379 об.—382. Къ сожалѣнію, это списокъ позднѣйшій и малоисправный.

полный гнѣва и волненія... Будь самъ себѣ судьей и скажи, былъ ли кто патріархомъ, оставаясь внѣ патріархіи столько времени? Возведи окрестъ очи твои и воззри на чадъ своихъ, нуждающихся въ патріаршемъ водительствѣ. Доколѣ оставляешь въ забвенія паству свою? Доколѣ будешь гнѣваться?.. Послушай словъ моихъ и соединись съ своими членами: ни церкви, ни царству, ни тебѣ нѣтъ пользы, что ты остаешься вдали отъ каѳедры вопреки правилъ... Четыре патріарха ожидаютъ узрѣть конецъ сей распри: Москва, столица, сдѣлалась позорищемъ для ангеловъ и человѣковъ. Но ты говоришь, что противъ тебя былъ мѣстный соборъ, который положилъ неправедное отрѣшеніе? А развѣ Аѳанасій и Златоустъ не были оклеветаны?... Жалуешься на Крутицкаго, что ѣхалъ онъ на жребяти, когда это тебѣ одному позволено: но я слышу, что и новгородскій, и казанскій, и сибирскій архіереи, въ праздникъ вай, возсѣдаютъ на жребяти. А въ твое отсутствіе надлежало и въ Москвѣ совершить это Крутицкому, который общимъ и царскимъ приговоромъ назначенъ твоимъ намѣстникомъ—епитропомъ... Но перехожу къ главнѣйшей изъ твоихъ жалобъ: царь, говоришь, вѣдаетъ церковныя дѣла, избираетъ архимандритовъ, устроилъ монастырскій приказъ, беретъ съ монастырей, сколько ему угодно. Да, вѣдь, все это и другое подобное ты найдешь и въ св. писаніи, какъ права и обычныя дѣйствія царей... Царю свойственно судить другихъ, но не быть судиму другими. Не таковъ архіерей: онъ и судитъ и судимъ бываетъ, свидѣтельствуетъ и на него свидѣтельствуютъ... Никто да не называетъ царя нашего, эту опору народную, унаслѣдовавшаго преемственно отъ предковъ свою власть съ явственными правами, тира-

номъ: этотъ, въ высшей степени, христіанскій государь милуетъ всѣхъ щедро и, подобно Титу, прозванному любовію, раздаетъ благодѣянія... Ты можешь похвалиться, Никонъ почтеннѣйшій, что онъ часто посѣщалъ твою келью; онъ предстоялъ тебѣ съ такимъ смиреніемъ и почтеніемъ, что бояре соблазнялись неразъ объ униженіи царскаго достоинства... Вспомни всѣ его милости, патріархъ, какъ изъ архимандритовъ возвелъ онъ тебя въ митрополиты и на этотъ завидный патріаршій престолъ... Тебѣ недоставало только одного — называться царемъ-отцемъ. Возведи, блаженнѣйшій, молитвенныя руки твои къ Господу и молись о Самодержцѣ нашемъ и о всемъ народѣ, и изъ-за мелочныхъ поводовъ не прибѣгай къ отлученіямъ и проклятіямъ... Прости намъ, если мы въ чемъ либо погрѣшили: всѣмъ извѣстно, что ты филэллинъ и одѣяніемъ, и обычаемъ, и почетомъ... Будь здравъ и долгоденственъ» (242).

Прочитавъ посланіе Паисія, Никонъ не отвѣчалъ ему ни слова, а сказалъ: «отдаюсь на судъ папы», — сказалъ не потому, будтобы былъ единомысленъ съ папою, а потому только, что зналъ правила сардикійскаго собора (3, 4 и 5), которыми дозволялось обвиняемымъ епископамъ, въ случаѣ недовольства ихъ рѣшеніемъ мѣстнаго собора, обращаться съ апелляціею къ папѣ, хотя эти правила относились собственно къ епископамъ сардикійской церковной области, находившейся въ подчиненіи папѣ, но вовсе не относились къ епископамъ другихъ церковныхъ областей, под-

(242) Все посланіе помѣщено у *Лигарида*,—О соборѣ, бывшемъ въ Москвѣ на Никона, ч. I, гл. XII. Списокъ этого посланія въ славянскомъ переводѣ есть въ Спб. государств. архивѣ, № 72.

чиненныхъ инымъ патріархамъ. Слова Никона произвели, однакоже, большую тревогу въ Москвѣ, тѣмъ болѣе, что онъ прислалъ Паисію самую выписку изъ правилъ о папскомъ судѣ. Спустя нѣсколько дней Паисій позванъ былъ въ патріаршую палату на соборъ для разбора заявленія Никонова объ апелляціи къ папѣ и для изслѣдованія, когда русскіе сдѣлались христіанами и откуда пришла къ нимъ св. вѣра. Русскіе, безъ сомнѣнія, знали изъ своихъ лѣтописей, что они приняли вѣру съ востока, а не съ запада. Но Паисій началъ рѣшать вопросъ на основаніи греческихъ лѣтописей, привелъ свидѣтельства изъ Куропалата, Кедрина, Зонары, Никифора Каллиста о самыхъ первыхъ крещеніяхъ русскихъ изъ Византіи и свидѣтельства Матвѣя Властаря, что Русь отъ начала причислялась къ ѳракійскому діэцезу византійскаго патріархата и постоянно находилась подъ властію цареградскаго патріарха. Отсюда для всѣхъ сдѣлалось очевиднымъ, что Никонъ не имѣетъ ни малѣйшаго права обращаться къ суду папы. Съ этого времени молва о Паисіѣ Лигаридѣ, какъ ученомъ человѣкѣ, разнеслась по всему царскому дворцу, и Паисій очень часто былъ приглашаемъ членами царскаго синклита для совѣщаній по дѣлу Никона. Одинъ изъ этихъ знатныхъ бояръ, приходившійся дядею царю по матери, Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ, проклятый Никономъ, предложилъ Паисію на бумагѣ до 30 вопросовъ, касавшихся Никона, съ тѣмъ, чтобы Паисій далъ на нихъ отвѣты самому великому государю-царю чрезъ него—боярина Стрѣшнева. И Паисій, 15 августа, слѣд. спустя только мѣсяцъ съ небольшимъ послѣ своей переписки съ Никономъ, прислалъ Стрѣшневу письмо и вмѣстѣ свои отвѣты. Въ письмѣ Паисій говорилъ, призы-

вая Бога во свидѣтеля, что не хотѣлъ бы начинать этого дѣла, которое неизбѣжно поведетъ его къ столкновенію и непріязни съ патр. Никономъ, но, по самому своему призванію, чувствуетъ себя обязаннымъ возвѣщать истину, и выражалъ сожалѣніе, что не знаетъ русскаго языка, а долженъ довольствоваться плохими переводчиками. Царскій толмачъ, Стефанъ, перевелъ отвѣты Паисіевы на славянскій языкъ (переводъ очень плохъ и теменъ); многіе охотно ихъ списывали и, наконецъ, отвѣты попали въ руки Никона ([243]) Никонъ поспѣшилъ написать на нихъ цѣлую, огромную книгу, подъ заглавіемъ: «Возраженіе или разореніе смиреннаго Никона, Божіею милостію, патріарха, противъ вопросовъ боярина Симеона Стрѣшнева, еже написа газскому митрополиту Паисію Лигаридіусу, и на отвѣты Паисіевы». Прослѣдимъ содержаніе этой книги, изъ которой познакомимся вмѣстѣ съ вопросами Стрѣшнева и отвѣтами Паисія, и такимъ образомъ узнаемъ, въ чемъ обвиняли тогда Никона, и какъ онъ оправдывался. (Книга содержитъ въ себѣ, по списку воскресенскаго новоіерусалимскаго монастыря, XVII в., 955 листовъ въ 4-ку).

«Въ предисловіи вашемъ,—такъ начинаетъ Никонъ предисловіе своей книги,—написано: *рече Господь нашъ: азъ есмь путь, истина и животъ.* Зачѣмъ же, начавъ отъ истины, вы написали все неистинно, какъ будетъ доказано впереди, и вы узнаете, что вы *отца вашего діавола есте*, который

([243]) *Лигарид.* О соборѣ на Никона, ч. I, гл. XIII—XV. Письмо Паисія къ Стрѣшневу, отъ 15 авг. 1662 г., помѣщено въ началѣ отвѣтовъ Паисія, которые, въ оригиналѣ, находятся въ государств. архивѣ въ С.-Петербургѣ. См. Опис. румянц. музеум., стр. 562. А о присланной Паисію Никономъ выпискѣ изъ правилъ относительно папскаго суда—см. далѣе въ примѣч. 251.

въ истинѣ не стоитъ, яко ложь есть и отецъ лжи». Послѣ того, обращаясь къ Стрѣшневу, Никонъ замѣчаетъ, что онъ не долженъ былъ лжесвидѣтельствовать и осуждать ближняго, но позаботился бы прежде исправить свои согрѣшенія, и приводитъ на то цѣлый рядъ текстовъ изъ Евангелія. А обращаясь къ Паисію, говоритъ, что онъ дѣйствительно призванъ, какъ самъ выразился въ письмѣ къ Стрѣшневу, возвѣщать и проповѣдывать истину, но призванъ учить и проповѣдывать только въ своей епархіи, а отнюдь не въ чужихъ, и въ доказательство приводитъ множество правилъ изъ кормчей, вмѣстѣ съ толкованіями на нихъ, иныя даже въ двоякомъ переводѣ, также отрывки изъ толковаго евангелія, изъ недѣльныхъ церковныхъ поученій, хотя, по правдѣ сказать, все это строго не относилось къ Паисію: такъ какъ онъ, когда писалъ отвѣты на вопросы Стрѣшнева, вовсе не училъ вѣрѣ и не проповѣдывалъ въ чужой епархіи. «Да еслибы, продолжаетъ Никонъ къ Паисію, я и былъ виновенъ въ какихъ либо прегрѣшеніяхъ, то не тебѣ одному творить судъ или отвѣтъ о мнѣ, потому что самъ ты ничего отъ меня не видѣлъ и не слышалъ...; ты повѣрилъ, вопреки правилъ, клеветѣ одного непреподобнаго мужа, хотя и синклитика, притомъ человѣка проклятаго», — и приводитъ новый рядъ правилъ, указывающихъ, что не должно принимать свидѣтельства на епископа отъ еретиковъ, людей отлученныхъ и порочныхъ и вообще отъ мірянъ безъ разслѣдованія (л. 1—17).

По первому вопросу Стрѣшнева и отвѣту Паисія, Никонъ обвинялся въ томъ, что, при возведеніи его на патріаршество, онъ въ другой разъ былъ рукоположенъ во епископа, а потому, на основаніи 68-го апостольскаго правила, долженъ быть

изверженъ. Никонъ отвѣчалъ: я не своею волею взошелъ на патріаршій престолъ, но по избранію собора и царя, и не мнѣ надлежало тогда дѣлать розысканіе, слѣдуетъ ли меня вновь рукоположить, а рукополагавшимъ. Впрочемъ, таковъ уставъ имѣетъ св. соборная церковь, много разъ засвидѣтельствованный вселенскими патріархами. Не я одинъ рукоположенъ дважды, а и прежде всѣ наши епископы вновь рукополагались, при возведеніи ихъ на митрополію или на патріаршескую каѳедру. Патріархъ Іовъ рукоположенъ былъ трижды: сперва на коломенскую епископію, потомъ на митрополію, наконецъ на патріаршество, и въ послѣдній разъ рукоположенъ святѣйшимъ Іереміею, вселенскимъ патріархомъ. Гермогенъ—дважды: на казанскую митрополію и на патріаршество. Филаретъ—дважды: на ростовскую митрополію и на патріаршество, и въ послѣдній разъ рукоположенъ іерусалимскимъ патріархомъ Ѳеофаномъ. Іоасафъ и Іосифъ — также по дважды, какъ потомъ и я. Если меня хотите извергнуть, то извергните прежде вселенскаго патріарха Іеремію, предавшаго намъ такой уставъ, и прочихъ патріарховъ, подписавшихъ тотъ уставъ; извергните также патріарха іерусалимскаго Ѳеофана, а съ ними извергните и всѣхъ, рукоположенныхъ отъ нихъ, какъ изверженныхъ (л. 17—23).

По второму вопросу и отвѣту обвиняли Никона въ томъ, что онъ запретилъ исповѣдывать и причащать разбойниковъ, осуждаемыхъ на смерть. Никонъ, рѣзко упрекнувъ Стрѣшнева за то «проклятое безчинство», что онъ пріучилъ своего пса благословлять передними ногами, а также за то, что вздумалъ вопрошать «суемудреннаго беззаконнаго пришельца», отвѣчалъ: я разослалъ по всѣмъ городамъ граматы, чтобы

разбойники покаялись, прежде нежели будутъ пойманы и взяты; а о томъ, чтобы пойманныхъ на разбоѣ исповѣдывать и причащать, я нигдѣ не нашелъ правила. Господь сказалъ: *ядый мою плоть и піяй кровь во мнѣ пребываетъ, и азъ въ немъ.* Ктожъ осмѣлится удостоить человѣка причастія и потомъ казнить? Къ этому Никонъ присоединилъ нѣсколько правилъ, которыми убійцамъ запрещалось причастіе на двадцать лѣтъ и повелѣвалось преподавать причастіе съ разсужденіемъ только достойнымъ. Здѣсь Никонъ, очевидно, не нашелъ возможности оправдать себя (л. 23—26).

По третьему вопросу и отвѣту обвиняли Никона въ томъ, что онъ, во время священнослуженій, украшался богатыми облаченіями, смотрѣлся въ зеркало, расчесывался щеткой. Никонъ отвѣчалъ: украшаться іереямъ для богослуженія установлено отъ Бога еще въ ветхомъ завѣтѣ; а зеркала и щетки устроены въ церкви до насъ прежде бывшими патріархами, Іовомъ и другими; мы только не разоряемъ, да и всѣ тоже творятъ: что тутъ беззаконнаго? Если, по 16 правилу седмаго вселенскаго собора, епископы и клирики, украшающіе себя пышными одеждами, должны исправиться, то намъ всѣмъ слѣдуетъ начать это исправленіе (л. 26—28).

На четвертое обвиненіе Стрѣшнева и Паисія противъ Никона, что онъ и по отреченіи отъ каѳедры рукополагаетъ священниковъ и дьяконовъ, Никонъ далъ странный и уклончивый отвѣтъ, и именно сказалъ: «кто свидѣтельствуетъ на меня, будтобы мнѣ не должно рукополагать, пусть прочтетъ 36 правило 6 вселенскаго собора», и привелъ самое правило и толкованіе на него. А въ правилѣ написано: «опредѣляемъ, да имѣетъ престолъ константинопольскій равныя преимущества

съ престоломъ древняго Рима, будучи вторымъ по немъ; послѣ же онаго да числится престолъ великаго града Александріи, потомъ престолъ антіохійскій, а за симъ престолъ града Іерусалима»,—и только (л. 28).

По пятому вопросу и отвѣту обвиняли Никона въ томъ, что онъ самъ отрекся отъ своей каѳедры, и хотя это отреченіе было не письменное, а словесное, но оно произнесено было всенародно въ церкви, потому имѣетъ полную силу, самъ сложилъ съ себя предъ всею церковію святительскія ризы. Никонъ сначала укоряетъ обоихъ своихъ противниковъ: Стрѣшнева за то, что онъ лично не былъ свидѣтелемъ событія, о которомъ свидѣтельствуетъ, а Паисія за то, что онъ «лицемѣръ и зломысленный», повѣрилъ клеветнику, да притомъ проклятому, которому законы запрещаютъ вѣрить, и въ отвѣтѣ своемъ прибавилъ еще отъ себя такое, о чемъ не было въ вопросѣ. Потомъ разсказываетъ, что дѣло происходило такъ: царь, при избраніи насъ на патріаршество, далъ клятвенное обѣщаніе предъ Богомъ и всѣми святыми хранить непреложно заповѣди евангелія, св. апостоловъ и св. отцевъ, и пока онъ пребывалъ въ своемъ обѣщаніи, повинуясь св. церкви, мы терпѣли. А когда царь измѣнилъ своему обѣщанію и на насъ положилъ гнѣвъ неправедно, мы, 10 іюля, совершивъ во св. великой церкви божественную литургію и засвидѣтельствовавъ предъ Богомъ и всѣми святыми о напрасномъ государевомъ гнѣвѣ, вышли, по заповѣди евангельской, изъ града Москвы, отрясли прахъ отъ ногъ нашихъ, и тогда же письменно извѣстили царя, что уходимъ ради его неправеднаго гнѣва, и что онъ дастъ за все отвѣтъ предъ Богомъ. Ктожъ укоритъ меня, что я поступилъ вопреки волѣ Божіей,

а не по правдѣ, и какое тутъ отреченіе? А если мы, по окончаніи обѣдни, свергли съ себя патріаршескія ризы, то у насъ такой обычай: по совершеніи литургіи, всѣ совлачаются отъ свящ. ризъ. А у васъ, беззаконный толковниче, развѣ не совлачаются? Желая оправдать себя въ томъ, что засвидѣтельствовалъ предъ Богомъ и всѣми святыми о неправедномъ гнѣвѣ государевомъ и потомъ удалился изъ Москвы, Никонъ привелъ множество примѣровъ, какъ ветхозавѣтные пророки и другіе праведники свидѣтельствовались по разнымъ случаямъ или Богомъ или небомъ и землею, а еще болѣе примѣровъ, какъ самъ Христосъ, апостолы и святые уклонялись и убѣгали отъ угрожавшихъ имъ бѣдствій (л. 28 об.—38 об.). Тутъ Никонъ измѣнилъ истинѣ: ложно истолковалъ совлеченіе имъ съ себя патріаршихъ ризъ и совершенно отвергъ то, что сказалъ въ церкви предъ народомъ: не буду болѣе вашимъ патріархомъ.

Шестый вопросъ и отвѣтъ не относились прямо къ обвиненію Никона. Вопросъ былъ: согрѣшили ли архіереи, что не возбранили Никону такого злаго дѣла? Отвѣтъ: если ихъ спрашивали, и они не возбранили, то согрѣшили; а если не спрашивали, то не согрѣшили: виновенъ одинъ Никонъ,—при чемъ Паисій привелъ слова Климента о Богѣ: «никто не обрѣтается здѣсь безъ Его свѣта, но всѣ принимаютъ Его свѣтлости, всякъ богатѣетъ Его милостію». Никонъ отвѣчалъ: «не должно судить о томъ, что намъ неизвѣстно», и привелъ нѣсколько текстовъ изъ Евангелія. А затѣмъ напалъ на Паисія: «не нашелъ ты, что сказать отъ св. догматовъ, а какъ самъ явился изверженнымъ, противорѣча правымъ уставамъ св. апостолъ и св. отецъ, такъ и отвѣты творишь отверженными законами, на-

писанными Климентомъ. Шестой вселенскій соборъ отвергъ поврежденныя апостольскія заповѣди, преданныя Климентомъ: какъ же осмѣлился ты развращать законы шестаго вселенскаго собора и вводить зловѣрныя, еслибы ты не былъ, окаянный, и самъ зловѣренъ?» Никонъ привязался къ одному имени Климента, а въ словахъ его, приведенныхъ Паисіемъ, нѣтъ никакого зловѣрія, никакого закона (л. 38 об.—40).

На седьмой вопросъ Стрѣшнева: «не добро ли было бы созвать соборъ по дѣлу патріарха, чтобы не случилось какого соблазна или замѣшательства въ царствѣ?»—Паисій отвѣчалъ ссылкою на 37-е правило апостольское: «дважды въ году да бываетъ соборъ епископовъ и да разсуждаютъ они другъ съ другомъ о догматахъ благочестія и *да разрѣшаютъ случающіяся церковныя прекословія*». Никонъ сказалъ: да не одно 37-е правило апостольское, есть много и другихъ правилъ о созываніи соборовъ,—и дѣйствительно привелъ цѣлый рядъ такихъ правилъ, съ толкованіями на нихъ. Но ниодно изъ этихъ правилъ, продолжалъ Никонъ, не предоставляетъ епископамъ судить своего патріарха, кромѣ тѣхъ случаевъ, если онъ станетъ вводить что либо новое на развращеніе церкви, какъ вводишь ты, отвѣтотворче, новые законы изъ отреченныхъ книгъ, за что̀, по правиламъ, и долженъ быть изверженъ, подобно Максиму Кинику. Напротивъ, есть правила, что и митрополита своего не могутъ судить епископы, а можетъ судить его только патріархъ цареградскій: эти правила, съ толкованіями, затѣмъ и приведены (л. 41—52).

На осмой вопросъ: можетъ ли самъ царь созвать соборъ, безъ повелѣнія патріаршаго?—былъ отвѣтъ: можетъ, по примѣру древнихъ благочестивыхъ царей. *Никонъ:* нигдѣ нѣтъ

такого правила; въ правилахъ говорится только: собираются соборы, а не собираетъ царь или кто другой. Древніе благочестивые цари собирали соборы, но только «умоленіемъ, а не повелѣніемъ и не принужденіемъ» (л. 52).

Въ отвѣтѣ на девятый вопросъ Паисій написалъ: такъ какъ Никонъ вмѣнилъ ни во что соборъ, бывшій на него въ Москвѣ, и назвалъ іудейскимъ сонмищемъ, то за такое неуваженіе къ собору долженъ быть проклятъ, какъ еретикъ,— ибо Григорій двоесловъ почиталъ четыре вселенскіе собора наравнѣ съ четырьмя евангеліями. *Никонъ:* соборъ, созванный не по св. правиламъ, не есть соборъ. Были соборы, по приказанію царскому, на Іоанна Златоуста, на митрополита Филиппа, но то не соборы, а сонмища (за симъ приводится много текстовъ, кого Господь признаетъ своими). Я не вселенскій соборъ назвалъ сонмищемъ, но соборъ тѣхъ, которыхъ собралъ царь и задарилъ, чтобы они говорили все, что онъ хотѣлъ на отмщеніе мнѣ, какъ и самое соборное дѣяніе ихъ являетъ: все оно полно лжи и нѣтъ въ немъ ниодной истины ([244]). Соборы не должны собираться безъ воли митро-

---

([244]) Нельзя не замѣтить, что Никонъ говоритъ о соборѣ совершенную неправду. Акты собора, какъ мы уже сказали, доселѣ сохранились, и показываютъ, что на соборѣ не было никакого принужденія отъ царя и никакой фальши. На соборѣ провѣрялись и обсуждались сказки свидѣтелей объ отреченіи Никона; выслушаны были выписки изъ церковныхъ правилъ и исторіи, и появились мнѣнія не только различныя, но и противоположныя. Свободно высказывали свои мнѣнія предъ царемъ и соборомъ Игнатій Іевлевичъ, Епифаній Славенитскій, греческіе архіереи. Сначала воспреобладало было мнѣніе греческихъ архіереевъ, что Никона слѣдуетъ лишить не только архіерейства, но и священства. Потомъ было принято мнѣніе русскихъ, болѣе благопріятное Никону, чтобы не лишать его ни архіерейства, ни священства, и принято какъ соборомъ, такъ и царемъ, и положено было только избрать

полита или патріарха (слѣдуютъ правила); а вотъ былъ, по волѣ царя, соборъ флорентійскій, и беззаконное дѣяніе его отвержено. Послушай дѣянія собора, бывшаго при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, объ учрежденіи патріаршества въ Россіи (приводится все дѣяніе этого собора, а потомъ и дѣяніе собора константинопольскаго, утвердившаго патріаршество въ Россіи, еще прежде напечатанныя въ предисловіи къ славянской Кормчей). Видишь ли, раскольникъ св. церкви и попратель св. каноновъ, какъ благочестивый царь, все по правиламъ, совѣщался съ епископами, обращался къ патріархамъ,—какъ сами патріархи во всемъ свидѣтельствовались св. правилами, а не такъ, какъ ты, новый раскольникъ и, скажу, еретикъ, свидѣтельствуешься «отверженными Климентовыми правилами, и прочими Езоповыми, и воронами, и иными ложными шпынскими проклятыми книгами»; ты и самъ, какъ ворона; обходишь сушу и море, творишь расколы какъ въ мутьянской землѣ, такъ и здѣсь. Затѣмъ Никонъ привелъ рядъ правилъ, что патріархъ, какъ и всякій архіерей, есть глава своей церкви, что епископы не могутъ судить своего митрополита и патріарха, что на архіереевъ не должно клеветать, и что архіерей не долженъ учить въ чужой епархіи, какъ учитъ Паисій (л. 52—79).

На десятый вопросъ: можно ли членамъ тѣла судить свою главу и епископамъ своего патріарха?—Паисій отвѣчалъ: можно, потому что какъ всѣ апостолы, такъ и преемники ихъ епископы, получили отъ Господа власть вязать и рѣшить. Никонъ—

на московскую каѳедру иного патріарха, отъ которой Никонъ своею волею отрекся. Снес. примѣч. 245.

Паисію: откуда ты пріялъ посягать на то, что тебѣ не принадлежитъ; гдѣ нашелъ заповѣдь Божію, чтобы судить меня? Не слышалъ ли о неимущемъ брачной одежды, какъ онъ ввергнутъ былъ во тьму кромѣшную, гдѣ плачъ и скрежетъ зубовъ,—что̀ да сотворитъ и тебѣ Господь, по дѣламъ твоимъ, за напрасное преобидѣніе насъ?.. Человѣку можно жить безъ руки, безъ ноги, но безъ головы невозможно; потому не могутъ члены тѣла отсѣчь свою главу и остаться живыми и дѣйствующими. По 9-му правилу четвертаго вселенскаго собора: «аще на митрополита области епископъ или клирикъ имѣетъ неудовольствіе, да обращается или къ экзарху великія области, или къ престолу царствующаго Константинополя и предъ нимъ да судится» (л. 79).

По одиннадцатому вопросу и отвѣту Никона обвиняли въ томъ, что онъ никогда не называлъ архіереевъ братіею своею, но считалъ ихъ гораздо нисшими себя, потому что они были отъ него освящены. *Никонъ:* неправда, будто я не называлъ архіереевъ братіею. Я, когда совершалъ литургію, то говорилъ къ нимъ, по перенесеніи даровъ, какъ положено въ служебникѣ: «помяните мя братія и сослужителіе». И если я въ нужнѣйшихъ вещахъ совѣщался съ ними, то какъ сказать, что считалъ ихъ нижайшими себя? То правда, что они нами освящены, но нынѣ они уже не имѣютъ освященія въ себѣ, потому что нарушили 15 правило двукратнаго собора, которое гласитъ: «аще епископъ или митрополитъ дерзнетъ отступити отъ общенія съ своимъ патріархомъ и не будетъ возносить имя его, но прежде соборнаго осужденія его учинитъ расколъ, да лишится священства» (да не самъ ли здѣсь патріархъ отступилъ отъ своихъ епископовъ и митрополитовъ, оставилъ

ихъ и всю свою церковь, отказавшись отъ управленія ею?). Далѣе говорится о преимуществахъ патріарховъ и отличіи ихъ отъ епископовъ, приводятся правила съ толкованіями и проч. (л. 79—84).

На двѣнадцатый вопросъ: согрѣшилъ ли Никонъ, когда назвалъ себя великимъ государемъ потому только, что такъ назвалъ его царь, желая его паче обычая почтить?—Паисій отвѣчалъ: истинно согрѣшилъ. *Никонъ:* да въ чемъ же согрѣшилъ, когда ты самъ говоришь, что такъ назвалъ его самъ государь? А я скажу тебѣ даже, гдѣ и когда назвалъ. Когда государь изъ-подъ Смоленска пришелъ въ Вязьму, и мы съ его царицею и всѣмъ семействомъ пришли туда же, то онъ «со многимъ моленіемъ говорилъ намъ, чтобы писаться великимъ государемъ, а нашего изволенія на то не было». Теперь же онъ порицаетъ насъ за то, что мы начали такъ писаться: Господь Богъ разсудитъ въ день судный. Тутъ Никонъ допустилъ совершенную неправду: изъ-подъ Смоленска въ Вязьму царь пришелъ уже подъ конецъ 1654 года; а Никонъ еще въ 53 и втеченіе всего 54 года величался великимъ государемъ и въ своихъ граматахъ и даже печатныхъ книгахъ, которыя издавались съ его благословенія ([245]). Затѣмъ Никонъ продолжалъ: скажите мнѣ, въ чемъ разность между словами: государь и господинъ. Епископы всѣ пишутся великими господами, а бояре и всѣ люди—государями. И почему нынѣ всѣ, кого хотятъ, того и называютъ государемъ, даже меньшихъ себя? (л. 84—85).

([245]) См. выше примѣч. 137, а также Акты ивер. монаст. №№ 32. 34—37. 39—43. 48.

По тринадцатому вопросу и отвѣту обвиняли Никона въ томъ, что онъ назвалъ свой воскресенскій монастырь новымъ Іерусалимомъ,—причемъ Паисій выражался, что Никонъ начинаетъ новое письмо, котораго ждутъ евреи, что изъ его новаго Іерусалима произойдетъ антихристъ, что Іерусалимовъ только два, земный и небесный, и непростительно выдумывать еще третій. *Никонъ:* новымъ Іерусалимомъ назвалъ воскресенскій монастырь самъ царь, когда приходилъ сюда на освященіе церкви со всѣмъ своимъ синклитомъ, и царская грамата о томъ сохраняется доселѣ. А что ты говоришь, будто я начинаю новое письмо, то я, по св. канонамъ, проклинаю и тебя, начинающаго, вопреки правилъ, издавать новые законы на соблазнъ людямъ. Не погрѣшилъ бы тотъ, кто обвязалъ бы вокругъ шеи твоей жерновый камень, и потопилъ бы тебя въ морѣ. Если ты не знаешь, гдѣ подобаетъ родиться отцу твоему антихристу, мы покажемъ тебѣ то мѣсто отъ св. книгъ. И приводятся всѣ мѣста объ антихристѣ и о послѣднихъ временахъ изъ Евангелія и апостольскихъ писаній, потомъ изъ ветхозавѣтныхъ книгъ, и отрывки изъ Ипполита, изъ Ефрема Сирина и другихъ. Потомъ Никонъ старается разъяснить, что не грѣшно называть, по образцу древняго Іерусалима, новый Іерусалимъ, какъ же грѣшатъ тѣ, которые по образцу животворящаго креста, на которомъ распятъ Господь, устрояютъ другіе кресты; по образцу воскресенскаго храма въ Іерусалимѣ созидаютъ и въ другихъ мѣстахъ храмы во имя воскресенія Христова; съ оригинальныхъ Евангелій списываютъ копіи, и проч. (л. 85 об.—100).

Четырнадцатый вопросъ былъ: не говоритъ ли св. Германъ, патріархъ цареградскій, что жертвенникъ образуетъ

собою Виѳлеемъ, а престолъ—гробъ Господень? Никонъ отвѣчалъ, что такія названія дѣйствительно приличествуютъ жертвеннику и престолу, и кратко объяснилъ, почему приличествуютъ. А потомъ снова обратился къ томуже предмету, которымъ занимался въ тринадцатомъ своемъ возраженіи, и сталъ опровергать сказанное Паисіемъ, будтобы названіе воскресенскаго монастыря новымъ Іерусалимомъ означаетъ, что древній Іерусалимъ уже не существуетъ, престолъ апостола Іакова, брата Господня, престалъ, и Христосъ сказалъ неправду о своей церкви: *врата адова не одолѣютъ ей.* Никонъ доказывалъ, что это названіе вовсе не имѣетъ такого смысла, что новый Іерусалимъ названъ по образцу древняго, который продолжаетъ существовать, хотя и подъ властію мусульманъ, что церковь Христова не привязана къ мѣсту, и хотя разсѣяна по разнымъ странамъ, но есть едина, и что врата адова никогда ее не одолѣютъ: въ подтвержденіе приведено множество текстовъ изъ свящ. писанія, особенно изъ Апокалипсиса, и толкованій св. отцевъ (л. 100—116).

Въ пятнадцатомъ вопросѣ и отвѣтѣ говорилось, что Никонъ разорилъ коломенскую епископію для своего воскресенскаго монастыря. *Никонъ:* вмѣсто одной епархіи открыть другую не значитъ разореніе, но строеніе. Коломенская епархія близко прилежитъ къ патріаршей области, а вятская земля отстоитъ отъ нея болѣе полуторы тысячи верстъ, и тамъ множество людей и немало еще остатковъ язычества. Ради того, по совѣту съ царемъ, и перенесена туда епархія изъ Коломны, а не ради воскресенскаго монастыря, который тогда еще и не зачинался. Сколько давала доходовъ коломенская епархія, столько и выдѣляется изъ патріаршей епархіи (для

вятской). Также сколько было крестьянскихъ дворовъ въ коломенской епископіи, столько, по указу государеву, и тамъ дано; а дворы коломенской епископіи взяты на государя, а послѣ государь пожаловалъ ихъ въ воскресенскій монастырь, когда былъ здѣсь на освященіи церкви, а не я взялъ или разорилъ. Если коломенскій епископъ въ указанную епархію нейдетъ, вопреки правилъ, и беззаконно скитается, то его правила извергаютъ: ему бы хотѣлось въ митрополиты или въ патріархи. Приводятся правила, съ толкованіями, какъ объ открытіи новыхъ епархій, такъ и о виновности епископовъ, не желающихъ идти въ назначенныя имъ епархіи (л. 116—120).

Въ шестнадцатомъ вопросѣ и отвѣтѣ говорилось, что архіереямъ неприлично строить города или обозы, а Никонъ строитъ себѣ городъ и обозъ, полюбилъ жить въ мѣстахъ пустыхъ и безлюдныхъ и наполнилъ тѣ мѣста наймитами и боярскими подданными, что онъ имѣетъ тамъ даже больше помѣстьевъ и доходовъ, нежели на Москвѣ патріархія. *Никонъ:* обоза я не строю, и если оградилъ себя оградою по обычаю иныхъ монастырей, то никакой надежды на нее не полагаю, а огражденъ божественною благодатію. Мѣсто это отнюдь непусто, но весьма многолюдно, и не наймиты въ немъ живутъ и не люди боярскіе, но рабы Бога вышняго. Нѣтъ здѣсь ни города, ни обоза, а только церкви и монастырь, который основанъ законно и по правиламъ (которыя и приводятся вмѣстѣ съ толкованіями). Затѣмъ Никонъ рѣзко укоряетъ Паисія, что онъ говоритъ ложь, руководствуется ложными книгами на соблазнъ людямъ, и, оставя свое гнѣздо, скитается и учитъ въ чужой епархіи (л. 120—127).

Въ семнадцатомъ вопросѣ и отвѣтѣ говорилось: невѣрно утверждаетъ Никонъ, что онъ «не обрѣтается внѣ отъ своего престола и епархіи», проживая въ воскресенскомъ монастырѣ, и удалился туда по благословнымъ причинамъ. Московскій патріархъ долженъ жить въ Москвѣ, какъ цареградскій живетъ въ Царьградѣ, іерусалимскій въ Іерусалимѣ. Еслибы Москву постигло воинское разореніе или другія бѣдствія, тогда можно было изъ нея перенести престолъ въ другое мѣсто, какъ перенесены престолы изъ Антіохіи и Александріи. Но Москва, благодатію Божіею, живетъ и царствуетъ, и Никонъ тѣмъ виновнѣе, что удалился изъ Москвы безъ особеннаго вѣдома царя и безъ совѣта всѣхъ архіереевъ и всего собора; да и послѣ удаленія могъ бы подробно изъяснить все царю чрезъ писаніе, могъ бы созвать соборъ, чтобы очиститься, оправдаться. Но ничего этого не сдѣлалъ, а все дѣлаетъ только по страсти самолюбія и проклятой гордости. Никонъ—къ Паисію: неправда; и восточные патріархи исходятъ отъ своихъ престоловъ, шествуютъ по странамъ, нѣкоторые приходили даже къ намъ, какъ и многіе митрополиты и епископы съ востока, и не переставали, однакожъ, называться по именамъ своихъ епархій. Да и ты здѣсь, въ чужой епархіи, пишешься газскимъ митрополитомъ, хотя столько времени скитаешься вдали отъ Газы, ползая, какъ змѣй по землѣ, и извергая свои смертоносныя слова для уязвленія простыхъ людей; даже бывалъ ли ты въ Газѣ, и есть ли тамъ престолъ архіерейскій. Въ Москвѣ, правда, не было воинскаго разоренія или подобнаго бѣдствія, почему бы я могъ удалиться изъ нея; но не больше ли войны—гнѣвъ царскій? Не видишь ли, до чего царь гнѣвается на меня?

Онъ вѣритъ всякой лжи противъ меня, и по всей Россіи сыскиваетъ о дѣлахъ нашихъ; онъ, вопреки правилъ, своимъ повелѣніемъ, ничего не сказавши намъ, созвалъ соборъ, который справедливо назвать не только сонмищемъ іудейскимъ, но и бѣсовскимъ, потому что онъ дѣлалъ только то, чего хотѣлъ и что приказывалъ царь. Изъ Москвы я отошелъ не безъ вѣдома царева: царь зналъ, что гнѣвается на меня безъ правды. И отъ него приходили ко мнѣ князь Юрій Ивановичъ Ромодановскій да Аѳанасій Ивановичъ Матюшкинъ, и я имъ говорилъ, что иду изъ Москвы отъ немилосердія государя, пусть ему будетъ просторнѣе безъ меня; а то, гнѣваясь на меня, онъ не ходитъ въ церковь, не исполняетъ своихъ обѣщаній, данныхъ при нашемъ избраніи па патріаршество, отнялъ себѣ судъ церковный, велѣлъ судить насъ самихъ и всѣхъ архіереевъ и духовный чинъ приказнымъ людямъ. О всемъ этомъ я, по совершеніи литургіи въ соборной церкви, засвидѣтельствовалъ предъ Богомъ и святыми, предъ архіереями и всѣмъ соборомъ; а «царь принудилъ ихъ сказать то мое свидѣтельство отреканіемъ, и многими пытками стращалъ, а всѣмъ архіереямъ свое государево жалованье давалъ для того, чтобы на меня подписались» ([246]). И послѣ

([246]) Несправедливо Никонъ говоритъ здѣсь, что сказки свидѣтелей объ его отреченіи даны были по принужденію, и тоже повторяетъ въ девятнадцатомъ своемъ возраженіи, выражаясь притомъ, якобы царь «сказки готовыя прислалъ на соборъ». Всѣ эти сказки доселѣ сохранились въ подлинникахъ. Ихъ болѣе шестидесяти; писаны различными руками и подписаны разными лицами: архіереями, архимандритами, игуменами, священниками и вообще лицами духовными, участвовавшими въ священнослуженіи съ Никономъ; патріаршимъ бояриномъ и дьяками, патріаршими пѣвчими, и даны сказки въ разные дни: 14, 15, 20, 21, 22, а одна прислана изъ Новгорода

отъѣзду изъ Москвы много было писано нами къ государю отъ божественнаго писанія о его царскихъ дѣлахъ, но онъ не слушаетъ, а еще больше гнѣвается. Созывать же соборъ, чтобъ предъ нимъ очиститься и оправдаться, было намъ неприлично и противно правиламъ: своего патріарха архіереи судить не могутъ. Говоришь о моемъ самолюбіи и гордости: да какое тутъ самолюбіе—терпѣть вся злая ради заповѣди Божіей? Въ чемъ наша гордость, когда мы исполняемъ на дѣлѣ сказанное: *удалися отъ зла и сотвори благо?* Ты проклинаешь гордость, но какую? Не ту ли, которою самъ гордишься, величаясь митрополитомъ, когда, по многимъ канонамъ, недостоинъ даже священства, не только архіерейства?

уже въ мартѣ. По содержанію своему сказки также различны: одни свидѣтели говорили, что Никонъ отрекся отъ своей каѳедры съ клятвою; другіе, что слышали только его отреченіе, а клятвы не слышали или не помнятъ; иные утверждали, что онъ вышелъ изъ церкви до отпуста, не кончивъ литургіи, еще иные показывали противное; нѣкоторые написали, что слышали отъ Никона, во время его отреченія, тѣ или другія слова, какихъ другіе не слышали. Всѣ эти разногласія соборъ сводилъ, вновь допрашивалъ свидѣтелей, ставилъ ихъ съ очей на очи, и нѣкоторые отказывались отъ прежнихъ своихъ показаній, давали новыя сказки. Многіе изъ свидѣтелей, особенно изъ пѣвчихъ, прямо написали въ своихъ сказкахъ, что они, за шумомъ въ церкви, ничего не слышали, что говорилъ Никонъ во время своего отреченія; нѣкоторые же, что они даже совсѣмъ не были въ тотъ день въ церкви при богослуженіи Никона: явный знакъ, что сказки противъ Никона отнюдь не были подготовлены, и что спрашивали наугадъ всѣхъ, кого считали свидѣтелями обсуждавшагося событія. Посылали даже въ Кострому къ ипатскому архимандриту Тихону, чтобы онъ допросилъ бывшаго чудовскаго архимандрита Іосифа, и этотъ Іосифъ, служившій съ Никономъ въ день его отреченія, далъ собственноручную сказку, что Никонъ дѣйствительно говорилъ: оставляю престолъ и впредь къ тому патріархомъ вашимъ не буду. Посылали и въ Новгородъ спросить хутынскаго архимандрита Тихона, и тотъ въ мартѣ прислалъ сказку, что служилъ съ Никономъ въ день его отреченія и слышалъ, какъ онъ говорилъ: «я впредь не пастырь и не учитель вашъ, ей, ей, отселѣ да не буду патріархъ, сказалъ съ заклинаніемъ».

Но эту гордость и мы, по св. канонамъ, проклинаемъ трижды: да будешь проклятъ, да будешь проклятъ, да будешь проклятъ. При раскрытіи этого возраженія Никономъ приведено много текстовъ св. писанія, церковныхъ правилъ съ толкованіями и значительный отрывокъ изъ дѣянія московскаго собора 1660 года (л. 126 об.—142).

Въ отвѣтѣ на восемнадцатый вопросъ говорилось: слѣдовало бы Никону, когда опасеніе его миновалось, возвратиться въ Москву на каѳедру: онъ пастырь, епископъ, ему ввѣрено множество душъ, и онъ отдастъ за нихъ отвѣтъ Богу. Никонъ, въ защиту себя, указывалъ на продолжающуюся злобу царя, привелъ множество текстовъ св. писанія, что нужно удаляться отъ всего злаго, что христіане должны отличаться взаимною любовію, а между тѣмъ они постоянно ненавидятъ другъ друга, и снова рѣзко нападалъ на Паисія Лигарида: ты меня не знаешь, не видѣлъ меня и ничего отъ меня не слышалъ, и, по клеветѣ одного невѣрнаго человѣка, пишешь отвѣты противъ меня. Ты явился чуждымъ божественной благодати: потому что, вопреки правилъ, много лѣтъ проживаешь въ чужой епархіи, и одинъ, митрополитъ, дерзаешь судить и осуждать патріарха, возносясь гордостію, какъ сатана и антихристъ (л. 142—150).

Въ отвѣтѣ на девятнадцатый вопросъ Паисій писалъ: Никону слѣдовало, когда онъ отходилъ, оставить вмѣсто себя, до своего возвращенія, намѣстника и приказать ему управлять церковію; а то пришлось самому государю поручить это дѣло крутицкому митрополиту. Въ опроверженіе этого Никону стоило только сказать правду, именно сказать, что онъ самъ приказалъ на время митрополиту крутицкому править дѣлами

церкви, въ чемъ и сознается въ своемъ посланіи къ цареградскому патріарху Діонисію. Но Никонъ не сказалъ правды, а отвѣчалъ: «намъ, отъ злобы царскія отходящимъ, аще бы и приказать, не послушалъ бы никто». Потомъ напалъ на Паисія, что онъ ничѣмъ не лучше язычника, потому что не молится и не постится, какъ повѣдали находящіеся при немъ и замѣтили въ сергіевой лаврѣ, когда онъ посѣтилъ ее. Напалъ на государя, что онъ приказалъ крутицкому править дѣлами, и привелъ рядъ текстовъ изъ библіи и правилъ, что мірскія власти не должны вмѣшиваться въ церковныя дѣла, не должны избирать и ставить архіереевъ; привелъ рядъ изреченій и примѣровъ изъ библіи, какъ страшенъ гнѣвъ царскій и какъ убѣгали отъ него пророки и другіе св. мужи. Затѣмъ, обращаясь къ себѣ, продолжалъ: «царь говоритъ, что не гналъ насъ съ престола; но мы тогда же засвидѣтельствовали предъ Богомъ и всѣми святыми о неправдахъ царя и его напрасномъ на насъ гнѣвѣ, да и теперь онъ не перестаетъ гнать насъ. Ему кажется легко, что далъ волю всякому неправеднику злословить насъ, какъ хочетъ и умѣетъ, а намъ отъ тѣхъ злодѣевъ смерть приходитъ. Какого еще гоненія, когда всѣхъ архіереевъ и другихъ духовныхъ созвалъ на насъ, сказки готовыя прислалъ на соборъ, и однихъ милостію и жалованьемъ, другихъ страхомъ, всѣхъ принудилъ по своему хотѣнію? А потомъ кто о чемъ ни бьетъ на меня челомъ, все съ выговорами присылаетъ государь, какъ къ осужденному, своихъ думныхъ, и которые боголюбцы посѣщали насъ въ нашей бѣдности или скорбѣли о насъ, тѣхъ или въ заточеніе сослалъ, или обложилъ лютыми прещеніями... Или что лютѣе сего? Государь разослалъ по всему государ-

ству граматы во всѣ монастыри, чтобы ему подробно описали, сколько я будтобы взялъ, когда былъ на патріаршествѣ, изъ каждаго монастыря казны, хлѣба, лошадей, вотчинъ на промѣнъ въ цѣну и безъ цѣны, также сосудовъ серебряныхъ и золотыхъ и иного чего, въ какомъ году и мѣсяцѣ, а о себѣ не изволилъ государь подумать, сколько позабралъ у великой церкви успенскія пресв. Богородицы вотчинъ, людей, хлѣба, рыбы, денегъ, лошадей и другихъ потребъ, также сколько позабралъ отъ прочихъ церквей и монастырей, тогда какъ церкви и монастыри вовсе неповинны давать ему какія либо дани» ([247]). Слѣдуетъ выписка правилъ, въ подтвержденіе послѣдней мысли, и отрывокъ изъ книги Никона черногорца (л. 150—175).

На двадцатый вопросъ: грѣшитъ ли государь, что оставляетъ церковь вдовствующею?—Паисій отвѣчалъ: если онъ дѣлаетъ это для достойныхъ причинъ, намъ неизвѣстныхъ, то не имѣетъ смертнаго грѣха; однако несвободенъ отъ меньшаго грѣха, потому что многіе соблазняются и думаютъ, что дѣло то зависитъ отъ его лѣности и нерадѣнія. А самое главное радѣніе царя—радѣніе о церкви, потому что ни-

---

([247]) Здѣсь припоминаются намъ слова Павла алеппскаго о Никонѣ, когда онъ находился еще въ полной власти и силѣ: «Доходы монастыря Св. Троицы (сергіева) равнялись третьей части доходовъ царскихъ; но патріархъ, силою, взялъ себѣ половину тѣхъ доходовъ монастырскихъ, говоря: патріархъ имѣетъ на это больше права. Точно также онъ взялъ большую часть сокровищъ изъ монастырей царскихъ, какъ мы послѣ достовѣрно узнали, и перенесъ въ свою патріаршую церковь, гдѣ въ нихъ вовсе не было нужды, обогативъ ее, такимъ образомъ, великолѣпными ризами, покрытыми жемчугомъ и камнями высокаго достоинства, золотыми сосудами и другими дорогими вещами, и оставивъ монастырямъ только самую небольшую часть». (Путеш. патр. Макарія, кн. X, отд. 7, въ т. II, 77).

когда не укрѣпляются дѣла царскія, пока не укрѣпятся дѣла матери его церкви. *Никонъ:* радѣніе о церкви, управленіе дѣлами церкви не принадлежитъ царю. Въ числѣ чиновъ церкви, которые далъ ей Богъ (1 Кор. 12, 28—30), нѣтъ царя. Всякому своя мѣра, и кто вступается не въ свое дѣло, того ожидаетъ тяжелое наказаніе (приводятся тексты св. писанія). Хочешь ли видѣть различіе между царскою и іерейскою властію, размышляй: «честенъ престолъ царскій, украшенъ камнями, обложенъ золотомъ; но царю дано устроять только то, что на землѣ, большей власти онъ не имѣетъ. А престолъ священства на небеси: что связываетъ священникъ на землѣ, то связывается на небеси. Онъ стоитъ между Богомъ и людьми, и отъ Бога низводитъ намъ милости, а отъ насъ возноситъ къ Богу молитвы, и примиряетъ насъ съ Богомъ. Потому и цари помазуются священническою рукою, а не священники царскою, и благословляютъ самую главу царскую; но меньшій отъ большаго благословляется... Глава церкви Христосъ, а царь не есть и не можетъ быть главою церкви, но только одинъ изъ ея членовъ, потому и не можетъ дѣйствовать въ церкви... Священство гораздо больше царства. Удивительно, какъ человѣколюбіе Божіе терпитъ то, что нынѣ не только самъ царь пріялъ на себя санъ святительства, но и всѣ, находящіеся въ его власти, тоже творятъ». Затѣмъ приводятся примѣры, чему подвергались цари и другіе мірскіе люди, посягавшіе на что либо церковное (л. 175 об.— 192 об.).

Въ отвѣтѣ на 21-й вопросъ Паисій писалъ: архіереи и бояре, которые не бьютъ челомъ царю, чтобъ учинилъ въ томъ дѣлѣ совершенное исправленіе, весьма согрѣшаютъ, по-

тому что не показываютъ ревности объ общемъ благѣ и оставляютъ церковь въ смиреніи, когда могли бы отвести отъ нея такой позоръ. Никонъ самъ отрекся отъ своей духовной жены—церкви, и чрезъ то умеръ для нея, и уже четыре года вовсе не печется о ней. Церковь вправѣ избрать и имѣть у себя другаго мужа. Никонъ возражаетъ: архіереи дѣйствительно согрѣшаютъ, но только въ томъ, что дѣйствуютъ вопреки своей архіерейской присягѣ, данной при поставленіи. Затѣмъ приводитъ самую присягу, разсматриваетъ ее по частямъ и говоритъ: архіереи во всемъ солгали предъ Богомъ и церковію; обѣщались соблюдать правила св. апостоловъ и св. отцевъ и ничего не соблюдаютъ, дерзаютъ, вопреки правилъ, судить своего патріарха; обѣщались во всемъ повиноваться ему, и не повинуются, не дѣлать ничего по принужденію отъ царей, отъ бояръ и князей, и дѣлаютъ, за что̀ и подлежатъ всѣ изверженію (приводятся правила). Въ опроверженіе же того, что онъ отрекся отъ своей церкви, умеръ для нея, четыре года оставляетъ ее во вдовствѣ, Никонъ старается доказать, что не отрекался отъ своей церкви, не оставлялъ ее, и что, хотя бы и оставилъ, нѣтъ правила расторгать бракъ черезъ четыре года, а онъ долженъ оставаться неразрывнымъ на всю жизнь,—для чего и выписываетъ множество правилъ съ толкованіями о нерасторжимости брака. При этомъ Никонъ нападаетъ на Паисія, жалуется на царя: «Ты называешь меня умершимъ для церкви... Мертвъ тотъ человѣкъ, который, оставя свою епархію безъ вины и переходя съ мѣста на мѣсто, творитъ смуты въ городахъ, какъ ты смутилъ мутьянъ и изгналъ ихъ государя, и, пришедши сюда, также творишь многія смущенія и соблазны. Такому

человѣку, хотя онъ и живъ, надлежало бы, по Евангелію, привязать къ себѣ жерновый камень и утопиться въ морѣ... Царь сказалъ о насъ, какъ передаютъ слышавшіе: еслибы я не боялся Бога, то сдѣлалъ бы патріарху то, чего онъ не вѣдаетъ... А Родіонъ Стрѣшневъ и Іосифъ Сукинъ, когда я сказалъ предъ ними: мало христіанства въ царѣ,—грозили въ моей кельѣ убить меня, говоря: если станешь произносить такія слова, я не потерплю болѣе» (л. 192 об.—219).

Въ 22-мъ вопросѣ Стрѣшневъ, проклятый Никономъ, спрашивалъ: важно ли проклятіе Никона, и нужно ли намъ бояться его клятвы? Паисій отвѣчалъ: проклятіе есть какбы молнія, какбы мечъ обоюдуострый; если проклятіе бываетъ по достоинству, то сожжетъ виновнаго, а если не по достоинству, то падаетъ на того, кто произноситъ проклятіе. Никонъ возразилъ: скажи мнѣ, кого я проклялъ; если разумѣешь крутицкаго митрополита, то я объясню тебѣ, за что я его проклялъ. И началъ перечислять его преступленія, что онъ ѣздилъ на осляти, поставилъ мстиславскаго епископа, ниразу не посѣщалъ своей епархіи и проч.; подробно раскрывалъ важность каждаго изъ этихъ преступленій, привелъ множество правилъ съ толкованіями, и спрашивалъ Паисія: «какъ же ты и крутицкій митрополитъ не антихристы и не отступники отъ Бога, когда вы отверглись отъ Его божественныхъ повелѣній и не слушаетесь правилъ св. апостоловъ и св. отцевъ?» (л. 219—245 об.).

На 23-й вопросъ: прилично ли архіерею бить другихъ, ссылать въ ссылку, какъ дѣлалъ Никонъ?—Паисій отвѣчалъ, что, по его мнѣнію, нѣтъ въ человѣкѣ лучшей добродѣтели, какъ правда и кротость, и худшаго зла, какъ гнѣвъ; ука-

валъ въ примѣръ кротости на Авраама, Моисея, Давида и другихъ, и объяснялъ, что самыя одежды архіерейскія, стихарь, саккосъ, омофоръ, митра и прочія знаменуютъ кротость, чистоту и другія добродѣтели въ архіереѣ. *Никонъ:* Авраамъ отмстилъ смертію многихъ за племянника своего Лота, Моисей убилъ египтянина и неразъ поражалъ казнями своевольныхъ сыновъ Израиля, Давидъ убилъ Урію, и всѣ святые, хотя не мстили за себя, но, по суду, мстили и наказывали за всякую неправду. Самъ Христосъ вервіемъ изгналъ изъ церкви непотребныхъ торжниковъ, и правила церкви, даже градскіе законы греческихъ благочестивыхъ царей, не возбраняютъ архіереямъ бить и наказывать преступниковъ (приводятся правила и законы изъ кормчей). Почему и «мы какъ прежде смиряли въ церкви, иногда вервіемъ, а иногда рукою помалу, такъ и нынѣ не отрицаемся тоже творить врагамъ и безстрашнымъ людямъ, по образу Христову и по правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ. А одежды архіерейскія, по своему смыслу, отнюдь не возбраняютъ архіерею наказывать, по справедливости, виновныхъ» (слѣдуетъ истолкованіе каждой изъ архіерейскихъ одеждъ по порядку). Въ заключеніе Никонъ замѣтилъ Паисію: «для другихъ ты хвалишь терпѣніе, а самъ являешься нетерпѣливымъ; ублажаешь кротость, а самъ, какъ левъ, яришься; превозносишь цѣломудріе, а самъ всегда любодѣйствуешь; заповѣдуешь любить добродѣтель и правду, а самъ непрестанно враждуешь» (л. 245 об.—268).

Въ 24-мъ вопросѣ Стрѣшневъ говорилъ: царь поручилъ Никону досматривать всякія судьбы (дѣла) церковныя и даровалъ ему всѣ привиллегіи, которыми Константинъ великій

почтилъ папу римскаго Сильвестра. А Паисій на это сдѣлалъ замѣчаніе: почести отъ царя надобно принимать осторожно; Никону было бы полезнѣе имѣть менѣе привиллегій, потому что иныя его надмили; смотрѣлся онъ въ нихъ, какъ въ зеркало, и съ нимъ случилось тоже, что пишутъ стихотворцы о Нарцисѣ, который въ рѣчной водѣ сначала любовался лицемъ своимъ, потомъ хотѣлъ поцѣловать его, и утонулъ. Эти вопросъ и отвѣтъ чрезвычайно раздражили Никона, и онъ написалъ на нихъ весьма обширную отповѣдь, въ которой излилъ весь свой гнѣвъ на своихъ противниковъ, особенно на царя, со всею необузданностію въ словахъ и выраженіяхъ. Никонъ, прежде всего, утверждалъ, что царь не только не далъ и не могъ дать ему никакихъ правъ въ церкви, но и отнялъ полученныя имъ отъ Бога, не только самъ не любитъ и не исполняетъ никакихъ заповѣдей Божіихъ, но ненавидитъ и преслѣдуетъ тѣхъ, кто исполняетъ эти заповѣди: «какъ ты говоришь, совопросниче, что царь вручилъ Никону досматривать всякія судьбы церковныя? Развѣ не знаешь, что не отъ царей пріемлется начальство священства, но отъ священства на царство помазуются, и что священство гораздо болѣе царства? Мы не знаемъ иного законоположника себѣ, кромѣ Христа, который далъ намъ власть вязать и рѣшить. Ужъ не эту ли привиллегію далъ намъ царь? Нѣтъ, но онъ похитилъ ее отъ насъ, какъ свидѣтельствуютъ его беззаконныя дѣла. Какія? Онъ церковію обладаетъ, священными вещами богатится и питается, славится тѣмъ, что всѣ церковники—митрополиты, архіепископы, епископы, священники и всѣ причетники покоряются ему, оброки даютъ, работаютъ, воюютъ; судомъ и пошлинами владѣетъ. А мы такой привиллегіи не только не

принимаемъ, но гнушаемся ею, бѣгаемъ отъ нея, какъ отъ антихристова узаконенія... Господь сказалъ о послѣднемъ времени, что тогда возстанутъ многіе лжепророки, и за умноженіе беззаконія изсякнетъ любы многихъ. Кто же лжепророки? Газскій митрополитъ, который ничего не говоритъ отъ божественныхъ писаній, но все отъ себя... Какого беззаконія? Того, если кто восхититъ себѣ непринадлежащее ему, какъ государь царь восхитилъ церковь и все достояніе ея въ свою власть беззаконно, и потому насъ ненавидитъ, какъ прелюбодѣй никогда не можетъ любить законнаго мужа, но всегда помышляетъ о немъ злое... Что вручилъ намъ? Священство ли? Но самъ того не имѣетъ: какъ можетъ другимъ преподать? Не власть ли вязать и рѣшить? Но и это ему не принадлежитъ, а одному Христу... Апостолъ сказалъ: *нынѣ антихристи мнози быша; иже знаетъ Бога, послушаетъ насъ, и иже нѣсть отъ Бога, не послушаетъ насъ: о семъ познаваемъ духа истины и духа лестча* (1 Іоан. 1, 18; 4, 6). Кто же нынѣ антихристы? Крутицкій и ему подобные. Кто духъ лестчій? Газскій митрополитъ и подобные ему... Скажи мнѣ, какія привиллегіи подарилъ мнѣ царь, я скажу, какія онъ разорилъ и пренебрегъ. Христосъ далъ апостолу Петру и прочимъ апостоламъ ключи царствія небеснаго: царь отнялъ тѣ ключи у Петра и прочихъ апостоловъ и ихъ преемниковъ. Что связываютъ они на землѣ и владыка Христосъ связываетъ на небеси, то царь разрѣшаетъ на землѣ; а что они разрѣшаютъ на землѣ и на небеси, то царь вяжетъ на землѣ... Господь сказалъ: *аще пребудете въ словеси моемъ, воистину ученицы мои будете.* Государь царь не только самъ не пребываетъ,

но и пребывающихъ ненавидитъ. Господь сказалъ: *аще кто слово мое соблюдетъ, смерти не имать видѣти.* Государь царь не только самъ не соблюдаетъ, но и соблюдающихъ казни предаетъ. Простому человѣку уподобилъ меня, по злобѣ своей, зоветъ Никономъ и даже патріархомъ не именуетъ; и не меня только, худаго раба Божія, но и Господа моего Іисуса Христа поработилъ себѣ, все, данное Ему въ вѣчное наслѣдіе и св. Его церкви, усвоилъ себѣ и своимъ людямъ»... Далѣе перебирается все ученіе о блаженствахъ, приводятся, одна за другою, многія евангельскія заповѣди, и все это прилагается къ царю, и говорится, что царь ничего этого не соблюдаетъ, а дѣйствуетъ наперекоръ. «Нынѣ государь за одно слово, если кто молвитъ о правдѣ, языки рѣжетъ, руки и ноги отсѣкаетъ, въ невозвратное заточеніе ссылаетъ... Онъ уничижилъ и обезчестилъ благодать Св. Духа, и сотворилъ ее немощною, такъ что безъ царскаго указа нынѣ она не можетъ дѣйствовать. Нынѣ архіереи пишутъ, что поставили того или другаго архимандрита или священника по благодати Св. Духа и по указу великаго государя... Онъ не содрогается, что такая хула на Св. Духа не отпустится ему ни въ сей жизни, ни въ будущей, но дѣйствуетъ, какъ великій архіерей, и кого хочетъ, того приказываетъ рукополагать». Послѣ этого Никонъ обратился къ граматѣ Константина великаго папѣ Сильвестру, привелъ ее всю по частямъ и, прилагая каждую часть къ царю, повторялъ, что царь не далъ такихъ привиллегій Никону, и даже какія далъ, тѣ отнялъ. Привелъ также церковный уставъ равноапостольнаго князя Владиміра, перечислилъ права и преимущества, данныя церкви послѣдующими князьями, и утверждалъ, что «царь всѣ за-

коны всѣхъ благочестивыхъ царей и вел. князей, преданные церкви, ниспровергъ, и все, что отецъ его съ святѣйшимъ Филаретомъ патріархомъ исправили и обновили и утвердили, все ни во что положилъ... Повсюду вѣдомо, что государь царь не любитъ Господа, потому что не хранитъ Его заповѣдей, и не есть ученикъ Христовъ, потому что не любитъ насъ». Наконецъ, Никонъ старался доказать, что «священство есть болѣе царства, что священство отъ Бога, помазаніе же на царство отъ священства». Съ этою цѣлію подробно изложилъ, какъ учреждено священство въ ветхомъ завѣтѣ и какъ учреждено священство новозавѣтное; какъ распространилось христіанство по разнымъ странамъ и съ нимъ церковная іерархія; какъ мало по малу распространилась св. вѣра въ Россіи, и у насъ появились архіереи, митрополиты; какъ учредилось патріаршество въ Россіи, какъ Іеремія посвятилъ Іова и какую далъ грамату, какъ потомъ Θеофанъ посвятилъ Филарета Никитича и какую далъ грамату. Сдѣлавши отсюда выводъ, что «священство началось не отъ человѣкъ и не отъ царей, а отъ самого Бога», Никонъ продолжалъ: «священство честнѣе царства; царство чрезъ священство помазуется чувственнымъ елеемъ, а помазаніе священства совершается Св. Духомъ непосредственно»,—въ подтвержденіе чего привелъ самыя молитвы, которыя читаются при рукоположеніи архіереевъ, разобралъ весь чинъ царскаго мѵропомазанія; привелъ молитвы, тогда читаемыя, и самое поученіе патріарха къ царю, при его мѵропомазаніи. Въ общемъ заключеніи этой своей части Никонъ выражалъ свои мысли уже нѣсколько смиреннѣе или спокойнѣе, говоря: «иные думаютъ, что царь выше архіерея, и это подкрѣпляютъ, вопервыхъ, тѣмъ, что господство про-

исходитъ не отъ кого иного, какъ только отъ Господа Бога; вовторыхъ, тѣмъ, что еслибы архіерей былъ выше царя, тогда бы и начатки отъ него шли до архіерея, чего не бываетъ; въ третьихъ—тѣмъ, что царю дано ограждать мечемъ законъ и правду, защищать вдовъ и сиротъ, творить судъ и расправу, чего архіерею не дозволено... Другіе разсуждаютъ, что архіерей выше царя. Власти архіерейской поручилъ Богъ ключи царства небеснаго и далъ силу вязать и рѣшить на землѣ. Архіерейская власть духовная и ей подлежатъ вещи духовныя, а власть царя мірская и ей подлежатъ вещи временныя. Царь обязанъ произнесть исповѣданіе вѣры предъ архіереемъ, а послѣдній, выслушавъ исповѣданіе, долженъ разсудить, право ли вѣруетъ царь или достоинъ клятвы... Оба эти мнѣнія можно примирить. Господь Богъ, когда сотворилъ землю, повелѣлъ двумъ свѣтиламъ свѣтить ей, солнцу и мѣсяцу, и чрезъ нихъ показалъ намъ власть архіерейскую и царскую, солнцемъ—власть архіерейскую, мѣсяцемъ—царскую. Солнце свѣтитъ днемъ, какъ архіерей душамъ. А меньшее свѣтило мѣсяцъ, заимствующій свѣтъ отъ солнца, свѣтитъ ночью, т. е. для тѣла: такъ и царь пріемлетъ помазаніе и вѣнчаніе отъ архіерея, по принятіи которыхъ становится уже совершеннымъ свѣтиломъ и имѣетъ святѣйшую силу и власть. Такова разность между тѣми двумя лицами во всемъ христіанствѣ. Архіерейская власть во дни, т. е. надъ душами, а царская—въ вещахъ міра сего. Царскій мечъ долженъ быть готовъ на враговъ вѣры православной, когда потребуютъ того архіерейство и все духовенство, и оборонять ихъ отъ всякой неправды и насилія обязаны мірскія власти. Мірскіе нуждаются въ духовныхъ для душевнаго спасенія,

духовные въ мірскихъ для обороны. Въ этомъ отношеніи царь и архіерей не выше одинъ другаго, но каждый имѣетъ власть отъ Бога... Въ вещахъ же духовныхъ архіерей великій выше царя, и каждый человѣкъ православный долженъ быть въ послушаніи патріарху, потому что онъ отецъ нашъ въ вѣрѣ православной, и ему ввѣрена православная церковь» (л. 268 об.—366).

На 25-й вопросъ: можетъ ли государь обратно взять привиллегіи, данныя имъ кому либо?—Паисій отвѣчалъ: можетъ, если тотъ, кому онѣ даны, окажется неблагодарнымъ. «Какія привиллегіи,—возражаетъ Никонъ,—ужъ не эти ли, которыя, ради милости Божіей, давалъ государь въ вѣчное наслѣдіе Господу Богу и пресв. Богородицѣ?» И приводитъ цѣликомъ двѣ извѣстныя намъ граматы, пожалованныя ему царемъ на иверскій монастырь: сначала ту, въ которой государь, въ благодарность Никону за сбереженіе царскаго семейства во время моровой язвы, пожаловалъ иверскому монастырю нѣсколько погостовъ въ новгородскомъ краѣ съ селами и деревнями; а потомъ ту, въ которой государь утвердилъ «на вѣки неподвижно» за иверскимъ монастыремъ всѣ вотчины, прежде ему пожалованныя и имъ пріобрѣтенныя. «Также точно,—продолжаетъ Никонъ,—и крестному монастырю и воскресенскому граматы государевы писаны для вѣчнаго государева постоянства и утвержденія съ Господомъ Богомъ, а не со мною, смиреннымъ и грѣшнымъ Никономъ патріархомъ. У кого жъ государь возметъ назадъ данное имъ Богу за многую Его милость? А хотя бъ и мнѣ дано то было за мою работу и труды: за что взять, когда царь разгнѣвался на меня неправедно?» Затѣмъ излагаетъ исторію Каина и дѣлаетъ

замѣчаніе: «если Каинъ согрѣшилъ тѣмъ, что неправедно принесъ жертву Богу, то восколько болѣе грѣшатъ тѣ, которые, принесши малое что Богу, хотятъ, разгнѣвавшись на кого либо, возвратить себѣ то?» Излагаетъ исторію Ананіи и Сапфиры, наказанныхъ за ихъ намѣреніе утаить и взять себѣ часть того, что принадлежало Богу. Перечисляетъ множество примѣровъ изъ ветхаго завѣта, какъ строго наказывались люди за нарушеніе обѣтовъ, за клятвопреступленіе. Нападаетъ на Паисія, называетъ его антихристомъ, раскольникомъ, лицемѣромъ, лжесловесникомъ и под., и подробно опровергаетъ его доказательства, будто онъ—Никонъ неблагодаренъ государю (л. 366—420).

Переходимъ къ 26-му возраженію Никона, которое, одно, обширнѣе всѣхъ, взятыхъ вмѣстѣ, 25-ти возраженій его, доселѣ нами разсмотрѣнныхъ (л. 421—928). Оно направлено сперва противъ вопроса, а потомъ противъ отвѣта, въ которыхъ Никонъ обвинялся въ хулѣ на царя. Въ вопросѣ было сказано: Никонъ бранилъ и бранитъ нынѣ государя за то, что государь учредилъ монастырскій приказъ и посадилъ въ немъ судьями мірскихъ людей, и за то, что поставлялъ по монастырямъ архимандритовъ и игуменовъ, кого хочетъ. «Я, Никонъ, не бранилъ и не браню государя, но злобу его осуждаю и не перестану осуждать»: такъ началъ Никонъ свое оправданіе, и повелъ рѣчь издалека. Прежде всего указалъ на Адама, Каина, царя Авимелеха, которые были наказаны за то, что неправедно судили и поступили; на первосвященника Аарона и на казни израильтянъ за сопротивленіе ему; изложилъ словами библіи всю исторію, какъ далъ Богъ израильтянамъ перваго царя, и словами евангелія всю

исторію суда надъ Іисусомъ Христомъ, дѣлая, по мѣстамъ, свои замѣчанія и примѣненія къ своему времени, въ родѣ слѣдующаго: «евреи говорили: *не имамы царя, токмо кесаря;* такъ и нынѣ говорятъ: намъ де не надобенъ патріархъ, добръ и крутицкій митрополитъ». Потомъ доказывалъ, что царь и мірскія власти не въ правѣ судить церковный чинъ, что лица духовныя не должны прибѣгать къ суду мірскихъ властей, а должны сопротивляться ихъ притязаніямъ и мужественно переносить отъ нихъ за это гоненія,—и привелъ рядъ текстовъ изъ св. писанія, много правилъ съ толкованіями изъ кормчей, цѣлые разсказы о св. Аѳанасіѣ великомъ, Василіѣ великомъ и Іоаннѣ Златоустѣ, какъ непоколебимо отстаивали они свои права противъ мірскихъ властителей, несмотря ни на какія угрозы и притѣсненія. Съ другой стороны, перечислилъ нѣсколько царей, іудейскихъ и израильскихъ, изъ которыхъ одни имѣли доброе отношеніе къ церкви, а другіе посягали на ея права и за то подвергались наказаніямъ; изъ новозавѣтной исторіи указалъ на царя Константина великаго, столько сдѣлавшаго для церкви, на царя Юстиніана великаго и привелъ нѣсколько главъ изъ его свитка новыхъ заповѣдей; наконецъ, изъ русской исторіи привелъ церковные уставы св. Владиміра и Ярослава, ярлыкъ хана Узбека святителю Петру, упомянувъ и о другихъ такихъ же ярлыкахъ; затѣмъ привелъ всю длинную рѣчь царя Ивана Васильевича IV на стоглавомъ соборѣ и всю обширную главу Стоглава о святительскомъ судѣ, и дошелъ до «Уложенія» царя Алексѣя Михайловича. Занявшись Уложеніемъ, Никонъ сначала сдѣлалъ нѣсколько общихъ замѣчаній, потомъ разобралъ нѣкоторыя главы, и при этомъ постоянно обращался

къ составителю Уложенія, князю Никитѣ Ивановичу Одоевскому, и поносилъ его и его товарищей безъ всякой мѣры; называлъ его беззаконникомъ, врагомъ Божіимъ и всякой истины, богоборцемъ, отступникомъ отъ Христа и под. Въ предисловіи къ уложенной книгѣ, которое Никонъ привелъ сполна, сказано, что царь приказалъ князю Одоевскому и его товарищамъ, князьямъ Прозоровскому и Волконскому, да дьякамъ Леонтьеву и Грибоѣдову написать статьи изъ правилъ св. апостоловъ и св. отцевъ, изъ градскихъ законовъ греческихъ царей, и изъ разныхъ узаконеній прежнихъ русскихъ царей и вел. князей, и изложить, чтобъ всѣмъ людямъ московскаго государства судъ и расправа были равны; приказалъ также созвать выборныхъ людей изъ Москвы и изъ другихъ городовъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣми выборными людьми и освященнымъ соборомъ обсудить новое уложеніе, и что князь Одоевскій съ товарищами дѣйствительно въ точности исполнилъ волю государя, и Уложеніе, прочитанное предъ царемъ, всѣмъ освященнымъ соборомъ, синклитомъ и выборными людьми, было всѣми утверждено. Никонъ противъ этого замѣтилъ: а) велѣно было написать изъ правилъ и изъ прежнихъ узаконеній, а не новые законы вводить,—написать, чтобъ судъ и расправа были равны всякихъ чиновъ людямъ московскаго государства, а не патріарху, не митрополитамъ и вообще освященному чину; б) князь Никита Ивановичъ Одоевскій человѣкъ прегордый, страха Божія въ сердцѣ не имѣетъ, правилъ апостольскихъ и отеческихъ никогда не читаетъ и не разумѣетъ, и врагъ всякой истины; а товарищи его люди простые, божественнаго писанія невѣдущіе, дьяки же—это завѣдомые враги Божіи и дневные разбойники, безъ

всякой пощады губящіе людей Божіихъ; в) выборныхъ людей созывали не по волѣ, а ради страха; г) князь Одоевскій съ товарищами все солгалъ, ничего не выписывалъ изъ правилъ св. апостоловъ и св. отцевъ и изъ градскихъ законовъ греческихъ царей, но написалъ все новое, чуждое православія. Затѣмъ Никонъ остановился на первыхъ словахъ 10-й главы Уложенія: «судъ государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича всея Россіи судить бояромъ и окольничимъ» и проч., и воскликнулъ: «какъ ты, списатель царскаго суда и, скажу, беззаконія, называешь судъ судомъ государя царя? Судъ есть Божій отъ начала, а не царевъ, не человѣкомъ преданъ, но самимъ Богомъ». Въ подтвержденіе этого привелъ безчисленное множество текстовъ изъ пятикнижія, изъ книгъ царствъ, особенно изъ псалтыри, изъ книгъ пророческихъ и изъ книгъ новозавѣтныхъ, и снова спрашивалъ: «какъ же ты, списатель неправедный, не убоялся обезчестить Господа Бога, говоря: судъ царя и великаго князя? Кто ты, дерзнувшій, вопреки божественныхъ законовъ, написать новые бѣсовскіе законы, какъ новый Лютеръ? Какой ты совѣтникъ Богу, ни попъ, ни дьяконъ, дерзнувшій мудрствовать противное Богу и святымъ». И привелъ еще множество текстовъ и правилъ съ толкованіями, доказывая, что заповѣди Божіи, каноны и уставы церкви должно содержать неизмѣнно безъ всякихъ прибавленій, и что за отступленіе отъ нихъ Богъ посылаетъ страшныя казни, каковы: моръ, голодъ и другія бѣдствія, какія тогда поражали Россію. Далѣе, выписавъ 25 статью 10-й главы Уложенія, гдѣ сказано, что никакія судебныя дѣла не должны происходить въ приказахъ «въ день Рождества Христова, въ день св. Богоявленія…, въ праздникъ

рожденія государя царя» и проч., Никонъ снова обрушился на князя съ упреками: «какъ ты въ своемъ ложномъ и проклятомъ писаніи осмѣлился не исповѣдать Христа Господомъ Богомъ? Развѣ ты не могъ написать: Рождество или Богоявленіе Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа? И даже не назвалъ эти дни праздниками, а день государева рожденія назвалъ праздникомъ, т. е. человѣка предпочелъ Богу. Послушай Григорія Богослова»... И привелъ большіе отрывки изъ словъ Григорія Богослова на Воскресеніе Христово, на Рождество Христово и на Крещеніе Христово, а также нѣсколько правилъ, въ доказательство, что праздники Господни суть дѣйствительно великіе праздники и торжества и гораздо выше царскихъ. Не удовольствовавшись этимъ, повелъ еще длинную рѣчь объ антихристѣ и, перечисливъ признаки его пришествія, спрашивалъ: «видишь ли, списатель лжи, что провозвѣстилъ божественный апостолъ? Не пришло ли нынѣ отступленіе отъ св. Евангелія и отъ преданій св. апостоловъ и св. отцевъ? Не явился ли человѣкъ грѣха, сынъ погибели, превозносяйся паче всякаго бога и имѣющій погубить многихъ? Какой же больше погибели, когда, оставивъ законъ и заповѣди Божіи, предпочли преданія человѣческія, т. е. уложенную книгу, полную горести и лести? Антихристъ приготовитъ и иныхъ многихъ, какъ тебя, списатель лжи, и тебѣ подобныхъ. Онъ сядетъ во храмѣ Божіемъ, не въ одномъ Іерусалимѣ, но повсюду въ церквахъ, т. е. пріиметъ власть надъ всѣми церквами и церковными пастырями, на которыхъ ты, отступникъ, по дѣйству сатаны, написалъ судъ творить простымъ людямъ, т. е. на патріарха, митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ и прочихъ... О гоненіи же на церковь

Господь открылъ возлюбленному ученику своему Іоанну Богослову»... Слѣдуютъ длиннѣйшія выписки изъ Апокалипсиса и изъ толкованія на Апокалипсисъ, многочисленныя увѣщанія, словами Евангелія, слѣдовать только заповѣдямъ Божіимъ, не принимать новыхъ ученій, и многочисленные укоры князю Одоевскому, что онъ, «отступникъ отъ Христа, написалъ въ своемъ Уложеніи не отъ заповѣдей Христовыхъ или св. апостоловъ», что онъ, «богоборецъ, не устыдился разорить не законъ только и пророки, но и самое св. Евангеліе», и, «разоривъ самъ вся св. заповѣди, написалъ свое беззаконіе въ законъ всѣмъ людямъ». Не станемъ разсматривать частныхъ замѣчаній Никона на тѣ или другія статьи Уложенія: это повело бы насъ слишкомъ далеко, да и самыя замѣчанія маловажны. Чаще всего въ нихъ повторяется, что тѣ или другія статьи противны заповѣдямъ Божіимъ и канонамъ церкви, или содержатъ въ себѣ какія либо несообразности. Упомянемъ только объ одномъ замѣчаніи, которое сдѣлалъ Никонъ на 5 статью 16-й главы, гдѣ говорится, что слободы патріарха и другихъ властей и монастырскія около Москвы взять за государя. «Зачѣмъ же ты, оставя Господа,—говоритъ Никонъ,—нападаешь на рабовъ? Патріархъ и самъ рабъ Божій и служитель св. церкви, и не имѣетъ своихъ вотчинъ: его вотчины и крестьяне—Божіе наслѣдіе. Цари, князья и другіе боголюбцы жертвуютъ свои имѣнія Господу Богу и святымъ Его къ церквамъ въ вѣчный поминокъ, а не патріарху, не владыкамъ, не монастырямъ, какъ и свидѣтельствуютъ самыя граматы тѣхъ боголюбцевъ... Священническая часть—Божія часть; наше достояніе не наше, но Божіе достояніе». Этимъ замѣчаніемъ, которое далѣе подкрѣплено правилами и

текстами изъ библіи, оканчивается все, что хотѣлъ возразить Никонъ Стрѣшневу на его 26-й вопросъ.

Обращаясь къ Паисію Лигариду, Никонъ сказалъ: «прочитай и ты, отвѣтотворче, если хочешь, вмѣстѣ съ сущими съ тобою, написанное мною»,—и приступилъ къ разбору самаго отвѣта. Здѣсь было сказано: «пускай бы прежде не бывало монастырскаго приказа, и онъ подлинно былъ учрежденъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ; но это сдѣлано для лучшаго порядка и суда, чтобы судьи могли правильно разсматривать челобитныя и добрыхъ оправдывать, а виноватыхъ смирять». Никонъ не обратилъ вниманія на слова: «пускай бы прежде не бывало монастырскаго приказа»,—приказъ былъ и прежде Алексѣя Михайловича, но не имѣлъ такой самостоятельности, такой широкой власти, такихъ подробныхъ правилъ, какія даны ему въ Уложеніи. Никонъ возразилъ только: «гдѣ написано, чтобы царямъ, князьямъ, боярамъ судить патріарха, митрополитовъ, архіепископовъ, епископовъ и весь церковный чинъ? Такого правила не найдешь, если и прочтешь всѣ правила, а найдешь развѣ въ законахъ нехристіанскихъ и мучительскихъ... Впрочемъ объ этомъ довольно уже показано прежде». Далѣе въ отвѣтѣ говорилось: «да каковъ судъ у самого Никона? Сидѣлъ ли онъ когда либо на своемъ судебномъ мѣстѣ? Никогда. Онъ только держалъ мірскихъ людей, которые судили въ его приказахъ, и раздавалъ челобитныя людямъ своего двора, которые иногда прямое дѣлали кривымъ и кривое прямымъ. Такъ ли дѣлаютъ судьи? Такъ ли должны относиться къ дѣтямъ патріархи, отцы отцевъ?» *Никонъ:* «кто посадилъ тебя на мѣстѣ Божіемъ, чтобы судить патріарха? По какимъ законамъ становишь

себя нашимъ судьею? Правила никому не дозволяютъ судить патріарха, не только пришельцу, но и всѣмъ епископамъ; а пришельцу запрещаютъ въ чужой епархіи учить или законополагать, и за это извергаютъ изъ сана. О тебѣ жъ знающіе люди говорятъ, что ты 30 лѣтъ былъ дьякономъ у папы, и показываютъ книгу, напечатанную въ Римѣ съ твоимъ именемъ... А что ты говоришь о мірскихъ судьяхъ въ патріаршихъ приказахъ, это не безъ правды. Но такъ и у всѣхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ въ Россіи. На основаніи правилъ карѳагенскаго собора (75 и 96), дозволяющихъ епископамъ имѣть намѣстниковъ, у насъ вошло въ обычай и въ законъ, чтобы и въ архіерейскихъ судилищахъ были мірскіе судьи, и это не безъ царской воли. Они же служатъ владыкамъ посредниками для сношеній съ царемъ, такъ какъ въ Россіи никому не запрещено входить на царскій дворъ, ни еретикамъ, ни жидамъ, ни магометанамъ, а запрещено только православнымъ епископамъ, архимандритамъ, игуменамъ и монахамъ». Нельзя не чувствовать, какъ слабо защищался Никонъ противъ того, что и у него въ приказахъ, какъ въ монастырскомъ приказѣ, судятъ духовенство мірскіе же судьи, и что, значитъ, жалобы его на монастырскій приказъ мало основательны, если не совсѣмъ напрасны. Еще далѣе въ отвѣтѣ было написано: «а что царь можетъ ставить архимандритовъ и всякія церковныя власти, это одна изъ привиллегій царскихъ, и у всѣхъ народовъ обычай—царю раздавать должности,—для чего и царскій орелъ пишется двуглавымъ, расширяющимъ достоинство царя церковное и мірское». *Никонъ*: «ты солгалъ и здѣсь, какъ и вездѣ прежде. Нигдѣ, даже въ царскихъ законахъ, не написано, чтобы царю

избирать епископовъ и прочихъ властей; напротивъ, и въ св. правилахъ и въ законахъ царскихъ это запрещено, какъ показано уже нами выше. А то правда, что царское величество расширился надъ церковію, вопреки божественныхъ законовъ, и даже возгорѣлся на самого Бога широтою своего орла»... (слѣдуетъ множество текстовъ о царяхъ Давидѣ, Соломонѣ, о Мессіи и проч.). Наконецъ, въ отвѣтѣ было написано, что, по толкованію Матѳея Властаря, царь входилъ въ алтарь къ св. тайнамъ, потому что онъ помазанъ отъ Бога, ради чего и можетъ избирать патріарха и прочія церковныя власти. *Никонъ*: «Властаря мы не знаемъ, и такого правила о царѣ не знаемъ; а знаемъ, что, по 69 правилу шестаго вселенскаго собора, царю не возбраняется входить въ алтарь, когда восхощетъ принести дары Творцу. Но нашъ царь не только не приноситъ даровъ своему Создателю, но и прежде данное св. церкви прежними царями и князьями себѣ усвоилъ на свои потребы... На него, государя, мать его св. соборная церковь, возродившая его водою и Духомъ и помазавшая его на царство, плачется, обиженная, какъ послѣдняя сирота, и какъ вдова, поруганная отъ прелюбодѣя, крутицкаго митрополита, прося отмщенія. Но онъ, государь, не мститъ, и самъ восхитилъ всѣ принадлежащія ей имущества въ домъ свой... Онъ беретъ и съ самого патріарха великіе дары трижды въ годъ: на праздникъ успенія пресв. Богородицы, въ недѣлю вай и въ день преставленія святителя московскаго Петра, и отсылаетъ тѣ дары въ свою царскую казну... (слѣдуетъ опять множество текстовъ и правилъ объ исполненіи заповѣдей, объ исполненіи обѣтовъ). Какъ же ты говоришь, что царь можетъ избирать патріарховъ, митрополитовъ, архимандритовъ, когда

онъ не исполнилъ ни въ чемъ своихъ обѣтовъ предъ Богомъ, почему недостоинъ входить и въ церковь и долженъ всю жизнь свою каяться, а сподобиться св. причастія можетъ только предъ своею смертію. Онъ клятвопреступникъ и трижды нарушилъ свои обѣты, данные при крещеніи его, при помазаніи его на царство и при избраніи Никона на патріаршій престолъ. На Никона онъ до сего времени непрестанно гнѣвъ свой держитъ, невѣдомо за что, и много разъ принуждалъ Никона къ суду съ Романомъ Бабарыкинымъ и Иваномъ Сытинымъ». Вслѣдъ затѣмъ Никонъ разсказалъ о своей тяжбѣ съ Бабарыкинымъ и подробно изложилъ, какъ для распросовъ по этому дѣлу приходила изъ Москвы въ воскресенскій монастырь, 18 іюля 1663 года, цѣлая депутація, оставившая монастырь 6 августа.

Послѣднее 27-е, возраженіе, Никона принадлежало къ числу наиболѣе краткихъ. Стрѣшневъ спрашивалъ: «нѣкто называетъ нашего вельможнѣйшаго царя мучителемъ, несправедливымъ обидчикомъ и хищникомъ,—что такому слѣдуетъ по св. правиламъ?» Паисій отвѣчалъ: «84-е правило св. апостолъ пишетъ: кто ни есть, опозоритъ царя сверхъ права, будетъ казненъ, а если и духовнаго чину, будетъ изложенъ, а если мірскій человѣкъ, да будетъ проклятъ». Стрѣшневу Никонъ замѣтилъ: «для чего ты говоришь безъименно: нѣкто называетъ нашего царя мучителемъ? Если рѣчь о насъ, то не мы одни такъ исповѣдуемъ, но вся тварь соболѣзнуетъ и совоздыхаетъ съ нами о лютыхъ нашихъ скорбяхъ. А неправда и немилость царя явны всѣмъ, кромѣ тебя одного». Противъ отвѣта Паисія Никонъ возражалъ: «правило св. апостолъ говоритъ такъ: аще кто досадитъ цареви или князю

безъ правды, аще есть причетникъ, да извержется, аще мірскій человѣкъ, да отлучится. Сказано: аще досадитъ безъ правды, а не вообще досадитъ; сказано: причетникъ, а не архіерей, да извержется; и ина слава солнцу, ина слава звѣздамъ... Правило упоминаетъ только о двухъ лицахъ, причетникѣ и о мірянинѣ, и вовсе не говоритъ, чтобы ихъ казнить: ты солгалъ на правило». Но дѣло въ томъ, что Паисій и Никонъ представили одно и тоже правило въ двухъ различныхъ переводахъ, равно неточныхъ. Въ точномъ переводѣ съ подлиннаго текста оно гласитъ: «аще кто досадитъ царю или князю не по правдѣ, да понесетъ наказаніе, и аще то будетъ клирикъ, да извержется, а если мірянинъ, да отлучится». Выраженіе: да понесетъ наказаніе—совсѣмъ не значитъ: да будетъ казненъ. Названіе же клирика обнимаетъ всѣхъ, принадлежащихъ къ церковному клиру, а не однихъ причетниковъ. Никонъ укорялъ своего противника напрасно. Затѣмъ Никонъ привелъ толкованіе на означенное правило, и сказалъ, что «досаждать царю всѣмъ возбранено, а не архіереямъ, обличать же царя по достоянію не возбранено..., и многъ уже ликъ злопострадавшихъ собранъ у Господа для обличенія неподобныхъ дѣлъ царскихъ». Наконецъ, Никонъ пытался объяснить, что иное значитъ «дерзновеніе», съ какимъ онъ обличаетъ царя, а иное «дерзость», и привелъ изъ ветхозавѣтной исторіи множество примѣровъ, въ чемъ одни обнаруживали свое дерзновеніе и въ чемъ другіе—дерзость (л. 928—955).

Неизвѣстно, почему Никонъ не написалъ возраженій на вопросы и отвѣты 28, 29 и 30. Въ 28 отвѣтѣ говорилось: Никонъ несправедливо жалуется на то, что его не позвали

на соборъ и не выслушали, зачѣмъ онъ оставилъ каѳедру; зовутъ на судъ только виноватыхъ, а невиноватый самъ идетъ на судъ оправдаться; Никонъ самъ долженъ былъ явиться на соборъ или, еслибъ ему то помѣшали, прислать на соборъ отъ себя грамату съ объясненіемъ всего, что было нужно. Въ 29 отвѣтѣ: Никонъ несправедливо укоряетъ архіереевъ, будто они нарушили данную ему присягу и отверглись его. Не они отверглись, а онъ отвергся отъ нихъ, оставилъ ихъ и убѣжалъ, куда захотѣлъ. Въ 30 отвѣтѣ: Никонъ несправедливо предалъ проклятію Стрѣшнева за то, что послѣдній будтобы пріучилъ свою собаку благословлять. За такое маловажное дѣло не должно проклинать; проклятіе налагается только за смертные грѣхи, и только тогда, когда виновный, по троекратномъ обличеніи, не покается.

Никонъ трудился надъ своими «возраженіями», вѣроятно, довольно продолжительное время, судя по тому, что въ предпослѣднемъ возраженіи упоминаетъ о событіи, случившемся уже въ іюлѣ и августѣ 1663 года; да иначе и невозможно было написать такую громадную книгу. Онъ, кажется, думалъ, что чѣмъ обширнѣе будутъ его возраженія, тѣмъ убѣдительнѣе, и тѣмъ сильнѣе онъ поразитъ своихъ противниковъ; но вышло наоборотъ. Онъ всячески старался распространять и подкрѣплять свои мысли, не только главныя, но и побочныя, наборомъ библейскихъ текстовъ и церковныхъ правилъ и выдержками изъ другихъ книгъ. Но среди этого множества текстовъ и правилъ, приведенныхъ, притомъ, большею частію, неудачно и мало относившихся къ дѣлу, мысли самого Никона какбы расплывались и терялись, и услѣдить за ними, по мѣстамъ, до крайности трудно. Нужно имѣть

великое терпѣніе, чтобы читать книгу Никона даже по частямъ, и если предположить, что онъ успѣлъ выпустить ее и распространить, по крайней мѣрѣ, между своими приверженцами, то, навѣрно, мало нашлось охотниковъ, чтобъ прочесть и осилить ее всю. Видѣть въ этой книгѣ обширную начитанность и ученость Никона не совсѣмъ основательно. Онъ имѣлъ подъ руками библію, печатную кормчую, толковое евангеліе и апостолъ, да еще двѣ, три книги, и черпалъ изъ нихъ, полною рукою, сколько хотѣлъ; а дѣлать это особенно изъ кормчей, при ея указателѣ, было вовсе нетрудно. Онъ переписалъ въ свою громадную книгу едвали не четверть кормчей и, развѣ только немногимъ меньше, библіи, а многіе тексты и правила переписалъ даже понѣскольку разъ,— хотя, съ другой стороны, невозможно отвергать и того, что Никонъ дѣйствительно хорошо зналъ и библію и кормчую еще прежде, чѣмъ принялся за свои возраженія. Нравственный же обликъ Никона является въ книгѣ, къ сожалѣнію, въ самомъ непривлекательномъ видѣ. Вопреки правдѣ, Никонъ утверждаетъ, что не отрекался отъ своего престола, что всѣ сказки объ этомъ очевидцевъ—выдумка, что бывшій на него соборъ въ Москвѣ былъ только слѣпымъ орудіемъ царя, что самъ царь умолялъ его, Никона, писаться великимъ государемъ, и проч. Вопреки правдѣ съ озлобленіемъ нападаетъ на уложенную книгу и называетъ ее проклятою за то, будто она отдала весь судъ надъ архіереями и вообще духовенствомъ мірскимъ людямъ, а не по однимъ только дѣламъ исковымъ. Вопреки правдѣ и христіанской любви называетъ своихъ противниковъ, Паисія, Питирима, князя Одоевскаго, антихристами, безбожниками и другими поносными именами,

а самого царя клятвопреступникомъ, гонителемъ церкви, нарушителемъ всѣхъ заповѣдей Божіихъ, всѣхъ канонов. Книга дышетъ гордостью, гнѣвомъ, даже ненавистію, и оставляетъ въ душѣ читателя самое тяжелое впечатлѣніе.

Между тѣмъ, пока Никонъ писалъ свою книгу возраженій, событія шли своимъ чередомъ. Мѣсяца черезъ три или четыре послѣ того, какъ Паисіемъ Лигаридомъ составлены были отвѣты на вопросы Стрѣшнева, въ одинъ изъ дней четыредесятницы (филиппова поста) тотъ же Паисій, какъ самъ говоритъ, «приглашенъ былъ, частнымъ образомъ, думными боярами и спрошенъ: какимъ образомъ церкви избавиться отъ такого продолжительнаго вдовства, ибо постыдно ей быть безъ пастыря. Я отвѣчалъ: легко избавиться, если только правительство отъ души согласится исполнить мою мысль». Государь, которому было передано сказанное Паисіемъ, изъявилъ согласіе и послѣ многихъ вопросовъ и предложеній Паисію, въ частной съ нимъ бесѣдѣ, произнесъ: «ради самой истины открой мнѣ твою мысль о средствахъ къ исправленію церкви нашей». Паисій отвѣчалъ: «отправь граматы къ четыремъ восточнымъ патріархамъ и объяви имъ все дѣло о Никонѣ, и тотчасъ же достигнешь своего желанія». Государь обѣщалъ подумать объ этомъ и посовѣтоваться съ боярами. Долго ли онъ размышлялъ и совѣщался съ боярами, но окончательное рѣшеніе въ душѣ его послѣдовало 21 декабря 1662 г., въ день памяти святителя московскаго Петра. Въ этотъ день, какъ говорится въ оффиціальной запискѣ, великій государь, находясь на всенощномъ бдѣніи въ соборной церкви, у мощей святителя, «пріиде во умиленіе» о ней, что она вдовствуетъ безъ пастыря уже пятое лѣто, и о несогласіи въ

церковномъ пѣніи и въ церковныхъ службахъ, вслѣдствіе чего въ народѣ многое размышленіе и соблазнъ, а въ иныхъ мѣстахъ и расколы, и о томъ, что Никонъ, хотя оставилъ свой престолъ, предаетъ проклятію людей безъ соборнаго рѣшенія и безъ всякаго испытанія, и творитъ иныя подобныя дѣла. И въ тотъ же день, 21 декабря, государь далъ указъ:

1. Ради всякихъ церковныхъ винъ, которыя учинились на Москвѣ при бытіи патріарха Никона и донынѣ дѣйствуютъ, быть собору въ маѣ или въ іюнѣ 1663 года.

2. На этотъ соборъ пригласить вселенскихъ патріарховъ и всѣхъ русскихъ архіереевъ, для чего тѣмъ и другимъ послать царскія граматы.

3. Для приготовленія необходимыхъ для собора свѣдѣній вызвать въ Москву рязанскаго архіепископа Иларіона и придать къ нему бояряна Петра Михайловича Салтыкова, да думнаго дьяка Прокопія Елизарова, да дьяка Лукіана Голосова, чтобы они взяли росписки и сказки за руками—а) у соборныхъ ключарей: что̀ патріархъ Никонъ взялъ изъ соборной церкви образовъ и всякой церковной утвари, съ роспискою и безъ росписки; б) у патріаршихъ приказныхъ людей: что̀ онъ взялъ изъ домовой казны денегъ, золотыхъ и ефимковъ, и всякой домовой казны, хлѣба, лошадей и иного чего, когда поѣхалъ изъ Москвы, оставя престолъ; что̀ при немъ промѣнено патріаршихъ вотчинъ и кому, что̀ у кого вымѣнено или взято, въ цѣну или безъ цѣны, гдѣ и когда, и тѣ вымѣненныя и взятыя вотчины всѣ ли нынѣ въ домовыхъ патріаршихъ вотчинахъ, или куда отданы; в) у справщиковъ печатныхъ книгъ: сколько при Никонѣ было выходовъ книгъ

печатныхъ и какихъ, и выходы эти во всемъ ли сходны между собою или въ чемъ несходны; всѣ ли цѣлы на печатномъ дворѣ книги, печатныя и письменныя харатейныя, и переводы изъ присланныхъ греческихъ книгъ, съ которыхъ печатаны новыя книги, или нѣкоторыхъ нѣтъ, и гдѣ онѣ нынѣ; г) у старца Арсенія Суханова: что̀ онъ купилъ въ Палестинѣ книгъ и иного чего для Никона, и что̀ за все то дано денегъ, и куда то отдано.

4. Послать государевы граматы во всѣ монастыри къ архимандритамъ, игуменамъ и строителямъ съ братіею, чтобы они отписали къ государю и прислали сказки и росписки за своими руками: сколько патріархъ Никонъ взялъ себѣ у тѣхъ монастырей церковныхъ какихъ потребъ или монастырской казны, хлѣба, лошадей и иного чего, и монастырскихъ вотчинъ, на мѣну и въ цѣну, или безъ цѣны, въ какихъ мѣстахъ и когда.

Немедленно приступили къ выполненію этого царскаго указа и, въ частности, приготовлены были граматы къ патріархамъ: константинопольскому Діонисію, александрійскому Паисію, антіохійскому Макарію, іерусалимскому Нектарію и бывшему константинопольскому Паисію. Граматы были составлены по прежнимъ образцамъ и всѣ, по главному содержанію, сходны между собою, кромѣ нѣкоторыхъ особенностей, помѣщенныхъ въ граматѣ къ Діонисію, какъ патріарху вселенскому, и къ нему только относящихся. Въ этой послѣдней граматѣ, послѣ титуловъ, царскаго и патріаршаго, привѣтствій и благожеланій отъ царя патріарху и общихъ разсужденій о благотворности св. вѣры, о необходимости единенія между церквами и вѣрующими, царь Алексѣй Михайловичъ говорилъ

патріарху: «къ вящщему утвержденію соединенія нашего молимъ твое преблаженство, если тебѣ возможно самому, направить твои красныя ноги и притти къ намъ, да преподашь нашей церкви благословеніе и миръ, да исправишь въ ней неисправности, и разрѣшишь недоумѣнія. А у насъ есть нынѣ неисправности и недоумѣнія, которыя безъ вашей святыни разрѣшиться не могутъ. Прежде бывшій у насъ патріархъ Никонъ самопроизвольно оставилъ свой престолъ, и рукоположить иного на его мѣсто, безъ вашего совѣта и благословенія, мы не дерзаемъ, хотя правила повелѣваютъ ожидать рукоположенія иного архіерея, на мѣсто прежняго, не болѣе трехъ мѣсяцевъ, а со времени оставленія насъ Никономъ идетъ уже пятое лѣто. Имѣя въ виду правило: аще епископы на митрополита что̀ имѣютъ, Константина града патріарху да возвѣщаютъ, мы не находимъ для себя ничего другаго, какъ только писать къ твоему преблаженству и молить тебя, да придешь къ намъ и разрѣшишь недоумѣніе. Да будетъ тебѣ еще извѣстно, что Никонъ, когда былъ патріархомъ на престолѣ великороссійской нашей церкви, присвоялъ себѣ въ своемъ титулѣ посягательство на вашу паству въ градахъ кіевскихъ и писался патріархомъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи, и рукоположилъ епископа Каллиста въ Полоцкъ, не въ свою область. Мы все церковное управленіе полагали на его разсужденіе и слѣдовали его совѣту: о семъ, какъ придешь къ намъ, да разсудишь, и насъ отъ сего да разрѣшишь. Если же тебѣ самому невозможно подвигнуться къ намъ, то молимъ тебя, преблаженнѣйшій, пошли къ намъ отъ себя хоть экзарха, мужа искуснаго во всемъ и сіяющаго жизнію, словомъ и мудростію, и другаго съ нимъ мѣстоблюстителя,

подобнаго ему, или, если возможно (о чемъ наиболѣе умоляемъ), пошли бывшаго прежде тебя на престолѣ святѣйшаго патріарха Паисія, какъ намъ знакомаго, если еще онъ живъ и свободенъ. Просимъ тебя еще написать къ антіохійскому патріарху, да подвигнется и онъ съ тобою притти къ намъ, если можно; а если нѣтъ, то да пошлетъ къ намъ отъ себя мужей, во всемъ искусныхъ и испытанныхъ; равно снестись письменно и съ патріархами александрійскимъ, и іерусалимскимъ, да потщатся и они сами притти къ намъ, или прислать отъ себя православныхъ и благочестивыхъ мужей или даже свои посланія за своими руками». Къ этому главному содержанію своей граматы царь сдѣлалъ еще два прибавленія. Въ первомъ довольно подробно говорилъ и ходатайствовалъ предъ патріархомъ о епископѣ мстиславскомъ Меѳодіѣ, подвергшемся его проклятію,—о чемъ у насъ будетъ рѣчь особо, впереди. Во второмъ излагалъ слѣдующее: «дошло до нашего царскаго слуха чрезъ людей крѣпко умныхъ, которымъ можно вѣрить, какъ патріархъ Никонъ, тайно отъ насъ, посылалъ бывшаго архидіакона Евѳимія съ своими письмами къ вашему преблаженству, и что тотъ прелагатай Евѳимій, бывъ у вашей святыни, возвратился къ Никону патріарху съ вашими посланіями. Мы желаемъ, пастырь честнѣйшій, узнать отъ вашей святыни, какія письмена дерзнулъ вручить вашему преблаженству Евѳимій, и какъ отвѣтъ принялъ онъ отъ вашей святыни, словесный и письменный... О васъ, пастыряхъ, сказано: *вы есте свѣтъ міру*,—да просвѣтишь же насъ свѣтомъ твоего пастырскаго разсужденія, да отнимешь отъ насъ всякую мглу сомнѣнія въ дѣлахъ церковныхъ». Грамата эта, вмѣстѣ съ граматами къ другимъ патріархамъ, писана или переписана въ

самыхъ послѣднихъ числахъ декабря 1662 года. Возникъ вопросъ: съ кѣмъ же послать эти граматы къ патріархамъ? Перебирали многихъ, но ни на комъ не останавливались. Наконецъ, Паисіемъ Лигаридомъ указанъ былъ «ученѣйшій іеродіаконъ Мелетій, соотечественникъ и другъ его». На Мелетія и палъ выборъ. Это былъ іеродіаконъ цареградскаго патріарха Парѳенія, пріѣхавшій къ намъ еще въ ноябрѣ 1655 года. Сначала ему назначено было у насъ жалованья по десяти денегъ на день, но съ 16 авг. 1656 года государь велѣлъ отпускать ему по гривнѣ на день «для его ученія, что онъ учитъ греческому пѣнію дьяковъ пѣвчихъ и подъяковъ». Съ того времени онъ постоянно, въ началѣ каждаго года (въ сентябрѣ), подавалъ челобитныя о продолженіи ему прежняго жалованья, какъ учителю пѣвчихъ, и получалъ просимое. Когда прибылъ въ Москву Паисій Лигаридъ, Мелетій близко сошелся съ нимъ, даже переселился къ нему, такъ что самое жалованье Мелетію отпускалось въ общей суммѣ, отпускавшейся на содержаніе Паисія и его свиты. За Мелетія поручились предъ царемъ Паисій Лигаридъ и архимандритъ никольскаго монастыря Діонисій святогорецъ, и царь сказалъ: «я увѣренъ, что Мелетій послужитъ намъ вѣрно и возвратится съ добрыми вѣстями» (248).

---

(248) *Лигарид.* О соборѣ на Никона, ч. I, гл. 16. Оффиціальная записка, содержащая въ себѣ самый указъ государя о созваніи собора и грамату къ цареградскому патріарху, — въ Спб. государств. архивѣ, между бумагами о Никонѣ, подъ № 74. Въ концѣ граматы сказано, что она писана «въ лѣто отъ созданія міра 7171», потомъ прибавлено: «отъ воплощенія Бога Слова 1662, мѣсяца декабря дня». Но по сторонамъ граматы, гдѣ сдѣланы указанія, какъ писать адресы къ каждому изъ патріарховъ, помѣчено подъ этими указаніями: «171 декабря въ 26 день». Тамъ же на сторонѣ граматы сдѣ-

Вѣсти о всемъ этомъ быстро достигли патріарха Никона. Онъ понялъ, какая гроза собирается надъ его главою, и поспѣшилъ написать государю письмо, чтобы предотвратить эту грозу. «Мнѣ сдѣлалось извѣстнымъ,—писалъ Никонъ,—что ты, великій государь, изволилъ писать ко вселенскимъ патріархамъ о соборѣ, нашего ради отшествія, съ чернымъ дьякономъ Мелетіемъ грекомъ. Если это правда, воистину мы не отметаемся, и хвалимъ твое изволеніе, какъ божественное, если восхотятъ сами быть и сотворить судъ о всемъ по евангельскимъ заповѣдямъ и канонамъ, ей, не отметаемся... А что твое благородіе изволилъ собрать на судъ надъ нами митрополитовъ, епископовъ и архимандритовъ, это противно заповѣди Божіей: ибо нѣтъ такого правила, чтобы епископы судили своего патріарха, особенно имъ же рукоположенные, и не въ его присутствіи... Если созванный тобою соборъ, по составленному имъ опредѣленію, списокъ котораго мы имѣемъ, хочетъ осудить меня за одно отхожденіе, то слѣдуетъ низвергнуть и самого Христа, потому что Онъ много разъ отходилъ зависти ради іудейской, и св. предтечю, и всѣхъ св. апостоловъ и пророковъ... Къ томужъ, когда благородіе твое былъ съ нами въ добромъ совѣтѣ и любви, и мы писали къ тебѣ, ради ненависти людской, что невозможно быть пред-

---

лана замѣтка: «посланы тѣ великаго государя граматы ко вселенскимъ патріархамъ съ чернымъ дьякономъ Мелетіемъ грекомъ; а на дорогу дано шестьсотъ ефимковъ изъ приказу тайныхъ дѣлъ». О времени прибытія іерод. Мелетія въ Москву, о жалованьѣ ему, какъ учителю пѣвчихъ, и переселеніи его къ Паисію Лигариду—Москов. главн. архив. м. и. д., дѣла греческ., связк. 34, № 9; связк. 37, № 2; связк. 38, № 3; связк. 39, № 2; связк. 42, № 1.

стоятелемъ въ великой церкви, каковъ былъ тогда отвѣтъ твой и писаніе? Оно хранится въ тайномъ мѣстѣ одной церкви, котораго не знаетъ никто, кромѣ насъ. Смотри, благочестивѣйшій царь, не случилось бы тебѣ чего отъ таковыхъ твоихъ граматъ, не будетъ ли это въ осужденіе (тебѣ) предъ Богомъ и созываемымъ тобою вселенскимъ соборомъ; разсуди о всемъ этомъ. Пишу твоему благородію не потому, чтобы я вновь искалъ высоты престола, или боялся великаго собора; а желаю только, чтобы церковь была безъ смущенія, и тебѣ, великому государю, не вмѣнился грѣхъ предъ Богомъ и не случилось зазора. Епископы наши обвиняютъ насъ однимъ правиломъ двукратнаго собора, которое не о насъ написано; но когда о нихъ самихъ предложится множество правилъ, отъ которыхъ никому изъ нихъ нельзя будетъ избыть, тогда, думаю, не останется ниодинъ архіерей или пресвитеръ достойнымъ, а всѣ постыдятся и осудятся отъ св. правилъ... Слышали мы, что твое благородіе изволилъ послать съ своими царскими граматами Мелетія...; но онъ человѣкъ злой, на всѣ руки подписывается и печати поддѣлываетъ, и здѣсь такое дѣло за нимъ было; думаю, оно и теперь въ патріаршемъ приказѣ, и извѣстно Арсенію греку и другимъ, которыхъ онъ знаетъ. Есть у тебя, великаго государя, и своихъ много, помимо такого воришки»... Это письмо Никонъ прислалъ въ Москву съ старцемъ Аарономъ, строителемъ воскресенскаго монастыря. Ааронъ, 24 декабря, подалъ письмо царскому духовнику, протопопу Лукіану, и просилъ представить государю и вмѣстѣ доложить, что патріархъ желаетъ у него славить Христа. Духовникъ отвѣчалъ: «нынче не время подносить письмо государю, а по времени поднесу». И 26 декаб-

ря, дѣйствительно, поднесъ письмо государю и доложилъ о желаніи Никона Христа - славить у него, государя. Выслушавъ то письмо, государь сказалъ духовнику: «насъ винитъ, а себя правитъ». На слѣдующій день, 27 декабря, къ царскому духовнику вновь явился старецъ Ааронъ, который успѣлъ уже побывать въ воскресенскомъ монастырѣ, повидаться съ Никономъ и возвратиться съ прибывшими оттуда наканунѣ архимандритомъ Герасимомъ, намѣстникомъ Іосифомъ и другими старцами для славленія у государя. Ааронъ подалъ духовнику новое письмо патріарха Никона и просилъ поднести письмо государынѣ царицѣ, а государю доложить, что Никонъ находится въ селѣ Черневѣ и проситъ позволенія видѣть государевы очи. Духовникъ отнесъ письмо къ царицѣ и доложилъ государю о Никонѣ. И государь сказалъ: «видѣться мнѣ съ патріархомъ въ Москвѣ непригоже, да и не для чего; а какъ вселенскіе патріархи будутъ, тогда, если Господу угодно, увидимся; кромѣ того я пошлю къ патріарху въ Чернево окольничаго». Немедленно составлена была для окольничаго инструкція, по которой онъ долженъ былъ сказать Никону отъ лица государя слѣдующее: «присылалъ ты къ государеву духовнику, благовѣщенскому протопопу Лукіану, письмо, чтобы онъ поднесъ то письмо великому государю; да ты же приказывалъ томуже протопопу о своемъ пріѣздѣ въ Чернево, чтобъ государь пожаловалъ, велѣлъ тебѣ пріѣхать въ царствующій градъ Москву помолиться пресв. Богородицѣ и видѣть его государевы очи. И протопопъ Лукіанъ поднесъ твое письмо государю и о пріѣздѣ твоемъ въ царствующій градъ докладывалъ. И великій государь велѣлъ тебѣ сказать, что, ради многой мірской молвы, ѣхать тебѣ

нынѣ къ Москвѣ непристойно,—потому что въ народѣ нынѣ молва многая о разности въ церковной службѣ и о печатныхъ книгахъ, и отъ твоего пріѣзда нынѣ въ Москву можно ожидать въ народѣ всякаго соблазна, такъ какъ ты своею волею оставилъ патріаршескій престолъ, а не по какому либо изгнанію,—и чтобы ты, ради всенародной молвы и смятенія, изволилъ ѣхать нынѣ въ воскресенскій монастырь, пока будетъ о томъ въ Москвѣ соборъ. А къ тому собору будутъ вселенскіе патріархи и власти; въ то время и о твоемъ пріѣздѣ на тотъ соборъ присылка къ тебѣ будетъ; а на соборѣ великій государь будетъ говорить обо всемъ. Если же тебѣ, для какихъ нибудь важныхъ дѣлъ, съ вел. государемъ видѣться нынѣ надобно, тебѣ бъ написать о томъ государю и про тѣ дѣла объявить, и государь противъ того твоего письма изволитъ къ тебѣ кого послать или писать. А до собору, ради многонароднаго несогласія и молвы, ѣхать тебѣ къ Москвѣ никакъ нельзя. Да ты же писалъ отъ себя къ газскому митрополиту Паисію и жаловался, будто ты невинно съ престола своего изгнанъ и объ иныхъ подобныхъ дѣлахъ: и о томъ о всемъ его, великаго государя, терпѣніе отъ тебя многое. А какъ приспѣетъ время собору, тогда великій государь о всѣхъ тѣхъ дѣлахъ говорить будетъ». Затѣмъ въ инструкціи окольничему было наказано: «если патр. Никонъ начнетъ говорить, что онъ, по отшествіи своемъ изъ Москвы, посылалъ къ государю о многихъ дѣлахъ и потребахъ многажды, а отъ государя письма къ нему не бывало ни о чемъ, то отвѣчать: отъ государя не писывано къ тебѣ на твои письма потому, что писать не довелось, да и потому, что, какъ былъ ты на патріаршествѣ, о чемъ писывалъ къ тебѣ государь,

ты, по отшествіи своемъ съ престола, про тѣ государевы письма говаривалъ въ разговорахъ со многими». Послѣднія слова заслуживаютъ особеннаго вниманія: они объясняютъ, почему государь, по удаленіи Никона съ каѳедры, на всѣ его письма дѣйствительно никогда не отвѣчалъ письменно, а только чрезъ своихъ посланныхъ, если находилъ нужнымъ.

Съ этою инструкціею окольничій Сукинъ и дьякъ Башмаковъ на слѣдующій день, 28 дек., за два часа до свѣта прибыли въ Чернево; но Никона тамъ не нашли. Они распрашивали о немъ, но услышали различные отвѣты. Посельскій старецъ воскресенскаго монастыря, Серапіонъ, проживавшій въ Черневѣ, и нѣкоторые случившіеся тамъ патріарховы боярскіе дѣти сказали, что Никонъ въ Чернево не пріѣзжалъ; а староста села Чернева Васильевъ увѣрялъ, что Никонъ пріѣзжалъ въ Чернево вечеромъ въ субботу (27 дек.), и скоро уѣхалъ. Подобныя же показанія, съ нѣкоторыми подробностями, дали и другіе допрошенные. Что же, однако, случилось? На основаніи этихъ самыхъ показаній и сохранившихся отрывковъ письма, какое написалъ тогда царскій духовникъ Лукіанъ къ Никону, можно догадываться, что дѣло происходило такъ: старецъ, строитель Ааронъ, прибывши, вмѣстѣ съ другими воскресенскими старцами, въ Москву 26-го числа вечеромъ, тогдаже отправилъ нарочнаго къ Никону съ письмомъ, чтобы онъ спѣшилъ въ Москву, такъ какъ государь говорилъ о немъ духовнику своему и богомольцу: «пятый де годъ не могу дождаться его». Никонъ быстро собрался въ путь, вечеромъ 27 числа былъ въ Черневѣ и, покормивъ только здѣсь лошадей, отправился въ Москву. Потому-то его и не нашли въ Черневѣ утромъ слѣдующаго дня царскіе послан-

ные: онъ былъ уже въ Москвѣ. Въ тотъ же день, 28 дек., пришелъ къ царскому духовнику старецъ Филоѳей, объявилъ ему, что Никонъ въ Москвѣ на воскресенскомъ подворьѣ, и просилъ доложить о томъ государю. Духовникъ доложилъ, но государь съ гнѣвомъ сказалъ: «я посылалъ въ Чернево, и патріарха тамъ не нашли..., не слѣдовало дѣйствовать обманомъ... Патріарху (Никону) до пріѣзда вселенскихъ патріарховъ очей моихъ не видать». Духовникъ обо всемъ написалъ къ Никону и присовокупилъ: «а что̀ старецъ Ааронъ писалъ къ тебѣ, будто великій государь мнѣ, богомольцу своему, говорилъ: пятый де годъ не могу дождаться его,—и иныя будтобы рѣчи говорилъ, то все Ааронъ тебѣ, великому святителю, солгалъ, забывъ страхъ Божій». Никонъ немедленно уѣхалъ въ воскресенскій монастырь, а Ааронъ, за его обманъ, взятъ подъ стражу и впослѣдствіи сосланъ въ соловецкій монастырь. Дѣйствовалъ ли такъ Ааронъ самъ собою или, что̀ вѣроятнѣе, по приказанію Никона и предварительному соглашенію съ нимъ, во всякомъ случаѣ попытка Никона видѣться съ государемъ и удержать его отъ посылки къ восточнымъ патріархамъ совершенно не удалась. И, возвратившись въ воскресенскій монастырь, Никонъ прислалъ къ государю новое письмо, въ которомъ, сознаваясь, что своею просьбою о свиданіи съ нимъ въ Москвѣ согрѣшилъ предъ нимъ «безмѣстно и непрощенно», убѣдительно испрашивалъ себѣ прощенія.

Не удалась также и попытка Никона очернить чернаго дьякона Мелетія грека, котораго царь намѣревался послать съ своими граматами къ восточнымъ патріархамъ. Никонъ писалъ царю, что Мелетій на всѣ руки подписывается и пе-

чати поддѣлываетъ, и сослался на Арсенія грека и его знакомыхъ. Немедленно (26 дек.) позванъ былъ Арсеній грекъ, который былъ уже теперь строителемъ спасскаго монастыря, и спрошенъ: какое дѣло онъ знаетъ за Мелетіемъ? Арсеній указалъ на чернаго попа Іосифа грека, жившаго въ томъ же монастырѣ. Позвали Іосифа, и онъ сказалъ, что Мелетій съ архимандритомъ Діонисіемъ святогорцемъ написали на него, Іосифа, подложную грамату отъ имени антіохійскаго патріарха Макарія; Мелетій подписалъ ее за Макарія, а Діонисій подалъ патріарху Никону, который и отдалъ ее на храненіе Арсенію греку. Позвали, на очную ставку съ Іосифомъ, самого Мелетія, и онъ отвѣчалъ, что грамата та вовсе не подложная, а писалъ ее архимандритъ Іаковъ грекъ въ мартѣ 1656 года, по приказанію патріарха Макарія. Позвали Іакова грека, и онъ удостовѣрилъ, что дѣйствительно писалъ ее онъ, Іаковъ, по приказу Макарія, какъ онъ былъ въ Москвѣ, а руку къ ней приложилъ самъ Макарій поарабски, да на тойже граматѣ подписался и митрополитъ никейскій Григорій. Мелетій оказался оправданнымъ; царь не поколебался въ довѣріи къ нему, и, 1 генваря 1663 года, щедро снабженный деньгами на дорогу и для раздачи милостыни на востокѣ, Мелетій отправился въ путь съ царскими граматами къ восточнымъ патріархамъ. А 2 генваря царь разослалъ ко всѣмъ своимъ архіереямъ грамату, чтобы они, избравъ архимандритовъ, игуменовъ и другихъ искусныхъ иноковъ изъ своихъ епархіальныхъ монастырей, явились въ Москву на соборъ къ 9 числу мая ([249]). Вѣроятно расчитывали, что Мелетій

([249]) Документы о всемъ изложенномъ—въ Государ. архивѣ между бума-

успѣетъ къ маю или іюню пригласить въ Москву патріарховъ или, по крайней мѣрѣ, привезетъ отъ нихъ отвѣтныя граматы. Но путешествіе его продолжилось почти полтора года, и мы пока разстанемся съ Мелетіемъ и возложеннымъ на него порученіемъ.

Въ началѣ 1663 г. сосѣдъ воскресенскаго монастыря по имѣніямъ, Иванъ Сытинъ, уже имѣвшій дѣло съ патріархомъ Никономъ, подалъ на него новую челобитную, въ которой жаловался, что Никонъ пыталъ пыткою его крестьянъ, а иныхъ и перевѣшалъ. Царь прислалъ челобитную къ Никону, и Никонъ отвѣчалъ государю: «свидѣтельствуюсь св. Евангеліемъ, что я того дѣла совсѣмъ не вѣдаю. То сдѣлалъ малый, иноземецъ, который, заставъ крестьянъ Сытина на озерѣ въ воровствѣ рыбы, побилъ ихъ, безъ моего вѣдома, батогами. Этого малаго посылаю къ тебѣ, государю, для распросовъ; сотвори судъ праведный, какъ имѣешь самъ судиться въ день судный... Попомни свое обѣщаніе, данное при нашемъ избраніи въ великой церкви, чтобы тебѣ не вступаться ни во что священное, какъ творишь ты нынѣ надъ нами великія неправды, слушаешь клеветниковъ—враговъ Божіихъ... Писалъ бы еще о многомъ, но скудость возбраняетъ: не имѣю и бумаги». Иноземецъ, однакожъ, посланный Никономъ, его боярскій сынъ Александръ Лускинъ, показалъ (22 февраля), что на озерѣ онъ дѣйствительно самъ, безъ вѣдома патріарха, побилъ батогами пойманныхъ въ воровствѣ крестьянъ, но

гами о Никонѣ, за № 89. Напечатаны у *Гиббенета* «Истор. изслѣд. дѣла п. Никона», I, стр. 145—149. 247—265. 267—270. *Лигарид*. О соборѣ на Никона, ч. I, гл. 16. 19. А. Э. IV, № 140.

потомъ, когда крестьяне начали грозиться поджогомъ, и онъ, схвативъ ихъ, привелъ въ воскресенскій монастырь, то Никонъ велѣлъ побить ихъ, за ту похвальбу, въ другой разъ батогами. Тогда царь послалъ (25 февр.) сказать объ этомъ Никону и спросить его, во что священное царь вступается, какихъ клеветниковъ слушаетъ, какія великія обиды творитъ ему. Никонъ отвѣчалъ: я свидѣтельствовался Евангеліемъ въ томъ только, что, безъ моего вѣдома, крестьяне побиты на озерѣ иноземцемъ за воровство, а не въ томъ, что они въ монастырѣ биты,—здѣсь дѣйствительно я велѣлъ побить ихъ слегка батогами за ихъ невѣжество предо мною. А въ священное какъ государь не вступается? У меня все отнято; митрополитами и всѣмъ духовнымъ чиномъ государь владѣетъ... Кто клеветники? Да вотъ такіе, какъ Романъ Бобарыкинъ и Иванъ Сытинъ. Ихъ челобитныя на меня государь принимаетъ, творитъ о тѣхъ дѣлахъ сыски, а о чемъ я государю челомъ бью, указовъ о томъ не получаю... Какія обиды государь мнѣ творитъ? Разослалъ граматы по всѣмъ монастырямъ, и «про посулы и про взятки, что я, будучи на патріаршествѣ, у кого взялъ, сыскиваютъ». Лживыхъ свидѣтелей, которымъ быть на соборѣ,—а собору я и самъ радъ, только бы былъ праведный,—подкуплено противъ меня съ пятьсотъ человѣкъ, а чтобъ подкупить еще другихъ, въ Палестинѣ, туда послано 30000 рублей. Газскій митрополитъ, по указу государеву, на меня пишетъ и путаетъ, да у меня есть его тетради, и я дамъ ему отвѣтъ во всемъ не только правилами, но и Евангеліемъ... Ваши духовныя власти граматѣ умѣютъ немногіе, а Питиримъ митрополитъ и того де не знаетъ, почему онъ человѣкъ... Тогда царскіе посланные за-

мѣтили Никону: «напрасно онъ говоритъ, будто онъ одинъ граматѣ умѣетъ; изъ всякихъ чиновъ найдутся люди, готовые говорить съ нимъ книжнымъ ученіемъ и правилами, а говорить есть что; только все удержано государскою милостію до собора, а на соборѣ будутъ вселенскіе патріархи».

Мѣсяца черезъ два возобновилось дѣло Бобарыкина съ Никономъ, начавшееся и продолжавшееся въ 1660—1661 годахъ, но тогда неоконченное, — дѣло о спорной землѣ, съ которой Никонъ, не дождавшись царскаго указа, приказалъ своимъ людямъ снять сѣно и хлѣбъ и свезти въ пользу монастыря. Дѣло остановилось на томъ, что Никонъ отказался выслать монастырскихъ крестьянъ для распросовъ въ Москву и написалъ къ царю рѣзкое письмо. И какъ послѣ этого не послѣдовало изъ Москвы никакого указа о свезенномъ сѣнѣ и хлѣбѣ, то Никонъ приказалъ хлѣбъ обмолотить: въ умолотѣ вышло зерна, по монастырскимъ записямъ, будтобы 67 четвертей. Бобарыкинъ втеченіе 1662 г. много разъ пріѣзжалъ въ монастырь и настаивалъ, чтобы ему хлѣбъ тотъ отдали. Но хлѣбъ былъ уже издержанъ, и Никонъ говорилъ Бобарыкину, чтобы онъ подождалъ, что купитъ столько же хлѣба и отдастъ. Не дождавшись исполненія этого обѣщанія, Бобарыкинъ, съ наступленіемъ 1663 г., подалъ опять челобитную на Никона, и изъ Москвы присланы были въ воскресенскій монастырь окольничій Сукинъ да дьякъ Бреховъ съ царскимъ указомъ, чтобы Никонъ учинилъ съ Бобарыкинымъ сдѣлку во всемъ. Никонъ согласился, велѣлъ казначею принести шестьсотъ рублей, сколько нашлось въ монастырской казнѣ, и предложилъ Бобарыкину взять изъ этихъ денегъ за 67 четвертей обмолоченной ржи по той цѣнѣ, по какой тогда рожь

въ Москвѣ продавалась. Бобарыкинъ отвѣчалъ: пожато и обмолочено съ той земли 600 четвертей слишкомъ,—и, взявъ со стола всѣ шестьсотъ рублей, примолвилъ: это де мнѣ за половину. Въ виду такой неправды Никонъ прекратилъ сдѣлку и объявилъ окольничему и дьяку, что съ Бобарыкинымъ никакой сдѣлки совершить нельзя: для него не напастись денегъ и отъ его ложнаго челобитья не откупиться и всѣмъ монастыремъ. Чрезъ нѣсколько времени, а именно 16 іюля, прибыли къ Никону думный дворянинъ Баклановскій да тотъже дьякъ Бреховъ съ многими людьми—подъячими и стрѣльцами, и принесли царскую грамату. Выслушавъ эту грамату, Никонъ подробно разсказалъ пришедшимъ весь ходъ тяжбы своей съ Романомъ Бобарыкинымъ и предъявилъ на него много другихъ жалобъ. Но Никону вновь предложили, чтобы онъ добровольно «сдѣлался» съ Романомъ; а когда Никонъ отвѣчалъ, что «онъ Романовою землею не владѣетъ, а владѣетъ своею купленною, и Романъ напрасно вклепывается», то Баклановскій и Бреховъ объявили, что въ такомъ случаѣ имъ приказано отмежевать спорную землю Роману Бобарыкину по его сказкѣ, и поѣхали отводить ту землю. Раздраженный Никонъ, какъ только узналъ, что отмежеваніе дѣйствительно началось, созвалъ всю братію въ церковь, велѣлъ принесть и прочитать жалованную грамату царя на имѣнія воскресенскаго монастыря и, положивъ ее подъ крестъ и образъ Богородицы на аналоѣ посреди церкви, совершилъ молебенъ св. животворящему кресту; а по окончаніи молебна началъ возглашать громкимъ голосомъ, во всеуслышаніе, слѣдующія и иныя клятвенныя слова, выбирая ихъ изъ 108 псалма: да будутъ *оніе его мали, и епископ-*

ство (**надзоръ, власть**) *его да пріиметъ инъ; да будутъ сынове его сиры, и жена его вдова...; да будутъ чада его въ погубленіе... и да потребится отъ земли память ихъ, занеже не помяну сотворити милость, и погна человѣка нища и убога... Возлюби клятву, и пріидетъ ему* и проч. На другой день Никонъ вновь совершилъ съ братіею тотъже молебенъ и съ тѣмиже возглашеніями. Въ монастырѣ случайно находился тогда Бобарыкинъ и даже присутствовалъ на самомъ молебнѣ; но ничего не сказалъ. А послѣ донесъ въ Москву, что Никонъ проклиналъ государя царя со всѣмъ его домомъ ([250]).

Алексѣй Михайловичъ немедленно позвалъ къ себѣ архіереевъ, находившихся въ Москвѣ. Когда архіереи пришли къ государю, онъ со слезами передалъ имъ, что слышалъ о поступкѣ Никона, и прибавилъ: «я грѣшенъ, но чѣмъ согрѣшили мои любезныя дѣти, чтобы произносить на нихъ клятву истребленія, и царица супруга моя и весь домъ?» «Намъ всѣмъ, разсказываетъ Паисій Лигаридъ, было стыдно слышать это, и всѣ мы единогласно просили изслѣдовать дѣло съ точностію. Убѣдился этимъ державный, и, отпустивъ насъ, ушелъ къ себѣ. Утромъ созвалъ синодъ и синклитъ, и совѣщался съ ними, кого отправить къ Никону. Общимъ мнѣніемъ избранъ былъ Паисій газскій, какъ человѣкъ ученѣйшій (сравнительно съ русскими іерархами — это была совершенная правда) и способный давать прямые отвѣты вопро-

---

([250]) Записки отд. русск. и славян. археол., II, 533—562. 566—572; *Никона* — Возраж. на 26 вопр. и отв., по воскресен. списку, л. 895—897; *Паисія Лигар.* О соборѣ, бывшемъ въ Москвѣ на Никона, ч. I, гл. 17.

шающему». Вмѣстѣ съ Паисіемъ избраны были изъ духовныхъ астраханскій архіепископъ Іосифъ и богоявленскій архимандритъ Ѳеодосій, а изъ свѣтскихъ — князь Никита Одоевскій (составитель Уложенія), окольничій Родіонъ Стрѣшневъ и думный дьякъ Алмазъ Ивановъ. Синодъ рѣшилъ, чтобы какъ духовные, такъ и свѣтскіе члены приняли отъ Никона благословеніе, и чтобы Паисій сначала обратился къ патріарху ласково. Послы, сопровождаемые отрядомъ воиновъ, 18 іюля прибыли въ воскресенскій монастырь, когда Никонъ находился у вечерни, и извѣстили его о себѣ. Никонъ, чрезъ намѣстника монастыря старца Іосифа, отвѣчалъ имъ, что готовъ принять всѣхъ ихъ, кромѣ газскаго митрополита, если послѣдній не принесъ къ нему граматъ отъ вселенскихъ патріарховъ. Но старцу Іосифу замѣтили, что Паисій, съ двумя другими духовными лицами, присланъ отъ собора, какъ свѣтскія лица отъ государя, и имъ велѣно всѣмъ вмѣстѣ идти къ патріарху,—и пошли, въ сопровожденіи воиновъ. Предъ помѣщеніемъ Никона, по обѣимъ сторонамъ, стояло множество монаховъ. Никонъ вышелъ изъ своей кельи въ сѣни на встрѣчу пришедшимъ, и прочелъ, по обычаю, «достойно есть» и литію. Одоевскій спросилъ его, отъ имени государя, о спасеніи; Никонъ дважды поклонился, о здоровьѣ государя не спросилъ. Свѣтскіе приняли благословеніе отъ Никона, но власти, т. е. духовные, къ благословенію не подошли, вопреки рѣшенію синода. Окинувъ ихъ глазами, Никонъ покраснѣлъ, какбы пристыженный, и спѣшно вошелъ въ свою келью. За нимъ послѣдовали и депутаты. Паисій началъ, первый, говорить къ Никону полатыни, что царь и соборъ прислали спросить его, за что онъ предалъ проклятію благочестиваго государя, его

супругу и чадъ. Слова Паисія переводилъ на славянскій языкъ царскій толмачъ Симеонъ. Никонъ повелъ рѣчь уклончиво, обиняками; но Паисій настаивалъ: «отвѣчай мнѣ поевангельски: да, такъ да,—нѣтъ, такъ нѣтъ; проклиналъ ты или не проклиналъ царя?» *Никонъ*: «я служу за царя молебны, а не проклинаю его на погибель». *Паисій*: «какъ же не проклинаешь, когда привелъ ужасныя проклятія псалма на самодержца, чтобы иной принялъ надзоръ за его царствомъ, чтобы супруга его царица стала вдовою, чтобы законныя дѣти ихъ осиротѣли?» Тутъ Никонъ закричалъ на Паисія: «воръ, нехристь, собака, самоставленникъ, мужикъ! Есть ли у тебя отъ вселенскихъ патріарховъ ко мнѣ граматы? Не въ первый разъ тебѣ ѣздить по государствамъ и мутить; и здѣсь хочешь сдѣлать тоже... Зачѣмъ ты носишь красную мантію вопреки правилъ?» *Паисій:* «затѣмъ, что я изъ настоящаго Іерусалима, гдѣ пролилъ пречистую кровь свою Спаситель міра, а вовсе не изъ твоего лжеименнаго Іерусалима, который не есть ни новый, ни древній, но третій, т. е. грядущаго антихриста». *Никонъ:* «зачѣмъ не говоришь со мною погречески, на родномъ своемъ нарѣчіи, а полатыни, на проклятомъ языкѣ язычниковъ?» *Паисій:* «но ты и самъ услышишь этотъ языкъ отъ папы, когда придешь въ Римъ для оправданія себя по дѣламъ своимъ. Скажи мнѣ, пожалуй, что общаго между тобою и папой, отъ котораго ты не получилъ ни патріаршества, ни благословенія? И теперь переходишь къ нему, ищешь у него суда по апелляціи! ([251]). Языки же не

([251]) Такъ передаетъ самъ Паисій. Но въ одной изъ записей, написанной, вѣроятно, кѣмъ либо изъ присутствовавшихъ при этомъ разговорѣ, изложе-

прокляты, когда въ видѣ огненныхъ языковъ сошелъ на апостоловъ Духъ Утѣшитель. Не говорю погречески потому, что ты совсѣмъ не знаешь этого золотаго языка; но скажу тебѣ на ухо шопотомъ поромейски: ты, великій законникъ, откуда научился облекать въ иноческое одѣяніе безбородыхъ мальчиковъ?» Послѣ Паисія заговорилъ-было Іосифъ астраханскій; но Никонъ ему въ отвѣтъ: «помнишь ли ты, бѣдный, свое обѣщаніе? Обѣщался ты и царя не слушать, а нынѣ говоришь! Развѣ тебѣ, бѣдному, что дали? Я ни слушать тебя, ни говорить съ тобою не стану». За духовныхъ заступились бояре, и Одоевскій сказалъ: «митрополита, архіепископа и архимандрита выбрали освященнымъ соборомъ и о томъ докладывали великому государю, а ты ихъ безчестишь, и тѣмъ наносишь многое досажденіе и великому государю; газскій митрополитъ пріѣхалъ къ государю, и грамату съ нимъ прислалъ къ царскому величеству іерусалимскій патріархъ Паисій». Къ этому газскій митрополитъ прибавилъ еще отъ себя: «меня ты называешь воромъ, собакою, самоставленникомъ напрасно; я посланъ къ тебѣ отъ освященнаго собора, съ доклада великому государю; ты безчестишь не меня, а великаго государя и весь освященный соборъ, и я отпишу о томъ вселенскимъ патріархамъ. А что называешь меня

но еще слѣдующее: *Паисій*: «ты ко мнѣ прислалъ выписку изъ правилъ и въ ней написано о папскомъ судѣ; но вѣдь это написано въ правилахъ потому, что папы тогда были благочестивые, а послѣ отпали, и ты не прибавилъ, что послѣ нихъ вышній судъ преданъ вселенскимъ патріархамъ». *Никонъ*: «папу за доброе отчего не почитать? Тамъ верховные апостолы Петръ и Павелъ, и онъ у нихъ служитъ». *Паисій*: «но вѣдь папу на соборахъ проклинаемъ!» *Никонъ*: «это я знаю; знаю, что папа много дурнаго дѣлаетъ» (Запись эта напечатана у *Солов.* Ист. Россіи, XI, 327).

самоставленникомъ, за это месть примешь отъ Бога: я поставленъ отъ іерусалимскаго патріарха Паисія, и ставленая грамата за его рукою у меня есть. Еслибы ты былъ на своемъ патріаршескомъ престолѣ, я бы тебѣ свою ставленую грамату показалъ; но теперь ты не патріархъ, достоинство свое и престолъ самовольно оставилъ; а иного патріарха на Москвѣ теперь нѣтъ, потому и граматы отъ вселенскихъ патріарховъ къ московскому со мною нѣтъ». Никонъ снова закричалъ на Паисія, называлъ его воромъ и отказался говорить съ нимъ. Паисію пришлось замолчать.

Тогда обратились къ Никону Іосифъ астраханскій и бояре, и спрашивали его, по извѣту Романа Бобарыкина: «для чего ты на молебнахъ жалованную государеву грамату приносилъ, клалъ подъ крестъ и подъ образъ Богородицы, и велѣлъ читать ту грамату, для чего выбиралъ изъ псалмовъ клятвенныя слова и говорилъ?» *Никонъ*: «26 іюля на литургіи, послѣ заамвонной молитвы, я со всѣмъ соборомъ служилъ молебенъ, и государеву жалованную грамату прочитать велѣлъ, и подъ крестъ и образъ Богородицы клалъ; но клятву произносилъ на обидящаго, на Романа Бобарыкина, а не на великаго государя, за государя же на эктеніяхъ Бога молилъ». *Іосифъ и бояре:* «хотябъ тебѣ отъ Бобарыкина или отъ кого другаго и была какая обида, клясть ихъ тебѣ не слѣдовало. А въ государевой жалованной граматѣ Романовой земли не написано; скажи правду: для чего ты ту грамату приносилъ въ церковь, клалъ подъ образъ, и на кого произносилъ клятвы?» *Никонъ*: «клятву произнесъ я на Романа, а не на великаго государя; а если вамъ мнится, что тѣ клятвенныя слова, выбирая, я говорилъ къ лицу государя,

будь я анаѳема. Приносилъ я въ церковь государеву грамату и велѣлъ прочитать потому, что въ ней всѣ земли воскресенскаго монастыря, да и та Романова вотчина записаны въ помѣстномъ приказѣ по государеву же указу. А за великаго государя я на молебствіи Бога молилъ, и послѣ молебствія читалъ надъ граматою вотъ какую молитву». При этомъ Никонъ вынесъ изъ другой комнаты тетрадку и началъ-было читать по ней ту молитву; но ему замѣтили: «вольно тебѣ показывать намъ и иныя молитвы; на молебнѣ ты говорилъ изъ псалмовъ клятвенныя слова». Никонъ не запирался, что такія слова изъ псалмовъ говорилъ, и присовокупилъ: «а хотябъ и къ лицу великаго государя я говорилъ? Да за такія обиды я и теперь стану молиться: приложи, Господи, зла славнымъ земли». *Бояре:* «какъ ты забылъ премногую милость и почтеніе къ тебѣ великаго государя свыше прежнихъ патріарховъ, и не боишься праведнаго суда Божія, говоря такія непристойныя рѣчи про государя! Какія тебѣ отъ великаго государя обиды?» *Никонъ:* «онъ закона Божія не исполняетъ, и въ духовныя дѣла и въ святительскіе суды вступается, дѣлаютъ де всякія дѣла въ монастырскомъ приказѣ и служить насъ заставляютъ». *Бояре:* «царское величество— государь благочестивый, законъ Божій хранитъ, въ духовныя дѣла и въ святительскіе суды не вступается. *Монастырскій приказъ учрежденъ при прежнихъ государяхъ и патріархахъ,* а не вновь, *для расправы мірскихъ обидныхъ дѣлъ.* Даточныхъ людей и поборы съ монастырскихъ крестьянъ берутъ для избавленія православныхъ христіанъ отъ нашествія иноплеменныхъ, а не для прибыли и корысти; издавна бывало въ окрестныхъ христіанскихъ государствахъ, что во время

нашествія непріятелей брались даже церковныя утвари на жалованье ратнымъ людямъ; самъ ты съ своихъ вотчинъ вспоможенія государю никакого не дѣлаешь, хотя вотчины тѣ пожаловалъ государь же ([252]). Неправды же всякія началъ дѣлать ты, будучи на патріаршествѣ, началъ вступать во всякія царственныя дѣла и въ градскіе суды, началъ писаться великимъ государемъ, посылалъ отъ себя въ приказы указныя памяти, и всякія дѣла, безъ указа государева, бралъ изъ приказовъ, и началъ многимъ людямъ чинить обиды, отнимать вотчины, людей и крестьянъ бѣглыхъ принимать. Великому государю о тѣхъ твоихъ обидахъ много было челобитья; ты поступалъ не поархіерейски, противно преданію св. отецъ; за такія обиды Богъ тебѣ не потерпѣлъ. Возгордившись предъ великимъ государемъ, ты самовольно оставилъ свой патріаршескій престолъ, и, живя въ монастырѣ, гордости своей не покинулъ, и дѣлаешь такія злыя дѣла, чего бы тебѣ и помыслить не годилось, и повелѣнію великаго государя и всему освященному собору во всемъ противишься, и дѣлаешь все по своему нраву». Еще Никонъ говорилъ: «мнѣбъ дождаться собора, и я великаго государя отчту отъ христіанства, и у меня на письмѣ уже все изго-

---

([252]) Тутъ данъ былъ Никону самый краткій, но и самый вѣрный отвѣтъ на постоянные его укоры царю, будто онъ весь судъ надъ духовенствомъ отдалъ мірскимъ людямъ въ монастырскомъ приказѣ, и самовольно отнимаетъ имѣнія у церквей и монастырей, даже совсѣмъ завладѣлъ ими. Нельзя при этомъ не припомнить, что, во дни своего могущества, Никонъ и самъ, какъ мы видѣли, разсылалъ указы по монастырямъ о сборѣ даточныхъ людей для государя, по случаю военныхъ дѣйствій, о заготовленіи бердышей, о доставкѣ лошадей и подводъ и всякаго рода хлѣбныхъ припасовъ, не считая это грабительствомъ и дѣломъ, противнымъ правиламъ церкви.

товлено». Власти и бояре отвѣчали: «ты про великаго государя говоришь такія непристойныя рѣчи, забывъ страхъ Божій, и за это поразитъ тебя Богъ»; а бояре прибавили: «намъ про великаго государя такія злыя рѣчи и слышать страшно, и еслибъ ты не былъ такого чина, мы бъ тебя, за такія рѣчи, и живымъ не отпустили». Никонъ обратился къ властямъ: «какой у васъ теперь соборъ, и кто приказывалъ вамъ его созывать?» *Власти:* «этотъ соборъ мы учинили по повелѣнію великаго государя, ради твоего неистовства; а тебѣ до того собора и дѣла нѣтъ, потому что достоинство свое и патріаршество оставилъ». *Никонъ*: «я достоинства своего и патріаршества не оставлялъ». Власти и бояре уличали его письмомъ, которое онъ прислалъ по отреченіи отъ своей каѳедры, и въ которомъ написалъ, что онъ, какъ песъ, на свою блевотину не возвратится, и назвалъ себя бывшимъ патріархомъ, и примолвили: «по этому письму тебѣ и патріархомъ именоваться не годится». *Никонъ* съ сердцемъ: «я и теперь великому государю не патріархъ». *Власти*: «ты, по самовольному твоему съ патріаршескаго престола отшествію и по нынѣшнимъ неистовствамъ, и всѣмъ намъ не патріархъ; достоинъ ты за свои неистовства ссылки и подначальства крѣпкаго, потому что великому государю дѣлаешь многія досады и въ мірѣ смуту». *Никонъ* съ великимъ крикомъ: «явно, что вы пришли на меня, какъ жиды на Христа». Долго кричалъ онъ, и власти, ничего не говоря, пошли отъ него изъ кельи къ себѣ. «Разговоръ, пишетъ Паисій Лигаридъ, продолжался много часовъ, и происходило великое смятеніе. Никонъ, часто потрясая палкою, и стуча ею крѣпко по полу, волновался, гремѣлъ, одинъ противорѣчилъ

всѣмъ... Когда говорилъ самъ, то растягивалъ рѣчь и оканчивалъ ее, гдѣ ему хотѣлось; а когда другіе говорили, прерывалъ ихъ слова, путалъ и не давалъ кончить... Мы вышли изъ его кельи совершенно испуганными его дерзостію, раздражительностію и невоздержностію въ рѣчахъ».

Бояре, выходя отъ патріарха, сказали, чтобы онъ прислалъ архимандрита, намѣстника, поповъ и дьяконовъ, и живущихъ у него иноземцевъ для допроса. «Никого не пришлю я изъ своихъ подъ мірской судъ; берите сами, кто вамъ надобенъ». Въ тотъ же вечеръ приглашены были на гостинный монастырскій дворъ, гдѣ имѣли помѣщеніе царскіе посланные, архимандритъ и намѣстникъ, были допрашиваемы властями по извѣту Бобарыкина, и дали сказки, которыя и отправлены были къ государю. Про иноземцевъ, жившихъ у Никона, архимандритъ и намѣстникъ сказали, что знаютъ изъ нихъ по именамъ только двухъ: крестника его—нѣмца Дениску Долмана да бѣлорусца Наливайку Ольшевскаго, а эти двое знаютъ имена и прочихъ. На другой день утромъ взяты были оба эти иноземца и, послѣ допроса, посажены подъ караулъ. Они показали, что у Никона живутъ еще иноземцы: Андрей, Александръ и Михаилъ Лыскины—служилые, шкловскій посадскій человѣкъ Евстафій Глумиловъ, еврей Михаилъ съ женою, Михаилъ да Иванъ Магнусовы—нѣмцы, Павелъ Гирѣжъ и Тихонъ Булдиской. Этотъ другой день былъ воскресный. Нѣкоторые изъ прибывшихъ съ властями и боярами изъ Москвы пошли въ церковь помолиться, и тамъ замѣшкались, потому что Никонъ, взошедши на такъ-называемую Голгоѳу, произнесъ длинную проповѣдь, въ которой, уподобляя себя Христу, прилагалъ къ себѣ всю исторію Его

страданій и, между прочимъ, говорилъ: «вотъ уже пришла воинская спира; явились въ судъ Иродъ и Пилатъ, т. е. Родіонъ и Никита—бояре, а съ ними и Іуда предатель—Алмазъ; приблизились также архіереи Анна и Каіафа—Іосифъ и Паисій» и проч. Слова эти немедленно были записаны и отправлены въ Москву къ государю вмѣстѣ съ отписями бояръ о всемъ случившемся. А между тѣмъ продолжались допросы и прочей братіи монастыря, показавшіе, съ какою грубою дерзостію произносились Никономъ слова проклятія на молебнѣ. Вечеромъ тогоже дня вокругъ монастыря поставлена была стража—стрѣльцы: потому что Никонъ, по сказанію Паисія Лигарида, задумалъ-было поскорѣе бѣжать (хотя, судя по характеру Никона, это кажется сомнительнымъ), и уже приготовилъ себѣ самую легкую повозку; но бѣгство его тотчасъ было замѣчено, онъ былъ остановленъ, и вокругъ его кельи, какъ и самъ онъ говоритъ, не упоминая впрочемъ о своемъ бѣгствѣ, поставлены были московскіе стрѣльцы съ мушкетами, съ протазанами да съ бердышами. Въ 21 день іюля, когда ударили въ монастырскій колоколъ, призывавшій братію на послушаніе вынимать изъ печей кирпичъ для строившейся церкви, и когда Никонъ собирался тудаже идти, къ нему явились думный дьякъ Алмазъ Ивановъ да архимандритъ Ѳеодосій и сказали: «тебѣ бъ изъ монастыря не ходить, а сидѣть въ кельѣ». И съ того времени шелъ ли Никонъ въ церковь, или къ каменному дѣлу для осмотра, за нимъ слѣдовали десятникъ да десять человѣкъ стрѣльцовъ съ ослопьемъ. Въ 28 день іюля всѣ члены депутаціи, свѣтскіе и духовные, пришли къ Никону, и съ большимъ шумомъ говорили: «государь царь и власти велѣли

тебѣ жить въ воскресенскомъ монастырѣ и, кромѣ кельи да церкви, никуда не ходить». А митрополитъ Паисій сказалъ, что съ собора прислана грамата, которую онъ, Никонъ, долженъ выслушать. «Да они всѣ моего рукоположенія, отвѣчалъ Никонъ,—они пишутъ не отъ правилъ, а выдумали новые законы, будто могутъ судить своего патріарха; но такіе новые законы, по первому правилу седьмаго вселенскаго собора, да будутъ прокляты». Послѣдовало большое смятеніе, всѣ говорили и кричали. Наконецъ, князь Одоевскій объявилъ Никону: «государь указалъ быть здѣсь головѣ стрѣлецкому съ стрѣльцами для караула». И всѣ вышли отъ Никона и отправились въ Москву. А спустя недѣлю и стрѣльцы московскіе тайкомъ сошли съ карауловъ на гостинный дворъ, да въ день преображенія, вмѣстѣ съ головою стрѣлецкимъ, рано утромъ уѣхали въ Москву же ([253]).

([253]) Описаніе изложеннаго нами событія оставили: Паисій Лигаридъ, князь Одоевскій съ товарищами и самъ Никонъ. Описаніе Паисія довольно подробно; но изъ разговоровъ онъ помѣстилъ у себя только тѣ, какіе самъ имѣлъ съ Никономъ, а о прочихъ лишь замѣтилъ, что они «записаны царскими скорописцами» (О соборѣ на Никона, ч. I, гл. 18). На основаніи этихъ-то, конечно, записей составилъ двѣ свои отписки къ царю князь Одоевскій, которыя на другой день, 19 іюля, отправлены были въ Москву и наиболѣе заслуживаютъ довѣрія (Собр. госуд. грам. IV, №№ 34. 35). Никонъ писалъ о событіи спустя не менѣе трехъ недѣль, если не болѣе, и могъ писать только по воспоминанію,—а запомнить ему разговоры, которые онъ велъ въ раздраженномъ состояніи, разомъ съ нѣсколькими лицами и нѣсколько часовъ, было слишкомъ трудно. Въ главномъ онъ согласенъ съ другими описателями событія; но разговоры излагаетъ въ иномъ порядкѣ, нѣкоторыя части разговоровъ опускаетъ, напримѣръ, то, что говорилъ, въ самомъ началѣ, съ Паисіемъ, а немало и прибавляетъ, наприм., свои длинныя жалобы по дѣлу съ Иваномъ Сытинымъ и многочисленныя правила и толкованія на нихъ, которыя будтобы приводилъ во время своихъ разговоровъ и проч. (Возраж. на 26 вопр. и отв., по списку воскресен. монастыря,

Когда возвратившіеся изъ воскресенскаго монастыря власти и бояре представлялись государю, то онъ, взглянувъ съ улыбкою на Паисія, спросилъ: «ну что, видѣлъ Никона?» «Поистинѣ, отвѣчалъ Паисій, лучше бы мнѣ было не видѣть такого чудовища; лучше бы я хотѣлъ быть слѣпымъ и глухимъ, чтобы не слышать его циклопскихъ криковъ и громкой болтовни» ([254]). Не остался въ долгу и Никонъ предъ своимъ соперникомъ. Вслѣдъ за тѣмъ, какъ царскіе посланные отправились въ Москву, Никонъ отправилъ къ государю длинный извѣтъ, въ которомъ особенно нападалъ на Паисія, жаловался на его грубость, что онъ не принялъ отъ патріарха благословенія, какъ слѣдовало бы, не привѣтствовалъ ласковымъ словомъ, убѣждалъ государя не довѣрять такому самозванцу-митрополиту, не имѣющему законныхъ сви-

---

XVII в., л. 896 об. — 928). Не упоминаемъ о разсказѣ Шушерина, очень краткомъ и не вполнѣ точномъ.

([254]) *Паисій*—О соборѣ на Никона, ч. I, гл. 18. Впослѣдствіи, когда Паисій писалъ эту книгу, онъ помѣстилъ въ началѣ ея особую статью о наружности Никона. Здѣсь, сказавъ, что Никонъ любилъ снимать съ себя портреты, и всегда въ великолѣпномъ видѣ, Паисій продолжаетъ: «Прежде, чѣмъ пришлось мнѣ увидѣть преслоутаго Никона, я чрезвычайно любопытствовалъ насладиться своими глазами его образомъ, и искалъ увидѣть его, хотя въ обманчивомъ портретѣ... И когда увидѣлъ портретъ его, написанный однимъ отличнымъ нѣмецкимъ художникомъ, Іоанномъ, моимъ пріятелемъ, то онѣмѣлъ, подумавъ, что вижу исполина или циклопа, и почелъ счастливыми слѣпорожденныхъ за то, что они не могутъ видѣть такого звѣрообразнаго человѣка. Еслибы кто внезапно увидѣлъ Никона, ему почудилось бы, что видитъ дикаго волка... Посмотри, ради грацій, на голову Никона: какая она огромная и толстокожая! Кстати было бы надписать: какая голова, а мозгу въ ней нѣтъ! Посмотри, какъ чернѣются волосы его, словно у ворона или у борова!... Посмотри, какъ узко и морщинисто чело его—признакъ ограниченности и подозрительности!... Длина его тѣла свидѣтельствуетъ о его безразсудности; нависшія брови показываютъ жестокость; длинныя вѣки—безстыдство и болтливость; длинныя уши—горечь рѣчи»... и т. д.

дѣтельствъ, и взводилъ на него множество и другихъ обвиненій. Но на извѣтъ Никона не обратили вниманія ([255]).

Вскорѣ послѣ этого посѣтилъ Никона архимандритъ аѳонскаго констамонитова монастыря Ѳеофанъ. Онъ былъ родомъ не грекъ, а бѣлорусецъ, и потому, отправляясь въ Москву за милостынею для своей обители, упросилъ, чтобы ему дали грамату, за печатями всѣхъ аѳонскихъ монастырей, въ удостовѣреніе того, что онъ дѣйствительно есть архимандритъ одной изъ аѳонскихъ обителей. Находясь въ Москвѣ, Ѳеофанъ отпросился у государя на богомолье въ троицесергіевъ монастырь, но между тѣмъ самовольно отправился въ воскресенскій, хотя иноземцамъ запрещено было ѣздить туда безъ позволенія государева. Когда объ этомъ узнали, Ѳеофана под-

---

([255]) *Паисій* — тамъ же; *Никонъ* въ посл. къ царегр. патр. Діонисію, въ Записк. отд. русск. и славян. арх., II, 520. Этотъ извѣтъ Никона на Паисія не сохранился; но, вѣроятно, Никонъ повторилъ здѣсь о Паисіѣ приблизительно тоже, что написалъ въ книгѣ своихъ возраженій, говоря о прибывшихъ къ нему для допроса царскихъ посланцахъ: «Да съ ними газскій митрополитъ, сказывался Паисеомъ, зовутъ Лигаридусъ. Нѣціи же о немъ повѣствуютъ, яко нѣсть православныя св. восточныя церкви, но западныя, римскаго костела, у папы былъ 30 лѣтъ дьякономъ, и въ Мутьянахъ де былъ многое время, и вельми насѣянъ римскія ереси; много попамъ вдовымъ велѣлъ на другихъ женахъ женитися и чернцамъ молодымъ и черницамъ брачитися и мяса ясти. И мутьянскій митрополитъ писалъ ко вселенскимъ патріархамъ, и они его прокляли, и платье велѣли съ него снять. И онъ изъ мутьянъ ушелъ въ Польшу, и въ Польшѣ многое время при королѣ былъ, и по всѣмъ костеламъ службу отправлялъ. Да на него свидѣтельство привезъ св. аѳонскія горы монастыря констинова (констамонитскаго) архимандритъ Ѳеофанъ, книжицу «Толкованіе на величитъ душа моя Господа»; а та книжица друкована въ Римѣ, и въ ней имя его Паисіево есть мірское. Да и здѣсь онъ живетъ, никакого чернеческаго правила не держитъ, и къ церкви не ходитъ на вечерню и на заутреню и на литургію. Нѣціи глаголютъ, яко и мяса ѣстъ, Ѳедоръ Татьянинъ самъ видѣлъ, какъ табакъ пьетъ» (по списку воскресен. мон., XVII в., л. 896 об.—897).

вергли допросу, и онъ не сталъ запираться, но оправдывалъ себя, что будтобы не зналъ о такомъ запрещеніи, и ссылался на примѣръ другаго какого-то архимандрита Исаакія, который ѣздилъ туда тоже безъ спроса у государя. О своей же поѣздкѣ въ воскресенскій монастырь Ѳеофанъ показалъ, что, находясь въ Москвѣ, встрѣтилъ Никонова келейника, новокрещеннаго Дениса и сообщилъ ему, что привезъ къ патріарху грамату отъ двадцати монастырей аѳонской горы и мощи священномученика Власія. Никонъ прислалъ за архимандритомъ телѣгу. Представляясь патріарху, Ѳеофанъ принялъ у него благословеніе и поднесъ ему грамату отъ аѳонскихъ монастырей и св. мощи (архимандритъ умолчалъ, что привезъ еще Никону, о чемъ свидѣтельствуетъ самъ Никонъ, изданную въ Римѣ книжицу «Толкованіе на пѣснь: величитъ душа моя Господа», гдѣ напечатано было письмо Паисія Лигарида, подъ его мірскимъ именемъ Панталеона, къ одному архіепископу римской вѣры). Никонъ принялъ архимандрита ласково, умылъ ему ноги и звалъ его къ своей трапезѣ. У патріарха за трапезою ѣли въ тотъ день много мірскихъ людей, человѣкъ съ двѣсти. И патріархъ говорилъ про Паисія, митрополита газскаго, какъ онъ, по указу государеву, пріѣзжалъ къ нему съ боярами, что бояре у его благословенія были, а Паисій не былъ, и братскаго цѣлованія не учинилъ, за что̀ стало патріарху гнѣвно, и между собою учинили они прекословіе, и ради гнѣва патріархъ поступилъ дерзостно, назвалъ Паисія псомъ, и иныя досадительныя слова ему сказалъ. Но,—продолжалъ Никонъ,—«хотя я ему такія оскорбительныя слова говорилъ, только гнѣва на него не держу и, памятуя правила св. отецъ, не получа съ нимъ прощенія,

божественной службы чуждаюсь. А онъ называлъ меня латинникомъ, будто я хочу идти подъ судъ папы римскаго. И то онъ на меня взноситъ, не разсудя: я то говорилъ на папино лице по такому намѣренію, что у насъ глава новаго Рима цареградскій патріархъ, и я подъ судъ хочу идти къ нему, а не къ латиннику. И съ того времени по сіе число у меня съ Паисіемъ пря, и за очи онъ называетъ меня не патріархомъ, а я его—не митрополитомъ. А какъ онъ прежде сего именовалъ меня патріархомъ и ходилъ ко мнѣ подъ благословеніе, въ то время и я его митрополитомъ именовалъ, и никакихъ досадительныхъ и безчестныхъ словъ ему не говаривалъ. А вѣдаю я про то подлинно, что онъ благословенъ и рукоположеніемъ посвященъ въ митрополиты цареградскимъ (іерусалимскимъ) патріархомъ Паисіемъ». Отпуская Θеофана, Никонъ благословилъ его иконою, далъ ему на милостыню 20 рублей и велѣлъ отвезти его въ Москву томуже своему келейнику. Если вѣрно передалъ архимандритъ Θеофанъ слова Никона, то они даютъ невысокое понятіе о Никонѣ. Его объясненіе, будто, говоря о судѣ предъ папою, онъ разумѣлъ вовсе не папу, а патріарха новаго Рима, т. е. цареградскаго, напоминаетъ іезуитскую уловку извѣстнаго Іоасафа Кунцевича, который, желая привлечь въ унію православныхъ полочанъ, сначала увѣрялъ ихъ, что и онъ, какъ они, подчиняется вселенскому же патріарху, разумѣя подъ этимъ именемъ въ своей совѣсти не цареградскаго патріарха, а папу. И если Никонъ подлинно зналъ, что Паисій посвященъ въ митрополиты законною властію, то за что же называлъ его самоставленникомъ, самозванцемъ и под.

Вина архимандрита Θеофана состояла не въ томъ одномъ,

что онъ самовольно ѣздилъ къ Никону, но еще въ томъ, что предварительно не заявилъ въ посольскомъ приказѣ грамату, которую привезъ съ Аѳона и отдалъ Никону; по возвращеніи отъ Никона въ Москву, самовольно, безъ дозволенія государева, служилъ здѣсь литургію въ приходскихъ и домовыхъ церквахъ, и въ мірскихъ домахъ говорилъ непригодныя рѣчи; а спустя немного времени, началъ часто ходить въ посольскій приказъ и докучать, чтобы государь пожаловалъ ему милостыню и отпустилъ изъ Москвы на аѳонскую гору. Когда же Ѳеофану объявили, что отпустить его теперь невозможно, такъ какъ вокругъ Кіева и во всей Малороссіи находится непріятельское войско, польское и татарское, онъ отвѣчалъ, что поляки и татары ему нестрашны, и продолжалъ упорно настаивать на своемъ отпускѣ. Между тѣмъ было дознано, что Ѳеофанъ собиралъ въ Москвѣ, тайнымъ образомъ, вѣсти о государевыхъ ратныхъ людяхъ и всякія другія, а нѣкоторые изъ грековъ, бывшихъ въ Москвѣ, сообщили, что онъ до пріѣзда въ Россію былъ у польскаго короля и гетмана Потоцкаго, у жены котораго состоялъ прежде отцемъ духовнымъ, и что Потоцкій отпустилъ его въ Москву, какъ своего лазутчика, чтобы онъ собралъ тамъ нужныя свѣдѣнія и про все развѣдалъ. Сдѣлалось понятнымъ, отчего такъ настойчиво хлопоталъ Ѳеофанъ о своемъ отпускѣ именно теперь, когда гетманъ Потоцкій вступилъ съ своимъ войскомъ въ черкасскіе украинскіе города. И потому, по указу государя отъ 11 декабря 1663 года, Ѳеофанъ за всѣ его вины сосланъ былъ подъ строгій надзоръ въ кирилловъ монастырь. Оттуда онъ писалъ письма къ патріарху Никону съ просьбою походатайствовать объ освобожденіи его чрезъ государева духовни-

ка и Θедора Михайловича (Ртищева); писалъ о томъ же къ самому Ртищеву и къ думному дьяку Алмазу Иванову; писалъ къ находившемуся въ Москвѣ какому-то «пану Ерниповичови, педагогу дѣтей епископовыхъ», чтобъ о заточеніи его извѣстилъ епископа, а епископъ письменно попросилъ бы о немъ Ртищева и самого государя; писалъ еще къ какому-то дьякону Арсенію въ Москвѣ, чтобы увѣдомилъ о немъ чрезъ писаніе не только епископа, но и «пана гетмана» черезъ запорожскихъ казаковъ, какіе находятся въ Москвѣ. Но не видя никакого успѣха отъ всѣхъ своихъ писемъ, Θеофанъ рѣшился бѣжать, и дѣйствительно бѣжалъ изъ кириллова монастыря ночью подъ 7 октября 1665 года. Какъ только государь получилъ извѣстіе объ этомъ, тотчасъ приказалъ разослать указы въ Псковъ, Кіевъ и другія мѣста, съ описаніемъ примѣтъ бѣжавшаго Θеофана (указано было и на то, что онъ «рѣчью словесенъ, и языкомъ греческимъ, турскимъ, и волоскимъ, и польскимъ, навыченъ»), чтобы его, гдѣ бы онъ ни появился, въ монашеской или въ мірской одеждѣ, не пропускали за границу, а схватили и въ оковахъ представили въ Москву. Послалъ государь дьяка Димитрія Шубина и къ патріарху Никону, чтобы онъ далъ такой же приказъ въ монастыри своего строенія относительно бѣжавшаго Θеофана, и Никонъ обѣщался исполнить, но сказалъ: «я знаю Θеофана и не чаялъ отъ него ничего худаго; недавно онъ писалъ мнѣ изъ кириллова, но въ письмѣ нѣтъ ничего дурнаго»,—причемъ вручилъ письмо дьяку и присовокупилъ: «есть и похуже его, архимандрита, — митрополитъ газскій; онъ всякой ереси наученъ, и мясо ѣстъ, и на землю молдавскаго князя навелъ турскаго царя, который и овладѣлъ ею». Впрочемъ,

всѣ эти хлопоты о поимкѣ Өеофана скоро прекратились: 18 октября онъ былъ схваченъ въ вологодскомъ уѣздѣ на устьѣ рѣки Кубены, въ восьмидесяти верстахъ отъ кириллова монастыря, и, будучи приведенъ въ монастырь, предъ всѣмъ монастырскимъ соборомъ объявилъ за собою государево слово, въ надеждѣ, что будетъ вызванъ въ Москву для допроса. Но государь приказалъ (отъ 13 ноября), чтобы допросили Өеофана въ монастырѣ про то слово и отписали въ посольскій приказъ, а самого Өеофана сослали въ соловецкій монастырь. Өеофанъ государева слова не объявилъ, а далъ только за своею рукою письмо къ государю, и въ декабрѣ былъ сосланъ въ соловецкій монастырь ([256]).

Судя по тому, что Никонъ могъ угощать своею трапезою разомъ по двѣсти человѣкъ мірянъ и жаловать по двадцати рублей милостыни, какъ видѣли мы изъ разсказа архимандрита Өеофана, нельзя, конечно, предположить, чтобы онъ, Никонъ, находился тогда въ крайней бѣдности. А послѣ такихъ рѣзкихъ, хульныхъ, непростительныхъ отзывовъ о царѣ-государѣ, какіе позволилъ себѣ Никонъ въ своихъ разговорахъ съ царскими посланцами и, особенно, въ своей книгѣ возраженій, трудно было подумать, чтобы вскорѣ затѣмъ не устыдился Никонъ обратиться къ томуже оскорбляемому и унижаемому имъ государю и говорить ему о своей крайней нуждѣ, просить у него пособія, увѣрять его, что невиненъ

([256]) Москов. главн. арх. м. и. д., дѣла греч., связк. 41, №№ 8. 9 (*Мурав.* Сношен. Россіи въ вост., III, 861). Въ дѣлѣ подъ № 9 сохранились всѣ подлинныя письма, какія писалъ Өеофанъ изъ кириллова монастыря къ разнымъ лицамъ, а одно письмо его къ Никону оттуда же находится въ моск. синодальной библіотекѣ, по каталогу 1823 г., за № 6.

предъ нимъ, что на него, бѣднаго патріарха, все клевещутъ и лгутъ. Между тѣмъ Никонъ такъ именно поступилъ. Въ началѣ ноября 1663 года онъ написалъ къ государю слѣдующее письмо: «Пришли вѣсти, что польскіе и литовскіе люди идутъ въ твои государевы города, и стоятъ недалеко отъ Вязьмы, пойдутъ и дальше. А мы живемъ въ пустомъ мѣстѣ, прискудали до конца, хлѣба и денегъ нѣтъ. Милосердый великій государь! выдай милостивый твой указъ, чѣмъ намъ пропитаться и защититься на пустомъ мѣстѣ. Помяни святое свое слово, какъ присылалъ я сельничаго своего Аѳанасія Ивановича Матюшкина, и онъ говорилъ предъ Христовымъ св. образомъ много разъ: великій государь тебѣ велѣлъ сказать, что не покину тебя во вѣки. А когда въ прошлыхъ годахъ объявили о татарскомъ нашествіи, и я приходилъ въ Москву, то думный дьякъ Алмазъ Ивановъ сказывалъ мнѣ твоимъ государевымъ словомъ: ступай, живи въ своихъ монастыряхъ, и великій государь тебя не покинетъ, велитъ уберечь. Когда ты, великій государь, былъ на освященіи церкви въ воскресенскомъ монастырѣ, и я тебѣ говорилъ, что мѣсто хорошо, да строить нечѣмъ, то ты далъ слово свое: строй, а мы не покинемъ. Вспомнивъ все это, обратись на милость. А что тебѣ лихіе люди *клевещутъ на меня, ей лгутъ*. А я нынѣ за твоимъ государевымъ словомъ хотя и умереть радъ здѣсь. Если не попомнишь слова и обѣщанія твоего, то на тебѣ Богъ взыщетъ, а мнѣ смерть покой по писанному». Это посланіе передать государю Никонъ просилъ Ѳедора Ртищева, къ которому, между прочимъ, писалъ: «пишемъ, надѣясь на твое незлобіе и вспомнивъ, какъ ты былъ здѣсь послѣ отъѣзда нашего изъ Москвы, и слово свое далъ быть нашимъ

братомъ и строительствовать о всякихъ монастырскихъ нуждахъ. Да и въ прошломъ 1662 году, какъ ты присылалъ брата своего Өедора Соковнина, а въ другой разъ Порфирія, то приказывалъ, чтобъ намъ тебя имѣть въ любви своей, какъ прежде» ([257]). Какія были послѣдствія этого посланія Никонова къ государю, неизвѣстно.

Пора намъ вспомнить объ іеродіаконѣ Мелетіѣ, отправившемся на востокъ еще 1 генв. 1663 года. Прибывъ въ Константинополь, Мелетій вручилъ царскія граматы патріарху Діонисію. Случайно тамъ находился и патріархъ іерусалимскій Нектарій. Діонисій сначала принялъ одну царскую грамату, адресованную на его имя, но потомъ, по соглашенію съ Нектаріемъ и по его совѣту, вскрылъ и остальныя граматы, а подателю ихъ велѣлъ жить скрытно въ особой кельѣ. Граматы оказались краткими; въ нихъ говорилось только, что патріархъ Никонъ самовольно оставилъ свою каѳедру, и она уже пять лѣтъ пребываетъ праздною, и всѣ четыре патріарха приглашались въ Москву для изслѣдованій и распоряженій по этому случаю. Подробно же передать патріархамъ о дѣлѣ Никона поручено было Мелетію и, на память, ему дана была какая-то запись, показанная имъ и патріархамъ, въ которой заклинали его разсказать патріархамъ все, что онъ слышалъ о Никонѣ отъ самого государя. Ѣхать въ Москву патріархи признали для себя, по обстоятельствамъ, дѣломъ невозможнымъ; но разсудили составить и написать на бумагѣ соборное опредѣленіе или свитокъ (τόμος) по

([257]) Оба эти письма приведены у *Соловьева*, Истор. Россіи, XI, 328—329.

дѣлу Никона, чтобы отправить къ государю. Только какъ же составить? Основаться на словесныхъ показаніяхъ одного человѣка, Мелетія, было бы противоканоническимъ, и патріархи придумали составить свое опредѣленіе безъименно, вовсе не упоминая о Никонѣ, а какбудто имѣя въ виду вообще архіерея или патріарха, на тотъ случай, еслибы онъ совершилъ такіе проступки, какіе приписывались Никону. Между тѣмъ въ Москвѣ начали безпокоиться: приближался май мѣсяцъ, въ который, по предположенію, долженъ былъ открыться въ Москвѣ соборъ на Никона, а отвѣта отъ патріарховъ не было никакого. И вотъ 24 апрѣля 1663 г. Паисій Лигаридъ, докладною запискою, спрашивалъ государя: 1) «долженъ ли я писать и повторить патріарху вселенскому о дѣлѣ патріарха Никона? 2) долженъ ли я молить іерусалимскаго патріарха, пребывающаго въ Царьградѣ, чтобы пріѣхалъ въ царствующій градъ Москву и своимъ присутствіемъ украсилъ хотящій быть помѣстный соборъ? 3) что̀ нужно написать Мелетію, который, какъ слышу, уже давно въ Царьградѣ?» ([358]). Писали ли что изъ Москвы или не писали, только въ маѣ занялись въ Царьградѣ составленіемъ соборнаго опредѣленія или свитка, какъ значится въ самомъ его началѣ. Времени потребовалось немало, потому что опредѣленіе вышло очень обширно: оно изложено въ 25-ти главахъ, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ. Оба патріарха, находившіеся въ Царьградѣ, подписали это опредѣленіе въ двухъ совершенно сходныхъ спискахъ; потомъ одинъ списокъ былъ отправленъ

([358]) Москов. главн. арх. м. и. д., дѣла греч., связк. 41, № 1.

къ патріарху александрійскому Паисію съ самимъ іеродіакономъ Мелетіемъ, а другой списокъ Нектарій послалъ съ своимъ калугеромъ къ антіохійскому Макарію. Патріархи эти внимательно разсмотрѣли грамату и также подписали. Между тѣмъ Нектарій іерусалимскій успѣлъ уже переѣхать изъ Константинополя въ Яссы. И здѣсь-то, наконецъ, вручены были Мелетію оба списка граматы патріарховъ іерусалимскимъ первосвятителемъ, который сдѣлалъ къ ней еще особую приписку отъ себя въ февралѣ 1664 года. Довольно долго, однакожъ, и по полученіи граматы, Мелетій оставался въ Яссахъ, частію потому, что на всемъ пути, и въ молдавской землѣ, и въ Малороссіи, происходили военныя движенія, а частію съ цѣлію, не удастся ли какъ нибудь склонить на поѣздку въ Москву іерусалимскаго патріарха, который то давалъ обѣщаніе ѣхать, то отмѣнялъ, такъ что на случай его пріѣзда русскимъ правительствомъ сдѣлано уже было распоряженіе встрѣтить его съ такими же почестями, съ какими принятъ былъ прежде іерусалимскій патріархъ Паисій. Когда же патріарху Нектарію будтобы присланъ былъ султанскій указъ не ѣхать никуда далѣе Яссъ, Мелетій отправился въ Москву и, послѣ многихъ тревогъ на пути и нападеній отъ ратныхъ людей, прибылъ въ нее въ маѣ 1664 г., въ самый день пятидесятницы, вмѣстѣ съ амасійскимъ митрополитомъ Косьмою, который выдавалъ себя за соотечественника и даже племянника іерусалимскаго патріарха Нектарія ([259]).

([259]) О содержаніи граматъ, посланныхъ изъ Москвы къ патріархамъ, и какъ составлена была ихъ отвѣтная грамата, свидѣтельствуетъ самъ патр. Нектарій — Собр. госуд. грамат., IV, № 37. О томъ же и о всемъ ходѣ со-

Соборный свитокъ или грамата восточныхъ патріарховъ, привезенный Мелетіемъ въ двухъ спискахъ, принятъ былъ въ Москвѣ съ великою радостію. На всѣ вопросы по дѣлу Никона здѣсь изложены были такіе отвѣты, что освященному русскому собору оставалось только воспользоваться ими, чтобы порѣшить это дѣло окончательно. Патріархи въ своихъ отвѣтахъ объясняли и утверждали: 1) Царь есть верховный владыка въ своемъ царствѣ и имѣетъ право наказывать всѣхъ, сопротивляющихся ему, своихъ подданныхъ, хотя бы кто изъ нихъ занималъ самое высшее мѣсто въ церкви; въ монархіи должно быть одно начало—царь, а не два, и патріархъ въ вещахъ мірскихъ долженъ покоряться царю наравнѣ съ прочими подданными и не въ правѣ требовать отъ него никакихъ отчетовъ въ его дѣлахъ, а въ вещахъ церковныхъ не долженъ измѣнять древнихъ уставовъ и обычаевъ; если же дерзнетъ сопротивляться царю или измѣнять древніе уставы, то да будетъ лишенъ своего достоинства (гл. 1—5. 24). 2) Если епископъ, или митрополитъ, или патріархъ захочетъ усвоять себѣ какія либо названія, несвойственныя его сану, и именоваться государемъ, увлекаясь гордостію и мірскою славою, то да извергнется; если захочетъ обладать и мірскою властію и священническою честію, да извергнется; если дерзнетъ вмѣшиваться въ чужія епархіи и ставить туда священниковъ, то, вмѣстѣ съ поставленными отъ него, да низ-

---

бытія — *Лигарид.* О соборѣ на Никона, ч. I, гл. 19. О предполагавшейся поѣздкѣ патр. Нектарія въ Москву — Моск. главн. архив. м. и. д., дѣла греч., связ. 42, №№ 15. 17. О возвращеніи Мелетія — тамъ же, связк. 42, № 21.

ложится (гл. 10. 11. 13). 3) **Никакой архіерей не долженъ самовольно иждивать доходы своей епархіи на постройку своихъ монастырей или на заселеніе новыхъ мѣстъ: иначе подлежитъ наказанію (гл. 12).** 4) Если кто ударитъ слугу епископа или патріарха, то обида восходитъ на самаго владыку лишь въ томъ случаѣ, когда слуга дѣйствовалъ отъ имени своего владыки; а если слугу того ударили или безчестили словесно царскіе сановники за его строптивость, то обида остается только на немъ одномъ и не восходитъ на владыку, и такая обида подлежитъ приговору только мірскаго суда; если же владыка самъ собою изнесетъ слово на бившаго, то будетъ виновенъ и безъ всякаго оправданія (гл. 25). 5) Если епископъ или патріархъ своею волею отречется отъ своего престола, самъ сложитъ съ себя архіерейскія одежды предъ множествомъ народа, говоря, что не будетъ болѣе архіерействовать, и отойдетъ въ монастырь, то уже не можетъ снова воспріять свой санъ и архіерействовать, а долженъ считаться простымъ инокомъ; если же, по такомъ отреченіи, безстудно и дерзновенно начнетъ архіерействовать тамъ, куда удалился, и хиротонисать, то да извержется вмѣстѣ съ хиротонисованными; если даже не отречется отъ своего престола, а только своевольно удалится отъ него и безъ благословной причины останется въ удаленіи отъ него болѣе шести мѣсяцевъ, да извержется; если даже будетъ пребывать въ предѣлахъ своей епархіи, въ какомъ либо монастырѣ или селеніи, болѣе шести мѣсяцевъ вдали отъ своей каѳедры, да извержется, и помѣстный соборъ имѣетъ полное право поставить на эту каѳедру и епархію новаго архіерея (гл. 14—20). 6) Никакой архіерей или патріархъ не долженъ отлучать какого либо

христіанина отъ церкви, пока не объявится вина его, за которую церковныя правила повелѣваютъ отлучать; если же отлучитъ кого несправедливо, по гнѣву или неразсудительности, то самъ подлежитъ отлученію (гл. 6). 7) Начальствующій въ какой либо мѣстной церкви, митрополитъ или патріархъ, подлежитъ суду своихъ епископовъ, хотябы они были его рукоположенія, такъ какъ, по архіерейской благодати, они равны ему, и хотябы число ихъ было менѣе двѣнадцати; если же обвиненный ими захочетъ перенести свое дѣло въ высшій судъ, то этотъ судъ, по отпаденіи папы римскаго, которому былъ прежде предоставленъ церковію, принадлежитъ нынѣ цареградскому, вселенскому патріарху, и если съ цареградскимъ патріархомъ согласятся и прочіе патріархи и вмѣстѣ произнесутъ рѣшеніе, то это уже будетъ рѣшеніе окончательное, безпрекословное: ибо хотя они живутъ въ епархіяхъ, подъ игомъ бусурмановъ, и иногда даже изгоняются отъ своихъ престоловъ, но благодать Св. Духа въ нихъ чрезъ то не оскудѣваетъ, и они не лишаются дарованной имъ отъ Бога власти вязать и рѣшить и произносить верховный судъ въ церкви (гл. 7—9. 21—23). Въ заключеніи своего соборнаго свитка патріархи помѣстили слѣдующее общее опредѣленіе: «архіерей, который окажется виновнымъ противъ изложенныхъ вопросовъ и отвѣтовъ, да пріиметъ заслуженное наказаніе, и да извержется отъ архіерейскаго достоинства и власти, на мѣсто же его да поставится въ ту епархію другой канонически». А патріархъ Нектарій, въ своей припискѣ къ свитку, сдѣлалъ поясненіе: «настоящее опредѣленіе простирается не только на епископа или митрополита, но и на патріарха; долженъ составиться соборъ, и виновный долженъ

быть позванъ на соборъ однажды, дважды и трижды; если явится и дастъ отвѣты, то по отвѣтамъ и судится отъ собора; если же не явится, то соборъ и заочно осудитъ его окончательно» ([260]).

Теперь, казалось, ничто уже не воспрепятствуетъ положить предѣлъ несчастной смутѣ, столько времени нарушавшей миръ церкви и государства. Къ сожалѣнію, нашлось препятствіе. Надобно замѣтить, что еще въ то время, когда іеродіаконъ Мелетій отправился съ царскими граматами къ восточнымъ патріархамъ, начались попытки помѣшать успѣху этого предпріятія. Нѣкоторые изъ находившихся въ Москвѣ грековъ, преданныхъ Никону, съ вѣдома ли его или безъ вѣдома, начали, вслѣдъ за Мелетіемъ, слать въ Константинополь къ своимъ роднымъ и знакомымъ письма, чтобы возбудить тамъ между соплеменниками общественное мнѣніе въ пользу Никона. Въ письмахъ этихъ утверждали, что Никонъ большой филэллинъ и великій защитникъ православной вѣры, что онъ—второй Златоустъ, и царь ходитъ къ нему тайкомъ, ночью, слушать его бесѣды, а только бояре его ненавидятъ; что граматы, повезенныя Мелетіемъ къ патріархамъ, составле-

([260]) Разсмотрѣнная нами грамата напечатана погречески и въ славянскомъ переводѣ въ Собр. госуд. грам., IV, № 27, и подписана здѣсь только четырьмя патріархами. Но въ Москов. главн. архивѣ м. и. д. встрѣчается она и въ одномъ славянскомъ переводѣ, притомъ болѣе буквальномъ, и подписана, кромѣ четырехъ патріарховъ, еще четырнадцатью митрополитами: халкидонскимъ, кесарійскимъ, никомидійскимъ и проч., и шестью чиновными лицами духовнаго сана при цареградскомъ патріархѣ: великимъ логоѳетомъ, великимъ ризохранителемъ и проч. (греч. дѣла, связк. 41, № 20). Можетъ быть, этотъ переводъ сдѣланъ былъ съ другаго списка граматы, принесенной Мелетіемъ, и въ этомъ спискѣ, кромѣ патріаршихъ, находились подписи и другихъ означенныхъ архіереевъ и духовныхъ лицъ.

ны Паисіемъ Лигаридомъ, котораго подкупили бояре; что Мелетію дано 8000 золотыхъ для подкупа самихъ патріарховъ и проч. Такія вѣсти разглашались по всему Константинополю между греческимъ населеніемъ и высказаны были даже вселенскому патріарху; а какой-то Мануилъ Мапвалъ даже будто предлагалъ тайно двумъ, находившимся въ Царьградѣ, патріархамъ 15000 золотыхъ, чтобы только они подали свой голосъ за Никона, а не противъ него, и когда не достигъ желаемаго, то искалъ убить Мелетія. Объ всемъ этомъ сообщалъ государю самъ Мелетій. Потерпѣвъ неудачу въ Константинополѣ, интрига въ пользу Никона тотчасъ же была перенесена въ Москву. Въ мартѣ, пока Мелетій съ отвѣтною граматою патріарховъ медлилъ еще въ Яссахъ, 22 числа прибылъ въ Путивль иконійскій митрополитъ Аѳанасій и, называя себя племянникомъ цареградскаго патріарха Діонисія, заявилъ, что ѣдетъ отъ дяди своего, патріарха, съ тайными рѣчами къ государю по его великому царскому дѣлу, и прибавилъ, что видѣлъ въ Яссахъ іеродіакона Мелетія, который, за ратными людьми, не могъ ѣхать далѣе. Немедленно пропущенный въ Москву, Аѳанасій не согласился открыть здѣсь свою тайну въ посольскомъ приказѣ, сказавъ, что далъ присягу патріарху объявить ту тайну только одному государю. Явившись затѣмъ предъ лице государя, Аѳанасій произнесъ: «меня прислали цареградскій патріархъ и весь соборъ и велѣли сказать: какъ Господь пришелъ къ ученикамъ своимъ, дверемъ затвореннымъ, и сказалъ: миръ вамъ,—такъ и я отъ имени цареградскаго патріарха и всего собора говорю тебѣ, государь, примирись съ Никономъ патріархомъ и призови его на престолъ по прежнему». Государь усомнился, потому что у Аѳа-

насія не было никакой граматы отъ патріарха, и спросилъ: «а знаешь ли ты о посольствѣ Мелетія?» «Знаю, отвѣчалъ Аѳанасій, но Мелетія патріархи не приняли, и твоихъ грамать и милостыни не взяли». «Какъ же это такъ? Мелетій писалъ мнѣ совсѣмъ иное», возразилъ царь. Пріѣхалъ, наконецъ, Мелетій и привезъ соборный свитокъ четырехъ патріарховъ за ихъ подписями. Царь созвалъ синклитъ и освященный соборъ; свитокъ патріаршій торжественно былъ прочитанъ, и вдругъ иконійскій митрополитъ Аѳанасій объявилъ предъ всѣми, что свитокъ и подписи патріарховъ на немъ подложны. Поднялся большой шумъ во всей палатѣ; между Мелетіемъ и Аѳанасіемъ завязался споръ; стали присматриваться къ подписямъ. Паисій газскій сказалъ: «я признаю за подлинную подпись патріарха антіохійскаго Макарія; она начертана сперва поарабски самимъ патріархомъ, потомъ погречески его экономомъ и подписчикомъ, священникомъ Іоанномъ Хіосцемъ, почеркъ котораго я вполнѣ знаю». А Косьма, митрополитъ амасійскій, пріѣхавшій съ Мелетіемъ, заявилъ: «я очень хорошо узнаю подпись патріарха іерусалимскаго Нектарія; онъ мой соотечественникъ и старый другъ». Всѣ обрадовались этимъ двумъ свидѣтельствамъ. Тогда самъ Аѳанасій сознался, что и подпись вселенскаго патріарха не заключаетъ въ себѣ поддѣлки. Осталась незасвидѣтельствованною только подпись александрійскаго патріарха ([261]).

Нектарій іерусалимскій, подписавшій соборный свитокъ въ

([261]) Москов. главн. арх. м. и. д., дѣла греч., связк. 42, №№ 12. 14; *Паис. Лигар.* О соборѣ на Никона, ч. I, гл. 16. 19; *Соловьев.* Исторія Россіи, XI. 330—332. 339—340.

февралѣ 1664 года, спустя около мѣсяца, именно 20 марта, написалъ къ государю грамату еще отъ себя лично, и еслибы эта грамата была доставлена въ Москву своевременно, вскорѣ послѣ возвращенія туда Мелетія, то могла бы вполнѣ удостовѣрить царя въ подлинности соборнаго свитка, привезеннаго Мелетіемъ. Ибо въ началѣ своей граматы Нектарій подробно разсказалъ, какъ приняты были въ Царьградѣ царскія граматы, посланныя съ Мелетіемъ, и какъ составлена была патріархами отвѣтная грамата или соборный свитокъ, и обозначилъ самое содержаніе свитка, всецѣло направленное къ осужденію Никона. Но далѣе Нектарій повелъ уже рѣчь въ защиту Никона и писалъ: «намъ кажется, что вы можете покончить дѣло мирнымъ образомъ. Пригласите однажды и дважды киръ Никона, чтобы онъ возвратился на свой престолъ и покажите ему для точнаго соблюденія статьи нашего соборнаго свитка... Если Никонъ окажется преступившимъ эти статьи, но раскается и дастъ обѣщаніе слѣдовать имъ, то достоинъ прощенія... Просимъ ваше величество не приклонять слуха къ совѣтамъ людей завистливыхъ, особенно если такіе будутъ духовнаго сана... Въ настоящемъ положеніи, когда наша церковь находится подъ игомъ рабства, мы уподобляемся кораблямъ, потопляемымъ безпрестанными бурями, и въ одной вашей русской церкви видѣли какбы Ноевъ ковчегъ для спасенія отъ потопа. А теперь кто внушилъ вамъ отвращеніе отъ мира?.. Помысливъ о семъ, миролюбивѣйшій государь, послѣдуй кротости Давида, воспріими ревность по вѣрѣ православной и постарайся со тщаніемъ вновь возвести законнаго патріарха вашего на престолъ его... Если Никонъ говоритъ, что онъ не отрекался отъ престола, но отъ не-

покорныхъ, то, очевидно, онъ обличаетъ непокорность народа: покажитежъ къ нему должное повиновеніе, какъ къ строителю благодати... Онъ не подалъ письменнаго отреченія своему собору, и ваше величество, равно какъ и весь народъ, не принимали этого отреченія»... Въ заключеніе однакожъ Нектарій сказалъ: «если Никонъ, по вторичному приглашенію, не согласится возвратиться на свой престолъ, то извольте поступить по правиламъ, указаннымъ въ нашемъ соборномъ свиткѣ: ибо нельзя же столичному городу быть безъ духовнаго пастыря. Необходимо одно изъ двухъ: или возвратить Никона, или на его мѣсто возвести другаго; только гораздо лучше было бы возвратить Никона». Къ сожалѣнію, эта грамата Нектарія, почему-то, слишкомъ запоздала и доставлена въ Москву не раньше ноября или даже декабря того года, а потому не могла уже оказать никакого вліянія на ходъ событій ([262]). Царь Алексѣй, долгое время не имѣвшій возможности убѣдиться совершенно въ подлинности соборнаго свитка, привезеннаго Мелетіемъ, пришелъ къ мысли, что однѣхъ патріаршихъ граматъ недостаточно для окончанія дѣла Никонова, и непремѣнно нужно пригласить въ Москву лично самихъ патріарховъ, и рѣшился снова отправить къ нимъ посольство. Для этого назначены были тотъ же іеродіаконъ Мелетій и грекъ Стефанъ Юрьевъ, называвшій себя племянникомъ патріарха Діонисія, съ нѣсколькими свѣтскими при

([262]) Собр. госуд. грам., IV, № 37. Въ отвѣтной своей граматѣ, упоминающей и о событіи 18 декабря въ успенскомъ соборѣ и писанной не раньше генваря 1665 г., царь Алексѣй извѣщалъ Нектарія, что его грамата отъ 20 марта получена только «не во мнозѣ дней» предъ тѣмъ и «зѣло поздо поспѣ» (Записки отд. русск. и слав. археол., II, 597—599).

нихъ лицами. Въ сентябрѣ 1664 г. они выѣхали изъ Москвы, а отъ 22 октября Стефанъ грекъ извѣщалъ Паисія Лигарида, что въ Кіевъ прибыли они еще 14 октября и проживаютъ тамъ за невозможностію двигаться далѣе, что Мелетій ѣдетъ «съ великою пышностію и гордо», открыто выдаетъ себя за царскаго посла, такъ что всѣ сосѣднія мѣста свѣдали, куда и зачѣмъ онъ ѣдетъ, и съ нимъ ѣхать крайне опасно, потому что всѣ дороги заняты, чтобъ его схватить ([263]). Царскіе посланцы, очевидно, подвигались впередъ весьма медленно, и въ то время, когда они еще продолжали свой путь къ патріархамъ для приглашенія ихъ въ Москву, Никонъ рѣшился на отчаянный поступокъ, чтобы предотвратить созваніе этого собора.

Въ ночь съ 17 на 18 число декабря, подъ недѣлю св. отецъ, часа за полпята (4$^1/_2$) до свѣта, къ никитскимъ воротамъ города Москвы подъѣхало до десяти саней съ сидѣвшими на нихъ людьми и человѣкъ пять или шесть верховыхъ. Они постучали въ ворота, которыя были заперты, и, объявивъ часовому стрѣльцу, что ѣдетъ «звѣнигородская власть» (т. е. савина монастыря), велѣли открыть ворота, и были пропущены. Тоже самое они объявили потомъ и также были пропущены у смоленскихъ воротъ, у троицкихъ, у отводной башни, и быстро поѣхали къ успенскому собору. Въ соборѣ шла заутреня, читалась вторая каѳизма. Вдругъ загремѣли сѣверныя двери, и въ церковь съ шумомъ двинулось множество людей: впереди шли «напроломъ, съ вели-

---

([263]) *Лигарид.* О соборѣ на Никона, ч. I, гл. 20; Москов. главн. архив. м. и. д., дѣла греч., связк. 43, № 1.

кимъ безстрашіемъ» люди «въ служиломъ платьѣ», за ними старцы, за старцами несли крестъ, а за крестомъ слѣдовалъ патріархъ Никонъ съ посохомъ въ рукахъ. Крестъ поставили въ церкви у Спасова образа, противъ патріаршага мѣста; а Никонъ взошелъ на патріаршее мѣсто и, отдавъ свой посохъ одному изъ старцевъ, взялъ стоявшій тамъ посохъ святителя Петра. Старцы запѣли: «исъ полла эти деспота», и потомъ: «достойно есть». Никонъ приказалъ остановить чтеніе псалтыри, а соборному дьякону Михаилу велѣлъ говорить эктенію: «помилуй насъ, Боже», и самъ, съ посохомъ святителя Петра, пошелъ прикладываться къ св. иконамъ, къ мощамъ чудотворцевымъ и къ ризѣ Господней. Возвратившись на патріаршее мѣсто, Никонъ, когда окончилась эктенія, за которою поминалось и его имя, прочелъ молитву: «Владыко многомилостиве», и послалъ сказать митрополиту Іонѣ, находившемуся въ церкви, чтобъ шелъ подъ благословеніе къ патріарху. А надобно замѣтить, что Іона, митрополитъ ростовскій, былъ тогда блюстителемъ патріаршаго престола, послѣ столько ненавистнаго Никону митрополита крутицкаго Питирима, который съ 6 августа этого года сдѣлался митрополитомъ новгородскимъ. Іона, въ испугѣ, не осмѣлился противиться Никону и явился принять у него благословеніе, которое, вслѣдъ за митрополитомъ, приняли также протопопъ и прочія духовныя лица, бывшія въ церкви, а за ними и многіе изъ народа. Тогда Никонъ послалъ Іону, вмѣстѣ съ своимъ воскресенскимъ архимандритомъ и ключаремъ собора, къ великому государю и велѣлъ извѣстить о своемъ приходѣ. Царь, находившійся тогда также на утренней службѣ въ церкви преп. мученицы Евдокіи, что у него на сѣняхъ, былъ

пораженъ извѣстіемъ, какое передали ему Іона и ключарь, и тотчасъ же послалъ звать къ себѣ думныхъ бояръ и архіереевъ. Весь дворъ внезапно освѣтился, и въ немъ происходили шумъ, бѣготня и общее смятеніе, какъ будто случилось неожиданное нашествіе враговъ. Но скоро собрались бояре и митрополиты: Павелъ крутицкій, Паисій газскій и Өеодосій сербскій (этотъ Өеодосій еще съ 1662 г. оставленъ былъ государемъ въ Москвѣ для служенія въ архангельскомъ соборѣ, и жилъ въ кремлѣ у никольскихъ воротъ въ домѣ, принадлежавшемъ прежде боярину князю Борису Михайловичу Лыкову). Царь негодовалъ, бояре кричали, архіереи призывали Бога. И съ общаго совѣта царь приказалъ идти въ соборную церковь митрополиту крутицкому Павлу да боярамъ—князю Никитѣ Одоевскому, князю Юрью Долгорукову, окольничему Родіону Стрѣшневу и думному дьяку Алмазу Иванову и говорить Никону: «ты самовольно оставилъ патріаршескій престолъ, обѣщался не быть впредь патріархомъ, съѣхалъ жить въ монастырь, и о томъ писано къ вселенскимъ патріархамъ; зачѣмъ же нынѣ пріѣхалъ ты въ Москву и вошелъ въ соборную церковь безъ вѣдома великаго государя и безъ совѣта всего освященнаго собора? Поѣзжай опять въ свой монастырь». Никонъ отвѣчалъ: «сошелъ я съ престола, никѣмъ не гонимый, и пришелъ нынѣ на свой престолъ, никѣмъ не званный, чтобы великій государь кровь утолилъ и миръ учинилъ; отъ суда же вселенскихъ патріарховъ я не бѣгаю, а пришелъ на свой престолъ по бывшему мнѣ явленію, и вотъ возьмите письмо къ великому государю». Митрополитъ Павелъ и бояре сказали, что безъ вѣдома государя принять того письма не смѣютъ и извѣстятъ о немъ государя. Государь, выслушавъ

ихъ, приказалъ имъ въ другой разъ идти къ Никону, повторить ему прежнее приказаніе, а письмо у него взять. Никонъ, отдавая имъ письмо, сказалъ: «если великому государю пріѣздъ мой въ Москву ненадобенъ, я пойду въ монастырь назадъ; но пока отъ государя не будетъ отповѣди на мое письмо, изъ соборной церкви не пойду». Письмо было доставлено государю и тотчасъ же прочитано. Сначала Никонъ описывалъ здѣсь будтобы бывшее ему явленіе: «слыша смятеніе и великую молву о патріаршескомъ столѣ, какъ одни то, другіе иное говорятъ, каждый что хочетъ, и ни въ чемъ нѣтъ истины, я въ 14 день ноября 1664 года удалился въ пустынь внѣ монастыря (т. е. въ свой скитъ) на молитву и постъ, да извѣстить мнѣ Господь Богъ, чему подобаетъ быть: молился довольно со слезами, и не было мнѣ извѣщенія. Съ 13 декабря уязвился я любовію болѣе прежняго, приложилъ молитву къ молитвѣ, слезы къ слезамъ, бдѣніе къ бдѣнію, постъ къ посту, и постился даже до 17 декабря, со вторника до субботы, ничего не ѣлъ и не пилъ, не вкушалъ сна, лежа на ребрахъ, и, только утомившись, садился на одинъ часъ въ сутки; все труждался и молился со слезами и вопіялъ къ Господу Іисусу, да явитъ волю свою. И когда, послѣ многаго труда, сѣлъ я въ церкви на мѣстѣ своемъ, вдругъ сведенъ былъ на меня малый сонъ, и я видѣлъ: я въ соборной церкви; въ ней великій свѣтъ, но изъ живыхъ людей никого невидно, а стоятъ одни усопшіе святители и священники по сторонамъ, гдѣ гробы митрополитовъ и патріарховъ И какой-то святолѣпный мужъ, украшенный честною сѣдиною, въ святительскихъ одеждахъ, обходитъ всѣхъ другихъ святителей съ хартіею и киноварницею въ рукахъ, и всѣ подписываются.

Я со страхомъ подошелъ къ нему и спросилъ: что вы подписываете? Онъ отвѣчалъ: о твоемъ пришествіи на св. престолъ; и, по моей просьбѣ, показалъ мнѣ самую хартію. Я спросилъ: а ты подпишешь? Уже подписалъ, отвѣчалъ онъ. Я со вниманіемъ посмотрѣлъ въ хартію и, по указанію его, прочелъ подпись: смиренный Іона, Божіею милостію, митрополитъ. Я съ дерзновеніемъ пошелъ къ своему (патріаршему) мѣсту и едва хотѣлъ взойти, какъ увидѣлъ стоящаго на немъ святителя въ архіерейскихъ одеждахъ, и ужаснулся. Но онъ сказалъ мнѣ: не ужасайся, брате, такова воля Божія; взыди на столъ свой и паси словесныя Христовы овцы. И вдругъ сдѣлался невидимъ; я же, утвердившись, взошелъ на свое мѣсто, и думаю, что тотъ стоявшій святитель былъ чудотворецъ Петръ. Ей, ей, было такъ: Господь мнѣ въ томъ свидѣтель. Аминь». Нельзя не замѣтить, какъ сходно это новое видѣніе Никона съ тѣмъ, которое будтобы было ему еще въ генварѣ 1661 года и тоже происходило въ соборной каѳедральной церкви и при участіи тѣхъ же святителей. Окончивъ сказаніе объ этомъ новомъ своемъ видѣніи, Никонъ въ томъ же письмѣ помѣстилъ еще отъ себя цѣлое посланіе къ царю, царицѣ, царскимъ дѣтямъ и сестрамъ и, выразивъ имъ въ самомъ началѣ свои благожеланія, продолжалъ: «я нахожусь теперь въ св. великой соборной церкви Пресв. Богородицы...., и пришелъ видѣть пресвѣтлыя лица ваши и поклониться пресвѣтлой славѣ царствія вашего..., пришелъ видѣть: какъ—у васъ, государей, и у всѣхъ, живущихъ въ царствующемъ градѣ Москвѣ и во всѣхъ градахъ? Пришли мы въ кротости и смиреніи, какъ научилъ насъ Господь: *научитеся отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ*, и несемъ съ собою миръ,

завѣщанный намъ Господомъ... И не одинъ только миръ даровать кому мы имѣемъ власть, благодатію Божіею, но и оставленіе грѣховъ... А если и больше сего восхощетъ царское величество услышать, мы не отречемся сказать: желаешь ли принять самого Христа? Мы твоему благородію покажемъ, какъ это сдѣлать по слову Господа: *пріемляй васъ мене пріемлетъ*... Пріими насъ во имя Господне и отверзи намъ двери дома твоего»... Когда окончилось чтеніе письма патріарха Никона, «всѣ мы ужаснулись,—говоритъ Паисій Лигаридъ,—такому ложному откровенію и единодушно воскликнули: ангелъ сатаны посланъ былъ къ Никону, преобразившись въ ангела свѣта». И, по приказу государя, отправились въ соборную церковь всѣ, бывшіе у него, митрополиты: крутицкій, газскій и сербскій и трое прежнихъ бояръ, и объявили Никону: «письмо твое великому государю донесено, и онъ, государь, и власти, и бояре письмо то выслушали; а ты, патріархъ, изъ соборной церкви поѣзжай въ воскресенскій монастырь, по прежнему, да поспѣши до восхода солнца, чтобы не случилось потомъ чего непріятнаго». Услышавъ это и увидѣвъ трехъ архіереевъ, Никонъ вознегодовалъ и, схвативъ посохъ святителя Петра, быстро спустился съ патріаршаго мѣста, и, едва поклонившись иконамъ, бѣгомъ вышелъ изъ храма. Бояре сказали Никону, чтобы оставилъ посохъ святителя въ соборной церкви. «Отнимите у меня силою», отвѣчалъ Никонъ, и, садясь въ сани, отрясъ прахъ отъ ногъ своихъ и велѣлъ сдѣлать тоже своимъ спутникамъ, а затѣмъ поѣхалъ изъ Москвы за часъ до свѣта. Немедленно доложили государю, что Никонъ увезъ посохъ св. Петра, и государь послалъ за Никономъ окольничаго князя Димитрія Долгорукаго да полковника и голову

стрѣлецкаго Артемона Матвѣева, и велѣлъ проводить его за земляный городъ. При прощаніи съ ними здѣсь, Никонъ, какбы забывъ свое сонное видѣніе, будтобы заставившее его пріѣхать въ Москву на свой столъ, сказалъ имъ: «я пріѣзжалъ къ Москвѣ по вѣсти (т. е. по приглашенію), а не собою». Одоевскій, какъ только возвратился, передалъ эти слова Никона государю. И въ тотъ же день государь и власти и бояре приговорили послать вслѣдъ за Никономъ митрополита крутицкаго Павла, да окольничаго Родіона Стрѣшнева, да думнаго дьяка Алмаза Иванова, да чудовскаго архимандрита Іоакима, чтобы они взяли у патріарха увезенный имъ посохъ и спросили, по какой вѣсти онъ пріѣзжалъ. Посланные догнали Никона въ его монастырскомъ селѣ Черневѣ, гдѣ онъ остановился. Никонъ встрѣтилъ ихъ у нижняго крыльца, вошелъ съ ними въ комнату и, выслушавъ ихъ рѣчи, сказалъ: «къ Москвѣ я пріѣзжалъ и въ соборную церковь вошелъ не самовольно, но по вѣсти изъ Москвы, и посоха не отдамъ, потому что некому его отдать». Когда же митрополитъ Павелъ и окольничій съ товарищами начали его всячески упрашивать, онъ отвѣчалъ Павлу: «тебя я зналъ въ попахъ, а въ митрополитахъ не знаю, и кто поставилъ тебя митрополитомъ, того не знаю, и посоха тебѣ не отдамъ, да и съ своими ни съ кѣмъ не пошлю, потому что не у кого тому посоху быть». А ко всѣмъ сказалъ: «кто прислалъ мнѣ ту вѣсть изъ Москвы, вамъ не скажу, а открою тѣмъ, кому великій государь укажетъ». Митрополитъ и окольничій въ тотъ же день (18 декабря) извѣстили обо всемъ государя и получили отъ него приказъ вновь говорить Никону объ отдачѣ посоха, котораго никто изъ прежнихъ святителей и

никогда не выносилъ изъ соборной церкви и съ собою неваживалъ, и вновь допрашивать Никона, по какой вѣсти онъ приходилъ въ Москву, и кто и кого и почему присылалъ къ нему съ тою вѣстію. Если же онъ посоха не отдастъ и про вѣсть подлинно не скажетъ, то они, царскіе посланные, въ туже ночь отписали бы къ государю, а сами до указа государева не выѣзжали изъ Чернева, и Никона не выпускали. Услышавъ объ этомъ, Никонъ значительно сдался и сказалъ: «кто прислалъ мнѣ вѣсть, по времени объявлю». Потомъ читалъ самое письмо, въ которомъ прислана была ему та вѣсть, и продолжалъ: «я принялъ письмо потому, что когда государь былъ въ савиномъ монастырѣ (на праздникѣ преп. Саввы, 3 декабря), и я посылалъ къ нему, государю, своего архимандрита, то милость ко мнѣ государева была такова, какой, по отшествіи моемъ, никогда не бывало; послѣ того прислано было ко мнѣ первое письмо, а другое прислано 17 декабря, чтобъ мнѣ быть въ Москвѣ 18-го, и я, видя ко мнѣ милость государя, принялъ тѣ письма за прямую правду». Но посоха и теперь не соглашался отдать и только послѣ многихъ и усиленныхъ убѣжденій и просьбъ, продолжавшихся съ пятаго часа дня до одиннадцати часовъ ночи, объявилъ, что и посохъ и письма тѣ пошлетъ къ государю съ своимъ архимандритомъ Герасимомъ. Тутъ Никонъ совершенно перемѣнилъ тонъ и со смиреніемъ началъ говорить царскимъ посланнымъ: «вѣдомо мнѣ, что великій государь посылалъ ко вселенскимъ патріархамъ, чтобы они судили объ отшествіи моемъ и о поставленіи новаго патріарха, и я бью челомъ великому государю, чтобы онъ ко вселен-

скимъ патріархамъ не посылалъ. Я какъ сперва обѣщался (вотъ теперь Никонъ и самъ сознался, что отреченіе его отъ каѳедры, подлинность котораго онъ столько времени и такъ упорно отвергалъ, дѣйствительно было), такъ и нынѣ обѣщаюсь, что на патріаршескій престолъ великія Россіи не возвращусь; у меня и въ мысли того нѣтъ. Я хочу, чтобы на мое мѣсто избранъ былъ новый патріархъ, кого великій государь изволитъ и освященный соборъ изберетъ; и такъ де церковь вдовствуетъ немало лѣтъ. А какъ поставленъ будетъ новый патріархъ, я ни въ какія патріаршія дѣла вступаться не стану, и ни до чего мнѣ дѣла не будетъ. Только повелѣлъ бы великій государь жить мнѣ въ монастырѣ, который устроенъ по его царскому указу, и новопоставленный патріархъ не имѣлъ бы надо мною никакой власти, а имѣлъ меня за брата; да мнѣ бы вѣдать воскресенскій и иверскій и иные, приписные къ нимъ, монастыри, а новгородскому митрополиту въ тѣ монастыри не вступаться, ибо у него и безъ того останется въ епархіи до 150 монастырей и больше 2000 церквей; да не оставилъ бы государь своей милости ко мнѣ въ потребныхъ вещахъ, чѣмъ бы мнѣ пропитаться до смерти,—а вѣкъ де мнѣ недологъ,—и теперь уже мнѣ близко 60-ти лѣтъ». Никонъ настоятельно просилъ, чтобы все это царскіе посланные передали государю, и сказалъ, что воскресенскій архимандритъ поѣдетъ вмѣстѣ съ ними, повезетъ государю посохъ и письма, а въ письмахъ написано, отъ кого и съ кѣмъ онѣ присланы. И въ туже ночь, 19 декабря, за два часа до свѣта, царскіе посланные, вмѣстѣ съ воскресенскимъ архимандритомъ, прибыли въ Москву и поднесли го-

сударю и посохъ чудотворца Петра и письма, писанныя къ Никону, и статейный списокъ своей посылки ([264]).

Посохъ былъ отнесенъ митрополитомъ Павломъ въ соборную церковь и поставленъ на прежнемъ мѣстѣ, а привезенныя письма были прочитаны предъ государемъ и всѣмъ освященнымъ соборомъ и синклитомъ. Оказалось, что авторомъ писемъ былъ извѣстный уже намъ, по преданности Никону, бояринъ Никита Алексѣевичъ Зюзинъ, и что въ письмахъ онъ отъ имени самого царя, царицы и всего царскаго семейства, приглашалъ Никона пріѣхать въ Москву. Зюзинъ, которому показали письма, тотчасъ сознался, что одно письмо писано его рукою, а другое—списокъ съ его письма, сдѣланный рукою патріарха Никона, что и Никонъ отписывалъ ему, но письма Никона онъ жегъ, а его письма Никонъ возвращалъ ему, только послѣдняго не возвратилъ. Зюзина подробно распрашивали (22 декабря) и потомъ велѣли ему написать сказку. Въ сказкѣ Зюзинъ показалъ, какъ онъ, еще предъ отреченіемъ Никона отъ каѳедры, убѣждалъ его чрезъ дьяка Ивана Калитина не оставлять ее; какъ, по отреченіи Никона, въ тоже лѣто много разъ упрашивалъ его, чрезъ дьяка Торопова, оставить упорство и возвратиться на каѳедру; какъ велъ съ нимъ переписку изъ Новгорода, когда Никонъ находился въ иверскомъ монастырѣ и въ крестномъ: о всемъ этомъ

([264]) Всѣ, относящіеся сюда, документы—въ Подлинн. дѣлѣ Никона, по списку моск. дух. акад., стр. 168—202. См. такъ же *Лигарид.* О соборѣ на Никона, ч. I, гл. 21; *Шушерин.* Извѣст. о Никонѣ, стр. 45 — 48. А объ оставленіи сербскаго митрополита Ѳеодосія для служенія въ архангельскомъ соборѣ—Москов. главн. арх. м. и. д., дѣла греч., связк. 41, № 5. Снес. Дополн. къ акт. истор. V, стр. 99.

мы уже упоминали. Затѣмъ Зюзинъ писалъ: «идя изъ Новгорода, я былъ у него, патріарха (въ воскресенскомъ монастырѣ), и говорилъ ему: зачѣмъ сшелъ съ каѳедры дерзостно и оставилъ церковь, и доселѣ нейдешь и не смиришь себя предъ Богомъ и великимъ государемъ? И онъ сказалъ: сшелъ съ сердца, а по времени возвращусь, а ты де пиши ко мнѣ и впредь о томъ—о пришествіи моемъ». Вѣрное свидѣтельство, что Никонъ постоянно лелѣялъ мысль возвратиться на свой престолъ, и только выжидалъ удобнаго случая, и съ этою цѣлію поручилъ Зюзину писать къ нему. «И я, продолжалъ Зюзинъ, писалъ къ нему и словомъ приказывалъ о пришествіи его, сперва съ Аарономъ старцемъ, а потомъ съ попомъ Сысоемъ, чтобы смирилъ себя, возвратился». Письма не производили дѣйствія. Но вотъ насталъ декабрь 1664 года. Однажды съ Зюзинымъ встрѣтился думный дворянинъ Аѳанасій Лаврентьевичъ Ординъ-Нащокинъ и, между прочимъ, передалъ ему: «7-го декабря говорилъ мнѣ великій государь, что пріѣзжалъ къ нему отъ патріарха воскресенскій архимандритъ, и билъ челомъ и со слезами говорилъ отъ патріарха, чтобъ смутѣ не вѣрить никакой, и государь сказалъ: смутѣ не вѣрю и гнѣва моего на патріарха нѣтъ, пріѣзжалъ ко мнѣ въ Хорошево Иванъ Нероновъ и поносилъ патріарха, и я де тому ничего не повѣрилъ». Зюзинъ тотчасъ пришелъ къ мысли, что нужно написать къ Никону и что время теперь для возвращенія его самое благопріятное. И немедленно написалъ и послалъ письмо съ попомъ (новгородскимъ) Сысоемъ Андреевымъ, всячески убѣждая патріарха поспѣшить въ Москву. Но Никонъ отвѣчалъ: «мнѣ безъ письма великаго государя нельзя быть». И Зюзинъ, недолго думая, рѣшился

написать отъ лица самого государя, и увѣрялъ въ письмѣ, что самъ государь, чрезъ Аѳанасія Нащокина, приказалъ ему, Зюзину, тайно извѣстить Никона, чтобы пріѣхалъ въ Москву на 19 декабря къ заутренѣ въ соборъ и сталъ на своемъ мѣстѣ. Для доставленія такого письма патріарху Зюзинъ сначала обратился-было къ патріаршему дьяку Ивану Калитину; но Калитинъ подивился, услышавъ, будто государь зоветъ Никона на патріаршество, и спросилъ: «да подлинно ли такъ?»—а потомъ сказалъ: «нельзя мнѣ отъѣхать да и не смѣю». Зюзинъ попросилъ отца своего духовнаго, справщика печатнаго двора, старца іеромонаха Александра—указать надежнаго человѣка для доставки письма патріарху. Старецъ указалъ на преданнаго Никону иподьякона Никиту, и на другой день, 13 декабря, въ кельѣ старца Александра Зюзинъ увидѣлся съ Никитою, разсказалъ ему о содержаніи письма, и Никита охотно отправился съ письмомъ въ воскресенскій монастырь, куда и прибылъ въ туже ночь. Никонъ находился въ своемъ скиту, тотчасъ принялъ Никиту, прочелъ письмо и сказалъ: «буди воля Божія, сердце царево въ руцѣ Божіей». А утромъ послалъ отписку къ Зюзину, что «будетъ въ Москву»; только просилъ извѣстить подлинно, въ какой день придти, какъ въѣхать. И Зюзинъ 15 декабря послалъ къ Никону съ тѣмъ же Никитою новое длиннѣйшее письмо; сначала извѣщалъ, что ему, патріарху, велѣно пріѣхать въ Москву не подъ 19, а подъ 18 декабря, подъ воскресенье, въ соборную церковь къ заутренѣ; потомъ излагалъ подробную инструкцію, что сказать при въѣздѣ у городскихъ воротъ, какъ войти въ соборную церковь, стать на патріаршее мѣсто, что потомъ дѣлать, какъ послать къ го-

сударю съ извѣстіемъ о своемъ приходѣ; а далѣе весьма обширно разсказывалъ, будто 7-го декабря государь говорилъ не одному Аѳанасію Ордину-Нащокину, но вмѣстѣ и стрѣлецкому полковнику и головѣ Артемону Матвѣеву, что никакого гнѣва на патріарха не имѣетъ, весьма желаетъ видѣть его опять на каѳедрѣ, нуждается въ его совѣтахъ, да самъ не можетъ звать его и писать къ нему «духовенства и синклита ради», а пусть Никонъ придетъ своею волею въ соборную церковь, никто ему не возбранитъ.., и поручилъ Нащокину приказать ему, Никитѣ Зюзину, чтобы онъ тайно написалъ Никону отъ имени государя о всемъ этомъ. Получивъ и прочитавъ это письмо, Никонъ сказалъ: «не буду противиться волѣ Божіей и государеву указу», и въ заутреню 16-го декабря послалъ съ тѣмъ же иподьякономъ отвѣтъ къ Зюзину, а съ 17 подъ 18 число дѣйствительно пріѣхалъ въ Москву и поступилъ точно такъ, какъ наказано было въ послѣднемъ письмѣ Зюзина. Подъ конецъ своей сказки Зюзинъ написалъ, что виноватъ безъ всякаго оправданія предъ Богомъ и государемъ, что самъ собою, не обмысля, дерзнулъ звать Никона въ Москву отъ имени государя, что ни съ кѣмъ объ этомъ не совѣтовался и поклепалъ въ письмѣ на Аѳанасія и на Артемона. Кромѣ Зюзина, допрошены были также Ординъ-Нащокинъ, попъ Сысой, иподьяконъ Никита и старецъ Александръ, и всѣ объяснили, насколько каждый участвовалъ въ дѣлѣ или въ сношеніяхъ съ Зюзинымъ,—причемъ старецъ Александръ сообщилъ, что Зюзинъ еще 17 декабря, въ субботу, показывалъ и прочиталъ ему видѣніе Никона, то самое, которое потомъ Никонъ привезъ съ собою ночью подъ 18 декабря и посылалъ изъ соборной церкви къ

царю (старецъ изложилъ въ своей сказкѣ самое содержаніе этого видѣнія). Значитъ, Зюзину оно прислано было Никономъ еще 16 числа, можетъ быть, съ иподьякономъ же Никитою, котораго Никонъ отпустилъ тогда отъ себя рано утромъ, и, слѣд., въ то самое время, когда Зюзинъ увѣрялъ Никона, что его призываетъ въ Москву на патріаршую каѳедру самъ царь; Никонъ увѣрилъ Зюзина, что его, Никона, призываетъ туда самъ Богъ чрезъ угодниковъ своихъ, московскихъ святителей, т. е. оба обманывали другъ друга. Зюзину однакожъ за свой обманъ пришлось дорого поплатиться. Его потребовали, 3 февраля, для допросовъ на пытку, и жена его Марія, какъ только услышала объ этомъ, тотчасъ вскрикнула: охъ! и скончалась. На пыткѣ Зюзинъ повторилъ прежнія свои рѣчи, что писалъ къ Никону самъ собою, «ни съ кѣмъ не мысля и никому про то невѣдомо». И бояре приговорили Зюзина за то, что онъ своимъ обманнымъ письмомъ «св. церковь поколебалъ, на помазанника Божія солгалъ и людей тѣмъ возмутилъ», къ смертной казни. Но государь, по просьбѣ своихъ дѣтей, Алексѣя и Ѳеодора Алексѣевичей, отмѣнилъ смертную казнь, а велѣлъ только сослать Зюзина въ ссылку въ Казань на службу, помѣстья его и вотчины отписать на себя, государя, и отдать въ раздачу, самому же Зюзину для прокормленія и уплаты долговъ оставить только его домъ и домашнее имущество. Марта 13-го государевъ указъ объявленъ былъ Зюзину, и затѣмъ онъ былъ сосланъ, куда указано (265). Выдалъ Никонъ преданнаго ему человѣка,

---

(265) Документы—въ Подлинн. дѣлѣ Никона, по списку москов. дух. акад., стр. 204—236. 245—250; *Шушерин*. Извѣст. о Никонѣ, стр. 43—45. 47—49.

хотя и могъ бы не выдавать, и этимъ себя не оправдалъ, а его погубилъ.

Не одинъ Зюзинъ подвергся допросамъ, вмѣстѣ съ лицами, которыя, по его указаніямъ, такъ или иначе будтобы участвовали съ нимъ въ приглашеніи Никона въ Москву и соборную церковь; тоже самое происходило и съ лицами, которыя пропустили Никона въ Москву и принимали его въ соборной церкви. Еще 18 декабря допрошены были: стрѣльцы, стоявшіе на часахъ у воротъ, чрезъ которыя проѣхалъ Никонъ; самъ митрополитъ ростовскій Іона и соборные—протопопъ, два ключаря, священникъ, дьяконъ, возглашавшій эктенію, іеродіаконъ митрополита, иподьяконъ и одинъ пѣвчій, и всѣ показали, какъ было дѣло, а иные и повинились, въ чемъ признавали себя виновными. Болѣе всѣхъ оказался виноватымъ митрополитъ Іона, и именно въ томъ, что принялъ благословеніе отъ патріарха Никона и своимъ примѣромъ увлекъ къ томуже и другихъ. Государь, какъ только услышалъ изъ устъ Іоны сознаніе въ этомъ, сказалъ ему: «ты, митрополитъ, поставленъ блюстителемъ соборныя церкви, и зналъ соборное изложеніе всѣхъ васъ, подъ которымъ есть и твоя рука: что патріархъ Никонъ самовольно оставилъ свой престолъ и обѣщался на него не возвращаться, и что про его самовольное отреченіе, по изложенію всего освященнаго собора, писано нами ко вселенскимъ патріархамъ, а до разсужденія вселенскихъ патріарховъ и до большаго собора опредѣлено сообщенія съ Никономъ не имѣть». Іона предъ государемъ оправдывался и говорилъ, что совершилъ то забвеніемъ, устрашась его, Никона, и его внезапнаго пришествія. Но государь, какъ самъ выражается, за такое «презрѣніе

Іоною изложенія всего освященнаго собора и за неопасное блюстительство соборныя церкви» не захотѣлъ принять отъ Іоны благословенія и велѣлъ разсмотрѣть дѣло собору. Архіереи, бывшіе тогда въ Москвѣ, Павелъ крутицкій, Паисій газскій, Нектарій архіепископъ погонеанійскій и другіе, собравшись 22 декабря въ патріаршей крестовой палатѣ, признали митрополита Іону виновнымъ въ томъ, что онъ, забывъ свое соборное рукоподписаніе и будучи намѣстникомъ патріаршаго престола, прежде всѣхъ принялъ благословеніе отъ бывшаго патріарха Никона и тѣмъ подалъ худой примѣръ прочимъ церковникамъ. Но, желая оказать снисхожденіе къ немощи своего собрата, предложили ему, чтобы онъ, по обычаю, какой существуетъ въ подобныхъ сомнительныхъ случаяхъ на востокѣ, возложивъ на себя епитрахиль и омофоръ, очистилъ себя отъ зазора слѣдующею клятвою: «свидѣтельствуюсь Богомъ, что я не имѣлъ никакого согласія и совѣта съ бывшимъ патріархомъ Никономъ о пришествіи его на престолъ; что принялъ отъ него благословеніе безъ хитрости, будучи устрашенъ его внезапнымъ пришествіемъ и одержимъ ужасомъ, и что въ то время мнѣ не пришло на умъ мое соборное рукоподписаніе, которое сотворилъ я, о непринятіи Никона на патріаршескій престолъ». Если Іона согласится, продолжали засѣдавшіе на соборѣ, очистить себя такимъ образомъ, тогда онъ можетъ быть свободнымъ отъ всякаго зазора, и нѣтъ нужды для суда надъ нимъ созывать всѣхъ архіереевъ, а довольно только послать къ нимъ граматы и спросить ихъ мнѣнія: достоитъ ли теперь Іонѣ оставаться намѣстникомъ патріаршаго престола и держать начало между архіереями въ соборной церкви? До полученія же отвѣтовъ

Іона можетъ совершать литургію съ архимандритами и священниками, но не въ соборной церкви и не съ архіереями. На другой день, 23 декабря, тотъ же освященный соборъ въ патріаршей крестовой палатѣ опредѣлилъ, что великому государю можно, безъ всякаго сомнѣнія, принимать благословеніе отъ митрополита Іоны, когда онъ очиститъ себя отъ зазора. И въ тотъ же день государь разослалъ ко всѣмъ архипастырямъ свои граматы, приказывая немедленно отписать: быть ли впредь митрополиту Іонѣ блюстителемъ соборной апостольской церкви, и великому государю ходить ли къ нему, Іонѣ, подъ благословеніе? Въ 27 день генваря 1665 года, когда отъ архіереевъ получены были отвѣты, собрались въ крестовую патріаршую палату митрополиты: Павелъ крутицкій, Паисій газскій, Косьма амасійскій и Ѳеодосій сербскій, и, на основаніи тѣхъ отвѣтовъ, опредѣлили: ростовскаго митрополита Іону, когда онъ очистится отъ зазора, какъ указано въ соборномъ постановленіи 22 декабря, отъ намѣстничества престола патріаршаго отлучить вовсе, отъ начальствованія же между архіереями воспятить впредь до разсмотрѣнія и указа всего освященнаго собора; а о принятіи отъ Іоны благословенія царемъ государемъ, когда онъ соизволитъ, не можетъ быть никакого сомнѣнія. И 10 февраля дѣйствительно состоялся въ Москвѣ соборъ, на который успѣли прибыть почти всѣ русскіе архіереи, митрополиты: Питиримъ новгородскій, Лаврентій казанскій, Павелъ сарскій (крутицкій) и епископы: Симонъ вологодскій, Филаретъ смоленскій, Иларіонъ рязанскій, Іоасафъ тверскій, Арсеній псковскій, и были приглашены митрополиты: Паисій газскій и Ѳеодосій сербскій. Этотъ соборъ вновь

допрашивалъ Іону, почему онъ принялъ благословеніе отъ Никона. И Іона оправдывался, просилъ прощенія и, собственноручно переписавъ въ соборной церкви то самое клятвенное свидѣтельство или исповѣданіе, какое было предложено ему на соборѣ 22 декабря, представилъ теперь это свидѣтельство, за своею подписью, новому собору. И соборъ рѣшилъ: «митрополиту Іонѣ блюстителемъ соборныя апостольскія церкви впредь не быть, а въ томъ его внезапномъ погрѣшеніи быть свободнымъ и въ соборной церкви, въ своей ему прежней степени, сообщаться и служить невозбранно». Вспомнилъ соборъ и принявшихъ, вслѣдъ за Іоною, благословеніе отъ патріарха Никона протопопа и двухъ ключарей собора, и отлучилъ ихъ за эту вину отъ священнослуженія; но 21 февраля протопопъ Михаилъ и ключари Іовъ и Θеодоръ били челомъ о помилованіи, и тѣже архіереи, ради торжественнаго дня рожденія благовѣрной государыни царевны Евдокіи Алексѣевны, разрѣшили имъ служить, по прежнему, невозбранно въ соборной церкви, въ своихъ степеняхъ. Наконецъ, въ двадцатыхъ числахъ марта государь своими граматами извѣстилъ всѣхъ архіереевъ, что онъ, посовѣтовавшись съ освященнымъ соборомъ, указалъ: «митрополиту Іонѣ быть на митрополіи его въ Ростовѣ, а на Москвѣ блюстителемъ соборной апостольской церкви быть Павлу митрополиту» ([266]).

О внезапномъ пришествіи Никона въ соборную церковь, надѣлавшемъ столько тревогъ въ Москвѣ и для нѣкоторыхъ сопровождавшемся такими тяжкими послѣдствіями, Алексѣй Ми-

([266]) Документы—въ Подлинн. дѣлѣ Никона, по списку моск. дух. акад., стр. 237—245. 252—286.

хайловичъ поспѣшилъ извѣстить восточныхъ патріарховъ. Въ граматахъ патріархамъ цареградскому и іерусалимскому, которыя сохранились и писаны Паисіемъ Лигаридомъ въ 1665 г., безъ означенія мѣсяца, царь горько жаловался, что Никонъ въ полночь, въ недѣлю предъ Рождествомъ Христовымъ, безъ всякаго стыда и съ великимъ напыщеніемъ, внезапно ворвался въ соборную церковь, имѣя вокругъ себя множество людей, и самовольно вступилъ на патріаршій престолъ и началъ распоряжаться; что онъ потомъ «втай и мучительски украде» посохъ святителя Петра, и едва согласился отдать; что, отходя изъ соборной церкви и изъ Москвы, отрясалъ прахъ отъ ногъ своихъ и велѣлъ тоже сдѣлать своимъ спутникамъ, и что отъ такого насильственнаго вторженія Никона «истинно градъ весь смятеся внутрь и внѣ», тѣмъ болѣе, что тогда явилась на небѣ комета, какбы предвозвѣщавшая свирѣпый приходъ его. Подробнѣе разсказать о всемъ этомъ патріархамъ царь обѣщался впослѣдствіи, когда они или сами придутъ или пришлютъ отъ себя уполномоченныхъ на соборъ въ Москву. Въ граматѣ къ іерусалимскому святителю Нектарію царь извѣщалъ также о полученіи его граматы, отъ 20 марта, написанной въ защиту Никона и высказывалъ, что самъ же онъ, святитель, утвердилъ прежде своею рукою соборный свитокъ четырехъ патріарховъ, отлучающій Никона отъ престола, а теперь говоритъ иное, — но голосъ всѣхъ четырехъ патріарховъ, безъ сомнѣнія, важнѣе голоса одного изъ нихъ, и притомъ младшаго, и что отреченіе Никона было совершенное и принято всѣмъ освященнымъ соборомъ; а въ заключеніе, приглашая Нектарія въ Москву на соборъ, просилъ: «принеси достойный жребій, держа прямо вѣсъ, ниже мнѣ,

ниже ему (Никону) норовя, но прямо разсѣкая правды борозду». Несомнѣнно, что грамата Нектаріева не понравилась въ Москвѣ. Это еще болѣе видно изъ того, что человѣкъ, съ которымъ Нектарій прислалъ свою грамату, грекъ Севастосъ или Севастіанъ Дмитріевъ былъ взятъ подъ стражу, и у него отобрана боярами другая грамата, написанная тѣмъ же патріархомъ на имя Никона. Въ іюнѣ 1665 г. Севастіанъ нѣсколько разъ былъ призываемъ на судъ для допросовъ и даже предъ лице самого государя, и хотя содержался въ заключеніи «вверху въ палатахъ» царя, но находилъ возможность вести переписку съ Никономъ, къ которому показывалъ величайшую преданность и уваженіе,—за что, конечно, и страдалъ. Вообще видно, что греки, приходившіе тогда къ намъ и проживавшіе въ Москвѣ, какбы раздѣлялись на двѣ враждебныя партіи. Одни изъ нихъ держались могущественнаго Паисія Лигарида и, подъ его покровительствомъ, хотѣли служить царю, надѣясь, конечно, получить отъ него богатое воздаяніе въ видѣ милостыни: таковы особенно были наперсникъ Паисіевъ іеродіаконъ Мелетій и грекъ Стефанъ, которые и отправлены были съ граматами, по дѣлу Никона, къ патріархамъ. Другіе, по зависти и ненависти къ Лигариду и его сподручникамъ, старались противодѣйствовать имъ и служить Никону, въ чаяніи для себя отъ него благъ, когда онъ вновь сдѣлается московскимъ патріархомъ. Таковъ былъ Севастіанъ Дмитріевъ, который въ своихъ письмахъ къ Никону прямо выражался, что благодаритъ Бога, сохраняющаго Никона, «ради прибытку и похвалы нашему роду (т. е. грекамъ)», или молитъ Бога, да сохранитъ Никона «въ пользу многихъ и во хвалу нашему роду». А еще болѣе таковъ былъ

извѣстный намъ иконійскій митрополитъ Аѳанасій, который хотя сосланъ былъ въ симоновъ монастырь, но и оттуда велъ переписку съ Никономъ, и выражалъ въ своихъ письмахъ крайнюю ненависть къ Лигариду и его сотрудникамъ и глубочайшее уваженіе къ Никону, и говорилъ ему: «опять блаженство твое будетъ патріархъ московскій,—не будетъ иначе». Да и тѣ греки, которые, повидимому, служили государю, не отличались честностію и, переводя для него письма, приносимыя съ востока, иное въ нихъ опускали, иное прибавляли или искажали, по своему хотѣнію: на это жаловался государю самъ патріархъ Нектарій въ граматѣ отъ 20 марта, и огорченный государь по этому случаю тогда же повелѣлъ произвесть розыскъ ([267]). Были и такіе греки, которые изъ одного лагеря переходили въ другой, враждебный, что̀ пришлось испытать на себѣ лично Лигариду. Въ Москвѣ находился какой-то греческій іеродіаконъ Агаѳангелъ, сдѣлавшійся извѣстнымъ государю съ невыгодной стороны, но почему-то понравившійся Паисію. Послѣдній неоднократно просилъ у государя позволенія взять Агаѳангела къ себѣ, и государь, хотя сначала не соглашался и предупреждалъ Паисія объ

([267]) Записки отд. русск. и слав. археол., II, 594 — 600. Всѣхъ писемъ Севастіана къ Никону и Никона къ Севастіану извѣстно девять. Переписка между ними началась не вскорѣ по прибытіи Севастіана въ Москву и заключеніи его, потому что въ первомъ своемъ письмѣ, въ которомъ не означено ни года, ни мѣсяца, Севастіанъ уже говорилъ: «и здѣ пришедъ, и сижу *толикое* время запертъ». Второе письмо его писано 1 іюня 1665 г., а послѣднее 2 генваря 1666 г. Писемъ Аѳанасія иконійскаго къ Никону, изъ которыхъ одно помѣчено 29 числомъ іюня 1665 г., только два и столько же отвѣтныхъ писемъ Никона къ Аѳанасію. Вся эта переписка Никона съ Аѳанасіемъ и Севастіаномъ Дмитріевымъ напечатана въ журналѣ «Русскій архивъ», 1873, № 9, 1618—1640.

испорченности этого іеродіакона, наконецъ, уступилъ просьбѣ. Занявъ при Лигаридѣ должность толмача и вмѣстѣ смотрителя новаго дома, который царь построилъ для Лигарида, Мелетій опредѣлилъ къ нему двухъ служителей, которыхъ привезъ съ собою изъ селевкійскаго монастыря. Эти слуги, чрезъ нѣсколько времени, обокрали Паисія, и золотые, которыми надѣлилъ его царь за службу, отдали Агаѳангелу, а ящикъ съ множествомъ денегъ, жемчуга и другихъ драгоцѣнностей захватили съ собою и бѣжали. Немедленно царскіе люди, съ Агаѳангеломъ во главѣ, отправлены были отыскивать бѣглецовъ и нашли ихъ на ночлегѣ въ троицесергіевомъ монастырѣ. Агаѳангелъ велѣлъ сковать ихъ, перевезъ въ Москву и посадилъ у себя въ домѣ подъ стражу; но ночью, взявъ отъ нихъ себѣ все похищенное ими, отпустилъ ихъ. Тогда, по приказу государя, самъ Агаѳангелъ былъ закованъ въ цѣпи и доставленъ въ патріархію для заключенія подъ стражу. Спустя нѣсколько дней, онъ успѣлъ вымолить себѣ позволеніе отправиться вновь для отысканія бѣжавшихъ воровъ, и представилъ за себя поручителей. Но, получивъ свободу, уѣхалъ тайно въ воскресенскій монастырь къ патріарху Никону, и наговорилъ ему тысячу обвиненій на Газскаго, не только устно, но и письменно. Обрадованный Никонъ, снабдивъ Агаѳангела письмами и деньгами, спѣшно отправилъ его въ Константинополь для противодѣйствованія тамъ іеродіакону Мелетію и патрону его Лигариду. Попытка, однакожъ, не удалась. Агаѳангелъ былъ схваченъ въ Кіевѣ и, закованный, привезенъ въ Москву ([268]).

([268]) *Лигарид.* О соборѣ на Никона, ч. I, гл. 25. Объ этомъ говоритъ и

Не прошло и мѣсяца со времени нежданнаго посѣщенія Никономъ столицы, какъ къ нему посланы были изъ Москвы (13 генв. 1665 г.) архимандритъ чудова монастыря Іоакимъ (впослѣдствіи патріархъ) да думный дьякъ Дементій Башмаковъ. Прежде всего они объявили, что ихъ послалъ великій государь со всею палатою и со всѣмъ освященнымъ соборомъ сказать патріарху Никону «спаси Богъ» за то, что патріархъ явилъ правду свою, отдалъ смутное письмо Зюзина, не утаилъ его воровскаго дѣла, и чтобы впредь не вѣрилъ такимъ ссорщикамъ и, если будутъ, также объявлялъ ихъ. Затѣмъ посланные передали Никону два предложенія. Первое состояло въ слѣдующемъ: ты въ селѣ Черневѣ поручилъ митрополиту Павлу и окольничему Стрѣшневу извѣстить государя, чтобы онъ не посылалъ къ патріархамъ, что и безъ нихъ можно дѣло устроить, что ты согласенъ впредь патріархомъ въ Москвѣ не быть, уступить свое мѣсто другому и ни во что не вступаться, и тогда же выразилъ желаніе прислать о томъ письмо къ великому государю. Никонъ принялъ это предложеніе съ радостію, и на другой же день, 14 генваря, въ отвѣтъ на предложеніе написалъ весьма обширное письмо. Здѣсь онъ подробно изложилъ тѣ условія, при которыхъ соглашался на всегдашнее отреченіе отъ московской каѳедры и избраніе на нее новаго патріарха, опредѣлялъ свои отношенія къ будущему патріарху, давалъ обѣщанія разрѣшить все, что прежде, во дни своихъ огорченій, отъ великой кручины износилъ на царское величество, на честный синклитъ и на

самъ Никонъ въ письмѣ къ патр. Діонисію (Записки отд. русск. и слав. арх. II, 530).

священный соборъ, также на Симеона Стрѣшнева, Бобарыкина, Сытина и другихъ. и проч. (269). Все содержаніе этого письма, по статьямъ, чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ разсмотрѣно соборомъ и тогда сдѣлается намъ извѣстнымъ. Излагая второе предложеніе Никону, царскіе посланцы говорили: всѣ архіереи, находящіеся въ Москвѣ, митрополиты Павелъ крутицкій, Паисій газскій, Косьма амасійскій, Макарій гревенскій, умоляютъ государя, чтобы онъ дозволилъ удостоивать исповѣди и св. причастія разбойниковъ и другихъ подобныхъ преступниковъ, ежедневно схватываемыхъ и осуждаемыхъ на смерть. Между тѣмъ, во дни твоего патріаршества, по твоему совѣту и словеснымъ убѣжденіямъ, царь издалъ указъ, запрещающій допускать такихъ людей къ исповѣди и св. причастію, и потому нынѣ царь въ смущеніи и требуетъ отъ тебя письменнаго изложенія твоихъ мыслей по этому предмету, какъ для успокоенія своей совѣсти, такъ и для прямаго отвѣта архіереямъ, совѣтующимъ противное. Никонъ призналъ это царское требованіе справедливымъ, но сказалъ, что для выполненія его нужно время, и обѣщался прислать требуемый отвѣтъ, по истеченіи нѣсколькихъ дней. Въ своемъ отвѣтѣ, который дѣйствительно былъ присланъ, Никонъ, по прежнему, отстаивалъ, что преступниковъ, осуждаемыхъ на смерть, не должно удостоивать исповѣди и св. причастія, и главнымъ образомъ опирался на словахъ Спасителя: *не мечите бисера предъ свиніями*... Паисій написалъ противъ этого отвѣта особое сочиненіе, которое и посвятилъ митрополиту

---

(269) Записки отд. русск. и славян. археол., II, 498—510.

крутицкому Павлу. Но что особенно произвело смущеніе: при томъ же своемъ отвѣтѣ Никонъ изложилъ множество и самыхъ тяжкихъ обвиненій на Паисія, о которыхъ узналъ отъ іеродіакона Агаѳангела. Царь былъ совершенно пораженъ, когда прочелъ эти обвиненія и, въ присутствіи нѣсколькихъ бояръ, позвавъ къ себѣ Паисія, показалъ ему написанное Никономъ. Находчивый Паисій тотчасъ отвѣчалъ: «правосуднѣйшій государь! Если хоть одна изъ этихъ клеветъ подтвердится, я буду виновенъ во всѣхъ; а если хоть одна окажется ложною, я буду считаться и вообще оправданнымъ. Ибо первый мой іерархъ (іерусалимскій), апостолъ Іаковъ сказалъ: *иже весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же во единомъ, бысть всѣмъ повиненъ* (Іак. 2, 10)». Отвѣтъ понравился царю, и онъ сказалъ: «теперь не время разбирать (оканчивалась четыредесятница), а послѣ свѣтлой недѣли воскресенія Христова произведено будетъ тщательное разслѣдованіе по этимъ обвиненіямъ на тебя». А чтобы поддержать опечалившагося Паисія, государь подарилъ ему въ недѣлю ваій прекрасную митру, къ крайней досадѣ узнавшаго объ этомъ Никона, который вслѣдъ затѣмъ еще болѣе огорченъ былъ извѣстіемъ, что Паисій въ великій четвертокъ, при умовеніи ногъ, представлялъ собою св. апостола Петра. Когда прошло ѳомино воскресеніе, Паисій подалъ челобитную, чтобы скорѣе разсмотрѣны были взведенныя на него обвиненія, и писалъ, что хотя онъ подлежитъ суду іерусалимскаго патріарха, но добровольно подчиняется собору русскихъ святителей. Государь повелѣлъ собраться всѣмъ во дворецъ и съ величайшимъ вниманіемъ изслѣдовать двѣ первыя и главнѣйшія статьи обвиненія, будто Паисій не православно вѣруетъ и не содержитъ

въ цѣлости преданій св. отцевъ, и будто онъ занимается магіею и астрологіею. Явилось множество свидѣтелей въ защиту Паисія, утверждавшихъ, что обвиненія ложны, что онъ совершенно въ томъ невиноватъ, и свои свидѣтельства подкрѣпляли своими подписями. На другой день, среди страшныхъ тревогъ, приведенъ былъ предъ царскія палаты, подъ сильною стражею и закованный въ цѣпи іеродіаконъ Агаѳангелъ, и на всѣ обличенія еще съ большею дерзостію повторялъ свои клеветы, крича на весь царскій дворъ. Оттуда посланъ онъ былъ въ патріархію, чтобы предъ лицемъ собора далъ отчетъ во всемъ, что сказано и написано было имъ противъ Газскаго. Но и здѣсь упорно стоялъ на своемъ, хотя ничего не могъ доказать. и потому, какъ явный клеветникъ, отправленъ былъ въ цѣпяхъ на заключеніе въ новый монастырь, вознесенскій. Просидѣвши тамъ немалое время, Агаѳангелъ, наконецъ, раскаялся и, явившись на соборъ, торжественно объявилъ, что всѣ изустныя и письменныя обвиненія его противъ Газскаго ложны. Паисій простилъ раскаявшагося; но прочіе архіереи не согласились оставить его безъ церковной епитиміи для вразумленія другихъ іеродіаконовъ ([270]).

Соборъ этотъ, разбиравшій присланныя Никономъ обвиненія на Лигарида, происходилъ, вѣроятно, спустя недолгое время послѣ ѳоминой недѣли 1665 года. Но другой соборъ, обсуждавшій письмо Никона отъ 14 генваря того года, съ

([270]) Надобно замѣтить, что о всемъ этомъ свидѣтельствуетъ только самъ Паисій Лигаридъ (О соборѣ на Никона, ч. I, гл. 26. 27. 28), и провѣрить его свидѣтельство мы не имѣемъ возможности.

изложеніемъ условій патріарха на совершенное отреченіе отъ московской каѳедры, не могъ быть раньше сентября, съ котораго, по тогдашнему счету, начался уже 1666 годъ, ясно означенный на опредѣленіи этого собора. Настоящему письму, видно, придавали большое значеніе: потому что для обсужденія его, по повелѣнію государя, собрались всѣ архіереи русской земли, кромѣ двухъ, сибирскаго и астраханскаго, приславшихъ однакожъ свои повольныя граматы. Содержаніе письма соборъ разбилъ на 32 статьи и на каждую далъ особое рѣшеніе. Для большаго удобства, статьи, вмѣстѣ съ рѣшеніями на нихъ, можно подвести подъ нѣсколько общихъ отдѣловъ. 1) Никонъ говорилъ, что ему съ 14 генваря 1665 года не именоваться патріархомъ московскимъ и всея Россіи, а именоваться только патріархомъ, не вступаться ни въ какія духовныя дѣла московскаго государства, не творить ничего въ Москвѣ безъ совѣта брата его и сослужителя, новаго московскаго патріарха, твердо держать всѣ преданія церковныя и книги, исправленныя при немъ съ старыхъ греческихъ книгъ, и вмѣстѣ выражалъ желаніе, чтобы ему не возбраняли приходить въ Москву, когда случится ради нуждъ, равно не возбраняли приходить и на соборы ради духовной пользы и засѣдать на соборахъ подъ настоящимъ патріархомъ, выше всѣхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ. Соборъ изъявилъ согласіе на всѣ эти статьи, но прибавилъ: а) Никону не именовать настоящаго патріарха московскаго своимъ сослужителемъ, а имѣть и именовать архипастыремъ, и начальникомъ, и старѣйшиною, и повиноваться ему во всемъ, и безъ воли его не только въ Москвѣ, но и гдѣ либо, не дѣлать ничего, какъ поступаютъ и прочіе архіе-

реи; б) для прихода въ Москву Никону каждый разъ предварительно испрашивать разрѣшенія отъ государя и благословенія отъ патріарха, подобно всѣмъ другимъ архіереямъ,—а безъ указа государева и благословенія отъ патріарха въ Москву не приходить; равно и на соборы въ Москву, безъ повелѣнія государева и благословенія патріаршаго, не приходить; в) содержать Никону не только книги, при немъ исправленныя, но и тѣ, какія и впредь съ греческихъ книгъ исправлены будутъ, и по нимъ отправлять службы и поминать настоящаго московскаго патріарха въ молитвахъ, какъ церковныхъ, такъ и домашнихъ (ст. 2, 4, 5, 23—26). 2) Никонъ желалъ, чтобы, на пропитаніе его, за нимъ оставлены были всѣ три монастыря его строенія, новый Іерусалимъ или воскресенскій, иверскій и крестный, а также и приписные къ нимъ монастыри, со всѣми ихъ вотчинами; чтобы царь подтвердилъ за монастырями всѣ эти вотчины, а церковныя пустыя земли, вблизи и около воскресенскаго монастыря, пожаловалъ тому монастырю; чтобы еще и изъ доходовъ патріаршаго дома, которые стараніемъ его, Никона, будтобы возросли до двадцати тысячъ въ годъ, выдавалась ему часть деньгами и провизіею, какъ, по обычаю восточной церкви, и другимъ архіереямъ, своею волею оставившимъ каѳедры, дается пропитаніе изъ достоянія ихъ бывшихъ каѳедръ, и чтобы никому изъ христіанъ не возбраняемо было приходить къ Никону благословенія ради или для подаянія ему милостыни. Соборъ рѣшилъ: а) оставить за Никономъ три монастыря его строенія, со всѣми ихъ вотчинами; но воскресенскій монастырь отнюдь не называть новымъ Іерусалимомъ, потому что Іерусалимъ на

землѣ одинъ—въ странѣ іудейской, и названіемъ новаго Іерусалима простые, невѣдущіе люди крайне соблазняются, и потому изрекаютъ хульное слово на Никона; б) приписными же монастырями и ихъ вотчинами впредь Никону не владѣть ни въ чемъ: довольно съ него на пропитаніе и на всѣ его нужды трехъ монастырей его строенія, со множествомъ крестьянскихъ дворовъ, принадлежащихъ каждому изъ нихъ, соляныхъ варницъ и рыбныхъ ловлей; в) пустыя церковныя земли, лежащія вблизи и вокругъ воскресенскаго монастыря, Никону возвратить въ патріаршій домъ, по прежнему, а не приписывать къ воскресенскому монастырю; г) удѣлять что либо Никону изъ доходовъ патріаршаго дома, по правиламъ, нельзя; да и прибыль ихъ учинилась милостію государя, а не стараніемъ Никона, и, какъ видно изъ записныхъ книгъ, ни въ одинъ годъ не возвышалась далѣе девяти тысячъ; д) такого обычая, чтобы оставившему свою каѳедру архіерею выдавалось пособіе отъ его бывшей каѳедры, неизвѣстно, а извѣстно только, что новый архіерей, по любви, даетъ бывшему архіерею какой либо монастырь для содержанія; да и самъ Никонъ, когда былъ новгородскимъ митрополитомъ, ничего не давалъ изъ своихъ митрополичьихъ доходовъ предмѣстнику своему, митрополиту Аѳонію, который, кромѣ насущнаго хлѣба въ хутынскомъ монастырѣ, ничего не имѣлъ; е) приходить къ Никону не возбраняется никому изъ христіанъ, пока не произойдетъ какой либо мятежъ или соблазнъ (ст. 1, 6—12, 14, 21). 3) Никонъ желалъ, чтобы ни въ монастыри его строенія и приписные къ нимъ, ни въ вотчины ихъ съ ихъ приходскими церквами и священнымъ причтомъ, ни во всякія дѣла всѣхъ ихъ крестьянъ не вступались ни

московскій патріархъ, ни другіе архіереи, въ епархіяхъ которыхъ находились тѣ монастыри и вотчины; чтобы архимандритовъ, игуменовъ и вообще духовенство для тѣхъ монастырей и ихъ вотчинъ посвящалъ самъ онъ, Никонъ, или кому изъ другихъ архіереевъ соблаговолитъ онъ иногда предоставить своею граматою; чтобы духовенство тѣхъ монастырей и вотчинъ не привлекалось на судъ къ мірскимъ судіямъ; чтобы монастыри его строенія записаны были въ степени, и настоятели ихъ призывались въ Москву на соборныя служенія и другія церковныя собранія, и чтобы, по смерти его, монастыри приписаны были не къ патріаршему дому, а къ области царствующаго града Москвы. Соборъ рѣшилъ: а) по свящ. правиламъ, всѣ монастыри Никонова строенія должны состоять подъ властію тѣхъ архіереевъ, въ области которыхъ находятся, и Никонъ не долженъ вѣдать въ своихъ монастыряхъ и ихъ вотчинахъ никакихъ духовныхъ дѣлъ, безъ согласія и дозволенія тѣхъ архіереевъ, а долженъ о всякомъ такомъ духовномъ дѣлѣ писать къ нимъ и только по ихъ совѣту и повелѣнію дѣйствовать, иначе же отнюдь ничего не творить; б) не долженъ Никонъ самъ собою и поставлять архимандритовъ, игуменовъ и вообще духовенство для своихъ монастырей и вотчинъ, безъ дозволенія тѣхъ же архіереевъ, или долженъ посылать къ нимъ своихъ ставленниковъ для посвященія; в) тѣмъ же самымъ церковнымъ правиламъ и царскимъ законамъ, по которымъ судятся всѣ архіереи, монастыри и духовенство въ Россіи, долженъ подлежать и Никонъ съ своими монастырями и духовенствомъ; г) когда будетъ въ Москвѣ новый патріархъ, то соборнѣ просить его, да напишетъ онъ, по совѣту съ великимъ государемъ, въ

степени всѣ три монастыря Никонова строенія; д) по смерти Никона, каждый изъ этихъ монастырей приписать въ ту епархію, въ которой онъ состоитъ, а не въ архіерейскіе домы (ст. 13—18). 4) Никонъ давалъ обѣщаніе молить Господа Бога, да проститъ и разрѣшитъ всѣхъ, на кого онъ, Никонъ, послѣ отшествія своего, отъ великой кручины и огорченія, жаловался и износилъ судъ Божій, т. е. царя, синклитъ и освященный соборъ, и да обратится прахъ, который отрясалъ онъ, Никонъ, отъ ногъ своихъ, исходя изъ Москвы, на отмщеніе ея, въ благословеніе ей, чтобы не быть ей осужденною болѣе Содома и Гоморры; давалъ также обѣщаніе простить и разрѣшить архіереевъ, воздвигшихъ на него будтобы беззаконный судъ на своемъ соборѣ, если только они покаются и будутъ просить прощенія, равно простить и разрѣшить бояръ, клеветавшихъ на него или преобидѣвшихъ его въ вещахъ житейскихъ, движимыхъ и недвижимыхъ, если поищутъ у него прощенія и вознаградятъ его за убытки. Соборъ отвѣчалъ: а) ни царское величество, ни синклитъ, ни архіереи ни въ чемъ не преобидѣли Никона, когда онъ былъ на своей каѳедрѣ, напротивъ, всѣ почитали его болѣе прежнихъ русскихъ патріарховъ; но самъ онъ обѣщанія своего не сохранилъ, самовольно оставилъ врученную ему отъ Бога паству безъ пастыря, не объявивъ благовременно о своемъ отшествіи ни царю, ни собору, и потому долженъ жаловаться и износить Божій судъ развѣ только на самого себя и на свое упорство, а не проклинать неповинныхъ въ его отшествіи; еслибы даже его въ чемъ и обидѣли, то, какъ ученикъ владыки Христа, онъ долженствовалъ молиться за творящихъ ему обиду и, какъ пастырь, съ долготерпѣніемъ и незлобіемъ переносить немощи своихъ пасомыхъ и съ лю-

бовію исправлять ихъ, а не увлекаться гнѣвомъ, не проклинать по страсти; б) Никонъ сотворилъ дерзость, отрясши прахъ отъ ногъ своихъ въ осужденіе царствующему граду Москвѣ паче Содома и Гоморры, и такой дерзости не сотворилъ никто и нигдѣ изъ прежде бывшихъ святителей, хотя иные изъ нихъ потерпѣли неповинное изгнаніе: св. Златоустъ, двукратно изгнанный, никого не клялъ, а съ радостію переносилъ свое изгнаніе; святитель Филиппъ московскій, съ безчестіемъ и біеніемъ изгнанный отъ своего престола и паствы, не только не клялъ невинныхъ, но благословлялъ самихъ своихъ враговъ; Никону, получившему священство и архіерейство на благословеніе и на молитву о грѣхахъ людскихъ и о благосостояніи всего правовѣрнаго царства, а не на проклятіе, подобаетъ каяться въ своей дерзости и молить Бога о прощеніи; в) архіереямъ, собиравшимся въ 1660 году на соборъ въ Москвѣ, не въ чемъ каяться и просить себѣ прощенія у Никона: они вовсе не производили суда надъ нимъ, не осудили его ни на изверженіе, ни на изгнаніе; они только изслѣдовали достовѣрность его отреченія отъ каѳедры и, на основаніи каноновъ, положили избрать на эту каѳедру новаго патріарха; г) никому изъ бояръ и другихъ христіанъ не возбраняется, если кто обидѣлъ Никона словомъ или дѣломъ и, по совѣсти, чувствуетъ себя виновнымъ, просить у него прощенія и разрѣшенія, какъ подобаетъ христіанину просить себѣ прощенія и у всякаго обиженнаго имъ собрата; но, съ другой стороны, и самъ Никонъ долженъ просить себѣ прощенія у тѣхъ, кого онъ обидѣлъ, и возвратить имъ то, что взялъ или отнялъ у нихъ (ст. 27—31). Въ заключеніе своего письма Никонъ сказалъ: «Если же иначе, вопреки божественнымъ»

канонамъ и союзу любви, совершится избраніе новаго патріарха, по власти міра сего, то избранный да наречется, по справедливости, не патріархомъ, а какбы прелюбодѣемъ и хищникомъ, и, вмѣсто мира, да будетъ мечъ Божій и раздѣленіе». Соборъ отвѣчалъ: новый патріархъ будетъ избранъ по церковнымъ правиламъ и прежнимъ примѣрамъ, благочестивымъ государемъ и священнымъ соборомъ вмѣстѣ, а не свѣтскими властями, никогда въ томъ не участвовавшими, и будетъ поставленъ соборомъ русскихъ архіереевъ съ согласія вселенскаго патріарха. А союзъ любви сохранится, если Никонъ во всемъ будетъ покоренъ московскому патріарху, имѣть его архипастыремъ и старѣйшиною и имя его во всѣхъ своихъ монастыряхъ и церквахъ всегда поминать въ первыхъ за церковными службами: тогда и патріархъ московскій будетъ любить и почитать Никона, какъ бывшаго своего собрата. Но если Никонъ начнетъ въ чемъ либо не покоряться ему и производить смуты и мятежи, въ такомъ случаѣ настоящій патріархъ долженъ будетъ судить Никона по свящ. правиламъ. У всѣхъ православныхъ христіанъ, находящихся подъ державою царскаго величества, едина вѣра и не должно быть никакого раздѣленія: остается только всѣмъ намъ и патріарху Никону молить Бога, да будетъ мечъ Божій на прекословящихъ и непокоряющихся св. восточной православной церкви, и святѣйшему настоящему патріарху московскому и всему священному собору, и да будетъ тотъ мечъ не на пагубу имъ, но на страхъ, на познаніе истины и на обращеніе ихъ къ св. восточной каѳолической православной церкви. Разобранное нами соборное опредѣленіе сохранилось до насъ или извѣстно намъ только въ черновомъ спискѣ

и безъ надлежащихъ подписей; но отсюда вовсе не слѣдуетъ, чтобы не было и бѣловаго списка, подписаннаго всѣми, присутствовавшими на соборѣ, архіереями и другими лицами. Странно было бы предположить, чтобы дѣло, для котораго, по волѣ государя, собраны были всѣ архіереи русской земли, оставлено было неоконченнымъ, и чтобы опредѣленіе собора, послѣ надлежащаго утвержденія его членами, не было представлено на усмотрѣніе государя ([271]).

Впрочемъ, было ли или не было подписано это опредѣленіе собора, но только Никону оно сообщено не было или, какъ выражается самъ Никонъ, отвѣта ему на его письмо, посланное къ царю съ чудовскимъ архимандритомъ Іоакимомъ и думнымъ дьякомъ Башмаковымъ, не было никакого ([272]). Можетъ быть, царь, прочитавъ рѣшенія собора, увидѣлъ, что лучше ихъ совсѣмъ не сообщать Никону: такъ какъ большая часть предложенныхъ имъ условій была или отвергнута, или значительно измѣнена соборомъ, и въ рѣшеніяхъ соборныхъ высказано было такъ много горькаго и оскорбительнаго для

([271]) Черновый списокъ этого соборнаго акта сохранился въ Подлинн. дѣлѣ патр. Никона, столб. или свитокъ № 6, по списку моск. дух. акад., стр. 311—347. Въ черновомъ этомъ спискѣ есть такого рода замѣтки: а) послѣ 4-й статьи: «пристойно ли сардійскаго собора правило 10, л. 111, здѣ написати, изволите сказати»; б) послѣ 5-й статьи: «есть ли правила, или иное какое писаніе о томъ, что сослужителемъ не именовати?»; в) послѣ 13-й статьи: «прилично ли вписати кароагенскаго собора правило 98, л. 157, сами изволите досмотрѣти»; г) на сторонѣ противъ 28-й статьи: «патріархи Іовъ и Ермогенъ, оставяше престолъ, како отойдоша, написати». Значитъ, этотъ черновый списокъ старались еще дополнить, исправить, конечно, съ цѣлію переписать набѣло и представить на утвержденіе собора.

([272]) Письмо Никона къ патр. Діонисію—въ Записк. отд. русск. и славян. археол., II, 524.

самолюбія бывшаго патріарха, что о принятіи имъ этихъ рѣшеній нечего было и думать; скорѣе онъ могъ только разразиться новыми выходками противъ царя и членовъ собора. Не менѣе вѣроятною представляется догадка, что царь счелъ излишнимъ и неумѣстнымъ сообщать Никону рѣшенія собора. Самъ Никонъ просилъ, чтобы его дѣло было покончено безъ призыва и участія восточныхъ патріарховъ, выражалъ желаніе сдѣлать уступки, обѣщалъ прислать свои условія. Царь могъ согласиться на предлагаемую попытку потому, что хотя и отправлены были граматы его къ патріархамъ, приглашавшія ихъ на соборъ въ Москву, но отвѣта отъ патріарховъ еще не было никакого, и нельзя было поручиться, придутъ ли они, или снова откажутся придти, какъ уже отказались прежде. Согласившись на эту попытку, царь потребовалъ отъ Никона письменнаго изложенія его условій, велѣлъ собору обсудить эти условія. Но вотъ 12 ноября 1665 г., можетъ быть, въ то самое время, когда соборъ оканчивалъ или окончилъ свои рѣшенія, возвратился одинъ изъ царскихъ посланцевъ къ патріархамъ «съ вѣстовыми листами» отъ цареградскаго патріарха, и царь узналъ, что если не всѣ, то нѣкоторые патріархи уже ѣдутъ въ Москву на соборъ. Послѣ этого оставалось только прекратить попытку объ окончаніи дѣла Никонова безъ участія восточныхъ патріарховъ, и не для чего уже было сообщать Никону соборныхъ рѣшеній по его письму, тѣмъ болѣе, что на принятіе ихъ Никономъ невозможно было и расчитывать. Впрочемъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, это письмо Никоново, вѣроятно, вмѣстѣ съ соборными рѣшеніями на него, было представлено восточнымъ

патріархамъ, судившимъ Никона, и внимательно разсмотрѣно ими со всѣмъ соборомъ (273).

Мы оставили царскихъ посланцевъ, іеродіакона Мелетія и грека Стефана съ бывшими при нихъ, ровно годъ тому назадъ, въ Кіевѣ, гдѣ они выжидали безопаснаго пути для своей дальнѣйшей поѣздки. Ближе другихъ патріарховъ находился къ нимъ іерусалимскій Нектарій, проживавшій еще въ Молдавіи: туда они и отправились. Но самъ Мелетій не поѣхалъ къ Нектарію, а послалъ Стефана съ подъячимъ Оловенниковымъ. Это было въ генварѣ 1665 года, когда Нектарію еще не было извѣстно, какъ принято въ Москвѣ письмо его въ защиту Никона. Явившись къ іерусалимскому святителю, Стефанъ и подъячій сказали: «великій государь проситъ и молитъ тебя, чтобъ ты изволилъ потрудиться для христіанскаго дѣла, пошелъ въ московское государство». Нектарій отвѣчалъ: «ко всѣмъ намъ прежде присланъ былъ отъ великаго государя Мелетій грекъ, и онъ знаетъ, что я затѣмъ и пріѣхалъ въ молдавскую землю, чтобы отсюда идти въ Москву, но за войною мнѣ никакъ нельзя было тогда проѣхать. Съ Мелетіемъ мы послали къ великому государю правила (извѣстный соборный свитокъ), и по нимъ почему до сихъ поръ ничего не сдѣлано?» Оловенниковъ объяснилъ, что Аѳанасій, митрополитъ иконійскій, отвергалъ подлинность подписей подъ тѣмъ свиткомъ, и что хотя подлинность эта была

(273) Москов. главн. арх. м. и. д., дѣла греч., связк. 44, № 15. А о томъ, что означенное письмо Никоново было представлено патріархамъ и разсмотрѣно ими, говорится въ настольной граматѣ, данной ими новому московскому патріарху Іоасафу II, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ.

потомъ засвидѣтельствована, но безъ вселенскаго патріарха призывать на соборъ Никона и на его мѣсто ставить другаго невозможно, и прибавилъ: «да у великаго государя и другія дѣла есть, которыя безъ васъ никакъ устроить нельзя; весь церковный чинъ въ несогласіи, въ церквахъ служитъ всякъ по своему, а пастыря нѣтъ». Нектарій сначала сказалъ рѣшительно: «пойду, хотя бы мнѣ и смерть принять, потому что я считаю великаго государя царемъ вселенскимъ; онъ единственный царь христіанскій, единственная наша надежда и похвала». Но потомъ началъ колебаться, и то выражалъ согласіе идти, то отказывался, и, наконецъ, получивъ какія-то письма изъ Византіи, объявилъ, что ему совсѣмъ не позволено ѣхать на сѣверъ. Послѣ этого царская миссія на востокъ раздѣлилась: Стефанъ поѣхалъ къ цареградскому патріарху Діонисію, котораго называлъ своимъ родственникомъ; а Мелетій, которому наказано было государемъ пригласить въ Москву, во что бы то ни стало, по крайней мѣрѣ, двухъ патріарховъ, отправился къ александрійскому и антіохійскому. Прибывъ въ Константинополь, Стефанъ представился патріарху скрытно и подалъ ему царскія граматы. Патріархъ приказалъ Стефану не являться лично въ патріархію, а приходить въ домъ какой-то сіятельной Роксандры и чрезъ ея посредство имѣть сношеніе съ патріархомъ. Въ апрѣлѣ 1665 г. Стефанъ отпущенъ былъ изъ Царьграда, и Діонисій отправилъ съ Стефаномъ свои отвѣтныя граматы къ царю, въ которыхъ сильно порицалъ иконійскаго митрополита Аѳанасія, смутившаго своею ложью царя и весь его синклитъ, и рекомендовалъ Пансія Лигарида, какъ человѣка разумнаго и свѣдущаго въ церковныхъ дѣлахъ, а вмѣстѣ будтобы послалъ

и къ самому Паисію наказъ быть представителемъ его, патріарха, въ Москвѣ и предсѣдательствовать на мѣстныхъ соборахъ по дѣлу Никона: такъ, по крайней мѣрѣ, свидѣтельствуетъ самъ Лигаридъ, замѣчая, что этотъ патріаршій наказъ находится въ царскомъ казнохранилищѣ. И дѣйствительно, въ приказѣ тайныхъ дѣлъ сохранилась слѣдующая грамата патріарха Діонисія къ государю: «о Никоновомъ дѣлѣ мы много потрудились съ великимъ прилежаніемъ, и составили главы въ двухъ свиткахъ (спискахъ), ни въ чемъ между собою неразнствующихъ. Извѣщаю твоей пресвѣтлости, что, по тѣмъ главамъ, ты имѣешь власть обладать и патріархомъ, у васъ поставленнымъ, какъ и всѣми синклитами, ибо въ одномъ самодержавномъ государствѣ не должно быть двухъ началъ, но одинъ да будетъ старѣйшина. Проклятый тотъ Аѳанасій, движимый отцемъ лжи, безъ всякой нужды пришелъ къ вамъ, лжесвидѣтельствуя на свитки и правильныя главы. Онъ ложно говорилъ, будто посланъ отъ насъ и единокровный намъ. Знай, что онъ сосудъ злосмрадный и много уже лѣтъ отлученъ отъ церкви, и потому да будетъ онъ сосланъ въ какое либо мѣсто, чтобы плакать о душѣ своей, и да не возвратится въ наши страны до конца своей жизни... Мы признали киръ Паисія (Лигарида) святаго и благоразумнаго митрополита газскаго, послали ему право, какъ разсудительному и свѣдущему въ дѣлахъ церковныхъ, быть нашимъ намѣстникомъ, защищать тѣ правильныя главы и рѣшать всякія сомнѣнія, предлагаемыя отъ сопротивной стороны, править судъ вмѣстѣ съ освященнымъ помѣстнымъ архіерейскимъ соборомъ и предсѣдательствовать на немъ, какъ представляющему нашу персону въ томъ одномъ дѣлѣ даже

до окончанія его». Стефанъ прибылъ въ Путивль 21 октября, а въ Москву 12 ноября, и представилъ государю эту патріаршую грамату, на которой потому и сдѣлана помѣта: «12 ноября 1665 года». Онъ же привезъ извѣстіе, что и черный дьяконъ Мелетій возвращается въ Москву, а съ нимъ ѣдутъ александрійскій патріархъ Паисій да синайскій архіепископъ, а поѣхали они на Астрахань потому, что «на волошскую и мутьянскую земли проѣхать имъ отъ воинскихъ людей никакъ нельзя». Пріѣзду Стефана,—продолжаетъ свое сказаніе Паисій Лигаридъ, — съ патріаршими граматами въ Москвѣ очень обрадовались. Но Аѳанасій иконійскій началъ и теперь противорѣчить и дерзко утверждать, что граматы подложны. Онъ прямо укорялъ Стефана въ поддѣлкѣ этихъ граматъ; оба явились предъ лице царя, жарко препирались, даже бранились между собою, пока Стефанъ не одержалъ побѣды, а Аѳанасій опять не отправленъ въ симоновъ монастырь ([274]). Скоро однакожъ увидимъ, что въ душу царя запало глубокое сомнѣніе относительно подлинности настоящихъ граматъ, хотя онъ этого теперь и не обнаружилъ.

Между тѣмъ Паисій торжествовалъ и спѣшилъ воспользоваться привезенными изъ Царяграда граматами для публичнаго оправданія себя. Въ декабрѣ, 17 числа, онъ подалъ государю обширную челобитную или докладную записку въ 8-ми статьяхъ, изъ которыхъ, къ сожалѣнію, первая и на-

---

([274]) Москов. главн. арх. м. и. д., дѣла греч., связк. 41, № 15; *Лигарид.* О соборѣ на Никона, ч. I, гл. 20. 21; *Солов.* Исторія Россіи, XI, 334—335. Самая грамата патр. Діонисія къ царю, помѣченная 12-мъ ноября, напечатана въ томъ же томѣ Исторіи Соловьева, въ примѣч. 71, стр. 469.

чало второй не сохранились. Здѣсь Паисій писалъ: «когда, по волѣ вашего величества, я былъ у Никона, съ бояриномъ княземъ Никитою, съ астраханскимъ архіепископомъ и другими, онъ прямо называлъ меня нехристіаниномъ и язычникомъ, а въ поученіи своемъ—Каіафою, и потомъ прислалъ свой свитокъ, скрѣпленный его подписью, изрыгающій на меня великія и мерзкія хулы, изъ которыхъ самыя важныя состояли въ томъ, будто я еретикъ и волхвъ. Теперь пришли граматы, свидѣтельствующія о мнѣ, что я архіерей, митрополитъ газскій, мужъ, украшенный ученіемъ и премудростію, почему и поставленъ, какъ судія именный и посолъ апостольскаго константинопольскаго престола. Ничто теперь уже не препятствуетъ къ очищенію моей славы, къ объявленію моего архіерейскаго достоинства, къ опроверженію всѣхъ на меня хуленій моего противника—Никона. И я прошу ваше царское величество, да объявятся эти патріаршія граматы, свидѣтельствующія о моей невинности, всему синклиту: ибо предъ всѣмъ синклитомъ я былъ обезчещенъ по внушенію лукаваго дьявола Агаѳангела, которому одному повѣрилъ Никонъ... Пришельцемъ и блуждающимъ архіереемъ зоветъ меня Никонъ, не имѣющимъ никакихъ граматъ. Но и святѣйшій патріархъ іерусалимскій, приславшій сюда столько граматъ, никогда не писалъ обо мнѣ такихъ неистовствъ и не объявлялъ меня предъ вашимъ величествомъ такимъ человѣкомъ, хотя и знаетъ, что я не расположенъ къ Никону. Архидіаконъ патріарха Досиѳей, хотя и говоритъ въ своемъ листѣ, что я держусь боярской стороны и составляю отъ имени государя граматы, которыми будтобы способствую къ окончательному паденію восточной церкви, но почему же не напи-

салъ, что я еретикъ и блуждающій безъ граматъ? Іерусалимскому архидіакону слѣдовало бы написать это обо мнѣ: такъ какъ я отъ области іерусалимской. Прошу, да будетъ извѣщенъ Никонъ, на основаніи настоящихъ граматъ Діонисія, что я воистину имѣю апостольскій престолъ св. Филимона, единаго отъ семидесяти. Да и самъ Никонъ прежде признавалъ меня въ архіерейскомъ достоинствѣ, когда прислалъ мнѣ свою грамату, а потомъ презрѣлъ меня и не признаетъ за архіерея, говоря, будто я не имѣю ставленой грамматы; а грамата у меня есть отъ іерусалимскаго патріарха, который постригъ меня въ монахи, поставилъ потомъ и митрополитомъ во святилищѣ св. гроба Господня... Если же Никонъ назоветъ ложными патріаршія граматы, по внушенію Аѳанасія иконійскаго, который прежде и соборный свитокъ патріарховъ подвергалъ сомнѣнію, въ такомъ случаѣ и конца не будетъ подозрѣніямъ, и всякія граматы, привозимыя къ намъ съ востока, придется считать сомнительными... Правда, можно бы тайно спросить самого Діонисія, не чрезъ того же Стефана, который привезъ его листы, но чрезъ другаго, вѣрнѣйшаго мужа, во избѣжаніе всякаго подозрѣнія... Но Діонисій явственно проситъ и молитъ, чтобы впредь граматы по этому дѣлу къ нему не были присылаемы, ради тиранства отъ турокъ и опасностей отъ татаръ». Послѣднія слова заслуживаютъ особеннаго вниманія. Паисій, вѣрно, зналъ или догадывался, что государь думаетъ тайно послать другое лице къ Діонисію и спросить его про граматы, привезенныя Стефаномъ, и не безъ причины старался удержать государя отъ этого. Далѣе, въ тойже своей докладной запискѣ, Паисій Лигаридъ объяснялъ царю, что лучше не приглашать въ Москву

на соборъ бывшихъ: патріарха цареградскаго Парѳенія и митрополита адріанопольскаго Неофита, которые жили теперь въ Букарестѣ и къ которымъ, по приказанію царя, уже приготовлены были Паисіемъ пригласительныя граматы. Отъѣздъ ихъ въ Москву изъ Букареста не остался бы незамѣтнымъ для турокъ, а это навело бы подозрѣніе ихъ на тамошняго воеводу Радула. Приглашеніе бывшаго патріарха Парѳенія на соборъ весьма не полюбилось бы настоящему патріарху Діонисію; да и на соборѣ Парѳенію пришлось бы сидѣть и подписаться не па своемъ мѣстѣ, потому что истинный экзархъ и представитель настоящаго патріарха Діонисія (т. е. самъ Паисій) не уступилъ бы Парѳенію предсѣдательства. Наконецъ, и подсудимый Никонъ можетъ не признать авторитета бывшаго патріарха, равно какъ и бывшаго митрополита адріанопольскаго Неофита и другихъ архіереевъ, изгнанныхъ отъ своихъ престоловъ. Безполезно было бы приглашать на соборъ такихъ архіереевъ. Въ заключеніе своей докладной записки, воспомянувъ слова св. Симеона Богопріимца: *нынѣ отпущаеши раба твоего, владыко*..., Паисій писалъ: «дерзаю и я, недостойный, сказать: нынѣ отпусти раба твоего, благочестивѣйшій царь, прежде нежели собрался соборъ помѣстный, не говорю еще—вселенскій, на который ожидаются вселенскіе патріархи. По истинѣ, я пришелъ сюда не для преній, и не для суда надъ Никономъ, а только ради великаго долга моей епархіи, и получилъ щедрую твою милостыню, половину которой укралъ у меня воръ Агаѳангелъ... Отпусти меня, пока не съѣхался въ царствующій градъ Москву соборъ вселенскій, чтобы мнѣ порадѣть о душѣ своей. Если столько терплю еще до собора, то что же буду терпѣть послѣ? Довольно уже,

всемилостивѣйшій государь, довольно! Не могу болѣе служить твоей святой палатѣ; отпусти раба твоего, отпусти. Какъ свободно и безъ зову пришелъ я сюда, такъ же вольно и свободно да отойду въ свою митрополію радѣть о душѣ моей и о людяхъ, Богомъ мнѣ врученныхъ» ([275]). Но царь, разумѣется, не отпустилъ. Съ самаго пріѣзда Паисія въ Москву, едва только онъ сдѣлался извѣстнымъ государю, послѣдній призналъ въ немъ для себя человѣка дорогаго и незамѣнимаго по дѣлу Никона. По своему уму, образованію, знанію церковныхъ каноновъ, находчивости Паисій скоро сдѣлался главнымъ совѣтникомъ и руководителемъ въ этомъ дѣлѣ и предъ лицемъ государя, и въ думѣ боярской, и въ собраніяхъ архіереевъ; а въ сношеніяхъ и перепискѣ государя съ восточными іерархами—самымъ довѣреннымъ его лицемъ, какбы правою его рукою или домашнимъ его секретаремъ. Въ тоже время Паисій съумѣлъ привлечь къ себѣ расположеніе государя своею ловкостію и угодливостію: представлялъ ему витіеватыя привѣтствія во дни его рожденія и имянинъ и по случаю великихъ праздниковъ, сообщалъ ему на бумагѣ даже политическія извѣстія о сосѣднихъ государствахъ и тутъ же свои соображенія и совѣты. За то и Паисію ни въ чемъ не было отказа. Еще въ сентябрѣ 1662 г., спустя лишь нѣсколько мѣсяцевъ послѣ своего прибытія въ Москву, онъ просилъ для себя и для своей свиты о прибавкѣ царскаго жалованья, и жалованье было увеличено. Въ сентябрѣ 1665 г. снова просилъ о томъ же, а вмѣстѣ и о царской милостынѣ

([275]) Москов. главн. архив. м. и. д., дѣла греч., связк., 45, № 2; Записки отд. русск. и славян. археол., II, 594. 600.

для уплаты подати съ его газской епархіи туркамъ и іерусалимскому патріарху Нектарію за три истекшіе года, всего въ 1700 ефимковъ, и притомъ объ отпускѣ этой суммы золотыми червонцами,—и эта просьба была исполнена. Паисій сдѣлался главнымъ ходатаемъ за грековъ, приходившихъ въ Москву то за милостынею, то по дѣламъ торговымъ, и нерѣдко подвергавшихся здѣсь опалѣ, и ходатайство его всегда имѣло силу. Царь, видимо для всѣхъ, дорожилъ этимъ человѣкомъ, хотя, вѣроятно, и зналъ его недостатки и слабости, о которыхъ съ такою рѣзкостію и преувеличеніями неразъ доносилъ Никонъ. И Паисію, конечно, было даже пріятно, когда царь не отпустилъ его, несмотря на его просьбу объ отпускѣ, и тѣмъ вновь показалъ, какъ цѣнитъ его и считаетъ для себя нужнымъ ([276]).

Въ томъ же самомъ декабрѣ мѣсяцѣ, когда Паисій Лигаридъ торжествовалъ въ душѣ по случаю патріаршихъ граматъ, дававшихъ ему такую высокую уполномоченность при рѣшеніи дѣла о Никонѣ, самъ Никонъ, ясно видя, что суда патріаршаго уже не избѣжать, рѣшился написать отъ себя граматы къ восточнымъ патріархамъ. Въ этихъ граматахъ, переведенныхъ на греческій языкъ и переписанныхъ какимъ-то грекомъ Димитріемъ Матвѣевымъ, Никонъ изложилъ, въ общихъ чертахъ, весь ходъ своего дѣла, стараясь представить себя во всемъ правымъ и во всемъ обвиняя царя, а также бояръ, архіереевъ, въ частности Питирима крутицкаго, и болѣе всѣхъ Паисія Лигарида, причемъ съ обычными сво-

---

([276]) Москов. главн. архив. м. и. д., дѣла греч., связк. 41, №№ 1. 13. 18; связк. 42, № 1; связк. 43, №№ 1. 15; связк. 44, № 2.

ими преувеличеніями выражался, будто Паисій выдавалъ себя «намѣстникомъ отъ всѣхъ четырехъ патріарховъ» и предсѣдательствуетъ на всѣхъ соборахъ въ Москвѣ, и будто царь, «аще что речетъ (Паисій), якоже отъ Божіихъ устъ слушаетъ его во всемъ, и якоже пророка Божія почитаетъ его». Подъ конецъ своихъ граматъ Никонъ говорилъ: «о семъ молимъ пресвятость вашу, за вся судите насъ съ царскимъ величествомъ праведно, зане будете и вы сами судитися въ страшный день втораго пришествія Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа». Изъ этихъ граматъ намъ извѣстна только одна, писанная къ цареградскому патріарху Діонисію. Передавать здѣсь подробно содержаніе ея было бы излишнимъ: она будетъ читана во время суда надъ Никономъ, и тогда мы болѣе съ нею познакомимся. Предстояло немалое затрудненіе Никону, какъ доставить свои граматы патріархамъ. Онъ вручилъ ихъ двоюродному своему племяннику, состоявшему въ числѣ его боярскихъ дѣтей, Ѳедоту Тимоѳеву Марисову, и послалъ его къ находившемуся тогда въ Москвѣ запорожскому гетману Брюховецкому съ просьбою, чтобы гетманъ взялъ его съ собою въ Малороссію и оттуда отпустилъ въ Царьградъ. И когда гетманъ не согласился, то клирикъ Никоновъ Иванъ Шушеринъ подкупилъ (за 50 рублей и 50 золотыхъ) одного изъ казаковъ, бывшихъ при гетманѣ, Кирилла Давидовича, который и взялъ съ собою Марисова, сказавъ, что это его племянникъ, приведенный въ Москву прежде въ числѣ плѣнныхъ изъ города Львова. Скоро, однакожъ, правда открылась, и въ генварѣ 1666 года изъ Москвы посланъ былъ Брюховецкому приказъ—схватить Марисова. И онъ былъ схваченъ въ черкасскихъ городахъ и

доставленъ въ Москву съ порученными ему граматами. Царь благодарилъ гетмана и велѣлъ произвесть распросы Марисову и писавшему граматы греку Димитрію Матвѣеву, а самъ прочелъ грамату Никона, адресованную къ патріарху Діонисію, и даже сдѣлалъ на ней свои помѣтки. Очень естественно, если грамата эта, наполненная страшными обвиненіями противъ царя, произвела на него самое тяжелое впечатлѣніе ([277]).

Алексѣй Михайловичъ хотя не отпустилъ отъ себя газскаго митрополита, но не послушалъ его совѣта не сноситься болѣе съ цареградскимъ патріархомъ по дѣлу Никона. Нѣтъ, царь непремѣнно хотѣлъ разрѣшить вкравшіяся въ его душу сомнѣнія. Онъ избралъ надежнѣйшаго человѣка, келаря чудова монастыря Савву, и отправилъ его къ патріарху Діонисію до того скрытно, что это отправленіе, по замѣчанію Лигарида, скорѣе походило на бѣгство, чѣмъ на посольство: о немъ знали только трое. Изъ Москвы возвращался на Аѳонъ архимандритъ тамошняго павлова монастыря Іоанникій съ царскою милостынею для всѣхъ аѳонскихъ монастырей и съ посланіемъ къ нимъ какого-то архіерея, писаннымъ отъ 26 генваря 1666 года. Съ этимъ-то архимандритомъ и поѣхалъ келарь Савва, и удобно прибылъ въ Ѳессалонику. Тамъ оказался и патріархъ Діонисій, внезапно оставившій свою каѳедру и бѣжавшій изъ Царьграда отъ турокъ. Савва тайно представился бывшему патріарху и говорилъ ему: «Святый владыко! царь Алексѣй Михайловичъ молитъ тебя, приди въ Москву, благослови домъ его, и разныя нужныя вещи исправь. Рѣши: что дѣлать

([277]) Записки отд. русск. и славянск. археол. II, 9—10. 510—530; *Собр.* XI, 350—354.

царю, умолять ли Никона патріарха, чтобы возвратился, или другаго поставить? Иконійскій митрополитъ Аѳанасій отъ тебя ли присланъ, и родственникъ ли тебѣ, и приказывалъ ли ты ему словесно, чтобы умолять Никона о возвращеніи? Съ Мелетіемъ дьякономъ сколько граматъ прислалъ ты? Стефанъ грекъ былъ ли у тебя, и послалъ ли ты съ нимъ грамату, чтобы митрополиту газскому быть экзархомъ?» Діонисій отвѣчалъ: «ѣхать въ Москву никакъ не могу. Благословляю государя, чтобъ или онъ простилъ Никона, или другаго поставилъ, смиреннаго и кроткаго; если онъ боится другаго поставить, то мы принимаемъ грѣхъ на свои головы; царь самодержецъ: все ему возможно. Мелетій пріѣзжалъ сюда несмирно; всѣ турки объ немъ узнали, и сдѣлалъ мнѣ убытку на двѣсти мѣшковъ. Иконійскій митрополитъ Аѳанасій мнѣ неродня. На немъ былъ турецкій долгъ; онъ выпросилъ себѣ отсрочку на недѣлю, да и ушелъ. А я съ нимъ ниодного слова не приказывалъ: пусть держатъ его крѣпко и отнюдь не отпускаютъ. Если царь его отпуститъ, то большую бѣду церкви сдѣлаетъ. Какъ Мелетій дьяконъ приходилъ, то мы съ Нектаріемъ патріархомъ написали двѣ граматы слово въ слово, и руки свои приложили, и одну послали съ Мелетіемъ въ Александрію, а другую Нектарій послалъ съ своимъ калугеромъ въ Антіохію. Стефанъ грекъ у меня не бывалъ; только хартофилаксъ (секретарь патріарха) докучалъ мнѣ, чтобъ я написалъ въ граматѣ—быть газскому экзархомъ. Но я ему этого не позволилъ, и если такая грамата объявилась у царя, то это плевелы, посѣянные хартофилаксомъ. А Паисій Лигаридъ—лоза не константинопольскаго престола; я его православнымъ не называю, ибо слышу отъ многихъ, что онъ папежникъ,

лукавый человѣкъ. Стефана грека не отпускайте жъ, потому что и онъ великое разореніе церкви православной сдѣлалъ, какъ и Аѳанасій иконійскій». Изъ этого отвѣта Діонисіева, который келарь Савва представилъ въ своей сказкѣ государю, послѣдній долженъ былъ убѣдиться не только въ подлинности свитка четырехъ патріарховъ, принесеннаго Мелетіемъ, и въ лживости иконійскаго митрополита Аѳанасія, но и въ томъ, что Стефанъ грекъ—обманщикъ, вовсе не былъ у Діонисія, а сносился только съ секретаремъ его, и привезъ грамату объ экзаршествѣ Паисія Лигарида подложную, которую, вѣроятно, купилъ у патріаршаго секретаря за деньги, или даже составилъ самъ, и что этотъ Стефанъ, судя по жесткому о немъ отзыву Діонисія, вовсе не племянникъ его и не родственникъ. Конечно, ловкій Паисій могъ и теперь извернуться и всю вину свалить на одного Стефана; могъ увѣрять и даже увѣрить царя, что Стефанъ обманулъ и его, Паисія, вѣрно, расчитывая подслужиться и угодить ему, въ чаяніи бо̀льшихъ милостей. Но объ экзаршествѣ своемъ Паисій больше уже и не заикался, и не только, какъ увидимъ, не предсѣдательствовалъ, вмѣсто цареградскаго патріарха, на послѣдующихъ соборахъ въ Москвѣ, но подписывался ниже другихъ митрополитовъ, русскихъ и греческихъ. Въ своемъ историческомъ сказаніи Лигаридъ объ этомъ свиданіи Саввы съ патріархомъ Діонисіемъ выражается глухо, и именно говоритъ: «когда Савва былъ принятъ Діонисіемъ и принялъ отъ него благословеніе, то объяснилъ ему причину своего пришествія (споръ Аѳанасія иконійскаго съ Стефаномъ грекомъ о подложности принесенныхъ послѣднимъ граматъ). Діонисій назвалъ все достовѣрнымъ, въ особенности утвердилъ подлинность свитка

четырехъ патріарховъ и подписей ихъ, и отпустилъ Савву, не надѣливъ его никакимъ письмомъ въ виду опасностей пути». Затѣмъ Лигаридъ продолжаетъ: «заѣзжалъ Савва и ко вселенскому патріарху Пароенію (вновь вступившему на каѳедру по удаленіи Діонисія), но этотъ и ухомъ не повелъ на просьбы Саввы, оставаясь вѣрнымъ обязательству, которое далъ константинопольскому эпарху Кипурхію—не писать ничего къ русскимъ и не принимать отъ нихъ никакихъ грамать, безъ вѣдома и позволенія султана. Такимъ образомъ Савва возвратился безъ результатовъ, не получивъ успѣха въ своихъ огромныхъ надеждахъ; предполагалъ воздвигнуть трофеи выше всѣхъ, а вышелъ ничѣмъ, ни третьимъ, ни четвертымъ мегарцемъ по лжи» ([278]). Очевидно, что тайное посольство келаря Саввы было не по душѣ Лигариду.

Если одинъ изъ посланныхъ царемъ въ сентябрѣ 1664 года для приглашенія патріарховъ въ Москву, Стефанъ грекъ, ѣздившій къ патріархамъ іерусалимскому (въ Молдавію) и потомъ константинопольскому, не достигъ своей цѣли; то усилія другаго посланца, іеродіакона Мелетія, отправившагося къ патріархамъ александрійскому и антіохійскому, увѣнчались полнымъ успѣхомъ. Мелетій сначала прибылъ въ Египетъ и, послѣ продолжительныхъ собесѣдованій съ патріархомъ александрійскимъ Паисіемъ, убѣдилъ его ѣхать въ Россію. Изъ Египта отправился на синайскую гору для поклоненія свя-

---

([278]) Москов. главн. арх. м. и. д., дѣла греч., связк. 43, № 17; Древн. Росс. вивліоѳ. III, 409 — 412; *Лигарид.* О соборѣ на Никона, ч. I, гл. 24; *Солов.* XI, 333; Записки отд. русск. и славян. археол., II, стр. 10. Здѣсь сказано, что съ келаремъ Саввою посланы были граматы и къ цареградскому патріарху Пароенію.

тынѣ, и склонилъ тамошняго архіепископа Ананію, области іерусалимскаго патріарха, явиться также въ Москву на предполагаемый соборъ. Антіохійскій патріархъ Макарій находился въ Грузіи для собиранія милостыни (кстати замѣтимъ, что вся богатая царская милостыня, какую онъ вывезъ въ 1656 году изъ Россіи, была отобрана у него турками, укорявшими его въ измѣнѣ за долгое пребываніе у московскаго государя). Мелетій переѣхалъ въ Грузію и убѣдилъ здѣсь патріарха Макарія снова посѣтить Москву, гдѣ оказано было ему прежде столько гостепріимства, а на пути склонилъ къ такой же поѣздкѣ и бывшаго трапезундскаго митрополита Филоѳея, изъ церковной области цареградскаго патріарха. Убѣдивши патріарховъ ѣхать въ Москву, Мелетій сопровождалъ ихъ на всемъ пути. Путь былъ весьма трудный и тяжелый, особенно для такихъ старцевъ, каковы были патріархи, совершался чрезъ крутыя горы и по мѣстамъ непроходимымъ. Когда Паисій александрійскій прибылъ въ Тифлисъ, то Макарій антіохійскій, странствовавшій по Мингреліи, снесся съ нимъ и просилъ его ѣхать въ Шемаху и тамъ пождать его, Макарія. Въ 4 день апрѣля 1666 г. Макарій отправился также въ Шемаху, и въ самый праздникъ воскресенія Христова соединился здѣсь съ Паисіемъ, чтобы продолжать путь вмѣстѣ— каспійскимъ моремъ на Астрахань. Съ патріархами находились, кромѣ ихъ свитъ, и два другіе, приглашенные Мелетіемъ, іерарха, синайскій и трапезундскій. Въ Шемахѣ они пробыли недолго: потому что въ Москвѣ давно уже знали о приближеніи ихъ къ границамъ Россіи, и оттуда заблаговременно сдѣланы были распоряженія какъ о пріемѣ дорогихъ гостей, такъ и о путешествіи ихъ по самой Россіи. Еще отъ

11 марта послана была изъ Москвы соборомъ русскихъ святителей астраханскому архіепископу Іосифу грамата: чтобы онъ встрѣтилъ святѣйшихъ патріарховъ въ Астрахани и проводилъ въ Москву съ подобающею честію; если будутъ спрашивать, для какихъ дѣлъ зовутъ ихъ, то отвѣчалъ бы, что, по отдаленности Астрахани отъ Москвы, не знаетъ, но думаетъ, что для дѣла по отшествію патріарха Никона съ престола и для иныхъ великихъ церковныхъ дѣлъ; а о томъ, что самъ былъ у Никона съ княземъ Никитою Ивановичемъ Одоевскимъ, отнюдь не сказывалъ бы, и во всемъ былъ бы, какъ можно, остороженъ, и своимъ духовнымъ и мірскимъ людямъ приказалъ бы ничего не говорить о томъ съ людьми патріаршими; а какъ придутъ въ Москву, тогда и объявлено будетъ имъ все по дѣлу Никона. Въ тоже время и царь послалъ грамату такого же содержанія астраханскому архіепископу и приказы астраханскому воеводѣ. Изъ Астрахани своевременно посланъ былъ корабль къ Шемахѣ для пріема патріарховъ. Выждавъ попутнаго вѣтра, они сѣли на корабль и поплыли каспійскимъ моремъ; на срединѣ пути къ нимъ подошелъ другой царскій корабль, бо̀льшій по размѣру, и принялъ на себя значительную часть пассажировъ съ перваго корабля. Чрезъ нѣсколько дней патріархи вошли въ рѣку Волгу и по ней прибыли въ Астрахань. Здѣсь встрѣтили ихъ торжественно астраханскій архіепископъ и все духовенство въ блестящихъ облаченіяхъ съ богато украшенными хоругвями и иконами, и астраханскій воевода, съ свитою бояръ, при безчисленномъ стеченіи народа, и, при звонѣ колоколовъ во всѣхъ церквахъ, какъ въ свѣтлый праздникъ, при громѣ пушекъ и мортиръ, повели патріарховъ въ приготовленное

для нихъ пристанище. Изъ Астрахани они отправились въ Симбирскъ, а отсюда ѣхали уже сухимъ путемъ. Для подъема патріарховъ и всѣхъ ихъ спутниковъ выставлялось по 500 лошадей. Дороги были исправлены и, по мѣстамъ, устроены новые мосты. Между тѣмъ патріархи, окруженные такими необычайными почестями, скоро позволили себѣ выдти изъ предѣловъ принадлежащей имъ власти. Сопровождавшіе ихъ царскіе приставы доносили въ Москву, что патріархи, подвигаясь впередъ, принимаютъ по городамъ и селамъ челобитныя и даже творятъ судъ и расправу: въ Симбирскѣ разстригли и засадили въ тюрьму протопопа Никифора за то, что онъ не хотѣлъ креститься тремя перстами и употреблять новоисправленные служебники, т. е. за приверженность къ расколу, и тамъ же разстригли дьякона женскаго монастыря за связь съ монахинею; а въ городкѣ Чернѣ разстригли попа по жалобѣ на него духовной дочери и по сыску нѣсколькихъ священниковъ и мірскихъ людей. Этого мало. Государю было донесено, что патріархи взяли съ собою изъ Астрахани бывшаго наборщика печатнаго двора, Ивана Лаврентьева, сосланнаго, по царскому указу, на Терекъ за то, что завелъ въ Москвѣ латинское согласіе къ соблазну православныхъ; везутъ также съ собою слугу гостя Шорина, Ивана Туркина, сосланнаго за то, что извѣщалъ воровскихъ казаковъ своими граматками, по которымъ они грабили царскій насадъ, торговыя суда, и многихъ людей убили. Государь счелъ нужнымъ написать, отъ 5 сентября, іеродіакону Мелетію, сопровождавшему патріарховъ, называя его «многострадальнымъ», чтобы онъ, соблюдая полное уваженіе къ нимъ, вѣжливо объяснилъ имъ,

пусть бы не огорчали великаго государя, и воровъ въ Москву не привозили, а отдали воеводамъ (379).

На встрѣчу патріархамъ, для привѣтствованія ихъ, государь послалъ двухъ бояръ съ своими письмами къ тому и другому отъ 14 сентября. Гдѣ и какъ происходила эта встрѣча, неизвѣстно. Вторая почетная встрѣча патріархамъ сдѣлана была отъ лица освященнаго собора верстъ за пятьсотъ отъ Москвы. Архимандритъ суздальскаго спасоевѳиміева монастыря Павелъ встрѣтилъ ихъ 11 октября въ арзамасскомъ лѣсу за сорокъ верстъ, не доѣзжая до Арзамаса, и объявилъ, что присланъ, по указу государя, отъ всего освященнаго собора съ граматами, которыя подписаны были архіереями 18 сентября. Оба патріарха, вмѣстѣ съ трапезундскимъ митрополитомъ, синайскимъ архіепископомъ и иными властями, вышли изъ экипажей. Тогда Павелъ сначала привѣтствовалъ александрійскаго патріарха отъ имени русскихъ владыкъ, спросилъ о его здоровьѣ, просилъ имъ его благословенія и подалъ ему соборную грамату; потомъ точно также поступилъ по отношенію къ антіохійскому патріарху. Патріархи спросили о здоровьѣ государя, его семейства и всѣхъ русскихъ архіереевъ, и велѣли Павлу ѣхать съ ними въ Муромъ. Здѣсь, написавъ отвѣтныя граматы, вручили ихъ (13 окт.) Павлу и послали съ нимъ миръ и благословеніе государю и всему освященному собору. Затѣмъ для привѣтствованія патріарховъ

---

(379) *Лигарид.* О соборѣ на Никона, ч. I, гл. 20. 33; *Солов.* XI, 354—355. Грамата собора астраханскому архіепископу—въ Подлинн. дѣлѣ патр. Никона, по списку моск. дух. акад., стр. 348. Объ отнятіи у патріарха антіохійскаго Макарія всей царской милостыни турками — москов. главн. арх. м. н. д., дѣла греч., связк. 40, № 28.

царь послалъ отъ себя своего ближняго боярина, сановитаго мужа Артемона Сергѣевича Матвѣева съ царскими гостинцами и письмомъ отъ 15 октября. За сорокъ верстъ отъ Москвы, въ селѣ Рогожѣ, 29 октября, встрѣтилъ патріарховъ отъ имени царя и всѣхъ архіереевъ архимандритъ владимірскаго рождественскаго монастыря Филаретъ, и привѣтствовалъ подобно тому, какъ прежде привѣтствовалъ архимандритъ Павелъ. Когда патріархи приблизились къ столицѣ, начался новый рядъ встрѣчъ, гораздо болѣе торжественныхъ. Еще за городомъ встрѣтилъ ихъ архіепископъ рязанскій Иларіонъ, который, какъ человѣкъ ученый, сказалъ имъ рѣчь. У земляной городской ограды или вала встрѣтилъ митрополитъ крутицкій Павелъ съ крестами, иконами и многочисленнымъ духовенствомъ, и также сказалъ рѣчь, которую тутъ же переводилъ, по статьямъ, на греческій языкъ никольскій архимандритъ Діонисій святогорецъ. Патріархи были въ омофорахъ, епитрахиляхъ и митрахъ съ посохами въ рукахъ, и, приложившись къ св. иконамъ, благословивъ духовенство и весь народъ на всѣ четыре стороны осѣненіемъ креста, отправились со всѣмъ крестнымъ ходомъ въ городъ. У каменной городской ограды, встрѣтилъ митрополитъ ростовскій Іона съ нѣсколькими архіереями и архимандритами, и затѣмъ на лобномъ мѣстѣ—митрополитъ казанскій Лаврентій, сказавшій также рѣчь, которую переводилъ для патріарховъ іеродіаконъ Мелетій. Наконецъ, предъ вступленіемъ ихъ въ успенскій соборъ, встрѣтилъ ихъ митрополитъ новгородскій Питиримъ съ знатнѣйшимъ духовенствомъ и привѣтствовалъ рѣчью, которая переводима была тѣмъ же іеродіакономъ. Приложившись въ церкви къ св. иконамъ и выслушавъ краткое мо-

лебствіе, утомленные патріархи отправились въ приготовленное для нихъ помѣщеніе на кирилловскомъ подворьѣ. Черезъ два дня, 4 ноября, въ воскресенье, патріархи представлялись царю, поднесли ему свои дары и сказали рѣчь, въ которой, призывая на него Божіе благословеніе, выражали желаніе, да «дастъ ему царь Христосъ благоденственное житіе на укрѣпленіе тверди церковной, на радость ихъ (греческаго) рода и на славу безсмертную русскаго народа». Царь отвѣчалъ также рѣчью, въ которой благодарилъ Бога, подвигшаго ихъ предпринять такое дальнее путешествіе въ Россію для избавленія ея церкви отъ бѣдствій, благодарилъ и ихъ самихъ, перенесшихъ всѣ трудности пути, и пожелалъ имъ щедраго за то воздаянія въ настоящей жизни и въ будущей. Въ тотъ же день у государя для патріарховъ былъ столъ. Въ понедѣльникъ присланы были царскіе дары патріархамъ, а въ слѣдующій день представлялись имъ всѣ архіереи, кто съ раззолоченными иконами, кто съ серебряными чашами и кубками, затѣмъ архимандриты и игумены, и послѣ всѣхъ Паисій, газскій митрополитъ, привѣтствовавшій патріарховъ витіеватою рѣчью, за которую они выразили ему свою признательность. Когда всѣ привѣтствія окончились, и патріархи нѣсколько освоились съ новымъ своимъ положеніемъ, начались приготовленія къ собору ([280]).

([280]) *Лигарид.* О соборѣ на Никона, ч. I, гл. 34. 35; ч. II, гл. 1—5; Дворцов. разряды, III, 645—654; Дополн. къ акт. истор., V, № 26. Сказки архимандритовъ Павла и Филарета, встрѣчавшихъ патріарховъ, грамата отъ собора къ патріархамъ и рѣчи имъ Иларіона рязанскаго, Лаврентія казанскаго, Павла крутицкаго—въ Подлинн. дѣлѣ Никона, по списку моск. дух. акад., стр. 359—372. Тѣже рѣчи, а равно и рѣчь Питирима новгородскаго,

Но здѣсь мы должны на время остановиться. Намъ нужно предварительно ознакомиться съ тогдашнимъ состояніемъ кіевской митрополіи, начавшей возсоединяться со всею русскою церковію, и съ состояніемъ вновь возникшаго тогда русскаго раскола: такъ какъ въ этомъ соборѣ принимали участіе, вмѣстѣ съ архіереями московскаго патріархата, и архіереи кіевской митрополіи, и соборъ разсуждалъ и постановилъ свое рѣшеніе не только о патріархѣ Никонѣ, но и о русскомъ расколѣ.

II.

Кіевскій митрополитъ Сильвестръ Коссовъ скончался въ такое время (13 апр. 1657 г.), когда Никонъ еще занималъ московскую каѳедру и управлялъ русскою церковію. Но Никонъ, хотя назывался патріархомъ и малыя Россіи, и, по извѣстному царскому указу въ статьяхъ, данныхъ малороссійскому народу, считалъ кіевскую митрополію подъ своимъ благословеніемъ, не могъ вступаться въ ея внутреннія дѣла. Соотвѣтственно духу этого указа и происходило избраніе новаго кіевскаго митрополита.

находятся въ рукописн. Сборн. моск. синод. библ., № 229, л. 451 — 457, и напечатаны въ Матеріал. для исторіи раскола, II, 149 — 165. А всѣ вообще рѣчи, сказанныя тогда, помѣстилъ въ означенныхъ главахъ своего сочиненія Паисій Лигаридъ, который едва ли не былъ и авторомъ или редакторомъ большей части этихъ рѣчей. «Ученымъ» называетъ Иларіона рязанскаго тотъ же Паисій (тамъ же). Подробное изложеніе, какъ происходили встрѣчи патріарховъ на всемъ пути отъ Астрахани до Москвы и въ самой Москвѣ— въ рукописяхъ москов. главн. арх. м. и. д., дѣла греч., связк. 45, №№ 8. 9.

Въ Малороссіи избраніе для себя архипастыря признавали своимъ какбы домашнимъ дѣломъ и своимъ неотъемлемымъ правомъ: издавна избраніе это совершалось тамъ мѣстнымъ духовенствомъ и мірянами въ лицѣ ихъ представителей. И потому, какъ только скончался Сильвестръ Коссовъ, гетманъ Малороссіи Богданъ Хмѣльницкій, вопервыхъ, поручилъ на время завѣдывать митрополіею черниговскому епископу Лазарю Барановичу, едва только рукоположенному (8 марта 1657 г.), который оставался тогда единственнымъ архіереемъ во всей Малороссіи, и, вовторыхъ, послалъ ко всѣмъ прочимъ епископамъ кіевской митрополіи, львовскому, луцкому, перемышльскому, находившимся съ своими паствами подъ властію польскаго короля, приглашеніе пріѣхать въ Кіевъ «на обранье митрополита по стародавнимъ правамъ, какъ искони вѣчныхъ лѣтъ бывало». А въ Москву ни къ царю, ни къ патріарху, не послалъ даже никакого извѣстія. Чрезъ нѣсколько дней по смерти Коссова Хмѣльницкій отправлялъ къ царю грамату (отъ 23 апрѣля) съ Ѳедоромъ Коробкою, увѣдомлялъ въ ней о враждебныхъ замыслахъ сосѣднихъ государей и о томъ, что самъ, съ соизволенія всѣхъ полковниковъ, вручилъ гетманство сыну своему Юрію, но ни о смерти кіевскаго митрополита, ни объ избраніи новаго въ граматѣ вовсе не упомянулъ. Только посланецъ Хмѣльницкаго, Коробка, на словахъ заявилъ въ посольскомъ приказѣ: «гетманъ и все войско запорожское, отъ мала до велика, желаютъ того, чтобы изволилъ пріѣхать въ Кіевъ великій государь, святѣйшій Никонъ патріархъ, и тамъ бы митрополита на митрополію, а гетманскаго сына на гетманство, благословилъ; а они де его государеву патріаршему пришествію рады». Но и въ этомъ заявле-

ніи, если допустить, что оно сдѣлано Коробкою не лично отъ себя, выражается желаніе, чтобы Никонъ только благословилъ на митрополію митрополита, уже избраннаго, а о какомъ либо участіи Никона въ самомъ избраніи митрополита нѣтъ ни слова. Равно и въ Москвѣ отнеслись къ этому избранію, повидимому, совершенно безучастно. Правда, если вѣрить словамъ Никона въ оправдательномъ письмѣ его къ цареградскому патріарху Діонисію, царь много разъ говорилъ Никону, чтобы онъ хиротонисалъ въ Кіевъ митрополита, но Никонъ на то не согласился, уважая права цареградскаго патріарха. И изъ Москвы не прислано было ни къ гетману, ни къ кіевскому духовенству, относительно выбора митрополита никакихъ приказаній ([281]).

Іюля 27 гетманъ Богданъ Хмѣльницкій скончался, оставивъ начатое имъ весьма важное для всей Малороссіи дѣло избранія кіевскаго митрополита неоконченнымъ. Въ началѣ августа блюститель митрополіи Лазарь Барановичъ явился къ царскому воеводѣ въ Кіевѣ Бутурлину съ товарищи, и сказалъ: епископы львовскій, луцкій и перемышльскій, которыхъ гетманъ приглашалъ въ Кіевъ на избраніе митрополита, спрашивали польскаго короля Яна Казиміра, ѣхать ли имъ въ Кіевъ или не ѣхать,—и король позволилъ ѣхать, но велѣлъ имъ также, чтобы они подговаривали тамъ гетмана и казаковъ снова отдаться подъ королевскую власть. А 4 августа тотъ же Барановичъ снова былъ у Бутурлина и заявилъ:

([281]) Письма *Лазаря Барановича* № 1, Черниг. 1865 г.; Акт. Ю. и З. Россіи, IV, № 6; Архивъ мин. юстиціи, дѣла малоросс. столб. № 5832; *Никона* письмо къ Діонис., въ Записк. отд. русск. и слав. археол., II, 528.

нынѣ писалъ ко мнѣ изъ Чигирина писарь Иванъ Выговскій, чтобы мы сами выбирали митрополита промежъ себя, кого излюбимъ, а имъ де нынѣ, по смерти гетмановой, до того дѣла нѣтъ. Тогда Бутурлинъ началъ говорить Барановичу и находившимся съ нимъ духовнымъ лицамъ, чтобы они поискали милости великаго государя, показали ему прямую свою правду, и были подъ послушаніемъ и благословеніемъ московскаго патріарха Никона, чтобы безъ указа государева по епископовъ не посылали и безъ благословенія патріарха не избирали митрополита, а написали бы о томъ и послали къ царю и патріарху кого либо изъ своего духовнаго чина. Барановичъ отвѣчалъ, что онъ милости государя и благословенію патріарха радъ; но ему нужно подумать о томъ съ архимандритами и игуменами, и, что придумаютъ, онъ объявитъ. Черезъ три дня онъ дѣйствительно, посѣтивъ Бутурлина, сказалъ ему, что онъ, епископъ, и архимандриты съ игуменами приговорили быть всѣмъ намъ подъ послушаніемъ и паствою московскаго патріарха Никона; но что теперь они ѣдутъ въ Чигиринъ на погребеніе гетмана, а какъ возвратятся, то, договорясь между собою, пошлютъ изъ среды своей нарочнаго къ государю. Достигнувъ такого отвѣта со стороны духовенства, воевода Бутурлинъ написалъ 12 августа къ писарю Ивану Выговскому: «намъ сдѣлалось извѣстно, что, по гетманскому письму, въ Кіевъ ѣдутъ для избранія митрополита епископы перемышльскій, львовскій и луцкій: но о пріѣздѣ ихъ просилъ ли покойный гетманъ указа у великаго государя? Если государева указа нѣтъ объ избраніи митрополита, то ты увѣдомилъ бы тѣхъ епископовъ, чтобы они сами писали о томъ къ царю и патріарху Никону, а безъ го-

сударева указа и патріаршаго благословенія въ Кіевъ не ѣздили и митрополита не избирали». Выговскій отвѣчалъ воеводѣ 23 августа, т. е. въ самый день погребенія Хмѣльницкаго: «славной памяти гетманъ писалъ къ тѣмъ епископамъ, чтобы они пріѣзжали для выбора митрополита, по давнимъ правамъ, какъ прежде искони бывало,—о чемъ къ царскому величеству еще не писалъ. Но, по отправленіи погребенія, мы тотчасъ будемъ держать совѣтъ, и, что положено будетъ на совѣтѣ, чрезъ пословъ нашихъ извѣстимъ его царское величество. Для епископовъ же нынѣ довольно и того, что права и давній обычай повелѣваютъ имъ пріѣзжать, по гетманскому письму, на избраніе митрополита, чтобы въ духовномъ чинѣ безъ пастыря не умножилось своеволія и безпорядка. А когда тѣ епископы пріѣдутъ на избраніе митрополита, на которое посланы будутъ особы и отъ войска, то, думаю, о новоизбранномъ напишутъ и его царскому величеству». Этотъ отвѣтъ Выговскаго въ подлинникѣ, вмѣстѣ съ своими извѣстіями объ отвѣтѣ кіевскаго духовенства, Бутурлинъ отправилъ къ государю. Въ тоже время находился въ Чигиринѣ, по указу государеву, стольникъ Василій Кикинъ, и онъ въ своемъ статейномъ спискѣ записалъ: «въ 26 день августа приходили къ нему столнику отъ черниговскаго епископа архимандритъ овручскаго монастыря да игуменъ кіевомихайловскаго златоверхаго монастыря, и говорили, что епископъ и все духовенство желаютъ избрать митрополитомъ въ Кіевъ печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля, а о поставленіи его въ митрополита послать челобитную къ царю государю и къ патріарху Никону; но только не знаемъ, какъ похотятъ войскомъ, изберутъ ли его, печерскаго архимандрита,

или кого иного. Объ этомъ у насъ, духовныхъ, скоро будетъ рада съ гетманомъ и съ начальными людьми». Гетманомъ здѣсь названъ Выговскій, который въ этотъ самый день, 26 августа, избранъ былъ въ гетманы впредь до возмужалости Юрія Хмѣльницкаго, и въ этотъ же день, принимая у себя сотника Кикина, также говорилъ ему, между прочимъ: «будетъ у него, гетмана, въ Кіевѣ со всѣмъ народомъ и духовенствомъ рада и избраніе митрополита, и кого изберетъ Духъ Святый и церковь на кіевскую митрополію, мы о томъ извѣстимъ царское величество немедленно» ([282]). Все—обѣщанія и обѣщанія; но гетманъ обѣщалъ лишь извѣстить государя о новоизбранномъ митрополитѣ, а духовенство обѣщало не только извѣстить о томъ государя, но и просить Никона о поставленіи новоизбраннаго митрополита и потомъ быть подъ послушаніемъ и паствою московскаго патріарха.

Избраніе митрополита послѣдовало, однакожъ, нескоро. Новый гетманъ поручилъ блюстителю митрополіи Барановичу назначить для того удобное время и пригласить коронныхъ епископовъ, отнюдь не позже 1-го октября. Это именно число Барановичъ и назначилъ послѣднимъ срокомъ для съѣзда избирателей и приглашалъ въ Кіевъ къ этому числу самого гетмана. Но съѣздъ не состоялся. Дѣйствительная попытка къ выбору митрополита произошла 18 октября, кажется, случайно. Гетманъ прибылъ въ Кіевъ, 13 октября, собственно на погребеніе своей сестры, бывшей за полковникомъ Павломъ Тетерею, вмѣстѣ съ отцемъ своимъ и братьями, съ нѣсколькими

([282]) А. Ю. и З. Россіи, IV, №№ 6. 7; Прибавл. къ А. Ю. и З. Россіи, т. XI, № 3, стр. 802—803.

полковниками и многими иными начальными людьми. Октября 17 гетманъ пріѣхалъ въ братскій монастырь, куда епископъ Лазарь Барановичъ пригласилъ на акаѳистъ и царскихъ воеводъ. Послѣ акаѳиста отслужилъ онъ обѣдню и молебенъ, потомъ прочелъ молитвы надъ гетманскою булавою, саблею и бунчукомъ, которые пожалованы были царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ гетману Хмѣльницкому, окропилъ ихъ св. водою, подалъ новому гетману и сказалъ ему рѣчь, чтобы онъ служилъ вѣрою и правдою великому государю. А на слѣдующій день гетманъ пришелъ со всею своею свитою въ софійскій соборъ для избранія митрополита. Приглашаемы были туда и царскіе воеводы, но они не осмѣлились ѣхать, не имѣя государева указа. Изъ духовныхъ лицъ тутъ были, по свидѣтельству воеводъ, епископъ Лазарь Барановичъ, архимандриты: виленскій Іосифъ Тукальскій и черниговскій Іосифъ Мещериновъ (родственникъ гетмана Выговскаго), недавно прибывшій изъ Львова и поставленный архимандритомъ, да намѣстники епископовъ львовскаго и перемышльскаго. А кіевскихъ архимандритовъ и игуменовъ, начиная съ печерскаго архимандрита Иннокентія Гизеля, которыхъ всего удобнѣе можно было пригласить, не было. Что бы это значило? Кіевское духовенство, какъ мы видѣли, еще прежде заявило царскимъ воеводамъ, что оно желало бы избрать на митрополію Иннокентія Гизеля, потомъ просить о рукоположеніи его московскимъ патріархомъ и состоять подъ властію послѣдняго. Это желаніе, котораго духовенство, вѣроятно, не скрывало и отъ другихъ, вовсе не соотвѣтствовало намѣреніямъ Выговскаго. Онъ, едва сдѣлался гетманомъ, началъ замышлять, какъ бы удобнѣе измѣнить Москвѣ и со всею Малороссіею вновь от-

даться Польшѣ, и для его цѣли было весьма важно, чтобы на кіевскую каѳедру избранъ былъ не кто либо изъ преданныхъ Москвѣ и желающихъ единенія съ нею, а человѣкъ, преданный Польшѣ, который могъ бы содѣйствовать ему въ его намѣреніяхъ своимъ духовнымъ вліяніемъ на народъ, т. е. кто либо изъ духовныхъ лицъ, подданныхъ польскаго короля. И вотъ для избранія митрополита не были приглашены главные представители кіевскаго духовенства, и кандидатами на митрополію избирались все изъ короннаго духовенства. Чрезъ три дня (21 окт.) самъ гетманъ сказывалъ кіевскимъ воеводамъ: «мы выбирали на кіевскую митрополію луцкаго епископа Балабана или виленскаго архимандрита Іосифа Тукальскаго, а иные—львовскаго епископа Арсенія Желнборскаго, но ни на комъ окончательно не остановились и отложили выборы до Николина дня осенняго (6 декабря)». Объ этомъ извѣстилъ Барановичъ епископа львовскаго Желнборскаго, и, называя его «первымъ сыномъ церкви», разумѣется, кіевской, какъ старѣйшаго епископа кіевской митрополіи, усердно просилъ его прибыть въ Кіевъ къ назначенному времени, а также извѣстилъ, конечно, и прочихъ епископовъ и вообще духовенство. Теперь дѣйствительно съѣздъ избирателей состоялся. Луцкій епископъ Діонисій Балабанъ, какъ писали въ Москву кіевскіе воеводы (отъ 3 дек.), пріѣхалъ въ Кіевъ еще 1 декабря, и, «не обослався» съ ними, остановился въ софійскомъ монастырѣ, а два другіе епископа, львовскій Арсеній Желнборскій и перемышльскій Антоній Винницкій, вскорѣ ожидались. Воеводы, не зная, какъ имъ поступить въ настоящемъ случаѣ, и выговаривать ли тѣмъ епископамъ, что они, безъ государева указа и безъ благословенія московскаго

патріарха избираютъ митрополита, просили государя прислать имъ свой указъ. Но указъ къ 6 декабря и не могъ поспѣть и, безъ сомнѣнія, не былъ присланъ. Сколько собралось духовенства и мірскихъ людей на выборы митрополита, былъ ли въ собраніи самъ гетманъ, и какъ происходило избраніе, неизвѣстно. Извѣстно только, что избранъ былъ одинъ изъ тѣхъ кандидатовъ, которые намѣчены были еще 18-го окт. въ присутствіи гетмана Выговскаго, именно Діонисій Балабанъ, а не тотъ кандидатъ, котораго желало кіевское духовенство; что Діонисій Балабанъ давалъ тогда кіевскому и всему малороссійскому духовенству обѣщаніе «великому государю, яко природному своему царю, всякаго добра хотѣть», и что вскорѣ затѣмъ Діонисій принялъ отъ Лазаря Барановича управленіе митрополіею и поселился въ кіевософійскомъ митрополичьемъ домѣ ([283]). Такимъ образомъ актъ избранія кіевскаго митрополита совершился безъ всякаго участія московскаго правительства, несмотря на все радѣніе царскихъ воеводъ въ Кіевѣ, можетъ быть, дѣйствовавшихъ только отъ себя лично.

Оставался впереди еще актъ поставленія новоизбраннаго митрополита,—и опять началось такое же радѣніе. Въ Путивлѣ былъ тогда воеводою извѣстный намъ своею приверженностію къ патріарху Никону бояринъ Никита Алексѣевичъ Зюзинъ. Онъ находился въ дружескихъ сношеніяхъ съ Выговскимъ,

---

([283]) Письма *Барановича*, №№ 1. 2; А. Ю. и З. Россіи, IV, №№ 35. 36. 46. стат. IV; Архив. мин. юстиц., дѣла малоросс., столб. № 5865. Въ черниговскихъ губерн. вѣдомостяхъ 1858 г., № 26, напечатана росписка митрополита Діонисія, отъ 19 генв. 1658 года, о пріемѣ имъ отъ Лазаря Барановича денегъ софійской митрополіи.

велъ съ нимъ переписку и въ генварѣ 1658 года, между прочимъ, написалъ гетману, чтобы избранный на кіевскую митрополію Діонисій Балабанъ не слалъ за посвященіемъ къ константинопольскому патріарху, а поѣхалъ бы гетманъ въ Москву къ патріарху Никону и самъ изустно говорилъ ему о томъ. Выговскій отъ 25 генваря отвѣчалъ Зюзину: «по письму твоему братскому, пишу къ новоизбранному митрополиту, чтобы онъ не слалъ за благословеніемъ къ константинопольскому патріарху до тѣхъ поръ, пока московскій патріархъ Никонъ не сошлется о томъ съ константинопольскимъ». Разумѣется, Выговскій обманывалъ своего мнимаго друга, какъ обманывалъ тогда и все московское правительство, между тѣмъ какъ Зюзинъ, по какимъ-то доносамъ, и, всего вѣроятнѣе, за свои дружескія отношенія къ Выговскому, вскорѣ лишился своего мѣста и подвергся царской опалѣ, сколько ни ходатайствовалъ за него Выговскій предъ царемъ и Никономъ ([284]). Въ томъ же генварѣ прибылъ изъ Москвы въ Малороссію, по просьбѣ войска запорожскаго, полномощный посолъ, окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово, чтобы отъ имени государя торжественно утвердить Выговскаго въ санѣ гетмана и принять отъ него присягу. Въ первой половинѣ февраля собралась въ Переяславѣ генеральная рада, и на нее съѣхалось множество духовенства съ новоизбраннымъ митрополитомъ во главѣ, который и приводилъ гетмана къ присягѣ. Хитрово, хотя вовсе не ожидавшій встрѣтить здѣсь новаго ми-

---

(284) А. Ю. и З. Россіи IV, №№ 53. 56. А письмо Виговскаго къ Никону, отъ 30 марта 1658 г., съ ходатайствомъ за Зюзина, напечатано въ Чтен. м. истор. общ. 1848 г., № VIII, отд. IV, стр. 70.

трополита, отнесся къ нему съ должнымъ вниманіемъ и, раздавая гетману и другимъ особамъ, свѣтскимъ и духовнымъ, царскіе подарки соболями, поднесъ и Діонисію Балабану сорокъ соболей во сто рублей—ту самую часть, которая въ Москвѣ назначена была блюстителю митрополіи, епископу Лазарю Барановичу, естественно теперь не прибывшему на раду. Но наединѣ Хитрово замѣтилъ Діонисію, что «онъ, когда былъ избранъ на кіевскую митрополію, не присылалъ бить челомъ великому государю и просить благословенія у патріарха Никона». На это Діонисій отвѣчалъ окольничему Хитрово: «отъ начала св. крещенія кіевскіе митрополиты, одинъ по другомъ, принимали благословеніе отъ святѣйшихъ патріарховъ константинопольскихъ, и онъ, Діонисій, безъ повелѣнія и благословенія константинопольскаго патріарха, не смѣетъ принять благословеніе и поставиться на кіевскую митрополію отъ святѣйшаго Никона патріарха». Такъ объяснилось, что и поставленіе вновь избраннаго кіевскаго митрополита совершится безъ всякаго участія московскаго правительства, гражданскаго и духовнаго: и это поставленіе, дѣйствительно, будтобы совершилось вскорѣ затѣмъ, 28 февраля, разумѣется, съ благословенія цареградскаго патріарха ([285]). Одного только въ правѣ былъ требовать царскій посолъ отъ Діонисія Балабана, чтобы онъ, какъ архипастырь Кіева, находящагося подъ властію Москвы, вполнѣ былъ вѣренъ московскому государю,— и Діонисій предъ Хитрово «съ клятвою обѣщался быть подъ великаго государя рукою и всякаго добра ему хотѣть, и на

([285]) А. Ю. и З. Россіи, IV, № 58, стр. 100; Москов. главн. архив. м. н. д., дѣла малоросс., связк. 10, № 12; Самуил. Величк. Лѣтоп. I, стр. 326.

то самого Выговскаго подъ клятвою утверждалъ, чтобы великому государю вѣрно служилъ». Но въ томъ же февралѣ мѣсяцѣ посланникъ польскаго короля, Беневскій, бывшій у гетмана Выговскаго, доносилъ своему государю: «отъ кіевскаго митрополита, т. е. отца Балабана, который изъ Луцка поступилъ на кіевскую митрополію, имѣю посланіе полное надежды. Этотъ человѣкъ, поступивъ на митрополію, можетъ принести величайшую пользу, и я надѣюсь, что онъ будетъ полезенъ отечеству. Я убѣдилъ его занять это мѣсто, а безъ того онъ не хотѣлъ и отказывался. Я видѣлъ, что онъ, сдѣлавшись митрополитомъ въ Кіевѣ, можетъ содѣйствовать намъ свободнѣе. Вообще онъ обѣщаетъ въ письмѣ своемъ самое скорое исполненіе надежды на присоединеніе Малороссіи къ Польшѣ» ([286]). Балабанъ, значитъ, думалъ служить двумъ господамъ: повидимости—московскому государю, а искренне польскому королю и вмѣстѣ гетману Выговскому.

Случай къ тому скоро представился. Во главѣ недовольныхъ избраніемъ Выговскаго въ гетманы находился полтавскій полковникъ Мартынъ Пушкарь. Онъ утверждалъ, что Выговскій избранъ меньшинствомъ, только людьми, ему близкими и преданными, а не всею запорожскою чернью; не хотѣлъ ему повиноваться, доносилъ на него боярамъ и въ Москву, что онъ сносится съ крымцами и ляхами и замышляетъ измѣну. Не поѣхалъ Пушкарь и на переяславскую генеральную раду, хотя тамъ его ожидали. Всѣ усилія Выговскаго помириться съ нимъ, подчинить его себѣ были напрасны.

([286]) Архив. мин. юстиц., дѣла малоросс., столб. № 5865; Памятн. кіев. коммис., III, отд., III, № 51.

Въ Москвѣ тогда еще не вѣрили измѣнѣ Выговскаго и также выразили желаніе, чтобы Пушкарь смирился, не затѣвалъ смуты. И вотъ новый кіевскій митрополитъ, вскорѣ послѣ переяславской рады, послалъ къ Пушкарю свою грамату съ нѣжинскимъ протопопомъ Максимомъ Филимоновымъ, въ которой, извѣщая, что возложилъ на переяславской радѣ, съ согласія всего запорожскаго войска, свое архипастырское благословеніе на Выговскаго, какъ на гетмана, въ присутствіи царскаго посла Хитрово, убѣждалъ Пушкаря признать этого новаго гетмана, покориться ему и не чинить бунтовъ; иначе угрожалъ своимъ «неблагословеніемъ» Пушкарю и всему его полтавскому полку. Пушкарь въ своей отвѣтной граматѣ благодарилъ митрополита за присланное извѣстіе; усердно просилъ его святительскаго благословенія себѣ и своему полку и всему запорожскому войску, но объявлялъ, что бунтовъ онъ никакихъ не чинитъ, а вѣрно служитъ его царскому величеству, и что тогда только покорится Выговскому, если онъ на новой генеральной радѣ избранъ будетъ въ гетманы всею запорожскою чернію и войскомъ. «А неблагословеніе ваше пастырское, писалъ полковникъ, налагайте ваша святительская милость на кого нибудь иного, кто невѣрныхъ царей принимаетъ, а мы одного православнаго царя за царя имѣемъ....; налагайте на тѣхъ, которые его царскому величеству и всему войску запорожскому не добрѣ чинятъ» (намекъ на Выговскаго). Митрополитъ Діонисій въ настоящемъ случаѣ хотѣлъ послужить главнымъ образомъ Выговскому, хотя это согласовалось и съ желаніемъ московскаго правительства; но не достигъ никакого успѣха. Послѣ того Выговскій рѣшился позвать къ себѣ на помощь крымскую орду, чтобы вмѣстѣ съ

нею поразить Пушкаря со всѣми его единомышленниками, и началъ ссылаться съ поляками. Всѣ въ Малороссіи испугались послѣдствій отъ нашествія орды. Въ двадцатыхъ числахъ мая кіевскіе воеводы писали къ государю: «намъ говорятъ безпрестанно кіевскій митрополитъ Діонисій Балабанъ, и архимандриты, и игумены и все духовенство, и мѣщане, и всякихъ чиновъ кіевскіе и иныхъ черкасскихъ городовъ пріѣзжіе люди, что гетманъ призвалъ къ себѣ крымцевъ и съ ними соединился, а съ поляками непрестанно ссылается, а твоихъ государевыхъ бояръ и воеводъ и ратныхъ людей въ черкасскихъ городахъ и на Украинѣ нѣтъ...; почему и просятъ насъ со слезами отписать тебѣ, великому государю, чтобы ты, для защищенія ихъ и св. церквей, вскорѣ прислалъ въ украинскіе города ратныхъ людей». Митрополитъ, какъ жившій въ Кіевѣ, не могъ, конечно, отдѣлиться въ этомъ случаѣ отъ всѣхъ прочихъ жителей Кіева и вопреки имъ говорить что либо въ защиту Выговскаго, не просить, вмѣстѣ со всѣми, о присылкѣ противъ него ратныхъ людей изъ Москвы. Этого мало: въ іюнѣ, когда государь прислалъ въ Кіевъ новыхъ воеводъ, боярина Василія Борисовича Шереметева и князя Юрія Никитича Барятинскаго съ ратными людьми, митрополитъ Діонисій выѣзжалъ встрѣтить ихъ (17 числа) за пять верстъ отъ города, и сказывалъ имъ, что гетманъ Выговскій съ недѣлю уже въ Чигиринѣ, но отпустилъ ли татаръ или не отпустилъ, того не знаетъ ([287]). Кажется, и въ Москвѣ считали Діонисія человѣкомъ вѣрнымъ и благона-

---

([287]) А. З. Россіи, V, № 52; А. Ю. и З. Россіи, IV, № 65; Архивъ мин. юстиц., дѣла малоросс., столб. 5850.

дежнымъ: бывшій царскимъ посломъ въ Переяславѣ на недавней радѣ окольничій Хитрово, по приказанію самого государя, написалъ отъ 30 іюня къ митрополиту Діонисію листъ о государевыхъ дѣлахъ и поручилъ кіевскому воеводѣ Шереметеву передать тотъ листъ Діонисію секретно, хотя за отъѣздомъ его изъ Кіева въ деревню Шереметевъ не могъ исполнить порученія. А между тѣмъ посланникъ польскаго короля Беневскій, котораго называли другомъ Выговскаго, недаромъ писалъ въ томъ же іюнѣ въ Варшаву: «прошу предоставить мѣсто подсудка владимірскаго Адаму Бѣлостоцкому, шурину отца митрополита кіевскаго». Управившись въ іюнѣ мѣсяцѣ съ своимъ домашнимъ врагомъ, полковникомъ Пушкаремъ, разбивъ его сторонниковъ, причемъ самъ Пушкарь погибъ, Выговскій смѣлѣе и смѣлѣе приступалъ къ осуществленію своихъ замысловъ измѣнить Москвѣ и передаться Польшѣ; а чрезъ нѣсколько времени пересталъ двоедушничать и митрополитъ Діонисій и перешелъ на сторону гетмана. Кіевскіе воеводы отъ 12 іюля извѣщали государя, что гетманъ Выговскій разослалъ универсалъ ко всѣмъ полковникамъ и велѣлъ имъ со всѣми полками собираться къ нему въ Чигиринъ, что онъ послалъ звать къ себѣ и крымскаго хана съ татарами, что отъ такого сбора войскъ сами полковники не чаютъ добра и далѣе писали въ своемъ донесеніи: «а митрополитъ кіевскій, не сказався тамъ, поѣхалъ въ Чигиринъ къ гетману Ивану Выговскому. Когда онъ поѣхалъ изъ Кіева, и мы, провѣдавъ, посылали спрашивать людей его, то люди его сказали, что онъ поѣхалъ въ деревню. Но въ деревнѣ онъ былъ немного, и нынѣ въ Чигиринѣ, а сказываютъ, будто

поѣхалъ для рады» ([288]). Странное совпаденіе! Въ томъ же самомъ мѣсяцѣ 1658 года и даже почти въ тѣже самые числа, когда московскій патріархъ Никонъ самовольно оставилъ свою каѳедру и удалился изъ Москвы, и кіевскій митрополитъ Діонисій Балабанъ самовольно оставилъ свою каѳедру и удалился изъ Кіева, проживъ въ немъ всего около полугода, и уже никогда болѣе въ него не возвращался.

Съ половины августа войска Выговскаго, соединившіяся съ поляками и крымскими татарами, осаждали Кіевъ, но безуспѣшно. Въ концѣ августа Выговскій, въ обозѣ подъ Гадячомъ, вступилъ въ переговоры съ польскими коммисарами—Беневскимъ и Яблоновскимъ, и 8 сентября заключилъ съ ними отъ имени всего запорожскаго войска договоръ, статьи котораго, насколько онъ касался православной церкви и духовенства, были слѣдующія: а) митрополитъ кіевскій будетъ имѣть мѣсто въ сенатѣ послѣ арцыбискупа львовскаго; б) владыки львовскій, луцкій, перемышльскій и холмскій будутъ имѣть мѣста тамъ же послѣ бискуповъ своихъ повѣтовъ; в) имѣнія православныхъ какъ мірскихъ людей, такъ и монастырскія, отданныя римскому костелу, будутъ возвращены; г) мѣщане православной вѣры будутъ пользоваться правами и вольностями наравнѣ съ мѣщанами римской вѣры; д) крѣпости на церковныя вотчины будутъ при митрополитахъ и владыкахъ; а послѣ смерти митрополита или владыки король будетъ утверждать на владычество одного изъ четырехъ избранныхъ кандидатовъ; е) два училища, одно въ Кіевѣ, другое въ кня-

---

([288]) Памятн. кіевск. комм., III, отд. III, № 56; А. Ю. и З. Россіи, IV, № 79, стр. 166; V, № 144, стр. 315—317; VII, № 82.

жествѣ литовскомъ, гдѣ сами себѣ укрѣпятъ, равно и учители, будутъ дозволены православнымъ; ж) еретики всякаго рода отнюдь не будутъ допускаться въ тѣ училища, а только католики и греки; з) школамъ, противнымъ (православному) училищу, въ Кіевѣ не быть; и) библіотеки и печатни дозволяются вездѣ, но только въ касающемся вѣры будутъ оберегаемы, чтобы кто не внесъ чего либо противнаго. Во всѣхъ этихъ статьяхъ гадяцкаго договора, какъ онѣ изложены въ окончательной его редакціи, утвержденной 8 сентября, повторялись поляками все тѣже обѣщанія, какія неразъ даваемы были православнымъ и прежде; но нѣкоторыя обѣщанія, напримѣръ, относительно заведенія училищъ православными, повторялись теперь гораздо скромнѣе, чѣмъ выражены были въ извѣстныхъ статьяхъ короля Владислава IV. А объ уніи, объ ея уничтоженіи, чего такъ сильно добивались прежде православные, особенно при Хмѣльницкомъ, при заключеніи зборовскаго договора, въ окончательной редакціи гадяцкаго договора вовсе не упоминалось. Въ этой редакціи значительно поубавлено даже то, что предлагалось православнымъ въ предварительной редакціи тогоже самаго договора, составленной 6 сентября. Здѣсь, хотя не прямо, говорилось и объ уніатахъ, какъ о людяхъ, которыхъ «вѣра противна вѣрѣ греческой православной и умножаетъ несогласіе между римскимъ и старогреческимъ народомъ», и имъ запрещалось основывать свои церкви и монастыри и умножать имѣнія своихъ духовныхъ; здѣсь предоставлялось православнымъ имѣть двѣ академіи, одну въ Кіевѣ, другую въ Литвѣ, со всѣми правами и привиллегіями академіи краковской, а коллегіи и училища заводить вездѣ, гдѣ будетъ нужно. Оче-

видно, что, при утвержденіи гадяцкаго договора, въ его окончательной редакціи, не поляки дѣлали уступки православнымъ, а гетманъ Выговскій съ своими клевретами сдѣлалъ уступки полякамъ. При заключеніи гадяцкаго договора съ польскими коммисарами «отъ всего войска запорожскаго послы королевскому величеству присягали, и гетманъ Выговскій и вся ихъ войсковая старшина, и духовные станы, своими руками подписали на томъ, что всей Украйнѣ обопольныхъ народовъ Днѣпра и всему войску запорожскому, опричь королевскаго величества, ни у котораго великаго христіанскаго государя въ подданствѣ не быть» ([289]). Значитъ, не одинъ митрополитъ, а за нимъ и другія духовныя лица перешли тогда на сторону Выговскаго и подписали гадяцкій договоръ. Но среди малороссійскаго духовенства даже самыя значительныя особы оставались вѣрными московскому государю. Напримѣръ, въ ноябрѣ кіевскіе воеводы писали ему: «печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель тебѣ, великому государю, служитъ вѣрно и гетману и полковникамъ говоритъ, не боясь отъ нихъ ничего». Въ слѣдующемъ году еще яснѣе обнаружилось, что на сторону Выговскаго перешли высшія лица собственно коронннаго духовенства, а не малороссійскаго, за исключеніемъ одного черниговскаго архимандрита Мещеринова, родственника Выговскому. Нѣжинскій протопопъ Максимъ Филимоновъ, отличавшійся особою преданностію московскому прави-

---

([289]) Гадяцкій договоръ въ окончательной редакціи 8 (по новому стилю 18) сентября напечат. въ А. Ю. и З. Россіи, VII, № 85; а въ редакціи 6 (16) сентября — въ А. Ю. и З. Россіи, IV, № 77. О присягѣ и подписяхъ при заключеніи этого договора—А. Ю. и З. Россіи, V, стр. 249.

тельству, въ письмѣ своемъ отъ 25 мая 1659 года къ боярину князю Ал. Никитичу Трубецкому, командовавшему московскими войсками въ Малороссіи, между прочимъ извѣщалъ его: «митрополитъ кіевскій и всѣ владыки и архимандриты, какъ Тукальскій, Василевичъ игуменъ (слуцкій) и протопопы нѣкоторые до Варшавы къ королю на сеймъ поѣхали, на нечестивое сборище. Только отецъ Гизель, игуменъ межигорскій отецъ Варнава и отецъ Клементій Старушичъ, игуменъ выдубицкій, непоколебимо стоятъ; а отецъ Барановичъ (епископъ черниговскій) такожъ въ печерскомъ монастырѣ немощенъ. Уже отцу митрополиту король обѣщалъ дать архимандрію печерскую. Тамъ же и Мещеринъ у короля» ([290]). Но едва прошелъ годъ со времени заключенія гадяцкаго договора, какъ затѣя Выговскаго окончилась: казаки бросили его, собрались вокругъ молодаго Юрія Хмѣльницкаго и объявили (въ началѣ сентября 1659 г.), что желаютъ служить московскому государю. И гадяцкій договоръ, внесенный поляками въ сеймовую конституцію и утвержденный клятвою самого короля, потерялъ все свое значеніе.

Съ 5 сентября бояринъ князь Алексѣй Никитичъ Трубецкій двинулся изъ Путивля съ московскими войсками въ черкасскіе города. Вездѣ его встрѣчали съ торжествомъ, вездѣ давали присягу на подданство московскому царю. Къ 27 сентября Трубецкій былъ уже въ Переяславѣ, и туда явились къ нему, въ первыхъ числахъ октября, отъ Юрія Хмѣльницкаго и отъ всего войска запорожскаго прилуцкій полковникъ Петръ Дорошенко и сотники изъ всѣхъ полковъ и представи-

---

([290]) Архив. мин. юстиц., столб. №№ 5850 и 5855.

ли четырнадцать статей, на которыхъ они желали быть принятыми въ подданство государемъ. Въ одной изъ этихъ статей говорилось, чтобы митрополиту кіевскому съ епископами и со всѣмъ духовенствомъ оставаться, по прежнему, подъ властію и послушаніемъ только цареградскаго патріарха. Октября 17 открылась въ Переяславѣ новая рада, на которой единогласно избранъ въ гетманы и утвержденъ въ санѣ Юрій Хмѣльницкій; потомъ были прочитаны и приняты гетманомъ и всѣмъ войскомъ тѣ самыя статьи, какія даны были государемъ еще въ 1654 году Богдану Хмѣльницкому и въ которыхъ относительно кіевскаго митрополита было сказано: «митрополиту кіевскому, также и инымъ духовнымъ малыя Росіи, быть подъ благословеніемъ святѣйшаго патріарха московскаго и всея великія и малыя и бѣлыя Росіи, а въ права духовныя святѣйшій патріархъ вступати не будетъ». Новыя же четырнадцать статей, которыя предъ тѣмъ представлены были полковникомъ Дорошенкомъ съ товарищи, «на радѣ отговорены, что тѣмъ статьямъ не быть» ([291]). По установленіи прежнихъ отношеній кіевской митрополіи къ московскому патріарху, надлежало озаботиться, чтобы каѳедра этой митрополіи не оставалась праздною: ибо митрополитъ Діонисій Балабанъ, чувствовавшій себя виновнымъ предъ московскимъ правительствомъ, не хотѣлъ возвратиться въ Кіевъ, а проживалъ въ слуцкомъ монастырѣ, гдѣ настоятельствовалъ извѣстный архимандритъ Ѳеодосій Василевичъ, бывшій намѣстникомъ митрополитской епархіи въ Литвѣ. И потому князь

([291]) А. Ю. и З. Россіи, IV, № 115, стр. 255—257. 262—269.

Трубецкій тогда же изъ Переяслава послалъ грамату епископу Лазарю Барановичу: «быть ему блюстителемъ кіевской митрополіи до указу его царскаго величества» (292). Въ началѣ слѣдующаго 1660 года, Лазарь Барановичъ билъ челомъ великому государю, чтобы «пожаловалъ его, велѣлъ ему на епископію черниговскую и новгородскую дать подтвердженную грамату, почему ему впредь на епископіи быть». Этимъ челобитьемъ Барановичъ ясно выразилъ предъ государемъ, къ его великому удовольствію, что признаетъ надъ собою его власть и покоряется ему и въ церковномъ отношеніи. И государь, пожаловавъ епископа Лазаря просимою граматою (28 февр.), говорилъ въ ней: «быть ему на епископіи черниговской и новгородской попрежнему и доходы всякими, которыми прежде владѣлъ, и нынѣ владѣти во всемъ, и за насъ, великаго государя, Бога молить, и всякаго добра намъ хотѣть и во всемъ наше повелѣнье исполнять; а мы учнемъ его держать въ нашемъ государскомъ милостивномъ жалованьѣ и въ призрѣньѣ» (293). Прошло около пяти мѣсяцевъ, какъ блюстительство митрополіи поручено было Лазарю Барановичу, и новый гетманъ попытался пригласить митрополита Діонисія на его митрополичью каѳедру письмомъ отъ 13 марта 1660 года. «Мы, писалъ Юрій Хмѣльницкій, вырвавшись одинъ разъ изъ-подъ польскаго ига и начавши служить царскому величеству, не мыслимъ никогда измѣнять ему, и не отстанемъ отъ него, какъ отъ православнаго монарха и нашего государя. Если мы разсмотримъ дѣло основательно, то

(292) Архив. мин. юстиц., столб. № 5888.
(293) Акт. И., IV, № 144.

убѣдимся, что онъ болѣе, чѣмъ кто либо другой, есть нашъ природный государь... Потому мы сердечно желаемъ, чтобы твое преосвященство, имѣя твердую надежду на неизреченное милосердіе его царскаго величества и не вѣря баснямъ людскимъ, поспѣшилъ въ осиротѣлую митрополію. А что касается содержанія соборнаго духовенства, то, если имѣнія монастыря (софійскаго) окажутся недостаточными, мы постараемся, чтобы, по ходатайству нашему, его царское величество, по премногому своему милосердію, пожаловалъ духовенство не только имѣніями, но и особымъ своимъ жалованьемъ, котораго удостоились и другіе монастыри. Увѣряя въ этомъ, преклоняю свою голову подъ руку твоего преосвященства». Діонисій прислалъ гетману изъ Слуцка отвѣтныя письма чрезъ одного своего чернеца, но содержаніе ихъ неизвѣстно; только въ Кіевъ митрополитъ не возвратился (294). Прошло еще болѣе трехъ мѣсяцевъ, и малороссійское духовенство, не имѣя болѣе надежды на возвращеніе Діонисія, рѣшилось ходатайствовать объ избраніи себѣ новаго митрополита. Игуменъ трехтемировскаго монастыря Іоасафъ, прибывъ въ Москву, объявилъ, 20 іюня, въ посольскомъ приказѣ: «прислали меня черниговскій епископъ Лазарь Барановичъ и печерскій архимандритъ Гизель и все духовенство бить челомъ великому государю, что какъ ихъ малороссійскій народъ нынѣ безъ пастыря, то великій государь пожаловалъ бы и велѣлъ имъ въ малой Россіи избрать духовнымъ чиномъ митрополита; ибо безъ пастыря въ малой Россіи быть имъ невозможно. А кого ду-

(294) Памятн. кіев. комм., III, отд. III, № 95; *Солов.* Истор. Россіи, XI, 111—112.

ховнымъ чиномъ изберутъ и отъ кого ему быть рукоположеннымъ, отъ московскаго ли патріарха или отъ цареградскаго, о томъ какъ великій государь укажетъ». Очевидно, что малороссійское духовенство, въ лицѣ своихъ представителей, какъ и прежде выражало, готово было покориться волѣ государя и признать надъ собою власть московскаго патріарха. Но государю теперь было не до церковныхъ дѣлъ. Въ Литвѣ и Бѣлоруссіи войска его вели не совсѣмъ удачную борьбу съ поляками, и не далѣе какъ 18 іюня русская пѣхота потерпѣла тамъ совершенное пораженіе, и самъ воевода, князь Щербатый, попался въ плѣнъ. А на югѣ было еще хуже. Въ августѣ кіевскій воевода Шереметевъ и гетманъ Хмѣльницкій двинулись съ войсками противъ поляковъ и крымскихъ татаръ, впродолженіи сентября потерпѣли отъ нихъ нѣсколько, впрочемъ незначительныхъ, пораженій; 8 октября Хмѣльницкій измѣнилъ царю и перешелъ съ своими казаками въ станъ польскій, а чрезъ нѣсколько дней (23 окт.) Шереметевъ принужденъ былъ выдать врагамъ все московское войско и обязался очистить малороссійскіе города: Кіевъ, Переяславъ, Нѣжинъ, Черниговъ ([295]). Это поразило Москву, и удовлетвореніе ходатайству малороссійскаго духовенства о новомъ для него архипастырѣ государь, по необходимости, долженъ былъ отложить до болѣе благопріятнаго времени.

Если малороссійское духовенство показывало московскому государю такую покорность и преданность, то однимъ изъ главныхъ побужденій къ этому были, безъ сомнѣнія, царскія

(295) А. Ю. и З. Россіи, V, №№ 12. 21.

милости, которыя оно на себѣ испытывало. Изъ малороссійскихъ монастырей то и дѣло приходили въ Москву старцы за милостынею и царь никому не отказывалъ. Въ апрѣлѣ 1657 года онъ послалъ въ креховскій монастырь львовскаго повѣта пятьдесятъ рублей и въ кіевскій межигорскій сто рублей чрезъ старца Іоакима Савелова, бывшаго впослѣдствіи патріархомъ; въ маѣ 1658 года пожаловалъ полтавскому воздвиженскому монастырю восемдесять рублей, а лубенскому мчарскому монастырю пожаловалъ подтвердительную грамату на всѣ владѣнія, какія даны были ему русскими великими князьями, гетманомъ Богданомъ Хмѣльницкимъ и князьями Вишневецкими ([296]). Въ этомъ же году пріѣзжали въ Москву изъ кіевопечерскаго монастыря, на основаніи прежде пожалованной ему граматы, намѣстникъ Авксентій Острицкій и больничнаго монастыря игуменъ Сильвестръ съ просьбою о милостынѣ для своей обители. И царь надѣлилъ ихъ и деньгами, и книгами печатными, и церковною утварью. Кромѣ того они привезли отъ своего архимандрита Иннокентія Гизеля и всей братіи челобитную государю, чтобы онъ утвердилъ за кіевскою лаврою всѣ ея владѣнія, и представили всѣ подлинныя граматы и документы на эти владѣнія, данныя прежними русскими князьями и польскими королями. И царь пожаловалъ кіевопечерскому монастырю грамату отъ 31 августа 1658 г., которою утвердилъ за нимъ всѣ его вотчины, а также принадлежавшіе ему монастыри въ Новгородѣ Сѣверскомъ и Черниговѣ со всѣми крестьянами, землями и угодьями, го-

(296) А. Ю. и З. Россіи, III, №№ 376. 380. 381; IV, №№ 109—111; А. И. IV, № 123.

родъ Василевъ со всѣми людьми, землями и угодьями, и четыре села близъ Могилева: Печерскъ, Цвѣрково, Тарасовича и Барсуки со всѣми доходами ([297]). Въ 1659 г., по просьбѣ игумена кіевобратскаго монастыря и ректора училища Іоанникія Галятовскаго съ братіею, царь пожаловалъ ихъ граматою (отъ 31 декабря) на мѣсто Саворово и село Мухоѣды со всѣми принадлежностями, а въ 1660 году пожаловалъ также грамату отъ 15 августа каневскому успенскому монастырю на мѣстечки Бубновно и Межиричку съ ихъ селами, мельницами, озерами и всѣми угодьями ([298]).

Когда страшное впечатлѣніе, произведенное измѣною гетмана Юрія Хмѣльницкаго и потерею цѣлаго войска, мало по малу изгладилось въ Москвѣ, и когда сдѣлалось яснымъ, что ей измѣнили, вмѣстѣ съ Хмѣльницкимъ, собственно казаки правой или западной стороны Днѣпра, а на лѣвой—восточной сторонѣ казаки и населеніе остаются вѣрными, тогда царь нашелъ возможнымъ обратить вниманіе и на церковныя дѣла въ Малороссіи и позаботиться объ удовлетвореніи послѣдней просьбы малороссійскаго духовенства. Но какъ удовлетворить? Дозволить ему избрать себѣ новаго митрополита, о чемъ оно ходатайствовало? Но митрополитъ Діонисій Балабанъ былъ еще живъ и свободно управлялъ епархіями кіевской митрополіи, находившимися во владѣніяхъ Польши. Дать для Мало-

---

([297]) Копія этой подтвердительной граматы царя Алексѣя Михайловича, равно какъ копіи всѣхъ прежнихъ граматъ кіевопечерскаго монастыря на его владѣнія - въ Москов. главн. арх. м. и. д., дѣла малоросс., годъ 1658, апр. 20, № 12.

([298]) Памятн. кіев. комм., II, отд. I, № 20; А. И. IV, № 142; Архив. юго-западн. Россіи, ч. I, т. IV, № 9.

россіи особаго митрополита? Но это значило бы раздѣлить кіевскую митрополію на двѣ и допустить явное нарушеніе правъ константинопольскаго патріарха. Оставалось только назначить временнаго блюстителя или администратора кіевской митрополіи въ той части ея, которая находилась въ Малороссіи подъ властію московскаго государя. Но такой блюститель уже былъ, именно черниговскій епископъ Лазарь Барановичъ. Въ вѣрности Барановича едвали сомнѣвалось московское правительство: онъ достаточно доказалъ ее. Но, по тогдашнимъ обстоятельствамъ Малороссіи, оно могло находить его не вполнѣ соотвѣтствующимъ своимъ намѣреніямъ. Въ Малороссіи, по лѣвой сторонѣ Днѣпра, не было тогда гетмана, а были три искателя гетманства: полковникъ и наказный гетманъ Самко, полковникъ Золотаренко и запорожскій кошевой Брюховецкій. Они враждовали между собою, спорили, доносили другъ на друга въ Москву, производили смуты между казаками, волновали населеніе. Получать достовѣрныя свѣдѣнія о положеніи этой страны, заправлять дѣлами ея для ея же блага и въ своихъ собственныхъ видахъ московское правительство не могло чрезъ однихъ своихъ воеводъ, приходившихъ туда изъ Москвы и вовсе незнавшихъ мѣстнаго края. И вотъ оно остановилось на мысли—имѣть въ лицѣ церковнаго администратора въ Кіевѣ и политическаго дѣятеля, человѣка, который бы не только вполнѣ былъ вѣренъ московскому государю, но близко былъ знакомъ съ духомъ и характеромъ малороссійскаго народа, съ тогдашнимъ настроеніемъ его мыслей и желаній, со взаимными отношеніями тогдашнихъ главныхъ лицъ и партій между казаками, и всѣмъ этимъ могъ служить московскому правительству и благотворно содѣйство-

вать ему въ управленіи краемъ. Такимъ человѣкомъ признали въ Москвѣ нѣжинскаго протопопа Максима Филимонова. Онъ обратилъ на себя вниманіе московскихъ властей еще въ 1654 году, когда Малороссія и Бѣлоруссія присоединялись къ великой Россіи, своими рѣчами, изъ которыхъ одну онъ сказалъ (23 генв.) царскимъ посламъ при въѣздѣ ихъ въ городъ Нѣжинъ для приведенія жителей къ присягѣ, а другую произнесъ (27 сент.) предъ самимъ государемъ подъ Смоленскомъ, гдѣ находился вмѣстѣ съ казацкими полками въ походѣ. Въ обѣихъ рѣчахъ и особенно въ послѣдней онъ показалъ свой умъ и образованіе, а еще болѣе свою приверженность къ православной Россіи ([299]). Съ того времени онъ всячески старался, насколько могъ, способствовать утвержденію московской власти въ малорусскомъ краѣ, писалъ въ Москву къ окольничему Өедору Михайловичу Ртищеву, къ царскимъ воеводамъ въ Кіевѣ и Путивлѣ, сообщалъ имъ извѣстія о настроеніи умовъ въ Малороссіи, о движеніяхъ крымскихъ татаръ, о воинскихъ дѣйствіяхъ поляковъ и сношеніяхъ ихъ съ шведами, о замыслахъ и проискахъ гетмана Выговскаго, давалъ совѣты скорѣе поставить въ малорусскихъ городахъ московскихъ воеводъ и под. Царь, которому передавались всѣ эти извѣстія, видѣлъ и цѣнилъ усердіе нѣжинскаго протопопа, щедро награждалъ его, видѣлъ вмѣстѣ его близкое знакомство съ краемъ, его способность къ занятіямъ политическими дѣлами, его находчивость и умѣнье заправлять

([299]) А. Ю. и З. Россіи, X, № 4, стр. 266; Москов. главн. арх. м. и. д., дѣла малоросс., связк. 9, № 23.

ими ([300]). Въ этомъ отношеніи онъ казался гораздо выше и надежнѣе епископа Лазаря Барановича. Послѣдній былъ человѣкъ весьма ученый и благочестивый, но всю свою жизнь провелъ въ стѣнахъ училищъ и въ управленіи разными монастырями, а съ мірскою общественною жизнію въ краѣ мало былъ знакомъ практически, и не обнаруживалъ никакой склонности слѣдить за теченіемъ гражданскихъ и политическихъ дѣлъ. Неудивительно, если, вмѣсто Лазаря Барановича, блюстителемъ кіевской митрополіи правительство пожелало видѣть нѣжинскаго протопопа Максима. Нужно было возвести его въ санъ епископа. Но на какую епархію?—чего требовали каноны. Въ Малоросіи были только двѣ архіерейскія каѳедры— кіевская и черниговская и обѣ были заняты. Вспомнили, что если не въ Малороссіи, то въ присоединенной Бѣлоруссіи, есть еще одна епископія кіевской митрополіи, доселѣ остававшаяся безъ архипастыря, — мстиславская: туда и назначили новаго епископа, чтобы, по крайней мѣрѣ, по имени этой епархіи ему называться мстиславскимъ, хотя въ дѣйствительности онъ никогда впослѣдствіи тамъ не бывалъ и не управлялъ своею паствою. И вотъ 4 мая 1661 года нѣжинскій протопопъ Максимъ, названный въ монашествѣ Меѳодіемъ, поставленъ въ Москвѣ во епископа мстиславскаго и оршанскаго рукоположеніемъ блюстителя патріаршаго престола Пити-

([300]) А. Ю. и З. Россіи, IV, №№ 22 — 24. 33. 101. 102. Въ 1655 году царь пожаловалъ протопопу Максиму Филимонову на пропитаніе ему со всѣмъ родомъ деревню Ушню на рѣкѣ Деснѣ съ приселками и мельницами, къ той деревнѣ принадлежащими (Архив. мин. юстиц., дѣла малорусск., столбцы №№ 5829. 5830), а въ 1659 г. — пятьсотъ рублей соболями и пятьсотъ золотыхъ (А. Ю. и З. Россіи, VII, № 103).

рима, митрополита сарскаго и подонскаго, и другихъ архіереевъ, по соизволенію царя, благословенію всего освященнаго собора и совѣту царскаго синклита ([301]). Далѣе мы увидимъ, какъ объяснялъ самъ государь въ граматѣ къ цареградскому патріарху этотъ поступокъ своего правительства.

Новый блюститель кіевской митрополіи прибылъ въ Кіевъ и въ половинѣ іюля вступилъ въ управленіе митрополіею, принявъ (16 іюля) отъ прежняго блюстителя, епископа Лазаря, все имущество св. Софіи, церковное и монастырское, принадлежавшее митрополитскому дому. А отъ 2-го августа Лазарь Барановичъ писалъ къ государю уже изъ своей епархіи: «Доселѣ, по силѣ моей, я исправлялъ блюстительство кіевской митрополіи и никогда не сопротивлялся волѣ вашего царскаго величества; исполнилъ ее и теперь: боголюбиваго епископа мстиславскаго и оршанскаго, господина отца Меѳодія Филимоновича, истиннаго богомольца вашего величества, я честно почтилъ и принялъ, со всѣмъ духовнымъ соборомъ, какъ брата и сослужителя своего, и посадилъ на престолъ митрополіи кіевской блюстителемъ, отдавъ ему въ цѣлости все имущество, церковное и монастырское; а самъ, по указу вашего величества, возвратился на свою епископію... Только, не имѣя въ Черниговѣ, гдѣ и главу приклонить, я отъѣхалъ въ новгородскій (т. е. въ новгородсѣверскій) монастырь всемилостиваго Спаса, гдѣ немногое устроилъ и строю, при помощи Божіей и жалованьи вашего величества; богатую же милостыню, какую я имѣлъ отъ вашего величества въ св.

([301]) Выходы государей, стр. 355; Дополн. къ III тому Дворц. разряд., стр. 263. Здѣсь сказано, что поставленіе Меѳодія происходило 5 мая.

Софіи (гдѣ слѣд. и жилъ), я всю издержалъ на прокормленіе братіи по великому оскудѣнію монастыря. Хотѣлось бы мнѣ воздвигнуть престолъ моей епископіи въ Черниговѣ, въ церкви св. страстотерпцевъ, русскихъ князей Бориса и Глѣба, и потому, посылая къ вашему величеству намѣстника моего Гавріила Олешкевича съ іеромонахомъ Іосифомъ, прошу царской милостыни, чтобы разоренная моя черниговская епископія могла подъ державою вашего величества и вашею богатою милостынею придти въ прежнее свое благолѣпіе и узрѣть прежнюю свою красоту». Посланные Барановичемъ въ Москву іеромонахи подали отъ его имени 27 августа челобитную въ посольскомъ приказѣ, и въ ней просили, чтобы государь пожаловалъ милостыню на покупку въ Черниговѣ двороваго мѣста для епископа, которое продавалось за тысячу золотыхъ польскихъ, и на строеніе церкви св. мучениковъ Бориса и Глѣба; пожаловалъ для той церкви книги, ризы, сосуды, паникадила и прочія церковныя вещи, также икону св. страстотерпцевъ Бориса и Глѣба и другія иконы; пожаловалъ, наконецъ, для епископа грамату, по которой бы онъ, въ случаяхъ нужды, могъ найти себѣ пріютъ въ Путивлѣ, или Сѣвскѣ, или въ Брянскѣ, а если можно, и въ самой Москвѣ. Государь приказалъ удовлетворить всѣмъ этимъ просьбамъ Барановича, а въ Путивль послать къ воеводѣ грамату, чтобы онъ, если пріѣдетъ епископъ Барановичъ, далъ ему дворъ и государя о томъ извѣстилъ: лучшее свидѣтельство, что Барановичъ не находился въ немилости у государя, хотя и оставилъ, по его волѣ, мѣсто блюстителя кіевской митрополіи (302).

(302) Архив. мин. юстиц., дѣла малоросс., столб. № 5888. А росписка Меѳодія, отъ 16 іюля 1661 года, о пріемѣ отъ Барановича всего имущества

Отпуская своего избранника, епископа Меѳодія, въ Кіевъ, царь приказалъ отпустить съ нимъ значительную сумму денегъ: на содержаніе его шесть тысячъ сто рублей и соболями на четыреста десять рублей; на жалованье ратнымъ людямъ черкасскихъ городовъ десять тысячъ рублей, на ямское строеніе въ Нѣжинѣ четыре тысячи рублей; полковникамъ—нѣжинскому Золотаренкѣ, переяславскому, бывшему и наказнымъ гетманомъ, Самко и черниговскому Силичу по сту рублей соболями, да на раздачу разнымъ чинамъ соболями семьдесятъ рублей. Разумѣется, первое впечатлѣніе, какое произвелъ Меѳодій въ Малороссіи раздачею царскихъ милостей, было въ его пользу. Затѣмъ онъ сталъ лицемъ къ лицу съ тремя искателями гетманскаго достоинства, изъ которыхъ каждый старался привлечь его, какъ царскаго уполномоченнаго, на свою сторону, выхвалялъ свою службу предъ государемъ, называя двухъ другихъ измѣнниками, и всѣ говорили о необходимости созвать раду и избрать совершеннаго гетмана. Меѳодій сначала думалъ отклонить всѣ эти искательства. Онъ написалъ, въ первыхъ числахъ августа, къ гетману Юрію Хмѣльницкому и убѣждалъ его раскаяться и возвратиться съ своими казаками подъ высокую руку московскаго государя, расчитывая, что въ такомъ случаѣ порядокъ въ Малороссіи возстановится, и не нужно будетъ избирать новаго гетмана; но не получилъ никакого отвѣта, а узналъ, спустя около двухъ мѣсяцевъ, что Хмѣльницкій собирается сдѣлать напа-

---

св. Софіи и митрополитскаго дома напечатана въ черниг. губерн. вѣдом. 1856 г., № 26.

деніе на Нѣжинъ и Черниговъ ([303]). Тогда Меѳодій началъ, повидимому, склоняться на сторону наказнаго гетмана Самки, увѣрялъ его, что въ Москвѣ знаютъ и цѣнятъ его службу, и, послѣ совѣщаній съ нимъ и другими полковниками, согласился, въ мартѣ 1662 года, отправить къ царю ходатайство, чтобы онъ прислалъ кого либо изъ своихъ для избранія совершеннаго гетмана. Между тѣмъ еще прежде, нежели изъ Москвы полученъ былъ указъ, Самко созвалъ въ Козельцѣ раду. На ней присутствовали только полковники, атаманы и есаулы лѣвой стороны Днѣпра, безъ всякаго участія черни, и избрали Самко въ гетманы. Присутствовалъ также и епископъ Меѳодій, и 16 апрѣля привелъ новоизбраннаго гетмана къ присягѣ на вѣрность государю. Но тотчасъ изъ Козельца отправился къ сопернику Самки, нѣжинскому полковнику Золотаренкѣ, и изъ Нѣжина послалъ въ Москву донесеніе, отъ 22 апрѣля, что Самко обманулъ его и полковниковъ, заставилъ ихъ угрозою смерти избрать себя въ гетманы, и что онъ, Меѳодій, желая только спасти ихъ, особенно вѣрнаго слугу государева Золотаренко, согласился привесть избраннаго гетмана къ присягѣ. Самко, съ своей стороны, написалъ въ Москву, отъ 14 мая, что при избраніи его никакого обмана и насилія не было, что и епископъ и полковники дѣйствовали совершенно свободно, рѣзко нападалъ на Золотаренку и намеками на самого епископа. Изъ Москвы пришелъ отвѣтъ, чтобы Самко оставался только наказнымъ гетманомъ и жилъ въ единодушномъ согласіи съ епископомъ Меѳодіемъ, а для

([303]) А. Ю. и З. Россіи, V, № 40, стр. 89 и № 48; Архив. мин. юстиц., столб. № 5858.

избранія гетмана на полной радѣ посылается изъ Бѣлгорода окольничій и воевода князь Ромодановскій. Огорченный Самко вновь написалъ государю (отъ 30 мая), горько жаловался не только на Золотаренка, но и на Меѳодія, и просилъ, чтобы на будущей радѣ епископъ ни во что не вступался; а чрезъ нѣсколько дней отправилъ въ Москву своихъ посланцевъ и поручилъ имъ извѣстить государя, что «мѣсто митрополитское кіевское, за нерадѣніемъ епископа, безъ пастыря стоитъ два мѣсяца» (Меѳодій все еще проживалъ въ Нѣжинѣ), и бить челомъ, чтобы блюстителемъ кіевской митрополіи государь изволилъ назначить или архимандрита Иннокентія Гизеля, или епископа Лазаря Барановича, или еще кого либо изъ епископовъ, или игумена, только не отца Меѳодія: потому что онъ «смуту учинилъ и войскомъ его не любятъ» ([304]). Просьбы и жалобы Самко оставлены безъ вниманія... За то, когда князь Ромодановскій въ іюнѣ мѣсяцѣ разослалъ приглашенія, чтобы собрались въ Зеньковъ на раду для избранія гетмана, то прибыли туда лишь епископъ Меѳодій и полковникъ Золотаренко, а прочіе полковники не явились, ссылаясь на военныя обстоятельства. Съѣхавшіеся въ Зеньковъ рѣшили отложить раду до другаго времени, и Меѳодій не поѣхалъ уже въ Нѣжинъ къ полковнику Золотаренку, а остался жить въ Зеньковѣ. Въ сентябрѣ сдѣланы были окольничимъ новыя приглашенія собраться на раду въ Полтаву, и опять полковники съ своими казаками не явились, указывая преимущественно на неудобность мѣста, назначеннаго для съѣзда. И

([304]) Архив. мин. юстиц, столб. № 5859; А. Ю. и З. Россіи, V, №№ 51. 55. 56.

Меѳодій, увѣдомляя объ этомъ государя, писалъ: «сентября по 17 день, по твоему великаго государя указу, въ Зеньковѣ съ окольничимъ княземъ Григоріемъ Григорьевичемъ животъ свой мучу, ожидаючи рады» (значитъ, онъ жилъ тамъ не по своей прихоти, а по волѣ государя), и далѣе просилъ, чтобы государь велѣлъ окольничему сноситься не съ наказнымъ атаманомъ Самкомъ по дѣлу о радѣ, а съ кошевымъ гетманомъ Брюховецкимъ, недавно прибывшимъ съ своими запорожскими казаками къ Полтавѣ. Но и теперь, когда государь далъ такое повелѣніе, дѣло не состоялось. Октября 30 въ Москвѣ получены были извѣстія отъ Брюховецкаго и отъ епископа Меѳодія, что на новую раду, которая назначена была въ Гадячѣ, съѣхались только нѣсколько полковниковъ, а ни Самко ни полковникъ Золотаренко не захотѣли придти, и разными обольщеніями увлекли другихъ за собою; потому собравшіеся на съѣздъ единогласно приговорили, чтобы окольничій князь Ромодановскій, съ своими ратными людьми, возвратился въ Бѣлгородъ, а Брюховецкій съ своими казаками стоялъ въ Гадячѣ до указа государя. Самъ епископъ Меѳодій остался также въ Гадячѣ при Брюховецкомъ ([305]). Къ концу 1662 г. отправленъ былъ изъ Москвы въ Малороссію стольникъ Ладыженскій, который, 13 генваря слѣдующаго года, прибывъ въ Гадячъ, объявилъ Меѳодію и Брюховецкому, что раду государь велѣлъ отложить до весны, а епископу приказалъ возвратиться въ Кіевъ впредь до новой рады. Но Меѳодій отвѣчалъ: «въ Кіевъ я никакъ нынѣ не смѣю ѣхать, потому

([305]) А. Ю. и З. Россіи, V, № 58; Москов. главн. арх. м. и. д., малоросс. документы, связк. № 2, тетр. № 128; Архив. мин. юстиц., столб № 5859.

что наказный гетманъ Самко государю не прочитъ, хочетъ измѣнить, а меня велитъ погубить. Гадячъ городъ моей епископіи: государь пожаловалъ бы, до полной рады велѣлъ мнѣ жить въ Гадячѣ». Поѣхалъ Ладыженскій и въ Переяславъ (22 генв.) къ наказному гетману Самкѣ, и Самко въ бесѣдахъ съ нимъ съ крайнею горечью говорилъ противъ Меѳодія: «меня на козельской радѣ избрали въ совершенные гетманы, а государь меня не пожаловалъ, не утвердилъ; все это замутилъ епископъ Меѳодій... Прежде у насъ отъ вѣку не бывало, чтобы епископу гетмана избирать: знаетъ епископъ одну церковь. А такой баламутъ, какъ Меѳодій, и въ епископы не годится. Государь пожаловалъ бы насъ, велѣлъ Меѳодія вывести изъ Кіева и изъ черкасскихъ городовъ; а если его не выведутъ и быть ему на радѣ, мы на раду не поѣдемъ... Сначала онъ сложился съ Василіемъ Золотаренкомъ, а теперь сложился съ Брюховецкимъ, и Брюховецкій, по его баламутству, называется гетманомъ» ([306]). Невозможно нынѣ судить, за неимѣніемъ данныхъ, кто былъ правъ, кто виноватъ, Самко ли или епископъ Меѳодій, и несправедливо было бы произнести здѣсь приговоръ о послѣднемъ на основаніи словъ его противника. Но нельзя не замѣтить, что, назначенный быть блюстителемъ кіевской митрополіи, Меѳодій большую часть времени посвящалъ почти исключительно дѣламъ политическимъ: прожилъ въ Кіевѣ доселѣ только около осьми мѣсяцевъ, а потомъ болѣе года проживалъ то въ Нѣжинѣ, то въ Зеньковѣ, то въ Гадячѣ, который и не хотѣлъ теперь

([306]) А. Ю. и З. Россіи, VII, № 121.

оставить. Нельзя также не замѣтить, что вся эта политическая дѣятельность Мееодія была неудачна, къ огорченію, конечно, и его самого и московскаго правительства.

Еще болѣе скорби пришлось испытать Мееодію, какъ дѣятелю церковному. Спустя три мѣсяца послѣ рукоположенія его въ Москвѣ на одну изъ епархій кіевской митрополіи, кіевскій митрополитъ Діонисій Балабанъ рукоположилъ (3-го августа), пользуясь своимъ правомъ, на туже самую епархію своего епископа, бывшаго предъ тѣмъ архимандритомъ лещинскаго и старшимъ виленскаго свято-духова монастырей, Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго, съ оставленіемъ за нимъ лещинскаго монастыря. И это должно было служить постояннымъ свидѣтельствомъ для всѣхъ и для самого Мееодія, что онъ рукоположенъ и называется мстиславскимъ незаконно. Съ наступленіемъ 1662 года, въ недѣлю православія, патріархъ Никонъ изрекъ анаеему на крутицкаго митрополита Питирима, между прочимъ, за то, что онъ поставилъ Мееодія епископомъ въ чужую церковную область, подвѣдомую цареградскому патріарху. И эта анаеема на рукополагавшаго митрополита падала вмѣстѣ, по канонамъ, на рукоположеннаго имъ, подвергая обоихъ низложенію. Но если анаеемѣ Никона, какъ уже отрекшагося отъ своей патріаршей каеедры, въ Москвѣ не придавали значенія, то нельзя уже было не придавать значенія и силы другой анаеемѣ, разразившейся прямо надъ Мееодіемъ въ томъ же году. Что вызвало эту новую анаеему и какое она произвела дѣйствіе, довольно подробно объяснилъ самъ Мееодій. Въ генварѣ 1663 года онъ написалъ къ царю Алексѣю Михайловичу: «Извѣщаю, что митрополитъ Балабанъ съ измѣнникомъ Юраской

Хмѣльницкимъ хотятъ до конца отвратить отъ тебя, великаго государя, какъ духовный, такъ и мірской чинъ малой Россіи. Посылали они къ святѣйшему патріарху цареградскому трехтемировскаго игумена Краковецкаго со многими дарами, клевеща на меня, твоего богомольца, и прося проклятія на меня и на всѣхъ, сообщающихся со мною. А клевету взвели на меня ту, будто я изгналъ отъ престола митрополита Балабана, и насильствомъ, при помощи мірской власти, восхитилъ престолъ кіевской митрополіи. И, по ихъ просьбѣ, святѣйшій патріархъ цареградскій выдалъ страшное проклятіе на меня и на сообщающихся со мною. Копію съ того проклятія Балабанъ прислалъ въ Кіевъ съ выдубицкимъ игуменомъ Клементіемъ Старушичемъ, и въ Кіевѣ много произошло смущенія отъ того проклятія между духовными и свѣтскими; оно причиняетъ скорбь не мнѣ только, но и всей твоей державѣ. Нисколько не разслѣдовавъ, святѣйшій патріархъ произнесъ судъ и проклятіе, по просьбѣ клеветниковъ, между тѣмъ какъ митрополитъ Балабанъ, никѣмъ не изгоняемый, самъ добровольно убѣжалъ отъ своего престола, благословилъ твоихъ подданныхъ поднять руки на самаго государя, навелъ бусурманъ на православныхъ христіанъ и сдѣлался виновникомъ многаго междоусобія и кровопролитія. Но да не продолжится навсегда смущеніе людей Божіихъ, духовныхъ и мірскихъ, въ твоей державѣ—въ малой Россіи,—умилосердись, великій государь, изволь послать къ святѣйшему патріарху цареградскому, чтобы онъ очистилъ насъ отъ проклятія, а обратилъ бы его на тѣхъ, которые ненавидятъ добро, нещадно проливаютъ христіанскую кровь и, будучи твоими подданными, забывъ твои милости къ себѣ, стали твоими великими вра-

гами и измѣнниками. Балабанъ, при своемъ избраніи, обѣщался намъ желать тебѣ, великому государю, всякаго добра, какъ природному своему царю, и проклятіемъ грозилъ Выговскому, въ его присягѣ, утверждая его, чтобы онъ вѣрно служилъ тебѣ, великому государю; а нынѣ самъ сдѣлался достойнымъ того проклятія за свою измѣну противъ тебя, великаго государя. Снова и со слезами прошу милости у тебя, великаго государя, чтобы ты изволилъ послать къ святѣйшему патріарху: ибо его проклятіе весьма оскорбило мою душу» ([307]). Въ Москвѣ извѣстіе о проклятіи Меѳодія получено было, вѣроятно, еще прежде, нежели извѣстилъ о томъ самъ Меѳодій; потому что еще въ граматѣ своей къ цареградскому патріарху, писанной въ концѣ декабря 1662 года, государь помѣстилъ слѣдующее прибавленіе: «наконецъ, извѣщаемъ твое преблаженство съ мольбою о Меѳодіѣ, епископѣ святыя твоея паствы бѣлыя Россіи, который прошедшаго года поставленъ былъ въ Москвѣ отъ нашего крутицкаго митрополита, по нашему соизволенію, благословеніемъ всего освященнаго собора и совѣтомъ нашего царскаго синклита. Думаемъ, что вы немало негодуете на насъ за это. Но, преблаженнѣйшій, отнюдь не изъ презрѣнія къ твоему святительству, не по насильству и не для нарушенія св. правилъ, запрещающихъ епископамъ рукополагать кого либо не въ своемъ предѣлѣ, мы поступили такъ: да не будетъ. Объявляемъ тебѣ, поистинѣ, что ради благословной и неотложной причины, не успѣвъ написать къ

([307]) Это письмо Меѳодія къ царю Ал. Михайловичу сохранилось въ числѣ приложеній къ статейному списку стольника Ѳедора Ладыженскаго (Архив. мин. юстиц., дѣла малоросс., столб. № 5865).

преблаженству вашему о благословеніи, мы понудили рукоположить этого епископа. Вы слышали и прежде, что подданные наши казаки, называемые черкасами, живущіе въ городахъ малой и бѣлой Россіи, поползновенны и удобопреклонны къ иноземному ярму; нынѣ же особенно узнали мы ихъ удобопреклонность къ сосѣднимъ имъ папистамъ. Ибо отвергшійся насъ и измѣнившій намъ паствы твоея митрополитъ, кіевскій и галицкій и всея малыя и бѣлыя Россіи, Діонисій Балабанъ, отшедшій къ нашему непріятелю, польскому королю, по приказанію его, приходилъ къ нимъ и убѣдилъ многихъ изъ нихъ быть подъ его рукою и соединиться съ папистами. И какъ они уже готовы были отпасть, то мы убоялись, да не погибнутъ душами своими, болѣзненно попеклись о спасеніи ихъ, и, усмотрѣвъ сего мужа Меѳодія, тамошняго же уроженца, могущаго направить ихъ на истину, понудили рукоположить его, да не увязнутъ въ дьявольскія сѣти и живы будутъ. Мы сотворили такъ не по преобладанію, но ради икономіи или строительства спасенія; а гдѣ бываетъ что либо ради икономіи спасенія, какъ знаете и ваше преблаженство, тамъ, по нуждѣ, допускается и премѣненіе закона. Мы разсудили меньшимъ пожертвовать большему: ибо лучше нарушить правило, запрещающее епископу рукополагать въ чужомъ предѣлѣ, но спасти въ цѣлости многія души въ томъ предѣлѣ, нежели соблюсти правило, но допустить, чтобы тѣ души впали въ погибель. Еслибы укоснили временемъ, пославъ предварительно къ вамъ спросить объ этомъ, то весьма удобно они могли бы отпасть. Впрочемъ предоставляемъ вашему благоразумію разсудить, правильно ли мы поступили, и если нѣтъ, то просимъ прощенія и въ разумѣ на-

ставленія» [308]. Грамата была отправлена къ патріарху 1 генваря 1663 года и когда, впродолженіи четырехъ почти мѣсяцевъ, отвѣта на нее не было получено, то Паисій Лигаридъ, обыкновенно составлявшій всѣ такого рода граматы, спрашивалъ, въ своей докладной запискѣ отъ 24 апрѣля, государя: «долженъ ли есмь писать и повторить патріарху вселенскому о дѣлѣ патріарха Никона, или точію писать о дѣлѣ епископа Меѳодія» [309]. Явно, что о Меѳодіѣ и о прощеніи его патріархомъ велѣно было приготовить новую грамату. И надобно полагать, что патріархъ цареградскій, по ходатайству государя, снялъ проклятіе съ епископа Меѳодія: потому что кіевское духовенство, которое теперь, по полученіи патріаршей граматы о проклятіи Меѳодія, чуждалось его и даже враждовало противъ него, чрезъ нѣсколько времени, какъ увидимъ, снова вошло съ нимъ въ сношеніе и признавало его епископомъ.

А теперь оно, дѣйствительно, настроено было по отношенію къ Меѳодію весьма непріязненно, и рѣзко выразило эту свою непріязнь при первомъ открывшемся случаѣ. Въ маѣ 1663 года, 10 числа, скончался въ Корсунѣ митрополитъ Діонисій Балабанъ, а около половины мая прибылъ въ Малороссію новый уполномоченный отъ государя, окольничій князь Великаго-Гагинъ съ товарищи, и разослалъ приглашенія собраться въ Нѣжинъ на генеральную раду для избранія гетмана. Получивъ извѣстіе о времени этой рады, главные

---

[308] Грамата эта—въ Спб. государств. архивѣ № 74. См. объ ней выше въ примѣч. 248 и въ текстѣ, къ которому она относится.

[309] Главн. моск. архив. м. н. д., дѣла греч., связк. 41, № 1.

представители кіевскаго духовенства, печерскій архимандритъ Иннокентій Гизель, игумены: николо-пустынскій Алексѣй Туръ, михайловскій Ѳеодосій Сафоновичъ, межигорскій Варнава Лебедевичъ, кирилловскій Мелетій Дзикъ и ректоръ братскихъ школъ Іоанникій Голятовскій, написали посланіе къ наказному гетману Самку и къ старшинѣ запорожскаго войска, и, высказывая имъ свои благословенія и благожеланія, чтобы «рада принесла все доброе, какъ запорожскому войску, такъ и церкви Божіей», слезно просили ихъ, вмѣстѣ съ панами полковниками, сотниками, есаулами, атаманами и всѣмъ знатнымъ рыцарствомъ позаботиться на радѣ не о своихъ только вольностяхъ, но и о вольностяхъ духовныхъ, особенно же о томъ, чтобы теперь, когда, по смерти митрополита Діонисія, церковь осиротѣла, данъ былъ ей, впредь до избранія новаго митрополита, достойный блюститель митрополіи. «А еслибы, продолжали настоятели кіевскихъ монастырей, отецъ Меѳодій захотѣлъ предъ вами присвоивать себѣ на дальнѣйшее время блюстительство митрополитской каѳедры, въ такомъ случаѣ усердно просимъ не допускать ему того, потому что мы не хочемъ имѣть его за блюстителя по слѣдующимъ причинамъ: а) отецъ Меѳодій находится подъ проклятіемъ какъ патріарха константинопольскаго, такъ и московскаго, за то, что вмѣшался незаконно въ чужую діецезію; а отъ таковыхъ каноны св. отецъ не только запрещаютъ духовнымъ и мірскимъ людямъ принимать благословеніе, но повелѣваютъ устраняться даже въ пищѣ и питіи; б) онъ посвященъ на епископство безъ всякой елекціи (какая бывала въ епархіяхъ кіевской митрополіи); в) онъ, только по своему желанію, не имѣя никакихъ заслугъ предъ

церковію, выпросилъ себѣ блюстительство..., вопреки канонамъ, и насъ всѣхъ фальшиво привелъ въ подозрѣніе у его царскаго величества. Для лучшаго уразумѣнія клятвы, положенной на него константинопольскимъ патріархомъ, посылаемъ вамъ съ нея копію. Если отецъ Меѳодій хочетъ быть блюстителемъ, то пусть покажетъ вамъ хоть какое нибудь разрѣшеніе отъ этого проклятія; мы же отнюдь не желаемъ его блюстительства и не соизволяемъ на то. Если онъ и вамъ показалъ себя не пастыремъ, то тѣмъ болѣе намъ. Мы принимали его, по грамагѣ нашего милостиваго государя, за блюстителя, ожидая отъ него, что онъ будетъ намъ отцемъ; онъ же, вмѣсто отца, явился намъ великимъ непріятелемъ и, вмѣсто блюстителя, губителемъ. Между вами онъ произвелъ такое раздвоеніе и замѣшательство, что̀ вовсе неприлично его званію и сану... Посылаемъ къ вамъ отъ себя двухъ игуменовъ, выдубицкаго Клементія Старушича и мчарскаго Виктора Загорскаго, для устныхъ объясненій съ вами, чтобы на генеральной радѣ не было допущено блюстительство отца Меѳодія, и просимъ васъ писать къ его царскому величеству, да дастъ намъ въ блюстители отца епископа черниговскаго, къ тому пригоднаго и много заслуженнаго предъ св. церковію, котораго отецъ Меѳодій смѣстилъ съ каѳедры» [310]. Въ тоже время настоятели кіевскихъ монастырей написали и къ самому Лазарю Барановичу, просили его выслать на генеральную раду своего намѣстника для совокупнаго дѣйствія съ игуменами выдубицкимъ и мчарскимъ противъ Меѳодія, и затѣмъ просили «уважая его (Барановича)

([310]) Напечатано въ черниговск. губ. Вѣдом. 1858 г., № 26.

славныя заслуги для церкви Божіей, чтобы онъ, какъ прежде, такъ и теперь, если послѣдуетъ соизволеніе царскаго величества, благоволилъ своею личностію украсить осиротѣлую митрополитскую каѳедру, пока будетъ избранъ новый митрополитъ». А наказный гетманъ Самко отъ себя письменно просилъ Лазаря Барановича даже лично пожаловать на нѣжинскую раду, чтобы благословить ее и утвердить. Осторожный и благоразумный Барановичъ, хотя послалъ на раду своего намѣстника Іеремію Ширкѣевича, но самъ поѣхать не захотѣлъ, а отъ принятія на себя блюстительства митрополіи рѣшительно отказался: «и слабость моя непритворная, писалъ онъ, возбраняетъ мнѣ то, и двукратное блюстительство, недостойно мною отправленное, страшитъ меня, какъ бы не дать за то Господу отвѣта; да ктому же блюстительство это я долженъ былъ бы отправлять изъ коштовъ моей убогой епископіи, а не изъ митрополитскихъ имѣній, лежащихъ на той сторонѣ Днѣпра». Барановичъ съ своей стороны предлагалъ и просилъ ходатайствовать предъ государемъ о позволеніи избрать поскорѣе совершеннаго митрополита ([311]). Впрочемъ напрасны были всѣ эти хлопоты и переписка кіевскаго духовенства и наказнаго атамана, направленные противъ епископа Меѳодія. Распорядителемъ генеральной рады былъ царскій посланникъ, князь Великаго-Гагинъ, и онъ прежде всего пригласилъ на раду епископа Меѳодія. И на радѣ вовсе не поднималось вопросовъ о церковныхъ дѣлахъ, о блюстительствѣ митрополіи и не дѣлалось никакихъ заявленій противъ

([311]) Письма къ Лазарю Барановичу, изд. протоіереемъ Страдомскимъ, Черниг. 1867 г., №№ 3. 4; Письма Лазаря Барановича, № 7.

Меѳодія. А въ гетманы на радѣ былъ избранъ не Самко, какъ надѣялись онъ самъ и его приверженцы, но Брюховецкій, которому покровительствовалъ Меѳодій и котораго привелъ потомъ къ присягѣ на вѣрность государю. Самко же и Золотаренко, совмѣстники Брюховецкаго, выданы были, по просьбѣ послѣдняго, на войсковой судъ и казнены смертію, какъ измѣнники, съ нѣсколькими другими лицами ([312]).

Пять съ половиною лѣтъ управлялъ кіевскою митрополіею Діонисій Балабанъ. И если онъ только около полугода оставался на своей каѳедрѣ въ Кіевѣ, а потомъ удалился во владѣнія Польши и какбы измѣнилъ московскому правительству, то это съ самаго избранія Діонисія на кіевскую каѳедру надлежало предвидѣть. Онъ былъ подданный польскаго короля, которому, естественно, и старался служить: большая часть митрополіи Діонисія, до четырехъ епархій, лежала въ предѣлахъ Польши; всѣ его митрополитскія владѣнія находились тамъ же. И не одинъ Діонисій содѣйствовалъ гетману Выговскому вновь перейти съ своими казаками на сторону Польши; тоже извѣстно о львовскомъ епископѣ Арсеніѣ Желнборскомъ, заслужившемъ своею преданностію признательность короля ([313]). Впрочемъ, и удалившись въ началѣ іюля 1658 г. изъ Кіева и Малороссіи, бывшей подъ властію московскаго государя, Діонисій на первыхъ порахъ не оставлялъ ее безъ своего духовнаго управленія, пока не былъ назначенъ сюда особый блюститель митрополіи. Въ ноябрѣ тогоже 1658 года

([312]) А. Ю. и З. Россіи, V, № 70; Лѣтопись Самовидца, подъ 1663 годомъ.

([313]) *Петрушев.* Сводная галицко-русск. лѣтоп. подъ 1658 г., стр. 550—551. 554.

Діонисій издалъ (отъ 20 числа) слѣдующую грамату, свидѣтельствующую вмѣстѣ о его расположенности къ черниговскому епископу Лазарю Барановичу: «извѣщаемъ всѣмъ вообще и каждому особо, что, принимая во вниманіе бѣдность черниговской епископской каѳедры и также важныя заслуги отца Лазаря Барановича, мы предписываемъ, чтобы протопопіи, издавна належащія къ нашей митрополитской каѳедрѣ, черниговская, минская, борзенская, глуховская, конотопская, новгородская и стародубская, отъ сего часу подчинялись отцу епископу черниговскому, какъ своему пастырю, и доходы куничные или столовые, соотвѣтственно древнему обычаю, отдавали; а дьяки всѣхъ названныхъ протопопій рукоположеніе и благословеніе на іерейство брали чрезъ его милость, епископа черниговскаго, и во всемъ ему были послушны» ([314]). Изъ другихъ дѣйствій митрополита Діонисія мы знаемъ очень немногое. Вѣроятно, еще въ 1658 г. онъ подтвердилъ своею граматою всѣ права и привиллегіи, данныя прежде цареградскими патріархами луцкому братству, въ которое и самъ незадолго предъ тѣмъ вписался ([315]). Въ 1659 г. пожаловалъ свою благословенную грамату яблочинскому монастырю (нынѣ въ бѣльскомъ уѣздѣ, сѣдлецкой губ.), свидѣтельствуя въ ней, что монастырь этотъ основанъ еще въ XV вѣкѣ знатными вельможами Богушами, и въ томъ же году, посѣтивъ почаев-

---

([314]) Напечат. въ черниговск. губерн. вѣдом. 1858 г., № 26. Грамата писана и послана митрополитомъ изъ Словешни.

([315]) Памятн. кіев. коммис., I, отд. I, № 23. Діонисій называется въ граматѣ не только митрополитомъ кіевскимъ и галицкимъ, но и администраторомъ епископіи луцкой: знакъ, что грамата писана вскорѣ послѣ избранія Діонисія на митрополію, когда луцкая каѳедра еще не была замѣщена.

скій монастырь, вмѣстѣ съ овручскимъ архимандритомъ Ѳеофаномъ, открылъ въ немъ мощи препод. Іова Желѣза († 1651), послѣ предварительнаго изслѣдованія его жизни и дѣяній (316). Въ 1662 г., когда несчастный гетманъ-юноша Юрій Хмѣльницкій отрекся отъ гетманства и передалъ гетманскую булаву Павлу Тетерѣ, Діонисій въ корсунскомъ монастырѣ постригъ этого юношу въ монахи, переименовавъ его изъ Георгія въ Гедеона (317). Въ Кіевѣ и Малороссіи не переставали смотрѣть на Діонисія, какъ на своего митрополита, до самой его кончины, хотя и имѣли своего блюстителя митрополіи. Епископъ Лазарь, получивъ первое извѣстіе о смерти Діонисія отъ наказнаго гетмана Самки, отвѣчалъ: «помилуй, Боже! Въ такія трудныя времена, когда намъ наиболѣе нужны богомольцы, чтобы отвращать праведный гнѣвъ, мы лишились столь благочестиваго пастыря. Нужно намъ молиться, чтобы Богъ всякія утѣхи утѣшилъ церковь свою и не оставилъ овецъ безъ пастыря». А въ отвѣтѣ Иннокентію Гизелю, который съ великою скорбію извѣщалъ о кончинѣ Діонисія, Барановичъ выражался: «вѣчная память усопшему о Господѣ! Усерднѣйше желаю вашей пречестности видѣть на себѣ опыты утѣшеній Божіихъ». Самъ Барановичъ составилъ скончавшемуся митрополиту и эпитафію (318).

Въ письмѣ своемъ, отъ 10 іюня 1663 года, къ наказному гетману и всему запорожскому войску, Барановичъ, какъ мы уже упоминали, отказываясь отъ блюстительства митрополіи,

---

(316) *Петрушев.* Сводн. галицко-русск. лѣтоп., подъ 1659 г., стр. 557. 558.
(317) Лѣтопись Бѣлозерскаго, подъ 1662 г., стр. 22.
(318) Письма Лазаря Барановича, №№ 4. 5.

которое ему предлагали, просилъ ходатайствовать предъ великимъ государемъ, чтобы дозволилъ избрать дѣйствительнаго митрополита на кіевскую каѳедру. Просьба Барановича осталась неисполненною. Между тѣмъ православные другихъ епархій кіевской митрополіи, ненаходившихся подъ властію Москвы, хотя и не такъ скоро, позаботились объ избраніи для себя митрополита. Первое собраніе ихъ духовенства и представителей отъ міряпъ происходило 9 ноября въ городѣ Корсунѣ. Но собравшіеся раздѣлились на двѣ партіи: одна изъ нихъ избрала Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго, епископа мстиславскаго, который назывался также епископомъ бѣлорусскимъ, намѣстникомъ митрополіи кіевской, архимандритомъ лещинскимъ и старшимъ монастырей виленскаго святодухова, пинскаго богоявленскаго и иныхъ; другая же избрала Антонія Винницкаго, епископа перемышльскаго и самборскаго. Вслѣдствіе такого разногласія назначено было на 19-е ноября новое собраніе, на которое, кромѣ епископовъ—луцкаго Гедеона Четвертинскаго, именовавшагося прототрономъ, перемышльскаго Антонія Винницкаго и львовскаго Аѳанасія Желиборскаго (недавно избраннаго на мѣсто роднаго брата его, епископа Арсенія, скончавшагося 18 сент. 1662 г.), прибылъ и самъ гетманъ правой стороны Днѣпра Павелъ Тетеря. Но и на этотъ разъ согласія между избирателями не установилось. Одни, въ томъ числѣ епископы и гетманъ, избрали Антонія Винницкаго, а другіе Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго. Огорченные епископы въ тотъ же день обнародовали протестацію, въ которой объявляли, что Антоній Винницкій избранъ на митрополію единогласно всѣми и торжественно, а Іосифа Тукальскаго избралъ только слуцкій архи-

мандритъ Θеодосій Василевичъ съ нѣсколькими духовными и свѣтскими лицами, и избралъ приватно, почему послѣднее избраніе ничтожно, и Тукальскаго нельзя признавать за избраннаго кандидата на митрополитскую каθедру ([319]). Несмотря однакожъ на эту протестацію, обѣ стороны представили своихъ кандидатовъ на утвержденіе короля. И король Янъ Казиміръ граматою отъ 24 ноября утвердилъ на митрополитской каθедрѣ Антонія Винницкаго, и вслѣдъ затѣмъ, если даже не прежде, утвердилъ такою граматою и на тойже каθедрѣ Іосифа Нелюбовича-Тукальскаго, съ оставленіемъ за нимъ и лещинскаго монастыря. По крайней мѣрѣ, объ утвержденіи послѣдняго, вѣрно, дано было знать отъ имени короля гетману Тетерѣ: потому что Тетеря, хотя самъ стоялъ при избраніи за Антонія Винницкаго, издалъ универсалъ, которымъ объявлялъ, что на митрополіи утвержденъ епископъ мстиславскій Іосифъ Тукальскій и что ему должно оказывать послушаніе ([320]). Мѣстомъ для своего пребыванія Іосифъ избралъ, вѣроятно, Корсунь, гдѣ скончался его предмѣстникъ, или Чигиринъ, гдѣ жилъ гетманъ. Но едва прошло нѣсколько мѣсяцевъ со времени избранія Іосифа на митрополію, какъ его постигло великое несчастіе. Его обвиняли въ томъ, будто онъ, вмѣстѣ съ бывшимъ гетманомъ Выговскимъ, который назывался теперь воеводою кіевскимъ, замышлялъ вытѣснить поляковъ изъ Малороссіи по правую

([319]) Письма Барановича, № 7; *Петрушев.* Сводн. галицко-русск. лѣтопись, подъ 1663 г., стр. 318—320; *Зубрицк.* Лѣтоп. львов. братства, подъ 1663 годомъ, стр. 106; Собр. минск. граматъ и акт., № 133.

([320]) Собр. минск. грам., №№ 134. 135; *Петрушев.* Сводн. лѣтоп., стр. 319.

сторону Днѣпра и возвратить ее московскому государю, а вмѣстѣ съ бывшимъ гетманомъ Юріемъ Хмѣльницкимъ, теперь инокомъ Гедеономъ, возбуждалъ казаковъ противъ гетмана Тетери. Выговскій былъ взятъ въ плѣнъ польскимъ полковникомъ Маховскимъ и въ мартѣ 1664 г. разстрѣлянъ въ Корсунѣ, какъ измѣнникъ. А митрополитъ Іосифъ и инокъ Гедеонъ Хмѣльницкій, по жалобѣ на нихъ гетмана Тетери королю, который проѣзжалъ тоюже весною изъ-за Днѣстра черезъ Корсунь, были схвачены и отвезены въ Варшаву и оттуда въ крѣпость Маріенбургъ, гдѣ и томились въ заключеніи около двухъ лѣтъ. Впродолженіи этого времени Антоній Винницкій не вступалъ въ управленіе митрополіи, но жилъ постоянно въ своей перемышльской епархіи и велъ борьбу съ мѣстнымъ уніатскимъ епископомъ; администраторомъ же кіевской митрополіи почему-то назывался епископъ львовскій Аѳанасій Желиборскій. Въ апрѣлѣ 1665 года 28 числа гетманъ Тетеря писалъ къ канцлеру коронному и къ самому королю, чтобы Антонію Винницкому позволено было вступить на митрополію, но не имѣлъ успѣха. Въ слѣдующемъ году, 28 іюля, новый гетманъ Петръ Дорошенко писалъ къ королю, что желалъ бы принять Винницкаго на митрополію, но не можетъ, пока онъ не избранъ будетъ всѣми и просилъ позволенія произвесть, по обычаю, елекцію въ Бѣлой-церкви. Но скоро возвратился изъ своего заточенія Іосифъ Тукальскій, и, несмотря на всѣ ходатайства за Винницкаго и на всѣ домогательства его самого, оставался кіевскимъ митрополитомъ еще много лѣтъ ([321]).

([321]) *Петрушев.* Сводн. галицко-русск. лѣтоп., стр. 129. 132. 134. 135. 319.

Малороссійское духовенство лѣвой стороны Днѣпра съ своею паствою вовсе не участвовало въ избраніи митрополита кіевскаго Іосифа Тукальскаго, а оставалось, по прежнему, подъ властію блюстителя митрополіи, епископа Меѳодія, который, послѣ избранія гетмана Брюховецкаго на нѣжинской радѣ, возвратился, наконецъ, въ Кіевъ. Съ этого времени Меѳодій имѣлъ болѣе возможности заняться церковными дѣлами, и дѣйствительно занялся. Одинъ изъ кіевскихъ иноковъ, жившій при софійскомъ соборѣ, въ письмѣ своемъ къ царю, отъ 12 окт. 1663 г., прося у него милостыни на этотъ соборъ, выражался: «церковь св. Софіи до первой своей красоты, дастъ Богъ, придетъ. Вѣримъ, не умеръ Могила, смѣю я то говорить: какъ его милость (еп. Меѳодій) при престолѣ митрополитскомъ остоваетъ, зачалъ, яко покойникъ Могила, починять церковь побожне. Имѣю я надежду къ Богу, что его милость совершитъ счастливое». Съ своей стороны и кіевское духовенство, такъ рѣзко нападавшее на Меѳодія, особенно вслѣдствіе патріаршей на него анаѳемы, начало мало по малу сближаться съ нимъ, и имя Меѳодія, какъ блюстителя митрополіи, вновь стали поминать въ кіевскихъ церквахъ и монастыряхъ,—что́ разумѣется могло послѣдовать не прежде, какъ получено было изъ Царьграда извѣстіе о снятіи съ Меѳодія патріаршей клятвы. Между тѣмъ новый гетманъ Брюховецкій, столько одолженный Меѳодію, скоро оказался непріязненнымъ какъ къ Меѳодію, такъ и къ подвѣдомому ему духовенству. Еще 18 числа 1663 года Брюховецкій, пріѣхавъ

325. 577—578. 583; *Солов.* Истор. Россіи, XI, 181—182. Снес. А. Ю. и З. Россіи, VII, № 60; А. З. Россіи, V, № 72.

въ полночь съ нѣсколькими старшинами къ гадячскому воеводѣ Хлопову, говорилъ ему, наединѣ тайно, относительно Меѳодія и кіевскихъ монаховъ слѣдующее: «въ городѣ Кіевѣ творится что-то очень недоброе отъ умысла злыхъ людей; король идетъ къ Кіеву по приглашенію кіевскихъ жителей. А вся злая бѣда началась отъ старицы Ангелины, которая учитъ въ Кіевѣ дочь епископа (Меѳодія) граматѣ. Старица та, какія ни услышитъ вѣсти отъ епископовой дочери, про все передаетъ вѣдомость въ Польшу къ панкѣ (женѣ) Тетерѣ. Кажется, что у епископа есть прозябь большая и невѣрность въ радѣньѣ къ великому государю. Потому я имѣю подозрѣніе на епископа, что послѣ рады (нѣжинской) въ Кіевѣ заключенъ былъ нѣжинскій атаманъ Шмотовичъ, и старцы (печерскіе) взяли его себѣ на поруки, и тотъ атаманъ будто ушелъ; а его де отпустили старцы нарочно умысломъ, и велѣли ему Шмотовичу, собравъ казаковъ и татаръ, приходить на государевы черкасскіе города. Я посылалъ по тѣхъ старцевъ, и епископъ не присылалъ ихъ ко мнѣ, а взялъ съ нихъ золотые червонные. Страшусь, чтобы епископъ своимъ злымъ умысломъ не учинилъ чего либо надъ Кіевомъ и королю города не сдалъ». Эти слова тогда же были переданы Хлоповымъ московскимъ дьякамъ Башмакову и Флорову, находившимся въ Малороссіи, по порученію государя, а ими потомъ сообщены самому государю. Въ слѣдующемъ 1664 г. самъ Меѳодій долженъ былъ сознаться въ нерасположенности къ нему Брюховецкаго и писалъ въ Москву: «чтобы великій государь не во всемъ полагался на гетмана; ни въ чемъ меня гетманъ не слушаетъ». Въ своей неприязни къ духовенству, особенно монашествующему, Брюховецкій дозволялъ

казакамъ грабить и разорять церковныя имѣнія, и на всѣ жалобы духовныхъ властей не обращалъ никакого вниманія, такъ что духовенство стало считать гетмана врагомъ церкви и въ монастыряхъ прекратило о немъ молитвы. А въ февралѣ 1665 г. онъ прямо доносилъ государю, что печерскіе чернецы замышляютъ измѣну и хотятъ впустить въ свой монастырь поляковъ ([322]).

Недовольствуясь всѣмъ этимъ, гетманъ въ маѣ 1665 года, отправляя въ Москву полковника Лазаря Горленко, между прочимъ, поручалъ ему: «просить о присланіи изъ Москвы на митрополію кіевскую русской власти, чтобы духовный чинъ кіевскій не шатался къ ляхскимъ митрополитамъ, и чтобы малая Русь, услышавъ о присланіи на митрополію русскаго строителя, утверждалась и укрѣплялась подъ высокою рукою его царскаго величества, и духовный чинъ, оставивъ двоедушіе, не удалялся изъ послушанія святѣйшимъ патріархамъ московскимъ». Въ сентябрѣ, 11 числа, гетманъ Брюховецкій и самъ прибылъ въ Москву съ великою свитою, и въ одной изъ статей, какія подалъ онъ здѣсь на бумагѣ о своихъ нуждахъ, онъ почти буквально повторилъ тоже самое, о чемъ прежде ходатайствовалъ чрезъ полковника Горленко. Въ статьѣ этой подъ заглавіемъ «о митрополитѣ на Кіевъ» говорилось: «въ Кіевъ на митрополію былъ бы посланъ, по указу государеву, русскій святитель изъ Москвы для того, чтобы духовный чинъ, оглядываясь на митрополитовъ, находящихся подъ рукою короля, не былъ вреденъ, по шатости,

([322]) А. Ю. и З. Россіи, V, №№ 77. 111; Книги разрядныя, т. II, стр. 937—1042; Государств. архив., столбцы Приказа тайныхъ дѣлъ, № 75.

запорожскому войску. Ибо въ статьяхъ переяславскихъ и батуринскихъ (т. е. данныхъ еще при Богданѣ Хмѣльницкомъ, но потомъ читанныхъ и принятыхъ казаками въ Переяславѣ и Батуринѣ) постановлено, чтобы митрополиту кіевскому быть подъ послушаніемъ патріарха московскаго. Потому гетманъ съ войскомъ, для лучшей крѣпости и утвержденія всего народа, бьетъ челомъ о присланіи въ Кіевъ святителя русскаго». Въ отвѣтъ на эту статью челобитной въ царскомъ указѣ было написано: «сказать гетману, что великій государь начнетъ о томъ списываться съ цареградскимъ патріархомъ, и если патріархъ напишетъ о томъ великому государю и благословеніе о митрополитѣ въ Кіевъ подастъ, тогда будетъ о томъ и указъ великаго государя». Когда Брюховецкій возвратился изъ Москвы, въ началѣ 1666 года, и возвратившійся съ нимъ полковникъ кіевскій Василій Дворецкій сообщилъ кіевскимъ духовнымъ властямъ копію статей, какія подавалъ тамъ гетманъ, то епископъ Меѳодій и настоятели кіевскихъ монастырей, прочитавъ эти статьи, были крайне огорчены: они увидѣли явное посягательство на ихъ давнія права. Почему немедленно обратились къ Брюховецкому, и, указывая на то, что прежде избраніе на кіевскую митрополію всегда происходило съ вѣдома гетманскаго, просили гетмана отписать великому государю, чтобы имъ избрать въ Кіевъ митрополита между собою изъ малороссійскихъ городовъ, по прежнимъ обычаямъ и правамъ. Брюховецкій отъ 10 февраля отвѣчалъ: «всему христіанскому міру извѣстно, что митрополитское мѣсто въ Кіевѣ пустуетъ, за войнами, много лѣтъ, и оттого всѣмъ намъ великое неустройство. Недавно въ Корсунѣ нѣкоторые духовные, кромѣ кіевскихъ, избрали себѣ соборомъ митропо-

лита Тукальскаго; но пристойно и лучше быть на кіевской митрополіи человѣку, подданному православнаго монарха, нежели подданному польскаго короля. Вы вздумали теперь поискать, чтобы мѣсто митрополіи кіевской не оставалось пустымъ: радуюсь и желаю успѣха. Но только, когда я былъ въ Москвѣ, то намъ припомнили статьи гетмана Богдана Хмѣльницкаго, а тамъ положено, чтобы въ Кіевъ былъ присланъ митрополитъ отъ святѣйшаго патріарха московскаго. Тогда и мы со всѣмъ товариществомъ, бывшимъ съ нами въ Москвѣ, на томъ руки свои приложили, что государь пошлетъ своихъ посланниковъ къ святѣйшимъ патріархамъ просить на то благословенія... Возвращенія тѣхъ посланниковъ всѣмъ намъ и слѣдуетъ ожидать; а права и стародавнія вольности духовныхъ и мірскихъ людей государевымъ милосердіемъ подтверждены и не будутъ нарушены». Отвѣтъ гетмана еще болѣе раздражилъ духовныхъ. И 22 февраля епископъ Меѳодій и настоятели кіевскихъ монастырей отправились къ боярину и воеводѣ Шереметьеву съ товарищи и просили о позволеніи послать отъ себя въ Москву челобитчика, чтобы государь не велѣлъ отнимать у нихъ вольностей и правъ. Шереметьевъ отвѣчалъ, что государь вовсе не отнималъ у нихъ никакихъ правъ и вольностей. Но духовные говорили: «гетманъ прислалъ намъ листъ, что государь указалъ быть въ Кіевѣ московскому митрополиту, а не по стародавнимъ правамъ и вольностямъ, не по нашему избранію; мы подъ благословеніемъ цареградскаго патріарха, а не московскаго, и если быть у насъ московскому митрополиту, то права наши будутъ нарушены». Затѣмъ духовные продолжали съ большею яростію: «если, по изволенію государя, будетъ у насъ московскій

митрополитъ, а не по нашему избранію, то пусть государь велитъ скорѣе всѣхъ насъ казнить, нежели мы на то согласимся. Какъ только пріѣдетъ въ Кіевъ московскій митрополитъ, мы запремся въ монастыряхъ, и развѣ за шею и за ноги выволокутъ насъ оттуда, тогда и будетъ московскій митрополитъ въ Кіевѣ. Въ Смоленскѣ нынѣ архіепископъ Филаретъ, и онъ всѣ права у духовенства отнялъ, всѣхъ называетъ иновѣрцами, а они православные христіане. Такъ же будетъ называть и московскій митрополитъ въ Кіевѣ всѣхъ жителей Кіева и Малороссіи. Лучше намъ принять смерть, нежели быть у насъ въ Кіевѣ московскому митрополиту». Шереметьевъ старался успокоить разгорячившихся, и между прочимъ, сказалъ: «государь положилъ все дѣло на разсужденіе вселенскаго патріарха, какъ онъ о томъ отпишетъ; если отпишетъ и подастъ благословеніе на избраннаго вами, то государь соизволитъ, чтобы избранный вами на митрополію кіевскую былъ поставленъ въ Москвѣ всѣми духовными властями». Тогда епископъ Меѳодій и настоятели монастырей отвѣчали: «если государю угодно быть намъ подъ благословеніемъ московскаго патріарха, то пусть напишетъ о томъ вселенскому патріарху; только бы митрополиту кіевскому быть по нашему избранію, чтобы у насъ стародавнія права не были нарушены». На другой день Меѳодій, увидѣвшись съ бояриномъ Шереметьевымъ въ софійскомъ соборѣ, просилъ прощенія: «вчера я говорилъ, что если будетъ къ намъ московскій митрополитъ, то мы запремся въ монастыряхъ,—тѣ слова я говорилъ по неволѣ; самъ я поставленъ епископомъ отъ московскаго митрополита, и малороссійскіе духовные всѣ поносятъ меня и думаютъ, будто я, по совѣщанію съ гетманомъ,

сдѣлалъ то, чтобы быть имъ подъ благословеніемъ московскаго патріарха» ([323]). Послѣ объясненій съ царскими воеводами кіевскіе духовные не успокоились; вражда ихъ противъ гетмана не унималась, и объ этой враждѣ извѣщалъ государя (26 февраля) бояринъ и воевода Шереметьевъ. А Брюховецкій, съ своей стороны, писалъ, отъ 20 марта, государю противъ духовенства и доносилъ, что епископъ Меѳодій женилъ своего сына на Дубяговнѣ, у которой два родные брата служатъ при польскомъ королѣ. Не оставляли кіевскія духовныя власти и своего намѣренія ударить челомъ государю, чтобы дозволилъ имъ избрать между собою кого либо на кіевскую митрополію: съ этою цѣлію въ мартѣ или апрѣлѣ власти отправили въ Москву кирилловскаго игумена Мелетія Донка. Изъ Москвы былъ присланъ въ Малороссію дьякъ Флоровъ, которому между прочимъ поручено было примирить враждующихъ. Но при первомъ же свиданіи съ нимъ (1 мая) Шереметьевъ сказалъ, что «съ гетманомъ у епископа ссора великая, да и впредь де между ними совѣту не чаетъ», и что онъ, бояринъ, опасается, какъ бы къ епископу и ко всему духовенству въ ихъ враждѣ на гетмана не пристали мѣщане всѣхъ городовъ, и оттого не учинилось бы какой либо порухи дѣлу государеву. Спустя одинъ день Флоровъ могъ лично убѣдиться въ справедливости словъ Шереметьева. Въ кіевской лаврѣ 3 мая, по случаю памяти преп. Ѳеодосія печерскаго, былъ праздникъ и трапеза. Послѣ трапезы почетные гости зашли въ кельи о. архимандрита и здѣсь, вслѣдъ за тостами за

([323]) А. Ю. и З. Россіи, V, № 127; VI, №№ 1. 30. 31; Собр. государ. грам. IV, № 41.

здоровье бояръ и окольничихъ, дьякъ Флоровъ предложилъ тостъ за боярина и гетмана Ивана Мартыновича Брюховецкаго. Но епископъ Меѳодій и все духовенство за здоровье гетмана не стали пить, и говорили, что онъ имъ злодѣй и недоброхотъ, и, находясь въ Москвѣ, просилъ о присылкѣ въ Кіевъ московскаго митрополита, выставляя насъ тѣмъ предъ великимъ государемъ какбы невѣрными. Въ частности, Меѳодій утверждалъ, что гетманъ имъ ненадобенъ и открыто говорилъ про него нечестныя слова. А Иннокентій Гизель жаловался, что гетманъ попускаетъ своимъ казакамъ разорять маетности печерскаго монастыря, и разоренье то пуще непріятельскаго. Къ концу мая Флоровъ возвратился въ Москву и далъ отчетъ, что видѣлъ и слышалъ, и какъ исполнилъ порученіе. ([324]).

Но въ Москвѣ было тогда не до разбирательства ссоры между кіевскимъ духовенствомъ и гетманомъ. Тамъ заняты были дѣйствіями собора отечественныхъ іерарховъ, производившаго судъ надъ виновниками появившагося въ церкви раскола, а еще болѣе ожиданіями и церемонными встрѣчами восточныхъ патріарховъ, ѣхавшихъ въ Москву на новый, бóльшій соборъ для суда надъ патріархомъ Никономъ и для устройства вообще церковныхъ дѣлъ въ Россіи. Посланы были указы—явиться на этотъ послѣдній соборъ и къ блюстителю кіевской митрополіи, мстиславскому епископу Меѳодію, и къ черниговскому епископу Лазарю Барановичу. Въ первыхъ числахъ августа они уже туда отправились ([325]).

([324]) А. Ю. и З. Россіи, VI, №№ 31. 34. 37. 41.

([325]) Москов. главн. архив м. и. д., подлинн. малоросс. документы, связк. № 2, тетр. № 61; Письма Лазаря Барановича, №№ 22. 23.

III.

Русскій расколъ старообрядства, появившійся при патріархѣ Никонѣ, при немъ же, пока онъ еще правилъ церковію, совсѣмъ было прекратился: изъ пяти первыхъ лицъ, возставшихъ противъ Никона и начатаго имъ исправленія церковныхъ обрядовъ и книгъ, трое уже скончались (епископъ коломенскій Павелъ и протопопы Логгинъ и Даніилъ), четвертый находился въ заточеніи въ глубинѣ Сибири (протопопъ Аввакумъ), а въ Москвѣ или неподалеку отъ нея оставался только одинъ, бывшій протопопъ московскаго казанскаго собора Иванъ Нероновъ, теперь чернецъ Григорій. Но и этотъ одинъ, правда, стоявшій во главѣ всѣхъ ихъ, успѣвшій показать себя, особенно по своему желѣзному характеру, достойнымъ противникомъ Никона и уже имѣвшій у себя множество тайныхъ послѣдователей, наконецъ раскаялся, покорился власти восточныхъ патріарховъ, принялъ ихъ ученіе о троеперстіи для крестнаго знаменія и въ генварѣ 1657 года возсоединенъ былъ съ православною церковію самимъ патріархомъ Никономъ. Съ своей стороны Никонъ сдѣлалъ Неронову снисхожденіе: дозволилъ ему отправлять службы по старымъ служебникамъ, а не по новымъ, и даже сказалъ, что все равно по тѣмъ или другимъ службы будутъ совершаться. И Нероновъ началъ писать письма къ прежнимъ своимъ послѣдователямъ, извѣщалъ о своемъ присоединеніи къ церкви, осуждалъ прежнее свое противленіе ей, хвалилъ троеперстіе и книгу «Скрижаль», изданную Никономъ. Такъ продолжалось

полтора года, и еслибы еще такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ, еслибы и всѣмъ желающимъ, какъ Неронову, дозволено было Никономъ держаться старыхъ книгъ, подъ условіемъ покорности церкви, и только не порицать новыхъ, то можно было бы надѣяться, что, мало по малу, вмѣсто появившагося-было раскола, у насъ возникнетъ и утвердится, при разности въ обрядахъ, такъ-называемое нынѣ единовѣріе. Но Никонъ палъ, хотя и добровольно, и его паденіе было оживленіемъ и возстаніемъ для умиравшаго раскола.

Чернецъ Григорій Нероновъ снова сталъ во главѣ расколоучителей, и дѣятельность его тѣмъ была опаснѣе, что, по видимости, онъ оставался въ единеніи съ православною церковію, употреблялъ троеперстіе въ крестномъ знаменіи, открыто не хулилъ новыхъ книгъ, хотя держался только старыхъ. Считаясь православнымъ, онъ смѣло приходилъ изъ своей игнатіевой пустыни, находившейся въ вологодскомъ уѣздѣ, въ Вологду и Москву, гдѣ у него было множество знакомыхъ, благосклонно былъ принимаемъ самимъ государемъ, пользовался милостями отъ всѣхъ архіереевъ, бывалъ «въ ихъ общемъ совѣтѣ» и даже «въ соборномъ сидѣніи», какъ самъ свидѣтельствуетъ. А между тѣмъ тайно писалъ противъ новоисправленныхъ книгъ и написалъ десять тетрадей «о Святѣмъ истиннѣмъ Дусѣ», стараясь доказать, будто неправильно въ новоисправленномъ сүмволѣ опущено слово: «истиннаго» о Св. Духѣ. Держалъ у себя въ пустынѣ своего единомышленника и ученика бывшаго златоустовскаго игумена Ѳеоктиста; помогалъ ему, въ качествѣ руководителя, собрать изъ разныхъ книгъ «моленіе о согласіи церковномъ, и о исправленіи книжномъ, и о святѣмъ и животворящемъ Дусѣ

и Господѣ истиннѣмъ, и о сложеніи перстовъ крестнаго знаменія, и о божественнѣй аллилуіѣ», и это моленіе или челобитную, въ защиту раскола, подалъ потомъ государю. Написалъ и подалъ государю еще двѣ челобитныя, одну въ 1659 г., а другую въ 1661 году, въ которыхъ хотя, главнымъ образомъ, просилъ о поставленіи новаго патріарха на мѣсто Никона, но вмѣстѣ изливалъ свою злобу на Никона, называя его «внѣ ума сущимъ, пагубникомъ, не человѣкомъ, но звѣремъ», и говорилъ, что если нужно созвать соборъ, то для разсужденія «о прелестномъ его мудрованіи и о исправленіи церковномъ, а не о немъ самомъ, уже самоосужденномъ», и что съ того времени, какъ онъ началъ править, по своему, книги, «тысящи тысящь душъ христіанскихъ, сомнѣнія ради церковныхъ вещей, чужи общенія пречистыхъ таинъ». Привлекалъ въ свою игнатіеву пустынь, въ которой жильцевъ было болѣе двухъ сотъ и всѣ службы совершались по старопечатнымъ книгамъ, изъ Вологды и окрестныхъ селъ множество людей всякаго пола и возраста, мужей и женъ, во всѣ воскресные и праздничные дни,—привлекалъ преимущественно своими проповѣдями и поученіями, которыя предлагалъ не только въ церкви, но и внѣ церкви; обходилъ окрестныя веси, совершалъ въ нихъ, когда случались праздники, всенощныя бдѣнія по старопечатнымъ книгамъ, и «тамо не мало народа обрати въ свѣтъ благоразумія ученіемъ своимъ», т. е. обратилъ отъ православія къ расколу ([326]). Такъ продолжалось почти до конца 1664 года, пока на каѳедру вологодскую не

([326]) Матеріалы для исторіи раскола, I, 167. 179. 238. 287—289. 326. 330.

былъ посвященъ (23 окт.) новый архіепископъ Симонъ. Этотъ архіепископъ, лишь только старецъ Григорій Нероновъ явился къ нему принять благословеніе, прямо приказалъ старцу, чтобы «онъ во всемъ послѣдовалъ св. соборной, апостольской церквѣ, и никакогобъ раздору и расколу у него не было». Старецъ ударилъ челомъ о дозволеніи ему служить по старымъ служебникамъ, какъ служилъ доселѣ,—архіепископъ донесъ объ этомъ митрополитамъ: ростовскому Іонѣ, блюстителю патріаршаго престола, и крутицкому Павлу. Когда же Нероновъ и предъ ними началъ повторять свою просьбу о старыхъ служебникахъ, то Симонъ объявилъ, что «у него, старца Григорія, на Вологдѣ многой расколъ и раздоръ», и просилъ дать указъ, чтобы впредь у него расколу и раздору не было. Нероновъ старался повредить своему архіепископу, и сначала распространялъ клеветы на него, какъ и на ростовскаго митрополита Іону, будто оба они берутъ съ ставленниковъ непомѣрныя пошлины, а въ слѣдующемъ, 1665 г., послалъ даже доносъ государю на Симона, якобы онъ приказалъ совсѣмъ вынести изъ алтаря икону пресв. Богородицы, стоявшую за престоломъ, не чтитъ святителя Николая Чудотворца и не велитъ праздновать въ честь его праздниковъ и проч. Новый блюститель патріаршей каѳедры, митрополитъ Павелъ крутицкій, которому государь поручилъ разсмотрѣть эти извѣты, сдѣлавъ допросъ Неронову (24 авг.), препроводилъ его въ распоряженіе самого архіепископа Симона въ Вологду. Здѣсь, спустя нѣсколько времени, Нероновъ донесъ архіепископу, что попъ Сысой, сосланный въ Вологду изъ Москвы за участіе въ извѣстныхъ сношеніяхъ боярина Зюзина съ патріархомъ Никономъ, изрекъ въ народѣ хульныя

слова на Господа Іисуса Христа. Архіепископъ, выслушавъ доносъ, сказалъ только: «тотъ де попъ пьянъ вралъ», а дѣла не разслѣдовалъ и не запретилъ попу священнослуженія; напротивъ, самого доносчика послалъ подъ начало въ спасоприлуцкій монастырь и велѣлъ держать на цѣпи въ желѣзахъ за то, что онъ возмущалъ народъ въ Вологдѣ и позволилъ себѣ сдѣлать рѣзкія укоризны въ лицо своему архіерею. Будучи, впрочемъ, скоро освобожденъ изъ прилуцкой обители и отпущенъ въ свою игнатіеву пустынь, старецъ Григорій написалъ о богохульствѣ попа Сысоя къ самому государю, по повелѣнію котораго дѣло было разслѣдовано, и попъ Сысой заточенъ въ соловецкій монастырь. Но недолго пришлось теперь Григорію оставаться въ своей пустынѣ. Архіепископъ Симонъ отправилъ въ Москву къ архіереямъ грамату, что Нероновъ не перестаетъ смущать народъ своимъ ученіемъ и, по указу государя, 14 марта 1666 года, старецъ Григорій сосланъ былъ подъ начало въ іосифовъ волоколамскій монастырь, а вскорѣ потребованъ въ Москву на судъ соборный ([827]). Нероновъ много способствовалъ возникновенію и оживленію раскола, послѣ удаленія Никона съ патріаршей каѳедры, еще тѣмъ, что, имѣя свободный доступъ къ государю и долго пользуясь благорасположеніемъ самихъ архіереевъ, старался покровительствовать другимъ расколоучителямъ.

Очень могло быть, что, по ходатайству именно Неронова предъ государемъ, возвращенъ былъ изъ Сибири протопопъ Аввакумъ, хотя, какъ скоро увидимъ, у чего могло найтись

([827]) Матер. для исторіи раскола, I, 192—198. 201—212. 215. 226—232. 290.

немало и другихъ, даже болѣе сильныхъ, ходатаевъ. Этотъ протопопъ, который скоро превзошелъ своею слѣпою и фанатическою ревностію по вѣрѣ самого Неронова и сдѣлался дѣйствительнымъ главою вновь возникшаго у насъ раскола, самъ написалъ свою біографію, по просьбѣ отца своего духовнаго Епифанія ок. 1675 года, весьма любопытную, какъ по содержанію, такъ особенно по изложенію; но не избѣгъ въ ней, какъ это, большею частію, бываетъ въ автобіографіяхъ, пристрастія и самохвальства. Онъ старается здѣсь представить себя не только ревнителемъ истинной вѣры, но и страдальцемъ за вѣру и чудотворцемъ, и видимо преувеличиваетъ и украшаетъ вымыслами свои страданія и свои мнимыя чудодѣянія, какбы хвастается ими ([328]). Аввакумъ родился въ нижегородскихъ предѣлахъ, въ селѣ Григоровѣ. Отецъ его Петръ былъ тамъ священникомъ и «прилежаше питія хмѣльнаго»; а мать Марія, сдѣлавшаяся, по смерти мужа, инокинею Мареою, была «постница и молитвенница», и всегда учила сына страху Божію, и воспитала его въ самомъ строгомъ, преимущественно обрядовомъ, благочестіи. Женившись на дочери мѣстнаго кузнеца Анастасіи, Аввакумъ 21-го года поставленъ былъ въ діаконы, а 23-хъ лѣтъ въ попы: вотъ какъ тогда исполнялись церковные каноны. И въ эти еще молодые свои годы, будучи только сельскимъ священникомъ, онъ уже обнаружилъ въ словахъ и дѣйствіяхъ тотъ чрезвычайно дерзкій, задорный, ничѣмъ неукротимый характеръ, которымъ отличался потомъ во всю свою жизнь и изъ-за котораго

([328]) Напечат. въ Матер. для исторіи раскола, V, 1—113.

перетерпѣлъ впродолженіе ея столько страданій. Не станемъ передавать тѣхъ почти невѣроятныхъ случаевъ, о которыхъ разсказываетъ онъ самъ въ своей біографіи, какъ его били, волочили за ноги въ ризахъ, оставляли едва живымъ... Замѣтимъ только, что попомъ онъ былъ всего восемь лѣтъ и въ эти восемь лѣтъ два раза его выгоняли изъ прихода. Въ первый разъ напалъ на него какой-то начальникъ, избилъ его, откусилъ у него персты руки, дважды выстрѣлилъ въ него и, наконецъ, отнялъ у него дворъ и все имущество и, безъ куска хлѣба, выгналъ его съ семействомъ изъ села. Аввакумъ побрелъ въ Москву къ царскому духовнику, протопопу Стефану Вонифатьеву и протопопу Ивану Неронову. Они извѣстили о немъ царя, который съ того времени началъ знать Аввакума; но опять послали его съ граматою на прежнее мѣсто. Здѣсь едва онъ вновь обзавелся, какъ надъ нимъ разразились новыя бѣды, и «помалѣ паки иніи изгнаша мя отъ мѣста того вдругорядъ,—пишетъ онъ самъ,—азъ же сволокся къ Москвѣ и, Божіею волею, государь меня велѣлъ въ протопопы поставить въ Юрьевецъ-повольскій». Аввакуму исполнилось тогда еще только 31 годъ, и, сдѣлавшись такъ рано протопопомъ, начальникомъ цѣлаго церковнаго округа—протопопіи, онъ, вѣрно, захотѣлъ показать себя еще болѣе рѣзкимъ и задорнымъ въ своихъ словахъ и дѣйствіяхъ: потому что едва прошло восемь недѣль, какъ на него возсталъ почти весь городъ. Къ мѣстному патріаршему приказу, гдѣ засѣдалъ Аввакумъ, занимаясь духовными дѣлами, собралось множество поповъ, мужиковъ и бабъ, человѣкъ съ тысячу или полторы; вытащили его изъ приказа, и били среди улицы батожьемъ и топтали, а бабы были съ рычагами. Болѣе всѣхъ

вопили попы и бабы, которыхъ онъ унималъ отъ блудной жизни: «убить вора, да и тѣло собакамъ въ ровъ кинемъ». И, дѣйствительно, его убили почти до смерти, и бросили подъ уголъ одной избы. Прибѣжалъ городской воевода съ пушкарями, и, схвативъ чуть живаго протопопа, умчалъ его на лошади въ его домъ, а вокругъ всего двора поставилъ пушкарей. На третьи сутки, ночью, Аввакумъ, покинувъ въ городѣ свою семью, ушелъ въ Москву, и оттуда уже не возвращался на свое мѣсто. Въ Москвѣ онъ явился къ отцу своему духовному, казанскому протопопу Ивану Неронову, остался у него жить, и, во время его отлучекъ, правилъ его церковію. Это было уже подъ конецъ жизни патріарха Іосифа, когда Никонъ, митрополитъ новгородскій, путешествовалъ въ Соловки для перенесенія мощей святителя Филиппа. Какъ потомъ Никонъ сдѣлался патріархомъ, какъ Нероновъ и Аввакумъ съ братіею выступили противъ него, какъ Аввакумъ, въ сентябрѣ 1653 года, осужденъ былъ на изгнаніе въ Тобольскъ, мы уже говорили прежде ([329]).

Въ Тобольскъ ѣхалъ Аввакумъ, съ своимъ семействомъ, около тринадцати недѣль, и слѣд. могъ прибыть или въ концѣ еще тогоже 1653 года, или въ началѣ слѣдующаго. Тобольскій архіепископъ Симеонъ, поставленный при патріархѣ Іосифѣ и, вѣроятно, сочувствовавшій Аввакуму, далъ ему священническое мѣсто. Но и въ Тобольскѣ Аввакумъ, своимъ несноснымъ характеромъ, скоро успѣлъ вооружить противъ себя многихъ. Полтора только года онъ пробылъ здѣсь, и въ

([329]) Тамъ же, V, 9—21.

эти полтора года, какъ самъ говоритъ, пять разъ на него заявлено было предъ воеводами государево слово и дѣло. Объ одномъ изъ такихъ случаевъ разсказываетъ онъ самъ. Дьякъ архіепископскаго двора Иванъ Струна за что-то не взлюбилъ и преслѣдовалъ дьячка той церкви, въ которой служилъ Аввакумъ. Однажды, во время отъѣзда архіепископа въ Москву (съ 22 генваря по 14 декабря 1654 года), когда Аввакумъ съ дьячкомъ своимъ Антономъ отправлялъ вечерню, Струна вбѣжалъ въ церковь и схватилъ Антона на клиросѣ за бороду. Аввакумъ тотчасъ оставилъ службу, затворилъ и замкнулъ двери церкви, чтобы не впустить никого изъ пришедшихъ съ Струною, а самого Струну, съ помощью дьячка, посадилъ на полу среди церкви, и отстегалъ его ремнемъ «нарочито». Родственники Струны, также попы и чернецы возмутили весь городъ, чтобы убить Аввакума, такъ что онъ цѣлый мѣсяцъ бѣгалъ отъ нихъ и скрывался, иногда ночевалъ въ церкви, иногда уходилъ къ воеводѣ. Когда возвратился архіепископъ, Аввакумъ пожаловался ему и прибавилъ, что, въ его отсутствіе, дьякъ Струна не подвергъ никакому наказанію одного кровосмѣшника, взявъ съ него полтину. Владыка велѣлъ сковать Струну, но Струна ушелъ къ воеводамъ въ приказъ, и сказалъ на Аввакума государево слово и дѣло. Воеводы отдали Струну на поруки боярскому сыну Бекетову. А владыка, по совѣту Аввакума, предалъ Струну, въ наступившую (въ 1655 г.) недѣлю православія, проклятію. И это проклятіе до того поразило Бекетова, что онъ вышелъ изъ себя и тутъ же въ церкви бранилъ архіепископа и Аввакума, а на пути въ домъ свой внезапно скончался. Владыка и Аввакумъ приказали бросить тѣло несчастнаго среди улицы собакамъ, и только че-

резъ три дня похоронили. Ненапрасно столько разъ говорили на Аввакума въ Тобольскѣ государево слово и дѣло. «Посемъ (т. е. послѣ несчастной кончины Бекетова),—разсказываетъ Аввакумъ,—указъ пришелъ: велѣно меня изъ Тобольска на Лену везти за сіе, что браню отъ писанія и укоряю ересь никонову». Изъ Тобольска выѣхалъ Аввакумъ въ Петровъ день 1655 года. Но едва пріѣхалъ онъ въ Енисейскъ, какъ пришелъ другой царскій указъ: енисейскому воеводѣ Аѳанасію Пашкову велѣно было взять съ собою шестьсотъ человѣкъ—ратниковъ, а съ ними, въ качествѣ духовника, протопопа Аввакума, и ѣхать въ отдаленную Даурію, чтобы отыскать тамъ пашенныя мѣста со всякими угодьями и поставить на тѣхъ мѣстахъ новые остроги. Пашковъ отправился въ 1656 году, и основалъ въ даурской землѣ остроги: нерчинскій, албазинскій, иркутскій и другіе, и воеводствовалъ въ тѣхъ острогахъ пять лѣтъ до 1661 года. Сколько перенесъ во все это время Аввакумъ страданій отъ Пашкова, какъ мучилъ, тиранилъ его Пашковъ, томилъ въ темницѣ и оковахъ, морилъ голодомъ и холодомъ, и тяжкими работами, надобно удивляться, если только въ разсказѣ Аввакума нѣтъ преувеличеній. Пашковъ былъ «суровъ и безчеловѣченъ человѣкъ, замѣчаетъ Аввакумъ, а съ Москвы отъ Никона приказано было ему мучить меня»; но едвали не самъ Аввакумъ, какъ можно догадываться изъ его разсказа, болѣе всего возбуждалъ противъ себя Пашкова своими рѣзкими обличеніями. Да и самъ Аввакумъ сознается: «десятъ лѣтъ онъ меня мучилъ, или я его,—не знаю: Богъ разберетъ въ день вѣка». Въ точности, не десять, но только пять лѣтъ: еще въ 1660 г. посланъ былъ изъ Тобольска въ Даурію новый воевода боярскій сынъ

Иларіонъ Толбузинъ, съ которымъ, вѣроятно, и пришла туда царская грамата, чтобы Пашковъ ѣхалъ въ Тобольскъ, а протопопъ Аввакумъ возвратился въ Россію. Пашковъ поѣхалъ, въ 1661 г., съ оружіемъ и людьми, и не взялъ съ собою Аввакума, расчитывая, что его, безоружнаго, на пути убьютъ дикари—инородцы. А спустя мѣсяцъ отправился и Аввакумъ съ своимъ только семействомъ и немногими престарѣлыми и ранеными (всего набралось до 17 человѣкъ), и послѣ продолжительнаго и многотруднаго пути приблизился, наконецъ, къ Енисейску. Тутъ напала на Аввакума тоска и раздумье, и, когда протопопица спросила его о причинѣ тоски, онъ сказалъ: «жена, что мнѣ дѣлать? на дворѣ еретическая зима: говорить ли мнѣ или молчать? Ты и дѣти связали меня». На это жена будтобы отвѣчала: «я, съ дѣтьми, благословляю тебя, дерзай проповѣдывать Слово Божіе по прежнему, а о насъ не тужи... Силенъ Христосъ, и насъ не покинутъ; иди и обличай еретическое заблужденіе». Аввакумъ ударилъ женѣ челомъ, и рѣшился продолжать свою борьбу противъ «никоніанской ереси». Въ Енисейскѣ онъ прозимовалъ, потомъ въ Тобольскѣ провелъ другую зиму, и вездѣ, на всемъ пути до Москвы, по городамъ и селамъ, въ церквахъ и на торжищахъ, проповѣдывалъ свое ученіе противъ новоисправленныхъ при Никонѣ книгъ ([330]).

Въ Москву Аввакумъ прибылъ отнюдь не раньше 1663 года. Здѣсь «приняли меня,—пишетъ онъ самъ,—какъ ангела Божія, государь и бояре; всѣ были мнѣ рады. Зашелъ я къ

([330]) Тамъ же, V, 22—58. 101. 133; Записки, къ сибирской исторіи служащія, въ Древн. росс. вивліоѳ., III, 180. 183—185. 188. 192—194.

Өедору Ртищеву: онъ вышелъ ко мнѣ принять отъ меня благословеніе, и начали мы говорить съ нимъ много; три дня и три ночи домой меня не отпустилъ, и потомъ извѣстилъ обо мнѣ царю. Государь тотчасъ велѣлъ меня представить, спрашивалъ меня о здоровьѣ и далъ поцѣловать мнѣ свою руку. Приказалъ помѣстить меня на монастырскомъ подворьѣ въ кремлѣ и, проходя часто мимо моего двора, низко кланялся мнѣ и говорилъ: благослови меня и помолись о мнѣ. Также и всѣ бояре просили моего благословенія и молитвъ. Давали мнѣ мѣсто, гдѣ бы я захотѣлъ, звали и въ царскіе духовники, чтобы только я соединился съ ними въ вѣрѣ; но я все это вмѣнилъ въ уметы, да Христа пріобрящу». Аввакумъ подалъ царю челобитную, въ которой писалъ: «Государь, свѣтъ нашъ! Что я начну говорить тебѣ, возставъ, какъ отъ гроба, отъ своего дальняго заключенія? Возвѣщу ли тебѣ свое смертоносное житье, или скажу тебѣ—свѣту о церковномъ раздорѣ? Я чаялъ, живя на востокѣ среди многихъ смертей, что здѣсь, въ Москвѣ, тишина; а нынѣ я увидѣлъ церковь еще больше смущенною, чѣмъ прежде. Свѣтъ нашъ государь, благочестивый царь! Златоустъ пишетъ въ посланіи къ Ефесеямъ: ничто такъ не производитъ раскола въ церквахъ, какъ любоначаліе между властями, и ничто такъ не прогнѣвляетъ Бога, какъ раздоръ церковный... Мнѣ кажется, что и сама тварь рыдаетъ, видя Владыку своего въ безчестіи: ибо Духа Святаго называютъ *неистиннымъ* въ исповѣданіи своея вѣры, а Христа Сына Божія *не царемъ* на небеси (совершенная клевета!). Да и не одно то, государь, но и моровое повѣтріе не мало было для насъ знаменіемъ отъ никоновыхъ затѣекъ, и агарянскій мечъ десять лѣтъ стоитъ безпрестанно съ тѣхъ

поръ, какъ Никонъ раздралъ церковь. Хорошо было при Стефанѣ протопопѣ: все было тихо и немятежно ради его слезъ и рыданія и негордаго ученія; Стефанъ не губилъ никого до смерти, какъ Никонъ, и не поощрялъ на убіеніе. Увы душѣ моей бѣдной! Лучше бы мнѣ скончаться въ пустынѣ даурской среди звѣрей, нежели слышать нынѣ, какъ Христа моего въ церквахъ называютъ *невоскресшимъ* (новая клевета!). Знаю, что скорбно тебѣ, государю отъ моей докуки, но не сладко и намъ, какъ ребра наши ломаютъ и, развязавъ насъ, кнутьемъ мучатъ и томятъ на морозѣ голодомъ. А все ради церкви Божіей страждемъ». Сказавъ затѣмъ, какъ убили-было его, Аввакума, будтобы ради церкви Божіей, когда онъ былъ сельскимъ священникомъ, и разграбили все его имущество; какъ убили-было его, когда онъ былъ протопопомъ въ Юрьевцѣ; какъ мучилъ его въ Москвѣ Никонъ и томилъ въ андроніевомъ монастырѣ холодомъ,—причемъ пищу ему, Аввакуму, принесъ будтобы ангелъ; какъ тиранилъ его въ Сибири, будтобы за имя Христово, втеченіи одинадцати лѣтъ Пашковъ, и все это по милости Никона, Аввакумъ продолжалъ: «многіе боятся его (Никона), а протопопъ Аввакумъ, уповая на Бога, не боится. Твоя, государь, воля, если опять попустишь ему озлобить меня: я готовъ и духъ свой предать. Но душа моя не хочетъ принять его новыхъ беззаконныхъ законовъ. Мнѣ было откровеніе отъ Бога, что онъ—Никонъ мерзокъ предъ Богомъ. Погубилъ онъ на Руси всѣхъ твоихъ государевыхъ людей душею и тѣломъ, и всѣ, желающіе принять его новые законы, будутъ на страшномъ судѣ слыть *никоніанами*, какъ древніе *аріане*. Онъ—Никонъ не исповѣдуетъ, въ своихъ новыхъ законахъ, Христа, во плоти пришедшаго (ложь!); не

исповѣдуетъ Христа царемъ (ложь!), и воскресеніе Его, подобно іудеямъ, скрываетъ (ложь!); не называетъ Духа Святаго истиннымъ (ложь!), и сложеніе креста въ перстахъ разрушаетъ, и истинное метаніе въ поклонахъ отсѣкаетъ, и многими ересями людей Божіихъ и твоихъ наполнилъ, и индѣ въ его книгахъ напечатано: духу лукавому молимся (ложь!). Охъ и горе душѣ моей! Говорить много не смѣю: тебя бы, свѣта, не опечалить; а время отложить новые служебники и всѣ дурныя никоновы затѣйки. Потщися, государь, исторгнуть его злое и пагубное ученіе, пока не пришла на насъ конечная пагуба». Въ заключеніе Аввакумъ просилъ государя спасти душу Пашкова и не мстить ему за всѣ неправды и жестокости, совершенныя имъ на воеводствѣ въ Дауріи, и приложилъ записку объ этихъ неправдахъ и жестокостяхъ ([331]). Въ этой первой своей челобитной изъ числа дошедшихъ до насъ Аввакумъ уже довольно ясно показалъ себя и тѣ пріемы, какими онъ дѣйствовалъ на народъ. Себя онъ изображаетъ страдальцемъ, даже великимъ страдальцемъ и именно за Христа, за вѣру и церковь. Изъ-за нихъ будтобы онъ подвергался смерти еще сельскимъ священникомъ и потомъ въ другой разъ протопопомъ. Изъ-за нихъ терпѣлъ мученія отъ Никона, хотя, какъ извѣстно, отъ Никона онъ былъ судимъ и наказанъ за составленіе «самочиннаго сборища». Изъ-за нихъ особенно перенесъ множество страшныхъ мукъ отъ Пашкова, хотя самъ же свидѣтельствуетъ о Пашковѣ, что онъ мучилъ людей по одной своей жестокости: «суровъ человѣкъ, безпрестанно людей жжетъ, и мучитъ, и біетъ...;

([331]) Матеріал. для истор. раск., V, 59—60. 119—136.

ей, государь, не помнитъ Бога; или попъ, нашъ братъ, или инокъ,—*всѣхъ равно губитъ*, и мучитъ, огнемъ жжетъ и погубляетъ...; живучи въ даурской землѣ, переморилъ больше пятисотъ человѣкъ голодною смертію». Этими своими страданіями за вѣру, которыя въ разныхъ своихъ сочиненіяхъ изображалъ различно, какъ хотѣлъ, не боясь обличеній, и, безъ сомнѣнія, преувеличивалъ,—такъ нѣкоторыя представляются невѣроятными,—Аввакумъ любилъ хвалиться и во все послѣдующее время. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ выдаетъ уже себя въ апологіи какимъ-то избранникомъ Божіимъ: Богъ удостоилъ его откровенія о Никонѣ; ангелъ Божій приносилъ ему—Аввакуму пищу въ темницѣ. Въ послѣдующее время объ этой близости своей къ Богу, о своихъ видѣніяхъ, знаменіяхъ и чудесахъ Аввакумъ говорилъ еще болѣе и нимало не стѣснялся. Какъ же не вѣрить было такому страдальцу за вѣру, такому провидцу и чудотворцу? А Никона какъ онъ изображаетъ въ челобитной? Никонъ—онъ-то и есть мучитель, виновникъ всѣхъ страданій Аввакума за вѣру, особенно въ Дауріи. Никонъ—величайшій еретикъ: онъ не исповѣдуетъ Христа, во плоти пришедшаго, не признаетъ Его царемъ на небеси и воскресшимъ изъ мертвыхъ, не исповѣдуетъ Духа Святаго истиннымъ и наполнилъ свои новыя книги многими другими ересями. Какъ же не удаляться отъ такого еретика, какъ не отвергать его книгъ? Народъ не требовалъ отъ Аввакума доказательствъ, но вѣрилъ ему на слово. А надобно замѣтить, что словомъ, какъ видно уже и изъ этой апологіи, Аввакумъ владѣлъ въ высокой степени, и словомъ яснымъ, выразительнымъ, безъискусственнымъ, народнымъ. Въ этомъ отношеніи онъ превосходилъ Никона, который писалъ обыкно-

венно книжнымъ языкомъ, искуственно, растянуто и невсегда удобопонятно. Рѣчь Аввакума, даже въ сочиненіяхъ его, представляется какбы выхваченною изъ живаго говора народнаго, и тѣмъ болѣе и сильнѣе могла дѣйствовать на народныя массы. Не говоримъ здѣсь о другихъ качествахъ Аввакума, съ которыми познакомимся впослѣдствіи.

«Когда увидѣли, — продолжаетъ разсказъ Аввакумъ о своемъ пребываніи въ Москвѣ,—что я не соглашаюсь съ ними (а увидѣть это было легко изъ его челобитной, нами разсмотрѣнной), то государь приказалъ Родіону Стрѣшневу уговаривать меня, чтобъ я, по крайней мѣрѣ, молчалъ. И я потѣшилъ его: чаялъ помаленьку исправиться. Сулили мнѣ, что на семеоновъ день (1 сентября) сяду на печатномъ дворѣ книги править, и я былъ сильно радъ: мнѣ-то было бы лучше и духовничества. Пожаловалъ мнѣ царь, прислалъ десять рублей денегъ; столько же прислала царица, постольку же прислали царскій духовникъ Лукіанъ и Родіонъ Стрѣшневъ, а старый нашъ дружище Ѳедоръ Ртищевъ—тотъ и шестдесятъ рублей велѣлъ своему казначею сунуть мнѣ, про другихъ же нечего и сказывать,—всякъ тащилъ и несъ всячиною. У Ѳедосьи Прокопьевны Морозовой жилъ я, не выходя со двора: она дочь моя духовная, какъ и сестра ея княгиня Евдокія Прокопьевна Урусова. И у Анны Петровны Милославской всегда же въ дому были, а къ Ѳедору Ртищеву браниться съ отступниками ходилъ»... Весьма важнымъ обстоятельствомъ для Аввакума служило то, что онъ сдѣлался духовникомъ Ѳедосьи Прокопьевны Морозовой и совершенно покорилъ ее своей волѣ и своимъ убѣжденіямъ. Это была одна изъ самыхъ знатныхъ боярынь и, какъ по отцу, такъ и по мужу, изъ

самыхъ близкихъ къ царскому двору. Отецъ ея окольничій Прокопій Өедоровичъ Соковнинъ приходился въ родствѣ царицѣ Марьѣ Ильинишнѣ Милославской, а мужъ—Глѣбъ Ивановичъ Морозовъ былъ роднымъ братомъ знаменитаго дядьки и свояка царскаго Бориса Ивановича Морозова, женатаго на родной сестрѣ тойже царицы. Чрезъ Морозову, вращавшуюся вблизи царицы, Аввакумъ могъ оказывать вліяніе на всѣхъ, окружавшихъ царицу, и на самую царицу, которая, какъ увидимъ, дѣйствительно и стояла за Аввакума. Вмѣстѣ съ тѣмъ Морозова, обладавшая огромнымъ богатствомъ, имѣла множество родныхъ и знакомыхъ въ Москвѣ и могла поддерживать лжеученіе Аввакума въ высшемъ московскомъ обществѣ. Когда Аввакумъ возвратился изъ Сибири, Морозова была уже вдовицею (съ 1662 г.) и домъ ея обратился какъ бы въ монастырь, въ которомъ она постоянно содержала пятерицу инокинь и давала пристанище всякаго рода странницамъ. Всѣ эти лица, особенно инокини, подобно Морозовой, напитывались ученіемъ Аввакума, которое и разносили повсюду, куда ни ходили. Въ томъ же домѣ всегда находили себѣ пріютъ три юродивые: Өеодоръ, Кипріанъ и Аөанасій, духовные дѣти и преданные ученики Аввакума. Пользуясь большимъ уваженіемъ въ народѣ, они свободно бродили по улицамъ и площадямъ города и распространяли убѣжденія своего наставника и его ненависть къ новоисправленнымъ книгамъ. Наконецъ у Морозовой, какъ увидимъ, искали себѣ поддержки и покровительства и другіе расколоучители ([332]).

([332]) Тамъ же, V, 65. Біографія боярыни Морозовой, на основаніи современнаго о ней сказанія, въ книгѣ *Забѣлина*: «Домашній бытъ русскихъ царицъ», 107—151, изд. 2. Снес. матер. для истор. раскола, I, 310.

Съ полгода Аввакумъ, если вѣрить его свидѣтельству, молчалъ, исполняя желаніе государя, т. е. самъ открыто будто-бы не проповѣдывалъ и не безпокоилъ государя своими письмами. Но видя, «яко церковное ничтоже успѣваетъ, но паче молва бываетъ, паки заворчалъ», и написалъ новую челобитную къ царю, «чтобъ онъ старое благочестіе взыскалъ, и мати нашу общую, св. церковь, отъ ересей оборонилъ, и на престолъ патріаршескій пастыря православнаго учинилъ, вмѣсто волка и отступника Никона, злодѣя и еретика». Въ челобитной Аввакумъ прямо даже рекомендовалъ государю достойныхъ кандидатовъ для замѣщенія незанятыхъ тогда архіерейскихъ каѳедръ, а ихъ было въ 1664 г. до пяти,—и именно іеромонаха бизюкова монастыря Сергія Салтыкова, саввинскаго архимандрита Никанора и другихъ, ярыхъ раскольниковъ. Эту свою челобитную, къ сожалѣнію, не дошедшую до насъ, Аввакумъ послалъ къ царю съ юродивымъ Ѳедоромъ, сыномъ своимъ духовнымъ. Ѳедоръ, увидѣвъ царя, ѣхавшаго въ каретѣ, смѣло подступилъ къ нему; царь взялъ юродиваго съ собою, довезъ до краснаго крыльца и взялъ отъ него письмо, не зная, отъ кого оно. Когда же прочиталъ, «съ тѣхъ мѣстъ, говоритъ Аввакумъ, на меня кручиновать сталъ: нелюбо стало, какъ опять я сталъ говорить; любо имъ, какъ молчу, да мнѣ такъ не сошлось». Долго ли еще послѣ этого царь терпѣлъ Аввакума въ Москвѣ, послѣдній не опредѣляетъ, но сознается: «раби Христовы многіе приходили ко мнѣ и, узрѣвши истину, не стали къ прелестной ихъ службѣ ходить»,—а для этого требовалось немало времени. Въ частности извѣстно, что Аввакумъ тогда «отъ церкви Софіи, Премудрости Божіей, что̀ за Москвою рѣкою въ Садовникахъ,

прихожанъ ученіемъ своимъ отлучилъ многихъ». Вслѣдствіе этого власти духовныя возстали на Аввакума и рѣшили вновь сослать его изъ Москвы въ заточеніе. И отъ царя, чрезъ боярина Петра Михайловича Салтыкова, былъ Аввакуму выговоръ: «власти де на тебя жалуются; церкви де ты запустошилъ; поѣдь де въ ссылку опять» ([333]).

И 29 августа 1664 года повезли Аввакума съ его семействомъ на Мезень. Предъ отъѣздомъ изъ Москвы Аввакумъ подалъ государю записку, въ которой, высказавъ свои догадки, за что онъ подвергся царскому гнѣву, за свою ли челобитную о замѣщеніи архіерейскихъ каѳедръ достойными кандидатами, или за свои укоризны рязанскому архіепископу Иларіону, вздумавшему учиться греческимъ «буквамъ и нравамъ» у греческаго архимандрита Діонисія святогорца, изложилъ про этого архимандрита гнусную клевету и просилъ царя озаботиться о новомъ освященіи соборной церкви, чего архіереи (безъ сомнѣнія, не вѣрившіе гнусной клеветѣ), будтобы по нерадѣнію, не хотѣли сдѣлать. Доѣхавъ до Холмогоръ, Аввакумъ послалъ оттуда новую челобитную, которую государь получилъ 21 ноября. Замѣчательно, что въ началѣ этой челобитной, какъ и въ началѣ недавно поданной царю записки, Аввакумъ выражался о себѣ: «богомолецъ твой, въ Даурехъ мученой протопопъ». Изъ Холмогоръ Аввакумъ уже съ великимъ смиреніемъ взывалъ: «прогнѣвалъ, грѣшной, благоутробіе твое отъ болѣзни сердца неудержаніемъ моимъ; а иное тебѣ, свѣту-государю, и солгали на меня, помилуй, равноапостольный, ребятишекъ ради моихъ умилосердися ко

(333) Матер. для истор. раскола, I, 198. 481; V, 66—67. 136.

мнѣ. Съ великою нужею доволокся до Колмогоръ, а въ пустозерскій острогъ до Христова Рождества невозможно стало ѣхать, потому что путь нужной, на олѣнахъ ѣздятъ. И смущаюся, грѣшникъ, чтобы ребятишки на пути не примерли съ нужи... Пожалуй меня, богомольца твоего, хотя здѣ на Колмогорахъ изволь мнѣ быть... Умилися къ страньству моему, помилуй изнемогшаго въ напастѣхъ и всячески уже сокрушенна: болѣзнь бо чадъ моихъ на всякъ часъ слезы душу мою исполняетъ. И въ даурской странѣ у меня два сына отъ нужи умерли. Царь, государь, смилуйся». А 6-го декабря подалъ государю челобитную о помиловани Аввакума и старецъ Григорій Нероновъ. Онъ утверждалъ, что Аввакума оклеветали власти, гнѣваясь на него за его писаніе къ царю о кандидатахъ на архіерейскія вакансіи, Сергіѣ Салтыковѣ, Никанорѣ и другихъ, и составили ложь, будто онъ, протопопокъ, ходя по улицамъ и стогнамъ городскимъ, развращалъ народъ и училъ не ходить къ церквамъ Божіимъ. Напротивъ онъ, по приказанію государя, молчалъ, ожидая собора, и по улицамъ нигдѣ не училъ. Только съ архіепископомъ Иларіономъ и царскимъ духовникомъ наединѣ говорилъ о сложеніи перстовъ, и о трегубой аллилуіи, и о прочихъ догматахъ, преданныхъ въ Стоглавѣ, да еще говорилъ въ дому окольничева Ѳ. М. Ртищева и только. Потому старецъ Григорій со слезами умолялъ государя пощадить протопопа Аввакума, «гонимаго изъ младенчества правости ради души и по церкви Господней безчисленныя бѣды претерпѣвшаго», возвратить его изъ изгнанія и дозволить ему жить въ игнатіевой пустынѣ, вмѣстѣ съ нимъ, старцемъ Григоріемъ, чтобы оплакивать свои грѣхи. Между единомышленниками Авва-

кума распространенъ былъ слухъ, будто самъ государь приказалъ Неронову написать челобитную объ освобожденіи Аввакума. Но трудно повѣрить этому слуху: еслибы царь хотѣлъ, то и безъ челобитной Неронова нашелъ бы возможность облегчить участь Аввакума; между тѣмъ и послѣ челобитной Неронова Аввакумъ остался въ ссылкѣ. Болѣе мѣсяца прожилъ онъ въ Холмогорахъ, затѣмъ былъ перевезенъ въ Мезень. Изъ Мезени онъ писалъ бывшему златоустовскому игумену Ѳеоктисту и всей братіи: «согрѣшилъ я, протопопъ Аввакумъ, предъ Богомъ и предъ вами и повредилъ истинѣ,—простите меня, безумнаго и безразсуднаго, имѣющаго ревность Божію не по разуму. Вы говорите, что причиняется вредъ истинѣ и лучше бы мнѣ умереть въ Дауріи, а не приходить къ вамъ въ Москву. Но я, отче, живу не моею волею, а Божіею, и если я въ Москвѣ расшевелилъ гной и раздражилъ еретиковъ своимъ пріѣздомъ, то въ Москву я пріѣхалъ прошлаго году не самозванъ, а призванъ благочестивымъ царемъ, и привезенъ по граматамъ. Не кручиньтесь на меня, Господа ради, что изъ-за моего пріѣзда страждете... Я поѣхалъ отъ васъ изъ Москвы опять по городамъ и весямъ промышлять словесныя рыбы; а вы тамъ бѣгайте отъ никоніанъ... Я жду на Мезени письма вашего до весны... Про все пиши; а про житіе старца (Григорія Неронова) мнѣ не пиши, не досаждай мнѣ имъ: не могутъ уши мои слышать о немъ хульныхъ рѣчей даже отъ ангела. Ужь вѣрно ради грѣховъ моихъ въ сложеніи перстовъ малодушествуетъ»... ([334]). На Мезени Аввакумъ прожилъ болѣе года и распространялъ оттуда свое лжеученіе

([334]) Тамъ же, I, 198—201. 314; V, 136—141. 158—161.

чрезъ письма. Письма эти до насъ не дошли; но о чемъ писалъ въ нихъ Аввакумъ и вообще о чемъ писалъ онъ со времени своего освобожденія изъ Сибири даже до собора, на который онъ привезенъ былъ изъ Мезени въ Москву 1 марта 1666 года,—это кратко обозначено въ запискѣ, составленной на соборѣ или тотчасъ послѣ собора. Въ ней читаемъ: «Аввакумъ протопопъ послѣ освобожденія изъ Сибири писалъ: о символѣ, о сложеніи перстовъ въ крестномъ знаменіи, о поклонахъ и о прочемъ, что будтобы неправо напечатано въ новоисправленныхъ печатныхъ книгахъ. Да онъ же въ своихъ письмахъ писалъ, что на Москвѣ во многихъ церквахъ Божіихъ поютъ пѣсни, а не божественное пѣніе, по латыни; законы и уставы у нихъ латинскіе, руками машутъ, главами киваютъ, ногами топаютъ, какъ это, обыкновенно, бываетъ у латынянъ подъ звуки органовъ. На справщиковъ книжнаго печатнаго двора и на священниковъ московскихъ церквей написалъ, что они пожираютъ стадо Христово злымъ ученіемъ и нелѣпо носятъ отступническіе образы, а не природные наши словенскаго языка, что они не чада церкви, но діавола, вновь родились отъ никонова ученія: потому что не вѣруютъ во Христа вочеловѣчившагося, и исповѣдуютъ его невоскресшимъ и несовершеннымъ царемъ на небеси со Отцемъ, а Духа Святаго называютъ неистиннымъ. Именуетъ ихъ отщепенцами и уніатами, потому что они ходятъ въ рогахъ вмѣсто обыкновенныхъ словенскихъ скуфей, и не велитъ православнымъ христіанамъ причащаться св. таинъ у тѣхъ священниковъ, которые божественную литургію служатъ по новоисправленнымъ служебникамъ» ([335]).

([335]) Тамъ же, II. 7—8.

Третьимъ и послѣднимъ изъ прежнихъ расколоучителей, появившихся еще во дни управленія патріарха Никона церковію и теперь, по оставленіи имъ каѳедры, вновь начавшихъ свою дѣятельность, слѣдуетъ назвать бывшаго игумена московскаго златоустова монастыря Ѳеоктиста. Онъ не имѣлъ такого значенія, какъ Аввакумъ или Нероновъ, а считался только ученикомъ послѣдняго, и вовсе неизвѣстно, чтобы Ѳеоктистъ, подобно Неронову и Аввакуму, распространялъ расколъ живымъ словомъ, устною проповѣдью; но и онъ не мало послужилъ расколу своими писаніями. Еще въ то время, когда Нероновъ былъ сосланъ въ спасо-каменную обитель, Ѳеоктистъ находился при немъ и, съ его словъ, писалъ его письма къ царю и царскому духовнику Стефану Вонифатьеву, а одно—о жизни Неронова въ этой обители, по его порученію, написалъ къ царскому духовнику и отъ себя. По оставленіи же Никономъ каѳедры, Ѳеоктистъ, проживая въ игнатіевой пустынѣ у старца Григорія Неронова, собралъ, какъ мы уже упоминали, подъ его руководствомъ, изъ разныхъ книгъ, въ защиту раскола, какое-то «моленіе», или челобитную, которую Нероновъ и поднесъ государю. Кромѣ игнатіевой пустыни Ѳеоктистъ проживалъ то въ Переславлѣ-Залѣсскомъ, въ никольскомъ монастырѣ, въ которомъ принялъ постриженіе, то въ Москвѣ у вятскаго епископа Александра, и здѣсь списывалъ разныя сочиненія, направленныя противъ Никона и исправленныхъ имъ книгъ. Неизвѣстно, гдѣ и когда составилъ Ѳеоктистъ и собственныя сочиненія: объ антихристѣ, челобитную государю и записку о жизни своего наставника Неронова съ 1653 года по 1659 г., въ которыхъ многое могъ передать только со словъ самого Неронова. Въ генварѣ 1665

года Θеоктистъ, вмѣстѣ съ роднымъ братомъ своимъ, старцемъ Авраамiемъ, переѣхалъ изъ никольскаго переславскаго монастыря на Вятку къ епископу Александру, и прожилъ у него цѣлый годъ. Отсюда написалъ два письма въ Москву къ боярынѣ Θедосьѣ Морозовой, величалъ ее «ревнительницею древнимъ равноапостольнымъ женамъ, страннолюбицею и боголюбицею», и просилъ ея покровительства и пособiя не только себѣ, но и всей своей «духовной братiи», избраннымъ рабамъ Христовымъ, особенно же просилъ покровительства и помощи епископу Александру, столько потерпѣвшему отъ Никона и не имѣвшему на Вяткѣ, чѣмъ содержать себя и своихъ людей; просилъ также отписать епископу Александру «про страдальца о законѣхъ христовыхъ протопопа Аввакума», послана ли государева грамата, чтобъ его возвратить изъ ссылки по челобитной Неронова. Наконецъ, въ началѣ 1666 г. государь послалъ на Вятку новоспасскаго архимандрита Iосифа и симоновскаго келаря Iосифа съ граматою къ епископу Александру, въ которой писалъ: «вѣдомо намъ учинилось, что старецъ Θеоктистъ живетъ у тебя, богомольца нашего, въ кельи и держитъ у себя на церковь Божiю многiе развратные письма». Далѣе говорилъ царь, что посланнымъ отъ него велѣно внимательно осмотрѣть всѣ кельи, какъ Θеоктиста, такъ и самого епископа, и забрать всякiя, какiя найдутся, θеоктистовы письма, а съ ними взять и Θеоктиста, и чтобы епископъ нимало этому не препятствовалъ. Воля государя была исполнена, и тогда же составлена «Роспись», что̀ взято у Θеоктиста черица книгъ и писемъ». Всѣхъ ихъ отыскалось болѣе осмидесяти. Роспись эта драгоцѣнна потому, что свидѣтельствуетъ, сколько уже и какихъ статей и небольшихъ

сочиненій написано было ревнителями раскола еще до соборовъ 1666—1667 г., хотя у Өеоктиста были собраны не всѣ такого рода сочиненія. Самъ Өеоктистъ, привезенный въ Москву, при допросѣ 15 февраля 1666 г. показалъ, откуда досталъ или гдѣ списывалъ отобранныя у него тетради и письма, и объявилъ, что св. соборной и апостольской церкви повинуется, и принимаетъ книги пяти патріарховъ и московскихъ митрополитовъ, а о книгахъ новой печати смущается, потому что несходны съ прежними печатными книгами и служебникомъ митрополита Кипріана; да въ новыхъ же книгахъ «обругано царская титла: во многихъ мѣстахъ государево царево имя напечатано складомъ, въ служебникахъ, въ иныхъ выходѣхъ *всея Руси* есть, а во иныхъ выходѣхъ *и всея Руси* нѣтъ» ([336]).

Къ прежнимъ противникамъ исправленныхъ и напечатанныхъ при патріархѣ Никонѣ церковныхъ книгъ присоединилось, при оставленіи имъ каѳедры, много новыхъ противниковъ, и въ числѣ ихъ, къ изумленію, находился даже одинъ изъ архіереевъ, именно вятскій епископъ Александръ. Изумительно здѣсь то, что этотъ епископъ самъ же присутствовалъ, при Никонѣ въ апрѣлѣ 1656 года, на соборѣ, предавшемъ непокорныхъ церкви проклятію за употребленіе двуперстія и одобрившемъ книгу «Скрижаль», изданную Никономъ; въ маѣ тогоже года, на соборѣ, проклявшемъ Неронова и всѣхъ его единомышленниковъ; въ октябрѣ тогоже года на соборѣ, разсматривавшемъ и одобрившемъ къ печатанію книгу «Требникъ», и подписался подъ опредѣленіями

([336]) Матер. для истор. раскола, I, 79. 85. 109. 307—344.

этихъ соборовъ. А теперь началъ писать въ защиту двуперстія, противъ новоисправленнаго символа вѣры и новоисправленнаго требника; теперь сдѣлался однимъ изъ единомышленниковъ Неронова, и, какъ епископъ, считался между ними «отцемъ отцевъ», имѣлъ сношенія съ Нероновымъ, Аввакумомъ, боярынею Морозовою и другими, и давалъ у себя пріютъ, какъ въ Москвѣ, такъ на Вяткѣ, Ѳеоктисту, держалъ его даже въ своей кельѣ, какъ самаго близкаго къ себѣ человѣка, и руководилъ его своими совѣтами въ списываніи и составленіи статей въ раскольническомъ духѣ. Но необходимо замѣтить, что, сочувствуя первымъ учителямъ раскола и раздѣляя ихъ взгляды на мнимыя неисправности новопечатныхъ книгъ, епископъ Александръ вовсе не раздѣлялъ ихъ взглядовъ на значеніе этихъ неисправностей и на православную церковь, принявшую и употреблявшую эти книги. Неисправностей тѣхъ онъ вовсе не считалъ ересями, и церковь православную не называлъ еретическою, никоніанскою, не хулилъ, не проклиналъ ее, не возбуждалъ къ ней ненависти, какъ поступали Аввакумъ и его ближайшіе сообщники. Напротивъ, Александръ оставался въ общеніи съ церковію и со всѣми ея архипастырями, продолжалъ свое пастырское служеніе, и, возставая противъ казавшихся ему неисправностей въ новыхъ книгахъ, искалъ только себѣ вразумленія и наставленія. Онъ изложилъ свои недоумѣнія о новоисправленномъ требникѣ въ формѣ вопросовъ и, представляя эти вопросы, числомъ 51, своимъ братіямъ, митрополитамъ и епископамъ, и всему освященному собору, смиренно молилъ разрѣшить его сомнѣнія о новомъ требникѣ, какъ во многомъ несогласномъ съ прежними требниками. При чтеніи этихъ

вопросовъ дѣлается очевиднымъ, что Александръ сличалъ новоисправленный требникъ по преимуществу съ кіевскимъ требникомъ Петра Могилы и показывалъ ихъ разности, а о несходствахъ новаго требника съ прежде изданными московскими требниками говорилъ весьма мало, и что далѣе онъ показывалъ разности, несогласія, поврежденія и въ прежнихъ московскихъ требникахъ, изданныхъ при прежнихъ патріархахъ въ 7131, 139 и 159 годахъ: значитъ, соблазнялся разностями и несогласіями не въ одномъ новоисправленномъ требникѣ, но равно и въ прежнихъ требникахъ, кіевскомъ и московскихъ. Дѣйствительно ли представлялъ Александръ эти вопросы на разсмотрѣніе собора, или только приготовилъ къ представленію вмѣстѣ съ помѣщенною въ началѣ ихъ своею рѣчью къ собору, неизвѣстно; но во всякомъ случаѣ написаны вопросы еще прежде генваря 1666 г., когда они отобраны были, вмѣстѣ съ другими рукописями у Ѳеоктиста, или даже у самого Александра, на Вяткѣ ([337]).

Не таковы были другія лица, выступившія, по оставленіи Никономъ каѳедры, противъ напечатанныхъ при немъ книгъ: романо - борисоглѣбскій попъ Лазарь съ его «единомысленникомъ и способникомъ», патріаршимъ подъякомъ Ѳедоромъ Трофимовымъ, суздальскій соборный попъ Никита Константиновъ Добрынинъ и дьяконъ московскаго благовѣщенскаго (придворнаго) собора Ѳедоръ Ивановъ. Лазарь написалъ довольно большое сочиненіе, въ которомъ старался перечислить всѣ мнимыя новшества, какія будтобы собралъ

([337]) Тамъ же, I, 9. 124—126. 311. 320. 330. 339—341; Опис. рукоп. москов. синод. библ., II, кн. III, стр. 439—441.

Никонъ, съ чернецомъ Арсеніемъ, отъ разныхъ вѣръ, и показать, въ чемъ новыя книги несходны съ старыми и даже между собою, и какія будтобы содержатъ неправые догматы и хульныя слова. Авторъ дышетъ ненавистію на новыя книги и на православную церковь, называетъ эти мнимыя новшества ересями, заимствованными отъ жидовъ, армянъ, латинянъ; рѣзко нападаетъ на архіереевъ, именуя ихъ отступниками отъ православія, соблазнителями, прелестниками, ведущими всѣхъ въ геенну огненную, и проч. Лазарь написалъ свое сочиненіе, вѣроятно, еще въ 1660 году: потому что въ слѣдующемъ оно уже было подано царю патріаршимъ подъякомъ Ѳедоромъ Трофимовымъ, который и самъ написалъ «многія злохуленія» на новопечатныя книги. Царь передалъ сочиненіе Лазаря на разсмотрѣніе духовнымъ властямъ и, по ихъ рѣшенію, сослалъ еще въ томъ же 1661 году какъ попа Лазаря, такъ и подъяка Ѳедора, въ Тобольскъ вмѣстѣ съ ихъ семействами. Тамъ находился тогда въ заточеніи ученый сербскій попъ латинской вѣры Юрій Крижаничъ. Онъ часто видѣлъ Лазаря и Ѳедора, и бесѣдовалъ съ ними, велъ съ ними знакомство, и свидѣтельствуетъ: «Ѳедоръ, какъ пришелъ сюда, не имѣлъ еще уса на губахъ, а чинилъ себя учителемъ въ церкви, и до того досаждалъ женщинамъ, что онѣ отвѣчали ему: ступай де домой учить свою жену. Да и объ Лазарѣ знаетъ весь городъ, что ему иногда улицы бывали тѣсны, и люди его подъ руки водили, когда самъ не могъ дойти до дому. Однажды у меня сидѣлъ онъ съ гостями и сталъ разсказывать гадкія басни; гости повѣсили носы, слыша отъ священника такія рѣчи. Когда гости ушли, я замѣтилъ ему: отецъ Лазарь, разсуди, до чего дошла Христова церковь и

какъ жалко ея устройство, если уже мы беремся ее исправить, мы, которые сами такъ неисправны, да и срамныя басни болтаемъ, и улицы намъ, хмѣльнымъ, бываютъ тѣсны: это не признаки апостоловъ или посланныхъ отъ Бога учителей на исправленіе церкви... Нѣтъ, не святѣйшій Никонъ отступилъ отъ церкви; а ты, отче, самъ отлучаешь себя отъ нея и производишь раздоръ». Къ этому Крижаничъ присовокупилъ: «я не по злобѣ оглашаю (слабости) моего брата, а потому, что Лазарь, учинивъ самъ себя апостоломъ, похулилъ апостольскую церковь. За то я не по злобѣ, но по братской любви къ ближнимъ, припоминаю объ этомъ дивномъ апостолѣ то, чему былъ свидѣтелемъ и нашъ городъ..., да знаютъ всѣ о дѣлахъ и жизни этого главнаго учителя, которому желаютъ ввѣрять свои души, на мнѣніяхъ котораго основываютъ свое спасеніе, и по руководству котораго осуждаютъ всю апостольскую церковь». О поведеніи и нераскаянности попа Лазаря и подьяка Ѳедора, безъ сомнѣнія, получались извѣстія правительствомъ, и вотъ въ началѣ 1666 года оба они были вызваны изъ Тобольска въ Москву, а отсюда, «за ихъ неистовое прекословіе», по указу государя, въ апрѣлѣ отправлены были въ пустозерскій острогъ впредь до новаго государева указа ([338]).

Суздальскій соборный попъ Никита Добрынинъ, подобно протопопамъ Неронову и Аввакуму, былъ характера весьма дерзкаго и задорнаго. Въ 1659 г. онъ, отправившись въ

([338]) Матер. для истор. раск., I, 332, (Снес. 442. 471). 433—439; IV, предисл. XXIV и стр. 179—220; Опис. рукоп. моск. синод. библ., II, кн. 3, стр. 392—394.

Москву, подалъ тамъ доносъ на своего архіепископа Стефана, бывшаго изъ архимандритовъ воскресенскаго никонова монастыря, обвиняя архіерея въ томъ, что онъ «служитъ божественную литургію не по преданію св. апостолъ, и пасетъ церковь Божію не по правиламъ св. отецъ, честнымъ иконамъ и церквамъ и всякой святынѣ ругается, учитъ священный чинъ и всѣхъ христіанъ не отъ божественнаго писанія». Въ этомъ доносѣ уже обнаруживалась непріязнь попа Никиты противъ новопечатныхъ книгъ: потому что въ приложенной къ доносу «Росписи, что̀ дѣлалъ архіепископъ Стефанъ не по правиламъ св. отецъ», ему вмѣнялось, наприм., и то, зачѣмъ онъ, при совершеніи литургіи, стоя на амвонѣ во время трисвятаго, крестъ держалъ въ лѣвой рукѣ, а свѣчу въ правой, какъ поступали тогда, по исправленнымъ книгамъ, и всѣ архіереи. Въ августѣ присланъ былъ изъ Москвы въ Суздаль для производства слѣдствія вятскій епископъ Александръ, съ архимандритами—чудовскимъ Павломъ и богоявленскимъ Кипріаномъ. Стефанъ представилъ имъ объясненія по всѣмъ статьямъ сдѣланнаго на него извѣта и былъ оправданъ. Когда попъ Никита возвратился 16 сентября въ Суздаль, архіепископъ послалъ на другой день въ соборную церковь свою грамату, которою отрѣшалъ Никиту отъ мѣста, и велѣлъ прочитать ее подьячему Андрею предъ всѣмъ народомъ въ церкви. Но Никита вырвалъ изъ рукъ подьячаго грамату и разорвалъ, называлъ архіепископа еретикомъ, государевымъ измѣнникомъ; проклиналъ, и произвелъ большое смятеніе въ церкви; а самъ послалъ челобитную къ государю на архіепископа, съ новою подробнѣйшею «Росписью» его преступленій. Въ Суздаль вновь прибылъ вятскій епископъ Александръ,

взявъ съ собою патріаршаго дьяка Парѳенія Иванова, и на этотъ разъ произвелъ весьма строгое разслѣдованіе, допрашивалъ множество лицъ, во многомъ подтвердившихъ доносъ на архіепископа. Въ 1660 году соборъ слушалъ эти обыскныя рѣчи, и по каждой статьѣ допрашивалъ архіепископа Стефана. Послѣдній, въ чемъ только согрѣшилъ, тутъ же сознавался и нимало не запирался, а только просилъ прощенія, говорилъ, что поступилъ такъ «не отъ злаго своего вымысла, но за простоту и скорое дерзновеніе». Соборъ, осудившій-было Стефана сначала на изверженіе изъ сана, потомъ лишь на посылку въ монастырь подъ начало, съ запрещеніемъ священнослуженія, окончилъ тѣмъ, что удалилъ Стефана изъ Суздаля, «потому что онъ возненавидѣнъ того града людьми», и опредѣлилъ «ради пропитанія», съ соизволенія государя, въ московскій архангельскій соборъ для совершенія въ немъ архіерейскихъ священнослуженій и поминовенія почивающихъ въ соборѣ великихъ князей и царей. Но съ другой стороны, соборъ нашелъ, что Стефанъ «отъ того самаго священника Никиты во иныхъ неистовыхъ статьяхъ напрасно оклеветанъ», и за такое напрасное оклеветаніе своего епископа запретилъ Никитѣ священнослуженіе до святительскаго указа, котораго, однакожъ, Никита не удостоился получить никогда. Находясь подъ этимъ-то запрещеніемъ, Никита и писалъ свою «челобитную царю Алексѣю Михайловичу на книгу Скрижаль и на новоисправленныя церковныя книги». Челобитная Никиты, по своей обширности и основательности, превосходитъ всѣ другія, явившіяся тогда, раскольническія челобитныя; для составленія ея требовалось перечитать немало книгъ, сдѣлать множество выписокъ, подобрать свидѣтельства и все собран-

ное изложить въ порядкѣ, и Никита, какъ самъ говорилъ, трудился надъ нею семь лѣтъ; а какъ въ 1666 году челобитная была уже готова, то онъ началъ ее, вѣроятно, еще въ 1659 г., если не ранѣе. Писалъ онъ ее сперва начерно, потомъ понемногу исправлялъ и переписывалъ набѣло, и по частямъ давалъ читать разнымъ лицамъ, вслѣдствіе чего слухи объ ней дошли до правительства. Въ концѣ 1665 года, когда происходилъ допросъ благовѣщенскому діакону Өедору Иванову, его спрашивали и объ этой челобитной и онъ отвѣчалъ, что «Никита священникъ изъ Суздаля къ нему хаживалъ и челобитную великую къ нему принашивалъ, и ту де челобитную онъ челъ, и, прочетъ тое челобитную, отдалъ ему священнику Никитѣ». А въ первые мѣсяцы слѣдующаго года власти послали въ Суздаль отобрать у Никиты его челобитную, въ черновыхъ тетрадяхъ, и бѣловую, которая была еще не дописана, и самого Никиту сковать и вмѣстѣ съ его рукописями привезти въ Москву (339). Что касается благовѣщенскаго діакона Өедора, то онъ началъ писать противъ новопечатныхъ книгъ позднѣе попа Никиты, нѣсколько лѣтъ держался этихъ книгъ и служилъ по нимъ; но въ душѣ сочувствовалъ расколоучителямъ и мало по малу вступилъ въ ихъ общество, бывалъ у Аввакума въ Москвѣ, былъ знакомъ съ Нероновымъ, Өеоктистомъ, епископомъ Александромъ и другими. Въ мартѣ 1665 года Өедоръ написалъ письмо къ Өеоктисту на Вятку, называя его своимъ другомъ; благодарилъ его и епископа Александра за то, что они своимъ благо-

---

(339) Матер. для истор. раскола, I, 375—380. 401; IV, предисл. VIII—XI и стр. 1—179.

словеніемъ и епистоліями посѣтили и возвеличили его; просилъ Ѳеоктиста умолить Александра, чтобы онъ порадѣлъ о матери нашей, св. соборной церкви, и чтобы оба они собрали отъ книгъ хоть маленькое собраньице объ аллилуіѣ и о сложеніи перстовъ, а самъ обѣщался высылать имъ изъ Москвы для справокъ новыя книги, какія потребуются; извѣщалъ, что грамата царская о возвращеніи Аввакума изъ ссылки не пошла, и что самъ онъ, Ѳедоръ, подавалъ челобитную объ освобожденіи Аввакума царскому духовнику (Лукіану), но онъ съ великою яростью бросилъ ее въ глаза подателю. При своемъ письмѣ діаконъ Ѳедоръ отправилъ къ Ѳеоктисту и письмо къ нему Аввакума, присланное изъ Мезени. Въ декабрѣ тогоже года Ѳедоръ, при допросѣ, объявилъ, что теперь онъ уже не служитъ по новымъ служебникамъ, потому что они несогласны съ старыми и поименовалъ многихъ другихъ, которые также не служили по новымъ служебникамъ, а послѣ допроса отданъ былъ патріаршему старцу Сосѳену и посаженъ на цѣпь ([340]). Писалъ ли діаконъ Ѳедоръ что либо противъ новоизданныхъ книгъ до соборнаго суда надъ нимъ и его единомышленниками, неизвѣстно; но извѣстныя нынѣ его сочиненія, дающія ему одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду первыхъ расколоучителей, написаны имъ частію въ продолженіи собора, а преимущественно послѣ собора, когда онъ, Ѳедоръ, находился въ заточеніи.

Протопопъ Аввакумъ, попы Лазарь и Никита и дьяконъ Ѳедоръ—это были единственные расколоучители, вышедшіе въ то время изъ среды бѣлаго духовенства и пребывшіе вѣр-

---

([340]) Тамъ же, I, 397—407.

ными расколу до конца. Являлись и другія лица изъ тойже среды, державшіяся раскола и даже страдавшія за него, каковъ былъ, напримѣръ, знаменскій попъ Дементьянъ, который сосланъ былъ въ Тобольскъ и оттуда, вмѣстѣ съ попомъ Лазаремъ, переведенъ въ пустозерскій острогъ; но они не оставили по себѣ въ расколѣ никакого слѣда. А иные возвращались даже въ православіе, напримѣръ, попъ придворной ризположенской церкви въ Москвѣ Иродіонъ. Этотъ попъ въ 1660 году подалъ государю письмо на справщика книгъ Арсенія грека съ товарищи, обвиняя ихъ въ ересяхъ. Арсеній, значитъ, и теперь, по удаленіи Никона, оставался во главѣ справщиковъ. Государь переслалъ письмо, 27 декабря, въ патріаршую крестовую палату властямъ, чрезъ окольничаго Ѳедора Михайловича Ртищева, и приказалъ дать попу Иродіону по тому письму очную ставку съ справщиками. На слѣдующій день и происходила эта ставка предъ соборомъ властей. Иродіонъ говорилъ: первая ересь Арсенія съ товарищи та, что они назвали евангелиста Матѳея лживымъ. Они напечатали въ Прологѣ подъ 29 числомъ августа торжественное Златоустово слово, въ которомъ сказано: «единъ Иродъ младенцевъ избилъ и Іоанна Предтечу убилъ»; а по евангелію, Иродъ, избившій виѳлеемскихъ младенцевъ, умеръ, когда Христосъ-младенецъ съ матеріею Маріею и Іосифомъ находился еще въ Египтѣ (Матѳ. 2, 15. 19). Арсеній отвѣчалъ: «то торжественное слово мы написали не отъ себя, а напечатали, по указу великаго государя, въ соборной Минеи». Тогда Иродіонъ сознался: «я де не вѣдалъ, что они печатали съ готоваго; когда у меня не было съ ними брани, я на нихъ ничего не писалъ; а какъ побранился, то и написалъ

на нихъ». Замѣчательное сознаніе! Затѣмъ Иродіонъ продолжалъ: «да и то ихъ ересь: выдали они общую Минею и въ ней помѣстили указъ служить литургію въ навечеріи Рождества Христова и Богоявленія по старымъ служебникамъ, и молитвы архіерейскія предъ престоломъ говорить, и по молитвамъ часы, и двери царскія отворя служить литургію». Справщики отвѣчали: «мы ту Минею печатали, по указу государя, съ старыхъ переводовъ, а ирмосы, догматики, степенныя и богородичныя напечатали въ ней съ печатнаго Ирмолога и съ Часослова». Иродіонъ еще сказалъ: «въ Потребникѣ напечатано помазывать (младенца) мѵромъ на ногахъ; а у насъ де въ Россіи мѵромъ на ногахъ не помазываютъ съ самаго крещенія русской земли». Арсеній отвѣчалъ: «Потребникъ перевелъ я съ греческаго письма, по указу государя, слово въ слово, а отъ своего ума ничего не прибавилъ; пусть провѣрятъ тотъ переводъ, безъ меня, иные переводчики, и они увидятъ, что я перевелъ право». Эти слова Арсенія слѣдовало бы помнить раскольникамъ, которые доселѣ не перестаютъ слѣпо укорять его въ небывалыхъ ересяхъ и въ намѣренномъ будтобы искаженіи церковныхъ книгъ. Попъ Иродіонъ, вѣрно, понялъ свою ошибку, и чрезъ нѣсколько времени сдѣлался ревнителемъ новопечатныхъ книгъ. Онъ былъ перемѣщенъ отъ ризположенской церкви къ церкви св. Софіи—Премудрости Божіей, что̀ вновь была устроена за Москвою рѣкою. И отсюда, взявъ съ собою десять человѣкъ прихожанъ, вмѣстѣ съ попомъ Иваномъ Фокинымъ изъ Барашской слободы, взявшимъ съ собою до 70 прихожанъ, ходилъ въ воскресенскій монастырь къ патріарху Никону, который принялъ ихъ ласково, поучилъ и благословилъ, а по-

повъ и надѣлилъ подарками отъ себя. Съ того времени оба эти попа начали похвалять новыя книги и учить своихъ дѣтей духовныхъ, чтобы крестились тремя перстами, а непокорныхъ проклинали ([341]).

Гораздо болѣе, чѣмъ въ бѣломъ духовенствѣ, нашлось тогда противниковъ новопечатныхъ книгъ между монашествующею братіею. Одни изъ нихъ и писали противъ этихъ книгъ; нѣкоторые же только не соглашались принимать ихъ и возбуждали къ томуже другихъ своимъ словомъ и примѣромъ. Къ первому классу принадлежали: 1) старецъ, а по инымъ, и архимандритъ покровскаго монастыря въ Москвѣ, Спиридонъ Потемкинъ. Онъ былъ изъ дворянской фамиліи, приходился будтобы дядею окольничему Ѳедору Михайловичу Ртищеву и до мороваго повѣтрія или до взятія Смоленска царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ жилъ въ Смоленскѣ. Вѣроятно, тамъ-то онъ и изучилъ языки греческій, латинскій и польскій, и пріобрѣлъ тѣ познанія, которыми славился, и ненависть къ латинянамъ и уніатамъ. Вскорѣ по переселеніи въ Москву, принялъ постриженіе въ покровскомъ монастырѣ, что̀ за Яузою на убогихъ, и, всецѣло предавшись чтенію книгъ, сдѣлался «великимъ поборникомъ по старому благочестію». Когда скончался (14 ноября 1662 г.) новгородскій митрополитъ Макарій, то царь будтобы присылалъ Ѳедора Ртищева къ старцу Спиридону и предлагалъ ему новгородскую каѳедру; но Спиридонъ отказался, не желая принимать новопечатныхъ книгъ. Онъ написалъ противъ православной церкви до десяти

([341]) Тамъ же, I, 434—436. 471—483.

словъ, составляющихъ цѣлую, хотя небольшую, книгу, которая зовется у раскольниковъ такъ: «книга богомудраго старца Спиридона Потемкина». Здѣсь онъ говорилъ и о крестномъ знаменіи, и о сѵмволѣ вѣры, и о пришествіи антихриста, и о томъ, будто ереси въ новопечатныя книги заимствованы отъ латинянъ, и проч. Спиридонъ скончался 2 ноября 1665 г., и не дожилъ до собора, судившаго расколоучителей ([342]). 2) Старецъ Ефремъ Потемкинъ, постриженникъ бизюкова монастыря въ дорогобужскомъ уѣздѣ. Но отсюда Ефремъ удалился въ нижегородскіе предѣлы, и поселился въ дремучихъ лѣсахъ, тянувшихся верстъ на триста по направленію къ Ветлугѣ. Туда стекались къ нему крестьяне изъ окрестныхъ деревень на лыжахъ,—такъ какъ никакихъ дорогъ къ его кельѣ не было,—чтобы слушать его ученіе. Онъ проповѣдывалъ, что антихристъ уже народился, настало послѣднее время, и всякъ долженъ беречь свою старую вѣру, что новопечатныя книги испорчены, церковь увлеклась въ ереси, возставалъ противъ исправленнаго сѵмвола вѣры, четвероконечнаго креста, молитвы Іисусовой, и многихъ прельстилъ. О тѣхъ же самыхъ предметахъ онъ и писалъ; но писанія его не дошли до насъ. 3) Архимандритъ спасскаго монастыря въ Муромѣ Антоній. Онъ написалъ сочиненіе, сохранившееся доселѣ, о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія и для архіерейскаго благословенія, съ мистическими толкованіями; а также—челобитную государю и другія сочиненія—объ аллилуіѣ, о сѵмволѣ вѣры,

---

([342]) *Попов.* Опис. рукописей библіотеки А. И. Хлудова, стр. 514—516. 643—645; *Есипов.* Раскольничьи дѣла XVIII столѣтія, II, матеріалы, стр. 169—174.

до насъ недошедшія, и находился въ сношеніяхъ съ покровительницею расколоучителей боярынею Морозовою. 4) Уставщикъ симонова монастыря въ Москвѣ, старецъ Серапіонъ, прежде бывшій протопопомъ въ Смоленскѣ: также оставилъ какія-то «хульныя писанія» на православную церковь за исправленіе книгъ, до насъ недошедшія ([343]). Изъ числа иноковъ, содѣйствовавшихъ распространенію раскольническихъ мнѣній только устною проповѣдію и своимъ примѣромъ, извѣстны: 1) чернецъ Капитонъ. Онъ былъ поселянинъ дворцоваго села Даниловскаго въ костромскихъ предѣлахъ и, не имѣя чѣмъ питаться, принялъ монашество и удалился въ пустынное мѣсто—Колесниково, гдѣ и началъ жить по образу пустынниковъ. Молва о подвигахъ Капитона привлекала къ нему многихъ изъ поселянъ; нѣкоторые оставались съ нимъ жить и, несмотря на его совершенное невѣжество въ св. книгахъ и безграмотность, имѣли его своимъ наставникомъ. Онъ заповѣдывалъ имъ строгій постъ, такъ что даже въ великіе праздники, на Рождество Христово и на Пасху не разрѣшалъ вкушать рыбы, сыру и масла, и еще настойчивѣе заповѣдывалъ держаться двуперстія въ крестномъ знаменіи и чуждаться троеперстія, какъ страшной ереси. Послѣднимъ своимъ ученіемъ Капитонъ имѣлъ такое обширное вліяніе на всю окрестную страну, что, по его имени, раскольники вообще называемы были капитонами, расколъ «капитонскою ересью», а самъ онъ ересеначальникомъ ([344]). 2) Старецъ Сергій Салты-

---

([143]) Матеріал. для истор. раскола, I, 452; II, 11. 13—15.

([344]) *Игнат. Тобольск.* Послан. III, гл. 15. 25. Въ послѣдней главѣ Игнатій пишетъ: «еретицы капитоны, начало вземше отъ колесниковскаго черица Капитона, жительство имуще въ предѣлѣхъ костромскихъ и вязни-

ковъ, постриженникъ бизюкова монастыря въ дорогобужскомъ уѣздѣ, настолько славившійся между своими единомышленниками, что протопопъ Аввакумъ указывалъ на него царю въ своей челобитной, какъ на достойнѣйшаго занять архіерейскую каѳедру. 3) Строитель лысковскаго богородицкаго монастыря въ нижегородскомъ уѣздѣ, черный попъ Аврамій, недопускавшій въ своемъ монастырѣ употребленія новопечатныхъ книгъ. 4) Старецъ Боголѣпъ Львовъ, ратовавшій въ кожеозерскомъ монастырѣ особенно противъ трегубой аллилуіи и соблазнившій многихъ своею безчинною жизнію. 5) Чернецъ Іосифъ Истоминъ: онъ происходилъ отъ армянъ, принявшихъ крещеніе, при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, въ Казани, и, когда началось исправленіе церковныхъ книгъ и обрядовъ, явился жаркимъ защитникомъ двуперстія въ крестномъ знаменіи; за свое упорство сосланъ былъ въ 1660 г. изъ Казани въ Енисейскъ, и, проѣзжая чрезъ сибирскіе города Верхотурье, Туринскъ и Тюмень, увлекъ своимъ лжеученіемъ многихъ, а въ Енисейскѣ не переставалъ сѣять тоже лжеученіе цѣлые десятки лѣтъ ([345]).

Но мало того, что отдѣльные иноки разныхъ монастырей вооружались противъ новопечатныхъ книгъ, противъ нихъ

ковскихъ». *Шушеринъ* въ своемъ Извѣстіи о патр. Никонѣ говоритъ: «во оная времена (когда Никонъ жилъ еще въ воскресенскомъ монастырѣ) раскольници церковніи умножахуся отъ нѣкоего ересеначальника чернца, глаголемаго Капитона, и вельми на святѣйшаго Никона многая злохуленія глаголаху, и нарицаху его антихристомъ... Тогда царь повсюду капитоновъ оныхъ раскольниковъ всячески изысковаше»... (стр. 51). Самъ Никонъ въ одномъ письмѣ своемъ къ царю изъ кирилловскаго монастыря (1672 г.) выражался о нѣкоемъ Александрѣ Борковѣ, что онъ «держитъ капитонскія ереси». (*Солов.* Истор. Россіи, XI, 470).

([345]) Матер. для исторіи раскола, II, 12—13; *Игнат. тобол.* Послан., стр. 35—37. 108—112. 123. 156—164, Казан. 1855.

возсталъ и цѣлый монастырь соловецкій. Настоятелемъ соловецкаго монастыря былъ тогда архимандритъ Илія, который хотя лично присутствовалъ на московскомъ соборѣ 1654 года и подписался подъ рѣшеніемъ его о необходимости исправленія церковныхъ книгъ, но въ душѣ принадлежалъ къ числу лицъ, нимало не сочувствовавшихъ соборному рѣшенію и крѣпко стоявшихъ за старыя книги. Это обнаружилъ онъ въ слѣдующемъ году, когда съ особенною участливостію принялъ у себя въ монастырѣ бѣжавшаго изъ заточенія протопопа Неронова, величая его страдальцемъ за истину и добрымъ воиномъ,—за что̀ и подвергся временному запрещенію отъ патріарха Никона. Теперь Иліи представился случай засвидѣтельствовать еще яснѣе и рѣшительнѣе свою приверженность къ партіи Неронова. Въ 1657 году, 30 августа, прибылъ въ Холмогоры боярскій сынъ новгородскаго митрополита Макарія Иванъ Малгинъ, развозившій по церквамъ и монастырямъ епархіи новопечатныя церковныя книги, и передалъ здѣсь приказному старцу соловецкаго подворья Іосифу, для отсылки въ монастырь, пятнадцать новыхъ служебниковъ да три другія церковныя книги, взявъ за нихъ 23 рубля, 8 алтынъ и три деньги. Въ октябрѣ старецъ переслалъ книги въ соловецкій монастырь, и архимандритъ Илія, принявъ ихъ тайно «съ своими совѣтники» и не объявивъ никому, положилъ въ казенную палату. Чрезъ нѣсколько времени, однакожъ, объ этомъ узнали въ монастырѣ, и братія начали говорить между собою: «зачѣмъ намъ не покажутъ присланныхъ новыхъ служебниковъ, не дадутъ даже посмотрѣть на нихъ?» Архимандритъ испугался, какъ бы не подвергнуться отвѣтственности, и въ наступившемъ 1658 году, на шестой недѣлѣ

великаго поста, пригласивъ къ себѣ всѣхъ поповъ своей обители, принудилъ ихъ, подъ страшными угрозами, приложить свои руки къ приговору, который самъ же составилъ съ своими совѣтниками, и въ которомъ было написано, будто архимандритъ, по полученіи тѣхъ служебниковъ, давалъ ихъ своимъ попамъ, но попы служить по нимъ не согласились. Попы предлагали архимандриту, чтобы онъ самъ началъ, а за нимъ и они будутъ служить по новымъ служебникамъ; но онъ и слышать о томъ не хотѣлъ, и попа Германа, который осмѣлился отслужить по новому служебнику одну только литургію въ придѣлѣ архидіакона Евѳимія, дважды били за то плетьми. Прошли зимніе мѣсяцы, когда, за льдами, прекращается всякое сообщеніе съ соловецкимъ монастыремъ; открылась навигація, и въ монастырь стали приходить изъ разныхъ мѣстъ Россіи богомольцы. Многіе изъ нихъ начали «зазирать», что въ св. обители доселѣ совершаются службы по старымъ служебникамъ, а не по новымъ, вопреки царскому и патріаршему указамъ. Въ душѣ настоятеля опять возбудились тревоги, и онъ, съ своими совѣтниками, придумалъ новую мѣру, чтобы оградить себя отъ отвѣтственности предъ начальствомъ. Онъ созвалъ, 8 іюня, въ монастырскую трапезу на «черный соборъ» всю братію, даже больничныхъ; пригласилъ также строителя анзерскаго монастыря съ братіею и всѣхъ бывшихъ тогда въ обители богомольцевъ изъ разныхъ городовъ, и со слезами на глазахъ сказалъ къ собравшимся: «видите, братіе, послѣднее время? Возстали новые учители, и отвращаютъ насъ отъ православныя вѣры и отъ отеческаго преданія и велятъ намъ служить на ляцкихъ крыжахъ по новымъ служебникамъ, невѣдомо откуда взятымъ. Помолитесь, братіе,

чтобы Богъ сподобилъ насъ умереть въ православной вѣрѣ, какъ умерли отцы наши, и чтобы латинской службы намъ не принимать». Въ отвѣтъ на это всѣ братія, хотя даже не видѣли новыхъ служебниковъ, чтобы судить о нихъ, подговоренные совѣтниками архимандрита, закричали: «латинской службы и еретическаго чина намъ не принимать, и причащаться отъ такой службы не хотимъ, и тебя, отца нашего, ни въ чемъ не выдадимъ, въ томъ руки приложимъ, всѣ за одно стоять готовы». Тогда архимандритъ прочелъ имъ напередъ составленный въ этомъ именно смыслѣ приговоръ, въ которомъ было изложено, что, когда изъ Холмогоръ присланы были служебники новаго выхода, архимандритъ Илія объявилъ о нихъ священникамъ, діаконамъ и всей братіи на черномъ соборѣ, но священники сказали: «мы учились и привыкли служить по старымъ служебникамъ, по которымъ служили соловецкіе чудотворцы и всѣ прежніе игумены, а служить по новымъ служебникамъ, при старости лѣтъ, а иные и по малограмотности, мы не можемъ научиться и привыкнуть»; братія же всѣмъ соборомъ отвѣчали: «если священники начнутъ служить по новымъ служебникамъ, мы не будемъ отъ нихъ и причащаться, и просимъ у Бога милости, чтобы скончаться намъ въ обители, какъ скончались наши отцы; а если на отца нашего архимандрита Илію выдетъ какая кручина или повелѣніе отъ святѣйшаго патріарха, или новгородскаго митрополита, намъ, всей братіи, бить предъ ними челомъ, своими головами, и стоять всѣмъ за одно, и ни въ чемъ отца нашего архимандрита Илію не выдавать». Приговоръ предложенъ былъ для подписанія, прежде всего, священникамъ, и нѣкоторые изъ нихъ, боясь архимандрита,

безпрекословно подписались; а трое—Виталій, Спиридонъ и Германъ не соглашались подписаться; но на нихъ закричали: «мы васъ живыми изъ трапезы не выпустимъ»,—и они, по неволѣ, должны были уступить. Всего подписалось: десять поповъ соловецкаго монастыря, каждый за себя и за своихъ дѣтей духовныхъ, неумѣющихъ грамотѣ; черный попъ анзерской пустыни за себя и за своихъ дѣтей духовныхъ; келарь, казначей и три соборныхъ старца соловецкой обители; четыре дьякона и 28 чернецовъ, т. е. простыхъ монаховъ тойже обители; келарь больничный за себя и за 67 больничныхъ братій, больничные уставщикъ и два чернеца. Знакъ, что грамотныхъ людей во всей соловецкой обители, съ больничнымъ монастыремъ и анзерскою пустынею, было тогда только до 52 человѣкъ. Но и послѣ подписанія такого приговора архимандритъ не могъ успокоиться, опасаясь, какъ бы на него не донесли. Онъ заклиналъ священниковъ, во время служенія съ ними литургіи, тѣломъ Христовымъ, которое имъ преподавалъ, чтобы они ничего не писали о немъ патріарху или государю; далъ приказъ по монастырю, чтобы никто не принималъ отъ нихъ никакого письма для пересылки; умолялъ о томъ же самихъ богомольцевъ, приглашая къ себѣ, и 18 іюля, позвавъ къ себѣ въ алтарь попа Виталія, одного изъ трехъ, недобровольно подписавшихся подъ приговоромъ, сказалъ: «вы на меня возстаете, не хочете быть въ соединеніи съ нами, и мы васъ проклинаемъ». Виталій отвѣчалъ: «страшно намъ проклятіе св. соборной церкви, святѣйшаго патріарха и всего великаго собора, а твое проклятіе насъ не страшитъ». И, несмотря на всѣ мѣры предосторожности, принятыя архимандритомъ, эти три священника нашли «добра-

го человѣка», и послали съ нимъ къ патріарху Никону свою челобитную на архимандрита. Къ сожалѣнію, патріархъ Никонъ въ то время уже отрекся отъ своей каѳедры,—о чемъ въ соловецкомъ монастырѣ еще не знали,—и челобитная трехъ священниковъ, хотя несомнѣнно была доставлена по назначенію (такъ какъ доселѣ въ подлинникѣ хранится въ московской синодальной библіотекѣ, куда могла попасть изъ патріаршаго архива), не обратила на себя вниманія духовныхъ властей. Это тѣмъ болѣе достойно сожалѣнія, что, какъ видно изъ челобитной, не одинъ архимандритъ Илія ревновалъ въ монастырѣ противъ новопечатныхъ книгъ, но и его совѣтники: келарь Сергій, старцы Савватій Обрютинъ, Евстратій, Макарій Бѣшеной, Герасимъ Фирсовъ, Тихонъ будильникъ и многіе другіе, были уже въ то время «веліе враги и хульники на чинъ св. восточныя церкви»; что архимандритъ Илія уже тогда все поморіе утверждалъ въ своемъ лжеученіи и по всѣмъ монастырскимъ волостямъ и по усольямъ заказывалъ, чтобы отнюдь служебниковъ новыхъ не принимали и крестились по прежнему, а кто крестился тремя перстами, тѣхъ проклиналъ, и что, наконецъ, одинъ изъ названныхъ помощниковъ архимандрита, Герасимъ Фирсовъ еще въ 1658 г. написалъ тетрадки о двуперстномъ сложеніи для крестнаго знаменія, которыя и ходили по рукамъ братіи и другихъ граматныхъ людей. При такихъ условіяхъ расколъ уже тогда могъ болѣе и болѣе укореняться не только въ соловецкомъ монастырѣ, но и во всей окрестной странѣ ([346]).

([346]) Матер. для истор. раскола, I, 140—142; III, 3—12.

Архимандритъ Илія скончался въ 1659 году. На мѣсто его братія избрала постриженника своего же монастыря, іеромонаха Варѳоломея, который жилъ тогда въ званіи приказнаго старца на соловецкомъ подворьѣ въ Вологдѣ. Въ мартѣ 1660 года, на вербное воскресенье, Варѳоломей поставленъ былъ въ Москвѣ въ санъ архимандрита новгородскимъ митрополитомъ Макаріемъ, и затѣмъ присутствовалъ на происходившемъ тогда соборѣ, по дѣлу патріарха Никона, до самаго окончанія собора и подписался подъ его рѣшеніемъ, такъ что могъ отправиться въ свою обитель только въ концѣ августа. Но и новый настоятель соловецкаго монастыря ничего не могъ сдѣлать противъ общаго приговора братіи, состоявшагося 8 іюня 1658 года, о непринятіи новопечатныхъ служебниковъ. И хотя, спустя годъ, успѣлъ-было составить, вмѣстѣ со всѣми священниками монастыря и со всею братіею, на черномъ соборѣ 22 окт. 1661 года, новый приговоръ, чтобы, по примѣру соборной церкви въ Москвѣ и всѣхъ обителей, ввести и въ соловецкомъ монастырѣ «пѣніе нарѣчное» и впредь совершать службы по новоисправленнымъ печатнымъ книгамъ, только этотъ приговоръ остался мертвою буквою и вовсе не исполнялся, какъ и обнаружилось чрезъ нѣкоторое время. Въ началѣ 1663 г., едва только архимандритъ Варѳоломей отправился, по монастырскимъ дѣламъ, въ Москву, какъ въ обители произошла великая смута изъ-за того, что, при совершеніи литургіи нѣкоторыми священниками, замѣтили небольшія отступленія отъ установившагося чина. Особенно нападали всѣ на уставщика іеромонаха Геронтія, обвиняя его, будто онъ приходилъ къ келарю и просилъ новыхъ служебниковъ, все еще находившихся въ монастырскомъ казнохра-

нилищѣ, чтобы по нимъ служить, и, несмотря на клятвенныя удостовѣренія Геронтія, что у него «ни въ умѣ, ни въ помышленіи того никогда не бывало, чтобы желать новыхъ служебниковъ», грозили его убить. Получивъ извѣстіе о смутѣ, архимандритъ поспѣшилъ возвратиться съ дороги въ обитель, и, по разслѣдованіи дѣла, наказавъ виновниковъ смуты, составилъ (16 февраля 1663 г.), вмѣстѣ со всѣми священниками и діаконами монастыря, приговоръ, чтобы «впредь отъ нихъ возмущенія никакого не было и никакихъ чиновъ нововводныхъ»; а кто изъ нихъ станетъ вводить какіе либо новые чины, безъ государева указа и святительскаго повелѣнія, или укорять другаго нововводными чинами, и того не докажетъ, тѣхъ смирять монастырскимъ жестокимъ смиреніемъ; если даже самъ архимандритъ станетъ превращать церковные чины и вводить новые, безъ государя и святительскаго велѣнія, то и архимандриту священники должны смѣло говорить о томъ, а если не послушается, то писать на него новгородскому митрополиту. Послѣ такого приговора о введеніи въ соловецкомъ монастырѣ новыхъ служебниковъ, вмѣсто доселѣ употреблявшихся старыхъ, нечего было и думать, хотя приговоръ не безъ намѣренія изложенный въ такихъ общихъ чертахъ, по буквѣ, вовсе не касался новыхъ служебниковъ. Расколъ не переставалъ укореняться въ монастырѣ. Старецъ Герасимъ Фирсовъ написалъ новое сочиненіе, или только распространилъ прежнее, о сложеніи перстовъ, подъ названіемъ: «посланіе къ брату», помѣстивъ здѣсь многочисленныя выписки изъ разныхъ книгъ и свидѣтельства о двуперстіи, доселѣ употребляемыя раскольниками. А другой старецъ Ѳеоктистъ, находившійся въ изгнаніи въ анзерской пустынѣ, со-

ставилъ «слово о антихристѣ и тайномъ царствѣ его», гдѣ, раскрывая свои мысли, что антихристъ уже царствуетъ въ мірѣ духовно, а чувственно обнаруживаетъ себя въ своихъ предтечахъ—римскихъ папахъ, старался доказать, что и Никонъ есть предтеча антихриста. Оба эти сочиненія, написанныя еще до собора 1666 года, много могли способствовать усиленію раскола въ соловецкомъ монастырѣ и его окрестностяхъ (347).

Какъ ни слаба начертанная нами картина вновь появившагося у насъ раскола, по оставленіи Никономъ патріаршей каѳедры, но и эта картина показываетъ, что расколъ, впродолженіи какихъ нибудь семи или осми лѣтъ наступившаго междупатріаршества, успѣлъ проникнуть во многія мѣста Россіи, вездѣ смущалъ умы вѣрующихъ, вездѣ находилъ не только послѣдователей, но даже проповѣдниковъ, и въ лицѣ главныхъ своихъ вождей успѣлъ открыто заявить свою враждебность и ненависть къ господствующей церкви. Нельзя сказать, чтобы власти духовныя, особенно блюстители патріаршей каѳедры, были невнимательны къ дѣлу, начатому Никономъ. Они продолжали печатать или перепечатывать новоисправленныя книги, и, «по благословенію преосвященныхъ митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ, и всего освященнаго собора межъ патріаршествъ», изданы были въ Москвѣ: Прологъ (1659—1661), Псалтирь слѣдованная (1660), Минея общая съ праздничною (1660—1663), Минеи мѣсячныя (1663),

---

(347) *Досиѳ.* Опис. соловецк. монаст., I, 148; Матер. для истор. раск., III, 13—43. Сочиненіе Фирсова напечатано въ Сборникѣ: «Исторія о отцѣхъ и страдальцѣхъ соловецкихъ». А сочиненіе Ѳеоктиста извѣстно по рукописямъ (Описаніе рукоп. графа Толстова, стр. 517).

Тріодь цвѣтная (1660), Тріодь постная (1663), Шестодневъ (1660. 1662), Требникъ (1662), Каноникъ (1662) и другія ([348]). Въ тоже время власти принимали мѣры и противъ раскола, и, напримѣръ, въ 1661 году, какъ мы видѣли, сослали въ Тобольскъ попа Лазаря и подъяка Ѳедора; въ 1664 году удалили изъ Москвы на Мезень протопопа Аввакума; въ 1665 г. заключили въ монастырь старца Григорія Неронова, хотя нельзя не сознаться, что дѣйствія властей противъ раскола вовсе не отличались ревностію и энергіею. Царь Алексѣй Михайловичъ, какъ мы упоминали, еще въ концѣ 1662 г. выразилъ свою скорбь о несогласіи въ церковныхъ службахъ, производившемъ въ народѣ соблазнъ, а по мѣстамъ и расколы, и тогдаже положилъ созвать для разсужденія объ этомъ соборъ, съ участіемъ восточныхъ патріарховъ; но соборъ не состоялся. Въ началѣ 1655 года посланный царя, приглашая іерусалимскаго патріарха Нектарія въ Москву для суда надъ Никономъ, присовокупилъ: «да есть у насъ и другія дѣла, которыя безъ васъ устроить нельзя,—весь церковный чинъ въ несогласіи, въ церквахъ служитъ всякъ по своему». А къ концу тогоже года, когда Никонъ просилъ позволенія пріѣхать въ Москву, ему отвѣчали, что въ Москвѣ теперь многая мірская молва о разностяхъ въ церковной службѣ и о печатныхъ книгахъ, и что если онъ пріѣдетъ, то можетъ произойти смятеніе. Въ виду этой-то многой мірской молвы, которая могла разразиться са-

---

([348]) Опис. старопеч. книгъ гр. Толстова, №№ 124—126. 130. 131; Дополн. къ Опис., №№ 95—97; Хронолог. указатель славянорусск. печатн. книгъ, №№ 748—790.

мыми худыми послѣдствіями, а съ другой стороны—въ виду того, что прибытія восточныхъ патріарховъ, на судъ которыхъ царь желалъ передать и вопросъ о расколѣ, нельзя еще было ожидать въ скоромъ времени, царь рѣшился въ началѣ 1666 года созвать для этой цѣли на соборъ своихъ только русскихъ архіереевъ съ прочимъ духовенствомъ.

Сказаніе о «дѣяніяхъ» созваннаго теперь московскаго собора, до насъ дошедшее, составлено Симеономъ Полоцкимъ, и мы прежде, нежели начнемъ пользоваться этимъ сказаніемъ, считаемъ нужнымъ нѣсколько познакомиться съ самимъ авторомъ, тѣмъ болѣе, что намъ придется еще неразъ встрѣчаться съ нимъ въ послѣдующей исторіи. Іеромонахъ Симеонъ Петровскій-Ситніановичъ или Ситіановичъ родился въ 1629 году, вѣроятно, въ Бѣлоруссіи. Кто были его родители, и какое имя дано было ему при рожденіи, неизвѣстно. Воспитывался въ кіево-могилянской коллегіи, когда въ числѣ наставниковъ ея находился Лазарь Барановичъ, который потому и называлъ Симеона своимъ ученикомъ. А по выходѣ, въ 1650 г., изъ коллегіи Ситніановичъ, можетъ быть, слушалъ, слѣдуя тогдашнему обычаю, дополнительныя лекціи въ какомъ либо изъ высшихъ іезуитскихъ учебныхъ заведеній, въ Польшѣ или за границею, что̀ и могло послужить поводомъ къ названію у насъ Симеона, въ послѣдующее время, ученикомъ іезуитовъ ([349]). Въ 1656 г. мы видимъ Симеона уже въ Полоцкѣ, какъ инока православнаго богоявленскаго монастыря и въ

([349]) Барановичъ назвалъ Симеона ученикомъ своимъ въ письмѣ къ государю отъ 1669 года (рукоп. москов. синод. библ., № 130, л. 156). А учившимся у іезуитовъ называлъ потомъ Симеона патріархъ Іоакимъ (Опис. рукоп. москов. синод. библ., II, кн. 3, стр. 434. 509).

званіи дидаскала братской школы. Въ этомъ году царь Алексѣй Михайловичъ дважды посѣтилъ Полоцкъ, въ іюлѣ и октябрѣ, и въ одно изъ этихъ посѣщеній молодой учитель богоявленской школы имѣлъ радость поднести царю своего сочиненія «метры на пришествіе великаго государя»... и тѣмъ обратить на себя его вниманіе. Спустя три года, когда чудотворная икона Богоматери, взятая Алексѣемъ Михайловичемъ изъ полоцкаго богоявленскаго монастыря съ собою въ походъ и потомъ въ Москву, принесена была обратно въ новой богатой ризѣ, Симеонъ приготовилъ приличные «вирши» или стихи, которые и были торжественно произнесены восемью его учениками при встрѣчѣ иконы (1 апр.) у большихъ городскихъ воротъ (350). Къ концу 1663 или въ началѣ слѣдующаго года, послѣ того, какъ Полоцкъ снова перешелъ подъ власть Польши, и для православныхъ въ немъ опять настало тяжелое время, Симеонъ Ситніановичъ переселился въ Москву, гдѣ и сдѣлался извѣстнымъ подъ именемъ Симеона Полоцкаго. Въ Москвѣ, по указу государя, поручено было ему обучать латинскому языку молодыхъ подъячихъ тайнаго приказа, чтобы приготовить изъ нихъ хорошихъ переводчиковъ. Обученіе открывалось въ заиконоспасскомъ монастырѣ, и лѣтомъ 1665 г. здѣсь построено было какъ для школы, такъ и для помѣщенія учителя, особое «хоромное строеніе» (351). Могущественный тогда у государя Паисій Лигаридъ въ состояніи

---

(350) О «метрахъ» см. въ Прилож. къ Русск. Архиву 1864 г. «Описаніе патр. библіотеки 1718 года», ст. 42, № 708. А «вирши» помѣщены въ рукописи моск. синод. библ., по стар. катал., № 877, л. 4—8. О возвращеніи означенной иконы въ Полоцкъ—Древн. росс. вивліоѳ. III, 353.

(351) *Забѣлин*. Опыты, I, стр. 196—198.

былъ и самъ оцѣнить умъ и знанія ученаго пришельца изъ Полоцка; но для Симеона на первыхъ порахъ много могъ значить и добрый отзывъ о немъ черниговскаго архипастыря Лазаря Барановича предъ Паисіемъ. Посылая къ послѣднему, при письмѣ отъ 14 авг. 1664 года, книгу іезуита Боймы объ исхожденіи Св. Духа и главенствѣ папы, и приглашая Лигарида провѣрить, по источникамъ, приводимыя въ ней свидѣтельства св. отцевъ, Барановичъ присовокупилъ: «прошу сообщить книгу и достопочтенному отцу Симеону Ситніановичу - Петровскому, знаменитому брату моему, извѣстному своею ученостію: пусть испытаетъ на ней силу ума своего и окажетъ услугу св. церкви, пользуясь помощію твоей святыни». Паисій и Симеонъ служили иногда другъ другу въ качествѣ переводчиковъ. Когда къ концу 1664 года патріархъ Никонъ внезапно явился въ успенскій соборъ, и царь приказалъ позвать къ себѣ для совѣта главнѣйшихъ бояръ и архіереевъ, позванъ былъ также и Симеонъ, чтобы переводить съ латинскаго языка рѣчи Паисія Лигарида, не говорившаго поруски. А спустя около двухъ лѣтъ, когда прибыли въ Москву восточные патріархи, и Симеонъ, вовсе не знавшій погречески, произнесъ предъ ними привѣтственное слово на латинскомъ языкѣ, это слово тотчасъ же переводилось для патріарховъ на греческій языкъ Лигаридомъ, какъ самъ онъ свидѣтельствуетъ въ своей исторіи, называя при этомъ Симеона «ученѣйшимъ» (352).

---

(352) *Баранович.* Письм. IX; Опис. рукоп. моск. синод. библ. II, кн. 2, стр. 100—101; *Лигарид.* О соборѣ на патр. Никона, II, гл. 6.

Описать «дѣянія» московскаго собора 1666 года поручено было Симеону не въ то время, когда происходилъ соборъ, а уже впослѣдствіи, и Симеонъ окончилъ свой трудъ не прежде сентября 1667 года. Это въ строгомъ смыслѣ не есть описаніе соборныхъ дѣяній, какъ они происходили, а есть только сказаніе о нихъ, составленное хотя на основаніи подлинныхъ документовъ, но по личному усмотрѣнію самого автора. Онъ представилъ въ своемъ сказаніи одиннадцать дѣяній соборныхъ такъ, какбудто каждое изъ нихъ совершилось въ одномъ, особомъ засѣданіи собора; а между тѣмъ, при описаніи большей части засѣданій, сказалъ не только о томъ, что происходило въ засѣданіи, но и о томъ, что случилось послѣ съ лицемъ, которое въ засѣданіи было судимо. Въ этомъ, для большаго удобства въ обозрѣніи событій, послѣдуемъ за авторомъ и мы. Нѣкоторыя же засѣданія онъ изобразилъ слишкомъ кратко, и мы постараемся дополнить недостающее въ его сказаніи, при пособіи тѣхъ же самыхъ документовъ, которыми, вѣроятно, пользовался и онъ ([353]). Въ февралѣ 1666 года съѣхались въ Москву, по граматамъ государя, всѣ русскіе архіереи, и въ томъ же февралѣ имѣли первое свое соборное засѣданіе, которое, по справедливости, можно назвать только предварительнымъ. Оно происходило въ крестовой патріаршей палатѣ, и на немъ присутствовало: пять митрополитовъ: Питиримъ новгородскій, Лаврентій казанскій, Іона ростовскій, Павелъ сарскій и подонскій и Ѳеодосій сербскій,

([353]) Дѣянія московскаго собора 1666 года напечатаны: 1) въ Дополн. къ акт. истор. V, № 102; 2) въ Матеріал. для исторіи раскола, II, 49 — 144; 3) въ особой книгѣ подъ заглавіемъ: «Дѣянія соборовъ 1666—1667 года».

и пять архіепископовъ: Симонъ вологодскій, Филаретъ смоленскій, Иларіонъ рязанскій, Іоасафъ тверскій и Арсеній псковскій. Они, при самомъ открытіи засѣданія, постановили: прежде, нежели начнемъ судить другихъ за уклоненіе отъ православія въ расколъ, мы должны соиспытать и совопросить о томъ же другъ друга любовно между собою, чтобы не пришлось кому либо изъ насъ услышать: *врачу, исцѣлися самъ*, или: *что видиши сучецъ, иже во оцѣ брата твоего, бревна же, еже во оцѣ твоемъ, не чуеши? Лицемѣре, изми первѣе бревно изъ очесе твоего, и тогда узриши изъяти сучецъ изъ очесе брата твоего* (Матѳ. 7, 3. 5). И потому первѣе всего каждый изъ архіереевъ прочелъ во всеуслышаніе символъ православной вѣры, и когда увидѣли, что всѣ они въ исповѣданіи символа согласны и единомысленны, то предложили еще другъ другу дать отвѣты на слѣдующіе вопросы: а) какъ признавать святѣйшихъ патріарховъ греческихъ, константинопольскаго, александрійскаго, антіохійскаго и іерусалимскаго: православны ли они? б) книги греческія, печатныя и древнія рукописныя, по которымъ греческіе патріархи и священники совершаютъ всѣ богослуженія, правильны ли и достовѣрны? в) московскій соборъ 1654 г., бывшій въ царскихъ палатахъ при патріархѣ Никонѣ, признавать ли за соборъ правильный? Новгородскій митрополитъ Питиримъ первый написалъ свои отвѣты, что онъ признаетъ и исповѣдуетъ православными и всѣхъ греческихъ патріарховъ, и употребляемыя ими богослужебныя книги, и московскій соборъ 1654 г., бывшій въ царскихъ палатахъ, и собственноручно подписалъ свое исповѣданіе. Подобные же отвѣты написали, одинъ за другимъ, и всѣ прочіе архіереи, и подписали своими руками. А въ

концѣ свитка, на которомъ помѣщены были всѣ эти рукописанія архіереевъ, они начертали символъ вѣры въ томъ самомъ видѣ, какъ онъ былъ произнесенъ каждымъ изъ нихъ на соборѣ и напечатанъ въ новоисправленныхъ книгахъ ([354]). Вслѣдъ за архіереями подобныя же письменныя заявленія дали и архимандриты монастырей: троицесергіева Іоасафъ, новоспасскаго Іосифъ, юрьева новгородскаго Ѳеодосій, хутыня новгородскаго Іосифъ, знаменскаго московскаго Арсеній, николоутрѣшскаго Викентій. Легко понять, почему наши святители, собравшіеся для суда надъ расколомъ, желая предварительно удостовѣриться, не причастенъ ли кто изъ нихъ самихъ томуже грѣху, предложили другъ другу эти именно, а не другіе вопросы. Сущность появившагося у насъ раскольническаго ученія состояла именно въ томъ, что русскія церковныя книги, напечатанныя до патріарха Никона, во всемъ исправны, православны, и не требовали исправленія; что московскій соборъ 1654 года, опредѣлившій исправленіе ихъ,

---

([354]) Всѣ эти отвѣты, или исповѣданія архіереевъ и архимандритовъ, напечатаны въ Матер. для истор. раскола II, 34 — 44. Отвѣты были подобные, а не тожественные и, напримѣръ, Лаврентій митрополитъ казанскій упомянулъ въ своемъ отвѣтѣ не только о соборѣ 1654 г., но и о соборѣ 1656 года, на которомъ самъ присутствовалъ, и оба собора призналъ православными. Всѣ эти отвѣты, за собственноручными подписями, находятся въ одномъ изъ 13-ти свитковъ московской синод. библіотеки, содержащихъ въ себѣ «Подлинное дѣло Никона», именно въ свиткѣ VII. Здѣсь подъ нѣкоторыми отвѣтами означено время ихъ написанія,—напримѣръ, подъ отвѣтомъ Лаврентія м. казанскаго: «лѣта... 1666, мѣс. февраля въ 26 день»; подъ отвѣтомъ Ѳеодосія м. сербскаго: «л. 1666, мѣсяц. февр. въ 16 день»; точно также и подъ отвѣтомъ смоленскаго архіепископа Филарета; а подъ отвѣтомъ псковскаго архіепископа Арсенія: «л. 1666, мѣс. февр. въ день». Такая разность въ числахъ мѣсяца наводитъ на мысль, что не всѣ отвѣты написаны въ самомъ засѣданіи собора, а нѣкоторые написаны послѣ.

есть соборъ незаконный; что греческія книги, по которымъ совершено при Никонѣ исправленіе нашихъ книгъ, испорчены и наполнены ересями, и сами греческіе патріархи, находясь подъ игомъ невѣрныхъ, уклонились отъ православія. Потому-то, какъ увидимъ, эти же самые вопросы предлагаемы были на соборѣ и другимъ лицамъ, которыя обвинялись въ принадлежности къ расколу.

Второе засѣданіе собора совершилось только 29 апрѣля, въ недѣлю св. женъ мvроносицъ, слѣд. спустя около двухъ мѣсяцевъ послѣ перваго засѣданія. Такое замедленіе могло зависѣть отъ того, что признали, можетъ быть, неудобнымъ открыто заниматься судомъ надъ раскольниками и волновать народъ впродолженіе св. великаго поста, который начался въ томъ году 25 февраля, и впродолженіе св. пасхальной недѣли, а занимались впродолженіе всего означеннаго времени только приготовительными работами для собора, предварительными допросами и увѣщаніями лицъ, которыя должны были судиться на соборѣ [355]. Это второе засѣданіе въ дѣйствительности было первымъ: потому что на немъ только послѣдовало торжественное открытіе собора самимъ государемъ. Засѣданіе происходило не въ патріаршей крестовой, а въ царской столовой палатѣ. Когда собрались въ нее всѣ архіереи, бывшіе и на первомъ засѣданіи, кромѣ митрополита сербскаго, и

---

(355) Такъ, марта 7 былъ допрашиваемъ суздальскій попъ Никита касательно одного мѣста его челобитной, которая, слѣдовательно, тогда кѣмъ-то уже разсматривалась (Матер. для истор. раск., I, 380); апрѣля 5 былъ на допросѣ старецъ Германъ, а вообще въ апрѣлѣ, неизвѣстно какого числа, давалъ показаніе муромскій архимандритъ Антоній (тамъ же, I, 454. 468; II, 18—19).

прочіе члены духовенства, равно и царскій синклитъ, князья, бояре, окольничіе и думные люди, тогда вышелъ и царь, и обратился къ духовенству съ рѣчью. Онъ выразилъ свою радость при видѣ собравшихся архипастырей своей земли, но вмѣстѣ и свою скорбь при воспоминаніи о томъ, что понудило его созвать ихъ. «Небесный Домовладыка, говорилъ царь, посѣялъ на нивѣ нашей православной державы одну только чистую пшеницу благочестія; но врагъ завистливый, спящимъ намъ, кому поручено быть стражами пшеницы, всѣялъ въ ней куколь—душепагубные расколы... Уже богохульное ученіе обносится не только въ разныхъ странахъ Богомъ врученнаго намъ царства, по городамъ и весямъ, но вторглось въ самую нашу столицу, коснулось нашего слуха, представлено намъ въ свиткахъ. И мы узнали, что оно содержитъ слѣдующія хулы: нынѣшняя церковь не есть церковь, тайны въ ней божественныя—не тайны, крещеніе—не крещеніе, архіереи—не архіереи, ученіе неправедное, и все въ ней скверно и неблагочестно. Многіе скудоумные заразились этимъ лжеученіемъ и, какбы обезумѣвъ, уклонились въ нововозникшія сонмища, отвергли крещеніе, не исповѣдуютъ своихъ грѣховъ іереямъ Божіимъ, не причащаются животворящимъ тайнамъ и совсѣмъ отчуждились отъ церкви и отъ Бога». Изобразивъ такими яркими чертами положеніе раскола въ Россіи, царь умолялъ архипастырей и пастырей со всѣмъ тщаніемъ заняться этимъ дѣломъ, чтобы за свое нерадѣніе и небрежность не отвѣчать имъ предъ Богомъ въ день страшнаго суда, а о себѣ свидѣтельствовалъ, что готовъ положить за церковь Божію все свое и самого себя. Затѣмъ царь объявилъ, что онъ въ то самое время, какъ размышлялъ объ утоленіи мятежа церковнаго,

обрѣлъ, при помощи Божіей, въ своей царской сокровищницѣ безцѣнный бисеръ—книгу «Хризовулъ», утвержденную всѣми восточными патріархами и другими греческими архіереями и присланную ими царю Ѳедору Ивановичу и патріарху Іову (разумѣлось извѣстное опредѣленіе цареградскаго собора 12 февр. 1593 года о русскомъ патріаршествѣ), и, называя эту книгу даннымъ отъ Бога оружіемъ противъ раскола, пожелалъ прежде самъ прочитать ее на соборѣ и потомъ уже передать архіереямъ. Принявъ на то благословеніе отъ святителей, царь сѣлъ на свое царское мѣсто, велѣлъ также сѣсть архіереямъ и боярамъ, и, сидя, читалъ всю книгу. Когда же дошелъ до сѵмвола вѣры, начертаннаго въ книгѣ, то поднялся и прочелъ сѵмволъ, стоя, и спросилъ архіереевъ и бояръ: такъ ли они содержатъ св. сѵмволъ и прочіе догматы, какъ изложено въ «Хризовулѣ»? На рѣчь царя отвѣчалъ отъ лица собора новгородскій митрополитъ Питиримъ также рѣчью: благодаримъ Бога, благоволившаго даровать церкви своей такого добраго и ревностнаго стража и поборника; благодаримъ и самого государя, величая его вторымъ Константиномъ, истиннымъ расширителемъ православія, вѣрнымъ слугою Христовымъ, теплымъ рачителемъ каѳолическія вѣры; свидѣтельствовалъ, что всѣ собравшіеся архипастыри вѣруютъ и содержатъ сѵмволъ и всѣ догматы точно такъ, какъ прочитано государемъ въ книгѣ Хризовулъ, и готовы употребить всѣ мѣры противъ враговъ церкви, при пособіи крѣпкой царской десницы. По окончаніи рѣчи митрополита, царь поцѣловалъ сѵмволъ вѣры, начертанный въ книгѣ Хризовулъ, и передалъ собору; архіереи всѣ, одинъ за другимъ, такъ же поцѣловали, и передали боярамъ, окольничимъ и думнымъ людямъ, которые поступили такъ же. И по-

томъ велѣно было чудовскому архимандриту Іоакиму отнести книгу Хризовулъ, какъ духовное сокровище, въ успенскій соборъ, и засѣданіе окончилось.

Всѣ послѣдующія засѣданія собора происходили въ патріаршей крестовой палатѣ, и на нихъ присутствовало только духовенство; но время этихъ засѣданій, къ сожалѣнію, съ точностію не обозначено въ «Дѣяніяхъ» собора. Съ третьяго засѣданія начался судъ надъ лицами, которыя подозрѣвались въ противленіи церкви и принадлежности къ расколу. И первымъ приглашенъ былъ и предсталъ предъ лице собора епископъ вятскій Александръ, который потому-то, какъ подозрѣваемый, и не участвовалъ въ двухъ предшествовавшихъ засѣданіяхъ. Его вопросили: признаетъ ли своимъ писаніе, въ которомъ похулилъ исправленіе св. символа, новопечатныя книги и иные чины церковные? Александръ не отрекся отъ своего писанія, но только молилъ удостовѣрить его, что новоисправленныя книги и символъ чужды погрѣшностей. При этомъ, вѣроятно, онъ и представилъ на разрѣшеніе собора свои вопросы, написанные еще прежде, о которыхъ мы упоминали. Бывшіе на соборѣ пастыри и учители разрѣшили всѣ недоумѣнія Александра и «изъяснили ему истину многими книгами, древними, харатейными, и твердыми доказательствами»,—на что̀, безъ сомнѣнія, потребовалось немало времени. И онъ, просвѣщенный благодатію Божіею, тотчасъ же написалъ покаянный свитокъ и вручилъ собору. Въ свиткѣ этомъ, епископъ Александръ, сначала, по примѣру другихъ архіереевъ, высказалъ свое исповѣданіе, что признаетъ всѣхъ восточныхъ патріарховъ православными, книги ихъ греческія, печатныя и рукописныя, пріемлетъ безъ всякаго сомнѣнія, и

московскій соборъ 1654 года во всемъ пріемлетъ и лобызаетъ; а затѣмъ продолжалъ: «пріемлю также и лобызаю и новоисправленныя книги, особенно же сумволъ вѣры, который, ради удостовѣренія, я подписалъ своею рукою и подаю нынѣ свящ. собору; равно, безъ всякаго сомнѣнія, пріемлю и о сложеніи перстовъ и прочія исправленія. А что прежде сего я, какъ человѣкъ, смущался о вышеписанномъ, наиболѣе о прилагательномъ имени *истиннаго* въ св. сумволѣ, тѣ всѣ мои сомнѣнія совершенно отвергаю: потому что во всемъ томъ нынѣ истинно увѣрился истиннымъ увѣреніемъ отъ древнихъ рукописныхъ книгъ и отъ греческихъ, особенно же въ томъ, что св. соборная, апостольская, восточная церковь, мать наша, означеннаго прилагательнаго имени въ сумволѣ вѣры никогда не имѣла и не имѣетъ. Посему отнынѣ и я, безъ всякаго сомнѣнія, такъ держу и отъ сердца моего исповѣдую. И ради достовѣрнаго свидѣтельства это исповѣданіе мое подписую моею рукою». По прочтеніи на соборѣ свитка, поданнаго епископомъ Александромъ, онъ «абіе прощенія сподобися; и къ тому не по мятежницѣхъ, но по истинѣ побораше» (356). Александръ, очевидно, если возставалъ прежде противъ новопечатныхъ книгъ, то по одному лишь недоразумѣнію, а не по слѣпому фанатизму, не считалъ казавшихся ему погрѣшностей въ этихъ книгахъ ересями, и имѣлъ настолько здраваго смысла и христіанскаго смиренія, что способенъ былъ

---

(356) Это исповѣданіе епископа Александра, хотя написано гораздо послѣ такихъ же исповѣданій прочихъ архіереевъ, но составляетъ съ ними одинъ свитокъ, будучи приклеено къ нимъ (Матер. для истор. раск., II, 39—40). Подлинное, за подписью самого Александра, находится въ VII свиткѣ изъ XIII-ти, содержащихъ «Подлинное дѣло Никона».

понять и принять вразумленія другихъ архипастырей, сознать свое заблужденіе и покориться церкви. Онъ подалъ добрый примѣръ бывшимъ своимъ единомышленникамъ, среди которыхъ пользовался уваженіемъ по самому своему сану,—и нѣкоторые изъ нихъ, дѣйствительно, послѣдовали его примѣру, но не всѣ.

Въ четвертомъ засѣданіи, на которомъ, вмѣстѣ съ другими русскими святителями, присутствовалъ и вятскій епископъ Александръ, предсталъ предъ лице собора протопопъ Аввакумъ. Онъ еще прежде, недѣль за десять, привезенъ былъ изъ Мезени въ Москву, и, послѣ напрасныхъ увѣщаній, сдѣланныхъ ему крутицкимъ митрополитомъ Павломъ, отосланъ въ пафнутіевъ монастырь подъ начало. Сюда также нѣсколько разъ присылали архіереи убѣждать его, но безуспѣшно, и Аввакумъ даже написалъ въ отвѣтъ имъ, какъ самъ сознается, «съ большою бранью» свою сказку. На соборѣ его допрашивали о тѣхъ хулахъ, которыя написалъ онъ на исправленный символъ вѣры, на троеперстіе въ крестномъ знаменіи, на новоисправленныя книги и исправителей, и о клеветахъ его на московскихъ священниковъ, будто они не вѣруютъ во Христа вочеловѣчившагося, не исповѣдуютъ Его воскресенія, не исповѣдуютъ Духа Святаго истиннымъ, и проч. и проч. Аввакумъ вступилъ въ состязаніе съ отцами собора, упорно отстаивалъ свои мысли, оставался глухъ ко всѣмъ доказательствамъ и убѣжденіямъ, и дерзко «укори въ лице весь освященный соборъ, вся неправославными нарицая». Въ виду такой нераскаянности и ожесточенія, соборъ опредѣлилъ лишить Аввакума священства и предать анаѳемѣ. Опредѣленіе собора исполнено 13-го мая въ соборной церкви успенія прев.

Богородицы. Но Аввакумъ и при этомъ остался себѣ вѣренъ: «власти стригли меня, говоритъ онъ, потомъ и проклинали, а я ихъ проклиналъ сопротивъ; зѣло было мятежно въ обѣдню ту тутъ». Далѣе разсказываетъ еще, будто за него сильно заступилась царица Марья Ильинишна предъ своимъ супругомъ: «какъ стригли (меня), въ то время велико нестроеніе вверху у нихъ бысть съ царицею покойницею; она за насъ стояла тогда, миленькая, напослѣдокъ и отъ казни отпросила меня». Лишенный сана и отлученный отъ церкви, Аввакумъ сосланъ былъ въ угрѣшскій монастырь и заключенъ здѣсь въ темницу, въ которой и содержался подъ стражею до сентября, а въ сентябрѣ перемѣщенъ опять въ боровскій пафнутіевъ монастырь, гдѣ содержался прежде ([357]).

На пятомъ засѣданіи собора читана была «Челобитная» суздальскаго попа Никиты «на книгу Скрижаль и на новоисправленныя церковныя книги», — при чемъ находился и самъ Никита. Во время чтенія присутствовавшіе замѣчали, что въ своей челобитной Никита похулилъ св. отцевъ, Діонисія ареопагита, Василія великаго, Кирилла александрійскаго, Григорія богослова, называя изреченія ихъ, приведенныя въ Скрижали, еретическими; похулилъ патріарха Никона, утверждая, что онъ «совершенно оставилъ христіанскую вѣру и принялъ зловѣріе жидовское и ереси аріеву, несторіеву, македоніеву, діоскорову, аполлинаріеву, маркіонову, и совершенно возлюбилъ богоотметную ересь римскую»; похулилъ всѣхъ греческихъ патріарховъ, архіереевъ, іереевъ и весь греческій народъ, будтобы они не имѣютъ истиннаго крещенія, и всѣ

([357]) Матер. для истор. раскола, I, 359—365. 371—374; V, 68—71.

ихъ свящ. книги полны разныхъ ересей и поврежденій, потому что печатаются въ типографіяхъ венеціанской, парижской и другихъ латинскихъ; похулилъ и новоисправленныя славянскія книги. Когда чтеніе челобитной кончилось, Никиту спросили: «твой ли это свитокъ?» Отвѣчалъ: «мой». Еще спросили: «такъ ли ты содержишь и вѣруешь, какъ написалъ въ свиткѣ?» Отвѣчалъ: «не иначе». Тогда архіереи начали вразумлять его, объяснять и обличать его заблужденія отъ божественнаго писанія; но Никита не хотѣлъ и слушать, говоря, что самъ знаетъ писаніе лучше всѣхъ архіеревъ, и рѣзко порицалъ ихъ. Архіереи, не обращая вниманія на всѣ эти нестерпимыя укоризны и ругательства, не переставали убѣждать и умолять его къ обращенію: все было напрасно. Какъ упорнаго и ожесточеннаго въ своей злобѣ, попа Никиту, который уже около семи лѣтъ находился въ запрещеніи, соборъ опредѣлилъ совсѣмъ лишить священства и отлучить отъ церкви. По исполненіи этого приговора, 10 мая, въ соборной церкви успенія пресв. Богородицы, Никита сосланъ былъ, вслѣдъ за Аввакумомъ, въ угрѣшскій монастырь и заключенъ тамъ въ темницу; но не захотѣлъ страдать, подобно Аввакуму, за свои убѣжденія, и скоро, хотя притворно, какъ показали послѣдствія, началъ каяться. Уже 2-го іюня онъ заявилъ угрѣшскому игумену Викентію, приходившему испытать его въ темницѣ, что сознаетъ свою вину предъ государемъ, проситъ прощенія у свящ. собора и готовъ во всемъ послѣдовать св. соборной церкви. А затѣмъ написалъ челобитную къ самому государю и двѣ челобитныя, изъ которыхъ одна помѣчена 21-мъ іюня, къ свящ. собору. У государя просилъ милости и прощенія за то, что оскорбилъ его

и подвигъ на гнѣвъ своимъ невѣжествомъ; а предъ свящ. соборомъ приносилъ полное покаяніе, и излагалъ свое исповѣданіе, что признаетъ православными всѣхъ греческихъ патріарховъ и ихъ книги, печатныя и рукописныя, всѣхъ русскихъ архіереевъ и самого бывшаго патріарха Никона, котораго прежде называлъ еретикомъ, и всѣ новоисправленныя при немъ книги, которыя, по безумію, называлъ никоніанскою ересью; пріемлетъ новоисправленный сѵмволъ вѣры, троеперстіе для крестнаго знаменія, книгу Скрижаль, и обѣщается быть сыномъ св. восточной церкви, всегда единомысленнымъ съ нею. По прочтеніи этого исповѣданія на соборѣ, всѣ возрадовались духомъ о раскаявшемся грѣшникѣ и благодарили за него Бога; но не рѣшились тотчасъ разрѣшить Никиту и возсоединить съ церковію, а положили подвергнуть его на нѣкоторое время искусу, чтобы удостовѣриться, не притворно ли онъ кается ([358]).

Въ шестое засѣданіе собора приведенъ былъ для допроса діаконъ московскаго благовѣщенскаго собора Ѳедоръ Ивановъ. Его спрашивали (11-го мая): признаетъ ли греческихъ патріарховъ православными? И онъ отвѣчалъ: патріархи неправославны, потому что содержатъ обливательное крещеніе и сложеніе трехъ перстовъ для крестнаго знаменія, какъ видно изъ «Пренія» старца Арсенія Суханова «съ греки», и подалъ списокъ этого пренія, за своею печатью, архіереямъ. Спрашивали потомъ: признаетъ ли русскихъ архіереевъ православными? Ѳедоръ сказалъ: «Богъ де васъ, архіереевъ, знаетъ, потому что нудите и учите, вопреки церковнымъ догматамъ,

---

([358]) Тамъ же, I, 381—389. 418; II, 11. 83—90.

о св. сѵмволѣ, объ аллилуіѣ и о сложеніи перстовъ, мерзко, нечестиво и хульно, по прельщенію отъ сатаны», и подалъ собору свое «письмо», въ которомъ изложилъ свидѣтельства изъ книгъ въ защиту сугубой аллилуіи, двуперстія и сѵмвола вѣры до его исправленія. Напрасно архіереи старались показать Ѳедору, что всѣ исправленія въ новопечатныхъ книгахъ согласны съ преданіемъ св. отцевъ: онъ еще болѣе упорствовалъ и ожесточался. Чрезъ два дня (13 мая) соборъ изрекъ свой приговоръ на дьякона Ѳедора о лишеніи его сана и отлученіи отъ церкви. И въ тотъ же день Ѳедоръ, вмѣстѣ съ протопопомъ Аввакумомъ, былъ разстриженъ въ соборной церкви и преданъ анаѳемѣ. Когда же выведенъ былъ изъ церкви, то, поднявъ руку и сложивъ два перста для крестнаго знаменія, громко кричалъ къ собравшемуся народу: «за сію истину стражду и умираю, братія, и за прочіе догматы церковные». На третій день, раннимъ утромъ, повезли Ѳедора, подъ охраною вооруженныхъ стрѣльцовъ, въ угрѣшскій монастырь не прямою дорогою, а по болотамъ,—позади также везли и Аввакума,—и, привезши въ монастырь, разсадили обоихъ въ особыя темницы, и сторожить ихъ поставили стрѣльцовъ. Недѣли черезъ три, сдѣлавшись очень больнымъ, Ѳедоръ просилъ себѣ духовника. Власти приказали изъ Москвы исповѣдать его и пріобщить, если покоряется церкви. И 2-го іюня, когда угрѣшскій игуменъ Викентій спрашивалъ Ѳедора, покоряется ли онъ св. церкви, онъ далъ сказку, что винится предъ государемъ, проситъ прощенія у освященнаго собора и даетъ обѣщаніе не возвращаться на прежнее, а во всемъ слѣдовать св. церкви и освященному собору. Чрезъ нѣсколько времени написалъ и послалъ въ Москву другое такоеже по-

каянное письмо. И 26-го августа государь, обрадованный рожденіемъ ему сына, царевича Ивана Алексѣевича, приказалъ освободить Өедора и бывшаго попа Никиту изъ темницы и привезти въ Москву. А на слѣдующій день, 27 августа, Өедоръ далъ сказку въ патріаршемъ приказѣ, что приноситъ Господу Богу чистое покаяніе и проситъ у великаго государя милости, а у освященнаго собора прощенія и разрѣшенія, что отнынѣ во всемъ повинуется этому собору, пріемлетъ символъ вѣры и вѣруетъ о крестѣ, сложеніи перстовъ, трегубой аллилуіи и о всѣхъ церковныхъ догматахъ точно такъ, какъ напечатано въ Скрижали и новоисправленныхъ церковныхъ книгахъ, и ни въ чемъ впредь освященному собору прекословить не будетъ. Архіереи повѣрили раскаянію Өедора, и велѣли ему побыть на нѣкоторое время въ покровскомъ монастырѣ на убогихъ, «ради совершеннаго покаянія и исправленія». Но онъ тайно бѣжалъ оттуда и, взявъ изъ дому жену и дѣтей, скрылся. Когда-же услышалъ, что его вездѣ прилежно разыскиваютъ и другихъ изъ-за него хватаютъ и допрашиваютъ, то самъ явился и, забывъ о своемъ покаяніи, началъ, попрежнему, изрыгать хулы на церковь и новоисправленныя книги ([359]).

Въ седьмомъ своемъ засѣданіи отцы собора были свидѣтелями трогательнаго зрѣлища. Предъ ними предсталъ привезенный изъ далекихъ лѣсовъ ветлужскихъ старецъ Ефремъ Потемкинъ. Его спрашивали: «правда ли, что ты многихъ людей прельстилъ и отвлекъ отъ св. православно-каѳолической церкви; дерзаешь хулить символъ вѣры и всѣ новоисправленныя книги;

([359]) Матер. для истор. раск., I, 426—428; Дворц. разряды, III, 641.

проповѣдуешь пришествіе антихриста, лжепророчествуешь о семилѣтнемъ голодѣ, превратно толкуя евангельскія, апостольскія и пророческія слова; называешь троеперстіе въ крестномъ знаменіи зловѣріемъ и уничижаешь архіерейское благословеніе?» Ефремъ, какъ только услышалъ этотъ вопросъ, весь затрепеталъ, началъ горько плакать и рыдать и, обливаясь слезами, началъ самъ обличать свое прежнее безуміе и заблужденія. Затѣмъ написалъ на бумагѣ свое покаяніе и подалъ святителямъ. Здѣсь онъ заявлялъ, что покоряется во всемъ освященному собору и вѣруетъ во св. соборную и апостольскую церковь; что прежде заблуждался «невѣдѣніемъ книжнаго разума, не зная чину московскихъ обычаевъ, будучи воспитанъ отъ юности въ землѣ польской» (оттудаже, какъ мы упоминали, былъ и старецъ Спиридонъ Потемкинъ, вѣроятно, родственникъ, если не братъ Ефрема); просилъ прощенія, что прежде хулилъ безумно новоисправленныя книги, символъ вѣры, троеперстіе, проповѣдывалъ о пришествіи антихриста и о семилѣтнемъ голодѣ, не умѣя истолковать пророчества Даніилова. Каялся также и просилъ прощенія и въ томъ, что когда былъ строителемъ въ болдинѣ монастырѣ, то прочиталъ среди церкви въ день пятидесятницы только одну молитву, и въ томъ, что нѣсколько уже лѣтъ, живя въ лѣсу и не выходя изъ него, не причащался пречистыхъ таинъ и не имѣлъ духовника. Отцы собора повѣрили искренности раскаянія старца Ефрема Потемкина; но пожелали, чтобы онъ объѣхалъ тѣ мѣста, города и веси, гдѣ прежде сѣялъ расколъ и многихъ прельстилъ; чтобы предъ всѣми обличилъ свое прежнее лжеученіе, и прочелъ свое покаянное писаніе вездѣ, въ Балахнѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ, въ ма-

харьевскомъ желтоводскомъ монастырѣ, и всѣхъ увѣщевалъ обратиться къ св. православной церкви. Въ спутники Ефрему, въ качествѣ свидѣтелей, назначили старца знаменскаго монастыря Филарета и дьякона Василія. Мать Ефрема и сестра, бывшія старицами въ новодѣвичьемъ монастырѣ, подали челобитную освященному собору, чтобы Ефрема не посылали и не подвергали такому всенародному посрамленію. Но самъ Ефремъ отвергъ эту челобитную и охотно отправился въ путь съ назначенными спутниками, вездѣ читалъ покаянное свое воззваніе и умолялъ всѣхъ, кого прежде прельстилъ, обратиться къ св. православной церкви. По возвращеніи въ Москву, ѣздившіе съ Ефремомъ представили собору отчетъ о совершенномъ путешествіи, и соборъ, выслушавъ отчетъ, съ радостію удостовѣрился въ истинномъ покаяніи старца Ефрема, и призналъ его достойнымъ прощенія. Въ назначенный день старецъ прочелъ въ соборной церкви, во время литургіи, предъ всѣмъ народомъ свое «покаянное писаніе», обливаясь слезами, и весь архіерейскій соборъ также всенародно изрекъ покаявшемуся старцу разрѣшеніе и прощеніе. На житье посланъ былъ Ефремъ въ новоспасскій монастырь ([360]).

Восьмое соборное засѣданіе было также радостнымъ для присутствовавшихъ. На немъ принесли покаяніе, одинъ за другимъ, два расколоучителя: старецъ, іеромонахъ бизюкова монастыря Сергій Салтыковъ и старецъ, уставщикъ симонова монастыря Серапіонъ, бывшій смоленскій протопопъ. Старецъ Сергій, тотъ самый, котораго протопопъ Аввакумъ рекомендовалъ царю въ кандидаты архіерейства, своею волею явился

([360]) Тамъ же, I, 445—451; II, 97—105.

на соборъ и, горько рыдая о своемъ прегрѣшеніи, подалъ «покаянное писаніе», въ которомъ говорилъ, что прежде находился въ великомъ смущеніи о св. сѵмволѣ вѣры, о сложеніи перстовъ и о прочемъ новоисправленномъ, но теперь увѣрился во всемъ изъ древнихъ рукописныхъ славянскихъ книгъ, а особенно изъ греческихъ, и радостно пріемлетъ и лобызаетъ новоисправленный сѵмволъ и всѣ другія исправленія въ церковныхъ книгахъ, какъ правыя и истинныя, и за это свое исповѣданіе готовъ пострадать даже до смерти. Вслѣдъ за тѣмъ Сергій далъ писменный отвѣтъ на тѣ три вопроса, на которые отвѣчали, другъ предъ другомъ, на первомъ засѣданіи собора, сами архіереи, т. е. что признаетъ православными греческихъ патріарховъ, греческія книги, печатныя и рукописныя, и московскій соборъ 1654 года. Видя непритворное раскаяніе Сергія, святители простили его и разрѣшили, и отпустили на его обѣщаніе въ дорогобужскій бизюковъ монастырь ([361]).

Старца Серапіона, симоновскаго уставщика, предварительно призывалъ къ себѣ, 15 мая, митрополитъ сарскій и подонскій Павелъ и допрашивалъ: когда находился въ симоновомъ монастырѣ подъ началомъ иконійскій митрополитъ Аѳанасій (выдававшій себя за племянника цареградскаго патріарха), спрашивалъ ли ты его, какъ у грековъ крестятъ младенцевъ, какъ читаютъ сѵмволъ вѣры и какъ слагаютъ персты для крестнаго знаменія? Серапіонъ сказалъ: спрашивалъ, и Аѳанасій мнѣ отвѣчалъ, что у нихъ крестятъ чрезъ обливаніе, читаютъ сѵмволъ, какъ въ новоисправленныхъ церковныхъ книгахъ,

---

([361]) Тамъ же, II, 13. 42. 107—109.

и въ крестномъ знаменіи употребляютъ троеперстіе, а двумя перстами крестятся армяне. А черезъ два дня, 17 мая, будучи позванъ для допроса на соборъ, Серапіонъ подалъ здѣсь слѣдующее писаніе: «святѣйшихъ четырехъ патріарховъ признаю благочестивыми и православными, и вѣру ихъ, и греческія книги ихъ старыя, печатныя и писанныя, и церковную службу, и символъ православныя вѣры, и сложеніе перстовъ во образъ Св. Троицы, похваляю, и собору властей московскаго государства, митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ во всемъ покоряюсь и ни въ чемъ не прекословлю. А что̀ прежде имѣлъ подъ сомнѣніемъ или считалъ невѣрнымъ, по своему неразумію, или кого изъ православныхъ христіанъ въ чемъ соблазнилъ, во всемъ томъ каюся предъ соборомъ и прошу прощенія». Серапіонъ былъ прощенъ, но для совершеннаго исправленія посланъ въ макарьевскій желтоводскій монастырь ([362]).

Въ девятое засѣданіе собора читанъ былъ предъ всѣми свитокъ суздальскаго попа Лазаря, наполненный самыми возмутительными хулами на патріарха Никона и всѣхъ русскихъ архіереевъ, на новоисправленныя книги и на всю православную церковь съ ея ученіемъ и таинствами. Лазарь стоялъ тутъ же, и сколько ни старались его вразумить, обличить, убѣдить въ истинѣ, остался непреклоненъ и «не только не пришелъ въ покаяніе и не просилъ прощенія, но весь священный соборъ укори и неправославными нарече». Надобно замѣтить, что это засѣданіе собора могло происходить лишь въ концѣ сентября, или даже въ октябрѣ: потому что, хотя

([362]) Тамъ же, I, 427—430; II, 15. 43. 109.

еще 14 мая государь подписалъ указъ пустозерскому воеводѣ Диково о немедленной высылкѣ попа Лазаря въ Москву, и въ іюлѣ повторилъ этотъ указъ, но Лазаря тогда еще не было въ Пустозерскѣ, и только 2 августа Лазарь съ Мезени былъ доставленъ въ пустозерскій острогъ, а 31 августа отправленъ отсюда въ Москву. Отцы собора, вѣроятно, потому, что имъ пришлось судить попа Лазаря такъ поздно, незадолго предъ прибытіемъ въ Москву восточныхъ патріарховъ, не произнесли окончательнаго приговора по дѣлу Лазаря, а отложили это дѣло на рѣшеніе восточныхъ патріарховъ, ожидая, что, можетъ быть, до того времени, и самъ Лазарь одумается и сознаетъ свое заблужденіе ([363]).

Въ десятое засѣданіе собора являлись на судъ, одинъ за другимъ, нѣсколько раскольниковъ, и прежде всѣхъ явился первый виновникъ раскола, старецъ-іеромонахъ Григорій Нероновъ, бывшій протопопъ казанскаго собора въ Москвѣ, человѣкъ непостоянный въ своихъ религіозныхъ убѣжденіяхъ. Онъ уже покаялся-было еще во дни патріаршества Никона, и, получивъ прощеніе, убѣждалъ даже своихъ единомышленниковъ послѣдовать его примѣру. Но, по оставленіи Никономъ каѳедры, снова обратился въ расколъ и сдѣлался его проповѣдникомъ. Теперь, призванный на судъ собора, Нероновъ въ другой разъ «отрекся отъ своего ученія, и во свидѣтельство истинности своего обращенія далъ свое рукописаніе»,—это было 1 іюля,—и былъ опять прощенъ. Но, вѣрно, не замедлилъ и теперь измѣнить своему слову и данному рукописанію: потому что 31 августа, по указу государя и по

([363]) Тамъ же, I, 432—440; II, 16. 111—112.

приговору всего освященнаго собора, посланъ былъ въ іосифовъ волоколамскій монастырь «за церковный мятежъ и къ освященному собору за непокореніе», и велѣно было отдать его подъ начало старцу доброму и искусному и «началить, какъ новоначальныхъ старцевъ началятъ, и во всѣ дни приводить въ церковь и ставить на мѣстѣ, гдѣ ставятъ новоначальныхъ старцевъ, и смотрѣть, чтобы въ алтарь не входилъ, въ ризы не облачался, людей не училъ и не благословлялъ, и ничего священническаго не дѣйствовалъ, потому что онъ отъ священнаго собора въ запрещеніи» ([364]).

Вслѣдъ за Нероновымъ предсталъ предъ лице собора и называвшійся ученикомъ Неронова старецъ Ѳеоктистъ, бывшій златоустовскій игуменъ. Онъ также подалъ свое покаянное писаніе, въ которомъ со всею искренностію объяснялъ, почему доселѣ держался раскольническихъ мнѣній, просилъ прощенія и увѣрялъ, что теперь уже пріемлетъ и лобызаетъ и содержитъ новоисправленныя книги, какъ держитъ св. соборная восточная церковь. Отцы собора не рѣшились вдругъ простить Ѳеоктиста, а хотѣли еще испытать, и онъ, по указу государя отъ 16 іюля, отправленъ былъ подъ начало въ пѣсношскій монастырь. Но чрезъ нѣсколько времени прислалъ оттуда къ архіереямъ другое молебное писаніе, въ которомъ умолялъ не сомнѣваться въ искренности его обращенія, изрекалъ анаѳему на прежнее свое мудрованіе и вновь просилъ себѣ прощенія. Вслѣдствіе этого, по указу государеву, отъ 25 октября, былъ вызванъ въ Москву, и, получивъ прощеніе отъ освященнаго собора, отпущенъ былъ, 5 ноября, въ покров-

---

([364]) Тамъ же, I, 220; II, 7. 116.

скій монастырь, что на убогихъ, гдѣ, «поживъ нѣчто времене, съ миромъ ко Господу отъиде» ([365]).

Послѣ Ѳеоктиста на соборѣ допрашивали (1 іюля) старца соловецкаго монастыря Герасима Фирсова. И онъ сказалъ, что въ соловецкомъ монастырѣ по новымъ служебникамъ доселѣ не служатъ и нарѣчнаго пѣнія не поютъ, потому что не было о томъ повелѣнія отъ архимандрита; что онъ, Герасимъ, о крестномъ знаменіи держитъ такъ, какъ напечатано въ Скрижали, а если прежде о томъ соблазнялся по невѣдѣнію, то проситъ прощенія; что символъ вѣры исповѣдуетъ, какъ напечатано въ новоисправленныхъ книгахъ. И когда Герасима спросили: истинно ли и не изъ страха ли только онъ, написавши многія письма на новоисправленныя книги, такъ скоро обѣщается теперь содержать все по этимъ книгамъ?—онъ отвѣчалъ: ей, истинно и не изъ страха; а на тѣ письма обѣщаюсь написать обличенія. И такъ какъ соборъ, выслушавъ Герасима, не положилъ теперь никакого рѣшенія, то 12 іюля онъ опять явился въ засѣданіе собора и со слезами просилъ себѣ прощенія, и тогда посланъ былъ «наставленія ради» въ іосифовъ волоколамскій монастырь. Въ августѣ, 18 числа, велѣно было спросить Герасима, пишетъ ли онъ обличеніе на свои прежнія письма, какъ обѣщался предъ властями. И онъ отвѣчалъ, что доселѣ еще не писалъ, да и книгъ у себя не имѣетъ; а какъ получитъ милость отъ государя и прощеніе отъ освященнаго собора, то не отказывается исполнить свое обѣщаніе. Но скоро Герасимъ тяжко заболѣлъ, и архимандритъ іосифовскій Савватій съ братіею, донося объ

([365]) Тамъ же, I, 344—356; II, 116—117.

этомъ государю, спрашивалъ, можно ли Герасима исповѣдать и пріобщить св. Таинъ. По рѣшенію собора, приказано было предварительно допросить Герасима, истинное ли и неложное покаяніе приноситъ онъ церкви Божіей и освященному собору, и если скажетъ, что истинное и неложное, то исповѣдать его и причастить Христовыхъ Таинъ и погребсти въ іосифовомъ монастырѣ. Указъ этотъ былъ данъ 21 сентября, и старецъ Герасимъ «въ мирѣ уснувъ и почи о Господѣ» ([366]).

Подобнымъ образомъ принесли предъ соборомъ покаяніе еще два старца: Антоній, бывшій архимандритъ муромскаго спасскаго монастыря, и Аврамій, бывшій строитель лысковскаго покровскаго монастыря въ нижегородскомъ уѣздѣ. Первый, въ своемъ покаянномъ свиткѣ отъ 30 мая, признавалъ себя виноватымъ, что писалъ челобитную государю и другія тетради на новоисправленныя книги «отъ невѣдѣнія и отъ ненаученія», и просилъ себѣ прощенія и разрѣшенія, давалъ обѣщаніе содержать впредь и сѵмволъ вѣры и всѣ церковныя службы и келейное правило по новоисправленнымъ печатнымъ книгамъ, и увѣрялъ, что признаетъ восточныхъ патріарховъ и всѣхъ русскихъ архіереевъ православными и во всемъ имъ повинуется. Отцы собора послали Антонія «ради совершеннаго исправленія» въ кирилло-бѣлозерскій монастырь ([367]). Старецъ Аврамій, на допросѣ предъ соборомъ 30 мая, сказалъ, что служилъ доселѣ по старымъ служебникамъ, а не по новымъ, потому что привыкъ служить по старымъ, и сѵмволъ вѣры читалъ попрежнему, а впредь обѣ-

---

([366]) Тамъ же, II, 117; III, 107--110. 113—117.
([367]) Тамъ же, I, 456; II, 117.

щается содержать символъ и всякую церковную службу исправлять по новоисправленнымъ печатнымъ книгамъ, патріарховъ же и всѣхъ русскихъ архіереевъ признаетъ православными и во всемъ имъ повинуется. Соборъ тогоже 30 мая послалъ Аврамія для исправленія въ святотроицкую сергіеву лавру ([368]).

Въ послѣднемъ одинадцатомъ засѣданіи отцы собора держали между собою совѣтъ, чтобы для укрощенія мятежа церковнаго, возбужденнаго раскольниками, написать «наставленіе благочинія церковнаго» и дать для руководства духовенству, а чрезъ него и всѣмъ міряпамъ. Въ этомъ наставленіи отцы собора выразили свое общее опредѣленіе относительно раскола, обличеніемъ котораго доселѣ занимались. Предварительно они кратко объяснили причину, вызвавшую ихъ собраться на соборъ, начертавъ слѣдующую картину: «многіе невѣжды не только изъ простыхъ, но и изъ священныхъ лицъ, одни по невѣдѣнію божественныхъ писаній и порочной жизни, другіе, повидимому и добродѣтельные, но надменные самомнѣніемъ и считая себя мудрыми, хотя исполнены всякаго безсмыслія, третьи, увлекаясь ревностію не по разуму, возмутили души многихъ неутвержденныхъ, иные словомъ, иные же и письменно. Книги печатныя, исправленныя при патріархѣ Никонѣ съ древнихъ греческихъ и русскихъ книгъ, называютъ еретическими, самого Никона всячески злословятъ и хулятъ и весь архіерейскій чинъ уничижаютъ, говорятъ, что церкви теперь не церкви, архіереи не архіереи, священники не священники, и многія другія подобныя хулы. Священники воз-

---

([368]) Тамъ же, I, 458; II, 13. 20. 117—118.

нерадѣли о всякомъ церковномъ благочиніи и попеченіи, за что и отдадутъ отвѣтъ предъ Богомъ, начали гнушаться новопечатныхъ книгъ и не совершаютъ по нимъ божественнаго славословія... А многіе христіане совсѣмъ отлучились отъ церковной молитвы, перестали ходить въ церковь, лишаютъ себя исповѣди и причастія Христовыхъ Таинъ. Въ Москвѣ люди, имѣющіе средства, держатъ по домамъ своихъ вдовыхъ священниковъ, безъ благословенія и свидѣтельства архіерейскаго, часто пришлыхъ изъ другихъ епархій, запрещенныхъ и даже лишенныхъ сана, чтобы только не ходить въ церкви, гдѣ совершаются церковныя службы по новопечатнымъ книгамъ. Между многими въ народѣ распространено мнѣніе, будто церкви, и чины, и таинства, и послѣдованіе церковное осквернены многими ересями и антихристовою скверною». Вслѣдъ затѣмъ самое опредѣленіе свое, направленное противъ раскола, отцы собора изложили въ видѣ «заповѣди» архимандритамъ, игуменамъ, протопопамъ, старостамъ поповскимъ и вообще духовенству: а) чтобы священники учили своихъ дѣтей покоряться во всемъ св. восточной церкви и совершали службы по новоисправленнымъ служебникамъ, требникамъ и прочимъ книгамъ чинно и единогласно: «ибо, говорили отцы собора, патріархъ Никонъ не самъ собою сотворилъ то, но по совѣту святѣйшихъ патріарховъ греческихъ и по согласію русскихъ архіереевъ и всего освященнаго собора исправилъ книги съ греческихъ и древнихъ славянскихъ книгъ; да и мы подробно испытывали нынѣ на соборѣ наши древнія рукописныя славянскія книги, а иныя показывали и вамъ въ патріаршей крестовой палатѣ, и не нашли въ новопечатныхъ нашихъ книгахъ ничего превращеннаго или про-

тивнаго нашей православной вѣрѣ»; б) чтобы просфорницы вездѣ печатали просфоры печатію четвероконечнаго креста, прежнія же печати у нихъ были бы отобраны и въ Москвѣ отданы въ тіунскую избу, а въ прочихъ мѣстахъ десятильникамъ; в) чтобы знаменіе креста творили на себѣ всѣ треия первыми перстами правой руки: «тако бо имутъ вси народи христіанстіи издревле и донынѣ неизмѣнно, подобно и отцы наши, и дѣды, и прадѣды издревле, другъ отъ друга пріемлюще, тако знаменовахуся, якоже и нынѣ видимъ мужей поселянъ неизмѣнно, изъ древняго обычая, тако знаменующихся треми первыми персты»; г) чтобы молитву Іисусову произносили такъ: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ», какъ издревле употребляется она во всей церкви, хотя не осуждаемъ этой молитвы и въ такомъ видѣ: «Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй насъ», какъ иногда произносятъ ее нѣкоторые; д) чтобы священники и сами говорили и людей учили говорить аллилуію трижды, а затѣмъ «слава Тебѣ Боже», по древнему обычаю св. восточной церкви; е) чтобы благословляли священники народъ перстосложеніемъ именословнымъ. Вмѣстѣ съ правилами, направленными противъ раскола, въ наставленіи или опредѣленіи собора изложено нѣсколько правилъ относительно благоповеденія духовенства и церковнаго благочинія, сказано, напримѣръ, какъ хранить св. муро, какъ приготовлять и хранить св. запасные дары, какъ вести записныя книги о рождающихся и сочетавающихся бракомъ и под. Подлинникъ этого своего наставленія отцы собора подписали своими руками, 2 іюля 1666 года, и положили въ соборной церкви успенія пресв. Богородицы въ Москвѣ, а старостамъ поповскимъ дали приказъ,

чтобы всѣ, подвѣдомые каждому изъ нихъ, священники списали для себя копію съ этого наставленія и держали въ своихъ церквахъ ([369]). Достойно особеннаго замѣчанія, что московскій соборъ 1666 года, обличавшій расколоучителей и нѣкоторыхъ изъ нихъ строго осудившій за ихъ нестерпимыя хулы на церковь и противленіе ей, не изрекъ, въ своемъ общемъ опредѣленіи, никакого проклятія и прямаго осужденія на самыя старопечатныя книги, ни на двуперстіе въ крестномъ знаменіи, ни на сугубую аллилуію, ни на другіе обряды, излюбленные раскольниками.

Повторяемъ: дѣянія собора 1666 года, нами разсмотрѣнныя, описаны Симеономъ Полоцкимъ на основаніи подлинныхъ документовъ, и потому описаніе это заслуживаетъ полной вѣры. Но оно,—надобно сказать,—не отличается ни строгою точностію, ни полнотою. По описанію, первое засѣданіе собора происходило въ февралѣ, а послѣднее, когда соборъ подписалъ свое «наставленіе» духовенству, 2 іюля. Между тѣмъ, какъ мы видѣли, засѣданія собора продолжались и около половины іюля (ссылка Герасима Фирсова въ іосифовъ монастырь), и въ концѣ августа (ссылка туда же Неронова), и въ концѣ сентября (допросъ попа Лазаря). Всѣхъ засѣданій или дѣяній соборныхъ было будтобы только одинадцать; но ихъ было больше. Напримѣръ, дѣло благовѣщенскаго діакона Ѳедора разбиралось не въ одномъ засѣданіи—шестомъ, но въ двухъ—11 и 13 мая; старецъ Герасимъ Фирсовъ судился также не въ одномъ засѣданіи—десятомъ, но въ двухъ—1 и 12 іюля; и въ описаніи этого десятаго засѣданія соединены событія, изъ которыхъ одни про-

---

(369) Тамъ же, II, 120 -144.

исходили на соборѣ 30 мая, а другія 1 и 12 іюля. Самый порядокъ соборныхъ засѣданій изложенъ безъ соблюденія хронологіи. Сказано, напримѣръ, что протопопъ Аввакумъ судимъ былъ на четвертомъ засѣданіи, а попъ Никита на пятомъ; между тѣмъ Никита осужденъ 10 мая, а Аввакумъ 13 мая. Сказано, что въ девятомъ засѣданіи допрашивали попа Лазаря, который могъ прибыть въ Москву изъ Пустозерска не раньше конца сентября; а въ десятомъ и одинадцатомъ засѣданіяхъ происходило то, что случилось гораздо прежде, именно 30 мая и 1, 2 и 12 іюля. Видно, что у Симеона Полоцкаго не было подъ руками записей ни о дняхъ, ни о числѣ соборныхъ засѣданій, и потому онъ старался наугадъ распредѣлить находившіяся въ его распоряженіи достовѣрныя извѣстія о дѣяніяхъ собора, и, за исключеніемъ двухъ засѣданій, не обозначилъ въ своемъ описаніи ни числа, ни даже мѣсяца, когда каждое засѣданіе происходило. О нѣкоторыхъ же соборныхъ дѣяніяхъ Симеонъ вовсе не упомянулъ: напримѣръ, умолчалъ почти о всемъ, что касалось соловецкаго монастыря, сказавъ только о допросѣ одного соловецкаго старца Герасима Фирсова. Между тѣмъ соборъ неразъ обращалъ свое вниманіе и на соловецкій монастырь по дѣлу о расколѣ.

Настоятелю соловецкаго монастыря архимандриту Варѳоломею велѣно было царскимъ указомъ ѣхать въ Москву на соборъ и взять съ собою двухъ или трехъ старцевъ, искусныхъ въ божественномъ писаніи. Въ генварѣ или въ началѣ февраля 1666 года Варѳоломей отправился, и какъ братія, предъ его отъѣздомъ, просили его бить челомъ государю, чтобы въ соловецкой обители дозволено было держать весь церковный

чинъ и богослуженіе попрежнему, то Варѳоломей велѣлъ имъ написать о томъ челобитную и прислать къ нему. Челобитная, очень короткая, немедленно была составлена и подписана братіею, а для подписи настоятеля оставлено мѣсто. Здѣсь соловецкіе иноки говорили только, что желаютъ соблюдать во всемъ преданія, церковный чинъ и уставъ препод. отцевъ своихъ Зосимы и Савватія, какъ соблюдалось все это доселѣ, и потому просятъ, чтобы государь не велѣлъ перемѣнять въ соловецкой обители прежняго церковнаго чина и устава. Челобитная послана была 14 февраля вслѣдъ за архимандритомъ Варѳоломеемъ, и получена имъ 28 марта еще въ Вологдѣ. Но когда онъ прибылъ въ Москву и увидѣлъ, какъ тамъ смотрятъ на противящихся новоисправленнымъ печатнымъ книгамъ, то счелъ за лучшее удержать челобитную у себя и не подавать государю. На соборѣ однакожъ, вѣроятно, узнали о челобитной или о нежеланіи соловецкихъ монаховъ принять новопечатныя книги. Самъ Варѳоломей былъ допрошенъ и, подобно другимъ, далъ письменное исповѣданіе, что признаетъ православными восточныхъ патріарховъ и греческія церковныя книги, и московскій соборъ 1654 года, пріемлетъ книгу Скрижаль и символъ въ его исправленномъ видѣ. Изъ соловецкаго монастыря потребованъ былъ царскимъ указомъ на соборъ старецъ Герасимъ Фирсовъ, какъ одинъ изъ главныхъ виновниковъ противленія этой обители церковной власти. А еще до прибытія Фирсова допрошенъ былъ на соборѣ, 31 мая, другой соловецкій старецъ Игнатій, вѣроятно, находившійся въ Москвѣ при своемъ настоятелѣ, и далъ письменный отвѣтъ, что восточныхъ патріарховъ признаетъ истинно православными, церковныя книги, греческія и новоисправленныя рус-

скія, во всемъ пріемлетъ, равно сvмволъ вѣры и сложеніе перстовъ для крестнаго знаменія, какъ напечатано о томъ въ новыхъ печатныхъ книгахъ, пріемлетъ безъ всякаго сомнѣнія и прекословія. Когда же прибылъ Герасимъ Фирсовъ и, 1 іюля, далъ на соборѣ извѣстное уже намъ показаніе, что въ соловецкомъ монастырѣ доселѣ по новоисправленнымъ служебникамъ не служатъ и нарѣчнаго пѣнія не допускаютъ, потому что не было повелѣнія о томъ отъ архимандрита, и что самая челобитная написана братіею по приказанію архимандрита, и онъ, Герасимъ, приложилъ къ ней свою руку только «страха ради», то соборъ потребовалъ отъ Варѳоломея объясненія по этому показанію. И онъ, 13 іюля, въ патріаршей крестовой палатѣ сознался предъ соборомъ, что дѣйствительно служилъ доселѣ въ своей обители по старымъ служебникамъ, потому что всею братіею въ ней, еще при прежнемъ архимандритѣ Иліи, составлены приговоры не принимать новопечатныхъ служебниковъ, что пытался составить съ братіею приговоръ о введеніи нарѣчнаго пѣнія въ обители, но безуспѣшно, и только потерпѣлъ отъ многихъ старцевъ укоризну, и что дѣйствительно дозволилъ братіи составить челобитную, но, получивъ ее, удержалъ у себя и не подавалъ государю, потому что «писана та челобитная не о дѣлѣ». Соборъ потребовалъ именной сказки лицъ, отъ кого въ соловецкомъ монастырѣ чинится мятежъ касательно нарѣчнаго пѣнія и новоисправленныхъ книгъ, и Варѳоломей, вмѣсто именной сказки, подалъ собору самую челобитную, подъ которою находились подписи этихъ лицъ. Тогда соборъ увидѣлъ, что въ противленіи участвуютъ, болѣе или менѣе, всѣ братія соловецкаго монастыря, и призналъ необходимымъ

послать для вразумленія ихъ благонадежнаго человѣка и соборную грамату. Для этого избранъ былъ архимандритъ ярославскаго спасскаго монастыря Сергій, и съ нимъ назначены были ѣхать попъ московскаго успенскаго собора Василій Өеодоровъ, богоявленскаго монастыря іеромонахъ Іоасафъ и іеродіаконъ Адріанъ, да патріаршіе—сынъ боярскій Григорій Черновскій и подъячій Владиміръ Гурьевъ. Въ граматѣ своей къ соловецкимъ инокамъ (отъ 11 іюля) соборъ писалъ, что посылаетъ къ нимъ, для убѣжденія ихъ, архимандрита Сергія и съ нимъ «на ихъ сумнительныя главизны, свидѣтельства ради, и краткіе отвѣты отъ божественнаго писанія и отъ правилъ св. отецъ», чтобы они удостовѣрились въ истинѣ и отнынѣ безъ всякаго прекословія повиновались св. восточной церкви и были въ соединеніи съ нею, а если не покорятся церкви и останутся въ своемъ хульномъ упорствѣ, то угрожалъ священнымъ лицамъ лишеніемъ сана, а простымъ и мірянамъ отлученіемъ (370).

Между тѣмъ, пока дѣлались необходимыя распоряженія для отправки архимандрита Сергія въ соловецкій монастырь, оттуда присланы были къ государю двѣ новыя челобитныя или два доноса. Одна челобитная написана была отъ лица всей братіи, но только частію иноковъ, непріязненныхъ архимандриту Варөоломею, которые, изобразивъ его будтобы крайне зазорную жизнь и перечисливъ цѣлый рядъ его беззаконныхъ дѣйствій, просили перемѣнить его и дать соловецкому монастырю другого настоятеля. Эта челобитная составлена была

(370) Матер. для исторіи раск., II, 42; III, 44—46. 63. 73. 106. 110. 117. 130.

еще въ маѣ старцемъ Герасимомъ Фирсовымъ и единомышленными ему старцами: Геннадіемъ, Александромъ Стуколовымъ, Ефремомъ Каргопольцемъ, Іоною Брызгаломъ и еще немногими, при участіи сосланнаго въ соловецкій монастырь князя Михаила Васильевича Львова; но тогда была разорвана иноками, преданными архимандриту Варѳоломею, какъ извѣщали его келарь Савватій и нѣкоторые другіе старцы. Теперь челобитная эта, переписанная вновь, привезена была въ Москву старцемъ Александромъ Стуколовымъ, и 8 августа подана государю. Другая челобитная написана была въ іюлѣ противъ старца Александра Стуколова и его сообщниковъ келаремъ Савватіемъ и всею братіею соловецкой обители. Братія жаловалась государю на соборныхъ старцевъ Александра Стуколова и Геннадія, да отставленнаго соборнаго старца Ефрема каргопольца, и писала: «по твоему, государь, указу, сосланы къ намъ въ монастырь въ разные годы и мѣсяцы: твой государевъ стольникъ князь Михаилъ Васильевичъ Львовъ, да аѳонскій архимандритъ, лазутчикъ, Ѳеофанъ, (самовольно посѣтившій патр. Никона въ воскресенскомъ монастырѣ), да изъ Москвы козьмодемьянскій попъ Козма, да изъ Вологды попъ Сысой, да рейторского строя ротмистръ Осипъ Пирютинъ, да саввинскіе старцы, и многіе другіе старцы и мірскіе люди разныхъ чиновъ, человѣкъ съ сорокъ; а велѣно ихъ держать въ монастырѣ подъ крѣпкимъ началомъ и за монастырь не пускать и чернилъ съ бумагою имъ не давать. Отъ этихъ-то опальныхъ людей чинятся здѣсь, въ монастырѣ, многіе мятежи и многое безчиніе. А тѣ наши старцы Александръ да Геннадій да Ефремъ живутъ съ ними, опальными, заодно, и мятежи чинятъ, и воровскія письма

составляють, желая вредить обители». Перечисливъ затѣмъ нѣсколько безчинныхъ и зазорныхъ дѣйствій этой партіи и особенно князя Львова, братія просили государя освободить соловецкую обитель отъ такихъ мятежниковъ. Государь, какъ только прочиталъ первую челобитную, передалъ ее архимандриту Варѳоломею, чтобы онъ написалъ по ней свое объясненіе. И Варѳоломей, 11 августа, представилъ государю свои отвѣты на каждое изъ взведенныхъ на него, Варѳоломея, обвиненій въ челобитной: «роспись уликъ» на своихъ доносчиковъ, старцевъ Герасима Фирсова, Геннадія, Александра Стуколова, Ефрема каргопольца и прочихъ, съ подробнымъ указаніемъ безчинствъ и преступленій каждаго изъ нихъ, и свою челобитную, въ которой просилъ, чтобы по всѣмъ обвиненіямъ на него, Варѳоломея, государь приказалъ произвесть розыскъ въ самой обители. Вслѣдствіе этого государь послалъ «наказъ», отъ 14 августа, архимандриту Сергію, отправлявшемуся въ Соловки, чтобы онъ произвелъ тамъ полное разслѣдованіе, какъ по челобитной, поданной нѣкоторыми старцами на архимандрита Варѳоломея, такъ и по челобитной самого Варѳоломея на этихъ старцевъ ([371]).

Въ первыхъ числахъ сентября архимандритъ Сергій съ своею свитою, въ сопровожденіи двадцати московскихъ стрѣльцовъ и ихъ сотника, отправился въ путь, 26 сентября прибылъ въ Архангельскъ, а 4 октября—и въ соловецкій монастырь. Въ тотъ же день всѣ братія созваны были въ главный храмъ, и имъ прочитаны были сперва царскій указъ, потомъ грамата и наказъ освященнаго собора. По окончаніи

([371]) Тамъ же, III, 47—106. 122.

чтенія, тотчасъ раздались крики: «мы указу великаго государя послушны и во всемъ ему повинуемся; а повелѣнія о символѣ вѣры, о сложеніи трехъ перстовъ для крестнаго знаменія, о трегубой аллилуіи, о молитвѣ: Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ, и о новоисправленныхъ печатныхъ книгахъ не пріемлемъ, и слышать не хочемъ, и готовы всѣ пострадать единодушно». При этомъ бывшій архимандритъ Саввы-сторожевскаго монастыря Никаноръ, поднявъ высоко свою руку и сложивъ три первые перста, съ большимъ гнѣвомъ началъ говорить: «то де ученіе, что̀ велятъ креститься тремя перстами, есть преданіе латинское, печать антихристова; я за всѣхъ васъ готовъ ѣхать въ Москву и пострадать». Слѣдуетъ замѣтить, что Никаноръ былъ постриженникъ соловецкаго монастыря, и до 1653 года состоялъ строителемъ соловецкаго подворья въ Вологдѣ. Въ этомъ году избранъ и поставленъ въ архимандрита саввино-сторожевскаго монастыря, наиболѣе любимаго царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, и сдѣлался весьма близкимъ къ нему человѣкомъ. Но ок. 1659 года почему-то просился и уволенъ на покой въ мѣсто своего постриженія, въ соловецкій монастырь. Здѣсь обнаружилось, что Никаноръ принадлежалъ къ числу противниковъ новоисправленныхъ печатныхъ книгъ: онъ велъ переписку съ протопопомъ Аввакумомъ, и Аввакумъ, въ своей извѣстной челобитной, рекомендовалъ его царю, какъ одного изъ достойныхъ для занятія архіерейской каѳедры. Впрочемъ, до настоящаго времени, живя въ соловецкомъ монастырѣ, Никаноръ ничѣмъ не выдѣлялся среди другихъ иноковъ, ревнителей стараго обряда, и только теперь выступилъ въ качествѣ ихъ главнаго предводителя. Когда братія услышала слова Никанора, что онъ

готовъ за всѣхъ ихъ ѣхать въ Москву и пострадать, то начали кричать: «мы всѣ единодушно готовы пострадать, а новой вѣры, и ученія и книгъ отнюдь не примемъ». Поднялся общій шумъ, раздались неистовые крики и бранныя слова. Архимандритъ, съ товарищами, едва уговорилъ шумѣвшихъ, чтобы они выбрали изъ среды своей двухъ или трехъ, съ кѣмъ бы можно было благочинно бесѣдовать о дѣлѣ, и братія указали на чернаго попа Геронтія. Геронтій тотчасъ же, приведя слова молитвы: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ», спросилъ Сергія: «за что вы отъемлете изъ сей молитвы *Сына Божія?*» И всѣ закричали: «охъ, горе намъ, отнимаютъ у насъ Сына Божія! И гдѣ вы дѣвали имя Сына Божія?» Потомъ Геронтій спрашивалъ: «зачѣмъ вы велите говорить аллилуіа трижды и четвертое—слава Тебѣ, Боже? Въ житіи св. Евфросина псковскаго не велѣно говорить аллилуію трижды». И, ставъ высоко на стулѣ, началъ читать всѣмъ это житіе, и возбудилъ шумъ и крики еще больше прежняго. Что ни говорилъ Сергій въ отвѣтъ на предложенные вопросы и для вразумленія заблуждавшихся, его словъ никто не хотѣлъ и слушать. Въ виду такого упорства Сергій и его товарищи стали спрашивать соловецкихъ иноковъ: «царь государь православенъ ли и благочестивъ?» Отвѣчали: «православенъ и благочестивъ». «А повелѣнія его и граматы, которыя съ нами къ вамъ присланы, православны?» На этотъ вопросъ отвѣчали молчаніемъ. Еще спросили: «восточные патріархи и русскіе архіереи со всѣмъ освященнымъ соборомъ православны ли?» — «Патріархи прежде были православны, а нынѣ Богъ ихъ вѣсть, потому что живутъ въ неволѣ; а русскіе архіереи со всѣмъ соборомъ православны». — «А со-

борное повелѣніе ихъ, съ нами къ вамъ присланное, какъ вы считаете?»—«Повелѣнія ихъ не хулимъ, а новыя вѣры и ученія не принимаемъ; держимся преданія св. чудотворцевъ, и за ихъ преданіе хотимъ всѣ умереть охотно». Тогда Сергій, показывая присланную съ нимъ слѣдованную Псалтирь преп. Зосимы чудотворца, спросилъ: «вашей ли обители эта книга, и признаете ли ее честною и святою?» Отвѣчали: «мы слышали про ту книгу, но кто приписалъ ее преп. Зосимѣ и совершалъ ли чудотворецъ Зосима по ней правило, не вѣдаемъ». Сергію поручено было обозрѣть, по граматѣ новгородскаго митрополита Питирима, соловецкую библіотеку и взять изъ нея, подъ росписку, книги, какія окажутся годными для собора. Сергія въ библіотеку не пустили и древнихъ книгъ ему не показали. Вообще къ архимандриту Сергію и его товарищамъ въ соловецкомъ монастырѣ отнеслись недовѣрчиво и непріязненно. Главное лицо въ обители послѣ настоятеля, келарь Савватій Обрютинъ, преданный архимандриту Варѳоломею и нѣсколько обуздывавшій своевольныхъ и мятежныхъ между братіею, былъ смѣненъ ими самоуправно еще до пріѣзда Сергія, и на мѣсто Савватія они успѣли возвести своего единомышленника безграмотнаго чернеца Азарію. Для помѣщенія Сергія и его свиты отвели только двѣ небольшія кельи, и приставили къ нимъ свои караулы, мірскихъ людей съ бердышами и палками. Сергій, приступая къ выполненію другаго, возложеннаго на него порученія, къ производству слѣдствія по извѣстнымъ челобитнымъ, просилъ келаря и соборныхъ старцевъ дать ему именный списокъ всей братіи и мірянъ, живущихъ въ обители: списка ему не дали. Просилъ дать келью какую либо, куда бы онъ могъ приглашать сви-

дѣтелей для допросовъ: и кельи ему не дали. Потому онъ созвалъ всю братію въ соборную церковь и спрашивалъ: писали ли они къ государю челобитную на своего архимандрита Варѳоломея, и они отвѣчали, что не писали и писать не приказывали, а она написана, безъ братскаго совѣта, воровски, немногими лицами. Октября 6 дня братія подали архимандриту Сергію, за своими подписями, сказку, въ которой заявляли, что того «преданія по новымъ книгамъ», по которому онъ присланъ, по указу государя и уложенію освященнаго собора, учить ихъ, они принять не могутъ; что царю государю они во всемъ повинуются, ни въ чемъ не противятся, за него молятся, но желаютъ держаться прежняго преданія св. отцевъ, и то не по упрямству и не по противленію власти, а боясь страшнаго суда Божія, и потому просятъ милости государя, чтобы онъ позволилъ имъ оставаться въ прежнемъ благочестіи, въ которомъ проводили дни св. чудотворцы соловецкіе. Затѣмъ, 12 октября, по отъѣздѣ архимандрита Сергія изъ обители, братія послали государю три челобитныя. Въ одной прямо просили государя, чтобы не велѣлъ принуждать ихъ къ принятію новыхъ книгъ, а позволилъ бы соблюдать въ соловецкой обители прежній церковный чинъ и уставъ препод. Зосимы, Савватія и Германа. Во второй, болѣе обширной, сначала излагали основанія, почему не могутъ принять новыхъ книгъ, ни троеперстія, ни трегубой аллилуіи, ни четвероконечнаго креста, а потомъ усиленно повторяли туже самую свою просьбу. Въ третьей челобитной жаловались на архимандрита Сергія: онъ будтобы только спрашивалъ ихъ, писали ли они челобитную на своего настоятеля Варѳоломея, а самой челобитной напередъ не прочелъ имъ, и они

сказали, что не знаютъ ее; когда же онъ прочелъ челобитную, то они увидѣли, что въ ней про Варѳоломея написано много правды, и хотѣли, каждый, въ подтвержденіе того дать свои сказки; но Сергій поспѣшилъ уѣхать изъ монастыря и сказокъ не взялъ. Въ заключеніе просили государя, чтобы онъ взялъ отъ нихъ Варѳоломея и далъ имъ настоятелемъ бывшаго саввинскаго архимандрита Никанора, или кого другаго, по ихъ выбору. Нѣтъ сомнѣнія, что всѣ эти челобитныя могли дойти до государя, равно и архимандритъ Сергій могъ возвратиться въ Москву, отнюдь не прежде ноября, когда въ нее уже прибыли восточные патріархи, и соборъ русскихъ архіереевъ, доселѣ разсматривавшій дѣла о расколѣ, прекратилъ свои занятія, въ ожиданіи новаго, большаго собора ([372]).

Къ чести московскаго собора 1666 года должно сказать: онъ не ограничился тѣмъ, что допрашивалъ расколоучителей, а обличалъ ихъ, вразумлялъ, убѣждалъ обратиться къ церкви, нерѣдко выслушивая и обсуждая самыя ихъ сочиненія; и призналъ нужнымъ составить для вѣрующихъ особую книгу и въ ней опровергнуть всѣ главныя основанія раскола, какъ они изложены были въ двухъ наиболѣе обширныхъ раскольническихъ сочиненіяхъ того времени: въ челобитной попа Никиты и въ свиткѣ попа Лазаря. Написать опроверженія на челобитную Никиты и заключающіяся въ ней возраженія противъ новоисправленныхъ печатныхъ книгъ царь и соборъ поручили славившемуся своею ученостію Паисію Лигариду. Къ сожалѣнію, Лигаридъ не зналъ русскаго языка, и не могъ

([372]) Тамъ же, I, 198. 338; III, 143—149. 152—175. 182. 192.

прочитать въ подлинникѣ челобитную Никиты, вникнуть въ ея подробности. Нужно было перевесть для Лигарида челобитную на греческій или латинскій языкъ и она была переведена для него, вѣроятно, не въ цѣлости, а только въ сокращеніи, судя потому, что возраженія изъ челобитной приводятся Лигаридомъ не подлинными ея словами, а большею частію въ сокращеніи. Онъ написалъ довольно большое сочиненіе, и помѣстилъ въ немъ 31 «отраженіе» на такое же число взятыхъ изъ челобитной возраженій. Но отраженія Паисія страдали, такъ сказать, общностію: въ каждомъ возраженіи онъ разсматривалъ и опровергалъ преимущественно общую мысль возраженія, не обращая вниманія на частности и на своеобразное раскрытіе ихъ въ челобитной Никиты. И потому, когда отраженія эти, писанныя на латинскомъ языкѣ, были переведены на русскій языкъ Симеономъ Полоцкимъ, то оказалось, что они, при всѣхъ достоинствахъ, не могутъ быть признаны достаточными для цѣли ([373]). По крайней мѣрѣ, соборъ не остановился на сочиненіи Паисія, а поручилъ составить другое сочиненіе на челобитную Никиты и вмѣстѣ на свитокъ попа Лазаря Симеону Полоцкому: это порученіе, какъ можно догадываться, было сдѣлано соборомъ

([373]) Паисій самъ говоритъ, что онъ, по порученію царя и собора, составилъ книгу на «писанія Никиты, ефемернаго теолога, даже концемъ перста не вкусившаго теологіи». И въ тойже главѣ дѣлаетъ такой общій отзывъ о раскольникахъ: «въ россійской церкви возникли новые раскольники—Аввакумъ, Лазарь, Епифаній, Никита, Никаноръ, Фирсъ, не воздержный на слова, какъ Ѳерситъ, Григорій, носящій и названіе Нерона. Безчисленное множество лжи написали они противъ насъ, далеко превышающее зловонный навозъ Авгія» (О соборѣ на Никона, I, гл. 31). Переводъ книги Паисія Лигарида, писанный самимъ Симеономъ Полоцкимъ, польскими буквами, находится въ рукоп. москов. дух. академ., № 68.

7 мая. И Симеонъ, по его собственному свидѣтельству, началъ свой трудъ 18 мая, а окончилъ 13 іюля, т. е. менѣе, чѣмъ въ два мѣсяца, хотя трудъ былъ очень значительный. Сочиненіе свое Симеонъ раздѣлилъ на двѣ части: въ первой изложилъ 30 «возобличеній» на «Никитины обличенія», а во второй 70 «возобличеній» на «обличенія» попа Лазаря. Въ первой части Симеонъ несомнѣнно воспользовался сочиненіемъ Лигарида, позаимствовавъ оттуда многое въ сокращеніи, но еще болѣе помѣстилъ и отъ себя и изложилъ совершенно самостоятельно. Вторая же часть составлена вся самимъ Симеономъ. Книгу Полоцкаго тщательно разсматривалъ соборъ, и призналъ настолько удовлетворительною, что положилъ издать ее отъ своего имени, какбы свое собственное сочиненіе, подъ заглавіемъ: «Жезлъ правленія, утвержденія, наказанія и казненія, сооруженный отъ всего освященнаго собора... въ лѣто 7174, мѣсяца маіа, въ 7 день». Издана, впрочемъ, была эта книга не такъ скоро, уже по благословенію святѣйшихъ патріарховъ Паисія александрійскаго и Макарія антіохійскаго, и первые экземпляры ея, по выходѣ изъ типографіи, были поднесены царю и патріархамъ только 10 іюля 1667 года ([374]).

([374]) Черновый списокъ «Жезла», писанный Симеономъ Полоцкимъ, находится въ тойже рукоп. москов. дух. акад., № 68, и на этомъ спискѣ самимъ авторомъ сдѣлана помѣтка въ началѣ: naczach 1666 maii 18, а въ концѣ другая: finivi 1666 iulii 13. Если такъ: то выраженіе въ заглавіи печатной книги «Жезла», что онъ 7 мая 1666 г. сооруженъ соборомъ, можно понимать развѣ въ томъ смыслѣ, что 7 мая лишь опредѣлено соборомъ и поручено Симеону составить эту книгу, а не въ томъ, будто 7 мая она была уже готова и разсмотрѣна соборомъ. Паисій Лигаридъ говоритъ, будто книга его только сокращена Симеономъ и потомъ издана (о соб. на Никона, I, гл. 31); но Паисій, по незнанію русскаго языка, не могъ судить о содержаніи составленнаго Симеономъ «Жезла». О поднесеніи этой книги, по напечатаніи, царю и патріархамъ—Дополн. къ акт. истор. V, стр. 109.

ГЛАВА III *).

БОЛЬШОЙ СОБОРЪ ВЪ МОСКВѢ, НИЗЛОЖЕНІЕ ПАТРІАРХА НИКОНА И НОВЫЙ ПАТРІАРХЪ ІОАСАФЪ II.

Всѣ соборы, доселѣ бывшіе въ русской церкви, обыкновенно составлялись только изъ ея собственныхъ архипастырей съ подчиненнымъ имъ духовенствомъ. Если же на нѣкоторыхъ нашихъ соборахъ мы встрѣчали и иноземныхъ православныхъ архіереевъ, иногда одного, иногда двухъ-трехъ, не болѣе, то это были архіереи, случайно находившіеся въ Россіи, посѣщавшіе ее для своихъ личныхъ цѣлей, а не для участія въ соборахъ. Такъ присутствовали у насъ на соборахъ и нѣкоторые восточные патріархи, приходившіе къ нашему царю за милостынею: константинопольскій Іеремія—на соборѣ объ учрежденіи патріаршества въ Россіи, іерусалимскій Ѳеофанъ—на соборѣ объ избраніи патріарха Филарета Никитича, антіохійскій Макарій—на соборѣ объ исправленіи служебника и другихъ церковныхъ книгъ.

Не то мы видимъ на соборѣ, теперь состоявшемся въ Москвѣ. На немъ присутствовали не одинъ какой либо, а два восточныхъ патріарха: александрійскій Паисій и антіохійскій Макарій, и не случайно прибывшіе въ Россію, для своихъ цѣлей, а нарочито приглашенные въ Москву для со-

---

*) Этою главою начатъ былъ XIII томъ Исторіи Русской Церкви высокопреосвящ. автора, неоконченный имъ по случаю преждевременной смерти его.

бора. И если не было здѣсь лично двухъ другихъ восточныхъ патріарховъ, константинопольскаго и іерусалимскаго, за то находились изъ константинопольскаго патріархата пять митрополитовъ: никейскій Григорій, амасійскій Козьма, иконійскій Аѳанасій, трапезундскій Филоѳей, варнскій Даніилъ и одинъ архіепископъ—погоніанскій Даніилъ, а изъ іерусалимскаго патріархата и Палестины—газскій митрополитъ Паисій и самостоятельный архіепископъ синайской горы Ананія; да кромѣ того находились: изъ Грузіи митрополитъ Епифаній и изъ Сербіи епископъ Іоакимъ Дьяковичъ. Всего же иноземныхъ архіереевъ присутствовало теперь на соборѣ двѣнадцать, чего прежде никогда у насъ не бывало. Русскіе архипастыри принимали участіе на соборѣ всѣ семнадцать, и именно: митрополиты: новгородскій Питиримъ, казанскій Лаврентій, ростовскій Іона, сарскій Павелъ, архіепископы: вологодскій Симонъ, смоленскій Филаретъ, суздальскій Стефанъ, рязанскій Иларіонъ, тверской Іоасафъ, астраханскій Іосифъ, псковскій Арсеній; епископы: вятскій Александръ и изъ Малороссіи черниговскій Лазарь Барановичъ и мстиславскій Меѳодій, блюститель кіевской митрополіи; а вскорѣ къ нимъ присоединились вновь избранный московскій патріархъ Іоасафъ II и архіереи двухъ новооткрытыхъ епархій: бѣлогородской—митрополитъ Ѳеодосій и коломенской—епископъ Мисаилъ. Такимъ образомъ на московскомъ соборѣ 1666—1667 г. присутствовали: сперва два, потомъ три патріарха, александрійскій, антіохійскій и московскій, двѣнадцать митрополитовъ (5 русскихъ и 7 иноземныхъ), девять архіепископовъ (7 русскихъ и 2 иноземныхъ) и пять епископовъ (4 русскихъ и 1 иноземный), всего 29-ть іерарховъ (хотя, надобно

замѣтить, не на всѣхъ засѣданіяхъ присутствовали всѣ), и въ числѣ этихъ іерарховъ находились представители отъ всѣхъ главныхъ самостоятельныхъ церквей православнаго востока; не говоримъ уже о множествѣ архимандритовъ, игуменовъ и другихъ духовныхъ лицъ, не русскихъ только, но и иноземцевъ. Очень естественно, если такой соборъ, сравнительно со всѣми прежними, называется большимъ соборомъ.

Особое значеніе онъ имѣлъ по отношенію къ тѣмъ соборамъ, которые происходили въ Москвѣ въ послѣднія двѣнадцать лѣтъ и разсуждали то объ исправленіи церковныхъ книгъ, то объ оставленіи Никономъ патріаршей каѳедры, то о появившемся въ церкви расколѣ. Всѣ эти соборы нашли для себя въ большомъ соборѣ не только подкрѣпленіе, но и разъясненіе, дополненіе, какбы завершеніе. Онъ окончательно рѣшилъ вопросы и о патріархѣ Никонѣ, и о новоисправленныхъ при немъ книгахъ, и о появившемся вслѣдствіе исправленія книгъ расколѣ, а вмѣстѣ рѣшилъ и нѣкоторые другіе вопросы для исправленія разныхъ нестроеній и недостатковъ въ русской церкви и для ея дальнѣйшаго благоустройства.

I.

Главная цѣль, для которой приглашены были въ Москву восточные патріархи, состояла въ соборномъ судѣ надъ патріархомъ Никономъ. И они занялись этимъ дѣломъ прежде всего, и занимались около мѣсяца. Всѣхъ собраній собора для суда надъ Никономъ было восемь: три—предварительныхъ или приготовительныхъ, четыре—посвященныхъ самому суду надъ Никономъ (два—суду заочному и два—суду въ присут-

ствіи подсудимаго), и одно—заключительное, на которомъ происходило только объявленіе и исполненіе судебнаго приговора. О соборномъ судѣ надъ Никономъ сохранилась современная запись, составленная царскими дьяками, о первыхъ засѣданіяхъ собора только краткая, а о послѣдующихъ и краткая и довольно подробная. Дополненіями къ этой записи и какбы поясненіями ея могутъ служить, съ одной стороны, сказанія одного изъ присутствовавшихъ на соборѣ, именно Паисія Лигарида, хотя, къ сожалѣнію, о двухъ изъ первыхъ засѣданій онъ говоритъ смѣшанно, безъ соблюденія хронологіи, а съ другой—сказанія дьяка Шушерина, который хотя не присутствовалъ на соборѣ, писалъ о немъ только по слухамъ, спустя около пятнадцати лѣтъ, и не скрываетъ своего пристрастія къ Никону, но также сообщаетъ нѣкоторыя любопытныя подробности. Сохранились еще нѣкоторые подлинные документы, относящіеся къ судебному дѣлу Никонову и краткія современныя сказанія и замѣтки о немъ ([375]).

([375]) 1) Современная запись о судѣ надъ Никономъ, то въ черновомъ видѣ, то въ бѣловомъ, то въ обоихъ видахъ, по мѣстамъ лишь краткая, а по мѣстамъ пространная, находится въ Спб. государственномъ архивѣ, между бумагами о Никонѣ, по описи гг. Ламанскаго и Пекарскаго, за № 119; 2) Сказанія Паисія Лигарида о томъ же—въ его сочин. о соборѣ на патр. Никона, кн. II, гл. 7—16; 3) Сказанія Шушерина—въ его «Извѣстіи» о Никонѣ, стр. 52—80, Москв. 1871; 4) Соборная извѣстительная грамата о низверженіи патр. Никона—въ Собр. государ. грам., IV, № 53; 5) Сказаніе Симеона Полоцкаго о судѣ надъ Никономъ — въ Древн. русс. Вивліоѳ. VI, 282—295, въ I томѣ Полнаго Собр. законовъ, № 397 и въ Матер. для исторіи раскола, II, 166—178; 6) Патріаршіе выходы—въ Дополн. къ акт. истор. V, № 26, стр. 99; 7) Выписка изъ соборнаго суда надъ Никономъ — въ Собр. госуд. грам., IV, № 52: это, впрочемъ, не выписка изъ соборнаго суда, а только краткая черновая замѣтка неизвѣстнаго о судѣ надъ Никономъ, сохранившаяся въ Москов. главн. архивѣ м. и. д. (дѣла греч., связк. 45, № 8) и не имѣющая никакой связи съ прочими бумагами тойже связки. Другіе документы, касающіеся суда надъ Никономъ, будутъ указаны нами далѣе въ примѣчаніяхъ.

Во второй день ноября 1666 года,—такъ начинается современная запись о судѣ надъ Никономъ,—восточные патріархи, александрійскій Паисій и антіохійскій Макарій, прибыли въ Москву...; четвертаго числа представлялись царю въ грановитой палатѣ и удостоились быть у его стола; а пятаго числа «въ третьемъ часу ночи (по тогдашнему счету времени) святѣйшіе патріархи были у великаго государя въ столовой избѣ и сидѣли до десятаго часа, но говорили съ великимъ государемъ наединѣ». О чемъ шла такая продолжительная бесѣда, неизвѣстно; но если и о Никонѣ, что̀ всего вѣроятнѣе, то это была лишь частная, домашняя бесѣда у царя съ патріархами.

Первое засѣданіе собора для суда надъ Никономъ состоялось 7-го ноября, хотя, къ сожалѣнію, и объ этомъ современная запись говоритъ чрезвычайно кратко. Засѣданіе происходило въ столовой избѣ у государя. Здѣсь присутствовали оба патріарха и прочія власти: митрополиты, архіепископы и епископы; присутствовали также самъ царь и его бояре, окольничіе и думные люди. «И вел. государь говорилъ святѣйшимъ патріархамъ о отшествіи съ Москвы Никона патріарха, а власти подали (имъ) за своими руками сказки и выписку изъ правилъ». Дѣло такимъ образомъ началось съ того, съ чего и должно было начаться. Государь объявилъ патріархамъ главную вину Никона, а русскіе архіереи подали имъ, въ доказательство и разъясненіе этой вины, собственноручныя сказки о ней, которыя они составили и разсматривали еще на соборѣ 1660 года, и вмѣстѣ выписку изъ правилъ, тогда же составленную, въ руководство для суда надъ Никономъ. Патріархамъ необходимо было предварительно ознакомиться,

въ чемъ виновенъ Никонъ, дѣйствительно ли виновенъ и чему долженъ подлежать по церковнымъ правиламъ. Кромѣ сказокъ объ отреченіи Никона отъ престола, патріархамъ поданы были для келейнаго разсмотрѣнія, какъ свидѣтельствуетъ Паисій Лигаридъ, разныя краткія записи (λιβέλλοι) и о другихъ проступкахъ Никона и обширная записка, въ видѣ просьбы, въ которой изложены были вмѣстѣ многія обвиненія на Никона. Въ помощь патріархамъ государь предложилъ, въ качествѣ толмачей, митрополита крутицкаго Павла и архіепископа рязанскаго Иларіона; а патріархи просили еще прибавить и одноязычнаго съ ними Паисія газскаго,—и государь отвѣчалъ: «имѣйте его отнынѣ при себѣ; отъ него узнаете все подробно». Паисій сохранилъ самую просьбу, которая подана была тогда патріархамъ и составлена, несомнѣнно, имъ самимъ. Здѣсь онъ обвинялъ Никона и въ томъ, въ чемъ последній вовсе не былъ виноватъ, или чего нельзя назвать виною, и говорилъ: а) Никонъ оскорбилъ всѣхъ восточныхъ патріарховъ: александрійскаго тѣмъ, что вздумалъ присвоять себѣ имя патріарха-папы (?), которое издревле принадлежитъ на востокѣ только патріарху александрійскому; іерусалимскаго тѣмъ, что наименовалъ себя патріархомъ новаго Іерусалима, какъ, по невѣжеству и безстыдству, назвалъ одну изъ своихъ обителей; антіохійскаго тѣмъ, что, чрезъ подложное писаніе и подпись, старался усвоить своей каѳедрѣ, въ ряду другихъ патріаршихъ каѳедръ, третье мѣсто (?), принадлежащее каѳедрѣ антіохійской; константинопольскаго тѣмъ, что захватилъ себѣ кіевскую митрополію изъ области константинопольскаго патріарха и сталъ величаться патріархомъ всея великія и малыя и бѣлыя Россіи; а кромѣ того патріарховъ александрійскаго и

антіохійскаго не признаетъ законными патріархами потому, что они не живутъ въ Антіохіи и Александріи, какбудто духовная власть привязана къ мѣсту; б) Никонъ перемѣнилъ обычай прежнихъ московскихъ патріарховъ: вмѣсто синихъ скрыжалей сталъ носить червленыя; пересталъ поминать въ церкви вселенскаго патріарха; переоблачался во время божественнаго тайнодѣйствія и, имѣя восемьдесять саккосовъ (?), за одной обѣдней перемѣнялъ ихъ до двадцати (?); чтобы казаться подобнымъ Вышнему, назвалъ нѣкоторыхъ отроковъ, прислуживавшихъ ему при богослуженіи, херувимами и серафимами; въ алтарѣ чесался предъ зеркаломъ, и обратилъ алтарь въ преторію, въ которой снималъ цѣпи съ закованныхъ имъ іеродіаконовъ; в) отмѣнилъ пѣсни троичныя, сложенныя патріархомъ Митрофаномъ и обыкновенно воспѣваемыя каждое воскресенье, и запретилъ совершать торжественное освященіе воды на самый праздникъ крещенія Господня; г) во второй разъ былъ рукоположенъ въ архіерейскій санъ, когда вступалъ на патріаршество; а двухъ архіереевъ, отставленныхъ отъ должности, вновь рукоположилъ, вопреки 68 канону апостольскому; д) архіереевъ, имъ рукоположенныхъ, не удостоивалъ именовать своими братьями; соборъ ихъ называлъ синагогою; уподоблялъ православныхъ архіереевъ Аннѣ и Каіафѣ, судіямъ христоубійцамъ; е) приравнивалъ себя святымъ, нося на главѣ своей корону или діадиму, въ которой обыкновенно изображаются они, какъ торжествующіе на небеси, и величалъ себя великимъ государемъ, что̀ вовсе неприлично духовному лицу; ж) былъ крайне любостяжателенъ и, замкнувшись, любилъ считать свои деньги и драгоцѣнные сибирскіе мѣха; з) расточалъ доходы патріаршей каѳедры,

желая именоваться создателемъ новыхъ монастырей, и для этого же отнималъ у сосѣдей села и поля; и) предоставилъ весь свой церковный судъ свѣтскимъ людямъ, своимъ боярамъ, обыкновенно продающимъ правосудіе; і) ни съ кѣмъ изъ архіереевъ и ни въ чемъ не совѣщался; к) наконецъ, словно самоубійца, самъ себя разоблачилъ во время своего отреченія отъ каѳедры (376). Если Паисій не постыдился взводить на Никона нѣкоторыя ложныя обвиненія даже на бумагѣ, то легко понять, чего онъ не могъ наговорить про Никона въ словесныхъ собесѣдованіяхъ съ патріархами, когда былъ приставленъ къ нимъ съ цѣлію ознакомить ихъ, во всѣхъ подробноностяхъ, съ дѣломъ Никона.

Второе засѣданіе собора происходило около 18-го ноября въ патріархіи, въ патріаршей крестовой палатѣ. Въ этомъ засѣданіи участвовали только патріархи, митрополиты, архіепископы, епископы и другія духовныя лица; но не было ни государя, ни его синклита и при нихъ царскихъ дьяковъ,— почему оно и не упоминается въ современной записи, составленой дьяками, а довольно подробно описывается лишь у Паисія Лигарида, который и былъ на немъ, судя по описанію, главнымъ дѣйствователемъ. Собраніе обсуждало три слѣ-

(376) О первомъ засѣданіи собора, бывшемъ 7 ноября, говоритъ и Симеонъ полоцкій (Матер. для ист. раскола, II, 166). О сказкахъ касательно отреченія Никона, поданныхъ на соборѣ 1660 года, и о составленной тогда же выпискѣ правилъ—см. выше въ этомъ же XII т. нашей Исторіи стр. 354. 355. Паисій не опредѣляетъ, въ какой именно день было соборное засѣданіе, на которомъ патріархамъ поданы были разныя записи и просьба противъ Никона и назначены въ помощь имъ, для ознакомленія съ дѣломъ, три архіерея (кн. II, гл. 11); но это всего естественнѣе могло произойти въ первое же засѣданіе собора. Самая просьба на Никона изложена у Лигарида тамъ же, въ гл. 12.

дующіе вопроса: а) дозволительно ли созывать соборы по нуждамъ времени; б) имѣлъ ли право царь Алексѣй Михайловичъ созвать соборъ, на который пригласилъ и восточныхъ патріарховъ, и—в) будетъ ли созванный теперь соборъ вселенскимъ или только частнымъ, помѣстнымъ? Дать отвѣтъ на эти вопросы, еще до суда надъ Никономъ, собравшіеся архипастыри сочли нужнымъ, можетъ быть, вслѣдстіе толковъ въ обществѣ, исходившихъ отъ сторонниковъ Никона или даже отъ самого Никона: извѣстно, напримѣръ, что онъ еще въ 1660 г. отрицалъ право царя Алексѣя Михайловича созывать соборъ. На всѣ три вопроса рѣшеніе заблаговременно было приготовлено Паисіемъ Лигаридомъ, и въ засѣданіи собора было только прочитано. На первый вопросъ Паисій отвѣчалъ утвердительно, и, указавъ на соборы, бывшіе еще при св. апостолахъ, на правила апостольскія и соборныя, повелѣвающія созывать соборы, на примѣры соборовъ вселенскихъ и помѣстныхъ, пришелъ къ заключенію, что и нынѣ можно и должно созывать соборы, по требованіямъ нужды. Утвердительно отвѣчалъ Паисій и на второй вопросъ и довольно подробно раскрывалъ мысль, что цари греческіе, какъ только сдѣлались христіанами и покровителями церкви, сами созывали соборы: Константинъ великій созвалъ соборъ никейскій—вселенскій, Θеодосій великій—соборъ константинопольскій, Θеодосій младшій—ефесскій, Маркіанъ — халкидонскій, и проч., и что, по примѣру греческихъ православныхъ царей, и царь Алексѣй Михайловичъ, равный имъ во всемъ, имѣетъ полное право на созваніе собора. Рѣшеніе третьяго вопроса состояло въ томъ, что хотя соборъ, созванный царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ, представлялъ собою подобіе

вселенскаго собора, такъ какъ на немъ присутствуютъ два вселенскіе патріарха и многіе архіереи изъ всѣхъ патріархій, но собственно это не есть соборъ вселенскій: на немъ не предположено разсматривать и опредѣлить какой либо догматъ вѣры, а предположено только произнесть судъ надъ Никономъ, вызванный его недостойными дѣлами. Настоящій соборъ похожъ на соборъ, бывшій нѣкогда противъ цареградскаго патріарха Фотія, и называющійся въ церкви только помѣстнымъ, а не вселенскимъ. Когда такимъ рѣшеніемъ вопроса всѣ были удовлетворены, Паисій всталъ съ своего мѣста, и сказалъ длинную и витіеватую рѣчь, въ которой, приписывая особенное, таинственное значеніе числу семь (7 дней творенія, 7 трубъ, отъ которыхъ палъ Іерихонъ, и проч.), старался доказать, что вселенскихъ соборовъ должно быть только семь, никакъ не болѣе, и что всѣ прочіе соборы, каковы бы они ни были, не слѣдуетъ называть вселенскими. Послѣ этого присутствовавшіе въ засѣданіи разошлись. Но Паисій прибавляетъ, что, кромѣ трехъ вопросовъ, рѣшенныхъ въ засѣданіи собора, предложены были еще два вопроса «келейно», т. е., вѣроятно, уже въ кельяхъ патріарховъ, по окончаніи засѣданія, и именно вопросы: а) почему александрійскій патріархъ называется судіею вселенной, и—б) съ какого времени антіохійскій патріархъ началъ именоваться пастыремъ пастырей и архіереемъ архіереевъ? Отвѣты и на оба эти вопроса, весьма подробные, съ учеными ссылками, даны были тѣмъ же Паисіемъ Лигаридомъ и, очевидно, направлены были противъ Никона, не хотѣвшаго признать авторитетъ этихъ патріарховъ для суда надъ нимъ ([377]).

([377]) *Паис. Лигарид.* Истор. о соборѣ на Никона, II, гл. 7—10. Паисій

Прошло до двадцати дней со времени перваго засѣданія собора. Патріархи Паисій и Макарій имѣли возможность достаточно изучить дѣло, о которомъ судить были призваны. И вотъ 28 ноября послѣдовало *третье* засѣданіе собора въ столовой избѣ у государя, во многомъ похожее на первое и также описанное въ современной записи. Прибыли въ засѣданіе, съ одной стороны, патріархи, митрополиты, архіепископы, епископы, архимандриты, игумены, а съ другой— самъ царь, бояре, окольничіе и думные люди. Государь опять заговорилъ о бывшемъ московскомъ патріархѣ Никонѣ, «и о самовольномъ его отшествіи съ патріаршаго престола, безъ повелѣнія его царскаго величества и всего освященнаго собора, и что соборная и апостольская церковь стоитъ безъ пастыря девятый годъ», и потомъ просилъ патріарховъ, чтобы они «учинили о томъ по правиламъ св. апостолъ, и по преданію св. отцевъ седми вселенскихъ соборовъ, и по своему разсмотрѣнію». Патріархи, послѣ совѣщанія съ прочими членами собора, отвѣчали государю, что, по правиламъ св. соборовъ, надобно позвать Никона патріарха на соборъ и допросить, почему онъ оставилъ свою каѳедру и самовольно отошелъ въ воскресенскую обитель, равно и о другихъ его винахъ. И указали, вмѣстѣ со всѣмъ соборомъ, послать къ Никону псковскаго архіепископа Арсенія и съ нимъ двухъ архимандритовъ—ярославскаго спасскаго монастыря Сергія и суздальскаго спасоевѳиміева монастыря Павла. Тотчасъ же,

---

замѣчаетъ, что мѣсто для этого засѣданія собора приготовлено было и изукрашено въ патріархіи «почти въ двѣ недѣли» (гл. 7). Если недѣли эти считать съ 4 ноября, когда патріархи представились государю, то настоящее засѣданіе ихъ въ патріархіи могло произойти ок. 18 ноября.

какъ свидѣтельствуетъ Паисій, составлена была на соборѣ, въ присутствіи самого государя, грамата, которую должны были передать Никону посланные къ нему и которая гласила: «Блаженнѣйшіе патріархи киръ Паисій папа и патріархъ великаго града Александріи и судія вселенной и киръ Макарій патріархъ Божія града Антіохіи и всего востока и весь святѣйшій соборъ архіереевъ приглашаютъ тебя прибыть въ царствующій градъ Москву безъ всякаго замедленія и лично предстать предъ нами по нѣкоторымъ духовнымъ дѣламъ. Не будь непокоренъ приглашенію и явись со смиреніемъ: такъ внушаемъ тебѣ поступить непремѣнно» (378). Этимъ и окончилось третье и послѣднее предварительное засѣданіе собора.

На слѣдующій день, 29 ноября, въ шестомъ часу дня, архіепископъ Арсеній и два архимандрита прибыли къ патріарху Никону и, съ его дозволенія, представившись ему, прочли предъ нимъ соборную грамату. Выслушавъ ее, Никонъ отвѣчалъ: «я имѣю поставленіе святительское и престолъ патріаршескій не отъ александрійскаго и не отъ антіохійскаго, но отъ константинопольскаго патріарха (это невѣрно: Никонъ поставленъ сперва въ митрополита, потомъ въ патріарха, отъ своихъ русскихъ святителей, а не отъ константинопольскаго патріарха, и престолъ патріаршескій въ Россіи утвержденъ всѣми четырьмя восточными патріархами, а не однимъ константинопольскимъ); патріархи же александрійскій и антіохійскій и не живутъ сами въ Александріи и Антіохіи, а одинъ живетъ въ Египтѣ, другой въ Дамаскѣ. Если они,

---

(378) *Лигарид.* Ист. о соборѣ на Никона, II, гл. 13.

по согласію съ константинопольскимъ и іерусалимскимъ патріархами, пришли въ Москву для духовныхъ вещей, то и я, какъ соберусь, приду въ царствующій градъ для духовныхъ всякихъ вещей извѣстія ради». Но когда соберется и придетъ, не сказалъ. Посланные къ нему объявили, что имъ не велѣно возвращаться въ Москву безъ него, патріарха Никона; но онъ только повторилъ: «какъ соберусь, приду». О всемъ этомъ архіепископъ и архимандриты поспѣшили отправить донесеніе къ царю и собору. Между тѣмъ въ седмомъ часу ночи тогоже числа они получили отъ правившаго патріаршествомъ митрополита Павла сарскаго грамату, въ которой было написано, чтобы, когда Никонъ поѣдетъ въ Москву, возы его въ дорогѣ отнюдь не развязывались, изъ людей его никто напередъ въ Москву не былъ отпущенъ, и самъ онъ пріѣхалъ въ Москву не раньше, какъ въ третьемъ часу ночи или позднѣе ([379]).

Донесеніе, отправленное изъ воскресенскаго монастыря къ царю и собору, могло достигнуть Москвы лишь ночью подъ 30 число ноября. И едва только настало это число, царь, въ первомъ часу дня, съ своимъ синклитомъ, пришелъ уже въ свою столовую избу; туда же пришли и патріархи со всѣмъ освященнымъ соборомъ. Тотчасъ же прочитано было донесеніе о Никонѣ отъ присланныхъ къ нему, и патріархи сказали: приходится послать къ нему, по правиламъ соборнымъ, второе и третье приглашеніе. И указали для втораго приглаше-

---

([379]) Какъ донесеніе въ Москву посланныхъ къ Никону, такъ и изложеніе граматы къ нимъ митрополита Павла сохранились въ Подлинн. дѣлѣ патр. Никона, свиток. XI, по списку москов. дух. академіи, стр. 374—376.

нія послать къ Никону владимірскаго-рождественскаго архимандрита Филарета да чудовскаго соборнаго старца, священника Лаврентія, а для третьяго приглашенія—новоспасскаго архимандрита Іосифа да спасскаго протопопа изъ дворца Онисима. Сдѣлавъ такое распоряженіе, патріархи, со всѣмъ соборомъ, въ томъ же засѣданіи 30 ноября приступили къ самому суду надъ Никономъ, хотя пока заочному, такъ что засѣданіе это, *четвертое* по порядку, послѣ трехъ предварительныхъ, было первымъ въ ряду собственно судебныхъ засѣданій. Никонъ своимъ отвѣтомъ на первое приглашеніе къ нему отъ собора далъ почувствовать патріархамъ александрійскому и антіохійскому, что не признаетъ ихъ власти надъ собою и готовъ признать только въ такомъ случаѣ, если они пришли въ Москву, по согласію съ патріархами константинопольскимъ и іерусалимскимъ. И вотъ патріархи Паисій и Макарій, прежде всего, хотѣли показать Никону и всѣмъ, что они пришли судить его дѣйствительно по согласію съ патріархами цареградскимъ и іерусалимскимъ, и что судъ надъ Никономъ будетъ судомъ не двухъ только, а всѣхъ четырехъ восточныхъ патріарховъ съ освященнымъ соборомъ. Въ засѣданіе собора принесенъ былъ свитокъ, присланный еще въ 1664 году царю Алексѣю Михайловичу патріархами—Діонисіемъ цареградскимъ, Паисіемъ александрійскимъ, Макаріемъ антіохійскимъ и Нектаріемъ іерусалимскимъ,—свитокъ, въ которомъ подробно разсмотрѣны были всѣ вины патріарха Никона, хотя имя его и не упоминалось, и на всѣ изложены, въ формѣ вопросовъ и отвѣтовъ, рѣшенія четырехъ патріарховъ и многихъ другихъ восточныхъ архіереевъ и духовныхъ сановниковъ, за ихъ собственноручными подписями.

Въ заключеніи свитка помѣщено было слѣдующее опредѣленіе: «архіерей, который окажется виновнымъ по изложеннымъ вопросамъ и отвѣтамъ, да извержется отъ архіерейскаго достоинства и власти». Этотъ свитокъ велѣно было читать въ засѣданіи собора во всеуслышаніе. И пока происходило чтеніе, государь сидѣлъ на своемъ царскомъ мѣстѣ; патріархи сидѣли подлѣ царскаго мѣста съ лѣвой стороны въ креслахъ; митрополиты, архіепископы и епископы сидѣли съ правой стороны отъ царскаго мѣста на скамьяхъ, а бояре, окольничіе и думные люди сидѣли съ лѣвой стороны отъ тогоже мѣста на скамьяхъ. Когда чтеніе свитка кончилось, патріархи Паисій и Макарій, подписи которыхъ также находились подъ свиткомъ, объявили царю и всему освященному собору, и всему царскому синклиту, что этотъ свитокъ несомнѣнно подлинный и присланъ къ его царскому величеству четырьмя патріархами съ іеродіакономъ Мелетіемъ грекомъ за ихъ руками. И вслѣдъ затѣмъ спросили: «виновенъ ли по сему свитку патріархъ Никонъ, отошедшій съ своего патріаршаго престола своею волею, безъ всякой церковной вины, и безъ повелѣнія царскаго величества, и безъ совѣта всего освященнаго собора?» И митрополиты, архіепископы, епископы и весь освященный соборъ, и царскаго величества бояре, окольничіе и думные люди отвѣчали, что «по тому ихъ патріаршескому свитку, за ихъ руками, бывшій патріархъ Никонъ повиненъ во всемъ, и отъ патріаршества имѣетъ быть отлученъ». А русскіе архіереи сказали еще патріархамъ, что когда они, архіереи, созваны были, въ 1660 году, по указу государя, въ Москву на соборъ, чтобы разсудить объ отшествіи и отреченіи патріарха Никона отъ престола, то выписывали изъ пра-

вилъ св. апостоловъ и соборовъ и принимали въ соображеніе тѣ самыя правила, какія приведены и приняты за основаніе рѣшеній въ этомъ патріаршескомъ свиткѣ. Подъ конецъ засѣданія царь поднесъ патріархамъ челобитную, полученную имъ отъ Никона. Челобитная касалась рыбныхъ ловлей на морѣ въ кольскомъ острогѣ, которыя нѣкогда царь пожаловалъ, по просьбѣ Никона, его монастырямъ крестному и воскресенскому, а потомъ дозволилъ отдать во владѣніе иноземцамъ на урочное число лѣтъ, по записямъ приказныхъ людей самого же Никона, даннымъ съ его разрѣшенія. Въ этой челобитной «написаны были Никономъ на него, великаго государя, многія клятвы и укоризны, чего и помыслить страшно». Патріархи взяли челобитную къ себѣ, и собраніе разошлось ([380]).

Что же дѣлалъ въ то время Никонъ, и какъ переданы были ему два послѣднія приглашенія отъ лица собора? Никонъ еще 29 ноября, послѣ извѣстнаго отвѣта его на первое приглашеніе, началъ собираться въ Москву, отслушалъ вечерню, прочиталъ правило келейное и къ службѣ, и далъ приказъ взять для него въ Москву только три книги: кормчую, слѣдованную псалтырь и книгу возраженій его на вопросы Стрѣшнева и отвѣты Паисія Лигарида, да еще крестъ для ношенія предъ нимъ, какъ патріархомъ. На слѣдующій день, послѣ заутрени, призвалъ къ себѣ своего духовника, исповѣдался предъ нимъ, и вмѣстѣ со всею братіею совершилъ освященіе елея, которымъ и помазалъ себя и всю братію; потомъ самъ совершилъ литургію, которую велѣлъ пѣть всю

([380]) Современ. запись о судѣ надъ Никономъ. Свитокъ четырехъ патріарховъ, читанный въ засѣданіи, напечатанъ въ Собр. госуд. грам., IV, № 27, и разсмотрѣнъ нами выше въ этомъ томѣ.

погречески кіевскимъ напѣвомъ, и сказалъ поученіе къ братіи. Когда день сталъ клониться къ вечеру, Никонъ приказалъ запрячь для себя приготовленныя сани, и, простившись съ братіею, отправился въ путь. Впереди Никона ѣхалъ полковникъ Остафьевъ съ стрѣльцами, а позади архіепископъ Арсеній съ двумя архимандритами. Всѣ они приближались уже къ селу Черневу, какъ ихъ встрѣтилъ, верстъ за шесть до того села, владиміро-рождественскій архимандритъ Филаретъ въ четвертомъ часу ночи и, остановивъ поѣздъ, сказалъ Никону: ты своимъ отказомъ на первое приглашеніе прибыть въ Москву «учинилъ непослушаніе великому государю и обезчестилъ святѣйшихъ патріарховъ и весь соборъ»; теперь они прислали къ тебѣ второе приглашеніе, чтобы ты ѣхалъ въ Москву, и ѣхалъ смиреннымъ образомъ, имѣя при себѣ не болѣе десяти человѣкъ, и чтобы пріѣхалъ въ нее 2 декабря во второмъ или третьемъ часу ночи, и остановился на архангельскомъ подворьѣ въ кремлѣ у никольскихъ воротъ. Никонъ съ своими спутниками двинулся далѣе, и когда въѣхалъ уже въ село Чернево, въ пятомъ часу ночи, то опять былъ остановленъ на дорогѣ новоспасскимъ архимандритомъ Іосифомъ, который возвѣстилъ ему отъ имени царя и собора третье приглашеніе прибыть въ Москву и приказаніе пріѣхать въ нее 3 декабря, смиреннымъ образомъ, въ три или четыре часа ночи. Продолжали путь и достигли села Тушина. Отсюда полковникъ Остафьевъ, недоумѣвая, какъ поступить, отправилъ гонца въ Москву спросить: дожидаться ли въ Тушинѣ третьяго декабря, или теперь же ѣхать въ Москву. Пришелъ царскій указъ ѣхать немедленно, и въ двѣнадцать часовъ ночи подъ 1е- декабря Никонъ прибылъ въ Москву.

При въѣздѣ его съ спутниками въ кремль къ архангельскому подворью, вдругъ никольскія ворота предъ ними затворились, и полковникъ, подошедши къ знакомому намъ подьяку Ивану Шушерину, который ѣхалъ впереди Никона съ крестомъ, на лошади верхомъ, сказалъ: «сойди съ коня и отдай крестъ, до тебя есть государево дѣло». И Шушерина, отдавшаго крестъ Никону въ руки, взяли два стрѣльца и повлекли прямо къ государю. Государь лично допрашивалъ его: онъ-то, какъ узнали, и былъ главнымъ агентомъ Никона во всѣхъ сношеніяхъ его съ Москвою и передавалъ ему оттуда про государя всякія вѣсти. Государь обѣщалъ Шушерину свободу, если скажетъ правду; но онъ на всѣ вопросы отвѣчалъ только: «ничего не знаю». Почему и отосланъ былъ въ приказъ тайныхъ дѣлъ и просидѣлъ подъ крѣпкою стражею въ Москвѣ болѣе трехъ лѣтъ, а потомъ сосланъ въ Новгородъ въ ссылку, въ которой и находился десять лѣтъ. Между тѣмъ Никонъ со всею его свитою пропущенъ былъ въ кремль, и остановился на архангельскомъ подворьѣ, гдѣ до того времени проживалъ сербскій митрополитъ Ѳеодосій. А свиты съ Никономъ, монаховъ и мірянъ, было до тридцати человѣкъ и болѣе. Тотчасъ вокругъ всего подворья поставлена была стража; никольскія ворота въ кремль крѣпко заключены и большой мостъ предъ этими воротами совсѣмъ разобранъ ([381]).

На слѣдующій же день послѣ прибытія Никона въ Москву, 1-го декабря, въ субботу, состоялось по его дѣлу *пятое*

([381]) *Шушерин.* Извѣст. о патр. Никонѣ, стр. 53—58. А отписки собору посланныхъ къ Никону архимандритовъ Филарета и Іосифа — въ Подлин. дѣлѣ Никона, свит. XI, по списку моск. дух. акад., стр. 378—380.

засѣданіе собора, второе собственно судебное, довольно подробно описанное въ современной записи. Въ третьемъ часу дня государь пошелъ въ свою столовую избу; за нимъ слѣдовали бояре, окольничіе, думные дворяне и думные дьяки; а предъ нимъ несли въ раковинномъ, подъ серебрянымъ атласомъ, ящикѣ оба экземпляра того свитка, что̀ прислали ему въ Москву четыре восточные патріарха, за своими подписями, съ чернымъ дьякономъ Мелетіемъ грекомъ, также переводы съ этого свитка въ красномъ бархатномъ переплетѣ, да еще письма Никона патріарха подъ тафтою. Все это государь, вошедши въ столовую избу, приказалъ поставить и положить на столѣ предъ креслами патріарховъ. Вскорѣ за государемъ вошли въ туже столовую избу патріархи съ митрополитами, архіепископами, епископами, греческими и русскими, и со всѣмъ освященнымъ соборомъ, проговорили «достойно есть»..., и, послѣ отпуста, благословили всѣхъ на всѣ четыре стороны. Затѣмъ царь сѣлъ на своемъ высокомъ государевомъ мѣстѣ, которое украшено было золотомъ и серебромъ. Сѣли и патріархи слѣва отъ царя, на двухъ обитыхъ бархатомъ и вишневымъ сукномъ креслахъ, предъ которыми поставленъ былъ столъ, покрытый персидскимъ ковромъ и золотою камкою. Митрополитамъ же и прочимъ духовнымъ лицамъ государь указалъ сѣсть на скамьяхъ по правой сторонѣ, а боярамъ и всѣмъ свѣтскимъ лицамъ—на скамьяхъ по лѣвой сторонѣ ([382]).

([382]) Въ современной записи перечислены бывшіе въ этомъ засѣданіи: *митрополиты*: Питиримъ новгородскій, Лаврентій казанскій, Іона ростовскій, Павелъ сарскій, Ѳеодосій сербскій, Паисій газскій, Григорій никейскій, Козьма амасійскій, Аѳанасій иконійскій, Филоѳей трапезунтскій; *архіепископы*: Ананія синайскій, Симонъ вологодскій, Филаретъ смоленскій, Ила-

Государь сказалъ патріархамъ: «Никонъ патріархъ въ Москву пріѣхалъ, и на меня судъ Божій призываетъ за то, что велѣно было ему пріѣхать въ Москву не со многими людьми. А когда Никонъ въ Москву въѣхалъ, то у него, по моему указу, взятъ былъ малый (подьякъ Иванъ Шушеринъ) за то, что въ девятилѣтнее время носилъ къ нему, Никону, всякія вѣсти и чинилъ многую ссору, и Никонъ за того малаго меня поноситъ и безчеститъ, и говоритъ: царь меня мучитъ, велѣлъ отнять малаго изъ-подъ креста. И если Никонъ, будучи на соборѣ, начнетъ о томъ говорить, то они, патріархи, о томъ бы вѣдали. Да и про тобѣ вѣдали, что Никонъ, предъ поѣздомъ своимъ въ Москву, въ воскресенскомъ монастырѣ исповѣдался и причащался и масломъ освящался». Патріархи,

---

ріонъ рязанскій, Іоасафъ тверскій, Іосифъ астраханскій, Арсеній псковскій; *епископы*: Александръ вятскій, Лазарь черниговскій, Меѳодій мстиславскій, Іоакимъ сербскій; *архимандритовъ* только русскихъ монастырей—30 и *игуменовъ*—9. У Лигарида поименованъ еще, въ числѣ митрополитовъ, Ѳеофанъ хіосскій (II, гл. 14), а у Симеона полоцкаго, кромѣ Ѳеофана хіосскаго, поименованы еще архіепископы: Стефанъ суздальскій и Манассія погонійскій; греческіе архимандриты и другія духовныя лица: архимандритъ Матеей александрійской церкви, архимандритъ Діонисій святогорецъ, Венедиктъ протосинкеллъ александрійской церкви; Леонтій игуменъ тойже церкви, и 12 московскихъ *протопоповъ* (Собр. матер. для истор. раскола, II, 170—171). Въ современной записи перечислены также бывшіе въ засѣданіи *бояре*: князь Ник. Ив. Одоевскій, кн. Ив. Ал. Воротынскій, кн. Юр. Алекс. Долгоруковъ, Петр. Мих. Салтыковъ, кн. Юр. Ив. Ромодановскій, кн. Ив. Бор. Репнинъ, кн. Ив. Сем. Прозоровскій, кн. Гр. Григ. Ромодановскій; *окольничіе*: Богд. Матв. Хитрово, Род. Матв. Стрѣшневъ, Ив. Ѳед. Стрѣшневъ, Ив. Мих. Милославскій, кн. Дим. Ал. Долгоруковъ, Ив. Богд. Милославскій, кн. Петр. Ал. Долгоруковъ, кн. Дан. Степ. Великого-Гагинъ, Вас. Сем. Волынскій, кн. Ив. Дм. Пожарскій, Осип. Ив. Сукинъ; *думные дворяне*: казначей Аѳ. Самойл. Нарбековъ, Ив. Ив. Баклановскій, Ив. Богд. Хитрово, Гр. Бор. Нащокинъ, Прох. Козм. Елизаровъ, Ив. Аѳ. Прончищевъ, Гр. Мих. Оничковъ, Замятня Ѳед. Леонтьевъ; *думные дьяки*: Илар. Лопухинъ, Демент. Башмаковъ, Алм. Ивановъ, Григ. Карауловъ и Ал-ръ Дуровъ.

услышавъ о такомъ поступкѣ Никона, очень подивились. И государь продолжалъ: «Никонъ патріархъ говоритъ, будто псковскій архіепископъ изъ воскресенскаго монастыря ложно писалъ, что онъ, Никонъ, отговаривался идти на соборъ и безчестилъ ихъ, патріарховъ; онъ будто того не говорилъ». Окончивъ эти предварительныя сообщенія патріархамъ, государь спросилъ: кого послать къ Никону патріарху звать его на соборъ? Патріархи отвѣчали: нужно послать архіерея да двухъ архимандритовъ къ бывшему патріарху Никону, чтобы онъ шелъ на соборъ для отвѣта. И послали епископа мстиславскаго Меѳодія съ двумя архимандритами ([383]). Никонъ, какъ только услышалъ приглашеніе отъ этихъ лицъ, отвѣчалъ, что онъ готовъ, и, вставъ съ мѣста, велѣлъ нести предъ собою крестъ. Приглашавшіе Никона сказали, что ему не слѣдуетъ такъ идти на соборъ. Никонъ стоялъ на своемъ и объявилъ, что иначе не пойдетъ. Они послали скороходца спросить объ этомъ царя и соборъ, и пришло повелѣніе—

([383]) То, что говорилъ государь патріархамъ по открытіи засѣданія, заимствовано изъ *черновой* современной записи. Вообще надобно замѣтить: а) что въ этой черновой записи есть немало такого, чего не помѣщено въ бѣловой, и—б) что дьяки, какъ очевидно изъ записи, не по порядку записывали все, что говорилось и происходило въ засѣданіяхъ собора, а одинъ спѣшилъ записать одно, другой другое, и потомъ, уже по окончаніи засѣданій, сносили свои замѣтки вмѣстѣ и старались расположить ихъ въ порядкѣ, насколько могли припомнить, хотя не всегда удачно: такъ какъ нѣкоторыя замѣтки стоятъ въ записи совершенно особнякомъ, безъ всякой связи съ предыдущимъ и послѣдующимъ. У Симеона полоцкаго сказано, что звать Никона посланы были теперь два епископа: Александръ вятскій и Меѳодій мстиславскій и одинъ архимандритъ Іосифъ (Матер. для ист. раскола, II, 171); а у Шушерина читаемъ, будто за Никономъ посланы были теперь архіепископъ псковскій Арсеній, епископъ вятскій Александръ, два архимандрита и многія другія духовныя лица (стр. 59).

идти Никону безъ креста. Но Никонъ упорствовалъ, началъ спорить и во время спора вышелъ, мало по малу, въ переднюю, потомъ на крыльцо въ преднесеніи креста. Скороходъ снова отправленъ былъ къ царю и собору съ вѣстію объ упорствѣ Никона, и соборъ разрѣшилъ: пусть уже идетъ и со крестомъ... Никонъ сѣлъ въ свои сани и поѣхалъ,—предъ нимъ несли крестъ; но съ большимъ трудомъ могъ двигаться впередъ за множествомъ народа, наполнившаго кремль. Проѣзжая мимо успенскаго собора, гдѣ совершалась литургія, Никонъ хотѣлъ войти въ церковь, чрезъ южныя двери; но двери предъ нимъ тотчасъ затворили. Хотѣлъ также зайти въ благовѣщенскій соборъ, гдѣ шла служба, и тамъ двери предъ нимъ затворили. Между тѣмъ въ засѣданіи собора, куда направился Никонъ, условились, чтобы при входѣ его никому не вставать съ мѣста и всѣмъ сидѣть. Но Никонъ, когда отворили предъ нимъ двери, велѣлъ впереди его нести крестъ. И царь, какъ только увидѣлъ крестъ, поднялся, а за нимъ поднялись всѣ. Никонъ вошелъ съ посохомъ въ рукахъ, проговорилъ входъ и молитву за здоровье государя съ его семействомъ, за патріарховъ и за всѣхъ православныхъ христіанъ, и, отдавъ посохъ своему анагносту, поклонился государю до земли трижды, патріархамъ до земли дважды, а всѣмъ другимъ сдѣлалъ обычный поклонъ направо и налѣво; потомъ опять взялъ свой посохъ въ руки ([384]). Патріархи сказали Никону, чтобы онъ сѣлъ на правой сторонѣ близъ государева мѣста. Но Никонъ, увидѣвъ, что ему тамъ не приготовлено особаго сѣдалища, а предлагаютъ сѣсть на

([384]) *Шушерин*. Изв. о Никонѣ, стр. 59—61.

скамьѣ, съ прочими архіереями, отвѣчалъ: «я мѣста себѣ, гдѣ сѣсть, съ собою не принесъ; развѣ сѣсть мнѣ тутъ, гдѣ стою». И присовокупилъ: «а я пришелъ узнать, для чего вы, вселенскіе патріархи, меня звали?»

Тогда царь сошелъ съ своего возвышеннаго мѣста, сталъ у конца стола предъ патріархами и началъ говорить, обливаясь слезами: «отъ начала московскаго государства не бывало такого безчестія соборной и апостольской церкви, какое учинилъ бывшій патріархъ Никонъ. Онъ, по своимъ прихотямъ, самовольно, безъ нашего царскаго повелѣнія и безъ соборнаго совѣта, оставилъ ту соборную нашу церковь и отрекся патріаршества, никѣмъ негонимый. И отъ того его отшествія многія смуты и мятежи учинились, и соборная апостольская церковь вдовствуетъ безъ пастыря, тому нынѣ девятый годъ. Допросите его, бывшаго патріарха Никона, для чего онъ патріаршескій престолъ оставилъ и сошелъ въ воскресенскій монастырь». И патріархи, при видѣ царя плачущаго съ трудомъ удерживавшіеся отъ слезъ, предложили Никону этотъ вопросъ чрезъ толмача, архимандрита Діонисія святогорца. Но Никонъ, вмѣсто отвѣта, самъ спросилъ патріарховъ: «да есть ли у васъ совѣтъ и согласіе съ патріархами, константинопольскимъ-вселенскимъ и іерусалимскимъ, чтобы меня судить? Безъ ихъ совѣта съ вами я отвѣчать вамъ не буду, потому что я рукоположенъ на патріаршескій престолъ отъ константинопольскаго патріарха. А если у васъ совѣтъ и согласіе патріарховъ константинопольскаго и іерусалимскаго есть, чтобы меня судить: я предъ вами готовъ давать отвѣтъ». Патріархи Паисій и Макарій сказали, что у нихъ совѣтъ, и согласіе, и подписи рукъ патріарховъ кон-

стантинопольскаго и іерусалимскаго есть съ ними, и указали на лежавшій на столѣ, въ двухъ спискахъ, извѣстный свитокъ четырехъ патріарховъ, подписанный всѣми ими и другими архіереями. Никонъ понялъ, что ему остается покориться и подвергнуться суду и только билъ челомъ государю и патріархамъ, чтобы выслали изъ собора недруговъ его, Питирима митрополита новгородскаго, да Павла митрополита сарскаго, потому что они будтобы хотѣли отравить его и удавить. Митрополиты Питиримъ и Павелъ сказали: «бывшій патріархъ Никонъ на насъ говоритъ ложь; у насъ про то и въ помышленіи не бывало, да и у великаго государя есть тому всему дѣло чернаго дьякона Өеодосія». И государь сыскное дѣло про дьякона Өеодосія поднесъ патріархамъ. Никонъ потерпѣлъ новую неудачу: не могъ онъ отклонить отъ себя суда патріарховъ, не могъ и устранить отъ участія въ судѣ надъ нимъ своихъ недруговъ. Послѣ этого начался судъ.

Патріархи снова спросили Никона: «почему онъ оставилъ соборную церковь и паству свою и отрекся патріаршества?» Никонъ разсказалъ, что онъ, въ день бывшаго стола у государя для грузинскаго царевича Теймураза, посылалъ своего домоваго человѣка, князя Димитрія Мещерскаго на красное крыльцо для строенія церковныхъ дѣлъ, и того человѣка царскій окольничій Богданъ Хитрово сильно зашибъ; что онъ, Никонъ, просилъ государя дать оборону на Богдана Матвѣевича, и государь обороны не далъ, и потомъ не пришелъ на службы патріарха, ко всенощной и къ литургіи, ни въ праздникъ казанской Божіей Матери, ни въ праздникъ Ризы Господней, а прислалъ только князя Юрія Ромодановскаго сказать ему, Никону: «государь на тебя гнѣвенъ: зачѣмъ пи-

шешься Великимъ государемъ? Впередъ такъ не пишись»,— хотя прежде самъ велѣлъ ему, Никону, такъ писаться. Слыша про тотъ на себя гнѣвъ государевъ, онъ, Никонъ, и оставилъ соборную церковь, сошелъ съ престола, и жилъ три дня на воскресенскомъ подворьѣ, ожидая къ себѣ присылки отъ государя. Но государь никого не присылалъ звать его опять на патріаршество, и онъ поѣхалъ изъ Москвы въ воскресенскій монастырь. Когда Никонъ окончилъ свою рѣчь, царь снова сошелъ съ своего мѣста и сталъ посрединѣ передъ столомъ, чтобы отвѣчать на эту рѣчь. Но, замѣтивъ, какъ свидѣтельствуетъ Паисій Лигаридъ, что и патріархи поднялись и стоятъ, сказалъ имъ: «мнѣ слѣдуетъ теперь стоять, такъ какъ меня обвиняетъ отецъ мой Никонъ; а вы сидите, какъ судіи и преемники апостоловъ, и слушайте обвиненія на меня и мои оправданія». И дѣйствительно съ этого времени до самаго конца весьма продолжительнаго засѣданія государь оставался на ногахъ. Онъ отвѣчалъ на рѣчь Никона по пунктамъ: «Никонъ говоритъ, будто посылалъ своего домоваго человѣка на красное крыльцо для строенія церковныхъ дѣлъ; но въ ту пору на красномъ крыльцѣ церковныхъ вещей строить было нечего. И окольничій Богданъ Хитрово зашибъ того человѣка за его невѣжество, что онъ пришелъ не во время и учинилъ смятеніе, и то де безчестіе къ самому Никону патріарху не относится... Писалъ ко мнѣ Никонъ патріархъ и просилъ обороны на окольничаго Богдана Матвѣевича Хитрово, но писалъ въ то время, какъ у меня былъ у стола грузинскій царь; а въ ту пору сыскивать и оборону давать было некогда... Въ праздники казанской Богородицѣ и Ризѣ Господней ко всенощному и къ литургіи выходу у

меня не было за многими государственными дѣлами. И патріархъ Никонъ, осердясь на то, престолъ свой оставилъ и патріаршества отрекся. Посылалъ я къ нему стольника князя Юрья Ромодановскаго, чтобъ онъ, Никонъ, впредь великимъ государемъ не писался, потому что прежніе патріархи такъ не писывались; а то къ нему не приказывалъ, что я на него гнѣвенъ». Тутъ князь Юрій Ивановичъ Ромодановскій молвилъ, что онъ бывшему патріарху Никону о государевѣ гнѣвѣ не говаривалъ. Государь продолжалъ: «великимъ государемъ писаться ему, Никону, я не приказывалъ, а только самъ, почитая его, писалъ такъ въ своихъ граматахъ; да и Никонъ, по отшествіи съ патріаршества, въ письмѣ ко мнѣ писалъ своею рукою: теперь ты одинъ будешь великій государь, а я, Никонъ, яко единъ отъ простыхъ епископовъ,—и то письмо ему отдано было назадъ». *Никонъ*: «я такъ не писывалъ». Государь снова продолжалъ: «посылалъ я къ нему боярина князя Алексѣя Никитича Трубецкаго да окольничаго Родіона Матвѣевича Стрѣшнева, чтобы онъ, Никонъ, на свой патріаршескій престолъ возвратился, и онъ имъ въ томъ отказалъ». При этомъ окольничій заявилъ, что онъ къ Никону патріарху, съ княземъ Алексѣемъ Никитичемъ, былъ посыланъ и о возвращеніи его на патріаршество говорилъ ему. И онъ, патріархъ Никонъ, патріаршества отрекался, что впредь патріархомъ быть не хочетъ, и сказывалъ: «какъ де на патріаршество избирали, онъ на себя клятву положилъ, что ему на патріаршествѣ быть только три года, а больше того не быть».

Выслушавъ всѣ эти объясненія Никона, царя и бояръ, патріархи предложили новый вопросъ, обращаясь къ митро-

политамъ, архіепископамъ и епископамъ: «какія обиды были Никону патріарху отъ великаго государя?» И митрополиты, архіепископы и епископы отвѣчали, что отъ великаго государя бывшему патріарху Никону никакихъ обидъ не бывало. И только разсказали митрополиты Питиримъ новгородскій и Павелъ сарскій, какъ окольничій Хитрово билъ домоваго человѣка никонова, и Никонъ просилъ государя дать оборону, а государь обороны не далъ, и какъ потомъ государь въ два праздника не приходилъ въ церковь на службу Никона. Патріархи предложили тотъ же вопросъ самому Никону, и Никонъ сказалъ, что никакихъ обидъ ему отъ великаго государя не бывало; а какъ де государь началъ гнѣваться и къ церкви ходить пересталъ, онъ потому и оставилъ патріаршество. И присовокупилъ: «я объ обидѣ не говорю, а говорю о государевѣ гнѣвѣ. И прежніе патріархи отъ гнѣва царева бѣгали, каковы: Аѳанасій александрійскій и Григорій богословъ». *Патріархи*: «иные патріархи оставляли на время престолъ, да не такъ, какъ ты; ты отрекся, чтобъ и впредь не быть тебѣ патріархомъ, а если будешь патріархомъ, анаѳема будешь». *Никонъ*: «я такъ не говорилъ, а говорилъ, что за недостоинство свое иду; а еслибы я отрекся патріаршества съ клятвою, то не взялъ бы съ собою и святительской одежды» (Здѣсь нельзя не замѣтить, что самъ же Никонъ неразъ объяснялъ прежде, что онъ отрекся только патріаршества въ Москвѣ, не хочетъ быть московскимъ патріархомъ, но не отрекался отъ сана патріаршескаго, не перестаетъ быть патріархомъ; а теперь, когда его спрашивали, зачѣмъ онъ отрекся патріаршества, разумѣется, московскаго, онъ отвѣчаетъ, что сана патріаршескаго онъ не отрекался, не

перестал быть патріархомъ, иначе не взялъ бы съ собою святительской одежды). *Патріархи*: «когда ставятъ въ священный чинъ, то говорятъ: «ἄξιος, достоинъ; а ты, какъ снималъ съ себя святительскую одежду, говорилъ, что недостоинъ». *Никонъ*: «то де на меня затѣяли».

Вопросъ объ отреченіи Никона отъ каѳедры еще не былъ исчерпанъ, и патріархи еще не сказали по этому вопросу своего послѣдняго слова, какъ государь, естественно находившійся въ возбужденномъ состояніи, обратилъ вниманіе патріарховъ на другой предметъ, при обсужденіи котораго, впрочемъ, пришлось заняться вновь и этимъ вопросомъ. Государь указалъ на письма Никона къ четыремъ восточнымъ патріархамъ, лежавшія тутъ же на столѣ подъ таftою, и сказалъ патріархамъ Паисію и Макарію: «бывшій патріархъ Никонъ писалъ къ вамъ, патріархамъ, въ граматахъ своихъ многія на меня безчестья и укоризны; а я на него къ патріархамъ никакого безчестія и укоризны не писывалъ. Допросите его, все ли онъ истину, безъ всякаго прилога, въ граматамъ своихъ писалъ, и за церковные ли догматы онъ стоялъ, и Іосифа патріарха святѣйшимъ и братомъ себѣ считаетъ ли, и церковныя, движимыя и недвижимыя, вещи продавалъ ли?».... Патріархи предложили Никону эти вопросы, и онъ отвѣчалъ: «что въ граматахъ писано, то и писано; а стоялъ де онъ за церковные догматы, и Іосифа патріарха почитаетъ за патріарха, а святъ ли онъ, того не вѣдаетъ; церковныя же вещи продавалъ по государеву указу». Такой общій отвѣтъ никого не могъ удовлетворить и государь приказалъ читать на соборѣ, по статьямъ, грамату Никона къ цареградскому патріарху

Діонисію, въ переводѣ, чтобы разсмотрѣть порознь всѣ, изложенныя въ ней, неправды Никона.

Въ граматѣ Никонъ писалъ, что, будучи еще митрополитомъ, онъ посланъ былъ въ соловецкій монастырь «мощей ради св. священномученика Филиппа, митрополита московскаго, егоже мучи царь Иванъ неправедно». *Государь*: «для чего онъ, Никонъ, такое безчестіе и укоризну великому государю блаженныя памяти Ивану Васильевичу всея Русіи написалъ? А о себѣ утаилъ, какъ онъ низвергъ, безъ собору, Павла епископа коломенскаго, и ободралъ съ него святительскія одежды, и сослалъ въ хутынскій монастырь, и тамъ его не стало безвѣстно. Допросите, по какимъ правиламъ онъ то учинилъ?» Никонъ на вопросъ патріарховъ о царѣ Иванѣ Васильевичѣ отвѣта не далъ, а про Павла епископа сказалъ: «по какимъ правиламъ низвергъ и сослалъ, того не помню, и гдѣ онъ пропалъ, того не вѣдаю; а есть о томъ дѣло на патріаршемъ дворѣ». Блюститель патріаршаго престола, митрополитъ сарскій Павелъ заявилъ: «дѣла о томъ на патріаршемъ дворѣ нѣтъ и не бывало, и отлученъ тотъ епископъ Павелъ безъ собору».

Въ граматѣ Никонъ написалъ, что, когда его умоляли въ соборной церкви принять патріаршество, онъ говорилъ царю и властямъ и боярамъ, чтобы они дали ему слово свято содержать догматы и правила св. апостолъ и отецъ и законы греческихъ благочестивыхъ царей, и въ томъ ему обѣщались. *Государь:* «Никонъ въ то время говорилъ только про одни догматы, а о правилахъ и о законахъ не говаривалъ, и въ граматѣ своей написалъ ложно». *Никонъ*: «говорилъ о всемъ томъ въ то и въ иное время».

Въ граматѣ было написано про государя, что онъ сначала былъ благоговѣенъ и милостивъ, а потомъ началъ гордиться и выситься и въ архіерейскія дѣла вступаться. Государь патріархамъ: «допросите про то Никона и въ какія архіерейскія дѣла я началъ вступаться». Никонъ на вопросъ патріарховъ: «что писалъ, того не помню».

Въ граматѣ было написано, что Никонъ оставилъ патріаршество ради царскаго гнѣва. Государь патріархамъ: «допросите Никона, какая ему была отъ меня немилость или обида; кому заявлялъ онъ о моемъ гнѣвѣ, сходя съ престола; присылалъ ли я къ нему, чтобы онъ съ престола пошелъ, и отрекался ли онъ отъ патріаршества въ соборной церкви». Никонъ на вопросъ патріарховъ: «немилость ко мнѣ государя была та, что онъ на окольничаго Богдана Матвѣевича не далъ обороны и къ церкви не сталъ ходить; присылки ко мнѣ отъ государя, чтобы я сошелъ съ престола, не бывало, а сошелъ я самъ собою; государевъ гнѣвъ на меня я объявлялъ небу и землѣ; патріаршества я не отрекался, и какъ пошелъ съ престола, то, кромѣ саккоса и митры, ничего съ собою не взялъ». Тутъ патріархи сдѣлали Никону весьма дѣльное замѣчаніе: «хотябъ Богданъ Матвѣевичъ человѣка твоего и зашибъ, тебѣ бы можно стерпѣть и послѣдовать Іоанну милостивому, какъ онъ отъ раба терпѣлъ; а еслибы государевъ гнѣвъ на тебя и былъ, тебѣ бы слѣдовало совѣтоваться о томъ съ архіереями и къ великому государю посылать и бить челомъ о прощеніи, а не сердитовать». Къ этому окольничій Богданъ Матвѣевичъ присовокупилъ, что хотя онъ, исполняя чинъ у царскаго стола, и зашибъ присланнаго Никономъ человѣка, незнаючи, но въ томъ у быв-

шаго патріарха Никона прощенія просилъ, и Никонъ его простилъ. Тогда патріархи обратились ко всему освященному собору и ко всему царскому синклиту съ вопросомъ: какая была Никону патріарху обида отъ государя? И отъ всѣхъ послышался отвѣтъ, что обиды Никону отъ государя не бывало никакой, а пошелъ онъ съ престола не отъ обиды, а съ сердца. Члены жъ собора говорили еще: «снимая съ себя панагію и свящ. ризы, Никонъ говорилъ: если даже помыслю въ патріархи, анаѳема да буду, панагію и посохъ оставилъ и взялъ клюку, а про государевъ гнѣвъ ничего никому не объявлялъ; какъ поѣхалъ съ подворья въ воскресенскій монастырь, за нимъ повезли его люди многіе сундуки съ рухлядью; да къ нему же отослано изъ патріаршей казны денегъ двѣ тысячи рублей». *Патріархи:* «прежніе архіереи такъ не отрекались, какъ Никонъ; онъ не только патріаршества отрекся, но и архіерейства; снимая съ себя митру и омофоръ, говорилъ: недостоинъ». *Никонъ:* «въ отреченіи на меня лжесвидѣтельствуютъ; еслибы я вовсе отрекся, то не взялъ бы съ собою архіерейскія одежды».

Въ граматѣ Никонъ отзывался о монастырскомъ приказѣ и о книгѣ Уложенія съ великимъ безчестіемъ и укоризною и написалъ, что его, за его покушенія истребить ее, много разъ хотѣли убить. Государь къ Никону: «къ той книгѣ руки приложили святѣйшій Іосифъ патріархъ московскій и всея Русіи, и митрополиты, и архіепископы, и епископы, и весь освященный соборъ, и твоя рука къ той книгѣ приложена, когда ты былъ архимандритомъ. И для чего ты при себѣ, какъ былъ на патріаршествѣ, той книги не исправилъ, и не учинилъ того, чтобъ въ монастырскомъ приказѣ быть

и судить духовный чинъ—митрополиту или архіепископу и архимандритамъ? И кто тебя за ту книгу хотѣлъ убить?» Никонъ отвѣчалъ, что къ той книгѣ руку приложилъ неволею; а объ устроеніи архіерея въ монастырскій приказъ и кто его хотѣлъ убить, ничего не сказалъ.

Когда въ граматѣ прочли о посылкѣ на аѳонскую гору и въ Іерусалимъ за книгами и о привезенныхъ оттуда книгахъ, государь спросилъ: «гдѣ нынѣ тѣ книги, на печатномъ ли или патріаршемъ дворѣ?» *Никонъ*: «всѣ тѣ книги остались на патріаршемъ дворѣ, я съ собою ничего не взялъ» (это, какъ мы видѣли, не совсѣмъ вѣрно).

Въ граматѣ Никонъ писалъ, что къ нему присыланъ былъ газскій митрополитъ Паисій, да бояринъ князь Никита Ивановичъ Одоевскій съ товарищи, будто надъ нимъ судъ творить, и будто газскій митрополитъ хиротонисованъ дьякономъ и попомъ отъ папы и вѣруетъ поримски, и живетъ безчинно, и на соборахъ бываетъ предсѣдателемъ, и называетъ себя намѣстникомъ отъ всѣхъ четырехъ патріарховъ. *Государь*: «газскій митрополитъ и князь Одоевскій были посланы выговаривать ему неправды его, что онъ писалъ ко мнѣ съ великимъ безчестіемъ, и укоризною, и съ клятвою, и на молебнѣ клалъ мои государевы граматы подъ Евангеліе, а не для суда. Газскій митрополитъ на Москвѣ у престола Господня принесъ клятву, что онъ живетъ истинно, и отецъ духовный, архангельскій митрополитъ (т. е. Ѳеодосій сербскій) въ томъ его свидѣтельствовалъ. Ставленая грамата у него есть, а про отлученіе его отъ іерусалимскаго патріарха граматы не бывало. На соборахъ предсѣдателемъ онъ, Паисій, не бывалъ и намѣстникомъ патріарховъ не назывался, и

служитъ до разсужденія о немъ вселенскихъ патріарховъ». Никонъ отвѣчалъ: «я за обидящаго молился, а не клялъ, а граматы государевы подъ Евангеліемъ были»; но для чего были, и кто обидящій, про то не сказалъ. И продолжалъ: «а газскому митрополиту, по правиламъ, служить не слѣдуетъ, потому что онъ епархію свою оставилъ и живетъ въ Москвѣ долгое время. Да слышалъ я отъ дьякона Агаѳангела, что газскій митрополитъ іерусалимскимъ патріархомъ отлученъ и проклятъ. Много у меня такихъ мужиковъ». Затѣмъ прибавилъ: «мнѣ говорилъ бояринъ князь Никита Ивановичъ государевымъ словомъ, что Иванъ Сатинъ хочетъ меня зарѣзать». «Такихъ рѣчей, сказалъ князь Одоевскій, я Никону патріарху не говорилъ, а самъ онъ мнѣ говорилъ: если хотите меня зарѣзать, то велите зарѣзать, и обнажилъ свою грудь». Патріархъ Макарій засвидѣтельствовалъ: «газскій митрополитъ Паисій въ дьяконы и въ попы ставленъ въ Іерусалимѣ, а не въ Римѣ; про то я подлинно вѣдаю».

Когда въ граматѣ прочитано было о приходѣ Никона въ Москву по случаю ожидавшагося нашествія татаръ, государь сказалъ: «для чего Никонъ утаилъ и не написалъ, какъ онъ видѣлъ въ то время мои царскія очи, и какъ при думномъ дьякѣ Алмазѣ Ивановѣ говорилъ, что отрекся отъ своего престола?» А думный дьякъ Алмазъ Ивановъ заявилъ: «Никонъ дѣйствительно сказалъ тогда при мнѣ на воскресенскомъ подворьѣ, что онъ только имени своего не отрекся, а престола отрекся». Никонъ про то, что видѣлъ тогда государевы очи, ничего не сказалъ, а въ отреченіи отъ престола запирался.

Когда прочитано было въ граматѣ, что царь посылаетъ къ патріархамъ граматы и многіе дары, а присланныхъ отъ

нихъ людей сажаетъ въ заключенія, государь говорилъ: «я посылалъ къ патріархамъ граматы съ просьбою, чтобы пришли и умирили церковь, а даровъ къ нимъ не посылалъ, и присланныхъ отъ нихъ никого за карауломъ не держалъ, кромѣ Севастіана Дмитріева, потому что онъ привезъ отъ іерусалимскаго патріарха грамату, въ которой многое было писано къ ссорѣ; да и онъ не за карауломъ былъ держанъ, а жилъ въ хоромахъ набережныхъ, и корму и питья ему давали довольно. А онъ, Никонъ, посылалъ къ патріархамъ съ граматами племянника своего, и далъ черкашенину многіе золотые, чтобъ провезъ того племянника съ собою и отпустилъ къ цареградскому патріарху». *Никонъ*: «я черкашенину никакихъ золотыхъ не давалъ, а далъ племяннику своему на дорогу, и тотъ племянникъ на дорогѣ пойманъ».

Когда въ граматѣ прочитано было, какъ Никонъ приходилъ въ Москву, по письмамъ Никиты Зюзина, и что Зюзинъ за то былъ сосланъ, а жена его умерла, государь сказалъ: «Никита Зюзинъ достоинъ былъ за свое дѣло смертной казни, потому что онъ призывалъ Никона въ Москву безъ моего повелѣнія и учинилъ многую смуту; а жена никитина умерла отъ Никона, потому что онъ выдалъ письма Никиты, котораго имѣлъ за друга, мнѣ, государю». *Никонъ*: «тѣ письма я прислалъ государю, оправдывая себя». И царь поднесъ патріархамъ все дѣло о приходѣ Никона въ Москву, по письмамъ Зюзина, и патріархи то дѣло приняли.

Въ граматѣ было написано, что многіе за Никона, кто только говорилъ о немъ доброе слово, посланы были въ заточеніе и мукамъ преданы: иподьяконъ Никита будто умеръ въ желѣзахъ, попъ Сысой будто погубленъ, строитель Ааронъ

будто сосланъ въ соловецкій монастырь, и проч. *Государь:* «Иподьяконъ Никита ѣздилъ отъ Никона къ Никитѣ Зюзину съ ссорными письмами, и за то сидѣлъ подъ карауломъ, и умеръ собою отъ болѣзни; Сысой попъ—вѣдомый воръ и ссорщикъ, и за многія его плутовства сосланъ; Ааронъ строитель говорилъ про меня, государя, непристойныя слова, и за то сосланъ; да и другіе, которые были обличены въ какихъ либо ссорныхъ дѣлахъ, находились въ ссылкахъ и за карауломъ. А что Никонъ въ граматѣ написалъ, будто за него многіе люди мучены были, то пусть скажетъ именно, кто былъ мученъ?» Никонъ отвѣчалъ: «про то мнѣ сказывали», а кто сказывалъ, именно не объявилъ. *Государь:* «надобно было ссорнымъ рѣчамъ не вѣрить и ко вселенскимъ патріархамъ можно не писать».

Въ граматѣ было написано, что повелѣлъ государь быть собору, и благословеніемъ газскаго митрополита Паисія перемѣстили Питирима, митрополита сарскаго, въ Новгородъ, вопреки правилу, запрещающему перемѣщать архіереевъ, и на мѣсто Питирима поставили Павла, архимандрита чудовскаго, и другихъ архіереевъ въ иныя епархіи. *Государь:* «когда Никонъ былъ на патріаршествѣ, въ то время перевелъ онъ изъ Твери архіепископа Лаврентія въ Казань митрополитомъ, да и иныхъ многихъ отъ мѣста къ мѣсту переводилъ». *Никонъ:* «я то дѣлалъ не по правиламъ, въ невѣдѣніи». Питиримъ Никону: «ты и самъ въ новгородскую митрополію возведенъ на мѣсто живаго митрополита Аѳонія». Никонъ Питириму: «тотъ Аѳоній митрополитъ былъ безъ ума; чтобъ и тебѣ также быть безъ ума».

Вслѣдъ за тѣмъ въ граматѣ было написано: «отъ сего беззаконнаго собора преста на Руси соединеніе съ св. восточною церковію, и отъ благословенія вашего отлучишася, но отъ римскихъ костеловъ начатокъ пріяша волями своими. А откелѣ же пріяла Русь св. крещеніе отъ св. восточной церкви, не бы у насъ ниединаго соединенія съ западнымъ костеломъ..., и Исидора митрополита изгнаша, яко еретика». По прочтеніи этого царь говорилъ патріархамъ: «Никонъ написалъ такія великія укоризны и неправды ложно, забывъ страхъ Божій, и тѣмъ св. апостольскую церковь и православную вѣру въ Россіи опорочилъ, и меня—государя, и весь освященный соборъ, и весь царскій синклитъ, и всѣхъ православныхъ христіанъ русскихъ отъ благочестивой вѣры и отъ благословенія восточныхъ патріарховъ отчелъ, и къ римскому костелу и вѣрѣ причелъ, и назвалъ всѣхъ еретиками. Еслибы только то письмо Никона дошло до вселенскихъ патріарховъ, быть бы всѣмъ намъ, православнымъ христіанамъ, подъ клятвою. И за то его ложное и затѣйливое письмо надобно всѣмъ стоять и умирать и отъ того очиститься». И всѣ митрополиты, архіепископы и епископы, и освященный соборъ, всѣ бояре, окольничіе и думные люди били челомъ патріархамъ, чтобъ допросили Никона, почему онъ такъ написалъ и ихъ еретиками назвалъ. Патріархи спросили Никона: «чѣмъ они отлучились отъ соборныя церкви?» *Никонъ:* «тѣмъ, что газскій митрополитъ Паисій перевелъ Питирима изъ одной митрополіи въ другую, и на его мѣсто поставилъ другаго митрополита, да и иныхъ архіереевъ отъ мѣста къ мѣсту переводилъ, а ему то дѣлать не подобало, потому что отъ іерусалимскаго патріарха онъ отлученъ и проклятъ. Да хотя бы

онъ и не еретикъ былъ, ему на Москвѣ долго быть не для чего; я его за митрополита не ставлю, у него и ставленой граматы на свидѣтельство нѣтъ; и мужикъ наложитъ на себя мантію, и будетъ такой же митрополитъ. Я то про него писалъ, а не о православныхъ христіанахъ». Но царь и весь соборъ и синклитъ Никона въ томъ уличали, и повторяли предъ патріархами: «онъ всѣхъ насъ въ граматѣ назвалъ еретиками, а не одного митрополита газскаго; учините въ томъ указъ по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ». Тогда Никонъ, обратившись къ государю, сказалъ: «только бъ ты Бога боялся, ты бы такъ со мною не дѣлалъ».

Въ граматѣ было написано, что на всѣ церковныя степени ставятъ по повелѣнію государя, и въ ставленыхъ граматахъ пишутъ, что тотъ или другой хиротонисованъ по повелѣнію государя, и въ архіереи избираютъ и ставятъ, и отлучаютъ—все по повелѣнію же государя. *Государь:* «на священныя степени ставятъ и ставленыя граматы даютъ ставленникамъ такъ же и нынѣ, какъ бывало прежде; въ архіереи избираютъ и поставляютъ и, кого придется, отлучаютъ власти соборомъ, а не по моему указу, и то Никонъ про меня написалъ неправду».

Въ граматѣ было написано, что государь изъ патріаршей казны беретъ на свои проторы, и изъ архіерейскихъ и монастырскихъ имѣній, по его указу, берутъ на службу людей, и деньги, и хлѣбъ немилостиво. *Государь:* «что взято изъ патріаршей казны, то было взято въ займы, а не даромъ, и о тѣхъ деньгахъ записано въ книгахъ патріаршаго приказа; многое уже заплачено, а остальное будетъ заплачено впослѣдствіи. А со властей и съ монастырей брались даточные люди

и деньги, и хлѣбъ, какъ бирались и въ прежнія времена, для государевой службы. Онъ же, Никонъ, на строеніе новаго воскресенскаго монастыря бралъ изъ домовой патріаршей казны многія деньги, которыя собраны были со властей и съ монастырей, вмѣсто даточныхъ людей; да онъ же бралъ со властей и монастырей многія подводы самовольствомъ». Никонъ во всемъ томъ заперся, будто онъ тѣхъ денегъ и подводъ не биралъ. Но митрополиты, архіепископы и епископы его уличали и говорили, что онъ и деньги, собиравшіяся съ нихъ за даточныхъ людей, употреблялъ на строеніе воскресенскаго монастыря, и бралъ отъ нихъ подводы и посылалъ въ тотъ же монастырь самовольно, безъ государева указа.

Когда прочитано было, что бояринъ Семенъ Лукьяновичъ Стрѣшневъ научилъ собачку сидѣть и передними ногами благословлять, назвавъ ее Никономъ, и что хотя за такое безчиніе Никонъ проклялъ Стрѣшнева, но царское величество ни во что вмѣнилъ ту клятву, государь сказалъ: «Никонъ о томъ мнѣ не писывалъ, а Семенъ Лукьяновичъ поклялся предо мною, что того вовсе не бывало». Затѣмъ всѣ архіереи говорили, что Никонъ проклялъ боярина напрасно и безъ собору. Бояринъ же Петръ Михайловичъ Салтыковъ прибавилъ, что Никонъ Семена Лукьяновича Стрѣшнева отъ клятвы разрѣшилъ, и грамату ему прощальную прислалъ.

Въ граматѣ было написано о Меѳодіѣ, епископѣ мстиславскомъ, что его послали изъ Москвы митрополитомъ на кіевскую митрополію, которая изначала была подъ благословеніемъ константинопольскаго патріарха. *Государь*: «епископъ Меѳодій посланъ въ Кіевъ не митрополитомъ, но блюстителемъ, нужды ради; кіевскій митрополитъ, оставя свою каѳедру,

ушелъ въ Польшу изъ Кіева, а тамошняя страна безъ пастыря быть не можетъ; городовъ и людей въ ней много, отъ Москвы она далеко. И о томъ поставленіи Меѳодія я писалъ къ константинопольскому патріарху. Самъ же Никонъ, какъ былъ на патріаршествѣ, поставилъ въ Полоцкъ епископа, хотя полоцкая епархія также изстари подъ благословеніемъ цареградскаго патріарха». *Никонъ*: «въ Полоцкъ и прежде, при царѣ Ѳедорѣ Ивановичѣ, ставили епископовъ московскіе патріархи».

Въ граматѣ было написано о Питиримѣ митрополитѣ, что онъ стоялъ на патріаршескомъ мѣстѣ и сидѣлъ на патріаршемъ сѣдалищѣ, чего и приходившіе къ намъ восточные патріархи не дѣлывали. Питиримъ отвѣчалъ: «по отшествіи Никона патріарха, я стоялъ и сидѣлъ въ соборной церкви, во время службъ, тамъ, гдѣ мнѣ подобало стоять и сидѣть, но на патріаршемъ мѣстѣ не стаивалъ и не сиживалъ; а въ недѣлю ваій я дѣйствовалъ по указу государя, а не собою». *Никонъ*: «тебѣ не слѣдовало такъ дѣйствовать, то дѣйство патріаршеское». *Государь*: «когда Никонъ былъ въ Новгородѣ митрополитомъ, онъ и самъ такъ дѣйствовалъ, и когда былъ на патріаршествѣ, при немъ такъ дѣйствовали въ Новгородѣ и въ Казани и въ Ростовѣ». *Никонъ*: «то де я дѣлалъ по невѣдѣнію».

Въ концѣ граматы было написано: «писася въ строеніи нашемъ, въ новомъ Іерусалимѣ воскресенскаго монастыря». Тутъ патріархи спросили Никона: «зачѣмъ онъ такъ написалъ?» Никонъ сначала сказалъ, что то переведено невѣрно, а потомъ присовокупилъ, что хотя у него и написано «въ новомъ Іерусалимѣ», только намѣреніе его къ горнему Іерусалиму, и назвалъ себя священникомъ того Іерусалима.

Когда чтеніе граматы и всѣ возраженія противъ нея окончились, Никонъ обратился къ государю и сказалъ: «Богъ тебя судитъ; я еще на избраніи своемъ узналъ, что тебѣ, государю, быть добру ко мнѣ только до шести лѣтъ, а потомъ быть мнѣ возненавидѣннымъ и мучимымъ». «Допросите его,—сказалъ царь патріархамъ,—какъ онъ то узналъ на избраніи своемъ». Но Никонъ на вопросъ патріарховъ ничего не отвѣчалъ. «Сказывалъ Никонъ,—замѣтилъ рязанскій архіепископъ Иларіонъ, — что видѣлъ звѣзду метлою, и отъ того будетъ московскому государству погибель; онъ бы повѣдалъ, отъ коего духа то узналъ». *Никонъ:* «и въ древнемъ законѣ такія знаменія бывали; авось де на Москвѣ то и сбудется. Господь пророчествовалъ на горѣ елеонской о разореніи Іерусалима за четыреста лѣтъ». И патріархи велѣли Никону идти на подворье ([385]).

([385]) Изложено по современной записи. Тоже самое о засѣданіи 1-го декабря излагаетъ и Паисій Лигаридъ, но по мѣстамъ въ другомъ порядкѣ и лишь въ общихъ чертахъ, безъ подробностей, которыхъ онъ и не могъ запомнить, такъ какъ писалъ свою книгу гораздо послѣ (описываетъ въ ней и событія 1667 года). По этой же, вѣроятно, причинѣ онъ помѣстилъ въ своемъ описаніи настоящаго засѣданія кое-что и такое, впрочемъ, неважное, о чемъ вовсе не упоминается въ современной записи, и чего потому и мы не внесли въ свою Исторію (Лигар. II, гл. 14). А Шушеринъ, писавшій о соборномъ судѣ надъ Никономъ, спустя много лѣтъ, и по разсказамъ только людей своей партіи, тѣмъ еще менѣе заслуживаетъ довѣрія. По его сказанію, засѣданій для суда надъ Никономъ было два: первое—2 декабря, въ воскресенье, второе—3 декабря, въ понедѣльникъ. На первомъ засѣданіи Никонъ только подробно изложилъ, почему отошелъ изъ Москвы и за что предавалъ клятвѣ виновныхъ; касательно же граматы къ патріарху Діонисію далъ отвѣтъ, что писалъ ее къ нему, какъ къ своему старшему брату; а самая грамата не была читана въ засѣданіи. На второмъ засѣданіи читана была и разбиралась эта самая грамата; но какъ разбиралась, подробностей у Шушерина не сообщено, а лишь замѣчено, будто, при чтеніи ея, архіереи Павелъ, Иларіонъ и Меѳодій, какъ дикіе звѣри, нападали на Никона, всѣ же

Засѣданіе было слишкомъ продолжительно. Начавшись въ третьемъ часу дня, оно окончилось во второмъ часу ночи, и болѣе всѣхъ должно было утомить царя и патріарха Никона, которые одни почти и дѣйствовали и все время оставались на ногахъ. Все засѣданіе посвящено было только допросамъ Никона. Обвиненія, по которымъ допрашивали его, указывалъ самъ царь, и главныхъ обвиненій было два. Первое состояло въ томъ, что Никонъ самовольно отрекся отъ престола и оставилъ церковь, отъ чего въ ней произошли многія смуты, и она девятый уже годъ оставаласъ безъ архипастыря. Второе—въ томъ, что Никонъ въ своихъ письмахъ къ восточнымъ патріархамъ изрекъ многія безчестія и укоризны на государя, оклеветалъ его. Изъ распросовъ по первому обвиненію уяснилось, что Никонъ оставилъ свою каѳедру и церковь единственно изъ-за гнѣва государя къ нему лично,—причина совершенно недостаточная: если и былъ на него гнѣвъ государя, то ему, Никону, слѣдовало, какъ справедливо замѣтили ему патріархи, посовѣтоваться съ архіереями и бить челомъ государю, просить у него прощенія, а не покидать церкви, и на такое долгое время. Изъ допросовъ по второму обвиненію или, что тоже, изъ чтенія граматы никоновой къ патріарху Діонисію, хотя обнаружилось, что не все Никонъ написалъ про царя неправду, и по нѣкоторымъ

прочіе архіереи и всѣ бояре стояли молча, и будто потому царь съ яростію возопилъ: «бояре, бояре, что вы молчите, и меня выдаете, или я вамъ не нуженъ?», — и затѣмъ, обратившись къ черниговскому епископу, сказалъ: «Лазаре, что молчишь и меня выдаешь? Я на тебя надѣялся»... и проч. (*Шушер*. Изв., стр. 62. 64—70). Все видимо направлено къ возвеличенію Никона.

дѣламъ объясненія, высказанныя на соборѣ царемъ, нельзя признать удовлетворительными, но обнаружилось также, что Никонъ дѣйствительно написалъ про государя важныя укоризны, клеветы, неправды, которыя и подтвердить чѣмъ либо отказался: напримѣръ, будто царь вмѣшивался въ архіерейскія дѣла, будто онъ изъ-за Никона многихъ мучилъ, посылалъ въ заточеніе; будто, за нападки на Уложеніе, его, Никона, много разъ хотѣли убить и проч. Обнаружилось еще, что Никонъ самъ собою, безъ собора, низложилъ и подвергъ жестокому наказанію епископа коломенскаго Павла, и нанесъ въ своей граматѣ къ Діонисію безчестіе не одному государю, но и всѣмъ сынамъ русской церкви, якобы они уклонились отъ восточнаго православія и соединились съ римскимъ костеломъ. Патріархи Паисій и Макарій мало говорили въ этомъ засѣданіи: лишь изрѣдка предлагали вопросы и дѣлали замѣчанія. Изъ русскихъ архіереевъ и изъ чиновъ царскаго синклита говорили немногіе и немного, когда признавали то нужнымъ и умѣстнымъ; а изъ греческихъ архіереевъ не говорилъ никто, даже Паисій Лигаридъ, вѣроятно, потому, что они не понимали русскаго языка, на которомъ происходили всѣ допросы Никону и его отвѣты, равно какъ и всѣ объясненія царя.

Шестое засѣданіе собора, судебное третье, происходило въ тойже столовой избѣ государевой 3-го декабря, въ понедѣльникъ. Присутствовали какъ патріархи съ архіереями и прочимъ духовенствомъ, такъ и самъ царь съ своимъ синклитомъ; но Никонъ не былъ приглашенъ, вѣроятно, потому, что теперь не предлагалось никакихъ новыхъ обвиненій противъ него, а только подтверждались, пояснялись и обсужда-

лись прежнія, по которымъ онъ уже былъ допрошенъ въ предшествовавшемъ засѣданіи, и только доканчивалось то, чего тогда не успѣли кончить: судъ теперь былъ заочный ([386]). Лишь только засѣданіе открылось, государь сошелъ съ своего царскаго мѣста и говорилъ къ патріархамъ: «приношу жалобу, вмѣстѣ съ митрополитами, архіепископами и епископами и всѣмъ освящ. соборомъ, съ боярами, окольничими и со всѣмъ синклитомъ, на Никона, бывшаго патріарха, что онъ, бранясь съ митрополитомъ газскимъ, въ письмѣ своемъ къ цареградскому патріарху назвалъ меня, и весь освященный соборъ, и всего моего царства людей еретиками, будто мы отложились отъ св. восточной апостольской церкви и приложились къ римскому костелу. А св. мать наша, соборная наша церковь имѣетъ въ себѣ многоцѣлебную ризу Спасителя нашего и Бога, и мощи святителей и чудотворцевъ московскихъ, и мы вѣруемъ истинно, по преданію св. апостоловъ и св. отцевъ, и должны умирать за свою православную вѣру и за св. Божія церкви. Разсудите нашу жалобу и очистите меня и освящ. соборъ и всѣхъ православныхъ христіанъ нашего царства отъ того никонова названія». И, окончивъ рѣчь, государь поклонился патріархамъ, а за нимъ и весь соборъ и весь синклитъ поклонились патріархамъ до земли. Патріар-

([386]) Что засѣданіе 3 декабря дѣйствительно было, объ этомъ,—кромѣ современной записи, въ которой оно подробно описано,—свидѣтельствуетъ и другая современная запись о выходахъ патріаршихъ, гдѣ читаемъ: «того же (декабря) мѣсяца въ 3 день, въ понедѣльникъ, были въ верху у государя вселенскіе патріархи и московскіе власти всѣ, а Никонъ не былъ» (Доп. къ Акт. Истор. V, № 26, стр. 99). А у Лигарида и у Симеона Полоцкаго не упомянуто объ этомъ засѣданіи, можетъ быть, потому, что Никона на немъ не допрашивали, да и совсѣмъ его не было.

хи, въ отвѣтъ на эту жалобу, которая была приносима и въ предшествовавшемъ засѣданіи, сказали: «то дѣло великое, и за то дѣло надобно стоять крѣпко. Если Никонъ назвалъ тебя, государь, и весь соборъ и всѣхъ въ вашемъ царствѣ еретиками, то назвалъ также еретиками и насъ, будто мы къ еретикамъ пришли творить судъ. Но мы въ московскомъ государствѣ видимъ православныхъ христіанъ, имѣющихъ истинную вѣру греческаго закона. По правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ, кто на кого клевещетъ или кого обвиняетъ въ какомъ либо зломъ дѣлѣ, и не докажетъ обвиненія, тотъ самъ подвергается наказанію, какого заслуживалъ бы обвиняемый имъ, еслибы оказался виновнымъ; а кто взведетъ на кого еретичество, и не докажетъ, такой клеветникъ достоинъ, если священникъ, изверженія, а если мірянинъ, проклятія. Никонъ назвалъ тебя, государя, и всѣхъ у васъ православныхъ христіанъ еретиками, и мы будемъ судить его по правиламъ св. апостоловъ и св. отцевъ». Тутъ государь разсказалъ патріархамъ, что вчера, 2-го декабря, онъ посылалъ къ Никону яства и питье, но Никонъ не принялъ и сказалъ, что у него и своего есть много, и будто онъ о томъ государю не приказывалъ. Патріархи замѣтили: «Никонъ дѣлаетъ все, изступя ума своего».

Послѣдовали и другія дополненія и поясненія къ тому, что говорилось въ предшествовавшемъ засѣданіи.

Тогда говорили и свидѣтельствовали, что Никонъ отрекся отъ своего патріаршаго престола, а Никонъ утверждалъ, что не отрекался: теперь государь представилъ патріархамъ три письма къ нему Никона, въ которыхъ послѣдній самъ называлъ себя *бывшимъ* патріархомъ, и письма эти были прочи-

таны въ собраніи. Представилъ также государь и письмо къ нему Никона, присланное съ стольникомъ Матвѣемъ Пушкинымъ, гдѣ Никонъ излагалъ свое согласіе, чтобы въ Москву избранъ былъ новый патріархъ, при извѣстныхъ условіяхъ. И это письмо было прочитано.

Государь сказалъ въ прошломъ засѣданіи, что онъ не писалъ про Никона никакихъ укорительныхъ словъ въ своихъ граматахъ къ восточнымъ патріархамъ, тогда какъ Никонъ въ своихъ граматахъ къ нимъ написалъ про него многія безчестія и укоризны: теперь государь велѣлъ прочитать въ слухъ всѣхъ, для примѣра, грамату, посланную имъ къ александрійскому патріарху Паисію, объ отшествіи Никона съ престола, и, когда грамата была прочитана, вновь жаловался на клеветы и укоризны, какія написалъ про него Никонъ. Патріархи Паисій и Макарій сказали: «Никонъ писалъ такія укоризны, думая, что и всѣ таковы, каковъ онъ самъ. Въ царственныхъ книгахъ написано: кто обличится во лжи однажды и трижды, тому впредь вѣрить ни въ чемъ не должно. А бывшій патріархъ Никонъ обличился во многихъ лжахъ, и ему не подобаетъ ни въ чемъ вѣрить».

Никонъ назвалъ въ прошломъ засѣданіи митрополита Питирима и Павла своими недругами, будто они хотѣли его отравить: теперь оба митрополита подали патріархамъ свое письмо, очищая себя отъ клеветы, и патріархи велѣли своему переводчику, архимандриту Діонисію, принять эту бумагу. А государь приказалъ прочитать письмо къ нему патр. Никона, въ которомъ послѣдній такъ несправедливо и такъ рѣзко порицалъ Питирима и самого царя за совершенное Питиримомъ дѣйство въ недѣлю ваій. И письмо было прочитано.

Въ прошломъ засѣданіи государь сказалъ, что газскій митрополитъ Паисій оправдался противъ клеветъ Никона: теперь Павелъ, митрополитъ сарскій, поднесъ патріархамъ самое «сыскное дѣло» о газскомъ митрополитѣ, производившееся еще прежде соборнѣ вслѣдствіе взведенныхъ на него Никономъ обвиненій и обнаружившее, что Паисій православенъ. И патріархи то дѣло велѣли принять. Сказалъ еще въ прошломъ засѣданіи государь про коломенскаго епископа Павла, какъ извергъ и заточилъ его Никонъ: теперь государь вновь повелъ рѣчь о Павлѣ и просилъ патріарховъ, чтобы они «изверженіе его разсмотрѣли».

Вспомнили также государь и патріархи про жалобу Никона, что его домоваго человѣка ударилъ государевъ окольничій Хитрово, и что будтобы это безчестіе восходитъ и на него, Никона. И государь разсказалъ: однажды, когда Никонъ былъ еще на патріаршествѣ, его домовый человѣкъ Григорій Верещагинъ разломалъ предо мною мостъ. Я послалъ виновнаго къ Никону и велѣлъ сказать ему, что человѣкъ его разломалъ предо мною мостъ; но Никонъ отвѣчалъ: «для чего государь самъ не управился съ Верещагинымъ за такое безчестіе; вина за то безчестіе не восходитъ на меня». А патріархъ антіохійскій Макарій сказалъ: «въ то время, какъ у царскаго величества былъ столъ для грузинскаго царя Теймураза, Никонъ патріархъ прислалъ туда своего человѣка, чтобы учинить смуту. Но въ градскихъ законахъ написано: кто межъ царей учинитъ смуту, тотъ достоинъ смерти, и потому кто ударилъ человѣка никонова, того Богъ да проститъ». И, поднявшись, осѣнилъ, въ знаменіе этого прощенія, своими благословляющими руками окольничаго Богдана Матвѣевича, ко-

торый и ударилъ ему на благословеніе челомъ. Затѣмъ патріархъ антіохійскій разсказалъ про два случая, бывшіе въ то время, какъ онъ въ первый разъ находился въ Москвѣ (1655—1656 г.). Сербскій архіепископъ (патріархъ) Гавріилъ ходилъ помолиться въ троицкій-сергіевъ монастырь, и на возвратномъ пути оттуда остановился въ селѣ Пушкинѣ на полѣ. Мужики этого села, патріаршіе крестьяне напали на архіепископа и били его ослопьями. Прибывъ въ Москву, онъ принесъ жалобу патріарху Никону, и Никонъ управы не далъ, а сказалъ только: «мужики съ-пьяна то сдѣлали». Другой случай: въ соборной церкви, въ алтарѣ, при совершеніи литургіи, Никонъ снялъ шапку съ одного архіерея и всячески бранилъ его за то только, что онъ, во время кажденія, держалъ кадило за кольцо, а не за цѣпи.

Тотъ же патріархъ Макарій говорилъ: «подобаетъ въ навечеріи Богоявленія святить воду въ церкви, а въ самый праздникъ Богоявленія исходить на іордань днемъ, чтобъ всѣмъ было видимо; патріархъ же Никонъ ходилъ на іордань въ навечеріи праздника, а не въ самый праздникъ»... А оба патріарха говорили государю: «Никонъ писался патріархомъ новаго Іерусалима,—кто его поставилъ въ новый Іерусалимъ патріархомъ? Другого Іерусалима на землѣ нѣтъ». И еще: «мы слышимъ про Никона, что онъ позабралъ себѣ многіе монастыри и вотчины: дозволь, государь, всѣмъ, кого чѣмъ либо обидѣлъ Никонъ, приносить намъ на него жалобы,—и ихъ наберется много».

Наконецъ, государь сказалъ, чтобы патріархи «ѣхали къ себѣ, и нынѣшняго дня въ вечеру, или, какъ они изволятъ, велѣли быти къ себѣ властямъ, и съ ними совѣтовати и дѣлъ

слушати у себя, гдѣ они стоятъ». Значитъ, кромѣ открытыхъ засѣданій собора по дѣлу Никона, были еще домашнія засѣданія и совѣщанія у патріарховъ въ ихъ кельяхъ.

На *седьмое* засѣданіе собора, четвертое судебное, 5-го декабря, въ среду, собрались въ столовой избѣ государя тѣже самыя лица, духовныя и свѣтскія, которые присутствовали на прежнихъ засѣданіяхъ. И патріархи сказали, что нужно позвать на соборъ бывшаго патріарха Никона, и послали за нимъ двухъ епископовъ, вятскаго Александра и мстиславскаго Меѳодія, съ двумя архимандритами. Никонъ пришелъ, какъ и прежде, въ преднесеніи ему креста и, вступивъ въ царскую столовую, проговорилъ входъ и молитву и поклонился государю до земли дважды, а потомъ кланялся патріархамъ, властямъ, боярамъ и прочимъ. Въ настоящемъ засѣданіи объявлялись Никону главныя на него обвиненія, противъ которыхъ онъ возражалъ, пытаясь отрицать компетентность самихъ судей своихъ; читались правила церкви для суда надъ нимъ, противъ которыхъ онъ также возражалъ, и состоялся самый приговоръ надъ нимъ. Все это происходило не въ порядкѣ, а смѣшанно, съ перерывами и отступленіями, по крайней мѣрѣ, въ такомъ видѣ изложено въ современной записи.

Въ началѣ александрійскій патріархъ Паисій, судія вселенной, говорилъ государю и всему собору и всему царскому синклиту, что они, патріархи, пришли въ царствующій градъ Москву не для какой либо милостыни и не по нуждѣ, а по письму великаго государя, чтобы судить бывшаго патріарха Никона, оставившаго св. соборную церковь и свой патріаршескій престолъ съ клятвою. И затѣмъ, обратившись къ Никону,

объявилъ ему первое и самое важное на него обвиненіе: «ты отрекся своего патріаршаго престола съ клятвою и отошелъ безъ правильной вины». *Никонъ*: «я не отрекся патріаршескаго престола съ клятвою, я свидѣтельствовался небомъ и землею и отошелъ отъ государева гнѣва. А нынѣ да будетъ, что̀ царское величество изволитъ, и я пойду, куда государь укажетъ: благое по нуждѣ не бываетъ». *Патріархи*: «многіе слышали, какъ ты отрекся отъ патріаршества съ клятвою». *Никонъ*: «то на меня затѣяли; а если я негоденъ, я не домогаюсь возвращенія на престолъ и пойду туда, куда царское величество изволитъ». Патріархи перешли къ другому обвиненію на Никона и спросили его: «кто велѣлъ тебѣ писаться патріархомъ новаго Іерусалима?» *Никонъ*: «я не писался и не называлъ себя патріархомъ новаго Іерусалима». «Нѣтъ, писался», замѣтилъ рязанскій архіепископъ Иларіонъ, и показалъ письмо, писанное рукою Никона. Никонъ взглянулъ и молвилъ: «рука моя, развѣ описался?»...

Никонъ понималъ, къ чему идетъ дѣло, и рѣшился заявить сомнѣніе объ авторитетности своихъ судей, патріарховъ, и сказалъ: «рязанскій архіепископъ Иларіонъ говоритъ, что я назвалъ патріарховъ (Паисія и Макарія) неистинными патріархами, и я дѣйствительно такъ ихъ назвалъ, потому что на ихъ престолахъ, какъ я слышалъ отъ грековъ, теперь другіе патріархи: пусть государь прикажетъ свидѣтельствовать и патріархи пусть присягнутъ на Евангеліи». *Патріархи*: «мы истинные патріархи, не низверженные и сами не отрекались отъ своихъ престоловъ, развѣ турки безъ насъ что̀ учинили. Если же кто дерзнулъ вступить на какой либо изъ нашихъ престоловъ вопреки правилъ и по принужденію

отъ турокъ, то онъ не патріархъ, но прелюбодѣй. А клясться на св. Евангеліи архіерею не подобаетъ». *Никонъ:* «отъ сего часа, свидѣтельствуюсь Богомъ, я не стану говорить предъ вами, патріархами, пока константинопольскій и іерусалимскій сюда не будутъ» (хотя, какъ увидимъ, Никонъ скоро нарушилъ это свое обѣщаніе и опять говорилъ предъ судившими его патріархами). Архіепископъ Иларіонъ Никону: «какъ ты не боишься суда Божія, вселенскихъ патріарховъ безчестишь»...

Патріархи возвратились къ первому и важнѣйшему обвиненію на Никона, и говорили ко всѣмъ архіереямъ и освященному собору: «скажите правду, дѣйствительно ли Никонъ отрекся съ клятвою патріаршескаго престола?» Питиримъ митрополитъ новгородскій, Іоасафъ архіепископъ тверскій, равно архимандриты и игумены, служившіе въ соборной церкви съ патріархомъ Никономъ въ день его отреченія, отвѣчали, что онъ отрекся патріаршескаго престола съ клятвою и сказалъ: «если буду патріархомъ, анаѳема буду». *Никонъ:* «я не имѣю притязанія быть опять на престолѣ патріаршескомъ; но кто послѣ меня будетъ патріархомъ, тотъ анаѳема будетъ: такъ я и писалъ къ великому государю, чтобы безъ моего совѣта не поставилъ иного патріарха». *Тверскій архіепископъ:* «какъ Никонъ отрекался патріаршескаго престола, мы умоляли его, чтобы не покидалъ престола и возвратился, но онъ отвѣчалъ, что, отрекшись разъ, болѣе не будетъ патріархомъ, а если возвратится, анаѳема будетъ». *Никонъ:* «меня не звали, и я съ клятвою не отрекался престола». *Архіереи:* «мы звали тебя, и ты не послушалъ,—тому много свидѣтелей». *Окольничій Богданъ Матвѣевичъ Стрѣшневъ:* «какъ посылалъ го-

сударь въ то время князя Алексѣя Никитича Трубецкаго да меня въ церковь спросить Никона, почему онъ оставляетъ патріаршій престолъ и хочетъ идти, Никонъ отвѣчалъ: я обѣщался быть на патріаршествѣ три года, и больше не буду». *Никонъ:* «не имѣю притязанія на престолъ; воленъ великій государь». *Думный дьякъ Алмазъ Ивановъ:* «Никонъ говорилъ и писалъ къ великому государю въ граматѣ: не подобаетъ мнѣ возвратиться на престолъ, какъ псу на свою блевотину». *Никонъ:* «не говаривалъ я того и не писывалъ; но не меня только, а и Іоанна Златоуста изгнали неправедно». *Архіереи:* «тебя никто не изгналъ, ты самъ отошелъ съ клятвою». Никонъ къ государю: «какъ на Москвѣ учинился бунтъ, ты, царское величество, и самъ неправду свидѣтельствовалъ; а я пошелъ, устрашась твоего государева гнѣва». Государь Никону: «говоришь на меня непристойныя слова, безчестя меня. Никто бунтомъ ко мнѣ не прихаживалъ; а если приходили земскіе люди, то не на меня, государя, а приходили бить мнѣ челомъ объ обидахъ». И весь соборъ и синклитъ говорили Никону: «какъ ты не страшишься Бога, непристойныя слова говоришь и безчестишь великаго государя». *Патріархи:* «ты, какъ покинулъ престолъ, писался бывшимъ патріархомъ». *Никонъ:* «и Григорій богословъ и Аѳанасій великій, какъ отходили съ престоловъ, были также бывшими патріархами». *Патріархи:* «они своихъ престоловъ съ клятвою не отрекались; а ты, какъ снималъ съ себя въ соборной церкви свящ. одежду, оставляя патріаршескій престолъ, говорилъ: я недостоинъ и не буду патріархомъ; если буду патріархомъ, анаѳема буду». *Никонъ:* «Григорій богословъ и Аѳанасій великій сходили съ престо-

ловъ и опять престолы свои приняли, и я свидѣтельствовался, что по нуждѣ отшелъ отъ гнѣва государева». *Александрійскій патріархъ:* «какой то гнѣвъ на тебя государя, что онъ не шелъ къ тебѣ въ церковь на торжества? Того и въ гнѣвъ ставить нечего: много у великаго государя бываетъ дѣлъ». *Государь:* «допросите Никона патріарха по Христовой заповѣди, съ чего онъ осердился на меня, когда окольничій Богданъ Матвѣевичъ Хитрово ударилъ за безчиніе его домоваго человѣка, и нудилъ ли я его, Никона, чтобы простилъ Богдана Матвѣевича?» Никонъ отвѣта не далъ и молчалъ.

Патріархи велѣли читать св. правила—погречески амасійскому митрополиту Козьмѣ, а порусски рязанскому архіепископу Иларіону, или, точнѣе, читать извѣстный свитокъ четырехъ патріарховъ, въ которомъ сведены были св. правила противъ Никона, и на основаніи ихъ уже произнесенъ былъ надъ Никономъ приговоръ всѣми восточными патріархами ([387]). Когда начали читать этотъ свитокъ, и когда архіепископъ Иларіонъ прочелъ изъ 14 главы свитка второе правило собора, бывшаго въ храмѣ св. Софіи: «аще кто (изъ архіереевъ) дерзнетъ самъ себя устранить отъ архіерейскаго мѣста, да не возвращается къ прежнему достоинству, которое самымъ дѣломъ отложилъ», Никонъ возразилъ: «тѣ правила не апостольскія и не вселенскихъ и не помѣстныхъ соборовъ; я не принимаю тѣхъ правилъ и не хочу слушать». *Павелъ митрополитъ крутицкій:* «тѣ правила приняла св.

([387]) О чтеніи тогда именно этого патріаршаго свитка свидѣтельствуетъ Симеонъ Полоцкій (Матер. для истор. раск., II, 174) и Лигаридъ (Истор. о соборѣ, II, гл. 15).

апостольская церковь». *Никонъ:* «тѣхъ правилъ въ русской кормчей нѣтъ, а греческія правила непрямыя; тѣ правила патріархи отъ себя сочинили, а не изъ правилъ взяли; послѣ вселенскихъ соборовъ—все враки; а печатали тѣ правила еретики; я не отрекался отъ престола, то на меня затѣяли». *Павелъ митрополитъ:* «тѣ правила находятся и въ нашей русской кормчей» (это совершенно вѣрно). *Никонъ:* «кормчая книга не при мнѣ напечатана». *Архіереи:* «кормчая напечатана при Іосифѣ патріархѣ, а исправлена и роздана при твоемъ патріаршествѣ, какъ и свидѣтельствуетъ о томъ сама кормчая; и изъ той кормчей книги самъ ты велѣлъ выписывать, по многимъ дѣламъ, правила и градскіе законы, и множество дѣлъ вершилъ».

Чтеніе правилъ было пріостановлено, и патріархи предложили Никону еще нѣсколько вопросовъ и выслушали его отвѣты. *Патріархи:* «сколько епископовъ судятъ епископа и сколько патріарха?» *Никонъ:* «епископа судятъ двѣнадцать епископовъ, а патріарха вся вселенная». *Патріархи:* «а вотъ ты одинъ осудилъ и извергъ епископа коломенскаго Павла, не по правиламъ». *Никонъ:* «я его не извергъ, а только снялъ съ него пеструю мантію и сослалъ въ монастырь подъ начало». *Патріархи:* «сослалъ его въ монастырь, и тамъ его мучили, и онъ изъ монастыря пропалъ безъ вѣсти»... *Патріархи:* «для чего ты носишь черный клобукъ съ херувимомъ и двѣ панагіи?» *Никонъ:* «черные клобуки носятъ греческіе патріархи, и я отъ нихъ взялъ; а херувимъ на клобукѣ ношу потому, что херувимы на бѣлыхъ клобукахъ у московскихъ патріарховъ. Двѣ панагіи ношу вотъ почему: съ одною я отошелъ отъ патріаршества, а другую,

какъ крестъ, въ помощь себѣ ношу». *Архіереи:* «какъ отрекся Никонъ престола, то бѣлаго клобука съ собою не взялъ, а взялъ простой греческій клобукъ, и нынѣ однакожъ носитъ клобукъ съ херувимомъ; то онъ собою учинилъ». *Патріархи:* «прежде ты не имѣлъ обычая носить предъ собою знаменіе креста,—откуда этому научился?» *Никонъ:* «крестъ есть побѣдное знамя всѣхъ христіанъ противъ враговъ видимыхъ и невидимыхъ». *Патріархи:* «правда; но какъ дерзнулъ ты, уже по отреченіи отъ престола и идя на судъ, дѣлать то, что не дѣлалъ во время своего патріаршества?» Никонъ ничего не отвѣчалъ, и патріархи приказали своему архидіакону взять крестъ изъ рукъ никонова дьякона, говоря: «ни у кого изъ православныхъ патріарховъ нѣтъ въ обычаѣ, чтобы предъ нимъ носили крестъ; Никонъ взялъ то у латынниковъ».

Патріархи вновь велѣли читать св. правила, а Никону сказали, чтобы онъ слушалъ. *Никонъ:* «греческія правила непрямыя, печатали ихъ еретики». *Патріархи:* «напиши и подпиши своею рукою, что наша книга правилъ еретическая и правила въ ней непрямыя, и укажи, что именно въ этой книгѣ еретическаго». Никонъ никакой ереси въ тѣхъ правилахъ не указалъ, и рукописанія своего о томъ не далъ. И патріархи говорили всѣмъ архіереямъ, греческимъ и русскимъ, что греческія правила святы и православны. А архіереи, греческіе и русскіе, сказали: «которыя правила читаны здѣсь,— всѣ православны».

Видя, что Никонъ не хочетъ подчиняться свящ. правиламъ, попытались подѣйствовать на него авторитетомъ патріарховъ. И Макарій антіохійскій спросилъ его: «вѣдомо ли

тебѣ, что александрійскій патріархъ—судія вселенскій?» *Никонъ:* «тамъ себѣ и суди. Но въ Александріи и Антіохіи нынѣ нѣтъ патріарховъ: александрійскій живетъ въ Египтѣ, антіохійскій въ Дамаскѣ». *Патріархи:* «а гдѣ жили эти патріархи, когда утвердили, вмѣстѣ съ двумя другими, патріаршество въ Россіи?» *Никонъ:* «я въ то время не великъ былъ» (вѣрнѣе, еще не родился). *Патріархи:* «и тогда жили патріархи—Мелетій александрійскій и Іоакимъ антіохійскій въ тѣхъ самыхъ мѣстахъ, гдѣ живемъ мы, и однакожъ почитались истинными патріархами. Если же вы насъ, ради одного переселенія, не считаете законными патріархами, то такъ же незаконны были и тѣ наши предшественники, а въ такомъ случаѣ нельзя считать законнымъ и патріаршества въ Россіи, которое они утвердили». Государь спросилъ Никона: «вѣришь ли ты всѣмъ вселенскимъ патріархамъ, и что патріархи александрійскій и антіохійскій пришли къ Москвѣ по согласію съ прочими патріархами? Вотъ свитокъ, подписанный ихъ собственными руками». Никонъ посмотрѣлъ на подписи патріарховъ и сказалъ: «я рукъ ихъ не знаю». *Макарій антіохійскій:* «то истинныя руки патріаршескія». Никонъ Макарію: «широкъ ты здѣсь, а какъ-то дашь отвѣтъ предъ константинопольскимъ патріархомъ?» И всѣ архіереи и бояре закричали къ Никону: «какъ ты не боишься Бога? Великаго государя и патріарховъ безчестишь, и всякую истину ставишь во лжу». Антіохійскій патріархъ сказалъ: «иногда и сатана, по нуждѣ, говоритъ истину, а Никонъ истины не исповѣдуетъ». Александрійскій же патріархъ, обратившись къ Никону, произнесъ слова 84 апостольскаго правила: «аще кто досадитъ царю не по правдѣ, да понесетъ наказаніе, и,

аще таковый будетъ изъ клира, да будетъ изверженъ отъ священнаго чина».

Послѣ этого патріархи спросили архіереевъ и весь освященный соборъ: какому наказанію подлежитъ патріархъ Никонъ по канонамъ церкви? И всѣ архіереи, сперва греческіе, потомъ русскіе, и весь освященный соборъ отвѣчали: «да будетъ изверженъ отъ священнаго чина».

Тогда оба патріарха, поднявшись съ своихъ мѣстъ, отъ имени всѣхъ четырехъ восточныхъ патріарховъ и всего освященнаго собора, сказали Никону: «нынѣ тебя, Никона, бывшаго патріарха, по правиламъ св. апостолъ и св. отецъ, извержемъ, и отселѣ не будеши патріархъ, и священная да не дѣйствуеши, но будеши, яко простой монахъ». И сказали ему главныя вины его: а) ты патріаршескаго престола отрекся съ клятвою и отошелъ безъ всякія правильныя вины, сердитуя на великаго государя; б) ты писалъ ко вселенскому константинопольскому патріарху Діонисію, что на Руси престало соединеніе съ св. восточною церковію, и отъ благословенія святѣйшихъ вселенскихъ патріарховъ отлучились, и приложились къ западному костелу, и тѣмъ ты, Никонъ, св. православную (русскую) церковь обругалъ, и благочестиваго государя царя и великаго князя Алексѣя Михайловича, всея великія и малыя и бѣлыя Россіи самодержца, и весь священный соборъ, и всѣхъ православныхъ христіанъ обезчестилъ, и назвалъ всѣхъ еретиками; в) ты же, Никонъ, и насъ, истинныхъ православныхъ патріарховъ, безчестилъ, называлъ не патріархами, и правила соборныя церкви называлъ ложными, и враками, и будто еретики ихъ печатали; г) да ты же, Никонъ, коломенскаго епископа Павла, безъ со-

бора, вопреки правилъ, извергъ и обругалъ, и сослалъ въ ссылку, и тамъ его мучилъ, и онъ пропалъ безвѣстно: и то тебѣ изверженіе вмѣнится въ убійство».

Сказавъ Никону вины его, патріархи,—замѣчаетъ современная запись,—«велѣли ему идти на подворье и быть тамъ до указу. А какъ святѣйшіе патріархи киръ Паисій и киръ Макарій бывшаго патріарха судили, въ то время великій государь стоялъ у своего государева мѣста» ([388]).

Приговоръ, произнесенный теперь надъ Никономъ, былъ только словесный и указывалъ лишь главныя вины его. Необходимо было, чтобы приговоръ былъ изложенъ въ письмени, съ возможною полнотою опредѣлялъ виновность Никона, и подписанъ былъ всѣми членами собора. И патріархи, еще предъ выходомъ изъ послѣдняго засѣданія, дали приказъ—написать соборный приговоръ этотъ на двухъ языкахъ, греческомъ и русскомъ. Спустя два дня, именно 8 декабря, патріархи, какъ замѣчено въ современной записи, сидѣли у государя три часа наединѣ. О чемъ совѣщались они, неизвѣстно. Но вечеромъ тогоже числа, точнѣе, ночью подъ 9-е декабря, Павелъ митрополитъ крутицкій, съ доклада великаго государя, писалъ архимандриту рождественскому Филарету да дьяку Авраму Кащееву слѣдующее: «вѣдомо учинилось святѣйшимъ патріархамъ и всему освященному собору, что Никонъ, бывшій патріархъ, находясь въ монастыряхъ воскресенскомъ, иверскомъ и крестномъ, чинилъ

([388]) У Лигарида засѣданіе 5 декабря описано такъ же нѣсколько въ другомъ порядкѣ и въ болѣе общихъ чертахъ, какъ и засѣданіе 1-го декабря (снес. примѣч. 385), съ кое-какими, впрочемъ, прибавленіями, которыми отчасти мы и воспользовались.

градское наказаніе старцамъ тѣхъ монастырей, службникамъ, крестьянамъ и стороннимъ людямъ, приказывалъ бить ихъ кнутьемъ, ломать имъ руки и ноги, а иныхъ пытать и казнить казнями градскими, такъ что иные пытанные и казненные и померли. И вамъ бы розыскать накрѣпко тихимъ обычаемъ, чтобъ нешумно было: кому именно изъ старцевъ и другихъ людей въ тѣхъ монастыряхъ Никонъ чинилъ градское наказаніе, кого билъ кнутомъ, у кого ломалъ руки и ноги, кого пыталъ и казнилъ градскими казнями, гдѣ нынѣ тѣ люди и не умеръ ли кто изъ нихъ, да и разыскать бы про все тихимъ образомъ и подлинно». Архимандритъ Филаретъ и дьякъ Кащеевъ отправились въ воскресенскій монастырь, и скоро присланъ былъ оттуда въ Москву одинъ изъ старцевъ, испытавшихъ на себѣ тяжелую руку Никона, и представленъ патріархамъ и всѣмъ архіереямъ. Это былъ духовникъ Никона, старецъ Леонидъ, уже разслабленный и съ избитыми ногами, около двухъ лѣтъ содержавшійся, по приказанію Никона, въ сырой тюрьмѣ подъ стражею, въ тяжелыхъ оковахъ, и терпѣвшій истязанія. Онъ трогательно разсказывалъ, какъ и за что подвергнутъ былъ такимъ страданіямъ, и всѣ не безъ слезъ внимали его разсказу. Это обстоятельство послужило новымъ обвиненіемъ противъ Никона, которое и внесли въ составлявшійся тогда письменный о немъ приговоръ ([389]).

([389]) Грамата митр. Павла къ архим. Филарету и дьяку Кащееву — въ Подлин. Дѣлѣ патр. Никона, свит. XII, по списку моск. дух. акад., стр. 462. А о духовникѣ никоновомъ Леонидѣ—у Лигарида (II, гл. 17).

Когда приговоръ былъ написанъ погречески и порусски, состоялось, 12 декабря, *осмое* и послѣднее собраніе собора, производившаго судъ надъ Никономъ. Всѣ архіереи и прочія духовныя особы собрались не въ столовой избѣ государя, а въ кельяхъ патріарховъ, въ чудовомъ монастырѣ, куда переѣхали они съ прежней своей квартиры, съ кирилловскаго подворья, еще 25 ноября. Отъ лица государя присланы были,—самъ онъ не пожаловалъ въ это собраніе,—бояре: князь Никита Одоевскій, князь Григорій Черкасскій, князь Юрій Долгорукій, князь Иванъ Воротынскій, думный дворянинъ Елеазаровъ, стольникъ князь Петръ Прозоровскій и многіе другіе чиновники. Патріархи послали епископа мстиславскаго Меѳодія и нижегородскаго печерскаго монастыря архимандрита Іосифа позвать Никона, а сами, со всѣми духовными и свѣтскими лицами, отправились въ церковь Благовѣщенія пресв. Богородицы, находившуюся подлѣ ихъ келій надъ задними воротами чудова монастыря. Здѣсь всѣ архіереи, уже одѣтые въ мантіи, возложили на себя епитрахили, омофоры и митры, а архимандриты и игумены облачились въ свои свящ. одежды. Какъ только вошелъ Никонъ въ церковь, сдѣлалъ поклоненіе иконамъ и, по обычаю, присутствующимъ въ церкви, патріархи, совершивъ со всѣмъ духовенствомъ краткое молебствіе, приказали читать соборный приговоръ или «объявленіе о низложеніи Никона». Сначала приговоръ прочитанъ былъ погречески пресвитеромъ и экономомъ великой церкви антіохійской Іоанномъ, а потомъ читанъ былъ громогласно порусски рязанскимъ архіепископомъ Иларіономъ. Слушая послѣднее чтеніе, Никонъ,—замѣчаетъ Лигаридъ,—по временамъ ворчалъ и подсмѣивался. Въ этомъ письменномъ приговорѣ вины Никона указаны были подробнѣе

и обстоятельнѣе, нежели прежде—въ приговорѣ словесномъ, и именно слѣдующія: 1) Никонъ самъ сложилъ съ себя все архіерейское облаченіе среди великой церкви, вопія: «я болѣе не патріархъ московскій и не пастырь, а пасомый и недостойный грѣшникъ»; потомъ съ великимъ гнѣвомъ и поспѣшностію отошелъ и оставилъ свою каѳедру и ввѣренную ему паству самовольно, безъ всякаго понужденія и нужды, увлекаясь только человѣческою страстію и чувствомъ мщенія къ нѣкоему члену синклита, ударившему его патріаршаго слугу и прогнавшему отъ царской трапезы. 2) Никонъ хотя съ притворнымъ смиреніемъ удалился въ созданный имъ монастырь будто-бы на безмолвіе, на покаяніе и оплакиваніе своихъ грѣховъ, но и тамъ (вопреки 2 правилу собора, бывшаго во храмѣ св. Софіи) совершалъ все архіерейское и рукополагалъ невозбранно, и назвалъ тотъ свой монастырь новымъ Іерусалимомъ и разныя мѣста въ немъ Голгоѳою, Виѳлеемомъ, Іорданомъ, какбы глумясь надъ свящ. названіями, а себя хищнически величалъ патріархомъ новаго Іерусалима. 3) Хотя совершенно оставилъ свою каѳедру, но коварно не допускалъ быть на ней иному патріарху, и государь, архіереи и синклитъ, понимая это лукавство, не осмѣливались возвести на московскій престолъ иного патріарха, да не будутъ разомъ два патріарха, одинъ внѣ столицы, другой внутри, и да не явится сугубое разноначаліе,—что̀ и заставило государя пригласить въ Москву восточныхъ патріарховъ для суда надъ Никономъ. 4) Анаѳематствовалъ въ недѣлю православія мѣстныхъ архіереевъ безъ всякаго разслѣдованія и соборнаго рѣшенія, и двухъ архіереевъ, присланныхъ къ нему отъ царя, назвалъ одного Анною, другаго Каіаѳою, а двухъ бывшихъ

съ ними царскихъ бояръ—одного Иродомъ, другаго Пилатомъ. 5) Когда былъ позванъ нами, патріархами, на соборъ дать отвѣтъ противъ обвиненій, то пришелъ не смиреннымъ образомъ и не переставалъ осуждать насъ, говоря, что мы не имѣемъ своихъ древнихъ престоловъ, а обитаемъ и скитаемся, одинъ въ Египтѣ, другой въ Дамаскѣ. 6) Наши сужденія, изложенныя въ свиткѣ четырехъ патріарховъ противъ его проступковъ и приведенныя тамъ св. правила, называлъ баснями и враками; отвергалъ вообще, вопреки архіерейской присягѣ, правила всѣхъ помѣстныхъ соборовъ, бывшихъ въ православной церкви послѣ седмаго вселенскаго собора, а наши греческія правила, съ великимъ безстыдствомъ именовалъ еретическими потому только, что они напечатаны въ западныхъ странахъ. 7) Въ граматахъ своихъ къ четыремъ восточнымъ патріархамъ, попавшихъ въ руки царя, писалъ, будто христіаннѣйшій самодержецъ Алексѣй Михайловичъ есть латиномудренникъ, мучитель, обидчикъ, Іеровоамъ и Озія. 8) Въ тѣхъ же граматахъ писалъ, будто вся русская церковь впала въ латинскіе догматы и ученія, а особенно говорилъ это о газскомъ митрополитѣ Паисіѣ, увлекаясь чувствомъ зависти. 9) Низвергъ одинъ, безъ собора, коломенскаго епископа Павла и, разсвирѣпѣвъ, совлекъ съ него мантію и предалъ его тягчайшему наказанію и біенію,—отъ чего архіерею тому случилось быть какбы внѣ разума, и никто не видѣлъ, какъ погибъ бѣдный, звѣрями ли разтерзанъ или впалъ въ рѣку и утонулъ. 10) Даже своего отца духовнаго велѣлъ безжалостно бить и мучить цѣлые два года, вслѣдствіе чего онъ сдѣлался совершенно разслабленнымъ, какъ то мы сами видѣли своими глазами, и, живя въ воскресенскомъ монастырѣ, многихъ людей,

иноковъ и бѣльцевъ, наказывалъ градскими казнями, приказывая однихъ бить безъ милости кнутами, другихъ палками, третьихъ жечь на пыткѣ, и многіе отъ того умерли, какъ свидѣтельствуютъ достовѣрные свидѣтели. «Узнавъ изъ всего этого,—продолжали патріархи, вмѣстѣ со всѣмъ соборомъ, въ своемъ приговорѣ,—что Никонъ дѣйствовалъ не по архіерейски и съ кротостію, а неправедно и тираннически, мы, на основаніи каноновъ св. апостоловъ и св. соборовъ, вселенскихъ и помѣстныхъ, совершенно низвергли его отъ архіерейскаго сана и лишили священства, да вмѣняется и именуется онъ отнынѣ простымъ монахомъ Никономъ, а не патріархомъ московскимъ, и опредѣлили назначить ему мѣстопребываніе, до конца его жизни, въ какой либо древней обители, чтобы онъ тамъ могъ въ совершенномъ безмолвіи оплакивать грѣхи свои» ([390]). Надобно замѣтить, что приговоръ, прочитанный надъ Никономъ, не былъ еще подписанъ никѣмъ,—онъ подписанъ, какъ увидимъ, членами собора уже впослѣдствіи, спустя болѣе мѣсяца, и что послѣдняя статья, касающаяся духовника никонова, внесена въ приговоръ послѣ прочтенія его: потому что духовникъ этотъ представился собору только 13 декабря ([391]). По прочтеніи приговора патріархи велѣли, черезъ переводчика,

---

([390]) *Симеон. Полоцк.*—Матер. для ист. раскола, II, 176; *Шушер.* Изв. о Никонѣ, стр. 71; *Лигарид.* Истор. о соборѣ на Никона, II, гл. 16. Подлинный приговоръ надъ Никономъ или извѣстительная грамата объ осужденіи его на греческомъ языкѣ, за собственными подписями всѣхъ архіеревъ, хранится въ москов. синод. библіотекѣ, по каталогу 1823 года, за № 9. На славянскомъ языкѣ грамата эта напечатана въ Древн. Росс. Вивліо. III, 401—407, и въ Собр. госуд. грам., IV, № 53. Этотъ самый приговоръ, какъ читанный 12 декабря, надъ Никономъ помѣщенъ цѣликомъ и въ книгѣ Лигарида.

([391]) *Лигарид.* Ист. о соборѣ на патр. Никона, II, гл. 17.

Никону, чтобы онъ снялъ съ себя клобукъ съ жемчужнымъ серафимомъ, но Никонъ не согласился. Тогда александрійскій патріархъ, какъ судія вселенскій, тихо подошелъ къ Никону и самъ снялъ съ головы его патріаршій клобукъ, а надѣлъ на нее простой клобукъ, который снялъ съ находившагося вблизи греческаго монаха. Потомъ сняли патріархи съ Никона и сребропозлащенную панагію, украшенную жемчугомъ и другими драгоцѣнными камнями, и Никонъ сказалъ: «возмите все это себѣ, бѣдные пришельцы, и раздѣлите на ваши нужды». Но патріархи не взяли, а передали какъ клобукъ, такъ и панагію Никона, стоявшему при немъ монаху его Марку. «Возьмите и мою мантію, если желаете», сказалъ Никонъ. «Слѣдовало бы, отвѣчали ему, снять съ тебя теперь же и архіерейскую мантію; но, по сильному ходатайству великаго государя, дозволяемъ тебѣ носить ее, пока не прибудешь въ назначенную тебѣ для жительства обитель». Т. е. мантіи и посоха не взяли теперь у Никона, «страха ради всенароднаго». Наконецъ, объявивъ ему, что онъ уже не патріархъ, а простой инокъ, и долженъ идти на мѣсто своего покаянія въ ѳерапонтову обитель, въ бѣлозерскихъ предѣлахъ, отпустили его изъ церкви ([392]).

Сохранилось, хотя краткое, но драгоцѣнное сужденіе о судѣ и приговорѣ надъ Никономъ одного изъ лицъ, участвовавшихъ въ этомъ судѣ и подписавшихъ этотъ приговоръ, именно черниговскаго епископа Лазаря Барановича, мужа сколько просвѣщеннаго, столькоже благочестиваго, и не имѣв-

---

([392]) У Лигарида—II, гл. 16. У Шушерина стр. 73.

шаго никакихъ побужденій относиться къ Никону непріязненно и несправедливо. Въ письмѣ своемъ къ кіевопечерскому архимандриту Иннокентію Гизелю, тотчасъ по возвращеніи съ московскаго собора, Барановичъ писалъ: «Бывшаго патріарха низложило собственное его упорство. Онъ самовольно отказался отъ престола; всенародно, въ виду клира и народа, сложилъ съ себя патріаршескія отличія, и что онъ самъ отказался, въ томъ дерзновенно и признаніе учинилъ, слагая причину удаленія своего съ престола на гнѣвъ царскій; но смиреніе все бы побѣдило. Надобно было изумляться благодушію и кротости царя; заливаясь слезами, онъ исторгалъ слезы у зрителей. Доказано было со стороны царя, что Никонъ, не подвергаясь никакому преслѣдованію, незаконно оставилъ свою паству. Смиреніе одержало бы верхъ; но оно вовсе оскудѣло: въ порывѣ гнѣва Никонъ укорялъ и восточныхъ патріарховъ въ томъ, что они, лишившись своихъ престоловъ, беззаконно требуютъ его къ суду; всѣхъ противъ себя возставилъ.... Изложены были (предъ соборомъ) противозаконные его поступки, жестокое управленіе его клиромъ, низверженіе имъ собственною своею властію одного епископа, что̀ послужило причиною скоропостижной смерти его отъ умопомѣшательства. Приговоръ собора прочитанъ былъ всенародно, сперва на греческомъ, а потомъ на славянскомъ языкѣ, въ домовой церкви у патріарховъ. Послѣ того велѣли Никону снять свой клобукъ, украшенный серафимомъ; но онъ не послушался. Тогда александрійскій патріархъ, какъ вселенскій судія, самъ сбросилъ съ него клобукъ и надѣлъ на него простой, дабы показать, что съ этого времени онъ монахъ-простецъ. Зрѣлище было изумительное для глазъ и ужасное для слуха. Я стра-

далъ и издыхалъ отъ ударовъ, переносилъ ужасы и упалъ духомъ, когда погасло великое свѣтило» ([393]).

Выходя изъ церкви, въ которой выслушалъ соборный приговоръ надъ собою, Никонъ говорилъ въ слухъ народа, толпившагося вокругъ: «погибла ты, правда, господствуетъ ложь; не слѣдовало тебѣ, Никонъ, такъ смѣло говорить правду царю и боярамъ, а льстить бы имъ и угождать, и ты не дожилъ бы до такого осужденія». Сѣлъ въ свои сани и, въ сопровожденіи двухъ архимандритовъ, назначенныхъ отъ собора, и своихъ приближенныхъ, отправился на подворье, гдѣ проживалъ. На другой день раннимъ утромъ пришелъ къ Никону отъ царя окольничій Иродіонъ Стрѣшневъ и принесъ серебряныхъ денегъ и различныхъ одеждъ, собольихъ и лисьихъ, для дороги. Но Никонъ ничего не принялъ и велѣлъ возвратить царю. Стрѣшневъ сказалъ еще Никону, что царь проситъ у него благословенія себѣ, царицѣ и всему своему дому. Никонъ отвѣчалъ: «еслибы благовѣрный царь желалъ отъ насъ благословенія, онъ бы не явилъ намъ такой немилости»,—и благословенія царю не далъ. Пришли затѣмъ посланные отъ патріарховъ и всего собора взять у Никона его клобукъ и панагію, врученные вчера его монаху Марку, и Никонъ велѣлъ отдать, а архіереи передали тотъ клобукъ и панагію въ соборную церковь, въ патріаршую казну. Пришелъ, наконецъ, отъ царя полковникъ Аггей Шепелевъ и сказалъ Никону, что назначенъ провожать его въ Ѳерапонтовъ монастырь, и что велѣно немедленно отправляться въ

([393]) Письма *Лазаря Барановича*, письмо 38.

путь. Въ кремлѣ собралось множество народа; но между собравшимися пустили слухъ, что Никонъ поѣдетъ изъ кремля въ спасскія ворота по Срѣтенкѣ, и когда народъ отхлынулъ въ китай-городъ, чтобы тамъ удобнѣе видѣть проѣздъ Никона, его быстро повезли изъ кремля въ арбатскія ворота на каменный мостъ. Двѣсти стрѣльцовъ съ своими начальниками сопровождали поѣздъ за самый земляный городъ, а отсюда поѣхалъ провожать Никона только полковникъ Шепелевъ съ пятидесятью стрѣльцами. Съ Никономъ отправились изъ Москвы въ ѳерапонтовъ монастырь два іеромонаха, два іеродіакона, одинъ монахъ и два человѣка—бѣльца; а патріархи и соборъ, съ соизволенія государя, велѣли ѣхать вслѣдъ за Никономъ нижегородскому печерскому архимандриту Іосифу и какъ въ дорогѣ, такъ и по пріѣздѣ въ монастырь, строго наблюдать, чтобы Никону никакого оскорбленія никто не чинилъ, а самъ Никонъ никакихъ писемъ не писалъ и никуда не посылалъ. Къ 21 декабря Никонъ прибылъ съ своими спутниками въ ѳерапонтовъ монастырь еще до разсвѣта, и встрѣченъ былъ однимъ лишь игуменомъ, который и отвелъ ему для помѣщенія двѣ больничныя кельи, такъ какъ всѣ прочія кельи монастыря повреждены были незадолго предъ тѣмъ случившимся пожаромъ. Съ наступленіемъ утра къ Никону явились сопутствовавшіе ему архимандритъ Іосифъ и полковникъ Шепелевъ и объявили, что, по указу царскому и благословенію патріарховъ и собора, они должны взять отъ него, Никона, архіерейскую мантію и посохъ. Никонъ отдалъ безъ всякаго прекословія,—и мантія и посохъ отправлены были въ Москву съ однимъ ѳерапонтовскимъ іеромонахомъ, а сами архимандритъ Іосифъ и полковникъ Шепелевъ съ

стрѣльцами остались жить при Никонѣ, для охраны его, впредь до государева указа ([394]).

Одновременно съ тѣмъ, какъ происходило низложеніе Никона, дѣлались распоряженія объ изъятіи изъ-подъ его власти всѣхъ трехъ монастырей, которыми онъ владѣлъ прежде. На другой же день послѣ словеснаго надъ нимъ приговора, т. е. 6 декабря, уже послана была въ иверскій монастырь царская грамата архимандриту Филоѳею и намѣстнику Паисію, чтобы они не слушались ни въ чемъ поставленнаго Никономъ строителя, старца Евѳимія, и не давали ему никакой воли ни въ монастырской казнѣ, ни въ монастырскихъ вотчинахъ, равно какъ и никому другому, если еще кого пришлетъ Никонъ, а сами завѣдывали всѣмъ впредь до государева указа, и чтобы теперь же оба прибыли въ Москву, взявъ съ собою старца Филагрія съ товарищи, которыхъ прислалъ Никонъ въ иверскій монастырь подъ начало. А 12 декабря, когда былъ прочитанъ и письменный приговоръ надъ Никономъ, отъ патріарховъ и всего собора, съ соизволенія государя, послѣдовалъ приказъ новоспасскому келарю Варлааму да подъячему Авдію Ѳедорову, чтобы они ѣхали въ крестный монастырь и сдѣлали тамъ подробную перепись всего имущества, монастырскаго и церковнаго, всей братіи и службниковъ, всѣхъ монастырскихъ вотчинъ и прочихъ владѣній, и, переписавъ, приказали вѣдать всѣмъ этимъ мѣстному архимандриту, келарю, казначею и соборнымъ старцамъ впредь до указа го-

---

([394]) *У Шушер.* стр. 73—82. Наказъ собора архим. Іосифу и донесеніе Іосифа объ отобраніи мантіи и посоха у Никона—въ Подл. дѣлѣ патр. Никона, свит. XII, по списку моск. дух. акад., стр. 467. 473.

сударева, а отнюдь не слушаться тѣхъ, кого будетъ присылать Никонъ; чтобы выслали въ Москву изъ крестнаго монастыря старца Евстратія и другихъ, битыхъ Никономъ и сосланныхъ туда изъ воскресенскаго монастыря, и чтобы допросили иноковъ, службниковъ и крестьянъ, которые, по приказу Никона, были биты кнутьемъ, или какими пытками пытаны, или у кого руки и ноги ломаны, и взяли у тѣхъ людей сказки за руками ихъ духовныхъ отцевъ, и скоро прислали въ Москву. Такое же распоряженіе сдѣлано было и относительно воскресенскаго монастыря ([395]).

Патріархи, судившіе вмѣстѣ съ соборомъ и осудившіе Никона, сочли долгомъ увѣдомить объ этомъ двухъ другихъ патріарховъ, не присутствовавшихъ на соборѣ. Въ граматѣ своей къ іерусалимскому патріарху Нектарію они писали: «Мы отошли отъ своихъ престоловъ (въ землю московскую), узрѣвъ твое письменное извѣстіе, что и твое блаженство имѣешь намѣреніе предприпять путь въ тѣ страны. А когда граматоносецъ устно передалъ намъ, что и вселенскій патріархъ хочетъ послать своего экзарха, то еще болѣе подвиглись идти туда, чтобы не произошло какого либо измѣненія въ тѣхъ главахъ, какія всѣ мы, четыре патріарха, изложили (въ извѣстномъ свиткѣ по дѣлу Никона). Воспользовались мы и твоимъ краткимъ замѣчаніемъ, которое приписалъ ты къ тому свитку, находясь въ Валахіи, и не однажды, а дважды и трижды, призывали Никона на судъ, и онъ пришелъ, чтобы дать отвѣтъ противъ всѣхъ обвиненій. Оказались, кромѣ

([395]) А. И., IV, № 191. Подлин. Дѣло патр. Никона, свит. XII, по списку моск. дух. акад., стр. 461. 465.

намъ извѣстныхъ, и иныя и бóльшія вины его, которыя мы опасаемся передать письмени, во избѣжаніе огласки. Скажемъ только, что великая и превеликая скорбь была достойнѣйшему царю, который испускалъ изъ очей своихъ потоки слезъ и омочилъ ими даже полъ палаты... А гордый Никонъ въ такое пришелъ напыщеніе, что самъ хиротонисалъ себя патріархомъ новаго Іерусалима, монастырь свой назвалъ новымъ Іерусалимомъ и разныя мѣста въ немъ — св. Гробомъ, Голгоѳою, Виѳлеемомъ, Назаретомъ, Іорданомъ. Мы освободили здѣсь, своими многими моленіями предъ государемъ, твоего граматоносца Севастіана, находившагося въ заключеніи.... Подробно мы изслѣдовали всю истину, и обрѣли Никона недостойнымъ не только патріаршаго престола, но и архіерейскаго сана, и, по божественнымъ правиламъ и нашему патріаршему свитку, лишили его всего священства, и послали въ одинъ изъ монастырей, да плачетъ о грѣхахъ своихъ. Надѣемся, по окончаніи этого дѣла и по хиротонисаніи новаго патріарха, который будетъ избранъ соборнѣ, возвратиться къ нашимъ убогимъ престоламъ». Въ граматѣ къ константинопольскому патріарху Парѳенію IV александрійскій и антіохійскій патріархи писали: «Да будетъ извѣстно твоему о Господѣ братолюбію, что Богомъ вѣнчанный царь Алексѣй Михайловичъ писалъ къ намъ, какъ и прочимъ восточнымъ патріархамъ, не однажды, а дважды, и присылалъ своего человѣка (о первомъ посольствѣ Парѳеній могъ не знать, какъ бывшемъ еще при его предмѣстникѣ Діонисіѣ), призывая насъ къ себѣ для разсужденія о нѣкоемъ церковномъ дѣлѣ и утверждая, что и отъ вашего святѣйшества присланъ будетъ мужъ, вмѣсто вашего патріаршаго лица. А о блаженнѣйшемъ

патріархѣ іерусалимскомъ мы были предувѣдомлены, что онъ съ давняго уже времени находился на половинѣ пути (въ Россію), чтобы самому лично присутствовать на свящ. соборѣ московскомъ. И потому, да не явимся разногласными «толикому единству патріаршескому» и непослушными великому государю, мы предприняли и совершили далекій и многотрудный путь. Къ сожалѣнію, мы не нашли въ Москвѣ твоего братолюбія, какъ надѣялись, и одни должны были приступить къ разсмотрѣнію церковнаго дѣла, которое еще прежде было уже прилежно обслѣдовано и обсуждено здѣшнимъ помѣстнымъ соборомъ. Мы обрѣли патріарха Никона виновнымъ во многомъ: онъ досадилъ своими писаніями великому государю; соблазнилъ пресвѣтлый синклитъ, укоряя его и именуя еретичествующимъ и латинствующимъ; втеченіе девяти лѣтъ оставлялъ церковь во вдовствѣ лишенною всякаго церковнаго благолѣпія и патріаршей красоты, и всячески томилъ ее своими коварствами и хитростями; по отреченіи отъ своего престола, всенародномъ въ соборномъ храмѣ, снова литургисалъ и хиротонисалъ свободно, и какбы самъ хиротонисалъ себя патріархомъ новаго Іерусалима... И судъ, который произнесъ на него помѣстный соборъ московскій, былъ совершенно чистый и во всемъ праведный, составленный по св. правиламъ и утвержденный по нашему патріаршему свитку. Послѣ самаго внимательнаго изысканія и разсужденія, мы совершенно низложили Никона, всенародно въ церкви, и опредѣлили послать его въ одинъ изъ древнихъ монастырей, чтобы ему плакаться тамъ о грѣхахъ своихъ. И нынѣ патріаршій престолъ московскій пребываетъ во вдовствѣ, пока Всевышній не укажетъ достойнаго жениха своей церкви... Надѣемся, что обыч-

ная милостыня, какая дѣлалась отсюда константинопольскому и прочимъ патріаршимъ престоламъ, возобновится, и даже будетъ въ бо́льшемъ размѣрѣ. Прибавимъ еще къ нашему общему утѣшенію, что, съ пришествіемъ нашимъ сюда, средостѣніе вражды къ намъ здѣсь разрушилось, и можно надѣяться, что мы снова достигнемъ здѣсь нашей прежней свободы, чести и славы, которыя мы имѣли издревле, и которыя нѣкоторые изъ нашихъ обезчестили своими буйными и неистовыми поступками, и тѣмъ заслужили презрѣніе у здѣшнихъ вельможъ. Уповаемъ, что, вашими святыми молитвами, мы, по совершеніи начатаго нами дѣла, возвратимся къ вамъ для взаимнаго братскаго свиданія и собесѣдованія, а потомъ къ нашимъ убогимъ престоламъ и ввѣреннымъ намъ паствамъ» ([396]). Достойно замѣчанія: въ обѣихъ своихъ граматахъ патріархи Паисій и Макарій упоминаютъ, что они, вмѣстѣ съ соборомъ, судили и осудили Никона согласно съ извѣстнымъ свиткомъ, составленнымъ всѣми четырьмя патріархами, и тѣмъ свидѣтельствуютъ, что не они одни, а и два остальные патріарха, цареградскій и іерусалимскій, участвовали въ этомъ судѣ и осужденіи.

II.

По низложеніи Никона естественно было подумать объ избраніи новаго патріарха на московскій патріаршій престолъ, который столько уже времени оставался незанятымъ. Но об-

---

([396]) Списки обѣихъ этихъ граматъ — въ Подлин. дѣлѣ патр. Никона, вит. XI, по списку москов. дух. акад., стр. 403. 408.

стоятельства заставили нѣсколько замедлить этимъ дѣломъ. Наступали великіе церковные праздники, въ которыхъ должны были участвовать и патріархи и прочее духовенство. Первый изъ такихъ праздниковъ, особенно уважавшійся въ Москвѣ, былъ 21-го декабря, на память великаго святителя московскаго Петра. Оба патріарха служили всенощную и литургію въ успенскомъ соборѣ, вмѣстѣ со многими русскими архіереями, и во время литургіи евангеліе читано было на двухъ языкахъ, греческомъ и славянскомъ. Предъ началомъ священнослуженія патріархи приказали-было, чтобы никто изъ русскихъ епископовъ не носилъ на своей митрѣ креста; но нѣкоторые не послушались, и епископы Лазарь Барановичъ и Меѳодій, прибывшіе изъ кіевской митрополіи, объявили, что они имѣютъ эту привиллегію отъ константинопольскаго патріарха. На праздникъ рождества Христова также служили въ успенскомъ соборѣ оба патріарха, и евангеліе за литургіей читалось на трехъ языкахъ, греческомъ, арабскомъ и славянскомъ. Въ день обрѣзанія Господня, 1-го генваря 1667 года, патріархи служили, съ двумя митрополитами, въ дворцовой церкви нерукотвореннаго образа, и евангеліе читалось погречески и пославянски. На крещеніе Господне патріархи дважды совершали водосвятіе: подъ праздникъ, послѣ вечерни, въ успенскомъ соборѣ, и на самый праздникъ, предъ литургіей, на рѣкѣ Москвѣ, и потомъ совершили въ соборѣ и самую литургію. Всѣ эти патріаршія служенія чрезвычайно занимали жителей Москвы и увеличивали для нихъ радость праздниковъ ([397]).

([397]) Доп. А. И., I, № 26; *Лигарид.* Истор. о соборѣ на патр. Никона, III, гл. 1.

Когда праздники миновали, патріархи снова принялись за дѣло, для котораго были призваны. Генваря 14 числа, по ихъ назначенію, всѣ архіереи собрались въ патріаршемъ дворцѣ для подписанія акта о низложеніи Никона. Но едва былъ прочитанъ докладъ, какъ, къ общему изумленію, два архіерея, крутицкій митрополитъ Павелъ, блюститель патріаршества, и рязанскій митрополитъ Иларіонъ, тѣ самые, которые во время суда болѣе всѣхъ дѣйствовали противъ Никона, объявили, что не подпишутъ приговора объ его низложеніи; а ихъ примѣру послѣдовали и нѣкоторые другіе русскіе архіереи. Поводомъ къ этому, какъ свидѣтельствуетъ Паисій Лигаридъ, послужили нѣкоторыя неточныя и неправильно понятыя выраженія въ докладѣ, заимствованныя изъ извѣстнаго свитка четырехъ восточныхъ патріарховъ, на основаніи котораго происходилъ судъ надъ Никономъ. Въ докладѣ помѣщено было именно слѣдующее мѣсто изъ второй главы свитка, по славянскому переводу: «отъ сихъ познавается, единаго царя государя быти владычествующа всея вещи благоугодныя, патріарха же послушлива ему быти, яко сущему въ вящшемъ достоинствѣ и мѣстнику Божію». Русскіе архіереи поняли, что здѣсь несправедливо унижена патріаршая власть предъ царскою, что если царь одинъ есть верховный владыка во всякой вещи благоугодной, а патріархъ долженъ быть ему послушливъ, то послѣдній долженъ подчиняться царю и во всѣхъ вещахъ или дѣлахъ духовныхъ и церковныхъ, что чрезъ это отнимается всякая самостоятельность у русской церкви и ея правительства и церковь совершенно порабощается государству; а потому отказывались подписаться подъ актомъ о низложеніи Никона, пока не будетъ исправлено въ патріаршемъ

свиткѣ неправильное ученіе объ отношеніяхъ царской и патріаршей власти. Высказавъ свою мысль, Павелъ крутицкій и Иларіонъ рязанскій тотчасъ же вышли изъ собранія; а прочіе архіереи, хотя и подписали актъ, но не могли изгладить тѣмъ общаго смущенія, происшедшаго на соборѣ, и особенно того огорченія, какое почувствовали патріархи. Царь также былъ огорченъ и встревоженъ. Закрывая засѣданіе, патріархи сказали, чтобы всѣ архіереи у себя, на дому, внимательно обсудили вторую главу патріаршаго свитка и чрезъ два дня представили о ней свои краткіе письменные отзывы. Чрезъ два дня архіереи снова собрались въ патріаршій дворецъ, и принесли, каждый, свои записки и представили патріархамъ, одни о превосходствѣ епископской власти вообще, а не патріаршей только, а другіе о превосходствѣ царской власти. Велѣно было читать и обсуждать сперва записки перваго рода. Читаны были выписки изъ общеизвѣстной книги св. Іоанна Златоуста о священствѣ, въ которыхъ онъ такими яркими чертами изображаетъ высоту священства, его неземную власть вязать и рѣшить, низводить на вѣрующихъ Св. Духа, возраждать ихъ, примирять съ Богомъ, и проч. (см. слово 3 о священствѣ). Читались потомъ отрывки изъ другихъ св. отцевъ: Епифанія, Григорія богослова, Григорія двоеслова. Русскіе архіереи останавливали чтеніе и указывали, какъ ясно въ томъ или другомъ мѣстѣ выставлялось превосходство епископскаго сана, по отношенію къ мірской власти. Паисій Лигаридъ постоянно являлся истолкователемъ всего прочитаннаго, давалъ отвѣты русскимъ архіереямъ, старался всячески умалять значеніе указываемыхъ ими мѣстъ, и съ этою цѣлію пускался въ продолжительныя и утомительныя раз-

благольствованія. День совсѣмъ уже склонился къ вечеру, почему патріархи объявили, что вопросъ о царскомъ служеніи отлагается дозавтра, и, преподавъ всѣмъ благословеніе, закрыли засѣданіе. На слѣдующій день, когда епископы, по прежнему, собрались въ патріаршей палатѣ, Паисій Лигаридъ, послѣ объясненія одного мѣста изъ св. Епифанія, которое объяснить обѣщался въ предшествовавшемъ засѣданіи, выступилъ жаркимъ защитникомъ царской власти сравнительно съ епископскою, и произнесъ обширную рѣчь. Онъ говорилъ о происхожденіи царской власти у іудеевъ, о ея высотѣ, широтѣ, неограниченности у всѣхъ народовъ, обращался и къ іудейской исторіи, и къ исторіи египтянъ, грековъ, римлянъ, приводилъ не только священныхъ, но и языческихъ писателей, особенно восхвалялъ царя Алексѣя Михайловича, его побѣды, его заботливость о церкви, приглашалъ всѣхъ молиться о немъ; неразъ оканчивалъ свою рѣчь, и снова начиналъ и продолжалъ. Никто ему не возражалъ, а однажды будтобы всѣ, какъ самъ свидѣтельствуетъ, рукоплескали ему послѣ пламенныхъ его словъ о царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ. По окончаніи засѣданія, въ наступившую ночь архіереи Павелъ крутицкій и Иларіонъ рязанскій, не участвовавшіе въ двухъ послѣднихъ засѣданіяхъ собора, тайно подали патріархамъ свою просьбу—походатайствовать за нихъ предъ государемъ о прощеніи за высказанную ими смѣлость и противленіе. Въ этой просьбѣ они писали, какъ высоко, по Златоусту, епископское званіе, и какъ часто оно унижается предъ царскою и вообще мірскою властію, и, между прочимъ, говорили патріархамъ: «вы находитесь подъ властію невѣрныхъ агарянъ, и если страдаете, то за ваше терпѣніе и скорби да воздастъ

вамъ Господь. А мы, которыхъ вы считаете счастливыми, какъ живущихъ въ православномъ царствѣ, мы трикратно злополучны; мы терпимъ въ своихъ епархіяхъ всякаго рода притѣсненія и несправедливости отъ бояръ, и хотя большею частію стараемся скрывать и терпѣливо переносить эти неправды, но мы ужасаемся при мысли, что зло, съ теченіемъ времени, можетъ увеличиваться и возрастать, особенно если будетъ утверждено за постоянное правило, что государство выше церкви. Мы вполнѣ довѣряемъ нашему доброму и благочестивѣйшему царю Алексѣю Михайловичу, но мы опасаемся за будущее»... Патріархи немедленно позвали къ себѣ Паисія Лигарида, и онъ, прочитавъ просьбу двухъ архіереевъ, будтобы тутъ же ночью сказалъ предъ патріархами, въ защиту царской власти, новую длинную и витіеватую рѣчь, если только не сочинилъ ее послѣ, что̀ представляется болѣе вѣроятнымъ. На слѣдующій день архіереи опять собрались въ патріаршемъ дворцѣ; прочитано было еще нѣсколько свидѣтельствъ о царской и патріаршей власти; выслушаны были новыя пространныя разглагольствованія Паисія и новыя похвалы царю Алексѣю Михайловичу. И, наконецъ, когда на вопросъ Паисія: «желаете ли выслушать еще другія свидѣтельства?», всѣ единогласно отвѣтили: «сказаннаго даже болѣе, чѣмъ достаточно», патріархи сказали: «пусть будетъ заключеніемъ и результатомъ всего нашего спора мысль, что царь имѣетъ преимущество въ *политическихъ* дѣлахъ, а патріархъ въ *церковныхъ*». Всѣ рукоплескали и взывали: «многая лѣта нашему побѣдоносному государю, многая лѣта и вамъ, святѣйшіе патріархи!» ([395]).

([396]) *Лигар.* Истор. о соборѣ на патр. Никона, III, гл. 9—11.

Услышавъ о всемъ этомъ, Павелъ крутицкій и Иларіонъ рязанскій смирились и подписали соборный актъ о низложеніи Никона; первый подписался на своемъ мѣстѣ между митрополитами, а послѣдній—ниже всѣхъ, даже епископовъ, и оба въ своихъ подписяхъ выразились: «на изверженіе Никоново, по священнымъ правиламъ бывшее (содѣявшееся), подписалъ»,—чего въ другихъ подписяхъ не встрѣчаемъ. Всего же архіереевъ, русскихъ и иноземныхъ, подъ этимъ актомъ подписалось 23: два патріарха, десять митрополитовъ, семь архіепископовъ и четыре епископа. И нельзя не обратить вниманія на то, что въ числѣ подписавшихся находился и митрополитъ иконійскій Аѳанасій. Прежде, какъ мы видѣли, онъ постоянно и съ жаромъ стоялъ за Никона, и велъ съ нимъ переписку изъ симонова монастыря, гдѣ проживалъ подъ началомъ; а теперь этотъ самый Аѳанасій присутствовалъ на всѣхъ засѣданіяхъ соборнаго суда надъ Никономъ и подписалъ обвинительный на него приговоръ. Но хотя крутицкій и рязанскій подписали, наконецъ, приговоръ надъ Никономъ, они этимъ не отвратили отъ себя гнѣва патріарховъ. Вечеромъ 24-го генваря всѣ архіереи собрались въ кельяхъ александрійскаго патріарха Паисія (онъ какъ-то упалъ и повредилъ себѣ ногу, отъ чего не могъ выходить изъ своихъ комнатъ), и на вопросъ патріарховъ: «чему подлежатъ оказавшіе прямое неуваженіе двумъ патріархамъ и противленіе всему собору?», отвѣчали: «церковному наказанію». Тотчасъ же позваны были въ собраніе виновные архіереи и, вошедши, хотѣли, по обычаю, облобызать руки у патріарховъ; но патріархи не дали имъ своего благословенія и рукъ, а грозно спросили: «почему это вы, казавшіеся прежде болѣе другихъ разумными, рев-

ностными и какбы столбами собора, вдругъ сдѣлались такими непокорными?» Спрошенные стали извиняться и въ оправданіе свое, между прочимъ, сказали, что введены были въ заблужденіе ошибочнымъ переводомъ Паисія Лигарида. Паисій перевелъ свитокъ четырехъ патріарховъ съ греческаго на латинскій языкъ, а съ латинскаго на славянскій перевелъ кто-то неизвѣстный. И мѣсто во второй главѣ свитка, послужившее камнемъ соблазна, дѣйствительно переведено было ошибочно. Оно гласило въ славянскомъ переводѣ, что царь одинъ есть властитель «всея вещи благоугодныя», патріархъ же долженъ быть ему послушенъ; между тѣмъ какъ въ греческомъ текстѣ говорилось, что царь одинъ есть владыка «во всякомъ дѣлѣ политическомъ» (παντὸς πολιτικοῦ πράγματος), а патріархъ долженъ быть ему подчиненъ..., и отнюдь не долженъ ни хотѣть, ни дѣлать «въ политическихъ дѣлахъ» ничего такого, что̀ было бы противно волѣ царской. Оправданіе это, впрочемъ, едва ли могло имѣть силу: трудно повѣрить, чтобы впродолженіе всего спора никто не объяснилъ архіереямъ, что смущавшее ихъ мѣсто въ свиткѣ переведено неправильно, и въ подлинникѣ имѣетъ другой смыслъ. И патріархи, дѣйствительно, не обратили на это оправданіе никакого вниманія, а сдѣлали обоимъ сопротивлявшимся владыкамъ предъ всѣмъ соборомъ весьма строгій выговоръ, и сказали: «ступайте и на нѣкоторое время не совершайте никакой божественной службы». Вмѣстѣ съ запрещеніемъ священнослуженія Павелъ митрополитъ крутицкій, бывшій блюстителемъ патріаршаго престола, подвергся и другой карѣ: отрѣшенъ отъ этой должности, и она поручена сербскому митрополиту Ѳеодосію. Такое сильное и неожиданное наказаніе поразило всѣхъ

архіереевъ, тѣмъ болѣе, что оно не могло быть названо и справедливымъ. Когда обвиненные архіереи вышли, патріархи объявили оставшимся, что скоро имѣетъ быть избраніе новаго московскаго патріарха, и чтобы они были къ тому готовы ([399]).

Утромъ 31 генваря, въ четвергъ на всеѣдной недѣлѣ, собрались въ чудовъ монастырь къ патріархамъ архіереи, архимандриты, игумены и множество прочаго клира для избранія патріарха, при громадномъ стеченіи любопытствовавшаго народа. Сначала избрали двѣнадцать кандидатовъ, въ числѣ которыхъ трое были епископы, а остальные архимандриты и игумены. Потомъ изъ этихъ двѣнадцати избрали, «не безъ вѣдома» государя, только трехъ. Составивъ актъ избранія, всѣ архіереи съ антіохійскимъ патріархомъ во главѣ (александрійскій, по болѣзни, еще не могъ выходить) отправились къ государю во дворецъ. Государь вышелъ къ нимъ со всѣмъ своимъ синклитомъ и, принявъ благословеніе отъ патріарха, пригласилъ его и прочихъ архіереевъ сѣсть, а самъ сѣлъ на своемъ золотомъ тронѣ. Тогда новгородскій митрополитъ Питиримъ подалъ патріарху Макарію бумагу въ именами трехъ избранныхъ кандидатовъ, а патріархъ представилъ ее царю. Царь приказалъ думному дьяку Алмазу Иванову прочитать ее во всеуслышаніе. Избранными оказались: архимандритъ троицкаго сергіева монастыря Іоасафъ, архимандритъ владимірскаго монастыря Филаретъ (а по Симеону Полоцкому, архимандритъ тихвинскаго богородичнаго мона-

---

([399]) *Лигар.* Истор. о соборѣ на патр. Никона, III, гл. 13; Доп. А. И., V, № 26, стр. 101.

стыря Корнилій) и келарь чудова монастыря Савва. Послѣ долгаго совѣщанія съ патріархомъ Макаріемъ, царь указалъ именно на перваго кандидата, и тогда новгородскій митрополитъ, обратившись къ архимандриту Іоасафу, возгласилъ: «свѣтлѣйшій государь и священный соборъ призываютъ твою святыню на высочайшій престолъ патріаршества московскаго». Іоасафъ, дряхлый старецъ, началъ-было отказываться, ссылаясь на свои лѣта и на то, что не имѣлъ ни учености, ни способности къ церковнымъ дѣламъ. Но государь, не безъ слезъ, упрашивалъ старца покориться волѣ Божіей и сказалъ ему рѣчь (Лигаридъ влагаетъ въ уста государя даже весьма обширную и витіеватую рѣчь, съ ссылками на Сократа, Гезіода и другихъ языческихъ писателей, очевидно, сочиненную самимъ Лигаридомъ). Отъ государя пошли патріархъ Макарій и новоизбранный патріархъ, вмѣстѣ со всѣми архіереями, въ успенскій соборъ, приложились къ св. иконамъ и благословили народъ; потомъ Макарій благословилъ новоизбраннаго патріарха и властей, новоизбранный поцѣловался, по обычаю, со всѣми архіереями, и всѣ отправились по домамъ, а новоизбранный на свое троицкое подворье, въ богоявленскій монастырь (400).

Въ слѣдующее воскресенье, 3 февраля, предполагали совершить нареченіе новоизбраннаго патріарха, но, за продолжавшеюся болѣзнію Паисія александрійскаго, это было до времени отложено. А между тѣмъ, въ этотъ самый день, въ который пришлась недѣля о блудномъ сынѣ, состоялось, подъ

(400) *Лигар.*, III, гл. 24; Д. А. И., V, стр. 101—102; Древн. Русск. Вивл. VI, 295.

председательствомъ Макарія, засѣданіе собора, на которое позваны были оба запрещенные архіереи, Павелъ крутицкій и Иларіонъ рязанскій. Выслушавъ наставленіе отъ Макарія, они съ раскаяніемъ повергклись предъ нимъ ницъ, и онъ благословилъ ихъ и изрекъ имъ полное прощеніе и разрѣшеніе. Всѣ архіереи были рады, привѣтствовали ихъ и братски лобызали. На другой день государь посѣтилъ патріарховъ,—что̀ дѣлалъ онъ нерѣдко,—съ цѣлію испросить у нихъ благословенія, а патріархи, во время его посѣщенія, пригласили къ себѣ обоихъ наканунѣ прощенныхъ владыкъ. И государь, сдѣлавъ имъ, съ своей стороны, сильный выговоръ за оказанное сопротивленіе власти, также простилъ ихъ и отпустилъ съ миромъ ([401]).

Когда александрійскій патріархъ Паисій нѣсколько поправился отъ своей болѣзни, то 8 февраля совершено было, въ палатѣ у патріарховъ, *нареченіе* новоизбраннаго московскаго патріарха по чиновнику; 9 февраля послѣ вечерни въ успенскомъ соборѣ совершено *благовѣстіе* новонареченнаго по томуже чиновнику, а 10 февраля, въ недѣлю мясопустную—и самое *посвященіе* или поставленіе новонареченнаго въ санъ патріарха, въ успенскомъ соборѣ. Въ этотъ день, по уставу, пришлось быть «дѣйству страшнаго суда», и дѣйство совершилъ патріархъ Макарій предъ литургіею на площади за алтаремъ успенскаго собора, въ присутствіи самого государя. Затѣмъ началась литургія, и обычнымъ порядкомъ происходило поставленіе Іоасафа на патріаршество. Ставили оба патріарха, Паисій и Макарій, съ прочими архіереями; но

([401]) *Лигарид.* III, гл. 16. 17.

Паисій, еще чувствовавшій себя слабымъ, литургіи не служилъ. По окончаніи литургіи новый патріархъ, на амвонѣ посреди церкви, говорилъ благодарственныя рѣчи, сперва государю, потомъ патріархамъ, которые отвѣчали ему также рѣчами. Патріархи возложили на него блестящую мантію, бѣлый клобукъ съ вышитыми золотомъ серафимами и драгоцѣнную панагію, подаренные государемъ; а самъ государь вручилъ своему новому патріарху пастырскій жезлъ и поцѣловалъ его руку. Столъ, по обычаю, былъ у государя; новый патріархъ вставалъ изъ-за стола и съ крестомъ въ рукахъ ѣздилъ вокругъ кремля, только не на осляти, а въ саняхъ, вѣроятно, по причинѣ холода. На другой день, въ понедѣльникъ сырной недѣли, выслушавъ литургію въ своей домовой церкви, вмѣстѣ со всѣми архіереями, патріархъ Іоасафъ ѣздилъ также на саняхъ вокругъ бѣлаго города, и давалъ столъ для всѣхъ властей въ своей крестовой палатѣ. На третій день, 12 февраля, день памяти святителя Алексія, совершалъ литургію въ чудовомъ монастырѣ съ патріархомъ Макаріемъ и другими архіереями, и имѣлъ вмѣстѣ со всѣми властями столъ у государя. На четвертый день ѣздилъ съ крестомъ въ саняхъ вокругъ остальной половины бѣлаго города и давалъ въ своей крестовой палатѣ столъ для обоихъ патріарховъ и для бояръ. Этимъ и окончились обыкновенныя церемоніи, сопровождавшія поставленіе новаго патріарха. Москва радовалась и торжествовала, что, наконецъ, Господь даровалъ ей первосвятителя, котораго столько времени она не имѣла (402).

(402) Тамъ же. III, гл. 18; Д. А. И., V, стр. 102—105.

Патріархи Паисій и Макарій, вмѣстѣ со всѣми другими архіереями, участвовавшими въ рукоположеніи Іоасафа, дали ему настольную грамату, весьма обширную. Въ первой, исторической, части граматы патріархи разсказывали: мы пришли въ царствующій градъ Москву въ ноябрѣ 1666 года, и причиною тому былъ Никонъ. Онъ въ 10 день іюля 1658 года самовольно оставилъ свой патріаршескій престолъ и отрекся патріаршеской власти, возжелавъ проводить тихое и безмолвное житіе въ воскресенскомъ монастырѣ. И хотя государь чрезъ своихъ бояръ и окольничихъ, архіереи, весь освященный соборъ и множество народа умоляли его не покидать патріаршаго престола, но онъ отвѣчалъ, что не хочетъ болѣе быть пастыремъ, а хочетъ быть пасомымъ и внимать самому себѣ. Все это видно изъ соборнаго дѣянія, бывшаго еще до нашего пришествія въ Москву, собора русскихъ архіереевъ и изъ собственноручнаго письма самого Никона, которое онъ прислалъ въ генварѣ 1665 года къ царю государю, и въ которомъ говорилъ, чтобы царь и священный соборъ избирали и поставили себѣ иного патріарха, кого хотятъ, и что онъ, Никонъ, уже не будетъ именоваться московскимъ патріархомъ. Мы со всѣми архіереями, русскими и греческими, много времени обсуждали это соборное дѣяніе и это письмо Никона, и, принявъ во вниманіе, что русская церковь уже восемь лѣтъ и семь мѣсяцевъ вдовствуетъ безъ пастыря, признали за благо, на основаніи божественныхъ правилъ, избрать и дѣйствительно избрали, рукоположили и возвели на патріаршескій престолъ царствующаго града Москвы мужа достойнаго, незлобиваго, премудраго и святаго, архимандрита троицкой сергіевой лавры Іоасафа, призвавъ его къ тому «съ великимъ

принужденіемъ». Затѣмъ во второй и послѣдней части грамоты патріархи призывали русскую церковь и всѣхъ чадъ ея къ духовной радости, довольно подробно излагали права и обязанности новопоставленнаго патріарха и, наконецъ, обязанности по отношенію къ нему, какъ верховному архипастырю, архіереевъ и всего духовенства, бояръ, князей и всѣхъ православныхъ христіанъ ([403]).

Едва прошло двѣ недѣли со времени поставленія патріарха Іоасафа и окончилась первая седмица великаго поста, какъ вновь открылись засѣданія большаго московскаго собора. Во вторникъ второй седмицы поста, въ день св. Порфирія епископа газскаго, 26-го февраля, въ кельи патріарховъ Паисія и Макарія пришелъ государь съ патріархомъ московскимъ Іоасафомъ, со всѣми епископами и съ знатнѣйшими изъ своихъ бояръ, и самъ предложилъ собору нѣсколько вопросовъ, требовавшихъ его обсужденія и рѣшенія. За этимъ засѣданіемъ, на которомъ еще не было сдѣлано никакого постановленія, а епископы только совѣщались между собою, послѣдовали и другія засѣданія въ мартѣ, апрѣлѣ, маѣ, іюнѣ и позднѣе, хотя дни засѣданій, большею частію остались неизвѣстными. Гдѣ и какимъ образомъ происходили засѣданія, извѣстій также не сохранилось; но за то сохранились самыя постановленія собора. Одни изъ нихъ изложены отъ лица всего собора, а другія отъ лица только двухъ патріарховъ, Паисія и Макарія, то въ видѣ правилъ, то въ видѣ отвѣтовъ на вопросы, то въ видѣ толкованій, но приняты всѣмъ соборомъ. Постановленія эти сначала писались отдѣльно одно отъ

([403]) Подлин. дѣло патр. Никона, стр. 414—224.

другаго, на особыхъ свиткахъ, и скрѣплялись подписями отцевъ собора, а потомъ переписаны были вмѣстѣ, въ одной книгѣ, подъ заглавіемъ: «Книга соборныхъ дѣяній»..., расположены въ одинадцати главахъ и вновь подписаны отцами собора. Разсматривать эти постановленія по порядку главъ въ книгѣ представляется неудобнымъ: потому что постановленія расположены здѣсь не въ хронологическомъ порядкѣ, и, тогда какъ, наприм., въ первой главѣ помѣщено постановленіе 13-го мая, въ шестой находится постановленіе 15-го марта. Да и расположить нынѣ эти постановленія въ хронологическомъ порядкѣ не представляется возможности: потому что на нѣкоторыхъ совсѣмъ не означено ни дня, ни мѣсяца, когда они состоялись, а на другихъ означенъ только мѣсяцъ, когда они состоялись или когда были подписаны ([404]). Потому мы считаемъ за лучшее расположить постановленія собора 1667 года, находящіяся въ книгѣ соборныхъ дѣяній, по предметамъ и сначала разсмотрѣть постановленія, относившіяся къ бывшему патріарху Никону и послужившія какбы окончаніемъ соборнаго суда надъ нимъ; потомъ—постановленія противъ русскаго раскола, послужившія продолженіемъ и окончаніемъ такихъ же постановленій собора 1666 года; наконецъ, постановленія, направленныя противъ разныхъ другихъ нестроеній и недостатковъ русской церкви и послужившія къ ея благоустройству.

Постановленій перваго рода, т. е. относившихся къ бывшему патріарху Никону, весьма немного: всего четыре.

([404]) *Лигаридъ*. Истор. о соборѣ на патр. Никона, III, гл. 19; Матер. для истор. раскола, II, стр. 187—397.

Однимъ изъ нихъ было осуждено и отмѣнено распоряженіе Никона, сдѣланное еще въ концѣ 1655 года, чтобы въ день Богоявленія водосвятіе совершалось только однажды, въ навечеріи праздника, а на самый праздникъ въ другой разъ отнюдь никѣмъ не совершалось, подъ опасеніемъ проклятія. Противъ этого патріархи Паисій и Макарій въ своихъ правилахъ, предложенныхъ на соборѣ, сказали: «повелѣніе и клятву, которую неразсудно положилъ Никонъ, бывшій патріархъ о дѣйствѣ освященія воды на св. Богоявленіе, разрѣшаемъ, разрушаемъ и ни во что вмѣняемъ; а повелѣваемъ и благословляемъ творить, по древнему обычаю св. восточной церкви и по преданію святыхъ и богоносныхъ отцевъ, въ навечеріи праздника освященіе воды въ церквахъ, и послѣ утрени—на рѣкѣ, какъ повелѣваютъ и всѣ церковные уставы» (гл. II, прав. 23).

Другимъ постановленіемъ собора осуждено и отмѣнено распоряженіе Никона, сдѣланное въ 1656 году, чтобы разбойниковъ и татей, осужденныхъ на смерть, священники не только не удостоивали св. причастія, но и не допускали къ исповѣди. Это распоряженіе патріарха назвали «еретическимъ и пребеззаконнымъ», и, приведши правила св. апостоловъ (52-е), св. соборовъ: лаодикійскаго (2), кареагенскаго (46 и 55), никейскаго (13), анкирскаго (76) и св. отцевъ: Василія великаго (55) и Григорія нисскаго (5), заключили: «отнынѣ осужденные на казнь разбойники и тати, которые будутъ каяться, да исповѣдаются священниками и да причащаются св. Христовыхъ таинъ» (гл. IV, вопросъ и отвѣтъ 1).

Третье постановленіе касалось монастырей строенія никонова, ихъ приписныхъ монастырей и вотчинъ. Настоятели

разныхъ монастырей, въ прежніе годы, неразъ жаловались государю на Никона, что онъ взялъ себѣ ихъ вотчины, соляныя варницы, рыбныя ловли и всякія угодья, на мѣну и безъ мѣны, и изъ чужихъ епархій нѣкоторые монастыри съ вотчинами приписалъ къ монастырямъ своего строенія, иверскому, крестному и воскресенскому, и просили тѣ вотчины возвратить прежнимъ монастырямъ, а приписные монастыри вновь сдѣлать самостоятельными и оставить каждый въ прежней епархіи. Государь предложилъ патріархамъ и всему собору разсудить о томъ по св. правиламъ и учинить указъ. Патріархи со всѣмъ соборомъ, разсмотрѣвъ правила св. апостоловъ—34, собора карѳагенскаго 26 и 33, седмаго вселенскаго собора 12, св. Кирилла александрійскаго 2, опредѣлили: 1) монаха Никона, какъ неправильно поступившаго, осуждаемъ. По приведеннымъ св. правиламъ, онъ не имѣлъ права самъ, безъ собора архіереевъ, мѣнять вотчины патріаршаго дома, коломенской епископіи и разныхъ монастырей, а также приписывать монастыри съ вотчинами къ монастырямъ своего строенія. И если на все это онъ выпросилъ у государя жалованныя граматы, и притомъ съ написанною въ нихъ клятвою, то также поступилъ незаконно, утаивъ отъ государя вышеприведенныя св. правила. Почему мы тѣ граматы вмѣняемъ не въ граматы, и ту клятву государю прощаемъ и разрѣшаемъ. 2) Монастыри иверскій, крестный и воскресенскій, которые монахъ Никонъ, во время своего патріаршества, основалъ и построилъ, безъ совѣта всего освященнаго собора, неправильно, мы, ради прошенія великаго государя, вмѣняемъ отнынѣ за монастыри, и утверждаемъ, и принимаемъ въ чинъ правильно созданныхъ монастырей. 3) На тѣ вотчины, кото-

рыя пожаловалъ государь этимъ монастырямъ, благоволитъ онъ вновь пожаловать свои граматы, какъ ему, государю, Богъ извѣститъ. 4) Вотчины, которыя взялъ Никонъ изъ патріаршаго дома, изъ коломенской епископіи и изъ разныхъ монастырей на мѣну и безъ мѣны въ монастыри своего строенія, должны быть возвращены туда, откуда взяты; а купленныя Никономъ вотчины, которыя онъ отдавалъ на промѣнъ въ патріаршій домъ, должны быть переданы монастырямъ никонова строенія, какая которому пристойна. 5) Монастырямъ, которые, съ ихъ вотчинами, Никонъ приписалъ изъ иныхъ епархій къ монастырямъ своего строенія, впредь оставаться въ прежнихъ епархіяхъ подъ властію прежнихъ своихъ архіереевъ; но вотчинами тѣхъ монастырей владѣть не архіереямъ, а самимъ монастырямъ. 6) Монастыри строенія никонова должны состоять каждый въ той епархіи, въ которой построены, подъ властію мѣстныхъ архіереевъ. 7) Мѣновыя крѣпости на вотчины, которыя, по приказу Никона, его приказные люди и монастыри его строенія промѣнивали на вотчины другихъ монастырей, вмѣняемъ не въ крѣпости. Въ заключеніе соборъ перечислилъ по именамъ всѣ тѣ вотчины, какія должны оставаться за каждымъ изъ монастырей строенія никонова, иверскимъ, крестнымъ и воскресенскимъ (гл. XI). Это постановленіе. какъ замѣчено въ самомъ его началѣ, состоялось въ апрѣлѣ.

Наконецъ, четвертое постановленіе вызвано было вопросомъ: «какъ быть тѣмъ, кого Никонъ, находясь въ воскресенскомъ монастырѣ, посвятилъ въ архимандриты, игумены, попы и дьяконы для монастырей своего строенія?» Патріархи дали отвѣтъ: «тѣмъ архимандритамъ, игуменамъ, по-

памъ, дьяконамъ и всему церковному причту быть въ томъ чинѣ, кто во что посвященъ, потому что всѣ тѣ церковники посвящены Никономъ прежде изверженія его съ патріаршества; но впредь, по изверженіи его, никому отъ монаха Никона ни въ какой священный чинъ не посвящаться» (гл. VII, отв. на вопр. 5). Самому Никону, какъ мы видѣли, соборъ вмѣнилъ въ вину то, что онъ, отошедши съ своей каѳедры въ воскресенскій монастырь, священнодѣйствовалъ тамъ поархіерейски и посвящалъ на разныя церковныя степени, но посвященныхъ тогда Никономъ не лишилъ сана.

Осудилъ большой соборъ московскій самого патріарха Никона, осудилъ нѣкоторыя его распоряженія и дѣйствія; но не осудилъ важнѣйшаго изъ его дѣяній—исправленія церковныхъ книгъ. Напротивъ вполнѣ одобрилъ и утвердилъ для всеобщаго употребленія исправленныя, по его распоряженію, и напечатанныя книги; а осудилъ тѣхъ, которые не хотѣли принимать этихъ книгъ, и изъ-за нихъ хулили церковь, называли ее еретическою, отказывались повиноваться ей и чрезъ то самовольно отдѣлялись отъ нея. Главное постановленіе большаго собора объ этомъ находится въ первой главѣ книги соборныхъ дѣяній, подъ заглавіемъ: «предѣлъ освященнаго собора»..., и состоитъ изъ двухъ частей. Въ первой части говорятъ отъ себя одни только русскіе святители, съ архимандритами, игуменами и протопопами, дѣйствовавшіе на соборѣ 1666 года, повторяя дословно тоже самое, за небольшими сокращеніями, что прежде сказали объ этомъ въ своемъ общемъ опредѣленіи или «наставленіи», которое мы разсматривали въ своемъ мѣстѣ. Потомъ повторяютъ, большею частію, также дословно изъ тогоже «наставленія», что они

долгое время подробно сличали новоисправленныя печатныя книги съ старыми харатейными славянскими книгами, и не нашли въ первыхъ ничего поврежденнаго и противнаго православной вѣрѣ, напротивъ обрѣли ихъ во всемъ согласными съ тѣми харатейными книгами. И, наконецъ, присовокупляютъ: «когда же, благодатію Божіею, по приглашенію благочестивѣйшаго государя, прибыли въ Москву святѣйшіе патріархи, александрійскій Паисій и антіохійскій Макарій, мы, весь освященный соборъ всероссійскій, возрадовались и извѣстили ихъ о всѣхъ нашихъ соборныхъ дѣлахъ. И они, святѣйшіе патріархи, признали наши соборныя дѣла и разсужденія истинными и правыми, и своимъ благословеніемъ благословили и утвердили. А когда Господь даровалъ намъ и своего патріарха, святѣйшаго Іоасафа, мы представляли и ему тѣ наши соборныя дѣянія и писанія на разсмотрѣніе и утвержденіе, и онъ своимъ архипастырскимъ благословеніемъ утвердилъ, какъ и патріархи Паисій и Макарій, согласно во всемъ». Во второй части, подъ особымъ названіемъ: «изреченіе», говорятъ отъ себя уже всѣ архіереи, составлявшіе большой соборъ 1667 года, т. е. всѣ три патріарха съ митрополитами, архіепископами и епископами, русскими и греческими, и прочими духовными лицами. Что же говорятъ? Они повторяютъ туже самую заповѣдь архимандритамъ, игуменамъ, протопопамъ, поповскимъ старостамъ, всему духовенству и всѣмъ православнымъ христіанамъ, какую изложилъ въ своемъ «наставленіи» соборъ 1666 года. И именно заповѣдуютъ и повелѣваютъ, чтобы всѣ и во всемъ, безъ всякаго сомнѣнія и прекословія, покорялись св. восточной апостольской церкви, и, въ частности, чтобы принимали новоисправленныя и на-

печатанныя при Никонѣ и послѣ него служебники, требники и прочія церковныя книги и по нимъ правили всѣ церковныя службы чинно, немятежно и единогласно, и пѣли на рѣчь; чтобы символъ вѣры содержали неизмѣнно безъ прибавленія: «истиннаго», аллилуію говорили трижды и потомъ: «слава тебѣ, Боже», крестное знаменіе на себѣ творили тремя перстами, молитву Іисусову въ церковномъ пѣніи и общемъ собраніи произносили: «Господи Іисусе Христе, Боже нашъ, помилуй насъ», а наединѣ, кто какъ хочетъ, и чтобы священники благословляли народъ перстосложеніемъ именословнымъ. Засвидѣтельствовавъ такимъ образомъ полное свое согласіе и какбы единство съ соборомъ 1666 года, большой московскій соборъ выразилъ въ томъ же своемъ «изреченіи» уже отъ себя слѣдующее: «сіе наше соборное повелѣніе и завѣщаніе повелѣваемъ всѣмъ хранить неизмѣнно и покоряться св. восточной церкви. Если же кто не послушаетъ нашего повелѣнія и не покорится св. восточной церкви и сему освященному собору, или начнетъ прекословить и противиться намъ, мы таковаго противника, данною намъ властію, если будетъ отъ священнаго чина, извергаемъ и предаемъ проклятію, а если будетъ отъ мірскаго чина, предаемъ проклятію и анаѳемѣ, какъ еретика и непокорника, и отъ церкви Божіей отсѣкаемъ, дондеже уразумится и возвратится въ правду покаяніемъ». Очевидно, большой соборъ изрекъ анаѳему только на людей, которые не покорялись церкви и сопротивлялись ей тѣмъ, что не хотѣли принять ея новоисправленныя книги и обряды, называя ихъ еретическими; но вовсе не изрекалъ анаѳемы или проклятія на самыя книги старопечатныя и мнимо-старые обряды, которыхъ держались

эти люди, противники церкви; да и на нихъ наложилъ анаѳему только до тѣхъ поръ, пока они не образумятся и не покаются. Относительно же излюбленныхъ ими обрядовъ, которые отнюдь не старые, и утверждены, большею частію, только въ половинѣ XVI вѣка на стоглавомъ соборѣ, и потомъ внесены въ старопечатныя книги, большой соборъ, подъ конецъ тогоже своего «изреченія», высказался такъ: «что касается бывшаго при царѣ Иванѣ Васильевичѣ и московскомъ митрополитѣ Макаріѣ собора, написавшаго въ книгѣ Стоглавѣ о сложеніи двухъ перстовъ, о сугубой аллилуіи и о прочемъ неразсудно, простотою и невѣжествомъ и положившаго клятву (на некрестящихся двумя перстами) безъ разсужденія и неправедно, то мы, православные патріархи, со всѣмъ освященнымъ соборомъ ту неправедную и безразсудную клятву разрѣшаемъ и разрушаемъ, и тотъ соборъ вмѣняемъ не въ соборъ, какбы онъ и не былъ: потому что Макарій митрополитъ и бывшіе съ нимъ мудрствовали, по своему невѣдѣнію, безразсудно, какъ хотѣли сами собою, не согласясь съ древними харатейными книгами, греческими и славянскими, и не посовѣтовавшись съ вселенскими патріархами. Къ томуже заповѣдуемъ, чтобы писанному въ житіи препод. Евфросина, отъ соннаго мечтанія списателева, о сугубой аллилуіи никто не вѣрилъ: ибо все то писаніе лживое, и писано отъ лживаго писателя на прельщеніе благочестивымъ людямъ». Т. е. о мнимо-старыхъ обрядахъ большой московскій соборъ сказалъ только, что они несогласны съ древними харатейными, греческими и славянскими, книгами и приняты при митрополитѣ Макаріѣ въ русской церкви по невѣжеству, самовольно, безъ сношенія съ восточными патріархами. Изложенное нами по-

становленіе свое или «предѣлъ» отцы собора утвердили своими подписями и положили, въ вѣчное воспоминаніе, въ соборной церкви успенія пресв. Богородицы въ 13 день мая 1667 года, а для всеобщаго свѣдѣнія и руководства вѣрующимъ напечатали при служебникѣ тогоже 1667 года.

Соборъ, впрочемъ, не ограничился однимъ этимъ общимъ постановленіемъ противъ раскольниковъ, а въ поясненіе и какбы оправданіе его сдѣлалъ еще нѣсколько частныхъ постановленій. Такъ, въ третьей главѣ книги соборныхъ дѣяній находимъ «толкованіе» патріарховъ Паисія и Макарія, принятое всѣмъ соборомъ, объ аллилуіи, о знаменіи св. креста, о св. символѣ и о молитвѣ Іисусовой. Здѣсь патріархи объясняли, почему надобно троить, а не двоить аллилуію съ прибавленіемъ: «слава тебѣ, Боже», и сдѣлали нѣсколько критическихъ замѣчаній на житіе преп. Евфросина и другія свидѣтельства, приводимыя ревнителями сугубой аллилуіи; объясняли, почему надобно креститься тремя, а не двумя перстами, и сдѣлали замѣчанія противъ извѣстныхъ свидѣтельствъ, приписываемыхъ св. Мелетію и блаж. Θеодориту, и доказывали, что символъ вѣры должно читать безъ прилога: «истиннаго», а въ молитвѣ Іисусовой, при церковномъ употребленіи, слѣдуетъ произносить: «Боже нашъ», хотя не запрещали произносить и «Сыне Божій». Въ десятой главѣ тойже соборной книги изложено «увѣщаніе» отъ лица всѣхъ отцевъ собора касательно стоглаваго собора. Отцы говорили, что, желая привести «во единство и согласіе вѣры и чина великороссійскую церковь со св. восточною церковію», они имѣли полное право отмѣнить нѣкоторыя погрѣшности, принятыя на стоглавомъ соборѣ и произведшія несогласіе между

этими церквами, и, въ доказательство, привели нѣсколько примѣровъ изъ кормчей, какъ и въ древности послѣдующіе соборы исправляли и отмѣняли постановленія предшествовавшихъ, меньшихъ, соборовъ. А къ тому присовокупили, что постановленія стоглаваго собора сдѣланы только русскими архіереями, и не свидѣтельствованы ни вселенскимъ, ни прочими патріархами. Въ правилахъ, изложенныхъ во второй главѣ соборной книги, патріархи Паисій и Макарій, вмѣстѣ со всѣмъ соборомъ: а) заповѣдали, чтобы крестные ходы вокругъ церкви, въ великую субботу съ плащаницею, и при освященіи церквей съ св. мощами, совершаемы были не по солнцу, какъ дѣлаютъ раскольники, а противъ солнца, по обычаю св. восточной церкви и согласно съ тѣмъ, какъ и обхожденіе престола при хиротоніи дьяконовъ и священниковъ и кажденіе вокругъ престола совершаются не по солнцу, а противъ солнца (прав. 12); б) запретили вѣрить статьѣ, составленной какимъ-то раскольникомъ, тайнымъ еретикомъ армянской вѣры, и напечатанной въ слѣдованной псалтыри и другихъ книгахъ, о сложеніи перстовъ для крестнаго знаменія по обычаю армянскому, и повелѣли совсѣмъ исключить эту статью изъ печатныхъ и рукописныхъ книгъ (прав. 22); в) повелѣли исправленный при Никонѣ и напечатанный служебникъ, который теперь вновь прилежно былъ свидѣтельствованъ отъ всего освященнаго собора, печатать и впредь и совершать по немъ священнодѣйствіе безъ всякаго прибавленія, отъятія и перемѣны (прав. 24); г) похвалили книгу Скрижаль, переведенную съ греческаго и напечатанную при Никонѣ (прав. 25); д) утвердили своимъ согласіемъ извѣстное посланіе константинопольскаго патріарха Паисія въ отвѣтъ

на вопросы Никона о нѣкоторыхъ дѣлахъ церковныхъ (прав. 26); е) одобрили книгу «Жезлъ правленія», составленную и напечатанную тогда на обличеніе поповъ Никиты, Лазаря и ихъ единомышленниковъ (прав. 27). Наконецъ, патріархи Паисій и Макарій, въ числѣ вопросовъ, предложенныхъ имъ московскимъ патріархомъ и прочими русскими архіереями, рѣшили и слѣдующій вопросъ: «подобаетъ ли еретиковъ и раскольниковъ наказывать градскимъ закономъ, или только церковнымъ наказаніемъ?»—«Ей, подобаетъ наказывать ихъ и градскими казнями»,—отвѣчали патріархи. «На второмъ вселенскомъ соборѣ, бывшемъ въ Константинополѣ, при благочестивомъ царѣ Ѳеодосіѣ великомъ, на духоборца Македонія, богоносные отцы, по изверженіи и проклятіи его послѣдователей, 36-ти злочестивыхъ епископовъ, опредѣлили наказать ихъ и градскимъ закономъ. И, повелѣніемъ царя Ѳеодосія, ихъ били говяжьими жилами, позорили и, посадивъ на верблюдовъ, возили по торжищу, а потомъ сослали въ сирскій городъ Емекинъ, гдѣ они и скончались. На четвертомъ вселенскомъ соборѣ, халкидонскомъ, бывшемъ при благочестивомъ царѣ Маркіанѣ на Діоскора и Евтихія и ихъ послѣдователей, богоносные отцы, числомъ 630, вмѣстѣ съ царемъ, повелѣли истребить огнемъ злочестивыя книги этихъ еретиковъ, а ихъ самихъ наказать говяжьими жилами, суковатыми палками и темницами и взять съ нихъ на царя по десяти гривенъ золота. Пятый вселенскій соборъ, бывшій при благочестивомъ царѣ Іустиніанѣ великомъ въ Константинополѣ на Оригена и его единомышленниковъ, по изверженіи и проклятіи ихъ, повелѣлъ, вмѣстѣ съ царемъ, наказать злочестивыхъ и, по градскому закону, разными томленіями и муками: од-

нимъ отрѣзали языки, другимъ отсѣкли руки, инымъ уши и носы, и позорили ихъ на торжищѣ, потомъ сослали въ заточеніе до конца жизни... Много и другихъ подобныхъ примѣровъ записано въ церковныхъ исторіяхъ и въ книгѣ Арменопула,—чего для краткости не приводимъ. Изъ всего этого узнаемъ, что еретики и раскольники должны быть наказываемы не только церковнымъ наказаніемъ, но и царскимъ, т. е. по градскому закону». Этотъ отвѣтъ патріарховъ принятъ былъ всѣмъ соборомъ и внесенъ въ книгу соборныхъ дѣяній (гл. 7, вопр. и отв. 4).

Такимъ образомъ, что̀ началъ московскій соборъ 1666 года по отношенію къ расколу, то окончилъ большой московскій соборъ 1667 года. Первый призывалъ, одного за другимъ, расколоучителей, выслушивалъ и обличалъ ихъ ученіе, убѣждалъ ихъ покаяться, и кто не хотѣлъ каяться и покориться церкви, тѣхъ, каждаго порознь, предавалъ анаѳемѣ и отсылалъ подъ начало или даже въ заключеніе въ какой либо монастырь. Послѣдній соборъ произнесъ общій приговоръ, общую анаѳему на всѣхъ послѣдователей раскола и постановилъ, по примѣру древней церкви, общее правило подвергать ихъ наказанію не только церковному, но и по градскимъ законамъ. И нельзя не признать, что эта общая анаѳема на раскольниковъ была неизбѣжна и совершенно справедлива. Раскольники еще прежде, до соборной на нихъ анаѳемы, сами, такъ сказать, изрекли на себя анаѳему и отсѣкли себя отъ церкви. Сущность ихъ ученія, какъ уже достаточно открылось изъ ихъ писаній и словесныхъ заявленій на соборѣ 1666 года, состояла не въ томъ только, что они хотѣли держаться однѣхъ старопечатныхъ книгъ и мнимо-старыхъ обря-

довъ, и не покорялись церкви, не принимали отъ нея новоисправленныхъ печатныхъ книгъ, но вмѣстѣ и въ томъ, что они считали эти послѣднія книги исполненными ересей, самую церковь называли еретическою и утверждали, что церковь болѣе не церковь, архіереи ея не архіереи, священники не священники, и всѣ ея таинства и чинопослѣдованія осквернены антихристовою скверною; раскольники не только противились церкви, но совсѣмъ отрицали ее, отрицались отъ нея и, по своимъ убѣжденіямъ, были уже совершенно отдѣлены отъ нея. Необходимо было, чтобы и церковь съ своей стороны всенародно объявила, что она не признаетъ ихъ болѣе своими чадами, т. е. чтобы она анаѳематствовала и отсѣкла отъ себя тѣхъ, которые еще прежде самовольно отпали отъ нея и сдѣлались ея врагами. Со времени этой-то анаѳемы, произнесенной на раскольниковъ большимъ московскимъ соборомъ, и началъ существовать въ Россіи расколъ, какъ особое общество вѣрующихъ, именующихъ себя старообрядцами, совершенно отдѣльное отъ православной церкви и враждебное ей. Не церковь отвергла ихъ и отвергаетъ, но они сами еще прежде отверглись церкви и не перестаютъ упорно отвергать ее, называя ее, въ своемъ жалкомъ ослѣпленіи, духовною блудницею, а всѣхъ вѣрныхъ чадъ ея, всѣхъ православныхъ—сынами беззаконія, слугами антихриста.

Кромѣ раскола, производившаго смуты и нестроенія въ русской церкви, немало было въ ней и другихъ нестроеній и вообще недостатковъ, требовавшихъ соборнаго уврачеванія. На одни изъ этихъ недостатковъ обратилъ вниманіе восточныхъ патріарховъ, Паисія и Макарія, самъ государь; на другіе указывали русскіе архіереи; нѣкоторые же недостатки за-

мѣчены были самими патріархами. И вслѣдствіе этого они, вмѣстѣ со всѣмъ соборомъ, постановили для русской церкви множество опредѣленій и правилъ, касавшихся: а) ея управленія и суда, б) богослуженія и в) духовенства.

По отношенію къ церковному управленію и суду сами патріархи замѣтили тотъ недостатокъ, что въ Россіи не соблюдалось древнее, апостольское и соборное, правило: да собираются дважды или, по крайности, однажды въ лѣто архіереи каждой страны ради исправленія церковныхъ дѣлъ. «Въ здѣшнихъ странахъ великороссійскаго государства,—сказали патріархи,—не обыкли архіереи собираться часто и творить соборы и исправлять священническія распри и прочее, отъ чего и учинилось столько раскольниковъ и мятежниковъ, возмутившихъ все государство, погубившихъ многія души, и прельстившихъ едва не весь народъ. Потому весьма подобаетъ, чтобы архіереи россійскаго государства, какъ можно чаще, собирались въ царствующій градъ Москву ради всякихъ добрыхъ совѣщаній и исправленія нужныхъ церковныхъ дѣлъ» (гл. 2, прав. 41).

Другой важный недостатокъ въ русской церкви, способствовавшій также распространенію въ ней раскола, состоялъ въ малочисленности архіерейскихъ каѳедръ и излишней обширности нѣкоторыхъ изъ существовавшихъ уже епархій. На этотъ недостатокъ указалъ отцамъ собора самъ государь, и велѣлъ предложить имъ грамату московскаго собора, бывшаго при царѣ Ѳеодорѣ Ивановичѣ, объ учрежденіи патріаршества и устроеніи другихъ архіерейскихъ каѳедръ въ Россіи. Грамата была прочитана. Узнавъ изъ нея, что тогда было положено быть въ русской церкви осмнадцати епархіямъ, кромѣ

патріаршей, и именно четыремъ митрополіямъ, шести архіепископіямъ и осми епископіямъ, и назначены самыя мѣста для нихъ, отцы собора съ радостію согласились открыть тѣ изъ этихъ епархій, которыя доселѣ не были открыты, а нѣкоторыя изъ предположенныхъ тогда епархій, открыты ли онѣ или еще не открыты, возвести изъ епископій въ архіепископіи, и опредѣлили: учредить епископскія каѳедры въ Ржевѣ-Володиміровѣ, на Бѣлѣ-озерѣ и въ Дмитровѣ и архіепископскія въ Нижнемъ Новгородѣ и великомъ Устюгѣ, а епископіи, уже существовавшія, въ Черниговѣ и Коломнѣ возвести въ архіепископіи. Затѣмъ, съ соизволенія государя или даже по заявленному имъ желанію, возвели на степень митрополій архіепископіи: астраханскую, рязанскую, тобольскую, и учредили новую митрополію въ Бѣлгородѣ, куда и назначили митрополитомъ извѣстнаго сербскаго митрополита Ѳеодосія, проживавшаго въ Москвѣ при архангельскомъ соборѣ; утвердили архіепископство въ Псковѣ и положили учредить архіепископскія каѳедры въ Архангельскѣ и на Холмогорахъ; утвердили епископскую каѳедру въ Вяткѣ и благословили учредить такія же каѳедры въ Перми, Томскѣ и на Ленѣ, и вообще благословили поставлять митрополитовъ, архіепископовъ и епископовъ въ тѣ города, гдѣ, по усмотрѣнію государя и московскаго патріарха съ прочими архіереями, признано будетъ то нужнымъ, «да управляется и распиряется православіемъ въ родъ и родъ богохранимое россійское царство». Наконецъ опредѣлили, чтобы въ епархіяхъ нѣкоторыхъ митрополитовъ существовали подручные имъ епископы, и именно въ епархіяхъ: новгородской—одинъ епископъ въ Каргополѣ, другой въ Городецкѣ или Устюжнѣ, казанской—въ Уфѣ, ростов-

ской—въ Угличѣ, крутицкой—въ Ливнахъ, рязанской—въ Воронежѣ и другой въ Тамбовѣ, и чтобы эти епископы жили въ назначенныхъ имъ городахъ и монастыряхъ, владѣли вотчинами тѣхъ монастырей, и все творили по благословенію и повелѣнію своихъ митрополитовъ, а безъ воли ихъ ничего не творили, кромѣ священнодѣйствія, хиротоніи и прочаго, что дозволяютъ св. правила. Постановленіе это утверждено подписями отцевъ собора въ іюнѣ 1667 года (гл. 8).

Были еще два, весьма важные, недостатка въ нашемъ церковномъ управленіи и судѣ. Первый состоялъ въ томъ, что какъ у патріарха въ его приказахъ, такъ и у прочихъ архіереевъ, всѣ епархіальныя дѣла вѣдали и рѣшали преимущественно, если не исключительно, архіерейскіе бояре и другіе свѣтскіе чиновники. Такой обычай, утвердившійся у насъ еще до стоглаваго собора, оставался въ силѣ и послѣ него, хотя стоглавый соборъ и постановилъ, чтобы при каждой архіерейской каѳедрѣ существовалъ судъ изъ духовныхъ лицъ, кромѣ суда боярскаго, которому назначенъ былъ особый кругъ дѣлъ. Противъ этого, глубоко укоренившагося у насъ, недостатка отцы большаго московскаго собора опредѣлили: «въ патріаршемъ домѣ быть духовному человѣку, архимандриту, съ другими искусными мужами, и судить имъ въ духовныхъ дѣлахъ духовныя лица священническаго и монашескаго чина, да не привлекаютъ отнынѣ священниковъ и монаховъ въ мірскія судилища и да не судятъ мірскіе люди освященнаго и монашескаго чина и всякаго церковнаго причта, какъ запрещаютъ св. правила... Равно и во всѣхъ архіерейскихъ домахъ быть духовнымъ искуснѣйшимъ мужамъ и судить духовныя лица и духовныя дѣла, какъ въ патріаршемъ домѣ

судитъ духовный судія, архимандритъ, съ клевретами, да судятъ архимандритовъ, игуменовъ, монаховъ, протопоповъ, поповъ, дьяконовъ и всѣхъ церковныхъ причетниковъ и инокинь во всякихъ дѣлахъ, а мірянъ да судятъ по дѣламъ о беззаконныхъ бракахъ и духовныхъ завѣщаніяхъ. Прочія же духовныя дѣла, какія бываютъ между мірскими людьми мужескаго и женскаго пола, да судятъ патріаршій бояринъ съ дьяками и его товарищи» (гл. 2, пр. 37—39). Другой недостатокъ былъ тотъ, что все духовенство, начиная съ митрополитовъ, во всѣхъ исковыхъ дѣлахъ, судилось, по уложенію царя Алексѣя Михайловича, мірскими людьми въ монастырскомъ приказѣ. Русскіе архіереи, крайне тяготившіеся такимъ подчиненіемъ мірскому судилищу, не могли не обратить на это вниманія восточныхъ патріарховъ и, въ числѣ другихъ вопросовъ, предложили имъ и слѣдующій: «довлѣетъ ли мірскимъ людямъ судить архіереевъ, архимандритовъ, игуменовъ, священниковъ и дьяконовъ, монаховъ и инокинь, и весь церковный и духовный чинъ и ихъ людей?» Патріархи Паисій и Макарій дали отвѣтъ: «архіереевъ, архимандритовъ... и весь церковный чинъ и ихъ людей мірскимъ людямъ ни въ чемъ не судить, а судить ихъ во всякихъ дѣлахъ архіереямъ, каждому въ своей епархіи, или кому повелятъ отъ духовнаго чина, а не отъ мірскихъ» (гл. 7). Этотъ отвѣтъ былъ принятъ и утвержденъ всѣмъ соборомъ, и послужилъ основаніемъ къ упраздненію монастырскаго приказа, который, впрочемъ, въ дѣйствительности упраздненъ былъ, какъ увидимъ, еще не такъ скоро.

Относительно богослуженія и его принадлежностей пра-

вила, данныя на большомъ московскомъ соборѣ, весьма разнообразны. Между ними находятся:

Правила касательно божественной литургіи. Патріархи Паисій и Макарій разсмотрѣли соборнѣ и свидѣтельствовали весь «чинъ архіерейскаго совершенія литургіи на востокѣ», написанный въ 1653 г. погречески бывшимъ цареградскимъ патріархомъ Аѳанасіемъ Пателаріемъ для патріарха Никона и тогдаже переведенный на славянскій языкъ. Этотъ чинъ, по освидѣтельствованіи его въ новомъ славянскомъ переводѣ, цѣликомъ внесенный въ книгу соборныхъ дѣяній (гл. 5), а въ слѣдующемъ году и напечатанный въ Москвѣ, преподанъ былъ патріархами какбы въ правило и руководство русскимъ архіереямъ при совершеніи ими литургіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ, патріархи, указывая на нѣкоторыя частныя отступленія, какія допускаемы были въ Россіи при совершеніи литургіи, соборнѣ постановили: а) на одной литургіи не хиротонисать по три, по пяти, по десяти и болѣе дьяконовъ и поповъ, какъ поступали нѣкоторые архіереи (въ малой и великой Россіи), а хиротонисать только одного дьякона, и одного пресвитера, и одного епископа, какъ держитъ чинъ и преданіе отъ св. отцевъ св. восточная церковь; б) на горнемъ мѣстѣ, во время чтенія апостола за литургіей, не садиться ни священнику въ своей церкви, ни настоятелю въ своемъ монастырѣ,—ибо мѣсто то есть сѣдалище мѣстнаго епархіальнаго архіерея; почему и архіерею, даже патріарху въ чужой епархіи не садиться на горнемъ мѣстѣ ни въ какой церкви; в) если случится двумъ или тремъ патріархамъ или другимъ архіереямъ совершать вмѣстѣ литургію, то мѣстный архіерей не садится на горнемъ мѣстѣ, но, ради братской любви и равночестія,

садится наравнѣ съ прочими архіереями въ креслахъ; г) за литургіей ни архіерей архіерея, ни священникъ священника, ни архимандритъ архимандрита не причащаютъ; но только патріархъ причащаетъ архіереевъ и митрополитъ своихъ епископовъ, а архимандритъ священниковъ своей обители; причащаться архіереямъ, священникамъ и дьяконамъ изъ св. потира по-трижды, а мірянъ причащать лжицею по единожды; д) во время великаго входа, при перенесеніи св. даровъ, не слѣдуетъ брать потиръ лѣвою рукою, какъ дѣлаютъ священники въ Россіи, вопреки устава (гл. 2, прав. 1—5); е) изволеніемъ благочестивыхъ царей, въ Россіи нѣкоторые архимандриты совершаютъ литургію поархіерейски, осѣняютъ свѣчами и носятъ митры, чего нѣтъ въ св. восточной церкви; и мы хотя, ради прошенія великаго государя, не возбраняемъ этого, но только подобаетъ, чтобы архимандритъ не совершалъ литургіи поархіерейски и не благословлялъ со свѣчами, если за литургіей будетъ находиться архіерей (гл. 2, прав. 11); ж) въ нѣкоторыхъ монастыряхъ и церквахъ, по самочинному обычаю, погашаютъ за литургіей свѣчи послѣ херувимской пѣсни, а иные и послѣ «достойно есть»,—чего не должно быть; а погашать свѣчи въ концѣ литургіи, по заамвонной молитвѣ (прав. 35); з) если служитъ литургію архіерей, то проскомидію совершать одному священнику, а не всѣмъ, приглашеннымъ къ священнослуженію (гл. 7).

Правила касательно нѣкоторыхъ другихъ таинствъ и чиновъ церковныхъ, въ особенности касательно чина принятія латинянъ въ православную церковь. Патріархи съ соборомъ постановили: а) при священнодѣйствіи крещенія читать молитвы и править всю службу долженъ самъ священникъ,

а не поручать того дьякону или причетнику, какъ дѣлаютъ нѣкоторые, и—б) въ началѣ этого священнодѣйствія не погружать свѣчей въ купель, по суемудрію, а ставить только вокругъ купели три свѣчи на свѣщникахъ, чтобы онѣ горѣли до самаго окончанія священнодѣйствія (гл. 2, прав. 8. 9); в) предъ совершеніемъ брака, когда женихъ и невѣста идутъ изъ дома въ церковь, священникъ не долженъ ѣхать впереди ихъ верхомъ на конѣ, въ епитрахили, съ крестомъ въ рукахъ, а безумные люди не должны производить нелѣпыя и безстыдныя козлогласованія и другія безчинія, какъ было въ обычаѣ (—прав. 19. 20); г) освящать церковь, по чину и уставу, не подобаетъ никому, кромѣ архіерея; но, по нуждѣ, онъ можетъ поручать освященіе церкви архимандриту, игумену, протопопу и священнику, только предварительно долженъ самъ освятить антиминсъ для той церкви (гл. 5); д) при освященіи воды, въ день Богоявленія и 1 августа, никто не долженъ погружать свѣчей въ воду прежде погруженія честнаго креста,—это безчиніе и противно уставу св. восточной церкви, — а послѣ погруженія креста, когда вода будетъ уже освящена, желающіе могутъ погружать и свѣчи и другія вещи для освященія ихъ (гл. 2, прав. 10); е) не дьякону слѣдуетъ кропить св. водою народъ и въ домахъ, а священнику, который и освящаетъ ее (гл. 2, прав. 6); ж) въ день пятидесятницы колѣнопреклоненныя молитвы читать, обратясь назападъ къ народу, хотя иные читаютъ, и обратясь на востокъ (гл. 7, отв. 1); з) когда провожаютъ умершаго изъ дому въ церковь, архіерею и священникамъ ходить впереди гроба, а прочимъ людямъ позади гроба; прилично также носить впереди гроба великій крестъ (гл. 2, прав. 33). Чинъ принятія

латинянъ въ православную церковь былъ теперь совершенно измѣненъ. Извѣстно, что, по соборному уложенію патріарха Филарета Никитича, у насъ перекрещивали латинянъ. И хотя при патріархѣ Никонѣ, по настоянію бывшаго тогда въ Москвѣ антіохійскаго патріарха Макарія, два раза опредѣляли на соборахъ, чтобы впредь латинянъ не крестить, но укоренившійся обычай перекрещиванія оставался еще въ силѣ. Потому царь Алексѣй Михайловичъ предложилъ большому собору вновь обсудить и рѣшить этотъ вопросъ. Отцы собора сначала внимательно разсмотрѣли уложеніе патріарха Филарета Никитича и пришли къ заключенію, что приведенныя тамъ правила истолкованы и примѣнены къ латинянамъ невѣрно. Потомъ привели другія соборныя правила, по которымъ запрещено было перекрещивать даже аріанъ и македоніанъ, въ случаѣ обращенія ихъ къ православію, а тѣмъ болѣе,—говорили отцы,—не должно перекрещивать латинянъ; сослались на соборъ четырехъ восточныхъ патріарховъ, бывшій въ 1484 году въ Константинополѣ, и опредѣлившій не перекрещивать латинянъ, при обращеніи ихъ къ православію, а только помазывать ихъ св. мvромъ, и даже составившій самый чинъ принятія ихъ въ церковь; сослались на премудраго Марка ефесскаго, который въ своемъ окружномъ посланіи ко всѣмъ православнымъ преподаетъ тоже самое ученіе, и постановили: «не должно перекрещивать латинянъ, но только, послѣ проклятія ими своихъ ересей и по исповѣданіи согрѣшеній, помазывать ихъ св. мvромъ и сподоблять св. пречистыхъ таинъ, и такимъ образомъ пріобщать ихъ св. соборной восточной церкви по свящ. правиламъ» (гл. 6).

Правила касательно св. церквей, праздниковъ и иконъ:

а) въ церкви прилично и потребно быть амвону; впрочемъ, всѣхъ къ тому не принуждаемъ (гл. 2, прав. 13); б) въ алтарѣ церкви не подобаетъ быть зеркаламъ, и смотрѣть въ нихъ въ алтарѣ не подобаетъ священникамъ, дьяконамъ и прочимъ причетникамъ, равно какъ и расчесывать свои власы въ алтарѣ и церкви (—прав. 18); в) продавать св. церкви и церковныя мѣста, какъ вотчины, и корчемствовать ими нелѣпо, и прихожане церквей въ Москвѣ должны выкупить ихъ, да будутъ находиться подъ властію только московскаго патріарха (—прав. 30); г) всѣмъ православнымъ всякаго чина и возраста стоять въ церкви, во время службы Божіей, особенно литургіи, съ молчаніемъ и страхомъ Божіимъ, и съ умиленіемъ и сокрушеннымъ сердцемъ молить Бога втайнѣ о своемъ спасеніи, а не бесѣдовать о суетномъ попеченіи (—прав. 31); д) въ воскресные дни и праздники, господскіе и богородичные, не работать никакихъ работъ и ничѣмъ не торговать, кромѣ съѣстныхъ припасовъ, а также въ приказахъ не творить судовъ и никакихъ дѣлъ, кромѣ нужныхъ царскихъ дѣлъ (—прав. 7); е) да прекратится неблаголѣпный обычай, по которому прихожане приносили въ церкви свои домашнія иконы, ставили ихъ, гдѣ хотѣли, и каждый только предъ своею иконою возжигалъ свѣчя и молился, пренебрегая мѣстными иконами въ иконостасѣ, при чемъ одинъ обращался въ одну сторону, другой въ другую, и тѣмъ производили въ церкви большое безчиніе и смятеніе, а когда хотѣли, опять уносили эти иконы изъ церквей въ домы (—прав. 36); ж) надъ иконописцами быть старостѣ, художнику искусному, и дозирать, чтобы не ругались, невѣжды, надъ св. иконами своимъ нелѣпымъ письмомъ и суемудріемъ, да не пишутъ

впредь образъ Господа Саваоѳа въ нелѣпыхъ и неприличныхъ видѣніяхъ, да престанутъ писать ложное сложеніе перстовъ у Христа Спасителя, Богородицы и всѣхъ святыхъ на прельщеніе невѣждъ, но да пишутъ только самого Христа и святителей съ благословляющею рукою, а мучениковъ и всѣхъ святыхъ, въ видѣ молящихся, лишь съ простертыми руками (—прав. 43); з) нелѣпо и неприлично писать на иконахъ Бога Отца съ сѣдою бородою, а во чревѣ его единороднаго Сына, и между Ними голубя: Богъ Отецъ не имѣетъ плоти, а Сынъ не по плоти родился отъ Отца прежде вѣкъ, и Духъ Святый по существу не есть голубь, но только явился въ видѣ голубя при крещеніи Христовомъ (—44); и) не должно писать на иконахъ Благовѣщенія, какъ пишутъ, будто Господь Саваоѳъ отъ устъ своихъ дышетъ, и то дыханіе идетъ во чрево пресв. Богородицы: да престанетъ отнынѣ такое суемудрое писаніе (—прав. 45); і) въ церквахъ на деисусѣ прилично, вмѣсто Саваоѳа, ставить крестъ или распятіе Господа Іисуса, какъ обычно на востокѣ и въ Кіевѣ (—прав. 46); к) святителей Петра, Алексія и Іону, московскихъ чудотворцевъ, иконописцы неправедно пишутъ въ бѣлыхъ клобукахъ: бѣлый клобукъ присланъ патріархомъ Филоѳеемъ новгородскому архіепископу Василію, и съ того времени былъ носимъ только новгородскими владыками, а послѣ Геннадія приняли такой обычай и начали носить бѣлый клобукъ и московскіе митрополиты (—прав. 47).

Правила большаго собора относительно духовенства, одни касаются бѣлаго духовенства, другія монашествующаго, третьи того и другаго.

Правила перваго рода: а) священникамъ и дьяконамъ, по

древнему русскому обычаю, подобаетъ носить скуфьи, подаваемыя имъ отъ архіерея по хиротоніи, какъ носятъ священнослужители своеобразныя шапки и на востокѣ, никогда ихъ не снимая: глава священника и дьякона освящена отъ св. трапезы и чрезъ архіерейскія руки въ хиротоніи, и потому всегда должна быть покрыта ради чести священства (гл. 5); б) священники и дьяконы не должны переходить отъ церкви къ церкви безъ архіерейскаго благословенія: иначе лишаются священства (гл. 7); в) должны учить дѣтей своихъ граматѣ и страху Божію и всякому благочинію, чтобы эти дѣти могли сдѣлаться достойными священства и наслѣдниками своихъ отцевъ по церкви и священству (гл. 2, прав. 29); г) когда, по челобитью вотчинника или помѣщика, въ попы или дьяконы будетъ поставленъ его крестьянинъ, то дѣти послѣдняго, рожденныя до принятія имъ священства, должны оставаться въ крестьянствѣ, а рожденныя послѣ должны быть свободными (гл. 7); д) когда такіе священники или дьяконы самовольно оставятъ церковь, къ которой, по просьбѣ помѣщика, рукоположены, и перейдутъ къ другой, то ихъ возвращать къ прежней церкви, если тамъ есть чѣмъ имъ прожить и питаться съ своими семействами (гл. 7); е) всякій священникъ долженъ учить въ своемъ приходѣ, чтобы не ѣли удавленины и не купались нагими безъ всякаго стыда предъ мущинами и женщинами (гл. 2, прав. 15. 16); ж) если священникъ или дьяконъ, овдовѣвъ, женятся вторымъ бракомъ, то лишаются священства, но могутъ пѣть въ церкви на клиросѣ, чтобы питаться отъ церкви, а если способны, то и поступать на царскую службу, кромѣ военной (гл. 7, отв. 3); з) дьяконъ не долженъ садиться выше священника, развѣ только

будетъ представлять лице своего архіерея, по уполномоченности отъ него; равно и протодіаконъ соборной церкви, ради чести ея, можетъ садиться выше несановитыхъ сельскихъ священниковъ (гл. 2, прав. 40). Наконецъ, соборъ занялся и вопросомъ о вдовыхъ попахъ и дьяконахъ, которымъ доселѣ въ Россіи запрещалось священнослуженіе, и сначала высказалъ мысль, что это постановлено было, хотя несогласно съ правилами, но «добрѣ», по умноженію безчинія отъ вдовыхъ поповъ и дьяконовъ, и «опаства ради»; потомъ привелъ нѣсколько правилъ, свидѣтельствующихъ, что въ древней церкви не подвергались запрещенію вдовствующіе священнослужители, и опредѣлилъ: «отнынѣ вдовые попы и дьяконы, если не зазираетъ ихъ совѣсть въ чемъ либо, возбраняющемъ священство, невозбранно да служатъ; а если кто изъ нихъ будетъ обличенъ въ такихъ дѣлахъ, которыя возбраняютъ священнодѣйствовать, то, по надлежащемъ разслѣдованіи, виновный да отлучится отъ священнодѣйствія, или да извержется» (гл. 9).

Правила втораго рода, т. е. касающіяся монашества: а) всѣ русскіе монашествующіе, въ томъ числѣ и архіереи, да носятъ такіе же камилавки и клобуки, какіе носятъ архіереи и монахи св. восточной церкви, чтобы между тѣми и другими было согласіе во всемъ, даже въ одѣяніи; у всѣхъ клобуки должны быть черные, только митрополитамъ русскимъ дозволяется носить клобуки бѣлые, ради древняго обычая, а не ради лживаго писанія Димитрія толмача изъ Рима къ новгородскому архіепископу Геннадію, которое не заслуживаетъ никакой вѣры (гл. 2, прав. 14. 21); б) въ монашество никого не постригать безъ правильнаго искуса, который долженъ продолжаться три года, а по нуждѣ полтора (гл. 2, о

монаш. чинѣ, прав. 2); в) мужей, безъ согласія ихъ женъ, и женъ, безъ согласія ихъ мужей, не постригать (—прав. 3); г) въ монастыряхъ брать вклады отъ монаховъ и монахинь не подобаетъ (—прав. 6); д) не должны монахи и монахини переходить изъ монастыря, въ которомъ постриглись, въ другой монастырь и скитаться тамъ и сямъ на соблазнъ міру: иначе, ихъ слѣдуетъ подвергать епитиміямъ по правиламъ (—прав. 1. 4—7); е) іеромонахамъ и іеродіаконамъ, безъ благословенія архіерейскаго, изъ монастыря въ монастырь не переходить, и въ мірскихъ домахъ въ иноки и инокини даже болящихъ не постригать, но только въ монастыряхъ (гл. 7); ж) настоятели должны смотрѣть накрѣпко, чтобъ иноки не упивались, а русскаго вина совсѣмъ въ монастыряхъ не было (гл. 7); з) повелѣваемъ, чтобы отнынѣ отнюдь не имѣли вѣры къ этимъ лицемѣрамъ, которые живутъ среди городовъ и селъ по образу отшельниковъ и затворниковъ и, отпустивъ волосы, носятъ монашескія свитки, иные же и желѣзныя вериги, или ходятъ нагіе и босые, тщеславія ради, на прелесть людямъ простымъ и невѣждамъ, да воспріимутъ славу отъ народа, и да почитаютъ ихъ святыми: истинные подвижники трудились въ пустыняхъ и никому не показывали своихъ веригъ и подвиговъ (гл. 2, о монашеск. чинѣ, прав. 11).

Правила третьяго рода, т. е. касающіяся бѣлаго и монашествующаго духовенства: а) благословляемъ, чтобы всѣ священнослужители и всѣ монахи носили такое же одѣяніе въ Россіи, какое носятъ на востокѣ; впрочемъ, не принуждаемъ къ тому, а пусть только нежелающій носить этого одѣянія не укоряетъ носящихъ (гл. 2, прав. 17); б) если крестьяне, убѣжавъ отъ своего помѣщика, будутъ поставлены въ попы и

дьяконы или пострижены въ монашество, въ такомъ случаѣ, по требованію помѣщика и по надлежащемъ разслѣдованіи, должны быть лишаемы сана и монашества и возвращаемы въ крестьянство (гл. 7); в) поповъ и іеромонаховъ, которые, бѣгая изъ епархіи въ епархію, вѣнчаютъ тамъ незаконные браки или постригаютъ въ монашество, лишать священства (гл. 7); г) никто изъ лицъ священнаго и монашескаго чина не долженъ вдаваться въ мірскія дѣла, заниматься торговлею, держать лавки, корчемницы, постоялые дворы и имѣть всякіе другіе промыслы: съ виновнымъ поступать по правиламъ (гл. 2, о монаш. чинѣ, прав. 9. 10; гл. 4, отв. 4); д) лица священнаго и монашескаго чина, виновныя въ татьбахъ, разбояхъ и подобныхъ преступленіяхъ, да накажутся сначала по свящ. правиламъ отъ архіерея, а потомъ подлежатъ градскому суду и наказанію (гл. 4, отв. 2. 3).

Очевидно, что почти всѣ правила, постановленныя на большомъ московскомъ соборѣ, отнюдь не новыя правила, а древнія, или основанныя на древнихъ и только примѣненныя къ потребностямъ русской церкви. Одни изъ этихъ правилъ,— большая часть, — направлены противъ существовавшихъ у насъ недостатковъ и къ устраненію или искорененію ихъ; другія даны съ цѣлію привести русскую церковь въ полное согласіе съ восточною, православною, во всемъ, даже въ маловажныхъ обрядахъ и самыхъ одеждахъ. Нѣкоторыя правила, каковы: объ открытіи въ Россіи новыхъ епархій, о неподсудности духовенства мірскимъ судамъ, о неперекрещиваніи латинянъ при обращеніи ихъ къ православію, о незапрещеніи священнодѣйствовать и вдовымъ священникамъ, имѣли весьма важное значеніе.